This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 620.5 (1900 -7)

Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard College Library

Pg
49408

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 2083.

ІЮЛЬ. 1900.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 7.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. КРЕСТНЫЯ. Очеркъ . . . . . Н. Анненковой-Бернаръ.
2. СПУТНИКЪ. Стихотвореніе. . . . . А. Колтоновскаго.
3. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ФАКТОРЫ АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ. Продолженіе . . . . . П. Г. Мижуева.
4. ВОДЫ ЭДЕРЫ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Продолженіе. . . . . Уйда.
5. ВЪ ПЛѢНУ. Стихотвореніе. . . . . П. Я.
6. ПО ФРАНЦУЗСКИМЪ СУДАМЪ . . В. Танаевской.
7. ДВА МОМЕНТА. Стихотвореніе . . . Галиной.
8. ТИПЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ И АГРАРНОЙ ЭВОЛЮЦІИ. Окончаніе . В. М. Чернова.
9. ВЪ ЛѢСУ. Стихотвореніе . . . . . Галиной.
10. КООПЕРАТИВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО НА ЗАПАДѢ. I—II . . . . . И. К—ва.
11. ВСЕМІРНАЯ БОРЬБА (Изъ М. Гюйо). Стихотвореніе. . . . . Ив. Тхоржевскаго.
12. НА ПЬЯНОЙ ЯРМАРКѢ. Отрывки изъ дневника. I—VI . . . . . Н. А. Тана.
13. ВЪ ПОДВАЛѢ . . . . . С. Я. Елпатьевскаго.
14. ЭЛИНОРЪ. Романъ. Перев. съ англійскаго В. Кардо-Сысоевой. Продолженіе. Гемфри Уордъ.
15. РУССКАЯ КАТОРГА ПЕРЕДЪ СУДОМЪ КАѲЕДРАЛЬНОЙ НАУКИ. . Л. Мельшина.

(*См. 2-ую стр. обложки*).

9468

16. НОВЫЯ КНИГИ:
К. Бальмонтъ. Горящія зданія. Лирика современной души. — Танъ. Стихотворенія.—Б. Никольскій. Сборникъ стихотвореній.—А. В. Жиркевичъ (А. Нивинъ). Картины дѣтства. Поэма.—Ф. Бѣлявскій. Старая и новая вѣра.—Ѳ. Д. Батюшковъ. Критическіе очерки и замѣтки.—И. М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія.—І. Фолькельтъ. Современные вопросы эстетики.—Арс. Введенскій. Общественное самосознаніе въ русской литературѣ. — Л. Гумпловичъ. Соціологическіе очерки. — Основы административной психіатріи. Составилъ П. Якобій.—Причины болѣзней. Составилъ Л. Полонскій.—Лѣченіе болѣзней силами природы. Его-же.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.
17. ИЗЪ БОЛГАРІИ . . . . . И. —ва.
18. ИЗЪ АНГЛІИ . . . . . Діонео.
19. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. Китайскія дѣла. — Предвидѣнія г. Мамина и Лапуже.—Повѣсть объ антихристѣ г. Вл. Соловьева.— „Будущность бѣлой расы“ г. Я. Новикова . . . . . Н. К. Михайловскаго.
20. СПОРЫ О ТЕОРІИ ОБНИЩАНІЯ . . Г. Штильмана.
21. ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.
I. Послѣдніе промышленные съѣзды. — II. Итоги зимней законодательной работы.—Отмѣна ссылки.—Льготы дворянству.—III. Именные Высочайшіе указы и другія правительственныя мѣры послѣднихъ мѣсяцевъ относительно Финляндіи.—IV. Консервативныя рѣчи.—V. Современныя промышленныя эпопеи и зала суда.
22. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Л. Мельшинъ.

ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ.

Томъ 1-ый. Въ предверіи. — Дорога. — Шелаевскій рудникъ.

Томъ 2-ой. Съ товарищами. — Кобылка въ пути. — Среди сопокъ.—Эпилогъ.

Цѣна каждаго тома 1 р. 50 коп.

ІЮЛЬ. 1900.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

Можайскаго полка. 141-го пѣхотнаго
Офицерская библиотека

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 7.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.
1900.

PSlav 620.5 (1900/7)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JAN 20 1956

Mouse 4

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 Іюля 1900 года.

СОДЕРЖАНІЕ:

СТРАН.

1. **Крестныя.** Очеркъ. *Н. Анненковой-Бернаръ* . . . 5—23
2. **Спутникъ.** Стихотвореніе *А. Колтоновскаго* . . . 24
3. **Литературные факторы американской революціи.** Продолженіе. *П. Г. Мижуева* . . . . . 25—62
4. **Воды Эдеры.** Романъ. Переводъ съ англійскаго. *Уйда.* Продолженіе . . . . . 63—107
5. **Въ плѣну.** Стихотвореніе *П. Я.* 108
6. **По французскимъ судамъ.** *В. Танаевской.* . . . . . 109—151
7. **Два момента.** Стихотвореніе *Галиной* 152
8. **Типы капиталистической и аграрной эволюціи.** Окончаніе. *В. М. Чернова* . . . . . 153—169
9. **Въ лѣсу.** Стихотвореніе *Галиной* 170
10. **Кооперативное производство на Западѣ.** I — II. *И. К—ва* . . . . . 171—193
11. **Всемірная борьба** (Изъ М. Гюйо). Стихотвореніе *Ив. Тхоржевскаго* . . . . . 193—194
12. **На пьяной ярмаркѣ.** Отрывки изъ дневника. I—VI. *Н. А. Тана* . . . . . 195—238
13. **Въ подвалѣ.** *С. Я. Елпатьевскаго* . . . . . 239—246
14. **Элиноръ.** Романъ. Перев. съ англійскаго В. Кардо-Сысоевой. Продолженіе. *Гемфри Уордъ* . . . . 247—274
15. **Русская каторга передъ судомъ каѳедральной науки.** *Л. Мельшина* . . . . . 1—19
16. **Новыя книги:**

К. Бальмонтъ. Горящія зданія. Лирика современной души.—Танъ. Стихотворенія.—Б. Никольскій. Сборникъ стихотвореній.—А. В. Жиркевичъ (А. Нивинъ). Картины дѣтства. Поэма.—Ф. Бѣлявскій. Старая и новая вѣра.—Ѳ. Д. Батюшковъ. Критическіе очерки и замѣтки.—И. М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія.—І. Фолькельтъ. Современ-

(*См. на оборотъ*)

СТРАН.

ные вопросы эстетики.—Арс. Введенскій. Общественное самосознаніе въ русской литературѣ.—Л. Гумпловичъ. Соціологическіе очерки.—Основы административной психіатріи. Составилъ П. Якобій.—Причины болѣзней. Составилъ Л. Полонскій. — Лѣченіе болѣзней силами природы. Его-же.— Новыя книги, поступившія въ редакцію . . . . . 19—50

17. Изъ Болгаріи. *И. —ва.* . . . . . 50—69

18. **Изъ Англіи.** *Діогео* . . . . . 69—96

19. **Литература и жизнь.** Китайскія дѣла.—Предвидѣнія г. Мамина и Лапуже. — Повѣсть объ антихристѣ г. Вл. Соловьева. — „Будущность бѣлой расы" г. Я. Новикова. *Н. К. Михайловскаго* . . . . . 97—108

20. **Споры о теоріи обнищанія.** *Г. Штильмана.* . . . . 109—131

21. **Хроника внутренней жизни.** I. Послѣдніе промышленные съѣзды. — II. Итоги зимней законодательной работы. — Отмѣна ссылки.—Льготы дворянству.— III. Именные Высочайшіе указы и другія правительственныя мѣры послѣднихъ мѣсяцевъ относительно Финляндіи.—IV. Консервативныя рѣчи. — V. Современныя промышленныя эпопеи и зала суда . . 132—174

22. **Объявленія.**

СБОРНИКЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“,

подъ редакціей Н. К. Михайловскаго и Вл. Г. Короленко,

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть 1-ая. БЕЛЛЕТРИСТИКА. Цѣна 2 руб.

1. Изъ романа „Карьера Оладушкина“. Въ провинціи. *Н. К. Михайловскаго.*—2. У святыхъ могилокъ. Эскизъ. *Д. Н. Мамина-Сибиряка.*—3. На службѣ обществу. Разсказъ. *Л. Мельшина.*—4. Современная Миньона (Изъ швейцарскихъ нравовъ). *Н. Сѣверова.*—5. Бѣлыя крылья. Изъ разсказовъ стараго шахтера. *В. І. Дмитріевой.*—6. Маруся. Разсказъ. *В. Г. Короленко.*—7. Я видѣлъ трауръ молчаливый... Стихотвореніе. *В. Г.*—8. Послѣдній выборъ. Романъ. *Р. Штратца.* Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Анненской.

Часть 2-ая. ПУБЛИЦИСТИКА. Цѣна 1 руб.

1. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. I. Пушкинъ въ сознаніи русской литературы. II. Пѣвецъ гуманной красоты. *П. Ф. Гриневича.*—2. Муки слова. *А. Г. Горнфельда.*—3. А. С. Пушкинъ и его письма. *Е. А. Ляцкаго.*—4. Изъ Пушкинской эпохи. *В. А. Мякотина.*—5. Сербско-болгарскія отношенія по македонскому вопросу. *П. Н. Милюкова.*—6. Покупательныя силы крестьянства. *А. В. Пѣшехонова.*—7. О классицизмѣ филологическомъ и о классицизмѣ идейномъ. *Н. К.*—8. Людвигъ Бюхнеръ. *В. В. Лунневича.*—9. Неудавшійся праздникъ. *А. Пѣшехонова.*—10. Правители и властители современной Европы. Очерки. *С. Н. Южакова.*

ПРОДАЮТСЯ:

въ *Петербургѣ* — въ Конторѣ редакціи, уг. Спасской и Басковой ул., домъ № 1—9.

въ *Москвѣ* — въ Отдѣленіи конторы, Никитскія ворота, д. Гагарина.

Изданія журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“:

СБОРНИКЪ ЖУРНАЛА «РУССКОЕ БОГАТСТВО», подъ редакціей **Н. К. Михайловскаго** и **В. Г. Короленко.** Въ двухъ частяхъ. Часть 1-я. БЕЛЛЕТРИСТИКА. Цѣна 2 руб. Часть 2-я. ПУБЛИЦИСТИКА. Цѣна 1 руб.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Ц. 80 к.

Н. Гаринъ. ДѢТСТВО ТЕМЫ. *Третье* изд. Ц. 1 р. 25 к.

— ГИМНАЗИСТЫ. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к.

— СТУДЕНТЫ. Ц. 1 р. 25 к.

— ДЕРЕВЕНСКІЯ ПАНОРАМЫ. Изд. *второе.* Ц. 1 р.

С. Я. Елпатьевскій. ОЧЕРКИ СИБИРИ. Изд. *второе.* Ц. 1 р.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Ц. 1 р. 50 к.

Вл. Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 1-ая. Изданіе *восьмое.* Цѣна 1 р. 50 к.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 2-ая. Изданіе *четвертое.* Ц. 1 р. 50 к.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Изд. *третье.* Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Изд. *седьмое.* Ц. 75 к.

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. *Два тома* (Первый томъ изданіе *второе*). Ц. 3 р.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ. **Удешевленное** изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, *съ портретомъ автора.* Ц. 12 р.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Два тома, по 2 рубля каждый.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть изъ временъ холерной эпидеміи 1892 г. Ц. 1 р.

С. Н. Южаковъ. ДВАЖДЫ ВОКРУГЪ АЗІИ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. *Третье,* исправленное и дополненное *изданіе.* Ц. 1 р.

Подписчики **„Русскаго Богатства“,** выписывающіе эти книги, за пересылку не платятъ.

ПОЛНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ ЖУРНАЛА **„Русское Богатство“** за 1893, 1894, 1895, 1896, 1897 и 1898 г. Цѣна за годъ 8 р.; за 1899 цѣна 6 р.

Пересылка журнала за эти года за счетъ заказчика наложеннымъ платежомъ —товаромъ большой скорости, посылкой или бандеролью.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ: *въ* **С.-Петербургѣ**—*контора редакціи, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

въ **Москвѣ**—*отдѣленіе Конторы, Никитскія ворота, д. Гагарина.*

Шесть томовъ соч. Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. Ц. 12 р.

СОДЕРЖАНІЕ I. Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНІЕ II. Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 6) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V. Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника. I. Независящія обстоятельства. II. О. Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНІЕ VI. Т. 1. Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Для подписчиковъ **„Русскаго Богатства“**, вмѣсто 12 р., цѣна 9 руб. безъ пересылки. Пересылка за ихъ счетъ *наложеннымъ платежомъ*—**товаромъ** большой скорости, посылкой или заказной бандеролью.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 10 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г., если авторы не потребуютъ ихъ обратно въ теченіе шести мѣсяцевъ съ 1-го ноября 1899 г., **будутъ уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

КРЕСТНЫЯ.

Очеркъ.

(Посвящается Алексѣю Антиповичу Потѣхину).

Si l'on demandait à l'énorme ville: Qu'est ce que c'est que cela? elle repondrait: C'est mon petit.

W. Гидо.

...На свѣтѣ бездна родителей, но мало отцовъ и матерей. «Вотъ прекрасно»! — восклицаете вы:— «какая же разница между родителями и отцомъ и матерью?»— Какъ какая? взгляните лѣтомъ на мухъ: какая бездна родителей, но гдѣ же отцы и матери?

В. Г. Бѣлинскій.

ПѢХОТНАГО МОЖАЙСКАГО ПОЛКА № 141-го

I.

— Лаврушка! Лаврушка!..—пронзительно кричалъ хриплый женскій голосъ, и изъ за низенькой почернѣвшей двери подвальнаго этажа небольшого деревяннаго домика, на одной изъ окраинъ Петербурга, выглянула высокая, съ рѣзкими чертами лица черноволосая женщина:

— Лаврушка!.. Лаврушка!!..

Около дровяного сарая послышался испуганный шепотъ:

— Иди,—говорила смугленькая тщедушная дѣвочка лѣтъ семи.

— Пусть лается, чертовка,—отвѣтилъ съ быстрыми сѣрыми глазами блѣдный бѣлобрысый мальчуганъ, приблизительно того же возраста.

Мирно дремавшая возлѣ дѣтей, маленькая шаршавая собаченка вдругъ всполошилась и залилась звонкимъ лаемъ.

— Шарикъ!.. паршивый!..—цыкнулъ на нее мальчикъ.

— Спрячемся за помойку... скорѣй, скорѣй!...

И онъ сталъ толкать дѣвочку по направленію къ помойной ямѣ. Но уже было поздно: большая красная рука обладательницы пронзительнаго голоса схватила его за ухо.

— Опять ты здѣсь, песья снѣдь! Тебя куда послали? Куда-а? Куда-а-а?—и мощная длань повлекла ревущаго благимъ матомъ Лаврушку черезъ весь дворъ.

Вытолкнутый сильнымъ пинкомъ за ворота, мальчикъ, очутившись на улицѣ, торопливо вытеръ слезы и, держась за покраснѣвшее ухо, пустился бѣгомъ къ мелочной лавочкѣ, куда былъ посланъ за хлѣбомъ.

— И охота себя разстраивать, Дарья Ивановна,—проговорила проходившая по двору прачка, съ подоткнутой вокругъ пояса юбкой,—экую обузу себѣ взять, да себя разстраивать.

— И не говори, Андреевна, — жалобнымъ голосомъ отвѣтила Дарья Ивановна,—и не говори!.. Будь у меня мужъ не пьяница, а какъ слѣдуетъ, — стала бы я съ экимъ добромъ возжаться... А то все вѣдь пропиваетъ, все, какъ есть, пропиваетъ... Харчей, кофеишку не на что купить, не то что другое... Еще, слава Царю небесному, ребятъ Богъ прибралъ, а то чтобы я съ ними дѣлала? Бѣда моя просто. Не съ радости чужое добро держу,—кивнула она на дѣвочку.

— А отъ матки ейной такъ и ни слуху? — спросила Андреевна.

— Нюшка, пошла подмети. Чего глаза пялишь!—крикнула Дарья Ивановна.— И ни Боже мой,—продолжала она, когда дѣвочка исчезла за низенькой дверью,—и ни Боже мой! Въ адресномъ справлялася—такъ отмѣтку за городъ выдали... Гдѣ-жъ ее, подлую, сыщешь?!..—она сокрушенно развела руками, — Лаврушкина матка говоритъ: безпремѣнно, говоритъ, объявится—все-жъ таки своя кровь—жалко; а я ужъ и не знаю: шестой мѣсяцъ хоть бы что, хоть бы копѣйку, либо письмо прислала...

— А Лаврушкина платитъ?

— Лаврушкина справная. Въ кухаркахъ у полковника живетъ, доходы хорошіе... ну, и жалованье...

— А портнихинъ-то мальчикъ, что я въ прошедшемъ году въ воспитательный свезла, — таинственно сообщила Андреевна,—разыскался... Какъ же!.. по номеру, значитъ, его мы нашли. Она мнѣ денегъ на машину дала. „Съѣзди, говоритъ, сдѣлай милость, Андреевна, посмотри“. Ну я вчерася была—тутъ недалече онъ, за Дивенскомъ отданъ. Только плохой—ахъ, плохой: руки вродѣ какъ нитки и голову не держитъ. Я кормилкѣ выговаривать стала, а она баба презлющая должно: „прикармливать, говоритъ, надо; въ грудяхъ у меня молоко прошло, пущай евонная „крёстная“ мнѣ прибавку дастъ; съ воспитательнаго получки больно маленькія“... Портниха сама хочетъ ѣхать спровѣдать, либо мальченку съ кормилкой выписать — поглядѣть. Она теперь въ деньгахъ; новый знакомый ужъ такой-то мужчина хорошій—

ни въ чемъ ей отказу нѣтъ. На прошедшей недѣлѣ червоннаго золота браслету подарилъ, а нонеча сережки принесъ.

Лаврушка, держа въ рукахъ, обернутый въ исписанную бумагу, хлѣбъ, бѣжалъ въ припрыжку по двору.

— Ишь лодырь! ухо надрали, а онъ скачетъ, — усмѣхнулась словоохотливая прачка.

Въ низенькой затхлой комнатѣ, съ двумя окошками, на одномъ изъ которыхъ былъ намазанъ бѣлой краскою сапогъ, Нюшка съ сосредоточеннымъ видомъ, выпятивъ губы, подметала вѣникомъ полъ. На крошечной плитѣ, съ русской печью, кипѣлъ большой блестящій мѣдный кофейникъ. Когда Дарья Ивановна вошла въ комнату, вслѣдъ за нею проскользнулъ въ дверь низенькій съ просѣдью плѣшивый человѣкъ, какъ-то особенно, боязливо оглядывающійся по сторонамъ.

— Ну, чего жмешься, какъ жуликъ!—сердито окликнула мужа Дарья Ивановна. — Заказъ что ли получилъ?..—прибавила она, замѣтивъ свертокъ въ пестромъ платкѣ, подъ мышкой у сапожника.

— Починка.

— Мнѣ-то все одно, — желчно проговорила Дарья, — что заказъ, что починка—все не прибыль...

Сапожникъ вздохнулъ и виновато заморгалъ глазами.

— Пей што-ли кофей-то!

Дарья налила мужу большую чашку. Сапожникъ, въ пьяномъ видѣ неоднократно покушавшійся на кофейникъ, въ трезвомъ—съ необыковеннымъ уваженіемъ относился къ этой единственной драгоцѣнности ихъ убогаго жилища.

— Ты бы въ простомъ жестянникѣ заварила... что зря вещь тратить,—уныло замѣтилъ онъ женѣ, присаживаясь къ столу.

— Ужъ тебѣ ли выговаривать,—огрызнулась Дарья.

— Ахъ, милые вы мои, ахъ, милые, вотъ оказія-то,—затараторила вошедшая Андреевна, — у мирового наши сейчасъ были—вотъ оказія!

— Присаживайся,—неособенно любезно пригласила гостью Дарья Ивановна.

— Ладно, ладно... налей, милая, чашечку... Вотъ оказія! Папиросницу Сашку знаете?

Супруги кивнули утвердительно головами.

— Слюбилась она съ младшимъ кондукторомъ съ балтійской машины. Только худо-ли, хорошо-ли, гуляла, значитъ, она съ нимъ, гуляла и дите принесла. Онъ жениться обѣщалъ, да вдругъ — съ чего только не знаю — поворотъ случился: Сашку спокинулъ и дите не признаетъ. Папиросница-въ судъ, чтобы, значитъ, Сашкѣ на дите выдавалъ. Сестра моя двоюродная въ свидѣтельницахъ была. Стоитъ это—сказывала мнѣ сестра—Сашка по энту сторону и дите у нее на

рукахъ, а кондукторъ, значитъ, по другую. Мировой его и опрошаетъ: „Ваше дите?“—„Никакъ нѣтъ, говоритъ, не признаю“. — „А по какой причинѣ?“ — „А по такой, что не со мной однимъ знакома была, а и съ товарищемъ моимъ гуляла. Я и товарища на лицо привелъ“. Мировой товарища опросилъ:—„Гуляла эта дѣвица съ тобой?“—„Гуляла“.—„Твое дитя?“—„Никакъ нѣтъ, потому и еще съ однимъ она знакома была“. Мировой третьяго — третій тутъ на скамейкѣ сидитъ.— „Твое дитя?“—„Не могу, говоритъ, господинъ судья, признать, потому насъ трое было“.

— Сашка мировому въ ноги: голосомъ голоситъ, плачетъ... А это, значитъ, все подведено кондукторомъ было. Мировой думалъ, думалъ, да и говоритъ: — „Какъ, значитъ, у энтаго малютки-младенца трое отцовъ и разобрать того я не могу, который настоящій,—такъ платите, говоритъ, вы всѣ трое“. Сашка опять въ ноги... А подъ воротами, какъ отъ мирового выходить, такая драка случилася—страсть! Товарищи кондуктору, вотъ какъ, бока накостыляли. Онъ, значитъ, ихъ упросилъ всю эту машину подвести—думалъ, самому платить не придется...

— Вотъ-бы малютку у нея получить,—вздохнула Дарья,— богатая будетъ—платить можетъ корошо.

— Да онъ махонькій—чѣмъ кормить-то будешь? — суро́во произнесъ сапожникъ.

— Все равно, и она не съ груди станетъ: на мѣсто пойдетъ, такъ же съ рожка прокормятъ...

— Въ свою сторону отдать хотятъ,—сообщила Андреевна,— молоко тамъ дешевое, и у бабки корова есть, а Сашка въ кормилки поступитъ. Что-жъ, денегъ наживетъ—невѣста богатая будетъ.

Лаврушка, между тѣмъ, изъ за угла жадно поглядывалъ, какъ исчезали въ широкихъ жующихъ ртахъ куски хлѣба, намазанные масломъ.

— Ишь хлѣбъ-то горячій,—шепталъ онъ Нюшкѣ,— масло такъ и текетъ!..

Осѣнивъ себя широкимъ крестомъ и вытеревъ ладонью масленный ротъ, Андреевна распростилась съ хозяевами. Сапожникъ усѣлся за работу.

Добавивъ кипяткомъ совершенно спитый кофе и отрѣзавъ по большому ломтю хлѣба, Дарья Ивановна позвала дѣтей къ столу.

— Лопайте,—проговорила она сердито, двинувъ чашками.

Разжевывая постный хлѣбъ, Лаврушка, казалось, ощущалъ во рту всю прелесть жирнаго чухонскаго масла. Онъ протянулъ рученку къ маслянным остаткамъ, прилипнувшимъ неаппетитно къ сѣрой бумагѣ.

— Куда?—шлепнула его по рукѣ Дарья.

— Съ масломъ хочу.

— И безъ масла хорошъ!.. Не десятку за тебя носятъ.. за пятерку масломъ не обкормишься.

— А я крестной пожалуюсь.

— А вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, вотъ!..

Огласившій комнату ревъ заставилъ сапожника поднять склоненную надъ работой голову:

— И охота тебѣ...—проворчалъ онъ угрюмо,—ну дай ему—не объѣстъ.

— А ты мнѣ много купилъ? Тоже распоряжается, пьяная морда!—выкрикнула Дарья.

Сапожникъ, сознавая свою вину, только вздохнулъ въ отвѣтъ.

Бросивъ и хлѣбъ, и кофе, вытирая кулаченкомъ слезы, отправился Лаврушка на свое любимое мѣсто—за дровяной сарай. Это былъ излюбленный уголокъ обоихъ дѣтей. Тамъ, среди мусора и грязи, въ сосѣдствѣ съ помойной ямой, далеко отъ сутолоки и житейскихъ невзгодъ, они чувствовали себя счастливыми. Тамъ дѣтская фантазія уносила ихъ далеко отъ неприглядной дѣйствительности, и, пользуясь убогими приспособленіями, какими снабжалъ ихъ грязный дворъ—обрывками веревокъ, черепками, щепками—они играли безпечно и весело.

Тамъ въ нечесанной, лохматой головенкѣ Лаврушки создавались картины его будущей жизни! Онъ выросъ большой, у него сорокъ лошадей и пятьдесятъ собакъ... Онъ выстроилъ самъ высокій большой домъ и всѣ живутъ въ его домѣ: и крестная, и Нюшка, и Шарикъ, а тетеньку—такъ называли дѣти Дарью Ивановну—Лаврушка заперъ въ дровяной сарай и привязалъ тамъ на цѣпочку, чтобы не убѣжала...

— Вотъ тебѣ, тетенька прислала,—сунула ему Нюшка кусокъ чернаго хлѣба.

Лаврушка жевалъ хлѣбъ, приправленный собственными солеными слезами, и его маленькое дѣтское сердце злобно колотилось въ груди.

— А я всетаки масло достану... Она спать лягетъ,—я и достану,—съ упорствомъ проговорилъ онъ.

— Ой, не надо,—прибьетъ!..—Нюшка испуганно сложила ручки.

— А я крестной пожалуюсь... крестная ей деньги носитъ.

— Ой, боюсь!—пропищала дѣвочка.

— А моя крестная лучше твоей,—неожиданно произнесъ мальчикъ.

— Нѣтъ моя лучше!—обиженно вспыхнула Нюшка.

— Нѣтъ моя—твоя поджарая!

— Моя бѣленькая!.. У нея шляпка есть...

— У моей за то платокъ шелковый, — поддразнивалъ Лаврушка.

— Въ шляпкахъ барышни ходятъ.

— А она тебя спокинула, вотъ что! Тетенька тебя выгонитъ и ѣсть не дастъ... вотъ что!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..—жалобно кричала дѣвочка, сжавъ свои кулаченки и дрожа всѣмъ тѣломъ,—она изъ за сапоговъ ругалася, а я не ношу больше сапоговъ—вотъ!...

Она вытянула свои красныя загрубѣлыя ножки. Лаврушкѣ стало ее жалко.

— Ну, не нюнь!.. Хочешь разскажу, какъ моя крестная живетъ.

Дѣвочка кивнула головкой.

— Господа въ заграницу ѣздили, она меня къ себѣ брала, помнишь?

Нюшка опять кивнула головой.

— Куфня у нее большущая, пребольшущая!.. все по стѣнамъ кастрюльки и кофейниковъ много... такихъ, какъ у насъ... и самоваровъ много... и крестная все сама чиститъ... И горничная тамъ живетъ... у нея зеркало на комодѣ стоитъ, а у крестной тоже зеркало есть... И въ комнаты я ходилъ—мнѣ крестная картинки тамъ показывала... А кофій мы каждый день пили... съ молокомъ.

— А крестная не била?

— Била, потомъ гостинцевъ покупала. Мы красную смородину покупали и еще... малину; а одинъ разъ арбузъ ѣли...— и Лаврушка хвастливо прищелкнулъ язычкомъ...

. . . . . .

II.

Лежа на полу, прикрытая обрывками стараго байковаго одѣяла, долго не могла заснуть въ этотъ вечеръ Нюшка.

Тутъ же, не вдалекѣ отъ нея раскинулся, тоже на полу, Лаврушка, улыбаясь во снѣ. О чемъ грезилъ онъ? Какія картины навѣвалъ ему сонъ?...

На широкой постели, съ присвистомъ выпуская дыханіе, сладко спала Дарья Ивановна и, скрюченный, точно и во снѣ подавленный своей виновностью, подхрапывалъ возлѣ нея сапожникъ.

Былъ канунъ воскресенья, и передъ образами горѣла лампадка. Нюшка смотрѣла на желтый огонекъ, тускло и таинственно освѣщавшій темныя картинки, гдѣ пестрыми пятнами выдѣлялись изображенія разныхъ святыхъ, въ красныхъ, синихъ и лиловыхъ одеждахъ, и мѣдную ризу старин-

наго образа, и черное въ ней овальное отверстіе, гдѣ съ трудомъ можно было различить глаза Божіей матери и Спасителя. Мерцало и колебалось пламя лампадки, и святые какъ бы кивали и покачивали головами и протягивали впередъ руки, со сложенными для крестнаго знаменья пальцами....

Нюшка сѣла на своей убогой подстилкѣ изъ толстаго холста, набитой мочалкой, и, обнявъ руками худыя, острыя колѣна, стала смотрѣть на мерцающій огонекъ.

— Можетъ, завтра придетъ...—прошептала она тоскливо, и въ большихъ темносѣрыхъ глазахъ загорѣлась глубокая, совсѣмъ не дѣтская печаль.

Вотъ ужъ которое воскресенье ожидала она напрасно свою „крестную". И прежде та рѣдко ходила, а теперь и вовсе нѣтъ... Придетъ Лаврушкина „крестная", гостинцы Лаврушкѣ и тетенькѣ принесетъ, сядетъ съ тетенькой кофей пить и начнутъ онѣ обѣ удивляться, что Нюшкина крестная нейдетъ, а тетенька сейчасъ ругаться примется. И Нюшкѣ сдѣлается такъ страшно, такъ страшно...

— Крестная... крестная... крестная..?!—не то спрашивая, не то жалуясь, пролепетала она, не отрывая лихорадочнаго взгляда отъ огонька лампадки,—крестная?!..

И, точно живая, встала въ ея воображеніи нарядная крестная, въ шляпкѣ съ краснымъ цвѣткомъ.

— А все изъ за сапоговъ!..—съ отчаяніемъ проговорила Нюшка.

Въ послѣдній разъ—Нюшка такъ ясно-ясно помнитъ—тетенька сказала, что купила ей третью пару сапогъ, и стала просить денегъ; крестная разсердилась, заплакала и заругала Нюшку:—„Говори,—третья на тебѣ пара?"—а Нюшка испугалась и ничего не могла сказать.—„Стуканъ проклятый"!—закричала крестная, больно толкнула Нюшку и стала сама плакать...

— Изъ за сапоговъ... изъ за сапоговъ!..—уныло повторялъ ребенокъ.

Нюшка поднялась съ своей жалкой постели и побѣжала въ уголъ за печку. Тамъ, среди разнаго хлама, стояла пара заскорузлыхъ, толстыхъ сапогъ. Нюшка бережно взяла ихъ въ руки и, съ сильно бьющимся сердцемъ, стала внимательно разсматривать, потомъ вздохнула, поставила ихъ на прежнее мѣсто и старательно прикрыла грязнымъ, ситцевымъ лоскутомъ.

— Придетъ завтра крестная, или нѣтъ?

Подъ дверями раздалось жалобное мяуканье. Дѣвочка вся встрепенулась. Пріотворивъ дверь, она схватила какой-то лохматый комокъ и, прижавъ крѣпко къ груди, положила его около себя, на постель. Это былъ ободранный сѣрый коте-

нокъ, съ ошпаренной спиной, съ торчащей шерстью на уцѣлѣвшихъ мѣстахъ и гноящимися больными глазами. По цѣлымъ днямъ Нюшка не разставалась съ нимъ, дѣлясь скудными крохами, выпадавшими на ея долю, спасая отъ преслѣдованій Шарика и Дарьи Ивановны. Но по ночамъ, не смотря на ея просьбы и слезы, котенокъ безпощадно вышвыривался за дверь.

Теперь Нюшка лежала возлѣ своего любимца, такая же жалкая и заброшенная, какъ и онъ, и маленькая измученная головка ея не переставала работать, хотя усталые члены жаждали отдыха.

Она научится писать, она напишетъ крестной письмо; она напишетъ, что никогда не будетъ носить больше „третью пару“, и пусть проститъ ее крестная... пусть проститъ!.. А слесарша вчера сказала про Нюшку: „Бѣдная! ни батьки, ни матки!..“ Слесарша добрая... у нея ребятъ много, много!.. а когда кашу съ тыквой варитъ—то и Нюшкѣ даетъ... А на верху портниха на крестную похожа... и у нея шляпка съ краснымъ цвѣткомъ... Въ праздникъ она шляпку надѣнетъ,—станетъ такая бѣлая, а щеки, какъ яички красныя, и со двора пойдетъ... Портниха много пѣсенъ знаетъ... а самая любимая Нюшкина пѣсня—„Герань“.

Моя ерань, моя ерань...

А откуда это, вправду, у всѣхъ ребятъ батька съ маткой родные есть: у Таньки съ Васькой, съ того двора, у Митьки, у Сережки пузатаго, а у Нюшки съ Лаврушкой—нѣтъ, только тетенька съ дяденькой, да крестная... Тетенька ругается, дяденька пьяный, а крестная за сапоги разсердилась и не идетъ больше къ Нюшкѣ...

Котенокъ, согрѣтый теплотою Нюшкинаго тѣльца, тихо мурлыкалъ, втягивая и выпуская по-временамъ когти. Мало-помалу вѣки лучистыхъ глазъ Нюшки закрылись, и она заснула.

III.

— А все-жъ таки вы могли бы и не отказать въ такой малости,—выговаривала на другой день Дарьѣ Лаврушкина „крестная“, узнавшая отъ „крестника“ о происшествіи съ масломъ.—Все-жъ таки я вамъ за харчи пять рублей плачу... Ужъ это довольно стыдно въ такой малости отказывать.

— Харчи нонѣ дорогіе, да и я изъ за чего нибудь бьюся,—хоть кофеишку купить!—сурово оправдывалась Дарья.

— Я не для вашего кофея мальчишку сюды отдавала,—обиженно возразила крестная,—а чтобы кормили его, какъ

слѣдуетъ. И не какихъ нибудь пуденговъ требую, а что хлѣба съ масломъ вы завсегда можете ребенку дать.

— Возьми меня, крестная, отседова,—тоскливо приставалъ Лаврушка,—возьми къ себѣ на куфню!..

— Не на вольной квартирѣ живу,—некогда съ тобой возжаться!—рѣзко оборвала крестная.

Долго еще выражала она Дарьѣ груднымъ, тягучимъ голосомъ свое неудовольствіе; наконецъ, онѣ примирились и любовно засѣли за кофейникъ угощаться кофе.

Лаврушкина крестная была полная, молодая женщина, степеннаго вида, съ пытливыми, даже подозрительно глядѣвшими глазами и круглымъ русскимъ лицомъ. Говорила она протяжно, на-распѣвъ, плавно разводя руками и, нужно ли—не нужно, сокрушенно покачивая головой.

— Хочу Лаврушку въ школу отдать,—произнесла она, дуя на блюдечко съ горячимъ кофе.

— Что-жъ, всѣ они грамотѣ обучаются,—лѣниво отозвалась Дарья,—я сама-то неученая, такъ и проку въ томъ не вижу. Школа тутъ фабричная близко,—надо навѣдаться...

Крестная вздохнула.

— Вотъ и опять плати... Только съ того и бьешься, чтобы на него достать...

Она даже съ нѣкоторой злобой взглянула на Лаврушку, безпечно игравшаго въ углу принесенными ею пряниками:

— Ужъ померъ бы, что ли!..

— Чего-жъ въ воспитательный не снесла?

— Жалко было, думала вырощу,—кормилецъ будетъ.

Углы ея рта вдругъ опустились, и она кончикомъ своего шелковаго платка вытерла навернувшіяся слезы.

— Вмѣстѣ любился, а теперь вотъ и майся всю жизнь одна—ему хоть бы что!.. Въ подручныхъ, въ мясной живетъ... Разъ проходила, въ окно видѣла... Такая злость взяла—вошла бы, да всю харю такъ и раскровянила бы!..

— А мнѣ-то горе, мнѣ то бѣда!—причитала сапожница,—хоть бы эта окаянная вѣсть какую о себѣ подала, либо грошъ какой на дѣвчонку свою, паршивку, прислала.

Лаврушкина крестная укоризненно покачала головой:

— И впрямь безсовѣстная! Куму ея я намедни встрѣтила—говоритъ: письмо прислала, а теперь опять въ другой городъ уѣхала...

— Гдѣ жъ ее, подлую, носитъ?

— Съ приказчикомъ, говорятъ, съ однимъ... Упустить не хочетъ, изъ того и мѣсто здѣсь бросила...

— А люди чѣмъ виноваты?—злобно воскликнула Дарья,—кормить тоже дѣвчонку надо, и одежу справить и сапоги!

Нюшка незамѣтно выскользнула изъ комнаты.

— Письмо... письмо... письмо... — твердила она, поднимаясь по скользкой узкой лѣстницѣ на верхъ, къ портнихѣ.

Портниха оказалась дома. Когда Нюшка вошла къ ней, въ кухонку, она стояла возлѣ небольшой плиты и кипятила кофе.

— Письмо, тетенька, надо крестной писать,—тихонько произнесла Нюшка, когда портниха повернула къ ней голову.

Портниха улыбнулась.

— Куда-жъ писать? и адресу ее никто не знаетъ.

— Тетенька, — послѣ минутнаго молчанія проговорила Нюшка, слегка покраснѣвъ,—тетенька, возьмите меня къ себѣ—тая тетенька больно ругается... Тетенька, возьмите!

Портниха громко засмѣялась, а когда она нагнула къ Нюшкѣ свое неискусно раскрашенное лицо, на дѣвочку пахнулъ знакомый винный запахъ, какимъ обыкновенно несло отъ сапожника.

— Ступай, ступай!—говорила, все смѣясь, портниха.—Некогда мнѣ сегодня: видишь, у меня гость,—кивнула она на раскрытую дверь, откуда была видна грузная фигура пожилого мужчины, развалившагося на кровати.—А завтра я тебѣ гостинцевъ куплю... Ступай!—Она повернула дѣвочку за плечи и тихонько вывела на лѣстницу.

Нюшка поплелась къ дровяному сараю...

Начинало темнѣть. Дѣвочка усѣлась на землѣ, прислонясь къ стѣнкѣ сарая, и, поднявъ голову кверху, смотрѣла на зажигавшіяся звѣзды. Котенокъ мирно дремалъ на ея колѣняхъ.

„Моя ерань, моя ерань“,—дребезжащимъ слабенькимъ голосомъ запѣла Нюшка,

Ты на окошкѣ не завянь,
А ты завянешь—я полью,
Милёнка женятъ—я помру...

А слезы обильно струились по смуглому, измозженному личику и капали на лохматую шерсть котенка.

Раздался отчаянный ревъ. Это прибѣжалъ Лаврушка.

— Крестная ушла... и она... тетенька... бить... что я... про масло,—вопилъ онъ, судорожно всхлипывая,—къ кровати... привязала... больно... шпандыремъ прибила... во-о-отъ...

Онъ поднялъ свою рубашенку. Нюшка взвизгнула и закрыла рученками лицо. Худая, костлявая спина мальчика была изсиня-краснаго цвѣта, мѣстами просачивалась кровь.

— Ой-ой-ой-ой!—заливался Лаврушка, бросившись ничкомъ на землю.

Вертѣвшійся тутъ же Шарикъ сталъ выть, тыкая мордой мальчику въ лицо.

Вдругъ Лаврушка вскочилъ, встряхнулъ какъ-то ухарски головой, быстро отцѣпилъ веревку, на которой вѣшали бѣлье, обвязалъ одинъ конецъ ее вокругъ шеи Шарика, прикрѣпилъ къ дверной скобкѣ и другимъ свободнымъ концомъ со всего размаха ударилъ собаку...

— Больно!..—отчаянно закричала Нюшка.

Мальчикъ не обратилъ вниманія на ея возгласъ и продолжалъ съ остервененіемъ хлестать ни въ чемъ неповинное животное...

— А мнѣ не больно... мнѣ не больно!?

Лицо его было блѣдно, почти безумные глаза горѣли злобой и бѣшенствомъ.

— Больно, Шарикъ? больно?.. больно?..—кричалъ онъ охрипшимъ отъ плача голосомъ, когда собака взвизгивала при каждомъ новомъ ударѣ.

Кинувъ своего котенка, Нюшка, дрожа и задыхаясь, вцѣпилась похолодѣвшими рученками въ растрепанную косматую голову Лаврушки. Оттолкнутая разсвирѣпѣвшимъ мальчикомъ, она почти съ отчаяніемъ набросилась на него снова и, повиснувъ на его поднятой рукѣ, вонзила въ нее свои острые зубы. Мальчикъ вскрикнулъ отъ боли и бросилъ веревку. Разъяренный, онъ навалился всѣмъ своимъ туловищемъ на несчастную Нюшку. Нанося другъ другу удары, оглашая воздухъ визгомъ и плачемъ, царапая, кусая одинъ другого,—они катались по грязной, скользкой землѣ, эти обиженныя судьбою созданія, эти жалкія дѣти случая...

Привязанный Шарикъ метался и вылъ. Изъ-дали доносилась брань, слышались возгласы пьянаго голоса—это сапожница встрѣчала во дворѣ своего вернувшагося домой благовѣрнаго. Изъ раскрытаго окна портнихиной свѣтелки лились звуки высокаго хриплаго сопрано, выводившаго мотивъ незамысловатой „Герани“. Гдѣ-то играли на гармоникѣ. Со стороны квартиры слесаря раздавался невообразимый шумъ и гвалтъ: кричали „караулъ“, разнимали дерущихся: слесарь справлялъ крестины...

IV.

Лаврушку отдали въ школу. Лаврушка сталъ неузнаваемъ. Ему купили пальто съ мѣдными пуговицами, картузъ и сумку, на манеръ ранца, для книгъ. Поднявъ голову кверху, онъ важно шествовалъ по улицѣ, отправляясь по утру въ школу. А вернувшись домой, съ еще болѣе важнымъ видомъ писалъ на аспидной доскѣ прямыя и косыя палочки.

— Ишь, какъ меня писать научили,—хвастливо заявлялъ

онъ Нюшкѣ, и Нюшка проникалась необыкновеннымъ уваженіемъ и къ нему, и къ палочкамъ; наровя гдѣ нибудь стащить обрывокъ бумаги, она тоже старательно выводила нетвердой рученкой длинные, неровные крючечки, тщательно пытаясь подражать Лаврушкинымъ.

— Отчего у насъ нѣтъ батьки съ маткой?—спросила она разъ Лаврушку.

Тотъ посмотрѣлъ на нее удивленно:

— А крестная?

— Ну крестная... а батька? Вотъ у Таньки... у всѣхъ... у Сережки... у Митьки съ Варькой... у Степи...

Лаврушка задумался, нахмуривъ свой выпуклый лобъ.

— Должно померши,—проговорилъ онъ черезъ минуту нерѣшительно...—А у насъ мальчикъ одинъ водку пьетъ,—добавилъ онъ безпечно.

— Ка-а-къ?—протянула Нюшка.

— Да-а! Вотъ какъ дяденька Михайла. Мальчикъ сказывалъ: у него батька водку пьетъ, пьяный завсегда, и матка тоже. Ну онъ разъ взялъ и отпилъ потихоньку... Такъ, говоритъ, сперва горько, потомъ жарко, потомъ весело, а потомъ спать захочешь... Какъ тетенька за печку водку спрячетъ,—я знаю гдѣ... Она на дяденьку ругается, а сама пьетъ—я видѣлъ... Она спрячетъ,—мы съ горлышка попробуемъ—хочешь?

— Пьяные ругаются, потомъ дерутся,—тихо произнесла Нюшка.

— А мы не будемъ драться—мы будемъ пѣсни пѣть. Мальчикъ говоритъ: весело.. Хочешь ныньче, попробуемъ?...

И страшно было Нюшкѣ, и интересно надуть злую тетеньку, да испробовать, какъ это бываетъ сперва горько, потомъ жарко, потомъ весело.

— Оттого, вѣрно, дяденька завсегда и пьяный,—рѣшила она умственно.

Послѣ обѣда Дарьи почти никогда не было дома. Дѣти только и стерегли эту минуту. Едва дверь захлопнулась за сапожницей, Лаврушка отправился къ углу, за печкой и увѣренной рукой приподнялъ корзинку. Глазамъ Нюшки представилась бѣлая стеклянная бутылочка съ наполовину отпитой уже прозрачной жидкостью.

Лаврушка опрокинулъ горлышко въ ротъ, глотнулъ и закашлялся.

— Нѣтъ... не нужно...—отсторонила отъ себя съ испугомъ бутылку Нюшка.

— Горько было!...—все еще морщась, проговорилъ мальчикъ,—теперь жарко,—продолжалъ онъ, какъ бы провѣряя разсказанное ему товарищемъ, — сейчасъ, значитъ, будетъ

весело!... У-у-у, трусиха!—онъ скорчилъ презрительную гримасу.

Послѣ нѣкоторой борьбы, подстрекаемая задѣтымъ самолюбіемъ и любопытствомъ, Нюшка потянула изъ горлышка:

— Ой, ой, ой, ой!—запищала она, чуть не выпустивъ бутылку изъ рукъ.

— У, дура!—крикнулъ Лаврушка,—разбей, тетенька ужо накостыляетъ!..—А еще не весело,—проговорилъ онъ, недоумѣвая,—хочу, чтобы весело!—онъ стукнулъ своенравно ноженкой объ полъ. Но повтореніе горькаго и жаркаго было ему совсѣмъ не по вкусу, и онъ ужъ собирался поставить бутылку на прежнее мѣсто.

— Мы вотъ что: мы хлѣбъ туда макать будемъ.—Онъ даже припрыгнулъ отъ удовольствія, обрадованный осѣнившей его внезапно мыслью.

Онъ отыскалъ въ мусорѣ черепокъ отъ какой-то разбитой банки и влилъ туда небольшое количество водки. Произведя эту операцію, онъ поставилъ бутылку на прежнее мѣсто.

Нюшка, увлеченная новизною положенія и слегка отуманенная глоткомъ водки, съ непривычной для себя смѣлостью вытащила хлѣбъ изъ шкафа и отрѣзала ломоть.

Они усѣлись на полу другъ противъ друга и стали попеременно макать въ импровизированную посудину куски хлѣба.

— Скусно,—покачалъ головой Лаврушка.

— Скусно,—подтвердила Нюшка, посасывая хлѣбъ.

Пріятный и странный шумъ въ ушахъ заставилъ ихъ смѣяться нервнымъ, непроизвольнымъ смѣхомъ. Закинувъ головы назадъ, они начали неудержимо хохотать, потомъ взялись за руки и, подпрыгивая, кричали:

— Весело!.. Весело!.. Весело!..

И все хохотали, да хохотали.

Нюшка споткнулась и, упавъ на полъ, заснула мертвымъ сномъ. Лаврушка усѣлся возлѣ нея. Его дѣтское сердце было наполнено безумной, безсмысленной радостью, а злыя мысли вихремъ вертѣлись въ плохо соображавшей головенкѣ:

— Тетеньку... надули... и весело!..

Мало-по-малу осовѣлые глазенки сомкнулись, и онъ шлепнулся рядомъ съ раскраснѣвшейся, тяжело дышавшей дѣвочкой...

V.

Становилось уже холодно, сыро, промозгло, осенній воздухъ непріятно пронизывалъ члены,—а Нюшка все еще не надѣвала своихъ сапогъ. Разъ даже сама Дарья Ивановна замѣтила ей:

— Надѣнь, что ли, сапоги-то!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—вся встрепенулась Нюшка.

— А нѣтъ, ну и не надо—цѣлѣй будутъ.

Отъ времени до времени дѣти повторяли свои проказы съ водкой. Зачинщикомъ всегда бывалъ Лаврушка.

— Давай играть въ „чтобъ весело“...

Нюшка соглашалась,—ей понравилась игра.

По прежнему иногда, въ воскресенье, приходила Лаврушкина крестная, но мальчикъ, помня жестокую съ собой расправу, не жаловался больше на тетеньку, а потому между маменькой и воспитательницей установились самыя прекрасныя отношенія, еще болѣе скрѣпляемыя аккуратными со стороны „крестной“ платежами.

Между тѣмъ, Нюшкина „крестная“ продолжала не давать о себѣ никакихъ извѣстій.

Дарья Ивановна рвала и метала и нещадно кормила дѣвочку пинками да подзатыльниками, вымещая на ней свою досаду.

А Нюшка все чаще и чаще стала сама уже предлагать Лаврушкѣ играть въ „чтобъ весело“.

Какъ-то Лаврушкина крестная принесла арбузъ.

— Поцѣлуй покрѣпче крестную маменьку,—льстиво учила Дарья мальчика,—охъ, ужъ и баловница, охъ, ужъ и баловница!

Арбузъ разрѣзали съ должнымъ благоговѣніемъ.

Крестная, Дарья и Лаврушка, держа въ рукахъ огромные ломти, громко причмокивали, жадно глотая красные, сочные куски.

— А Нюшкѣ? — мальчикъ протянулъ впередъ руку,—она любитъ; когда около помойки корку найдетъ—всю обглодаетъ.

— Пусть ей крестная по почтѣ съ письмомъ пришлетъ,— злобно проговорила Дарья.

— Я сапоговъ не ношу больше!—раздался тоненькій голосокъ, и дѣвочка выступила изъ темнаго угла, гдѣ сидѣла, притаившись.—Крестная сама пріѣдетъ!.. а я сапоговъ не ношу!..

— Гдѣ ее лѣшую носитъ!? Аль и вовсе подохла, свинья этакая недовольная!..

— Я не ношу сапоговъ больше!.. не ношу! — истерически зарыдала дѣвочка, бросившись опрометью изъ комнаты. Лаврушка побѣжалъ за ней.

— И впрямь дитё жалко,—проговорила Лаврушкина крестная, по обыкновенію, сокрушенно покачивая головой,—опять же и то взять: замужъ она собирается—какъ признаться, что дитё въ незаконѣ прижила?.. дѣвушка тоже—стыдно!

— Не рожала-бы,—съ ожесточеніемъ огрызнулась Дарья,— она рожала, а люди виноваты... Много-ли, мало-ли, да вѣдь жретъ дѣвченка — а какіе у меня капиталы такъ, задаромъ держать!.. Ужъ я ли для ейной поганки не мать родная была, а она все ругалася—ужъ истинно, что недовольная свинья!..

— Да она заплатитъ,—успокаивала расходившуюся Дарью Лаврушкина крестная, — заплатитъ... А только что теперь женихъ у нея, и всѣ мысли, значитъ, на одномъ стоятъ, чтобы замужъ.

— Подлая!—процѣдила сквозь зубы Дарья.

— А какъ винить!?—крестная вздохнула,—стыдно!.. Хоть бы я теперича... И баринъ, и барыня все: „Мавруша да Мавруша, да ты дѣвушка хорошая, справная, тебѣ бы замужъ.. Найди жениха—мы благословлять пойдемъ“... Опять и то сказать: все въ Божьей волѣ: человѣкъ найдется степенный, замужъ возьметъ—обыкновенно скроешь!.. Стыдно!.. Такъ ужъ пущай за „крестную“ и вѣкъ отживу...—Она махнула рукой.—Другія хуже... другія и вовсе бросаютъ... въ воспитательный снесутъ и бросятъ... и до смерти не спознаютъ, какое такое дитё было; а я все-жъ таки себя обрываю—рощу...

Въ то же время на дворѣ, у дровяного сарая между дѣтьми шла такая бесѣда:

— Ѣшь!.. Да ѣшь, говорю!.. — совалъ кусокъ своего арбуза разстроенный Лаврушка плачущей навзрыдъ дѣвочкѣ...

— Не ношу больше сапоговъ!.. не ношу!—рыдая, металась та, приникнувъ къ холоднымъ бревнамъ сарая.

— Ну такъ не буду больше съ тобой въ „чтобы весело“ играть.... Ѣшь!..—приставалъ мальчикъ, самъ готовый расплакаться.

VI.

Въ Михайловъ день Дарья принарядилась съ утра и стала ждать гостей. Были имянины сапожника и, не смотря на нелады между мужемъ и женой, имянины эти справлялись довольно торжественно. Покупались на послѣдніе гроши: водка—много водки — пиво, дешевая колбаса, отзывающаяся кожей, сельди... Пекся огромный пирогъ съ капустой и соленой рыбой, а на дессертъ подавались: яблоки, мармеладъ и орѣхи. Гости начали приходить съ двѣнадцати часовъ утра, и къ шести вечера дымъ, сплошнымъ туманомъ, заволакивалъ душную комнатку; пѣли пѣсни, какой-то самоучка игралъ на плохой скрипкѣ... Веселье было въ полномъ разгарѣ. Дѣти тоже чувствовали себя отлично: Дарья забыла о ихъ существованіи, и въ этотъ день на ихъ долю не выпало ни одного пинка,—напротивъ, гости ихъ даже ласкали, а одинъ пьяный портной, погладивъ Нюшку по головкѣ, проговорилъ заплетающимся языкомъ: „Ахъ ты, мухоморъ!“ и далъ ей яблоко.

Пѣли хоромъ: „Мѣсяцъ“ и „У церкви стояла карета“ и „Я отдамъ сестрѣ малютку“, а Нюшка, увлеченная общимъ

шумомъ и гамомъ, изъ всѣхъ силъ вытягивала тоненькимъ голоскомъ свою любимую „Герань“.

Взявшись за бока, Андреевна съ раскраснѣвшимся лицомъ плясала „русскую“, подергивая плечами и вскрикивая визгливымъ голосомъ: „ухъ, ты-ы-ы!..“ Скользя по полу невѣрными ногами, то и дѣло шлепаясь во весь ростъ, никакъ не могъ пройтись по комнатѣ присядкой пьяный портной. Хмѣльные голоса сливались въ одинъ сплошной гомонъ, и нельзя было разобрать ни словъ, ни смысла рѣчи. Порою рѣзкой нотой врывался въ этотъ однообразный гулъ раскатъ пьянаго хохота или визгливо выкрикивалъ чей нибудь голосъ какое нибудь ругательство...

Но среди этого кромѣшнаго ада, этой безтолковой сутолоки до ушей Нюшки ясно долетѣли слова подвыпившей сильно сапожницы:

— Ну, подожду мѣсяцъ еще, а ежели и тутъ ни письма, ни денегъ — свезу паршивую дѣвчонку въ полицію... пущай возжаются... Потому какъ я всетаки совѣсть имѣю—держу... а ежели со мною такъ и... я такъ...

Нюшка вся похолодѣла: да, да! Это ее хотятъ вести въ полицію!..

Кругомъ по прежнему и пѣли, и плясали, и кричали, и хохотали... Лаврушка, побуждаемый общимъ одобреніемъ, откалывалъ ловко „трепака“. Нюшка не видѣла, не слышала ничего. Она дрожала, какъ въ лихорадкѣ, хотя жара была смертная, и потъ катился градомъ по пьянымъ, раскраснѣвшимся лицамъ... Она трепетала отъ внутренняго ужаса, охватившаго все ея тщедушное существо.

Полиція!

Она видѣла зачастую, какъ забирали пьяныхъ мужиковъ, клали ихъ поперекъ пролетки, голова болталась, ноги волочились по землѣ, и ихъ увозили въ полицію... Она слыхала, во время домашнихъ распрь, какъ тетенька грозила дяденькѣ полиціей; она помнила, что, когда сынъ прачки Андреевны укралъ съ чердака хозяйское бѣлье,—Андревна плакала, валялась въ ногахъ, а сына ея всетаки отправили въ полицію...

И вотъ теперь ее, Нюшку, тетенька тоже хочетъ отдать въ полицію...

Она никакъ не могла себѣ ясно ни представить, ни уяснить, что это за мѣсто, но самое страшное, что только могло создать ея несчастное воображеніе, совмѣщалось въ этомъ словѣ.

Съ широко раскрытыми отъ ужаса глазами, какъ прикованная къ своему мѣсту, просидѣла она остатокъ вечера и такъ и уснула сидя, измученная, дрожа, съ своимъ неизмѣннымъ котенкомъ на рукахъ.

VII.

На другой день сапожникъ исчезъ съ утра справлять „черствыя“ имянины, а Дарья встала поздно, злая и разстроенная—съ похмѣлья у нея болѣла голова.

— Чего дрыхнешь, поджарая!.. подмети!.. — крикнула она на прикурнувшую въ уголку Нюшку.

Нюшка вскочила и, протирая глаза, пошатываясь съ просонья, взялась за вѣникъ. Она еще не очнулась отъ проведеннаго наканунѣ дня и полубезсонной ночи и, двигаясь медленно, какъ автоматъ, водила по полу вѣникомъ... Вдругъ сердце дрогнуло въ ея груди, точно подстрѣленная птица, и забилось болѣзненно часто... Она вспомнила: „полиція“!

Она подняла на Дарью умоляющіе, окаймленные синими кругами глаза и прерывающимся голосомъ пролепетала:

— Те-тень-ка...

Она хотѣла крикнуть: „не отдавай меня въ полицію!“, а вмѣсто того повторяла безсвязно одно и то же слово: — „тетенька...“, прерывая его короткими всхлыпываніями.

Дарья не обратила даже вниманія на странный видъ дѣвочки.

— Мети, мети,—перебила она ее сурово.

Лаврушка вернулся изъ школы и принялся выводить свои палочки. Дарья, убравъ послѣ ѣды посуду, отправилась къ Андреевнѣ. Нюшка, точно въ оцѣпененіи, сидѣла на полу, машинально поглаживая котенка и глядя на свои потрескавшіяся отъ холода, закорузлыя ножки.

— Во какъ меня научили!.. — показалъ ей Лаврушка написанный имъ на аспидной доскѣ рядъ палочекъ, съ загнутыми концами,—вишь, закорючка теперь внизу.

Дѣвочка разсѣянно взглянула на доску.

— Нюшка!..—окликнулъ ее мальчикъ и толкнулъ ее въ плечо,—Нюшка!..

— Она меня... въ полицію,—протяжно произнесла Нюшка,—тетенька!..

Мальчикъ не понималъ.

— Въ полицію... тетенька хочетъ свести...

Лаврушка весь встрепенулся.

— Тетенька?

— Да,—убито проговорила Нюшка.

— Не смѣетъ!—вспыхнулъ мальчикъ.

Нюшка подняла на него полные сомнѣнія глаза.

— Да, да, да!..—подтвердилъ онъ,—мы ее самое въ полицію, засадимъ... такъ завсегда бываетъ: кто приведетъ въ полицію и того засадятъ..

Нюшка безнадежно покачала головой. Больно сжалось Лаврушкино сердечко. Онъ стоялъ растерянный передъ дѣвочкой, не зная, чѣмъ утѣшить ее:

— Слышь: давай въ „чтобы весело“ играть,—тихо предложилъ онъ.

Нюшка снова покачала головой.

— Ну, хочешь яблочко?.. Хочешь?..—со слезами въ голосѣ приставалъ Лаврушка.

Слабая улыбка озарила личико дѣвочки и чуть слышно она прошептала:

— Да.

— Полѣземъ на шкапъ... тетенька туды спрятала...

Лаврушка поставилъ табуретъ на табуретъ и ловко вскорабкался на верхній.

— Держи крѣпко внизу,—скомандовалъ онъ.

Нюшка, напрягая всѣ свои силенки, держала ножки табуретки.

— Какое хочешь яблоко: зеленое али красное?—крикнулъ сверху Лаврушка, хозяйничая на шкафу,—ну все одно: и то, и другое возьму!

Онъ ловко соскочилъ съ верхней табуретки и ужъ собирался разобрать сооруженную имъ лѣстницу, какъ вдругъ распахнулась дверь, и вошла Дарья Ивановна.

Отъ неожиданности Лаврушка выпустилъ изъ рукъ яблоки и, замирая отъ страха, присѣлъ на полъ.

— Воровать, — прошипѣла Дарья, — окаянные черти,— воровать?—и схвативъ одною рукою за шиворотъ Лаврушку другою, заграбаставъ перепуганную дѣвочку, она поволокла помертвѣвшихъ отъ страха дѣтей въ уголъ, гдѣ стояла кровать. Она привязала ихъ къ ножкамъ кровати полотенцами и принялась съ остервенѣніемъ стегать ремнемъ поперемѣнно то того, то другого, злобно приговаривая:

— Воровать!.. воровать!.. воровать!—точно подстрекая, поддразнивая сама себя.

Корчась отъ боли, раздирающимъ душу голосомъ кричалъ несчастный мальчикъ, и слабо, протяжно стонала совершенно обезсиленная дѣвочка.

Дарья устала. Отеревъ струившійся по лицу потъ, она отвязала дѣтей, швырнула на полъ ремень и вышла вонъ.

Лаврушка, весь истерзанный, бросился вслѣдъ за нею. Дверь оказалась запертою. Онъ сталъ колотить неистово кулаченками и кричать, задыхаясь, въ изступленіи:

— Я тебя... въ полицію... въ полицію...

Нюшка лежала на полу, съ помертвѣлымъ, вытянувшимся лицомъ.

Безсмысленный свидѣтель только что происшедшей, безо-

бразной сцены—лохматый котенокъ сидѣлъ подлѣ нея, добродушно мурлыча и умывая морду лапой.

Не помня себя, не зная, что дѣлать, какъ хищный звѣренокъ въ засадѣ, Лаврушка бросился къ котенку и схвативъ его за горло, со всего размаха шлепнулъ объ полъ. Котенокъ отчаянно мяукнулъ, весь затрепеталъ, судорожно протягивая лапки... Стиснувъ зубы, Лаврушка смотрѣлъ воспаленными, злыми глазами на убитое имъ животное...

Наступила ночь... ночь покрыла своимъ покрывомъ и убогій домишко, и его грязный дворъ. Сонъ царствовалъ въ душной комнатѣ сапожника. Безмятежно наслаждался покоемъ пьяный хозяинъ; сладко спала заморившаяся Дарья; спалъ избитый Лаврушка съ мокрымъ распухшимъ отъ слезъ лицомъ...

И среди этого соннаго царства одиноко бодрствовала несчастная, дѣтская душа—не спала Нюшка. Она стояла на колѣняхъ передъ длинной деревянной лавкой и на обрывкѣ оберточной бумаги старательно выводила палочки—она „писала“ письмо.

„Крестная, крестная!—писала Нюшка,—я не ношу больше сапоговъ, стало холодно, ножки потрескались, кровь течетъ, а я не ношу... Крестная, приди ко мнѣ, миленькая!.“

Н. Анненкова-Бернаръ.

СПУТНИКЪ.

Я бѣжалъ, недужный и въ печали,
Въ чудный край, гдѣ вѣчно ясны дали,
Гдѣ въ садахъ
Цвѣты не отцвѣтаютъ,
Гдѣ въ горахъ
Ручьи не умолкаютъ.

Я молилъ, какъ бога, солнце юга,
Что-бъ сожгло въ груди змѣю недуга;
Заклиналъ
Прибой мятежный моря,
Что-бъ умчалъ
Въ пучину призракъ горя...

И проникъ мнѣ въ сердце лучъ волшебный,—
Напоилъ меня струей цѣлебной;
Нѣжа слухъ,
Про волю волны пѣли,—
Жизни духъ
Во мнѣ мечтой согрѣли.

И домой принесъ я изъ скитаній
Свѣжесть силъ и молодость желаній;
Но со мной—
Вернулся изъ-за моря
Роковой,
Зловѣщій призракъ горя...

А. Колтоновскій.

МОЖАЙСКАГО ПОЛКА 141-го ПЕХОТНАГО

Литературные факторы американской революціи.

XIV.

Томасъ Пэнъ и объявленіе независимости (1776).

1 ноября 1774 года пріѣхалъ въ Филадельфію одинокій англичанинъ Том. Пэнъ (Paine), человѣкъ уже не первой молодости (38 лѣтъ). Не много онъ привезъ съ собой багажа и еще того меньше денегъ и потому, имѣя твердое намѣреніе пробить себѣ дорогу въ новомъ свѣтѣ, онъ могъ разсчитывать только на свой умъ и спѣшилъ найти себѣ работу, преимущественно, „письменныхъ занятій, педагогической дѣятельности или межеванія земель“ *). Положеніе Т. Пэна по прибытіи въ Филадельфію было весьма критическое: ему нужно было во что бы то ни стало найти какой нибудь заработокъ, чтобы „по крайней мѣрѣ, имѣть хотя кусокъ хлѣба“. Выручило его рекомендательное письмо Франклина, которымъ тотъ удостовѣрялъ, что податель письма „человѣкъ весьма способный и достойный“, и просилъ не отказать ему, по крайней мѣрѣ, въ „совѣтѣ и вниманіи“.

Надо сказать, что до тѣхъ поръ жизненная карьера этого „весьма способнаго и достойнаго человѣка“ была довольно неудачна, чтобы не сказать болѣе. Будучи сыномъ корсетника (staymaker) въ небольшомъ англійскомъ городкѣ, Пэнъ былъ взятъ 13 лѣтъ изъ школы для занятія отцовскимъ ремесломъ, которое, однако, скоро надоѣло живому, предпріимчивому Томасу. Въ теченіе своей жизни Пэнъ нѣсколько разъ бросалъ свое ремесло и затѣмъ снова за него принимался, служилъ дважды въ акцизѣ и оба раза лишался мѣста за недостачно усердное исполненіе своихъ обязанностей, которыя, повидимому, также не особенно ему нравились. Такимъ образомъ, къ 40 годамъ Пэнъ перепробовалъ много занятій, но ни на одномъ изъ нихъ не остановился. Будучи всего

*) Какъ это значилось въ рекомендательномъ письмѣ В. Франклина, которое привезъ съ собой въ Америку Т. Пэнъ.

22 лѣтъ, Пэнъ женился, но овдовѣлъ черезъ годъ; во второй разъ Пэнъ женился въ 1771 году, т. е. за три года до своего отъѣзда въ Америку. Не задолго передъ этимъ отъѣздомъ Пэнъ, лишившись вторично своего мѣста въ акцизѣ и всего своего имущества, проданнаго за долги, разошелся и со своей женой. Супруги разошлись по полюбовному соглашенію, такъ какъ, повидимому, обѣ стороны смотрѣли на эту разлуку не какъ на довершеніе своихъ несчастій, а скорѣе какъ на обстоятельство, нѣсколько смягчавшее всѣ другія непріятности, выпавшія на долю того или другого супруга *).

Итакъ, въ ноябрѣ 1774 г. Пэнъ пріѣхалъ въ Филадельфію. Благодаря рекомендаціи Франклина, Пэну скоро удалось попасть въ лучшее общество этого города. Въ мартѣ 1775 года Пэнъ уже писалъ въ Лондонъ Франклину, что у него „много друзей", что „многіе джентльмены" предлагали ему весьма выгодныя условія въ качествѣ воспитателя ихъ дѣтей, и что онъ помогаетъ одному книгопродавцу въ редактированіи одного новаго журнала.

Однако, Пэну предстояло въ скоромъ времени пріобрѣсти такую славу, о какой онъ, вѣроятно, никогда и не мечталъ,—не воспитаніемъ дѣтей и не редактированіемъ журналовъ, а собственными литературными произведеніями. Замѣчательно при этомъ, что, вѣроятно, онъ самъ не подозрѣвалъ въ себѣ талантовъ къ литературной дѣятельности, хотя, кажется, по части признанія за собой разныхъ талантовъ и добродѣтелей Пэнъ особой скромностью не отличался. Какъ бы то ни было, до пріѣзда въ Америку, Пэнъ не написалъ ничего сколько нибудь заслуживающаго вниманія и, говоря его словами, „не напечаталъ ни строки".

Въ первый годъ своего пребыванія въ Филадельфіи Пэнъ въ качествѣ живого и любознательнаго иностранца, существуя преимущественно на свой литературный заработокъ въ „Pennsylvania Magazine", ходилъ по книжнымъ лавкамъ, заводилъ знакомство съ выдающимися гражданами города, а когда въ маѣ 1775 г. въ Филадельфіи собрался второй континентальный конгрессъ, то и съ выдающимися людьми остальныхъ колоній, съѣхавшимися на этотъ конгрессъ. Пэнъ былъ принятъ, какъ свой человѣкъ, въ семьѣ Франклина и нѣкоторыхъ другихъ извѣстныхъ лицъ; онъ сумѣлъ вызвать интересъ къ себѣ своими оригинальными философскими и политическими взглядами Джона Адамса, который въ качествѣ члена конгресса жилъ въ то время въ Филадельфіи и въ своихъ письмахъ отзывался весьма благосклонно и даже лестно о Пэнѣ.

---

*) Считаемъ нужнымъ сообщить читателю, что настоящая и послѣдующая главы представляютъ собой, за немногими исключеніями, переводъ наиболѣе существенныхъ частей соотвѣтствующихъ главъ сочиненія проф. Тайлера; къ этому насъ побудили какъ достоинство этихъ главъ, такъ и сознаніе важности и оригинальности роли Пэна въ американской революціи, вслѣдствіе чего мы хотѣли характеризовать эту роль авторитетными словами проф. Тайлера.

Впослѣдствіи, черезъ много лѣтъ, Адамсъ отзывался о Пэнѣ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, говоря, что тотъ, пріѣхавъ въ Америку, „старался попасть во всякое общество, гдѣ только на него обращали какое нибудь вниманіе, и бѣгалъ всюду, куда могъ, чтобы узнать что нибудь объ американскихъ дѣлахъ“.

Если это было такъ, то можно только сказать, что едва ли Пэнъ могъ найти лучшее употребленіе для своего времени и для своего ума. Пріѣхавъ въ Америку въ началѣ великаго революціоннаго движенія, примкнувъ всей душой къ родственному народу, политическія стремленія котораго вызывали въ немъ величайшую симпатію, Пэнъ едва ли могъ лучше подготовить себя къ возможному содѣйствію великому движенію иначе, какъ обращеніемъ къ тѣмъ самымъ людямъ, которые были призваны руководить имъ. Онъ тщательно собиралъ, гдѣ только могъ, разные факты и мнѣнія. Онъ старался сдѣлаться американцемъ душой и тѣломъ, проникнуться умомъ и сердцемъ тѣми идеалами, которые волновали американскій народъ...

Въ самомъ дѣлѣ, время, когда пріѣхалъ въ Америку Пэнъ, было эпохой крайняго народнаго возбужденія. Первый американскій конгрессъ только что окончилъ свои труды (1774); выработанныя имъ мѣры борьбы съ Англіей посредствомъ прекращенія торговыхъ сношеній съ ней были предметомъ страстныхъ споровъ во всѣхъ колоніяхъ. Подобно большинству самихъ американцевъ и Пэнъ до 19 апрѣля 1775 года считалъ возможнымъ мирное окончаніе распри и искренно желалъ примиренія метрополіи съ ея колоніями. Вотъ какъ онъ самъ нѣсколькими годами позже характеризовалъ свои политическіе взгляды въ первое время по пріѣздѣ въ Америку. „Мнѣ пришлось пріѣхать въ Америку за нѣсколько мѣсяцевъ до начала непріязненныхъ дѣйствій. Американскій народъ я засталъ въ такомъ настроеніи, что его можно было вести на шнуркѣ и направлять при помощи указки... Правда, американцы были очень подозрительны, но ихъ привязанность къ Англіи была всетаки весьма тверда: говорить противъ Англіи считалось чуть не измѣной. Американцы не любили министровъ, но уважали англійскій народъ; въ ихъ неудовольствіи не было ожесточенія, и единственной цѣлью американцевъ было по возможности скорѣе придти къ соглашенію съ Англіей“.

„Какъ ни плохо было мое мнѣніе о министерствѣ, я не считалъ его настолько безразсуднымъ и настолько гнуснымъ, чтобы оно могло начать непріязненныя дѣйствія; еще дальше я былъ отъ предположенія, что англійскій народъ можетъ одобрить такую политику. Самая распря мнѣ представлялась какъ бы судебнымъ процессомъ, въ которомъ стороны, какъ мнѣ казалось, сумѣютъ придти къ нѣкоторому полюбовному соглашенію. Я не думалъ о возможности войны, или независимости Америки. А если бы мнѣ кто-нибудь сказалъ въ то время, что я буду солдатомъ или пам-

флетистомъ *), я бы только разсмѣялся такому человѣку въ глаза. Если у меня и были способности къ той или другой изъ этихъ дѣятельностей, онѣ были скрыты во мнѣ и скрытыми продолжали бы оставаться, если бы потребности времени не вызвали ихъ наружу".

Таково, несомнѣнно, было настроеніе Пэна въ началѣ 1775 года. Но, когда произошли роковыя событія весною этого года, многіе американцы пришли къ тому убѣжденію, что нѣтъ другого надежнаго окончанія распрямъ съ метрополіей, кромѣ полной независимости, отъ которой тѣ же американцы еще недавно такъ искренно открещивались. Къ числу такихъ американцевъ надо отнести и Том. Пэна. Тщательно изучая происходящія событія, вращаясь непрерывно среди наиболѣе выдающихся американскихъ дѣятелей, онъ глубоко проникся идеями, волновавшими американскій народъ и, въ январѣ 1776 года, выразилъ свои мысли по вопросу объ отношеніяхъ Америки къ метрополіи въ блестящемъ памфлетѣ, вышедшемъ въ Филадельфіи, подъ названіемъ „Здравый смыслъ" **).

Прежде чѣмъ приступить къ изученію этого памфлета, составившаго эпоху въ революціонномъ движеніи (this epoch-making pamphlet) и провозгласившаго въ первый разъ безусловную, неотложную необходимость полнаго и безповоротнаго разрыва съ Англіей, въ высшей степени важно бросить бѣглый взглядъ на отношеніе къ этому вопросу общественнаго мнѣнія въ Америкѣ до появленія памфлета Пэна. Всякій, кто вздумалъ бы внимательно ознакомиться со статьями, появлявшимися (между 1765 и 1775 гг.) въ американскихъ газетахъ и журналахъ, равно какъ и съ отдѣльными сочиненіями, такъ или иначе касавшимися вопроса объ отношеніяхъ къ Англіи, былъ бы пораженъ тѣмъ фактомъ, что всегда и вездѣ въ такихъ сочиненіяхъ совершенно отвергается идея политической независимости. Почти всѣ наиболѣе талантливые публицисты партіи виговъ—Дж. Отисъ, Дан. Дьюлани, Дж. Дикинсонъ и Ал. Гамильтонъ—отвергали идею независимости. Конгрессъ делегатовъ американскихъ колоній, собравшійся для протеста противъ гербоваго сбора (stamp act congress въ 1765 году), торжественно заявилъ, что онъ считаетъ связь съ Англіей „великимъ благомъ" для Америки и „желаетъ искреннѣйшимъ образомъ", чтобы эта связь „никогда не прекращалась"... Въ іюнѣ 1774 года

*) Author, т. е. буквально «авторомъ» или писателемъ.

**) Памфлетъ Пэна имѣетъ очень длинное названіе: «Здравый смыслъ о слѣдующихъ любопытныхъ предметахъ: 1) о происхожденіи и задачахъ правительственной власти съ замѣчаніями объ англійской конституціи, 2) о монархіи и наслѣдственной передачѣ власти, 3) мысли о современномъ состояніи американскихъ дѣлъ, 4) о современныхъ рессурсахъ Америки и нѣкотораго рода иныя разнообразныя замѣчанія». Это—дословный переводъ заглавія памфлета.

законодательное собраніе колоніи Массачусэтсъ, гдѣ всегда была особенно сильна партія виговъ, въ своей инструкціи делегатамъ, посланнымъ на первый континентальный конгрессъ, писало, что „возстановленіе добрыхъ отношеній между Великобританіей и ея колоніями“ составляетъ „предметъ пламеннаго желанія всѣхъ добропорядочныхъ людей“. *) Первый континентальный конгрессъ въ своей петиціи королю отъ 26 окт. 1774 г. выражалъ самыя вѣрноподданническія чувства... „Мы всегда будемъ стремиться“,— писалъ конгрессъ,—„сохранить нашу связь съ Великобританіей, равно какъ и верховную власть Вашего Величества надъ Америкой“... Даже второй континентальный конгрессъ, собравшійся уже послѣ роковыхъ событій, происшедшихъ въ апрѣлѣ и іюнѣ 1775 года **), въ своей почтительной петиціи королю, обвиняя министровъ въ томъ, что они своими распоряженіями вызвали начало непріязненныхъ дѣйствій, въ то же время писалъ, что американцы всетаки ничего другого не желаютъ, кромѣ „востановленія мира и согласія съ метрополіей“. Американцы, сражавшіеся при Конкордѣ и Лексингтонѣ, сочли бы за клеветниковъ тѣхъ, кто сталъ бы увѣрять ихъ въ то время, что они борются за независимость Америки. 6 іюля 1775 г. конгрессъ, который уже назначилъ Вашингтона главнокомандующимъ американской арміи, издалъ декларацію, въ которой, изложивъ причины, побудившія его сдѣлать столь рѣшительный шагъ, въ то же время прибавлялъ: „для того, чтобы эта декларація не вызывала безпокойства среди нашихъ друзей и согражданъ, живущихъ въ разныхъ концахъ англійской имперіи, мы заявляемъ, что мы отнюдь не желаемъ порывать столь долгую и столь счастливую связь съ метрополіей, а желаемъ, напротивъ, возстановить ее. Мы подняли оружіе вовсе не подъ вліяніемъ честолюбиваго замысла основать самостоятельное государство“. Когда черезъ нѣсколько дней эта декларація была прочитана (американскимъ) войскамъ генерала Путнама на смотру около Бостона, то они трижды крикнули „ура“ „вѣрно“ („amen“, т. е. аминь или „да будетъ такъ“) при чтеніи того мѣста деклараціи, гдѣ призывалась помощь Всевышняго „для скорѣйшаго примиренія съ противниками на сколько нибудь разумныхъ основаніяхъ“. Джефферсонъ въ письмѣ къ одному своему родственнику, написанномъ почти три мѣсяца спустя послѣ сраженія при Bunker Hill, говорилъ, что онъ „ждетъ съ нетерпѣніемъ того времени, когда состоится, наконецъ, примиреніе съ Англіей“.

Вотъ каково, слѣдовательно, было отношеніе американцевъ

---

*) By all good men.

**) Въ іюнѣ 1775 г. произошли схватки англійскихъ войскъ, фактически запертыхъ въ Бостонѣ, съ американской милиціей въ окрестностяхъ этого города при т. наз. Bunker Hill.

всѣхъ классовъ и всѣхъ партій къ вопросу о независимости въ тѣ десять или двѣнадцать лѣтъ, пока подготовлялось революціонное движеніе. Въ одномъ отношеніи и тори, и виги были долго совершенно согласны: и тѣ, и другіе отвергали всякую мысль о независимости. И вотъ въ какіе нибудь шесть мѣсяцевъ среди виговъ произошла рѣшительная перемѣна взглядовъ: они прямо и открыто стали выставлять своей задачей достиженіе той самой независимости, отъ которой они еще такъ недавно открещивались. Однимъ изъ важнѣйшихъ событій, содѣйствовавшихъ такой перемѣнѣ, было появленіе въ январѣ 1776 г. памфлета Пэна „Common Sense“ или „Здравый Смыслъ“ *).

Названіе для памфлета было выбрано весьма удачно: дѣйствительно, мы видимъ попытку разрѣшить простымъ здравымъ смысломъ довольно спеціальный, очень сложный, не терпѣвшій отлагательства и крайне возбуждавшій умы вопросъ, входящій въ сферу конституціоннаго права. Впрочемъ, авторъ памфлета, въ сущности, и не былъ компетентенъ разрѣшать этотъ вопросъ на какой-нибудь иной почвѣ, такъ какъ онъ былъ поразительно невѣжественъ (ludicrously ignorant) **) въ юридическихъ или политическихъ наукахъ и даже въ исторіи Англіи или Америки. Но для изложенія какого-нибудь вопроса, который можно было разобрать простымъ здравымъ человѣческимъ смысломъ, присущимъ всякому человѣку чувствомъ правды, чувствомъ мѣры, вѣроятно, въ Америкѣ не было никого, кромѣ развѣ Франклина, кого можно было-бы сравнить съ этимъ недоучившимся (ill-taught), увлекающимся, горячимъ англичаниномъ.

Итакъ Пэнъ вопросъ, который разбирался до тѣхъ поръ преимущественно съ точки зрѣнія права, перенесъ на судъ здраваго смысла и въ своемъ краснорѣчивомъ памфлетѣ никогда не сходилъ съ этой почвы, никогда не вдавался ни въ какія юридическія или другія тонкости. Задачей его—задачей того времени—

---

*) Было-бы неосновательно думать, что такое значеніе памфлету Пэна придаетъ лишь проф. Тайлеръ. Вотъ какъ выражается, напр., проф. A. Iohnston въ цитированномъ выше трудѣ, описывая колебанія американцевъ: «Т. Пэнъ повернулъ чашку вѣсовъ изданіемъ своего памфлета, который былъ прочитанъ всѣми... Открытое стремленіе къ независимости начинается съ выхода памфлета Пэна». (9 янв. 1776 г.). The United States, стр. 64. См. также существующее въ русскомъ переводѣ сочин. проф. Э. Чаннинга. Исторія Соед. Штатовъ, 1897, стр. 92.

**) Т. е. буквально «до смѣшного невѣжественъ». Ознакомившись съ сочиненіями Пэна, относящимися къ американской войнѣ за независимость, мы со своей стороны были поражены блестящей формой изложенія Пэна, тонкостью нѣкоторыхъ его замѣчаній, глубиной и силой выражаемыхъ имъ чувствъ. Конечно, Пэнъ не былъ глубоко образованнымъ человѣкомъ даже и для своего времени, но «невѣжественнымъ» въ томъ или иномъ отношеніи можетъ его назвать развѣ лишь *современный* ученый, посвятившій, подобно проф. Тайлеру, всю жизнь изученію какой-нибудь одной болѣе или менѣе широкой области знаній и окруженный всѣми удобствами для научныхъ занятій.

было убѣдить заурядпаго американца, что теперь уже просто смѣшно держаться долѣе англійскаго подданства, что пришла пора сдѣлаться американскимъ гражданиномъ, что иначе могутъ думать развѣ только педанты, повторяющіе разный вздоръ о прерогативахъ англійскихъ королей и т. п., что, наконецъ, теперь, когда Англія обнажила мечъ, въ сущности нѣтъ другого выбора кромѣ позорнаго и тягостнаго подчиненія метрополіи или борьбы за національную независимость. Памфлетъ начинается крайне рѣзкимъ разсужденіемъ о правительствахъ вообще и объ англійскомъ въ особенности, причемъ авторъ старается подорвать въ читателяхъ уваженіе ко всякаго рода организованной власти и въ особенности къ монархическимъ учрежденіямъ. Народу, для котораго повиновеніе законамъ обратилось во вторую натуру, Пэнъ стремится доказать, что пришла пора открытаго противодѣйствія закону и установленнымъ властямъ.

О правительствѣ и обществѣ,—такъ начинаетъ свой памфлетъ Пэнъ,—говорятъ часто какъ о вещахъ тожественныхъ, между тѣмъ „правительство и общество не только не одно и то же, но имѣютъ совершенно различное происхожденіе. Мы соединяемся въ общества, потому что этого требуютъ наши нужды, если-же у насъ есть правительство, то лишь потому, что мы еще очень дурны... Общество всегда и вездѣ есть благо; а когда правительство дурно, то оно становится зломъ нестерпимымъ“...

„Чѣмъ болѣе форма правительственной власти приближается къ республикѣ, тѣмъ незначительнѣе роль короля“, говоритъ далѣе Пэнъ.

Мы не находимъ возможнымъ приводить дальнѣйшихъ еще болѣе рѣзкихъ сужденій Пэна о королевской власти, подкрѣпляемыхъ нерѣдко длинными аналогичными цитатами изъ Библіи, и переходимъ къ той части памфлета, гдѣ онъ говоритъ объ американскихъ дѣлахъ... „Періодъ разговоровъ прошелъ“—пишетъ Пэнъ.“—Теперь вопросъ можетъ быть рѣшенъ лишь оружіемъ... Всякія мысли, предложенія, планы, высказанные до событій 19 апрѣля, все это уже обратилось въ древнюю исторію, теперь до этого намъ такъ-же мало дѣла, какъ до прошлогодняго снѣга“. Теперь уже смѣшны и глупы всякіе разговоры о сыновнихъ чувствахъ къ Англіи и, если найдется такой американецъ, который, не отдавая себѣ отчета въ тѣхъ перемѣнахъ, которыя произошли въ послѣднее время, какъ нибудь заговоритъ, что Англія, какъ никакъ всетаки наша мать, то ему можно сказать только одно: „тѣмъ болѣе гнусно ея поведеніе: даже дикіе звѣри не пожираютъ своихъ дѣтей, даже дикари не ведутъ войны съ членами собственной семьи“.

На возраженія тѣхъ, которые говорили, что, „такъ какъ Америка благоденствовала при прежней своей связи съ Англіей, такая связь необходима и для ея послѣдующаго благополучія“, у

Пэна былъ готовъ отвѣтъ. „Нельзя представить себѣ болѣе безсмысленныхъ сужденій. Съ одинаковымъ правомъ можно утверждать, что, такъ какъ ребенку молоко было очень полезно, то ему не слѣдуетъ и впослѣдствіи никогда ѣсть мяса или что, какъ мы жили первые двадцать лѣтъ жизни, такъ-же слѣдуетъ жить и дальнѣйшіе двадцать лѣтъ. Но я иду даже дальше: я утверждаю, что Америка благоденствовала-бы еще болѣе и даже много болѣе, если бы она не имѣла связи ни съ какимъ европейскимъ государствомъ. Америка обогатила себя, продавая Европѣ предметы первой необходимости, а для такого рода продуктовъ сбытъ всегда будетъ обезпеченъ, пока у европейцевъ не выйдетъ изъ моды каждый день обѣдать“.

Связь Америки съ Англіей,—доказываетъ Пэнъ,—не только не приноситъ первой никакой пользы, а напротивъ, приноситъ даже много вреда. Такъ, наша связь съ Англіей, говоритъ Пэнъ, „вовлекаетъ насъ въ европейскія войны и раздоры и создаетъ для насъ непріязненныя отношенія къ народамъ, которые при другихъ условіяхъ искали-бы нашей дружбы... Такъ какъ Европа представляетъ для насъ огромный рынокъ для сбыта товаровъ, то намъ не слѣдовало-бы устанавливать особыхъ связей съ какимъ-нибудь европейскимъ государствомъ предпочтительно передъ другимъ. Истинные интересы Америки требуютъ, чтобы она держалась подальше отъ европейскихъ распрей, что для нея будетъ невозможнымъ, пока не прекратится ея связь съ Англіей“.

Къ тому-же,—говоритъ далѣе Пэнъ,—вѣдь просто нелѣпо американскому континенту продолжать свою зависимость отъ какой-бы то ни было внѣшней власти и американскому народу находиться долѣе на положеніи опекаемыхъ несовершеннолѣтнихъ лицъ. „Можно-ли представить себѣ что-нибудь болѣе глупое, чѣмъ то, что три милліона американцевъ бѣгутъ къ берегу всякій разъ, когда завидятъ корабль, идущій изъ Англіи, чтобы узнать, сколько свободы соблаговолили имъ предоставить въ Лондонѣ“.

Одинъ взглядъ на географическую карту,—прибавляетъ Пэнъ,—доказываетъ, что подчиненіе Америки Англіи противорѣчитъ естественному порядку вещей въ природѣ. „Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что маленькіе острова, не имѣющіе средствъ защитить себя, ищутъ покровительства большихъ государствъ, но есть что-то очевидно нелѣпое въ предположеніи, что цѣлый континентъ будетъ всегда въ зависимости отъ отдаленнаго острова. Нигдѣ въ природѣ спутникъ не бываетъ больше центральной планеты“...

Но, если даже отбросить всякія аналогіи и вникнуть въ суть дѣла, то всетаки нельзя сомнѣваться въ томъ, что для нормальнаго развитія и теченія общественныхъ дѣлъ въ Америкѣ ей безусловно необходима политическая независимость. „Американскія дѣла скоро будутъ слишкомъ важны и слишкомъ сложны, чтобы ихъ могли сколько-нибудь разумно регулировать власти, находящіяся отъ

насъ такъ далеко и къ тому-же такъ мало знающія Америку... Ѣздить за 3 — 4 тысячи миль съ докладомъ или петиціей, ждать 4—5 мѣсяцевъ отвѣта, для правильнаго разъясненія котораго требуются нерѣдко новыя справки, что ведетъ къ дальнѣйшей проволочкѣ, да вѣдь не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ все это будетъ казаться дикимъ, глупымъ, нелѣпымъ... Было время, когда такой порядокъ былъ разуменъ, но теперь пришла пора все это сдать навсегда въ архивъ".

Но допустимъ даже на время, что между Америкой и Англіей состоялось примиреніе: каковъ будетъ результатъ такого примиренія? Разореніе Америки, отвѣчаетъ Пэнъ. Почему-же такъ? Да потому, во-первыхъ, что верховная власть останется по прежнему за Англіей. „А между тѣмъ, разумно-ли предоставлять верховную власть странѣ, которая ревниво относится къ нашему матеріальному развитію?.. Для Англіи Америка стоитъ на второмъ планѣ, и благо Америки принимается ею во вниманіе лишь постольку, поскольку это благо важно и для Англіи". Кромѣ того, „даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ всякое примиреніе составитъ не больше, какъ временный компромиссъ: Америка останется на положеніи страны опекаемой, а такое положеніе все-же надо будетъ съ теченіемъ времени такъ или иначе прекратить". Наконецъ, „только добившись независимости, американцы могутъ разсчитывать на окончательное умиротвореніе страны и на прекращеніе гражданскихъ смутъ и волненій".

Есть, впрочемъ, нѣкоторые американцы, которые думаютъ, что, если мы отвергнемъ всякую независимость отъ англійскаго короля, то мы легко впадемъ въ анархію. „Гдѣ мы будемъ искать короля для Америки, верховнаго ея повелителя, говорятъ такіе американцы". Я вамъ скажу, друзья мои: король нашъ есть и будетъ нашъ законъ. Правда, этотъ король не губитъ людей, какъ это дѣлаетъ коронованный звѣрь въ Англіи (the royal brute)... Намъ принадлежитъ неотъемлемое право имѣть собственное правительство, и всякій, кто мало-мальски понимаетъ измѣнчивость человѣческихъ дѣлъ, не можетъ не придти къ тому убѣжденію, что безконечно разумнѣе и безопаснѣе намъ теперь же, пока это въ нашей власти, выработать собственную конституцію послѣ тщательнаго, хладнокровнаго обсужденія состоянія и потребностей страны, чѣмъ откладывать это дѣло, рискуя встрѣтить впослѣдствіи какія нибудь новыя неожиданныя затрудненія"... „Вы, противящіеся независимости, не вѣдаете, что творите: вы навсегда обрекаете Америку на опасность тиранніи... Вѣдь нелѣпо, вѣдь просто безумно говорить о дружбѣ съ тѣмъ, которымъ вѣрить не позволяетъ намъ разумъ, которыхъ любить не позволяетъ намъ воспоминаніе о тысячѣ обидъ и притѣсненій. Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе порывается и та ничтожная связь, которая пока осталась между нами и метрополіей... Можно ли думать, что

любовь будетъ расти въ то время, какъ связь будетъ прекращаться, или что мы будемъ жить въ лучшемъ согласіи, когда удесятерятся поводы къ возникновенію раздоровъ? Вы, продолжающіе твердить о примиреніи, можете ли вы вернуть прошлое? Послѣдняя связь порвана... Есть такія обиды, которыя простить нельзя... Я обращаюсь къ вамъ, любящимъ человѣчество, вѣрящимъ въ него, къ вамъ, имѣющимъ смѣлость противиться не только тиранніи, но и тираннамъ, собирайтесь подъ знамя возстанія!! Взгляните на старый міръ, какъ онъ страдаетъ отъ рабства и притѣсненій! Свободу гонятъ по всему лицу земли! Азія и Африка давно уже изгнали ее. Европа чуждается, не знаетъ ея, и даже Англія начинаетъ гнать ее отъ себя. Примите же бѣглянку, дайте ей у себя убѣжище и вмѣстѣ съ тѣмъ дайте пріютъ страждущему человѣчеству!"

Памфлетъ Пэна вышелъ изъ печати въ Филадельфіи 9 января 1776 г. безъ имени автора и сразу произвелъ огромное впечатлѣніе. Уже двадцатаго числа того же мѣсяца появилось второе изданіе, „значительно дополненное". 25 числа другой филадельфійскій издатель, конкуррируя съ первымъ, объявилъ о предстоящемъ третьемъ изданіи, говоря, что уже „получены мѣстные заказы на сотни экземпляровъ и на тысячу изъ колоніи Виргиніи", что готовится, сверхъ того, нѣмецкій переводъ. Однако, спросъ на памфлетъ Пэна оказался настолько огромнымъ, интересъ къ нему настолько всеобщимъ не только въ Америкѣ, но даже и въ Англіи, что удовлетворить ему было совершенно не подъ силу двумъ филадельфійскимъ издателямъ, хотѣвшимъ создать себѣ монополію сбыта памфлета, онъ былъ перепечатанъ въ цѣломъ рядѣ американскихъ городовъ и, кромѣ того, въ Лондонѣ, Нью-Кестлѣ, Эдинбургѣ, Ротердамѣ и въ Парижѣ. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ появленія памфлета въ одной Америкѣ было продано болѣе 120,000 экземпляровъ. Къ этому времени, вѣроятно, не было въ Америкѣ человѣка, который бы не читалъ памфлета, содержаніе его составляло предметъ разговоровъ и споровъ во всѣхъ концахъ Америки.

Въ первыхъ изданіяхъ на обложкѣ значилось „написанъ англичаниномъ". Въ позднѣйшихъ изданіяхъ уже не было такой надписи, но въ виду всеобщаго интереса къ автору было напечатано слѣдующее: „Публикѣ совершенно незачѣмъ знать, кто авторъ этого произведенія, такъ какъ обсужденію подлежатъ мысли памфлета, а вовсе не авторъ ихъ... Объ авторѣ можно только сказать, что онъ не имѣетъ связей ни съ какими партіями и не находится подъ вліяніемъ какихъ нибудь общественныхъ дѣятелей или частныхъ лицъ, слѣдуя только доводамъ разсудка и требованіямъ справедливости".

Изъ свидѣтельствъ современниковъ о первомъ впечатлѣніи, произведенномъ памфлетомъ Пэна, одно изъ наиболѣе раннихъ

принадлежитъ генералу Ч. Ли, который 24 января 1776 г., т. е. всего двѣ недѣли спустя послѣ выхода въ свѣтъ памфлета, такъ писалъ Вашингтону: „Видѣли ли вы памфлетъ „Common Sense". Я никогда не читалъ болѣе талантливаго, болѣе убѣдительнаго произведенія. Я надѣюсь, что эта книжка при томъ содѣйствіи, которое ей оказываютъ безумныя и гнусныя дѣйствія министровъ, нанесетъ послѣдній ударъ (coup de grâce) Великобританіи. Короче сказать, я долженъ сознаться, что аргументы ея автора меня вполнѣ убѣдили въ необходимости окончательнаго разрыва". Вашингтонъ, очевидно, вполнѣ соглашался съ такимъ мнѣніемъ, такъ какъ почти въ тѣхъ же словахъ выразился въ своемъ письмѣ къ Дж. Риду по поводу памфлета Пэна, письмѣ, посланномъ на другой день послѣ полученія письма Ли.

Еще черезъ нѣсколько дней, 6 февраля, въ статьѣ, напечатанной въ „Pennsylvania Evening Post", одно лицо изъ колоніи Мэрилэндъ пишетъ: „если вы знаете автора „Common Sense", скажите ему, что онъ совершилъ настоящее чудо, обративъ заядлыхъ тори въ революціонеровъ (виговъ)". 14 февраля раздается голосъ восхищенія изъ Южной Каролины: „Кто авторъ „Common Sense"? Я просто готовъ поклоняться ему, онъ, право, стоитъ памятника". 24 февраля были напечатаны подобные же восторженные отзывы о памфлетѣ Пэна въ одной Нью-Іоркской газетѣ: „Памфлетъ „Common Sense" чудесное произведеніе... Нельзя сомнѣваться въ томъ, что оно моментально произведетъ феноменальную (marvellous) перемѣну въ настроеніи, взглядахъ, чувствахъ многихъ американцевъ... Неизъяснимый восторгъ, овладѣвающій читателемъ памфлета, ... неизгладимое впечатлѣніе, производимое его доводами, ... ручается за то, что сѣмена независимости ..... возростутъ на американской нивѣ". А вотъ что мы читаемъ въ одномъ частномъ письмѣ, отправленномъ изъ Филадельфіи 12 марта. „Здѣсь вездѣ и всюду читаютъ „Common Sense", и всякій, кто прочтетъ, становится сторонникомъ окончательнаго разрыва съ Англіей, хотя, можетъ быть, за часъ передъ этимъ тотъ же человѣкъ выражался самымъ рѣзкимъ образомъ по поводу всякаго намека на независимость". 12 апрѣля одна Нью-Іоркская газета писала: „памфлетъ „Common Sense" обратилъ въ сторонниковъ независимости тысячи лицъ, которыя раньше и слышать ничего не хотѣли о разрывѣ съ Англіей".

Мы не находимъ нужнымъ приводить дальнѣйшихъ доказательствъ огромнаго вліянія, оказаннаго памфлетомъ Пэна на ходъ американской революціи и на окончательное торжество той партіи американцевъ, которая вела дѣло къ окончательному разрыву съ метрополіей. Памфлетъ Пэна вышелъ въ январѣ 1776 года, а въ іюлѣ того же года послѣдовала торжественная декларація независимости, которой конгрессъ безповоротно повелъ дѣло къ политической самостоятельности Америки. Мы видѣли, какъ медленно,

какъ неохотно склонялись американцы къ этому рѣшенію и, если, наконецъ, въ настроеніи американцевъ наступила рѣшительная перемѣна, то одной изъ причинъ—одной изъ могущественныхъ причинъ—такого поворота общественнаго мнѣнія было появленіе знаменитаго памфлета Пэна *). Таковъ не только приговоръ исторіи, какъ мы видѣли въ началѣ главы по сужденіямъ Тайлера, таково же было и мнѣніе самихъ современниковъ, какъ мы это видимъ изъ ряда только что приведенныхъ цитатъ.

Такимъ образомъ, памфлетъ Пэна принадлежитъ къ числу тѣхъ—правда рѣдкихъ—литературныхъ произведеній, на примѣрѣ которыхъ можетъ быть доказано очевиднѣйшимъ образомъ, что „слово“ часто не только не можетъ быть противополагаемо „дѣлу“, но само по себѣ можетъ составить одно изъ величайшихъ по своему вліянію „дѣлъ“.

Мы подошли теперь къ одному изъ критическихъ моментовъ революціоннаго движенія. Какъ мы уже упоминали, въ іюлѣ 1776 г. конгрессъ представителей отъ всѣхъ американскихъ колоній объявилъ, что цѣль возстанія отнынѣ не примиреніе съ Англіей при условіи согласія ея на извѣстныя уступки колоніямъ, а формальный отказъ Англіи отъ какой бы то ни было власти надъ Америкой. Мы познакомились съ рядомъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ защищалась та или иная точка зрѣнія на раздоръ Англіи съ ея колоніями, и видѣли, что литература играла видную роль въ развитіи революціоннаго движенія и въ значительной степени подготовила торжество крайнихъ партій. Но, можетъ быть, такое объясненіе не больше какъ плодъ нашей фантазіи, можетъ быть, мы, люди XIX вѣка, когда печать въ формѣ періодической прессы и слово въ рѣчахъ ораторовъ законодательныхъ и иныхъ собраній пріобрѣли столь могущественное значеніе, можетъ быть, повторяемъ, мы преувеличиваемъ значеніе литературы въ то время, въ эпоху американской революціи, въ особенности вліяніе памфлета Пэна на ходъ событій.

Для дальнѣйшаго подтвержденія основательности высказанныхъ выше взглядовъ, мы надѣемся, достаточно привести слѣдующія слова, внесенныя въ свой дневникъ извѣстнымъ историкомъ американской революціи В. Гордономъ **). 7 іюня 1776 г., т. е. въ тотъ самый день, когда въ американскій конгрессъ было

---

*) Сказать кстати, памфлетъ Пэна занимаетъ три съ половиною печатныхъ листа (54 страницы) въ новѣйшемъ изданіи сочиненій Пэна. The Wriings, of Th. Paine, vol. I (New Iork, 1894).

**) Кстати сказать, англичаниномъ, прибывшимъ въ Америку въ 1770 году отчасти изъ интереса и симпатіи къ протестамъ Америки противъ посягательствъ на ихъ свободу. Гордонъ былъ священникомъ (pastor) конгрегаціонистскаго прихода одного изъ городовъ Массачусэтса. См. Literary History of American Revolution, vol, II, 423—28.

формально внесено Р. Ли предложеніе объявить независимость Америки.

„Литературныя произведенія, появившіяся одно за другимъ въ послѣдніе годы и такъ или иначе касавшіяся вопроса объ отношеніяхъ къ метрополіи, возбуждали большой интересъ въ обществѣ и сильно содѣйствовали революціонному движенію; однако, ни одно изъ этихъ произведеній не произвело столь глубокаго впечатлѣнія, какъ „Common Sense", написанное англичаниномъ Том. Пэномъ... Это сочиненіе появилось, какъ нельзя болѣе, кстати. Согласуясь съ общимъ направленіемъ взглядовъ и чувствъ народа, оно произвело поразительнѣйшій эффектъ, вызвало самый горячій восторгъ, получило самое обширное распространеніе... Множество людей, по прочтеніи памфлета, пришли къ убѣжденію, что истинные интересы Америки должны побуждать ее разрубить гордіевъ узелъ, связывающій ее съ Англіей, и въ качествѣ независимой страны вступить въ непосредственныя торговыя и иныя сношенія со всѣми странами міра. Памфлетъ Пэна болѣе, чѣмъ что-либо другое, создалъ извѣстное единство въ отношеніи населенія всѣхъ колоній къ тѣмъ вопросамъ, которые подлежатъ обсужденію засѣдающаго въ настоящее время континентальнаго конгресса".

Какъ извѣстно, такъ называемый, второй континентальный конгрессъ, т. е. съѣздъ делегатовъ американскихъ колоній, собравшійся въ маѣ 1775 года (и съ тѣхъ поръ не расходившійся вплоть до фактической побѣды революціи въ 1781), видя, что его петиція королю оставлена безъ вниманія, и что Англія принимаетъ дѣятельныя мѣры къ подчиненію Америки силой, съ своей стороны, распорядился объ организаціи американскихъ сухопутныхъ войскъ и назначилъ главнокомандующимъ Дж. Вашингтона, пріобрѣвшаго себѣ почетную извѣстность въ качествѣ способнаго офицера въ войнѣ, которую незадолго передъ началомъ революціоннаго движенія Англія вела съ Франціей при помощи американской милиціи, войнѣ, закончившейся, какъ извѣстно, изгнаніемъ Франціи съ американскаго материка (уступкой Канады Англіи и остальныхъ владѣній на американскомъ материкѣ Испаніи).

Мы уже знаемъ, какъ перемѣнилось отношеніе американцевъ къ вопросу объ окончательномъ разрывѣ съ Англіей въ теченіе первой половины 1776 года. Резолюція въ пользу объявленія независимости была вотирована законодательными собраніями многихъ колоній *), равно какъ и всякаго рода конвентами и народными собраніями, имѣвшими мѣсто по тому или иному поводу въ теченіе 1776 года.

---

*) Въ то время уже образовавшихъ независимыя государства—states—или, какъ у насъ ихъ принято называть, «штаты». Эти «штаты» составили весьма слабый союзъ подъ названіемъ «конфедераціи», причемъ конгрессъ являлся един-

Настроеніе народа настолько выяснилось, что, наконецъ, и американскій конгрессъ рѣшилъ уступить народному движенію и въ іюнѣ 1776 года поручилъ одному изъ своихъ членовъ Т. Джефферсону составить торжественную „декларацію независимости". Выборъ оказался какъ нельзя болѣе удачнымъ: декларація, составленная Джефферсономъ, представляетъ собой одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ политическихъ документовъ *), которыми обладаетъ человѣчество, какъ по тому вліянію, которое она имѣла на ходъ ближайшихъ событій—роковыхъ для Америки и важныхъ для всего міра,—такъ и въ особенности по тѣмъ политическимъ доктринамъ, которыя горячо и талантливо развиты въ ней Джефферсономъ, доктринамъ, оказавшимъ глубокое вліяніе на политическое развитіе не только самихъ американцевъ, но отчасти даже и европейцевъ, такъ какъ эта декларація получила самое широкое распространеніе и въ Англіи, и на континентѣ Европы,—особенно во Франціи, гдѣ было такъ сильно раздраженіе противъ Англіи, вызванное недавней войной, и такъ живо и горячо сочувствіе повстанцамъ **).

Какъ ни интересно было бы привести цѣликомъ этотъ замѣчательный документъ, который, какъ выражается Тайлеръ, „будетъ читаться американцами, пока будетъ существовать американская цивилизація", мы должны отказать себѣ въ этомъ удовольствіи, такъ какъ эта декларація, не смотря на свои неподражаемыя литературныя достоинства, принадлежитъ къ категоріи оффиціальныхъ документовъ, государственныхъ актовъ, о которыхъ мы говоримъ здѣсь лишь мимоходомъ. Мы переходимъ те-

---

ственнымъ связующимъ элементомъ для этихъ «самодержавныхъ и независимыхъ» штатовъ. Впослѣдствіи связь «штатовъ» между собой была значительно увеличена принятіемъ до нынѣ дѣйствующей федеральной конституціи (1789 г.), См. «articles of confederation» и нынѣшнюю конституцію въ цитированномъ сборникѣ Preston'a.

*) Русскій переводъ декларацiи независимости можно найти въ цитированной книгѣ Эд. Чаннинга. Исторія Соед. Штатовъ. (С.-Петербургъ 1897 г. стр. 334—339). Превосходное описаніе обстоятельствъ, при которыхъ конгрессъ вотировалъ декларацію, можно найти въ сочиненіи Higginson'a. A larger history of Un. States 260—270.

**) «Странно было видѣть»,—пишетъ англійскій историкъ Лекки,—«какъ пылало негодованіемъ общественное мнѣніе чисто деспотической страны по поводу того, что Англія нарушила конституціонныя права своихъ колоній... Нельзя было, однако, сомнѣваться въ искренности самого энтузіазма!... Когда по желанію Франклина декларація независимости была переведена на французскій языкъ и широко распространена по всей Франціи, Мирабо, сидѣвшій въ то время въ тюрьмѣ въ Венсенѣ, недоумѣвалъ, читали ли и поняли ли эту декларацію тѣ, кто высказывалъ такія горячія симпатіи возставшимъ колонистамъ, и приходило ли имъ въ голову, что, исходя изъ теорій, развиваемыхъ въ декларацiи, ни одно правительство въ Европѣ нельзя было бы признать законнымъ, кромѣ правительства Англіи, Швейцаріи и Голландіи». Цитируемъ по первому изданію Hartpole Lecky, History of England in XVII, century, vol. IV, стр. 47—49.

перь къ обозрѣнію американской литературы, въ общепринятомъ смыслѣ этого выраженія, въ наступившую съ 4 іюля 1776 года новую эпоху для Америки—эпоху существованія „Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки“.

XV.

Литературная дѣятельность Т. Пэна послѣ объявленія независимости.

Послѣ объявленія независимости послѣдовало значительное ослабленіе литературной борьбы между революціонерами и, такъ называемыми, лойялистами. Положеніе послѣднихъ существенно измѣнилось: если и прежде имъ трудно было открыто защищать свои взгляды въ виду преобладающаго числа ихъ противниковъ и большой ихъ смѣлости и рѣшительности, то теперь лойялистамъ оставалось лишь или прямо отказаться отъ своихъ взглядовъ и дѣйствовать за одно съ революціонерами, или же искать убѣжища среди англійскихъ войскъ или въ мѣстахъ, находящихся во власти послѣднихъ. Съ объявленіемъ независимости быть сторонникомъ Англіи значило быть измѣнникомъ отечеству.

Однако, и при измѣнившихся обстоятельствахъ литература не переставала играть серьезную роль въ движеніи.

Правда, теперь литература утратила значеніе арены для запоздалой уже аргументаціи за и противъ разрыва съ Англіей, но за то пріобрѣла едва ли менѣе важное значеніе могущественнаго средства для поддержанія бодрости и одушевленія той или другой партіи въ тяжелые дни испытаній, выпадавшихъ въ достаточной мѣрѣ какъ на долю англичанъ и оставшихся имъ вѣрными лойялистовъ, такъ и въ особенности на долю патріотовъ или революціонеровъ.

Заслуги Т. Пэна и въ этомъ отношеніи весьма велики. Принимая участіе во многихъ походахъ американскихъ войскъ въ качествѣ адъютанта генерала Грина, испытавъ всѣ лишенія и невзгоды, обрушившіяся на американцевъ, въ особенности въ первые годы войны, Пэнъ не прекращалъ служить дѣлу освобожденія Америки и своимъ перомъ, выпустивъ въ теченіе войны 16 памфлетовъ подъ общимъ названіемъ „Crisis“, памфлетовъ, не разъ возбуждавшихъ бодрость американцевъ послѣ какой нибудь особенно тяжелой неудачи или пораженія.

„Мы переживаемъ ужасное время“,—писалъ въ первомъ изъ этихъ памфлетовъ Т. Пэнъ,—„время, когда подвергаются тяжелому испытанію человѣческія сердца... Кто теперь не упадетъ духомъ, кто теперь покажетъ себя патріотомъ, тотъ окажетъ отечеству великую услугу. Побѣда надъ тиранніей, какъ и надъ дьяволомъ, достается не легко. Будемъ помнить, что чѣмъ тяжелѣе борьба, тѣмъ болѣе славы въ побѣдѣ... Воспряньте же духомъ, друзья, не

щадите силъ; никакое усердіе, никакой трудъ не могутъ считаться чрезмѣрными въ виду той великой цѣли, которую мы преслѣдуемъ. Пусть знаютъ грядущія поколѣнія, что въ глубокую и жестокую зиму, когда, кажется, насъ могли поддержать лишь силы надежды и добродѣтели, всѣ американцы оставили города и деревни и сошлись для отраженія опаснаго врага... Мертво должно быть то сердце, которое и теперь остается безчувственнымъ. Собственныя дѣти будутъ проклинать трусость тѣхъ, кто сробѣетъ въ настоящій часъ, когда одно дружное усиліе можетъ спасти все дѣло и обезпечить счастіе потомства... Какъ я люблю тѣхъ, кто имѣетъ силу и самообладаніе улыбаться среди тревоги, кто дѣлается тѣмъ смѣлѣй, чѣмъ ближе становится опасность!.. Пусть дрожатъ подлыя души; тѣ же, у кого сердце твердо, кто дѣйствуетъ, слѣдуя голосу убѣжденія, сумѣютъ остаться вѣрными своимъ принципамъ, не смущаясь даже призракомъ смерти... Безумно ожидать милосердія отъ тѣхъ, кто отказалъ намъ въ справедливости! Твердость и мужество сулятъ намъ славное будущее, трусость и малодушіе могутъ принести намъ лишь одни бѣды и несчастія: страну нашу разорятъ, города обезлюдятъ, всѣхъ насъ лишатъ свободы и безопасности, дома обратятъ въ казармы и публичные дома для гессенскихъ *) наемниковъ **)... Представимъ себѣ такую картину и, если между нами есть хотя одинъ глупецъ и негодяй, который думаетъ и чувствуетъ иначе, пусть онъ страдаетъ, не вызывая ни въ комъ сожалѣнія".

Дѣйствіе памфлетовъ Пэна, которые онъ подписывалъ такъ много говорившими сердцу американцевъ словами „авторъ „Common Sense", было громадно и распространялось на всю народную массу, какъ это удостовѣряютъ многіе современники. Изъ приведенной выше цитаты читатель можетъ судить лишь объ общемъ характерѣ содержанія памфлетовъ Пэна, но только литературный талантъ, равный таланту самого Пэна, могъ бы воспроизвести блестящую ихъ форму, такъ много значущую для всякаго произведенія, которое должно дѣйствовать на народную массу, зажигая въ ней огонь страсти, пробуждая въ ней вѣру и надежду среди ряда неудачъ и разочарованій.

---

*) Англійское правительство, не имѣя возможности набрать достаточное количество солдатъ для войны съ американцами у себя дома (отчасти вслѣдствіе того, что въ Англіи не было полнаго сочувствія войнѣ съ Америкой), принуждено было нанять солдатъ въ Германіи, гдѣ на эту сдѣлку охотно пошелъ гессенскій герцогъ. Многіе гессенскіе солдаты нашли себѣ преждевременную могилу въ Америкѣ, платя своей кровью за расточительность своего герцога. Это, можетъ быть, лучше всего показываетъ, въ какомъ положеніи находился тогда въ Европѣ народъ. См. Goldwin Smiths, The United States. A political history, 1893, 85.

**) Число этихъ несчастныхъ гессенскихъ солдатъ, посланныхъ для порабощенія Америки, достигало почти 18,000. См. G. Rawson Gardiner. A Student's History of England, 1892; стр. 784.

„Кто хочетъ наслаждаться благами свободы“, писалъ Пэнъ на другой день послѣ особенно тяжкаго пораженія, понесеннаго американской арміей,—„долженъ умѣть мужественно сносить всякія невзгоды, всякія страданія. Вчерашнее событіе должно лишь возбуждать въ насъ сознаніе долга передъ отечествомъ и сдѣлать еще болѣе готовыми къ новымъ жертвамъ; оно отнюдь не можетъ, оно никакъ не должно поколебать нашу твердость. Вѣдь мы воюемъ не за тотъ или иной клочекъ земли, мы воюемъ за великое дѣло. Не все ли равно, нанесемъ ли мы врагу сразу одно рѣшительное пораженіе или же уничтожимъ его постепенно?.. Въ концѣ концовъ, мы всегда до сихъ поръ въ общемъ выигрывали, выиграемъ и теперь!.. Неужели десяти или двѣнадцати тысячамъ разбойниковъ, которые, кстати сказать, потеряли вчера полторы или двѣ тысячи убитыми и ранеными, удастся покорить Америку или хотя бы одинъ штатъ? Это можетъ произойти лишь тогда, когда мы будемъ сидѣть, сложа руки, и дозволимъ имъ это сдѣлать. Еще одно такое сраженіе, пусть даже оно опять для насъ будетъ неудачнымъ, ослабитъ еще болѣе нашего врага и подготовитъ окончательное его пораженіе... Мы слишкомъ много поставили на карту и не можемъ колебаться ни минуты, а должны рѣшительно дѣйствовать. Непріятель вторгался и въ другіе штаты, но его вездѣ прогоняли, прогонимъ его и мы. Теперь пришелъ нашъ чередъ и, кто знаетъ, можетъ быть намъ суждено нанести послѣдній ударъ!“...

Какъ мы уже упоминали, Пэнъ съ самаго начала войны за независимость дѣлилъ съ американцами выпавшіе на ихъ долю труды и опасности. Средства къ жизни Пэнъ зарабатывалъ себѣ то въ качествѣ секретаря комитета конгресса по иностраннымъ дѣламъ, то въ качествѣ клерка въ одной коммерческой конторѣ, то въ качествѣ секретаря законодательнаго собранія Пенсильваніи. Въ сентябрѣ 1777 года, составляя для конгресса въ Филадельфіи депеши къ Франклину, находившемуся въ то время въ Парижѣ, онъ услышалъ грохотъ выстрѣловъ подступавшаго непріятеля. Пэнъ моментально составилъ свѣжій номеръ „Crisis'a“, въ которомъ старался предотвратить народную панику, и затѣмъ, кинувъ перо, бросился къ властямъ, которыхъ убѣждалъ принять рѣшительныя мѣры къ защитѣ города и, прежде всего, составить волонтерскій отрядъ. Это ему не удалось, и онъ, не теряя времени, поспѣшилъ къ мѣсту стоянки американскихъ войскъ и въ качествѣ адъютанта генерала Грина принималъ участіе въ опасныхъ походахъ того года и въ полномъ ужасовъ отступленіи къ Valley Forge шелъ рядомъ съ Вашингтономъ *).

*) Ужасное положеніе американской арміи послѣ отступленія описано въ оффиціальномъ донесеніи Вашингтона къ президенту конгресса: до 3000 солдатъ, пишетъ Вашингтонъ, не могутъ нести службы, такъ какъ не имѣютъ обуви и частію другой одежды. Донесеніе помѣчено 23 декабря 1777 г.

Въ февралѣ 1781 года, въ то время, когда, казалось, война за независимость должна была скоро прекратиться вслѣдствіе отсутствія у американцевъ всякихъ средствъ къ продолженію ея, Пэнъ уѣхалъ во Францію вмѣстѣ съ полковникомъ Лоренсомъ (послѣдній ѣхалъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла) просить денежной помощи у короля. Черезъ полгода они оба вернулись, привезя съ собой, какъ результатъ поѣздки, 2.500,000 ливровъ; кромѣ того, съ ними пришло судно съ грузомъ платья, аммуниціи и оружія. Эта послѣдняя присылка изъ Франціи была весьма своевременна и, можетъ быть, безъ нея не могли бы состояться нѣкоторыя событія, подготовившія роковую для англичанъ сдачу генерала Корнваллиса.

„Какъ ни благородна, какъ ни велика была помощь американскому дѣлу, оказанная этими заслугами Пэна"—говоритъ проф. Тайлеръ,—„все же ее никакъ нельзя сравнивать съ той помощью, которую Пэнъ оказалъ дѣлу революціи, какъ писатель, и въ особенности какъ авторъ „Crisis'a". Между декабремъ 1776 года, когда появился первый памфлетъ серіи, носившей упомянутое названіе, до декабря 1783 года, когда вышелъ изъ печати послѣдній памфлетъ, этотъ неутомимый человѣкъ выпустилъ 16 такихъ памфлетовъ, пытаясь каждымъ изъ нихъ отвѣтить на запросы дня и—что можетъ быть самое поразительное—составляя свои литературныя произведенія въ крайней нуждѣ и бѣдности, бѣдности настолько значительной, что однажды, вскорѣ послѣ возвращенія изъ Франціи, Пэнъ извинялся передъ своимъ другомъ Лоренсомъ, находившимся въ то время въ войскахъ, осаждавшихъ Іорктаунъ, въ нѣкоторомъ промедленіи высылки пары сапогъ, заказанныхъ Лоренсомъ въ Филадельфіи, признавшись откровенно, что у него раньше не было денегъ заплатить за сапоги".

Надо сказать, наконецъ, что Пэнъ своими литературными произведеніями оказалъ великія услуги американцамъ не только во время войны, своимъ страстнымъ призывомъ къ борьбѣ, но и послѣ фактическаго торжества американцевъ убѣдительной проповѣдью необходимости единенія, необходимости для отдѣльныхъ колоній (въ то время уже штатовъ) пожертвовать частью своихъ верховныхъ правъ для образованія достаточно сильнаго государства, способнаго постоять за честь новаго американскаго флага *).

„Объединеніе колоній въ одно государство—вотъ что должно теперь больше всего озабочивать всякаго мыслящаго американца",—писалъ Пэнъ въ концѣ войны... „Только такимъ образомъ мы

*) Образованная вслѣдъ за объявленіемъ войны «конфедерація» представляла собой чрезвычайно слабый союзъ съ почти безсильными федеральными властями. Поэтому лучшіе люди Америки съ окончаніемъ войны направили всѣ усилія къ созданію болѣе тѣснаго союза съ федеральнымъ правительствомъ, имѣющимъ дѣйствительную силу. Эта агитація закончилась принятіемъ нынѣ дѣйствующей федеральной конституціи.

можемъ обезпечить себѣ значеніе въ международныхъ сношеніяхъ и безопасность у себя дома. Короче говоря, мы не можемъ имѣть прочной національной самостоятельности иначе, какъ въ качествѣ „Соединенныхъ Штатовъ". Отдѣльныя лица и отдѣльныя колоніи (штаты) могутъ называть себя какими угодно именами, но міръ, и въ особенности міръ враговъ, не испугаешь громкимъ названіемъ. Верховная власть должна имѣть силу противостоять врагу, и мы, американцы, только тогда можемъ надѣяться имѣть у себя такого рода верховную власть, если мы составимъ изъ колоній дѣйствительно „Соединенные Штаты", съ федеральнымъ правительствомъ, облеченнымъ серьезной властью... Я всегда возмущаюсь, когда слышу сколько нибудь пренебрежительное отношеніе къ вопросу объ образованіи болѣе тѣсной федераціи штатовъ и болѣе сильнаго союзного правительства, оплота нашей свободы, безопасности, счастія... Въ самомъ дѣлѣ, это важнѣйшій вопросъ политической организаціи Америки, который долженъ больше, чѣмъ что нибудь другое, озабочивать нашъ умъ, шевелить наше чувство. Въ качествѣ представителей особой націи, мы существуемъ лишь какъ граждане „Соединенныхъ Штатовъ", принадлежность тому или другому отдѣльному штату есть второстепенное мѣстное отличіе. Это отличіе существуетъ лишь для насъ самихъ, первое отличіе выдѣляетъ насъ отъ всего остального міра. Для насъ нѣтъ и не должно быть болѣе высокаго званія, какъ званіе американскихъ гражданъ, или просто американцевъ"!

XVI.

Лойялистская литература послѣ начала борьбы съ Англіей.

Лойялистская литература послѣ объявленія независимости въ двухъ отношеніяхъ отличалась отъ литературы революціонной того же времени. Во-первыхъ, она далеко уступала послѣдней по объему, во-вторыхъ, она обращалась преимущественно къ чувству читателей, можетъ быть, вслѣдствіе ослабѣвшей среди лойялистовъ увѣренности въ значеніи аргументаціи въ такое время, когда люди были увлечены страстями.

Едва-ли можно удивляться тому, что литература лойялистовъ между 1776 и 1783 гг. *) значительно уступаетъ революціонной литературѣ того же времени по объему: всѣ наиболѣе энергичные лойялисты должны были теперь или совсѣмъ уѣхать изъ Америки, или же искать убѣжища среди непріятельскихъ войскъ: лойялисты не располагали ни одной газетой, ни одной типографіей, исключая тѣхъ, которыя находились въ городѣ Нью-Іоркѣ **), или

*) Т. е. между годомъ объявленія независимости и заключеніемъ мира.

**) Который во время войны находился въ рукахъ англичанъ.

въ тѣхъ городахъ, которые на болѣе или менѣе продолжительный срокъ попадали во власть англичанъ. Не надо забывать и того, что даже и тѣ литературныя произведенія лойялистовъ, которыя во время борьбы съ англичанами были напечатаны, могли лишь съ большимъ трудомъ получить нѣкоторое распространеніе среди колонистовъ, представляя собой родъ контрабанды, запретнаго плода, который надо было прятать отъ нескромныхъ глазъ.

Страстность литературы лойялистовъ, преобладаніе въ ней эмоціональнаго элемента нисколько не лишаетъ ее, однако, историческаго значенія въ качествѣ одного изъ важнѣйшихъ средствъ для пониманія внутреннихъ пружинъ американской революціи. Обѣ стороны, обѣ партіи американцевъ боролись не только головой, не только руками, но и сердцемъ, война была не только въ сферѣ мыслей и физической силы, но и въ области чувствъ и страстей; противники старались поразить одинъ другого не только фактами и аргументами, но и насмѣшками, упреками, проклятіями...

Съ самаго же начала рѣзкаго разлада между двумя партіями, на которыя раздѣлились американцы, тори или лойялисты чаще всего упрекали виговъ въ противорѣчіи самимъ себѣ, выражавшемся въ томъ, что виги или революціонеры стремились защитить американскую свободу такими пріемами и такими путями, которые, по мнѣнію тори, являлись сами по себѣ величайшими посягательствами на свободу. Вслѣдствіе этого, говорили тори, многіе примкнули къ революціонерамъ исключительно изъ опасенія общественнаго остракизма, изъ боязни преслѣдованій черни. Мы уже упоминали объ одной изъ мѣръ континентальнаго конгресса (въ 1774 г.)—предложеніи американцамъ составить, такъ называемое, „Соглашеніе“, которымъ подписывавшіеся подъ нимъ обязывались не входить ни въ какія торговыя сношенія съ англичанами, не покупать и не употреблять продуктовъ англійской промышленности и т. д.

Многіе американцы, такъ увѣряли тори, подписывали такое „соглашеніе“ вовсе не изъ сочувствія къ затѣямъ революціонеровъ, а исключительно изъ страха прослыть политически неблагонадежными. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ это было дѣйствительно такъ. У насъ остался даже отъ того времени любопытный литературный документъ—въ видѣ пародіи на извѣстный монологъ Гамлета,—характеризующій, съ точки зрѣнія тори, положеніе многихъ американцевъ одного съ ними образа мыслей.

Вотъ начало этого монолога.

Затрудненіе американскаго лойялиста.

Подписывать или не подписывать—вотъ въ чемъ вопросъ?
Что лучше для честнаго человѣка—подписать и быть безопаснымъ,
Или, пренебрегая всѣмъ, избѣгать всякихъ «соглашеній»?

Бѣжать,—все равно куда,—и бѣгствомъ избѣгнуть
Тысячи оскорбленій, которыхъ всегда должны здѣсь ждать лойялисты.
Бѣжать—нуждаться? Только-ли нуждаться—можетъ быть, даже умереть съ голоду?

. . . . . .

Итакъ, какъ мы только что упоминали, лойялисты чаще всего упрекали революціонеровъ въ томъ, что они насаждаютъ свободу насильственными мѣрами. Въ этомъ отношеніи любопытно также слѣдующее „Посланіе" (въ стихахъ) къ Роберту Вильсу—издателю „Carolina Gazette"—одного молодого лойялиста, попавшаго за эту смѣлую выходку въ тюрьму.

«Извини, дорогой Робертъ, я не могу считать вѣрнымъ,
Хотя это и утверждаетъ Соломонъ, что подъ луной нѣтъ ничего новаго.
Если бы Соломонъ жилъ въ наше время, онъ долженъ былъ бы сознаться,
Что въ нашемъ западномъ полушаріи все ново, стараго не осталось и слѣда.
Если же онъ, однако, стоялъ бы на своемъ и повторялъ свои слова,
Я бы предложилъ этому мудрому сыну Давида нѣсколько простыхъ вопросовъ:
—Случалось ли когда-нибудь на свѣтѣ, чтобы люди были наказываемы судомъ
За то, что они не нарушали закона? Было-ли когда-нибудь,
Чтобы людей обмазывали дегтемъ и обсыпали затѣмъ перьями за то, что они пьютъ чай?
Случалось-ли прежде, чтобы насиліемъ и притѣсненіями людей принуждали быть свободными?
Видано-ли было когда-нибудь, чтобы люди, утверждающіе, что всѣ человѣческія существа
Были всегда по праву и всегда будутъ свободны, какъ вѣтеръ,
Въ то же время сжигали своихъ рабовъ за то, что тѣ
Повѣрили всѣмъ такимъ словамъ, которыя не сходятъ съ устъ ихъ господъ *)

Лойялисты упрекали революціонеровъ и въ томъ, что ихъ вожди принадлежатъ по своему происхожденію и положенію къ низшимъ слоямъ общества, тогда какъ большинство людей богатыхъ, занимающихъ высокое положеніе въ обществѣ и людей

*) Рабовладѣніе составляло темное пятно на свѣтломъ фонѣ общественной жизни американскихъ колоній въ XVIII и XIX стол. Надо сказать, впрочемъ, что рабовладѣніе получило развитіе въ значительной степени вопреки желанію самихъ колонистовъ, такъ какъ торговля неграми (вывозимыми изъ Африки) приносила большія выгоды «Королевскому Африканскому Обществу», которое занималось этой торговлей и которое пользовалось особымъ покровительствомъ англійскаго правительства. Возстаніе противъ Англіи отодвинуло на задній планъ вопросъ объ уничтоженіи рабовладѣнія въ Америкѣ, такъ какъ этотъ вопросъ могъ бы оттолкнуть отъ общаго дѣла южныя колоніи, гдѣ трудъ негровъ рабовъ успѣлъ уже получить широкое примѣненіе. Какъ извѣстно, уничтоженіе рабства негровъ въ Америкѣ произошло лишь во второй половинѣ XIX стол. и вызвало междоусобную войну между южными и сѣверными штатами.

высоко образованныхъ—лойялисты. Эта мысль развивается, напр., въ „Новѣйшемъ катехизисѣ“, напечатанномъ въ „New York Gazette“ 23 мая 1777 года. Вотъ нѣкоторые изъ вопросовъ и относящихся къ нимъ отвѣтовъ, которые мы находимъ въ этомъ оригинальномъ катехизисѣ.

Вопр. Кто главные сторонники и коноводы американской революціи?

Отв. Небольшая кучка безпринципныхъ людей и неудачниковъ въ Англіи и гнусная, злонамѣренная шайка въ Америкѣ, нахально присвоившая себѣ названіе конгресса...

Вопр. Изъ кого состоитъ этотъ конгрессъ?

Отв. Изъ ничтожныхъ, никому неизвѣстныхъ адвокатовъ кляузниковъ, обанкротившихся лавочниковъ, злостныхъ контрабандистовъ и т. п.

Вопр. Изъ кого состоятъ шайки революціонеровъ и кто ихъ предводители?

Отв. Эти шайки состоятъ изъ всякихъ отбросовъ и подонковъ общества, и предводители ихъ по своимъ достоинствамъ не уступаютъ членамъ конгресса...

Члены американскаго конгресса особенно часто были предметомъ насмѣшекъ и въ стихахъ, и въ прозѣ со стороны лойялистскихъ писателей. Особенно широкое распространеніе среди лойялистовъ получила вышедшая въ 1776 году (т. е. въ годъ объявленія независимости) баллада „The Cemyress“, въ которой непризнаваемое тори законодательное собраніе было осыпано въ прекрасныхъ стихахъ массой крайне рѣзкихъ эпитетовъ.

Смѣлые плуты, набитые дураки,
Сующіеся не въ свое дѣло ослы
И ихъ покорные прихвостни—
Вотъ изъ кого состоитъ конгрессъ.

Когда Господь рѣшилъ показать намъ свой гнѣвъ
И подвергнуть всякимъ бѣдствіямъ,
Онъ не поразилъ насъ язвой или голодомъ, а подвергъ гораздо болѣе тяжкому испытанію:
Онъ послалъ намъ конгрессъ.

И вотъ теперь миръ оставилъ наши злосчастные берега,
Загремѣли пушки, наполняя сердца ужасомъ,
Мы только и слышимъ о крови, ранахъ, о страданіяхъ и смерти.—
И все это дѣло конгресса.

. . . . . .

Когда мерзостныя насѣкомыя какъ нибудь попадутъ на свѣтъ,
Они стараются поскорѣй убѣжать
И скрыться гдѣ нибудь во мракѣ.
Такъ себя держитъ и конгрессъ *),

*) Намекъ на то, что конгрессу, собравшемуся первоначально въ Филадельфіи, пришлось въ теченіе войны мѣнять мѣсто своихъ засѣданій въ зависимости отъ движенія непріятельской арміи.

Конгрессъ попираетъ всякія права свободныхъ людей,
По его командѣ мы постимся и молимся *),
Онъ платитъ намъ ничего не стоющими бумажками,
Вотъ какова гнусная политика конгресса!

. . . . . .

По поводу послѣдняго изъ приведенныхъ стиховъ надо замѣтить, что неумѣренный выпускъ бумажныхъ денегъ конгрессомъ служилъ не разъ поводомъ для язвительныхъ насмѣшекъ лойялистовъ. Правда, къ такому выпуску бумажныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ конгрессъ былъ вынужденъ исключительными трудностями своего положенія; ему приходилось вести войну съ сильнымъ и богатымъ врагомъ, не имѣя никакихъ собственныхъ источниковъ дохода, кромѣ тѣхъ взносовъ, которые дѣлались каждой колоніей отдѣльно; самъ же конгрессъ не имѣлъ права взимать съ населенія никакихъ налоговъ **).

Извѣстно, однако, какъ склонны правительства злоупотреблять выпускомъ бумажныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ даже во время глубокаго мира и тѣмъ болѣе, конечно, во время войны. Мы не удивимся поэтому, что и конгрессъ не сумѣлъ соблюсти мѣру и, выпустивъ въ 1775 году на 6 милліоновъ бумажныхъ долларовъ, въ 1776 году довелъ число выпущенныхъ бумажекъ до 19 мил., до 63 въ 1778 и до 140 въ 1779 г. Съ конца 1776 года началось паденіе цѣнности бумажнаго доллара, до тѣхъ поръ мѣнявшагося al pari; въ концѣ 1777 года за бумажный долларъ давали 33 цента (вмѣсто 100) серебромъ, въ концѣ 1779 года 12 центовъ и въ началѣ 1780 менѣе 2 центовъ. Въ это время (въ 1779 г.) за фунтъ сахару приходилось платить 11 долл. и 100 долларовъ за фунтъ чаю. Въ 1781 г. Джефферсонъ заплатилъ доктору за два визита 3,000 дол., а Т. Пэнъ за пару шерстянныхъ носковъ 300 бумажныхъ долларовъ.

Такой упадокъ цѣнности денежныхъ знаковъ, созданныхъ революціоннымъ правительствомъ, казалось, предвѣщалъ близкую и неизбѣжную неудачу войны, которую приходилось вести на такія средства, и несомнѣнно такая увѣренность въ значительной степени содѣйствовала тому, что лойялисты особенно охотно изощрялись по поводу финансовыхъ средствъ революціонеровъ. Такъ, три мѣсяца спустя послѣ объявленія независимости, въ „New-Jork Gazette“ было напечатано сатирическое объявленіе, въ которомъ предлагалось большое количество бумажныхъ долларовъ въ качествѣ одного изъ наиболѣе дешевыхъ матеріаловъ для оклеиванія

*) Конгрессу случалось въ критическія минуты въ жизни колоній назначать день, который всѣмъ американцамъ предлагалось провести въ постѣ и молитвѣ Всевышнему объ оказаніи помощи ихъ правому дѣлу.

**) Выше было сказано, какъ слаба была первоначально связь между «соединенными штатами», пока они составляли, такъ назыв., «конфедерацію» (до 1789 г.).

стѣнъ. Въ другой разъ въ той же газетѣ сообщалось, что бумажные доллары употребляются многими для растапливанія печей, для закуриванія трубокъ и для другихъ еще болѣе низменныхъ цѣлей.

Въ 1778 году въ той же газетѣ былъ напечатанъ разсказъ подъ названіемъ „Сонъ", въ которомъ въ шуточномъ тонѣ было изложено то, что происходило на томъ свѣтѣ при прибытіи туда умершихъ въ недавнее время членовъ конгресса. Эти почтенные государственные люди, говорилось въ разсказѣ, „были такъ преисполнены сознаніемъ важности присвоеннаго ими себѣ званія, что они взяли съ собой даже свои сенаторскія кресла, хотя имъ пришлось за это внести двойную сумму за переправу черезъ Стиксъ". Впрочемъ, вопросъ о цѣнѣ не имѣлъ для нихъ никакого значенія, „такъ какъ они захватили съ собой изрядное количество бумажныхъ долларовъ, а Харонъ оказался настолько наивнымъ, что принялъ эти доллары и теперь ругается на чемъ свѣтъ стоитъ, не зная какъ бы сбыть съ рукъ эти доллары хоть по какой-нибудь цѣнѣ".

Само собой разумѣется, что при такомъ состояніи общественныхъ финансовъ офицеры и солдаты революціонной арміи должны были выносить чрезвычайныя лишенія. Послѣ прибытія союзныхъ французскихъ войскъ многіе американскіе офицеры, за неимѣніемъ порядочнаго костюма и за недостаткомъ средствъ для приличнаго стола, не могли отвѣчать своимъ французскимъ друзьямъ на ихъ пріемы и угощенія. И американцы лойялисты, и англійскіе офицеры постоянно издѣвались поэтому надъ жалкимъ обмундированіемъ революціонныхъ войскъ и ихъ безденежьемъ. Одинъ англійскій офицеръ изъ числа войскъ, стоявшихъ гарнизономъ въ Нью-Іоркѣ, такъ писалъ въ своемъ дневникѣ 1 марта 1777 года: „Одинъ дезертиръ изъ арміи мятежниковъ, явившійся къ намъ въ Нью-Іоркъ сегодня утромъ, говоритъ, что американскія войска испытываютъ крайній недостатокъ въ хлѣбѣ и что, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ главной квартиры Вашингтона, этому генералу приходится подвязывать свои брюки ремешками, такъ какъ пуговицы онъ уже давно продалъ, чтобы купить чего нибудь съѣстного. Бумажекъ, правда, у него много, но съ тѣхъ поръ, какъ старый Франклинъ уѣхалъ во Францію, некому превозносить эту дрянь, и мѣстные жители не уступаютъ даже своей скверной провизіи за бумажные доллары"...

При такомъ положеніи дѣлъ американцамъ было весьма трудно вести войну съ Англіей, и они дѣятельно искали себѣ союзниковъ въ Европѣ. Франція, у которой была еще свѣжа въ памяти утрата Канады, конечно, радовалась случаю отмстить своему старому врагу, но долго не рѣшалась сдѣлать это открыто. Наконецъ, старанія Франклина, находившагося въ Парижѣ съ декабря 1776 года, увѣнчались успѣхомъ, и въ февралѣ 1778 года Франція заключила формальный союзъ съ американцами.

Мысль о возможности такого союза сдѣлала англійское правительство готовымъ на всякія уступки, и вотъ, когда союзъ Франціи съ Америкой былъ уже совсѣмъ близокъ къ осуществленію, въ самомъ началѣ 1778 г. министерство внесло въ парламентъ билль, которымъ торжественно заявлялось, что „Англія отказывается отъ права облагать какими бы то ни было налогами и пошлинами сѣверо-американскія колоніи, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда это требуется для регулированія торговыхъ отношеній, причемъ весь чистый доходъ отъ такихъ пошлинъ и налоговъ долженъ быть обращаемъ на пользу тѣхъ колоній, съ населенія которыхъ они будутъ взысканы". Но теперь—увы! — было поздно, и даже обѣщаніе такихъ уступокъ не могло больше склонить колонистовъ къ примиренію съ метрополіей.

Заключеніе формальнаго союза съ Франціей произвело огромное впечатлѣніе и на лойялистовъ, которые много разъ обсуждали въ литературѣ всю неестественность такого сближенія одного изъ самыхъ деспотическихъ королевствъ Европы съ американскими революціонерами. Подумали ли вы о томъ, спрашивали лойялисты революціонеровъ, что вмѣшательство Франціи лишь подливаетъ масла въ огонь и можетъ только усилить рѣшимость Англіи сокрушить возстаніе?.. Но допустимъ даже, что, благодаря поддержкѣ Франціи, Англія потеряетъ свои американскія колоніи. Что тогда будетъ? Будетъ гораздо хуже, чѣмъ было когда нибудь раньше. Англію, вашу любящую, хотя, можетъ быть, временами строгую мать—замѣнитъ Франція — предательская и жестокая мачиха; вмѣсто обычаевъ конституціонной Англіи, у васъ водворится чистый французскій абсолютизмъ; съ теченіемъ времени у васъ заведется и американская бастилія; затѣмъ, начнется гоненіе на англійскій языкъ и, возможно даже, будетъ сдѣлана попытка обратить васъ въ католичество и т. д. Въ высшей степени любопытнымъ и характернымъ примѣромъ того, какимъ образомъ лойялисты въ своихъ сочиненіяхъ, вызванныхъ союзомъ революціонеровъ съ Франціей, старались подорвать этотъ союзъ, обращаясь къ расовымъ, религіознымъ и другимъ предразсудкамъ американцевъ, можетъ служить слѣдующій дневникъ, напечатанный въ New-York Gazette въ мартѣ 1779 года и изображающій пророчески то, что должно случиться въ Америкѣ черезъ десять лѣтъ.

„Бостонъ 10 ноября 1789 г. Его превосходительство графъ Деспотовъ *), повинуясь приказу его величества, опубликовалъ сегодня манифестъ о пресѣченіи ереси и установленіи инквизиціи въ нашемъ городѣ, какъ это уже сдѣлано во многихъ городахъ американскаго континента во владѣніяхъ его величества короля французскаго.

---

*) Count Tyran.

„Чтеніе Библіи не на латинскомъ языкѣ запрещено подъ угрозой наказанія по усмотрѣнію инквизиціи“.

„11 ноября. Католическая религія не только внѣшнимъ образомъ исповѣдуется теперь многими въ Америкѣ, она сдѣлала, въ самомъ дѣлѣ, весьма значительные успѣхи среди всѣхъ классовъ общества, благодаря въ особенности неустаннымъ трудамъ доминиканскихъ и францисканскихъ монаховъ, не упускающихъ случая распространять повсюду сѣмена католической религіи... Говорятъ, что наша старая кирка будетъ обращена въ католическій соборъ и что такимъ же образомъ многія другія кирки будутъ обращены въ костелы.

„12 ноября. Его величество повелѣть изволилъ, чтобы изъ жителей Массачусэтса было набрано 5,000 солдатъ для пополненія гарнизоновъ на Вестъ-Индскихъ островахъ. Офицеры для этихъ гарнизоновъ уже пріѣхали изъ Франціи.

„13 ноября. Сегодня опубликованъ высочайшій указъ, которымъ запрещается употребленіе англійскаго языка во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ съ 20 числа текущаго мѣсяца. Съ того же числа начнется дѣйствіе опубликованныхъ ранѣе указовъ, которыми отмѣненъ судъ присяжныхъ и введено французское уложеніе...

„17 ноября. Одинъ важный государственный преступникъ, находившійся уже долгое время въ Новой Бастиліи, былъ сегодня тайнымъ образомъ казненъ. Онъ долгое время командовалъ американскими силами въ войнѣ съ Англіей, но впослѣдствіи былъ арестованъ по приказанію правительства, такъ какъ подозрѣвали, что онъ имѣетъ опасное вліяніе въ странѣ, недавно завоеванной Франціей и не вполнѣ еще колонизованной французами.

„Его величеству угодно было пожаловать многимъ знатнымъ дворянамъ значительную часть земель, принадлежащихъ его величеству въ Америкѣ. Дворяне будутъ сдавать эти земли крестьянамъ, которые за это будутъ обязаны платить извѣстную арендную плату и исполнять нѣкоторыя натуральныя повинности (барщину).

„Его величество изволилъ издать всемилостивѣйшій приказъ, запрещающій американцамъ имѣть у себя огнестрѣльное оружіе, подъ страхомъ ссылки въ каторжныя работы.

„22 ноября. Изъ Вилліямсбурга въ Виргиніи сообщаютъ, что тамъ произошли нѣкоторыя волненія при первомъ взиманіи подушной подати. Однако, благодаря своевременно подоспѣвшему нормандскому полку, квартирующему въ окрестностяхъ, безпорядки были быстро прекращены послѣ того, какъ нѣсколькими залпами, направленными въ толпу, пятьдесятъ человѣкъ было уложено на мѣстѣ. Полагаютъ, что такой энергичный образъ дѣйствій правительства остановитъ всякія дальнѣйшія попытки возмущенія въ той части Америки.

„23 ноября. Его величество приказалъ генералъ-губернатору

(viceroy) избрать пятьсотъ мальчиковъ изъ наиболѣе видныхъ и вліятельныхъ американскихъ семействъ и отправить ихъ во Францію, гдѣ будетъ приложено особое попеченіе о воспитаніи ихъ въ духѣ глубокой преданности католической религіи и покорности французскимъ властямъ".

„Изданъ приказъ о томъ, чтобы вся торговля Америки производилась на судахъ, построенныхъ во Франціи и имѣющихъ французскихъ матросовъ и командировъ".

„Вотъ какое счастіе ожидаетъ въ недалекомъ будущемъ Америку, если, благодаря вмѣшательству Франціи, ей удастся избавиться отъ зависимости отъ Великобританіи".

Конечно, говоритъ проф. Тайлеръ, теперь, болѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ этого пророчества, для насъ, знающихъ, что ни одно изъ выше приведенныхъ предсказаній не оправдалось, кажутся смѣшными и наивными тѣ страхи и опасенія, которыя частію испытывали сами, частію старались возбуждать въ другихъ американскіе лойялисты. Однако, подобные документы, какъ намъ кажется, представляютъ большой интересъ, позволяя заглянуть въ самыя сокровенныя мысли противниковъ разрыва съ Англіей и составить себѣ нѣкоторое представленіе не о той борьбѣ, которая происходила на поляхъ сраженія и которая была описана много разъ, а о той внутренней борьбѣ, которая должна была въ большей или меньшей мѣрѣ происходить въ душѣ каждаго американца при появленіи въ Америкѣ въ качествѣ союзниковъ тѣхъ самыхъ французовъ, съ которыми американцы не разъ вели войну общими силами со своей метрополіей и которыхъ они такъ недавно дружными усиліями изгнали съ американскаго континента. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что американцы весьма охотно помогали англичанамъ въ ихъ борьбѣ съ французами въ Америкѣ, такъ какъ они въ высшей степени опасались распространенія владычества французовъ на американскомъ континентѣ и въ особенности возможности попасть когда нибудь подъ неограниченную власть французскихъ администраторовъ, не знающихъ другихъ законовъ, кромѣ приказовъ и предписаній версальскаго двора.

При всей краткости этого обзора лойялистской литературы послѣ объявленія войны за независимость, мы не считаемъ возможнымъ умолчать о двухъ главныхъ сатирикахъ этой партіи: Дж. Стансбери (Stansbury) и Джонатанѣ Оделлѣ. Особенно рѣзки, особенно полны ненависти и презрѣнія къ революціонерамъ сатиры послѣдняго. Нѣтъ такого ругательства, нѣтъ такого браннаго слова, которыя только допускаются на печатныя страницы и которыхъ мы не нашли бы въ безукоризненныхъ съ точки зрѣнія техники литературнаго творчества, полныхъ яда сатирахъ Дж. Оделля. По его мнѣнію, вожди революціоннаго движенія какъ въ литературѣ, такъ и на полѣ битвы и въ конгрессѣ безпринципные мерзавцы, увлекшіе довѣрившійся имъ народъ на путь беззаконія и мятежа, об-

реченные къ тому же на несомнѣнную неудачу. Впрочемъ, по мнѣнію Оделля, этихъ негодяевъ больше чѣмъ можно было бы думать, а если бы почему либо тотъ или другой изъ нихъ сошелъ со сцены, на смѣну ему всегда явился бы другой, не уступающій первому ни въ наглости, ни въ безчестности, ни въ низости.

Если бы Адамсъ обратился въ прахъ,
На его мѣсто вступилъ бы другой такой же Адамсъ,
Если бы смутьянъ Ханкокъ *) отправился къ праотцамъ,
Его мѣсто сейчасъ же занялъ бы такой же олухъ.
Ну, а если бы мы избавились какимъ нибудь чудомъ отъ Лоренса?
Что-жъ толку?—У него есть сынъ.
А если бы самъ Вашингтонъ сошелъ со сцены?
Нашелся бы преемникъ и ему,—хотя бы, напр., Гринъ.
Такихъ плутовъ и мошенниковъ мы могли бы назвать сколько угодно,
Число ихъ, повидимому, не уступаетъ числу бумажекъ, выпущенныхъ конгрессомъ.
Когда самодержавнымъ Соед. Штатамъ понадобилось отправить посла въ Парижъ,
Вѣдь сразу нашлось три,—одинъ другого лучше!
И въ самомъ дѣлѣ, каковъ подборъ: фанатикъ **), деистъ и болванъ.

. . . . . .

Ну, а если бы Франклинъ отправился къ чорту въ адъ,
Не безпокойтесь, ему на смѣну найдется цѣлыхъ сто на выборъ.

Нечего и говорить, какимъ неудержимымъ потокомъ брани и оскорбленій обрушился Оделль на Том. Пэна—англичанина, пріѣхавшаго въ Америку въ 1775 г. и отдавшагося всѣмъ своимъ существомъ движенію противъ вскормившей его родины. Не пощадилъ Оделль и самого Вашингтона—этого героя изъ героевъ войны за независимость, человѣка, на котораго еще теперь большинство американцевъ смотрятъ какъ на олицетвореніе всѣхъ добродѣтелей, и который во всякомъ случаѣ представляетъ одну изъ самыхъ благородныхъ личностей, какихъ только знаетъ исторія. Между тѣмъ вотъ какъ выражался о немъ въ одной изъ своихъ сатиръ Оделль.

«Раздавайся адская музыка, гремите чортовы барабаны!
Салютуйте пушки,—вотъ идетъ военачальникъ!

. . . . . .

Послушай ты, Вашингтонъ, про свои проступленія,
Внимай разсказу о твоихъ злодѣяніяхъ:
Ты оказалъ поддержку гнусному дѣлу,
Ты возсталъ противъ своего короля, отечества и законовъ,
Ты совершилъ клятвопреступленіе, поощрялъ ложь и обманъ,
Ты насиловалъ чужую совѣсть, ты разорвалъ священнѣйшія узы;
Къ тебѣ взываютъ тысячи женъ и отцовъ,
Требуя своихъ мужей и сыновей, убитыхъ по твоей винѣ.
Если въ поляхъ теперь земледѣлецъ не снимаетъ жатвы,

*) Предсѣдатель конгресса.
**) Т. Пэнъ, Франклинъи Лоренсъ,

Если города обратились въ пустыню—это дѣло твоихъ рукъ!

. . . . . .

Ты виновникъ тысячи преступленій, тысячи мерзостей.
Потому что ты ихъ поддерживаешь, ты ихъ защищаешь!

Мы уже упоминали, что въ лагерѣ лойялистовъ было два главныхъ сатирика Стансбери и Оделль. Когда война закончилась полнымъ торжествомъ революціи, и для Америки началась эра самостоятельной жизни, Стансбери помирился съ новымъ порядкомъ вещей и предлагалъ даже всѣмъ американцамъ забыть свою недавнюю вражду, работая совмѣстно на пользу народную.

Теперь, когда война окончательно прекратилась,
Не будемъ больше думать о ней,
Забудемъ, какъ позорныя воспоминанія,
Ложь и оскорбленія, которыми мы осыпали другъ друга въ пылу партійнаго раздраженія,
Стыдясь того, что мы были когда-то врагами,
Не будемъ напоминать о ранахъ, нанесенныхъ противникомъ.

Однако, въ первые мѣсяцы по окончаніи войны американскій народъ не могъ такъ легко забыть тѣ оскорбленія, которыми осыпалъ его въ своихъ сатирахъ Стансбери, и когда послѣдній поселился со своей семьей въ одной деревнѣ въ штатѣ Нью-Джерси, его посадили въ тюрьму и, выпустивъ оттуда черезъ недѣлю, потребовали, чтобы онъ выѣхалъ въ теченіе 9 дней изъ Соед. Штатовъ. Онъ уѣхалъ въ Канаду и лишь въ концѣ 80-хъ *) годовъ ему оказалось возможнымъ возвратиться, наконецъ, къ семьѣ и найти покой въ городѣ Нью-Іоркѣ, носившемъ уже тогда болѣе или менѣе космополитическій характеръ.

Не таковъ былъ Оделль: онъ остался непримиримымъ врагомъ революціонеровъ до конца и когда, вопреки его ожиданію, англійскому королю пришлось признать самостоятельность Соед. Штатовъ, Оделль поспѣшилъ переселиться въ Канаду, гдѣ умеръ въ глубокой старости, не отказавшись никогда ни отъ одного слова изъ высказаннаго имъ по поводу революціоннаго движенія.

XVII.

Фрэнсисъ Хопкинсонъ—сатирикъ революціонной партіи.

Намъ извѣстно, что нѣкоторая часть американцевъ—есть основаніе думать, что эта часть доходила почти до одной трети**)—не сочувствовала крайнимъ мѣрамъ революціонеровъ и въ особенности безповоротному разрыву съ Англіей, торжественно возвѣ-

*) Миръ, какъ извѣстно, былъ заключенъ въ 1783 г.
**) См. выше, главу IX.

щенному всему міру американскимъ конгрессомъ знаменитой декларацiей независимости 4 іюля 1776 г.

Помимо всякихъ другихъ соображенiй болѣе или менѣе практическаго свойства для многихъ трудно было разстаться съ завѣщанной отцами и не чуждой извѣстной сантиментальности любовью къ старой, славной Англiи, съ которой Америка имѣла связи культурно-историческiя, религiозныя, литературныя и научныя, наконецъ, связи кровныя, такъ какъ и въ теченiе XVIII столѣтiя никогда не прекращался свѣжiй притокъ эмигрантовъ изъ Англiи. Всѣ эти связи, равно какъ и связи торгово-промышленныя, по своей важности далеко превосходили связь политическую, которая до послѣднихъ мѣръ, принятыхъ министерствомъ, имѣла скорѣе формальный или номинальный характеръ. Какъ читатель могъ самъ видѣть изъ предшествующаго изложенiя, американцы возстали не столько для того, чтобы сбросить съ себя тяготѣвшее надъ ними иго, сколько для того, чтобы оборвать сразу первыя попытки англiйскаго правительства наложить на нихъ такое иго *).

Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что при начавшемся революцiонномъ движенiи многiе американцы не могли сразу преодолѣть своихъ традицiонныхъ чувствъ къ метрополiи и проникнуться ненавистью къ тѣмъ, кого они привыкли уважать и даже любить. При такихъ условiяхъ одной изъ задачъ революцiонеровъ было дискредитировать въ глазахъ народной массы не только англiйское правительство, но и самый англiйскiй народъ, его обычаи и привычки, взгляды, идеалы. Эту задачу взялъ на себя знакомый намъ Фр. Хопкинсонъ **) и чрезвычанно удачно исполнилъ ее въ т. наз. „Письмѣ одного иностранца о характерѣ англiйскаго народа". Это письмо появилось въ самый годъ объявленiя независимости и, можно думать, является нѣкоторымъ подражанiемъ знаменитымъ „Lettres Persanes" Монтескье, сочиненiя котораго получили весьма широкое распространенiе въ Америкѣ ***).

Это письмо содержитъ весьма сдержанное по формѣ, но чрезвычайно злое по смыслу описанiе разныхъ слабостей, пороковъ и причудъ англичанъ, якобы замѣченныхъ однимъ иностранцемъ, которому случилось прожить нѣсколько лѣтъ среди нихъ. Весьма естественно, что въ своемъ письмѣ иностранецъ касается и ссоры Англiи съ Америкой. Онъ объясняетъ эту ссору разногласiемъ по поводу ариѳметической истины $2 \times 2 = 4$, чѣмъ онъ замѣняетъ знакомую намъ формулу, суммирующую причину ссоры: „безъ представительства не можетъ быть обложенiя налогами" (no taxa-

*) См. первую главу нашей работы.

**) См. выше, главу VIII.

***) Монтескье былъ въ особенности извѣстенъ, какъ авторъ «Esprit es lois».

tion without representation), такъ какъ, по его мнѣнію, и та, и другая формула выражаютъ истины одинаково очевидныя.

„Лучшій изъ монарховъ", такъ пишетъ Хопкинсонъ, „обратилъ, наконецъ, свои милостивые взоры на Америку. Тамъ у него было три милліона подданныхъ, которые слушались его, любили и почитали. Онъ назначалъ для управленія краемъ своихъ чиновниковъ; ему всецѣло принадлежало право регулированія торговыхъ сношеній Америки, такъ что избытки американцевъ легко попадали въ королевскую казну или въ карманы англійскихъ купцовъ и фабрикантовъ. Но онъ, однако, затѣялъ ссору со своими вѣрными и доставлявшими столько выгодъ подданными, потому что они не хотѣли признать, что дважды два пять. Американцы написали цѣлые томы по этому вопросу, изощряя весь свой умъ и краснорѣчіе, чтобы убѣдить своего мудраго короля, что онъ заблуждается. Они умоляли принять отъ нихъ выраженія искреннѣйшихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, заявляли, что согласны на то, чтобы и впредь плоды труда ихъ служили къ вящщему обогащенію короля и его подданныхъ въ Англіи, но почтительнѣйше просили въ то же время, чтобы ихъ не принуждали къ признанію, что дважды два пять, такъ какъ это было бы въ высшей степени опаснымъ и въ высшей степени прискорбнымъ противорѣчіемъ очевидной истинѣ". „Повидимому, однако, мудрый и полный человѣколюбія монархъ Англіи былъ весьма далекъ отъ того, чтобы уступить въ этомъ пунктѣ своимъ американскимъ подданнымъ. Онъ съ презрѣніемъ отвергъ ихъ петицію, равно какъ и ихъ адресы съ выраженіемъ любви и вѣрноподданническихъ чувствъ и торжественно заявилъ, что онъ готовъ даже рискнуть короной своихъ предковъ, чтобы только заставить упрямыхъ американцевъ признать, что дважды два пять".

„Для этого онъ не только послалъ въ Америку свой флотъ и свою армію, но даже нанялъ шайку бандитовъ у одного ничтожнаго князька, который для приданія блеска своему двору не стѣсняется торговать кровью своихъ подданныхъ. Онъ вооружилъ далѣе негровъ и дикихъ индѣйцевъ, чтобы и они преслѣдовали бѣдныхъ американцевъ безъ пощады, пока тѣ не признаютъ, какъ этого требуетъ ихъ король, что дважды два пять".

„Америка въ настоящее время представляетъ собой сцену, гдѣ происходятъ акты величайшей жестокости и насилія. Королевская армія этой просвѣщеннѣйшей изъ націй насилуетъ женщинъ, убиваетъ мужчинъ, опустошаетъ поля, разоряетъ дома. Англійскіе генералы невозмутимо исполняютъ свою кровавую миссію, и его величество, всемилостивѣйшій король, время отъ времени получаетъ донесенія въ томъ видѣ, въ какомъ заблагоразсудится представить дѣло генераламъ"...

„Кто бы могъ повѣрить, что мирныя поля Америки будутъ преданы раззоренію за то только, что американцы не согласятся

признать по требованію своего добраго короля и его мудраго парламента, что дважды два пять".

„Они, однако, не только не соглашаются признать новой истины, но, будучи раздражены такимъ обращеніемъ, торжественно провозгласили, что впредь они не желаютъ болѣе зависѣть отъ капризовъ короля или подчиняться правительственной власти, въ которой они не участвуютъ, надъ которой не имѣютъ контроля, и которая для нихъ, слѣдовательно, является чистымъ произволомъ. Они рѣшили быть впредь народомъ свободнымъ и провозгласили передъ всѣмъ міромъ, что утверждаютъ и будутъ впредь всегда утверждать, что дважды два — четыре, какъ это говоритъ и здравый смыслъ всего человѣчества".

Таково по мнѣнію нашего иностранца происхожденіе войны съ американцами. Но какъ же все это кончится?—спрашиваетъ онъ. Требованіе короля такъ неразумно, что, казалось бы, скоро сами англичане перестанутъ поддерживать своего короля. Въ Америкѣ, повидимому, многіе такъ думаютъ, пишетъ нашъ иностранецъ, но для того, кто наблюдалъ близко англійскую жизнь не можетъ быть такихъ иллюзій. „Дѣло въ томъ, что король и его министры забрали такую власть надъ парламентомъ, что могутъ легко проводить какіе имъ угодно мѣры и законы, народная же масса мало думаетъ о томъ, кто правъ, кто виноватъ въ раздорѣ съ колоніями... Трудно представить себѣ, до чего доходитъ невѣжество простого люда въ этой „цивилизованной" странѣ. Большинство англичанъ ровно ничего не понимаетъ за предѣлами того дѣла или ремесла, которымъ тотъ или другой изъ нихъ занимается, будучи пріученъ къ нему своими родителями или родственниками... Вотъ ремесленникъ, котораго выучили дѣлать булавочныя головки... Онъ занимается этимъ дѣломъ 40 лѣтъ и, разумѣется, достигъ въ немъ необычайнаго искусства, но вѣдь за то онъ умретъ и не будетъ знать, какъ сдѣлать цѣлую булавку. Онъ считаетъ себя вѣнцомъ творенія, потому что умѣетъ дѣлать булавочныя головки... Онъ ходитъ въ церковь, восхищается блескомъ царскаго двора, дѣлаетъ булавочныя головки и думаетъ, что исполняетъ такимъ образомъ свои религіозныя, гражданскія и профессіональныя обязанности. Онъ увѣренъ, что нѣтъ на свѣтѣ города красивѣе Лондона, что Blackfriars мостъ *) самый чудный изъ мостовъ, и что Темза величайшая рѣка въ мірѣ. Напрасно вы бы стали увѣрять его, что въ Америкѣ есть множество рѣкъ, по сравненію съ которыми Темза не больше какъ канава, и что американскія колоніи, образовавшія теперь самостоятельное государство, далеко превосходятъ всю Англію вмѣстѣ съ Ирландіей и Шотландіей"...

---

*) Одинъ изъ лондонскихъ мостовъ.

„Заговорите съ англичаниномъ объ англійской конституціи, и онъ сейчасъ же вамъ скажетъ, что это „славная (glorious) конституція“, а спросите-ка затѣмъ его, въ чемъ состоитъ эта конституція, и онъ не сумѣетъ вамъ указать главныхъ основъ ея: онъ знаетъ только, что эта конституція предоставляетъ ему полную свободу дѣлать булавочныя головки и продавать ихъ на рынкѣ“.

„Заговорите съ англичаниномъ о свободѣ выборовъ, и онъ вамъ поспѣшитъ сказать, что онъ „въ такія дѣла не вмѣшивается“, что живетъ онъ въ мѣстечкѣ, посылающемъ представителя въ парламентъ, каковымъ, конечно, всегда бываетъ мѣстный помѣщикъ такой-то, потому что помѣщикъ знакомъ съ первымъ министромъ, а жена его, разодѣтая въ шелкъ и бархатъ, ходитъ по воскресеньямъ въ ихъ приходскую церковь... Да и можетъ ли это быть иначе? Впрочемъ, все это его не касается, онъ вѣритъ въ Бога, почитаетъ короля и выдѣлываетъ булавочныя головки—чего еще можно требовать отъ человѣка“?

Въ этомъ произведеніи Хопкинсонъ стремился высмѣять англичанъ и возбудить презрительное отношеніе къ нимъ со стороны американцевъ; въ другихъ своихъ произведеніяхъ Хопкинсонъ старался высмѣять такимъ же образомъ тѣхъ изъ американцевъ, которые болѣе или менѣе открыто держали сторону метрополіи. Такъ онъ нѣсколько разъ иронизировалъ надъ слабостью тори подчиняться обаянію громкихъ титуловъ англійской аристократіи. Дѣлу революціи много мѣшала извѣстная, если можно такъ выразиться, комильфотность, аристократизмъ торизма или лойялизма, и нѣкоторая часть американцевъ въ своихъ отношеніяхъ къ революціонному движенію несомнѣнно поддавалась этому чувству. „Я зналъ одну даму“, говоритъ Хопкинсонъ въ одномъ изъ своихъ сатирическихъ произведеній, „которая не имѣла никакихъ политическихъ убѣжденій и имѣла весьма смутное представленіе объ истинныхъ причинахъ раздора съ метрополіей, тѣмъ не менѣе она была рѣшительная и убѣжденная тори, просто поддаваясь обаянію громкихъ титуловъ. Слова „the imperial crown“, „the royal robes“, „the high court of parliament“, „the lord chancellor of England“ и т. д. производили на нее чарующее впечатлѣніе, тогда какъ такія выраженія, какъ „капитанъ А, бывшій портной“ „полковникъ В, трактирщикъ, и даже „Джорджъ Вашингтонъ, сельскій хозяинъ“ (farmer) вызывали въ ней одно презрѣніе. Я убѣжденъ, что, если бы нашей арміей командовалъ какой-нибудь индійскій вождь съ длиннымъ ирокезскимъ или могиканскимъ титуломъ, эта дама относилась бы гораздо болѣе почтительно къ революціонному движенію“.

Примѣръ болѣе рѣзкой сатиры представляетъ басня Хопкинсона „Птицы, звѣри и летучія мыши“. Въ этой баснѣ Хопкинсонъ изображаетъ тѣхъ американцевъ, которые мѣняли свои убѣжденія

чуть не изо дня въ день, смотря по ходу военныхъ дѣлъ, то заявляя себя лойялистами, то рѣшительными вигами.

Не малую услугу дѣлу революціи оказалъ Хопкинсонъ и составленными имъ „Двумя письмами", якобы написанными однимъ лойялистомъ, и содержащими въ высшей степени хвастливое и циничное изложеніе политическаго подхалимства и полной безпринципности, въ которыхъ, обыкновенно, упрекала тори революціонная партія. „Г-нъ издатель", читаемъ мы въ одномъ письмѣ, „я тори, отецъ, мой былъ также тори, онъ воспиталъ меня въ духѣ преданности и безусловнаго повиновенія ганноверской династіи *) всегда и вездѣ и при всякихъ обстоятельствахъ, будь она права или неправа—безразлично... Между тѣмъ возомнившій о себѣ слишкомъ много народъ, живущій на самомъ захудаломъ клочкѣ нашей жалкой планеты, по внушенію дьявола, возымѣлъ недавно предерзостное намѣреніе противиться желанію его величества Георгія III—пошли ему, Господи, многая лѣта,—управлять нами во всѣхъ отношеніяхъ безъ изъятія (in all cases whatsoever **) по своему желанію и благоусмотрѣнію. Что до меня лично касается, то я долженъ сказать, что я проклинаю и ругаю на чемъ свѣтъ стоитъ это наглое упрямство. Его величеству по своей великой добротѣ и къ моему несказанному удовольствію угодно было послать флотъ и армію для покоренія и наказанія этой гнусной страны. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что святая обязанность всѣхъ тѣхъ, кто считаетъ себя сторонникомъ самодержавнаго правленія и вѣрнымъ подданнымъ его величества Георгія III, оказывать, не щадя живота своего, посильную помощь арміи и флоту его величества и знатнымъ лордамъ и генераламъ, которые поставлены во главѣ ихъ нашимъ обожаемымъ монархомъ".

Среди многихъ способовъ и пріемовъ, которыми вѣрноподданные американцы стараются помочь своему королю въ его благородномъ предпріятіи, говорится въ сатирѣ Хопкинсона, видное мѣсто занимаютъ разные кружки тори, члены которыхъ составляютъ комитеты, избирающіе себѣ какой-нибудь особый способъ помощи королевскимъ войскамъ: „комитетъ мошенническихъ продѣлокъ" ***), „комитетъ вымогательствъ" ****), „комитетъ распространенія фальшивыхъ слуховъ" и „комитетъ вракъ" (lies). Особенно дѣятельны и особенно важны по своему значенію послѣдніе два комитета. „Задача комитета фальшивыхъ слуховъ" заключается „въ возможно болѣе широкомъ распространеніи извращенныхъ

*) Какъ извѣстно, въ 1714 году вступилъ на англійскій престолъ Георгъ курфюрстъ Ганноверскій подъ именемъ короля Георга I.

**) Это было напоминаніе о словахъ, которыми парламентъ. отмѣняя гербовый сборъ, возбудившій неудовольствіе американцевъ, формально заявлялъ свое право на изданіе всякаго рода законовъ для жителей колоній.

***) Committee of wilcs und stratagemes.

****) Committee of extortion.

свѣдѣній о важныхъ дѣйствіяхъ и о ходѣ общественныхъ дѣлъ"— свѣдѣній, которыя могли бы „встревожить и запугать болѣе робкихъ революціонеровъ и смутить народъ". Обязанность „комитета вракъ" нѣсколько иная: она заключается въ „изобрѣтеніи временныхъ (temprorary) лживыхъ извѣстій" спеціально для жителей города Филадельфіи *), „особенно такихъ, которыя относятся къ преніямъ и постановленіемъ конгресса. Эти „утки" должны быть каждый день свѣжія, при чемъ каждый разъ слѣдуетъ оговаривать, что свѣдѣнія получены отъ какого-нибудь болтливаго члена конгресса, безъ упоминанія, однако, фамиліи этого члена; впрочемъ, въ болѣе важныхъ случаяхъ можно даже назвать фамилію какого-нибудь вліятельнаго члена конгресса, когда есть возможность надѣяться на то, что ложь возымѣетъ свое дѣйствіе прежде, чѣмъ явится опроверженіе ея".

Въ нашемъ мірѣ клевещутъ на всѣхъ порядочныхъ людей, говорится далѣе въ сатирѣ. Клевещутъ, конечно, и на тори. „Нѣкоторые узколобые люди увѣряютъ, что мы будто бы дѣлаемъ все, что отъ насъ зависитъ, чтобы погубить свою родину и навлечь бремя рабства на грядущія поколѣнія. Мы же утверждаемъ, что мы думаемъ лишь о томъ, что можетъ быть полезнымъ для обезпеченія нашего собственнаго благополучія. Да и скажите, пожалуйста, что для насъ сдѣлало потомство, чтобы мы изъ-за его блага рисковали конфискаціей своего имущества и, можетъ быть, даже попали бы на висѣлицу **)... Правда, когда англійскіе генералы разобьютъ окончательно мятежниковъ, то наши сосѣди и друзья попадутъ сотнями въ тюрьмы и дюжинами на висѣлицы, имущества ихъ будутъ конфискованы, и жены и дѣти очутятся въ безысходной нуждѣ и даже нищетѣ, но мы-то, по-крайней мѣрѣ, будемъ вполнѣ безопасны, сохранимъ свою жизнь и имущество, и, можетъ быть, будемъ награждены за наши теперешнія старанія назначеніемъ на видныя мѣста съ хорошимъ жалованьемъ".

Впослѣдствіи Хопкинсонъ въ „Письмѣ къ издателю New Lersey Gasette", вторично возвращается къ вопросу о систематическомъ распространеніи лжи, какъ одному изъ любимыхъ средствъ борьбы лойялистовъ съ революціонерами. „Какъ только Хоу (Howe—англійскій генералъ) вступилъ въ Нью-Іоркъ", писалъ Хопкинсонъ, „онъ тотчасъ же назначилъ генералъ штабъ-враля, который распространилъ неизмѣримое число утокъ о Рилингтонѣ и Гэнѣ" (начальникахъ революціонныхъ войскъ). То же самое было сдѣлано и послѣ занятія англичанами Филадельфіи. И ре-

---

*) Мѣсто засѣданій конгресса.

**) Какъ было упомянуто выше, въ началѣ возстанія и даже въ первые годы его, шансы американцевъ на успѣхъ были весьма слабы, и тори были увѣрены въ окончательномъ торжествѣ англійскаго оружія.

волюціонерамъ не слѣдовало бы игнорировать этого своеобразнаго орудія борьбы, которымъ столь энергично пользуются ихъ противники. Разумѣется, „было бы совершенно безплодно пытаться бороться съ этой ложью систематическимъ возстановленіемъ правды въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Клинъ клиномъ вышибаютъ. Поэтому я предлагаю, чтобы конгрессъ со своей стороны учредилъ нѣсколько должностей штатныхъ вралей съ хорошимъ жалованьемъ, и думаю, что мое предложеніе заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, слѣдовало бы теперь же, напечатать въ газетахъ объявленіе, приблизительно слѣдующаго содержанія. „Требуется на американскую службу лицо, вполнѣ подготовленное для занятія вакансіи генералъ-враля (Liar General) Соединенныхъ Штатовъ, и къ нему три помощника. Лица, желающія занять эти должности и способныя сослужить службу отечеству въ этомъ званіи, приглашаются сообщить свои адреса... къ 1 марту. Такъ какъ предполагается, что особенно много такихъ лицъ окажется среди тори, — симъ объявляется полное прощеніе и тѣмъ изъ нихъ, которые заявятъ о своемъ желаніи употреблять впредь свои способности ко вранью на пользу и славу своей родины. NB. Кандидаты должны представить доказательства своей прежней успѣшной дѣятельности такого же рода“.

Наиболѣе любопытнымъ примѣромъ остроумія Хопкинсона, слѣдуетъ считать, однако, юмористическое объявленіе, напечатанное имъ 1 ноября 1781 г. вскорѣ послѣ сдачи генерала Корнваллиса, въ значительной степени предрѣшившей окончательный успѣхъ революціонеровъ. Въ объясненіе послѣдующаго надо прибавить, что типографія Рилингтона въ Нью-Іоркѣ, гдѣ печаталась газета „The Royal Gazette“, возбуждала особенное раздраженіе среди революціонеровъ, такъ какъ и названная газета, и другія изданія типографіи были полны въ высшей степени рѣзкой и прямо таки ругательной критики и всякихъ оскорбленій по адресу революціонеровъ, конгресса американской арміи и ея начальниковъ. Такимъ образомъ, Рилингтонъ больше чѣмъ всякій другой усердный лойялистъ долженъ былъ сознавать, что съ удаленіемъ со сцены англійскихъ войскъ придется и ему поспѣшно ликвидировать всякія дѣла въ Америкѣ.

Вотъ почему въ составленномъ Хопкинсономъ „Объявленіи“, сообщается, якобы отъ имени самого Рилингтона, что „недавняя капитуляція Корнваллиса со всей арміей и нѣкоторыя другія обстоятельства, побуждаютъ нижеподписавшагося предпочесть въ качествѣ мѣстожительства Европу“ и поспѣшить продажей съ аукціона „всего оставшагося нераспроданнымъ товара, состоящаго изъ книгъ, картъ и плановъ, разнаго рода приборовъ и инструментовъ и также нѣкоторыхъ привилегированныхъ медицинскихъ средствъ“. Далѣе слѣдуетъ такой списокъ.

Книги:

„Исторія американской войны или славные подвиги британскихъ генераловъ Гэджи, Хоу (Howe), Бургойна, Корнваллиса и Клинтона.

„Спутникъ монарховъ или новая система политики, основанія которой покоятся на непреложныхъ свидѣтельствахъ опыта. Пользуясь указаніями этой книги, всякій государь можетъ въ короткое время сдѣлаться предметомъ отвращенія всѣхъ своихъ подданныхъ и презрѣнія для всѣхъ здравыхъ людей вообще.

„Избранныя басни Эзопа и примѣры изъ дѣйствительной жизни, подтверждающіе мораль этихъ басенъ. Между этими баснями находятся: „Собака и ея тѣнь", „Человѣкъ и курица, носившая золотыя яйца" и т. д.

„Разсужденіе о правахъ Великобританіи на владычество надъ морями. Любопытный примѣръ политическаго фантазерства.

„Состояніе Великобританіи въ октябрѣ 1760-го и въ октябрѣ 1781 г. Матеріалы для интересныхъ параллелей и контрастовъ.

„Географическое, политическое и историческое описаніе королевскихъ владѣній въ Сѣв. Америкѣ". Это драгоцѣнное сочиненіе состояло первоначально изъ 13 томовъ in-folio, но теперь самимъ царственнымъ авторомъ его сокращено до одной карманной книжки in-12 для болѣе удобнаго пользованія какъ имъ самимъ, такъ и его наслѣдниками и подданными *)...

„Слезы раскаянія или нѣчто о современномъ настроеніи лойялистскихъ бѣглецовъ въ Нью-Іоркѣ и другихъ мѣстахъ.

„Политическія враки" еженедѣльное изданіе нижеподписавшагося, брошюрованное и переплетенное...

Карты и планы:

Изящная карта британскихъ владѣній въ Сѣв. Америкѣ въ весьма маленькомъ масштабѣ.

„Точныя карты береговъ С. Америки съ показаніемъ глубинъ, бухтъ, островов и устьевъ рѣкъ. Эта карта исполнена по спеціальному приказу его величества; въ работахъ принимали участіе сотни военныхъ и торговыхъ судовъ съ затратой милліоновъ англійскихъ денегъ.

„Битва при Саратогѣ и сдача при Іоркѣ. **) Два изящныхъ литографированныхъ плана, посвященные королю.

Приборы и аппараты:

„Любопытный новоизобрѣтенный волшебный фонарь—весьма полезный для государственныхъ людей. Этотъ фонарь сдѣланъ искуснымъ механикомъ по указаніямъ лорда Норса***)для развлеченія

*) Намекъ на близкую утрату Англіей ея 13 колоній въ Сѣв. Америкѣ.

**) Два пораженія англичанъ; при Іоркѣ произошла капитуляція Корнваллиса.

***) Напомнимъ, что это имя носилъ первый министръ Англіи въ то время, когда она вела войну со своими американскими колоніями.

наивныхъ людей въ Англіи. Зрители наслаждаются фантастическими видами несуществующихъ предметовъ и событій, никогда въ дѣйствительности не происходившихъ, оставаясь въ полномъ невѣдѣніи о предметахъ, ихъ окружающихъ, и о совершающихся важныхъ событіяхъ, касающихся до нихъ.

„Микроскопы съ сильнымъ увеличеніемъ для разсматриванія мелкихъ предметовъ, съ готовымъ наборомъ таковыхъ для упражненій; между ними большое число дѣйствительныхъ и мнимыхъ побѣдъ британскихъ генераловъ въ Америкѣ.

„Электрическій аппаратъ съ новѣйшими усовершенствованіями, назначенный для англійскаго короля и его министровъ. Аппаратъ требуетъ осторожнаго обращенія, иначе, какъ это показалъ опытъ, экспериментаторъ можетъ легко самъ получить ударъ, который онъ хотѣлъ бы направить на другого.

„Сильные очки для близорукихъ государственныхъ людей.

Привилегированныя медицинскія средства:

„Живительный бальзамъ: успокаиваетъ нервы, сердцебіеніе, помогаетъ при слабости и упадкѣ духа. Въ большомъ ходу у офицеровъ арміи его королевскаго величества.

„Экстрактъ лжи. Извлечено изъ многихъ сотенъ номеровъ „The Royal Gazette of New York“.

„Живительный элексиръ для успокоенія лицъ, подверженныхъ припадкамъ страха. Необходимъ для тори во всѣхъ частяхъ Америки.

NB. Каждый, купившій товару на 5 ф. стерл. (50 рублей), получитъ даромъ толстую пачку фальшивыхъ американскихъ долларовъ и двѣ такихъ же пачки манифестовъ съ объявленіемъ прощенія американскимъ мятежникамъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. Г. Мижуевъ.

ВОДЫ ЭДЕРЫ.

Романъ Уйда.

(Переводъ съ англійскаго).

IX.

Наступило какъ разъ время пахать. Онъ всегда радовался своимъ прямымъ бороздамъ, такимъ прямымъ, что, казалось, они были отмѣряны линейкой по ровной поверхности, и ловкости, съ которой Орландо и Ринальдо подвигались на холмистой почвѣ, такъ искусно поворачиваясь на столь маломъ пространствѣ, прислушиваясь къ каждой модуляціи его голоса, такъ заботясь о томъ, чтобы не сломать вѣтвей плодовыхъ деревьевъ, не согнуть побѣговъ виноградниковъ, или не задѣть стволовъ оливъ.

— Добрые, дорогіе друзья мои, надежные товарищи и вѣрные слуги!—говорилъ онъ воламъ. Онъ оперся своими голыми руками на широкую бурую спину Орландо и опустилъ голову на руки, и онѣ сдѣлались влажными отъ скрытыхъ слезъ.

Быки стояли неподвижно, громко дыша черезъ раздутыя ноздри, хомуты на плечахъ ихъ скрипѣли, ихъ тѣло вздрагивало, терзаемое мухами. Нерина, которая мыла бѣлье въ Эдерѣ, вышла изъ оливовой рощи; она пріостановилась на нѣсколько секундъ, затѣмъ сняла съ головы на траву бѣлье и, сорвавъ нѣсколько листьевъ ковыля и папоротника согнала мухъ съ шеи воловъ. Адонъ вздрогнулъ, поднялъ голову, недовольный, что былъ застигнутъ такимъ образомъ, но, увидавъ, что непрошенный посѣтитель только Нерина, онъ сѣлъ на краю пашни и сдѣлалъ видъ, что будто собирается полдничать.

— У васъ нѣтъ вина,—сказала дѣвочка.—Не сбѣгать ли мнѣ домой за фляжкой?

— Нѣтъ, милая моя, не надо. Если захочется пить, здѣсь есть вода, пока здѣсь еще есть вода!—проговорилъ онъ съ горечью, потому что мысль объ угрожавшемъ имъ

страшномъ бѣдствіи начала преслѣдовать его съ постоянствомъ и неотступностью маніи.

Нерина продолжала обмахивать быковъ, отгоняя отъ нихъ мухъ. Она внимательно посматривала на него изъ за туловищъ животныхъ. Ее пугала скорбь, носившаяся въ воздухѣ. Никто не сообщилъ ей, какое несчастіе висѣло надъ Террой-Верджиной, а сама она вопросовъ никогда не задавала. Обѣ старыя женщины ей не повѣряли своихъ дѣлъ, она же не имѣла никакихъ сношеній съ немногочисленными жителями Рушино. Она видѣла, что было что-то неладное, но не могла угадать, что именно омрачало лобъ Мадонны Клеліи, дѣлало Джіану не въ духѣ и самого Адона скучнымъ и неспокойнымъ.

Видя его сидящимъ здѣсь и, вмѣсто того, чтобы ѣсть,— разбрасывающимъ хлѣбъ свой дикимъ голубямъ, слѣдовавшимъ за его плугомъ, она собралась съ мужествомъ и заговорила; онъ всегда былъ добръ къ ней, хотя и мало обращалъ на нее вниманія.

— Что такое васъ всѣхъ безпокоитъ? — спросила она.— Скажите мнѣ, Адонъ, я не такая дура, чтобы разболтать.

Онъ не отвѣтилъ. Что пользы въ словахъ? Нужно дѣйствовать.

— Адонъ, скажите мнѣ,—прошептала она,—что такое лежитъ камнемъ на всѣхъ васъ? Скажите мнѣ: зачѣмъ уѣхалъ донъ Сильверіо? Я никому не передамъ.

Въ словахъ ея звучала трогательная мольба, которая пробудила и растрогала его; въ нихъ слышалось сочувствіе, которое неспособно было критиковать или сомнѣваться и, въ силу отсутствія въ немъ разсудительности, дѣйствовало на больную душу успокоительно.

Онъ сообщилъ ей все то немногое, что зналъ самъ, и чего, главнымъ образомъ, опасался; въ разсказъ онъ вложилъ всю силу своего душевнаго волненія.

Дѣвочка облокотилась на огромное туловище быка и слушала, не прерывая ни словомъ, ни воплемъ.

Она не порицала его, какъ донъ Сильверіо, и не упрекала, какъ мать; она только слушала и въ глазахъ ея отражалось безконечное сочувствіе къ нему, болѣе краснорѣчивое, чѣмъ слова, слушала, не пытаясь остановить бѣшенства его проклятій или угрозъ мести, срывавшихся съ устъ его. У нея была несомнѣвающаяся, нераздѣльная, слѣпая вѣра, которая дорога такъ оскорбленной гордости и безпомощности человѣка въ горѣ, сознающаго что-то, что онъ стремится сдѣлать, не будетъ одобрено закономъ или санкціонировано религіей. Эта вѣра выражалась въ ея глазахъ, въ ея поглощенномъ вниманіи, въ немногихъ взволнованныхъ фразахъ,

вырвавшихся у нея; ея юное лицо дышало непреклоннымъ, суровымъ гнѣвомъ, присущимъ ея натурѣ.

— Нельзя ли прикончить этихъ людей? — сказала она тихимъ, но твердымъ голосомъ; она происходила отъ горцевъ, у которыхъ жизнь ставилась ни во что, а месть была дѣломъ чести.

— Мы не должны даже произносить подобныхъ словъ,— съ горечью промолвилъ Адонъ, въ ушахъ котораго все еще звучали слова порицанія дона Сильверіо. — Въ настоящее время все запрещено намъ, даже разговоры. Если мы дѣйствуемъ по праву, насъ засаживаютъ въ тюрьмы.

— Но что же вы будете дѣлать въ такомъ случаѣ?

— Теперь я дожидаюсь, пока не разузнаю больше. Эти вещи дѣлаются втихомолку или, по крайней мѣрѣ, украдкою отъ насъ. Убить этихъ людей, какъ ты бы хотѣла, дѣвочка, безполезно. Другіе, подобные имъ, займутъ мѣста ихъ. Искатели золота какъ муравьи: уничтожь тысячу, десятки тысячъ слѣдуютъ за нею; запахъ наживы притягиваетъ къ себѣ людей со всѣхъ сторонъ толпами, какъ запахъ падали притягиваетъ мухъ. Если они и думаютъ захватить Эдеру, то только потому, что хотятъ превратить ее въ золото. Эдера даетъ намъ наше зерно, наши плоды, наше здоровье, нашу жизнь! Но если она дастъ чужестранцамъ деньги, чужестранцы возьмутъ ее такъ же, какъ забрали бы и звѣзды и начеканили изъ нихъ монетъ, если бы могли. Разбойниковъ съ горъ засаживаютъ въ тюрьмы или разстрѣливаютъ; разбойникамъ изъ банковъ дозволено наживаться и умирать, насладившись плодами успѣха. Существуютъ двѣ мѣрки.

Нерина была не въ состояніи понять, но ея собственныя мысли были заняты тѣмъ, что казалось ей такой чудовищной несправедливостью.

— Но почему же позволяютъ имъ это дѣлать? Хватаютъ же и заковываютъ людей, которые грабятъ путешественника или домъ.

Адонъ бросилъ птицамъ послѣднія крошки хлѣба.

— Существуетъ двѣ мѣрки,—отвѣтилъ онъ.—Убей одного и ты пойдешь на вѣчную каторгу. Убей полмилліона, ты дѣлаешься героемъ въ исторіи и пріобрѣтаешь при жизни титулы, деньги и рукоплесканія.

— Баруффо былъ хорошій человѣкъ и другъ моего отца,— сказала Нерина, преслѣдуя нить своихъ собственныхъ мыслей.— Баруффо жилъ въ дубовомъ лѣсу, гораздо ниже насъ, но онъ часто ночью приносилъ намъ вина и дичи, а иногда также и денегъ. Онъ былъ хорошій человѣкъ, онъ былъ очень добрый. Два раза мой отецъ помогъ ему убѣжать. Но

однажды ночью они схватили его; противъ него вышелъ цѣлый отрядъ карабинеровъ, они поймали его въ ловушку, иначе они никогда не словили бы его. Я увидѣла, какъ они вели его внизъ по горной дорогѣ, подбѣжала и поцѣловала прежде, чѣмъ они успѣли остановить меня; и онъ никогда больше не возвращался—они держали его.

— Безъ сомнѣнія, они держали его, — сказалъ Адонъ съ горечью.—Баруффо бѣглый крестьянинъ; если бы онъ былъ банкиромъ или министромъ, или желѣзнодорожнымъ подрядчикомъ, онъ могъ бы воровать всю свою жизнь, встрѣчая только одобреніе. Они держатъ бѣдныхъ Баруффо въ сохранности въ проклятыхъ тюрьмахъ, но заботятся о томъ, чтобы никогда не задерживать надолго нарушителей закона, грѣхи которыхъ гораздо чернѣе, а жертвы многочисленнѣе.

— Будь Баруффо здѣсь, онъ помогъ бы вамъ,—сказала Нерина.—Онъ былъ такой прекрасный, сильный человѣкъ и никого не боялся.

Адонъ всталъ и положилъ руку свою на рукоятку плуга.

— Собери свое бѣлье, дѣвочка,—сказалъ онъ Неринѣ,—и ступай домой, а то мать разсердится на тебя за даромъ потраченное время.

Нерина подошла къ нему вплоть и ея темные, преданные глаза заглядывали въ его лицо, какъ глаза собаки.

— Сообщайте мнѣ, что вы дѣлаете, Адонъ,—произнесла она умоляющимъ тономъ.—Я не скажу никому. Я была очень маленькая, когда Баруффо приходилъ въ нашу хижину и уходилъ изъ нея; но я понимала: я никому не говорила объ этомъ. Когда его забрала стража, я поцѣловала его, потому что было уже безразлично: они знали; тогда не оставалось больше никакой надежды.

— Хорошо, я буду говорить тебѣ,—отвѣтилъ Адонъ.—Можетъ случиться, что я покончу, какъ Баруффо.

Затѣмъ онъ окликнулъ по имени Орландо и Ринальдо, они опустили головы, уперлись на свои хомуты и, могущественнымъ усиліемъ чреселъ и плечъ, врѣзали сошникъ въ тяжелую землю.

Нерина стояла молча и смотрѣла ему вслѣдъ; онъ подвигался вдоль деревьевъ, обвитыхъ виноградными лозами.

— Баруффо могъ сдѣлать что нибудь неладное,—думала она,—но Адонъ не сдѣлаетъ, онъ такой же хорошій, какъ если бы былъ святымъ Бога и если онъ будетъ вынужденъ сдѣлать зло, это ужъ не его вина, это будетъ отъ того, что злы другіе люди.

Положивъ ношу себѣ на голову, она направилась по заросшей травою тропинкѣ къ дому и смотрѣла сквозь слезы на розовый шпажникъ и золотую рябинку, мимо которыхъ

проходила. Однако, она была счастлива, что Адонъ довѣрилъ ей и что она знала теперь столько же, сколько и старшія женщины въ его домѣ, не оказавшія ей такого довѣрія.

X.

— Я не буду писать,—сказалъ донъ Сильверіо Адону.— Какъ только я узнаю что нибудь достовѣрно, я вернусь назадъ. Въ этомъ ты можешь быть увѣренъ.

Онъ зналъ, что письму нужна была недѣля или даже больше, чтобы совершить свой неторопливый путь въ Рушино, а онъ надѣялся возвратиться скорѣе, не имѣя понятія о томъ, „какой адъ пребывать въ ожиданіи" и о безконечныхъ изворотахъ и укрывательствахъ въ норы этой лукавой, какъ лисица, современной спекуляціи. Онъ наивно вѣрилъ, что ему надо было только спросить, чтобы получить отвѣтъ.

Изо дня въ день Адонъ поднимался на крышу колокольни и тщетно обозрѣвалъ окрестность. Изо дня въ день маленькая собачка убѣгала изъ подъ охраны Нерины, пускалась стрѣлою черезъ мостъ, вверхъ по улицѣ, и вбѣгала съ визгомъ въ рабочую комнату своего хозяина. Каждую ночь жители Рушино привѣшивали фонари—одинъ въ амбразуру колокольни, другой на перила моста, чтобы пастырь ихъ не ошибся дорогой, если вернется вдоль рѣки пѣшкомъ; и каждую ночь Адонъ самъ караулилъ на берегу или у городской стѣны, безъ сна, со страстнымъ нетерпѣніемъ и вмѣстѣ со страхомъ ожидая того, что онъ долженъ былъ услышать. Но прошло болѣе недѣли, а священникъ не возвращался Безпокойство Адона сжигало огнемъ. Онъ старался заглушить тревогу безпрерывной работой, но это чувство было слишкомъ острое, чтобы заглохнуть отъ физической усталости. Онъ считалъ дни и часы, и не могъ спать. Женщины наблюдали за нимъ молча, со страхомъ; онѣ не смѣли спросить, боясь прикоснуться къ его ранѣ. Только Нерина шопотомъ проговорила въ полѣ одинъ или два раза:—Куда поѣхалъ онъ? Когда вернется онъ назадъ?

— Богъ знаетъ!—отвѣтилъ Адонъ. Каждый вечеръ, когда онъ видѣлъ, какъ солнце садилось за пурпуровой линіей горъ, громоздившихся своими массами мрамора и снѣга, онъ чувствовалъ, что какъ будто болѣе не въ силахъ дожидаться слѣдующей ночи. Онъ слышалъ отчетливый, свѣжій звукъ струившейся рѣки, который казался ему голосомъ какого-то друга, громко призывающаго его въ опасности. Между тѣмъ, пока уходили эти лѣтніе дни и ночи, что же было сдѣлано для ея спасенія? Онъ чувствовалъ себя трусомъ, человѣкомъ, ко-

торый стоитъ и смотритъ, какъ убиваютъ его товарища. Въ своемъ уединеніи и опасеніяхъ онъ началъ терять всякое самообладаніе; онъ воображалъ себѣ невозможныя вещи, ему мерещилось, какъ въ волшебной сказкѣ, мертвое тѣло дона Сильверіо, лежащее съ ножомъ въ груди въ какомъ нибудь разбойничьемъ глухомъ переулкѣ Рима. Вѣдь прошло ужъ двѣ недѣли и не было никакого признака его возвращенія или какого либо отъ него извѣстія.

Бѣдное населеніе Рушино было тоже взволновано: священникъ никогда до сего времени не оставлялъ ихъ. Они не любили его; онъ слишкомъ мало походилъ на нихъ; но они уважали его, они вѣрили въ него; онъ всегда былъ возлѣ нихъ въ ихъ болѣзняхъ и горестяхъ; въ своей нищетѣ и нуждахъ они всегда находили въ немъ поддержку; онъ былъ такъ же бѣденъ, какъ и они, и лишалъ себя всего ради нихъ.

Отъ молодого монаха, замѣстившаго его, они слышали нѣчто о бѣдствіи, которое угрожало обрушиться. Но все это было для нихъ мракомъ; они ничего не понимали: зачѣмъ понадобилась ихъ рѣка другимъ и почему должны они потерять ее или какимъ образомъ можно измѣнить естественное теченіе рѣки—всѣ эти вещи были имъ совершенно непонятны. Съ начала міра ей предназначено течь здѣсь. Кто же можетъ быть настолько безбоженъ, чтобы тронуть ее?

Они были увѣрены, что всякаго, кто только попытается на это, постигнетъ небесная кара. Тѣмъ не менѣе, уже одинъ разговоръ о подобномъ дѣлѣ встревожилъ ихъ, и они, открывая на разсвѣтѣ двери, со страхомъ выглядывали: не отняли ли у нихъ за ночь воду?

Глупость ихъ сердила Адона настолько, что онъ совершенно пересталъ съ ними разговаривать объ угрожающей бѣдѣ.

— Они, какъ эти пни или камни, они не имѣютъ даже ощущеній барановъ или храбрости козъ,—говорилъ онъ съ тѣмъ же чувствомъ презрѣнія, съ какимъ нѣкогда его предки разговаривали со своими деревенскими вассалами.

— Я думаю, они будутъ даже рыть песокъ и подтаскивать лѣсъ для инженеровъ и рабочихъ, когда тѣ начнутъ строить здѣсь плотины!—сказалъ онъ однажды.

Клелія Альба вздохнула:

— Голодъ—суровый учитель, сынъ мой; онъ ослабляетъ душу, ожесточаетъ сердце, дѣлаетъ брюхо ненасытнымъ. Мы никогда не испытали его и не можемъ судить о тѣхъ, которые не знаютъ ничего другого.

— Даже голодъ не долженъ дѣлать человѣка подлецомъ,—отвѣтилъ Адонъ.

Но онъ не высказалъ матери всѣхъ своихъ мыслей.

Онъ относился къ бѣднякамъ изъ Рушино съ такой раздражительностью потому, что предвидѣлъ, какъ безнадежно разсчитывать выковать ихъ слабые характеры въ металлъ, необходимый для сопротивленія. Это было такъ же невозможно, какъ превратить прибрежный шпажникъ въ стальную саблю, годную для битвы. Мазаніело, Рієнцо, Гарибальди подняли крестьянъ и повели противъ враговъ; но ему казалось, что тѣ люди были созданы изъ иного матеріала, чѣмъ эти трусливые поселяне, которымъ невозможно даже растолковать, какъ велика замышляемая противъ нихъ несправедливость.

— Скажи имъ, — говорилъ онъ старому Тризіо, — скажи имъ, что ихъ колодцы пересохнутъ; тамъ, гдѣ нѣкогда текла рѣка, будетъ гнить рыба; ихъ тростникъ, камышъ и ивнякъ исчезнутъ; все, что они ни посадятъ, ни посѣютъ—погибнетъ, потому что земля безъ влаги растрескается; не станетъ больше ни ручейковъ, ни рѣчекъ, которые орошаютъ теперь почву; птицы будутъ умирать отъ жажды и тысячи маленькихъ рѣчныхъ созданій превратятся въ гніющіе на солнцѣ трупы, потому что Эдеру,—нашу жизнь, радость и здоровье,—отведутъ далеко, заключатъ въ каменныя стѣны, пропустятъ подъ землею и заставятъ работать, какъ рабыню, употребятъ на подлое дѣло, загрязнятъ и унизятъ. Не можешь ли ты втолковать имъ это, заставить понять?

Старикъ покачалъ своей сѣдою головой.

— Они никогда не повѣрятъ. Это слишкомъ для нихъ ужасно. Они убѣждены, что рѣка должна остаться вѣчно тамъ, гдѣ течетъ.

— Они олухи, скоты, свиньи,—сказалъ Адонъ.—Нѣтъ, пусть бѣдныя животныя простятъ меня. Скотина безпомощна, люди же всегда могутъ спасти себя, если только пожелаютъ.

— Гм!—усмѣхнулся Тризіо съ сомнѣніемъ.—Ты не видалъ, какъ людей убивали сотнями. Я же видѣлъ—правда, давно, очень давно.

— Тутъ нѣтъ надежды, чтобы они были убиты,—возразилъ Адонъ съ пренебреженіемъ, почти съ сожалѣніемъ.—Все, что отъ нихъ требуется: здравый смыслъ, единодушіе, протестъ, пониманіе своихъ правъ.

— Конечно, вы всѣ начинаете съ этого,—сказалъ старый гарибальдіецъ.—Но вы, мой милый, на этомъ не останавливаетесь: ваше право—именно то, о чемъ не желаютъ слышать тѣ, которые надъ вами; протестъ встрѣчаютъ громомъ пушечной пальбы, а когда разсѣивается дымъ, остаются одни только ваши трупы, вотъ все, что вы получаете.

Въ тонкомъ надтреснутомъ и слабомъ голосѣ солдата зву-

чало нѣчто такое, что охлаждало горячую кровь его собесѣдника.

Однако, несомнѣнно, отстаиваніе Эдеры жителями Рушино было лишь предъявленіемъ права, столь же древняго, какъ окружающія ихъ горы, только рѣшимость сохранить то, что дано имъ природой.

Порицать Адона и его сосѣдей за притязанія на собственную рѣку было бы одинаково, что порицать отца, который отстаиваетъ свои права на сына.

Это былъ народъ спокойный и покорный, бѣдный и терпѣливый, платящій то, что полагалось ему платить, допускавшій безъ противодѣйствія фискальныхъ волковъ грызть и пожирать, какъ имъ заблагоразсудится. Своихъ управителей онъ, конечно, не любилъ, но никогда не дѣйствовалъ противъ нихъ.

Будутъ ли они безмолвно смотрѣть, какъ уничтожаютъ ихъ рѣку, точно также, какъ безпомощные рыбаки въ Фушино допустили уничтожить ихъ озеро?

Для всѣхъ молодыхъ людей, обладающихъ храбростью, чуткою душою и энтузіазмомъ, защита очевиднаго права кажется совершенно естественной, и только послѣ продолжительнаго и горестнаго опыта они начинаютъ понимать, что ничто на свѣтѣ такъ не трудно осуществить и ничто не возбуждаетъ такого сильнаго противодѣйствія. Адону, весь міръ котораго заключался въ поляхъ и пустошахъ Рушино, казалось невѣроятнымъ, чтобы право его родной земли на воды Эдеры требовало какого нибудь доказательства.

— Дѣлаете ли вы что нибудь, или ничего не дѣлаете— результатъ одинъ и тотъ же,—проговорилъ старый гарибальдіецъ, болѣе умудренный опытомъ.—Мы дѣлали многое; мы лили нашу кровь, какъ воду, и къ чему все это послужило? Вмѣсто каждаго дьявола, котораго мы прогнали нашими мушкетами, тысяча худшихъ дьяволовъ явилась на его мѣсто.

— Это совсѣмъ другое дѣло,—сказалъ Адонъ нетерпѣливо. — Все, что намъ надо, это не допускать къ себѣ иностранцевъ. Вамъ же приходилось выгонять ихъ. Къ нашему дѣлу не примѣшивается никакая политика, никакія теоріи; мы желаемъ только, чтобы насъ оставили въ покоѣ, оставили, какъ мы были. Вотъ и все. Это просто и справедливо.

— Конечно, это просто, и, конечно, это справедливо,— согласился старикъ; но онъ сосалъ угрюмо свою трубку; онъ никогда не видѣлъ, чтобы эти доводы имѣли успѣхъ; и въ своей собственной молодости онъ самъ питалъ подобныя же иллюзіи, но они не послужили ему на пользу.

Развѣ онъ не пѣлъ такъ же въ тѣ славные дни вѣры и надежды:

Fratelli d'Italia!
L'Italia s'è desta *)!

Въ ночь на четырнадцатый день отсутствія священника, Адонъ уже не могъ оставаться на мѣстѣ или работать. Напоивъ и накормивъ скотину, онъ перебрался черезъ рѣку и направился вдоль сѣвернаго берега по той самой тропинкѣ, по которой шелъ съ дономъ Сильверіо двѣ недѣли тому назадъ. Со времени отъѣзда своего друга онъ часто ходилъ тутъ взадъ и впередъ, потому что по этому пути священникъ долженъ былъ возвратиться; другой дороги на западъ и обратно не было.

Ночью прошелъ дождь; рѣка играла, трава блестѣла, горы синѣли, какъ сапфиръ; надъ мелкими мѣстами Эдеры повисли тучи мухъ и комаровъ; гдѣ теченіе было тише, цвѣли водяныя лиліи, а въ поляхъ, среди бѣлой и желтой кувшинки, переступали темныя фигуры буйволовъ.

Но все это для Адона болѣе не существовало; онъ напряженно смотрѣлъ вдаль съ надеждой разглядѣть тамъ образъ усталаго путника. Ровная на нѣсколько миль кругомъ мѣстность, состоявшая изъ пастбищъ и топей, позволяла видѣть на далекомъ разстояніи. Разсвѣтъ былъ чудный, именно такой, какой Адонъ больше всего остального любилъ въ природѣ; но теперь буйволы, лужи и топи оставались не болѣе слѣпы къ его прелести, чѣмъ онъ.

Солнце вставало сзади него изъ невидимыхъ волнъ Адріатики и розовый свѣтъ разливался надъ землею; въ этотъ моментъ онъ увидалъ далеко впереди темную фигуру, медленно движущуюся. Съ громкимъ крикомъ Адонъ бросился навстрѣчу и пролетѣлъ съ быстротою жеребенка сотню ярдовъ, отдѣлявшихъ его отъ дорогого друга.

— Сынъ мой! дорогой мой!—воскликнулъ донъ Сильверіо, когда Адонъ приблизился къ нему и упалъ на выжженный дернъ на колѣни.

— Наконецъ-то!—проговорилъ юноша, едва переводя духъ отъ радости и страха.—О, гдѣ вы были? Мы, народъ вашъ и я, безъ васъ здѣсь почти умерли. Какія несете вы намъ вѣсти? Какое утѣшеніе?

— Встань и вспомни, что ты мужчина,—сказалъ донъ Сильверіо; юноша поднялъ голову и, взглянувъ внимательно, потерялъ внезапно всякую надежду,—на усталомъ лицѣ священника не было ни луча ея.

---

*) Братья Италіи! Италія проснулась!

— Вы не можете спасти насъ?—раздался возгласъ, подобный крику раненаго зайца.

— Я не могу, дорогой сынъ мой,—отвѣтилъ донъ Сильверіо.

Адонъ упалъ навзничь, точно сраженный пулею; голова его ударилась о сухую землю, лицо посинѣло, онъ потерялъ сознаніе.

Донъ Сильверіо оттащилъ его подъ тѣнь лавроваго дерева и обрызгалъ водою. Черезъ нѣсколько минутъ онъ пришелъ въ себя, но лицо его сохраняло выраженіе тупого ужаса.

— Вы не можете спасти насъ?—повторилъ онъ.

— Ни у тебя, ни у меня нѣтъ милліоновъ,—сказалъ донъ Сильверіо съ горечью. — Въ настоящее время съ другимъ оружіемъ человѣкъ не можетъ бороться успѣшно.

Адонъ поднялся на ноги; онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, вся кровь его какъ-бы сосредоточилась у него во лбу.

— Такъ это, стало быть, правда?—пробормоталъ онъ.—Они собираются, дѣйствительно, придти сюда?

— Да.

— Кто они? Евреи?

— Не одни евреи. Между этими людьми теперь нѣтъ больше различія; у нихъ одинъ общій символъ вѣры — алчность; они поклоняются одному Іеговѣ—золоту. Дорогой мой, я очень усталъ, а ты нездоровъ. Пойдемъ скорѣе домой.

— Я не боленъ. Это такъ... Это прошло. Скажите мнѣ самое худшее.

— Худшее, однимъ словомъ, то, что иностранная компанія, основавшаяся въ нашей странѣ уже нѣсколько лѣтъ, получила привилегію отвести теченіе Эдеры и воспользоваться ею, какъ движущей силой, для электрической желѣзной дороги, ацетиленоваго завода и другихъ предпріятій.

— И этого нельзя разстроить?

— Боюсь, что нѣтъ; они богаты и сильны. А что же мы? Пойдемъ домой. Тамъ ты услышишь все и разсудишь самъ.

Адонъ больше не спрашивалъ. Онъ молча повернулся и пошелъ обратно. Онъ подвигался впередъ медленно, нетвердыми шагами, голова его опустилась. Сухой, горячій воздухъ, окружавшій ихъ, жегъ огнемъ: хотя солнце было еще низко, но его лучи впивались въ ихъ лица, какъ стрѣлы въ намѣченную цѣль. Адонъ и не подозрѣвалъ, какъ сильно онъ надѣялся, пока не услышалъ, что все рухнуло.

Донъ Сильверіо чувствовалъ себя совершенно разбитымъ; обратный путь утомилъ его пораздо больше, чѣмъ дорога въ Римъ, когда еще поддерживала надежда. Онъ истратилъ всѣ скудныя сбереженія, сколоченныя съ такимъ трудомъ въ продолженіе двухъ десятковъ лѣтъ, и не принесъ своему бѣдному народу и юношѣ, котораго такъ любилъ, ничего, кромѣ

подтвержденія ихъ худшихъ опасеній. Возвращаясь назадъ въ свой приходъ, онъ съ трудомъ передвигалъ ноги по выжженому лугу.

Когда они поровнялись съ мостомъ на той сторонѣ рѣки, гдѣ было село, Адонъ съ усиліемъ стряхнулъ съ себя охватившее его оцѣпенѣніе.

— Простите меня, ваше преподобіе, вы утомлены, вамъ надо отдохнуть... Я приду позднѣе.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ донъ Сильверіо поспѣшно, находя, что не слѣдовало оставлять юношу одного въ такомъ состояніи.—Я умоюсь, выпью чашку кофе и затѣмъ все разскажу тебѣ. Подожди въ моей рабочей комнатѣ.

На улицѣ и на стѣнахъ было пусто, только нѣсколько ребятъ собирали во рву листья одуванчиковъ. Они дошли до дома никѣмъ незамѣченные, лишь собачка, производившая здѣсь ежедневный свой обзоръ, бросилась изъ двери съ бѣшеной радостью.

— Бѣдное маленькое существо! Дорогой Синьерино!—проговорилъ донъ Сильверіо и, взявъ собачку на руки, отворилъ дверь въ кабинетъ.—Подожди здѣсь,—сказалъ онъ Адону.—Я скоро сойду внизъ. Я хочу только смыть съ себя дорожную пыль.

Адонъ повиновался.

Комната была мрачная, прохладная, тихая; онъ сѣлъ и ждалъ; кругомъ стояла такая тишина, что юноша могъ слышать, какъ громко и неровно бились его собственное сердце.

Ему казалось, что онъ чувствуетъ теперь то же, что должны испытывать, услыхавъ свой смертный приговоръ, заключенные въ одиночную камеру.

— Если донъ Сильверіо не могъ ничего сдѣлать, къ кому же другому обратиться?

Возможно ли склонить народъ къ возстанію? Похищеніе рѣки будетъ ихъ разореніемъ, какъ и его, Адона. Перенесутъ ли они такъ же это, какъ переносятъ налоги, забвеніе, воинскую повинность, голодъ?

Черезъ полчаса, который показался Адону цѣлымъ полднемъ, донъ Сильверіо сходилъ уже внизъ по лѣстницѣ, съ маленькой своей собачкой, прыгавшей вокругъ него. Онъ сѣлъ возлѣ Адона, у окна, закрытаго деревянными ставнями, черезъ щели и дыры которыхъ проникали лучи свѣта и усики винограда.

Затѣмъ подробность за подробностью, ясно и кратко онъ разсказалъ все, что слышалъ и дѣлалъ въ Римѣ, стараясь изобразить въ формѣ, доступной уму, совершенно не свѣдущему въ подобныхъ дѣлахъ.

— Когда я пріѣхалъ въ Римъ,—разсказывалъ онъ,—я въ

продолженіе нѣсколькихъ дней былъ въ отчаяніи. Депутата отъ Санъ Беды не оказалось: отлучился въ Сицилію. Другой депутатъ, другъ настоятеля въ Санъ Бедѣ, къ которому у меня было письмо, лежалъ въ тифозной горячкѣ. Я не зналъ, куда обратиться. Не могъ же я безъ рекомендаціи постучаться въ двери незнакомыхъ. Потомъ вспомнилъ, что одинъ человѣкъ, который былъ моимъ другомъ въ семинаріи, даже большимъ другомъ, сдѣлался особою въ Ватиканѣ. Едва ли, думаю, вѣроятно, чтобы, поднявшись на такую высоту, онъ припомнилъ человѣка, котораго не видѣлъ четверть столѣтія. Но набрался храбрости и пошелъ. Представь себѣ мое удивленіе и волненіе, когда я сразу былъ къ нему допущенъ и и принятъ имъ съ величайшей любезностью. Онъ сдѣлалъ для меня все, что возможно. Онъ не могъ, конечно, выступить открыто въ дѣлѣ правительства, но далъ мнѣ письма къ лицамъ, которыя могли достать для меня всѣ справки и свѣдѣнія, какія я желалъ. Это — сама доброта, и, благодаря ему, я былъ даже принятъ его Святѣйшествомъ. Но отъ всѣхъ политиковъ и финансистовъ я услышалъ одно и то же: дѣло подвинуто очень далеко и не можетъ подвергнуться измѣненію. Компанія уже составлена. Соизволеніе парламента давнымъ-давно получено. Министры сочувствуютъ проекту. Они всѣ повторяли мнѣ одну и ту же фразу: общественныя работы служатъ для общественныхъ интересовъ. Они говорили о громадной выгодѣ для провинціи. Я защищалъ интересы долины такъ, какъ только могъ, и ихъ фразѣ противопоставлялъ факты. Но мои факты были не тѣ, которые нужны имъ; они говорили мнѣ вѣжливо, но ясно, что служитель церкви не долженъ вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла. Они всѣ между собою солидарны; иностранные банкиры и итальянскіе банкиры, иностранные инженеры и итальянскіе инженеры, техническое бюро, предсѣдатель совѣта, департаменты гигіеническій, земледѣльческій, общественныхъ работъ, всѣ они за одно. Наша бѣдная маленькая долина кажется имъ желанной добычей; они схватили и не выпустятъ ее. Они всѣ достаточно учтивы. Они были не только вѣжливы, но и ни чуть не расположены возбуждать, какъ они выражались, столкновенія, если возможно избѣгнуть ихъ. Но они не уступятъ ни одного вершка. Ихъ когти вцѣпились въ наше тѣло, какъ когти орла въ тѣло ягненка. Мы безразсудно думаемъ, что то, чѣмъ владѣемъ, земля это, домъ-ли, рѣка или тому подобное, наша собственность. Мы ошибаемся. Есть нѣчто сильнѣе, выше, могущественнѣе какихъ-то несчастныхъ правъ собственности, доставшихся по наслѣдству, покупкой или трудомъ,—это называютъ экспропріаціей. Ты думаешь, что Эдеру нельзя тронуть? Но она можетъ быть отчуждена. Ты думаешь,

нельзя тронуть Терру Верджину? Но она тоже можетъ быть отчуждена. Противъ отчужденія не устоитъ никакое право. Бродяга не можетъ взять ни одного снопа твоей пшеницы, ни одной курицы изъ твоего курятника; если онъ это сдѣлаетъ, законъ защититъ тебя и накажетъ его. Синдикатъ людей, богатыхъ, могущественныхъ, можетъ отнять всю твою землю, и государство принудитъ тебя согласиться на ту произвольную цѣну, въ которую оно пожелаетъ оцѣнить твои убытки. Соотвѣтственно тому, насколько богатъ ты или бѣденъ, велика или мала присужденная тебѣ сумма. Всѣ субъ-префекты, всѣ синдики, всѣ чиновники въ этой провинціи будутъ щедро вознаграждены; народъ же, у котораго отнимутъ землю и рѣку, получитъ то, что дадутъ ему по принудительной оцѣнкѣ. Мнѣ пришлось разговаривать съ людьми всякаго рода и различныхъ общественныхъ положеній. И въ устахъ всѣхъ я слышалъ одну и ту же фразу: дѣло уже не можетъ быть измѣнено. Въ немъ деньги: люди, ремесло которыхъ дѣлать деньги, не разстанутся съ нимъ. Сынъ мой, дорогой мой, успокойся, будь благоразуменъ, запальчивостью ты можешь только поведить себѣ и не спасешь ничего.

Онъ говорилъ до сихъ поръ такъ, какъ говорилъ за послѣднія двѣ недѣли съ людьми образованными и свѣтскими.

Онъ вспомнилъ, что его собесѣдникъ не разсуждалъ и не понималъ, а только чувствовалъ и былъ какъ бы опьяненъ остротою собственнаго чувства. Взглянувъ въ лицо Адона, священникъ испугался: юноша, казалось, потерялъ всякую способность пониманія,—какъ будто все, что ему было разсказано, не достигало ни до его слуха, ни до его мозга.

Донъ Сильверіо, побывавъ въ обществѣ свѣтскихъ людей, безсознательно усвоилъ себѣ ихъ способъ выраженія и ихъ обращеніе. Для Адона, который ожидалъ какого-то чуда, почти сверхъестественнаго спасенія, обѣщанія немедленнаго Божественнаго вмѣшательства, было такъ ужасно потерять послѣднюю надежду, что этотъ спокойный, разумный разсказъ едвали заключалъ даже въ себѣ какой либо смыслъ. Вся вѣра, вся прямота и мягкость его натуры превратились въ злобу.

Онъ слушалъ, и дикое отчаяніе отражалось на лицѣ его.

— А наши права? ихъ? мои?—проговорилъ онъ, когда замолчалъ донъ Сильверіо.

— За всѣ отнятыя права они дадутъ законное вознагражденіе.

— И вы осмѣливаетесь повторять это, ваше преподобіе?

Донъ Сильверіо съ трудомъ сдержалъ свое негодованіе.

— Я осмѣливаюсь дѣлать то, что считаю справедливымъ. Пора бы тебѣ уже знать это.

— Вы считаете это справедливымъ?

— Я считаю справедливымъ повторять въ точности то, что мнѣ было сказано. Если я повторяю, еще не значитъ, что я одобряю.

— Вы знаете, что никакое вознагражденіе невозможно!

— Нравственно—нѣтъ. Я говорю только о томъ, что допускаетъ законъ.

Адонъ засмѣялся. Его собесѣдникъ слышалъ подобный смѣхъ въ домѣ сумасшедшихъ.

— Дорогой сынъ мой, не сомнѣвайся, прошу тебя, въ моемъ сочувствіи. Я всей душою съ вами. Но что же можно сдѣлать? Можетъ ли бѣдное село, бѣдная община бороться, съ надеждой на успѣхъ, противъ богатой компаніи и противъ государства? Можетъ ли стебель пшеницы бороться съ серпомъ? Можетъ ли колосъ пшеницы бороться съ молотильнымъ цѣпомъ? Я разсказывалъ тебѣ исторію дона Кихота дела-Манче. Хочешь ли ты сражаться съ пустымъ воздухомъ такъ же, какъ и онъ?

Адонъ не отвѣтилъ.

Его прекрасное лицо сдѣлалось темнымъ, гнѣвнымъ, свирѣпымъ; глаза его загорѣлись страстью, которая парализовала голосъ; его бѣлые зубы скрежетали.

— Повѣрь мнѣ, Адонъ,—сказалъ другъ его,—мы живемъ въ недоброе время, когда люди болтаютъ о свободѣ и до такой степени прониклись пустымъ звукомъ этого слова, что не замѣчаютъ кандаловъ на рукахъ и на ногахъ своихъ. Никогда, ни въ какое время не было такъ мало свободы и такъ мало справедливости, какъ въ наше. Родомъ человѣческимъ управляютъ двѣ гигантскія силы: армія и капиталисты. Наука служитъ имъ поочередно и состоитъ у каждой изъ нихъ на жалованіи. Историкъ Момзенъ написалъ, что мы въ концѣ этого столѣтія какъ по уму, такъ и по человѣколюбію стоимъ, вѣроятно, ниже того рода человѣческаго, который былъ подъ владычествомъ Антонія Севера, и мнѣ думается, что это правда.

Адонъ, казалось, не слушалъ. Что были для него всѣ эти отвлеченныя разсужденія? Онъ думалъ только о своей рѣкѣ и о своихъ поляхъ.

— Я пытался разыскать въ Римѣ одного своего стараго пріятеля,—сказалъ донъ Сильверіо, стараясь привлечь его вниманіе и разсѣять мысли,—нѣкоего Памфилія Скорія. Онъ ученый; у него были небольшія средства и собственный домъ, хотя и маленькій, но прелестной архитектуры. Я не могъ найти въ Римѣ этого дома. Послѣ долгихъ поисковъ я узналъ, наконецъ, что онъ сломанъ, для проведенія новой улицы. Памфиліо Скоріо тщетно пытался отстоять свои права. Городъ выгналъ его и отнялъ у него его собственность, заплативъ

ему, сколько нашелъ нужнымъ. Видѣть разрушеніе своего очага и быть оставленнымъ на произволъ судьбы съ книгами и рукописями было для него такимъ большимъ горемъ, что онъ заболѣлъ и вскорѣ послѣ этого умеръ. На мѣстѣ его дома теперь кабакъ, который содержится нѣмцами; передъ нимъ проходитъ желѣзная дорога. Мы не одни страдаемъ отъ подобныхъ вещей.

Адонъ продолжалъ молчать.

Его мысли были не таковы, чтобы онъ могъ высказать ихъ вслухъ въ присутствіи священника; онъ не слыхалъ ничего, что тотъ разсказывалъ; онъ слышалъ только голосъ маленькой Нерины, говорившій: „Нельзя ли убить этихъ людей?“ Этотъ шопотъ, подобный звуку флейты, сливался, казалось ему, вмѣстѣ съ ропотомъ самой рѣки.

Донъ Сильверіо всталъ, его терпѣніе, какъ ни велико оно было, истощилось.

— Такъ какъ ты меня не слушаешь, сынъ мой, говорить мнѣ безполезно. Я долженъ приняться за исполненіе своихъ обязанностей. Монахъ изъ Санъ-Беды желаетъ возвратиться сегодня же вечеромъ. Я сдѣлалъ все, что могъ. Я разсказалъ имъ всѣ факты, какъ они есть. Мужайся! Примирись ради своей матери и сдерживайся ради самого себя. То, что всѣмъ намъ угрожаетъ—страшное бѣдствіе. Но наша обязанность встрѣтить его, какъ подобаетъ мужчинѣ.

— Какъ мужчинѣ! — пробормоталъ Адонъ, поднимаясь: дитя съ утесовъ Абруццо имѣетъ болѣе вѣрное представленіе объ обязанностяхъ мужчины, чѣмъ этотъ священникъ, столь спокойный и разумный!

— Люди сопротивляются, — проговорилъ онъ совсѣмъ тихо.

— Люди сопротивляются?—повторилъ донъ Сильверіо.— Они сопротивляются, когда ихъ сопротивленіе приводитъ къ какой нибудь цѣли. Но если оно послужитъ только къ тому, чтобы ихъ раздавили, то они не мужчины, а безумцы.

— Прощайте, ваше преподобіе,—сказалъ Адонъ и съ поклономъ вышелъ изъ комнаты.

— Бѣдный мальчикъ! бѣдный, пылкій, дорогой юноша!— думалъ донъ Сильверіо, когда затворилась за нимъ дверь.— Онъ находитъ меня холоднымъ и безчувственнымъ; какъ мало знаетъ онъ меня! Онъ не можетъ страдать такъ, какъ страдаю я за него и за мой несчастный народъ. Что будутъ они дѣлать, когда узнаютъ? Они поднимутъ вопль, какъ блеютъ умирающія съ голоду среди каменистаго поля овцы, а у меня, ихъ пастыря, не будетъ ни одной травки, чтобы утѣшить ихъ.

XI.

Какъ только Адонъ вышелъ изъ темной комнаты на свѣтъ, въ блескъ полуденнаго солнца, взоръ его помутился. Его глаза, казалось, наполнились кровью, голова кружилась. То, что было для него якоремъ спасенія во всѣхъ сомнѣніяхъ и огорченіяхъ—вѣра и уваженіе къ дону Сильверіо,—не служило ему теперь ни къ чему. Единственное, что могло удовлетворить или утѣшить юношу, это — только слѣпое сочувствіе самымъ свирѣпымъ его побужденіямъ.

Онъ находился въ томъ состояніи, когда всѣ совѣты сдержанности кажутся измѣной или недоброжелательствомъ. Когда онъ вышелъ отъ священника на этотъ ослѣпительный свѣтъ, чья-то рука схватила его за рукавъ, и молодой голосъ, похожій на флейту, о которомъ онъ вспоминалъ, шепнулъ ему:

— Адонъ! какія вѣсти? Что разсказалъ онъ вамъ?

Нерина, перебѣжавшая черезъ мостъ вверхъ по улицѣ за маленькой собачкой, видѣла, какъ они входили съ дономъ Сильверіо, и поджидала возлѣ дома. Адонъ оттолкнулъ ее.

— Оставь меня въ покоѣ! — сказалъ онъ нетерпѣливо.— Все скверно, скверно, скверно! Скверно, какъ вражда. Скверно, какъ преступленіе.

Она тѣмъ не менѣе уцѣпилась за его руку.

— Войдемте въ церковь, и вы тамъ разскажете мнѣ. Никто не интересуется такъ, какъ я.

— Бѣдная маленькая душа!

Онъ позволилъ втащить себя въ главный портикъ, а оттуда въ самую церковь, гдѣ, какъ и всегда, было темно и холодно, словно въ осеннюю ночь, и сыро даже въ лѣтній жаръ.

— Никто не услышитъ; разскажите мнѣ!—просила дѣвочка.

Онъ разсказалъ.

— Что же вы будете дѣлать? — произнесла она съ расширенными отъ ужаса глазами.

— Согласно его совѣту, — проговорилъ Адонъ съ горечью, — я долженъ быть кроткимъ и безпомощнымъ, какъ телица, вѣдомая на закланіе. Люди не должны противиться тому, что дозволено закономъ.

Нерина молчала. Оспаривать дона Сильверіо было для нея равносильно богохульству; она почитала его всей душой, но любила и Адона.

Она любила также воду Эдеры; эту прекрасную, зеленую, струящуюся воду, у которой она сидѣла голой подъ листьями

лопушника, въ день боя барановъ. То, что грозило теперь— безбожный, злой, жестокій грабежъ. Дѣйствительно ли необходимо покориться ему со смиреніемъ?

Она припомнила слова Баруффо: «Если человѣкъ сопротивляется, я оставляю ему нѣсколько монетъ въ карманѣ и немного жизни въ тѣлѣ; но если онъ пресмыкается и низкопоклонничаетъ, я перерѣзываю трусу горло".

Воспоминаніе объ этомъ согрѣвало кровь уроженки Абруццо: правило Баруффо казалось ей болѣе здравымъ. На горныхъ высотахъ и въ лѣсахъ смиренныя добродѣтели не были въ большомъ почетѣ.

Она стояла возлѣ Адона, нахмуривъ свои брови подъ вьющимися каштановыми волосами и сжимая кулаки.

— Нѣтъ ли между ними одного, который хлопочетъ больше всѣхъ объ этомъ дѣлѣ?—проговорила она, наконецъ.— Одинъ, котораго мы могли бы достать?

— Ты храброе дитя, Нерина! — сказалъ Адонъ, и слова его пробудили въ ней гордость. — Я боюсь, что ихъ много. Эти люди, какъ саранча: они появляются роями. Но первый, кто только тронетъ рѣку...

— Долженъ хлебнуть изъ нея и потонуть! — докончила дѣвочка его фразу, и свирѣпая радость засверкала въ ея большихъ темныхъ глазахъ.

— Замолчи! — остановилъ Адонъ, — отправляйся домой и скажи матери, что донъ Сильверіо вернулся, а я скоро возвращусь на работу. Скажи ей,—онъ говоритъ: нѣтъ никакой надежды.

Нерина повиновалась ему моментально, ея голыя ноги замелькали по камнямъ улицы. Онъ остался одинъ въ мрачной церкви, съ большымъ крылатымъ каменнымъ ангеломъ, склоненнымъ надъ его головой.

Этотъ мракъ былъ ему пріятенъ: Адонъ убѣгалъ отъ дневного свѣта. Ему казалось, что каждая капля крови въ его тѣлѣ, въ его мозгу превратилась въ огонь — огонь, который не потушитъ вся вода Эдеры.

Какъ можно обвинить ихъ въ мятежѣ или въ незаконныхъ дѣйствіяхъ только за то, что они желаютъ сохранить воду въ томъ руслѣ, которое съ самаго начала міра она сама себѣ проложила?

Эдера была такой же древней, какъ сосѣдка ея Фіумичино, слышавшая голосъ Цезаря, или Марекія, черезъ которую былъ построенъ мостъ Августомъ; столь же древняя, какъ фонтанъ Аретузы или озеро Діаны Неморензисъ. Какое святотатство могло быть болѣе гнуснымъ, чѣмъ изгнаніе съ пути, ею самою избраннаго? Ни Лукумонъ изъ Этруріи, ни Эсарчъ изъ Равены, ни Римскій папа, никогда не осмѣлива-

лись прикоснуться къ ней. Революціонеры! они, которые старались только сохранить ее? Революціонеры тѣ, кто, съ алчностью вампировъ, руками иностранцевъ посягаютъ на ея покой.

XII.

Весь день населеніе Рупино толпилось передъ домомъ священника.

— Что же относительно Эдеры, ваше преподобіе?—сотню разъ задавали вопросъ пронзительнымъ голосомъ женщины, грубымъ рычащимъ мужчины или же высокимъ фальцетомъ, переходившимъ въ крикъ. Раздраженные посѣтители весь день злоупотребляли терпѣніемъ и добротою дона Сильверіо. Его нервы терзались и натягивались въ усиліяхъ убѣдить, что рѣка, которая протекала подъ ихъ стѣнами, принадлежитъ имъ не болѣе, чѣмъ звѣзды, сверкавшія надъ ними.

Не было никакой возможности растолковать несостоятельность ихъ притязаній или опасность протеста.

— Она была здѣсь съ испоконъ вѣковъ,—твердили они.— Здѣсь она и должна остаться для дѣтей и внуковъ нашихъ.

Имъ казалось, что онъ говоритъ глупости: — кто можетъ остановить рѣку? Ту, которая текла вѣчно? Вода Эдеры вытекала изъ нѣдръ Леонессы, Леонесса вновь нарождала ее каждый день.

— Да,—думалъ донъ Сильверіо, проходя послѣ заката по берегу свѣтлаго потока, который стремился по камнямъ и валунамъ, унося стрѣлой двухъ зимородковъ, качавшихся на его волнахъ,—да, истинно: природа каждый день изливаетъ силу изъ своей вѣрной груди, пока ее не тронетъ человѣкъ. Но какъ долго будетъ это продолжаться? Одинъ, два, самое большее три года; затѣмъ эти берега не увидятъ Эдеры—пѣсни ея умолкнутъ. Лысуха не совьетъ гнѣзда въ ея осокѣ, а зимородокъ не будетъ ухаживать за своей подругой... Какъ одинъ изъ богачей въ Римѣ сказалъ ему съ циническимъ смѣхомъ: „Рѣка останется на мѣстѣ, только она будетъ сухая“!

Въ сумеркахъ онъ отправился поговорить съ матерью Адона. Она сидѣла за прялкой, но руки ея двигались машинально; лицо ея потемнѣло и вѣки распухли.

— Другъ мой,—проговорилъ онъ, садясь на скамью подъ розовымъ кустомъ.—Я принесъ вамъ дурныя вѣсти.

— Значитъ, это правда, ваше преподобіе?

— Увы! да, правда.

— Я не вѣрю этому. Богъ не допуститъ.

— Я желалъ бы думать такъ.

— *Вы* должны бы думать такъ, ваше преподобіе, а не я.

— Милая моя Клелія, — сказалъ онъ нѣсколько нетерпѣливо, — нѣтъ пользы мечтать. Попытайтесь убѣдить вашего сына подчиниться неизбѣжному. Мои слова кажутся жестокими. На самомъ дѣлѣ, они не таковы. Но я не имѣю права допустить васъ предаваться подобнымъ иллюзіямъ; оставаясь слѣпыми къ фактамъ, вы ожидаете какого-то сверхъестественнаго заступничества. Они возьмутъ вашу рѣку; они возьмутъ вашу землю. Вашъ домъ не будетъ больше вашимъ. Если вы не уйдете добровольно, они выгонятъ васъ, какъ выгоняютъ должниковъ. Это займетъ нѣкоторое время, потому что потребуетъ соблюденія всѣхъ законныхъ формъ, но это будетъ исполнено. Они заплатятъ вамъ и вашему сыну по своей оцѣнкѣ, но они возьмутъ и землю, и домъ, и все, что принадлежитъ вамъ и ему; я видѣлъ планы въ Римѣ. Можете ли вы предположить, что я способенъ выдумать все это, чтобы мучить васъ? Будетъ процессъ, приговоръ и рѣшеніе; деньги, которыя опредѣлитъ вамъ законъ, будутъ исправно вамъ заплачены; но васъ прогонятъ изъ Терры Верджины. Поймите это. Постарайтесь сохранить благоразуміе и спасти сына отъ сумасшествія. Справедливо, что сильная привязанность, узы воспоминаній, взаимный долгъ и сильная вѣра помогутъ создать домъ вездѣ, даже по ту сторону океана.

Клелія Альба съ сердцемъ рванула нитку, которую пряла.

— Они уговорили васъ, — сказала она рѣзко. — Когда вы уѣзжали, вы были съ нами.

— Съ вами! — повторилъ онъ. — Въ душѣ, въ сочувствіи, въ сожалѣніи, да; это не можетъ быть иначе. Но если бы я видѣлъ, что васъ убиваетъ молнія, то спасъ ли бы я васъ, увѣряя, будто молнія не убиваетъ? Я не зналъ, что предпріятіе такъ далеко подвинуто, какъ знаю теперь, повидавшись въ Римѣ съ его иниціаторами: оказывается, оно начато давнымъ давно; вы должны помнить, что всякій изгибъ рѣки, всякій ручеекъ отмѣченъ на топографическихъ картахъ; каждый потокъ, какъ онъ ни малъ, извѣстенъ техническому бюро, гражданскимъ и военнымъ инженерамъ. Я ненавижу этотъ проектъ. Это для меня святотатство, безчестіе, грабежъ; онъ разоритъ Вальдадеру во всѣхъ отношеніяхъ; но мы ничего не можемъ сдѣлать; я умоляю васъ понять это. Мы такъ же безпомощны, какъ каждая изъ вашихъ куръ, когда вы ей перерѣзываете горло. Насиліе только вовлечетъ вашего сына въ когти закона. Его права нравственно такъ же очевидны, какъ вотъ этотъ снѣгъ на горахъ; но они

желаютъ купить эти права за цѣну, юридически признанную, и законъ не дозволяетъ ему считать себя обиженнымъ. Дорогой другъ мой, вы женщина здравомыслящая и предусмотрительная; постарайтесь взглянуть на дѣло, какъ оно есть.

— Я послушаю, что говоритъ Адонъ, ваше преподобіе,— отвѣтила Клелія Альба угрюмо.—Если онъ велитъ мнѣ сжечь домъ, я сожгу.

Донъ Сильверіо упалъ духомъ и потерялъ терпѣніе. Что пользы убѣждать людей съ подобнымъ характеромъ? Все равно, что тратить слова свои для оливъ или для воловъ.

Съ ними поступили несправедливо.

То, что несправедливость прикрыта благовидными предлогами и защищена желѣзной бронею закона, дѣлало обиду еще болѣе тягостной. Разбойникъ съ горъ, который угонялъ въ былое время скотъ и взламывалъ денежные сундуки, казался имъ героемъ, святымъ сравнительно съ этими современными ворами, вооруженными безнаказанностью, которую давало имъ государство. Когда, вслѣдствіе землетрясенія, почва подъ ногами вашими колеблется, трескается и грохочетъ, вы чувствуете, что противъ васъ направлены стихійныя силы, вы чувствуете, что вы простая игрушка и забава несправедливыхъ боговъ. То же чувствовали теперь и они.

— Нѣтъ, — сказала Клелія Альба, — если бы земля разверзлась и взяла насъ, это было бы человѣчнѣе: она похоронила бы насъ, по крайней мѣрѣ, подъ собственной нашей крышей.

Что пользы было говорить съ подобными людьми о правѣ отчужденія, дарованномъ правительствомъ, о власти „dicastero“ и префектуры, о софистикѣ и аргументахъ законниковъ, объ оцѣнкѣ правъ? Они потомки племени, которое допускало единственное возмездіе несправедливости — месть.

— Матушка,—воскликнулъ Адонъ, —мой отецъ не отдалъ бы своей земли такъ безропотно, какъ овца уступаетъ свою жизнь!

— Я не знаю, — сказала Клелія Альба,—происходилъ ли онъ отъ воинственныхъ властелиновъ древнихъ временъ, но знаю: онъ боролся бы, какъ боролись они.

XIII.

Осень и зима прошли, а слухи объ отчужденіи въ Вальдадерѣ затихли. Крестьяне вѣрили, что молчаніе благопріятный знакъ; но донъ Сильверіо думалъ иначе: иниціаторы предпріятія сносились не съ мѣстнымъ населеніемъ, а съ област-

нымъ совѣтомъ. Большія суммы должны были перейти изъ однѣхъ рукъ въ другія, но въ руки дѣйствительныхъ владѣльцевъ должно было попасть какъ можно меньше. Общественныя работы похожи на жирную свинью, на которой наживаются: живодеръ, скотопромышленникъ, коммиссіонеръ, но не первоначальный собственникъ. Крестьяне Вальдадеры удивлялись, что никто не пріѣзжалъ съ ними договариваться.

Дѣловые люди, которыхъ донъ Сильверіо видѣлъ въ Римѣ,не утруждали себя переговорами съ сельскимъ населеніемъ, а вели ихъ съ крупными чиновниками департамента, съ депутатами, префектами, субъ-префектами и синдиками. Поэтому отъ истоковъ рѣки до ея устья царило полное молчаніе, и многіе, сидя у своего пылающаго очага, говорили, что ихъ напрасно только напугали. Молодежь, однако, и тѣ, которые находились подъ вліяніемъ Адона, были менѣе довѣрчивы: они подозрѣвали, что дѣло устраивается безъ нихъ; что, когда свинья превратится въ окорокъ, когда она будетъ разрѣзана, посолена и съѣдена, только тогда самыя маленькія, мозглыя лопатки раздѣлятся между ними. Агенты, подобно министерскимъ орудіямъ магнатовъ во время выборовъ, ходили между разбросаннымъ населеніемъ, проповѣдывали ему объ огромной общественной пользѣ предполагаемыхъ работъ и возбуждали уныніе и сомнѣніе относительно цѣнности земель и законности владѣнія ими. Но агенты были осторожны и скупы на обѣщанія. Они знали надменный, горячій и мстительный темпераментъ этого народа, знали также и то, что, когда собственники будутъ приглашены въ палату, чтобы получить вознагражденіе, съ ними поступятъ такъ, какъ пожелаютъ большіе господа. Ихъ вызывали по одиночкѣ, чтобы они не имѣли поддержки въ сосѣдѣ, то въ одинъ городъ, то въ другой и тамъ имъ говорили, что проектъ чуть ли не спасеніе; ихъ увѣряли, что делегаты, которые будутъ посланы въ столицу представителями отъ областныхъ совѣтовъ, защитятъ самые дорогіе ихъ интересы.

Богатый, дѣловитый житель столицы могъ получить при такихъ сдѣлкахъ выгодное возмѣщеніе, потому что торговля—его ремесло; изворачиваться и перекатывать золотой шаръ такъ, чтобы онъ съ каждымъ часомъ увеличивался, входитъ въ его обычаи и интересы. Но крестьянинъ, у котораго только одна овца, теряетъ всегда,—продаетъ онъ ее добровольно или же его принуждаютъ къ тому. Этимъ людямъ долины если и дадутъ немного наличныхъ денегъ по оцѣнкѣ, урѣзанной и общипанной скупостью посредниковъ, всетаки съ береговъ Эдеры они будутъ изгнаны, имъ придется начать новую жизнь съ жалкими грошами, далеко отъ своихъ старыхъ деревянныхъ срубовъ и плодовъ работы долгихъ лѣтъ.

Даже издалека приходили въ Рушино за совѣтомъ къ священнику; его мудрость цѣнилась и его умъ извѣстенъ былъ въ долинѣ за предѣлами прихода. Но какой совѣтъ могъ онъ дать? Одинъ: что безполезно стучаться лбомъ въ стѣну. Онъ такъ хорошо зналъ холодный, короткій, неумолимый отвѣтъ; пустыя сожалѣнія, лживыя фарисейскія улыбки; попугайскія фразы объ общественномъ интересѣ, общественныхъ соображеніяхъ и общественномъ благосостояніи; улыбку, зубоскальство, самодовольное пожиманіе плечами тѣхъ, чьи взятки благополучно отправлялись въ карманы; эти господа знали, что страдать будетъ только народъ, служителями котораго они себя старались выставить. Для него, какъ и для народа, казалось чудовищной вещью отнять воду у ея естественнаго русла и заставить людей, жившихъ ею, измѣнить весь строй жизни и смотрѣть, какъ ихъ родину превращаютъ въ пустыню ради обогащенія чужестранцевъ.

Его званіе, его совѣсть, его здравый смыслъ заставляли его проповѣдывать имъ терпѣніе и покорность. Онъ даже не осмѣливался выказывать и десятой доли того сочувствія, которое было въ душѣ его,—изъ боязни, чтобы они не увидѣли въ немъ подстрекателя.

Роль, которую ему пришлось взять на себя, уговаривая народъ оставаться спокойнымъ, отдаляла его все дальше и дальше отъ Адона Альба. Юноша считалъ это трусостью и вѣроломствомъ, хотя и не осмѣливался выражать свои мысли вслухъ. Если бы онъ сохранилъ способность обсуждать хладнокровно, то понялъ бы, что въ положеніи дона Сильверіо никакой другой образъ дѣйствія не былъ возможенъ и благопристоенъ. Но благоразуміе давно покинуло его. Онъ не допускалъ, чтобы несправедливость могла быть признана и тѣмъ не менѣе переносима. Для него всякая терпимость заключала въ себѣ гнусное прощеніе.

Онъ потерялъ вѣру въ своего друга и учителя; ихъ искренняя дружба, ихъ частыя сношенія, ихъ длинныя прогулки и вечернія свиданія кончились; даже въ качествѣ духовника, священникъ не сохранилъ надъ нимъ власти. Адонъ утаивалъ теперь большую часть своихъ поступковъ и намѣреній, довѣряя только молодежи округа, раздѣлявшей его взгляды. Неминуемая потеря земли и воды превратила всю силу его натуры въ одну злобу. Онъ думалъ, что никогда въ исторіи міра еще не было такой черной несправедливости. Онъ разбрасывалъ пламя жгучаго возстанія, не скрываясь и не заботясь о томъ, какихъ размѣровъ достигнетъ пожаръ. Мятежи имѣли успѣхъ прежде, почему же и не теперь?

Если бы только было возможно, онъ предпочелъ бы скорѣе

поджечь долину съ одного конца до другого, чѣмъ допустить иностранцевъ завладѣть ею. Развѣ предки его не предпочли лучше погибнуть тамъ, на горѣ, чѣмъ уступить Борджіямъ?

День за днемъ смотрѣлъ онъ, какъ садилось солнце за Роккой, и мрачная злоба терзала, какъ ястребъ, его сердце.

За эту дорогую землю, за этотъ прекрасный, любимый потокъ они будутъ предлагать ему деньги!—одна мысль объ этомъ приводила его въ такое же негодованіе, въ какое пришелъ бы любящій мужъ при мысли о позорной продажѣ своей жены.

Немногихъ удалось убѣдить, что обмѣнять клочекъ земли, ничего почти не приносившій, развалившуюся хижину или полоску лѣса, которая давала одно только топливо, на нѣсколько новенькихъ банковыхъ билетовъ—дѣло весьма выгодное. Но большинство было раздражено. Недовольные нашли въ Адонѣ подстрекателя и лидера; они были паклей, загоравшейся отъ его факела. Они вмѣстѣ съ Адономъ считали, что слѣдуетъ заставить горько раскаяться рабочихъ, которые придутъ изъ за границы и коснутся ихъ земли.

Итальянецъ, правда, иногда переплываетъ моря, жалкій, голодный, заключенный въ люкъ эмигрантскаго парохода, набитаго биткомъ, въ люкъ, гдѣ нѣтъ никакой возможности людямъ двигаться и съ трудомъ дышать, такъ же, какъ и несчастнымъ животнымъ, которыя перевозятся вмѣстѣ съ переселенцами. Но онъ никогда не эмигрируетъ добровольно; онъ никогда не отрывается отъ родной почвы безъ душевной муки; если онъ въ изгнаніи выживетъ и накопитъ немного денегъ, онъ вернется назадъ, подъ тѣнь сельской церкви, привлекаемый звономъ ея колокола, которому внималъ въ дѣтствѣ, и будетъ снова гулять по роднымъ полямъ, гдѣ мальчикомъ металъ свой деревянный дискъ, и сядетъ за домино подъ зелеными вѣтвями харчевни, гдѣ ребенкомъ слѣдилъ за игрою старшихъ, завидуя имъ.

Большинство здѣшнихъ обитателей во всю свою жизнь никогда не отходило отъ рѣки дальше пяти миль, такъ что даже кругозоръ птицъ и звѣрей, населявшихъ пустошь, былъ значительно шире. За предѣлами своихъ владѣній крестьяне не имѣли никакихъ интересовъ, они не знали и не интересовались даже узнать, куда уходила и откуда приходила Эдера. Она принадлежала имъ, и этого для нихъ было достаточно.

— Ваше преподобіе, что дѣлаетъ такое Адонъ?—спросила Клелія Альба въ одинъ темный, бурный вечеръ послѣ церковной службы.—Съ наступленіемъ ночи онъ уходитъ и ничего не говоритъ мнѣ, кромѣ какъ: „благословите меня, матушка“, точно идетъ на смерть. Я думала прежде, что у него какая нибудь любовная интрига, — онъ вѣдь молодъ;

но, очевидно, это не то,—онъ слишкомъ серьезенъ и отправляется въ полномъ вооруженіи: съ отцовскими пистолетами за поясомъ и собственнымъ кинжаломъ за чулкомъ. Правда, они ходятъ такъ и на опасное любовное свиданіе, т. е., если женщина замужняя; но я этого не думаю,—влюбленные бываютъ не такіе. По моему, онъ что-то замышляетъ.

— Мы не можемъ ничего съ вами подѣлать. Онъ въ такихъ лѣтахъ, что долженъ разсуждать самъ,—возразилъ донъ Сильверіо. — Но я, какъ и вы, не думаю, чтобы тутъ была женщина.

— Не поговорите-ли вы съ нимъ, ваше преподобіе?

— Я говорилъ уже. Это безполезно. Имъ руководятъ побужденія сильнѣе доводовъ, которые ему извѣстны. Словомъ, дорогая Клелія, этотъ приближающійся захватъ рѣки доставляетъ ему такія страданія, что онъ теряетъ разсудокъ. Онъ пытается заставить народъ смотрѣть на дѣло своими глазами. Онъ хочетъ поднять и вооружить всѣхъ. Это все равно, какъ если бы онъ заставилъ телокъ въ вашихъ хлѣвахъ стукаться головами о гранитъ.

— Возможно, ваше преподобіе,—проговорила Клелія Альба нехотя, но глаза ея блеснули, а выраженіе строгаго и гордаго лица сдѣлалось еще болѣе суровымъ.—Но онъ имѣетъ право поступать такимъ образомъ. Если они тронутъ рѣку—они разбойники, хуже тѣхъ, которые спускались съ горъ во времена моего дѣтства

— Значитъ, вы будете подстрекать его къ мятежу?

— Нѣтъ, я этого не сдѣлаю, но и не буду порицать его. Всякій человѣкъ имѣетъ право отстаивать свою собственность. Ни мой отецъ, ни его не были трусами.

— Трусость здѣсь не причемъ. Это вопросъ здраваго смысла. Нѣсколько деревенскихъ парней не могутъ оказывать сопротивленія государству. Какъ вооружены они? Я уважаю храбрость, безъ нея всѣ положительныя добродѣтели пассивны, но пытаться совершить невозможное, вести невѣдующихъ на смерть, или еще и того хуже, — нельзя даже назвать храбростью.

— Объ этомъ судить долженъ мой сынъ, ваше преподобіе,— сказала мать Адона, недоступная никакимъ доводамъ.—Я не пойду противъ него. Теперь онъ хозяинъ. Если онъ прикажетъ сжечь все, я исполню. Двадцать четыре года онъ повиновался мнѣ, какъ ребенокъ, и никогда ни слова ропота или неудовольствія. Теперь онъ самъ себѣ хозяинъ, онъ владѣлецъ этой земли. Я буду дѣлать все, что онъ прикажетъ. Теперь насталъ его чередъ, а онъ не дуракъ, ваше преподобіе.

— Нѣтъ, онъ не дуракъ, но невмѣняемъ. Онъ неспособенъ разсуждать. Его кровь горитъ и воспламеняетъ мозгъ.

— Я этого не думаю, ваше преподобіе. Онъ спокоенъ. Онъ говоритъ мало.

— Потому что онъ замышляетъ то, о чемъ говорить нельзя. Будь онъ въ ярости, я меньше бы тревожился. Онъ избѣгаетъ меня, меня, своего старѣйшаго друга!

— Потому, конечно, что онъ чувствуетъ, ваше преподобіе: вы противъ него.

— Противъ него! какъ могу я въ моемъ положеніи относиться иначе? Неужели вы думаете, что я стану подстрекать къ мятежу? сопротивленіе, которое онъ замышляетъ, ничто иное, какъ мятежъ.

— Несомнѣнно, вы говорите такъ, какъ обязаны, ваше преподобіе.

— Но подумайте объ исходѣ? Не должно-ли каждое дѣйствіе быть взвѣшено, разсмотрѣно и осуждено соотвѣтственно послѣдствіямъ? Возстаніемъ нашъ бѣдный народъ ничего не достигнетъ, кромѣ своей собственной погибели. Адонъ безкорыстный юноша, обезумѣвшій отъ горя, но онъ безсиленъ. Развѣ вы этого не видите?

— Я не вижу, чтобы онъ былъ безсильнымъ, — сказала Клелія съ настойчивостью.—То, что они хотятъ съ нами сдѣлать, несправедливо. Я готова сама зарядить для него ружье и, если понадобились бы деньги, отдать мои нитки жемчуга. Адонъ ничего у меня не проситъ, но если скажетъ, я сниму съ себя все до рубашки, чтобы помочь ему.

— Это ужасное безуміе!—воскликнулъ донъ Сильверіо. — Что можетъ сдѣлать ваше охотничье ружье или ваше ожерелье противъ той силы, которую выставятъ эти спекуляторы и подрядчики? Совершается великая, гнусная несправедливость, болѣть изъ-за которой душою никто не можетъ сильнѣе меня; но мы слабы и приходится покориться. Бѣдный народъ долины Эдеры въ этомъ случаѣ, дорогая моя Клелія, такъ же безсиленъ, какъ дикія утки передъ ружьемъ охотника.

Но всѣ его уговоры были тщетны; логика и убѣжденіе одинаково тщетны, когда сталкиваются съ невѣжествомъ и упрямствомъ. Она питала къ нему глубокое уваженіе, онъ былъ судіей ея совѣсти, онъ былъ для нее выше обыкновенныхъ людей, но когда онъ пробовалъ доказать, что сынъ ея неправъ, онъ не имѣлъ успѣха.

— Вы знаете, ваше преподобіе, что отводъ рѣки разоритъ насъ,—угрюмо проговорила она.—Зачѣмъ же вамъ пытаться связать намъ руки? Я не знаю, что дѣлаетъ Адонъ, мысли его скрыты отъ меня, но если, какъ вы говорите, онъ хочетъ взбунтовать народъ, то это не только естественно, но и справедливо.

Когда крестьянинъ, мужчина или женщина, со свойствен-

нымъ ему упорствомъ, принялъ какое-либо рѣшеніе, противъ него безсильны вся ученость, мудрость, опытъ или даже факты; всѣмъ доводамъ онъ противопоставляетъ пассивное сопротивленіе недовѣрія.

Сколько разъ, измученный физически и нравственно, донъ Сильверіо отказывался отъ попытокъ убѣдить некультурный деревенскій умъ въ простыхъ фактахъ, очевидныхъ истинахъ, элементарныхъ принципахъ. Онъ зналъ, что Клелія Альба никогда не повѣрила бы возможности ссылки, которая, однако, угрожала ей неизбѣжно, въ случаѣ сопротивленія. Онъ убѣдился въ Римѣ, что противодѣйствовать предпріятію, направленному противъ водъ Эдеры, не представлялось никакой возможности. Но, съ другой стороны, онъ понималъ, что юноша, подобный Адону, съ его предками, его темпераментомъ, его отвагой, въ головѣ котораго на ряду со знаніемъ жило и невѣжество, не подчинится безъ борьбы неизбѣжному. Для него это равнялось бы безчестію.

Онъ жестоко упрекалъ себя, потому что безъ него Адонъ никогда не узналъ бы о своемъ происхожденіи отъ владѣльцевъ Рушино и не пріобрѣлъ бы, вѣроятно, никогда того „little learning“, которое, по словамъ поэта Севера, такая опасная вещь.

— Лучше бы,—думалъ донъ Сильверіо, терзаемый укорами совѣсти,—оставить его у плуга, у косы, у серпа; оставить бы его въ невѣдѣніи значенія искусства и науки, простымъ крестьяниномъ, производящимъ себѣ подобныхъ. Тогда онъ, быть можетъ, не страдалъ бы такъ, принялъ бы миролюбиво вознагражденіе и отправился на западъ, какъ дѣлаютъ многіе другіе, покидая на произволъ судьбы землю, на которой родились.

Но Адонъ былъ привязанъ къ землѣ своей такъ же крѣпко, какъ верескъ, выросшій на ней. Его можно было оторвать отъ нея только силой, но онъ не выжилъ бы въ другомъ мѣстѣ; привязанности его сердца пустили корни слишкомъ глубоко въ вскормившую его почву.

— Зачѣмъ разсказывали вы ему объ всѣхъ великихъ людяхъ, жившихъ на свѣтѣ?—говорила часто Клелія Альба священнику.—Зачѣмъ поселили вы въ душѣ его ненасытный голодъ, который нельзя удовлетворить никакимъ хлѣбомъ? Мы, работающіе для того, чтобы жить, не имѣемъ времени ни на что, кромѣ труда; мы спимъ, чтобы возстановить свои силы для новой работы; и, такимъ образомъ, проходитъ день за днемъ до тѣхъ поръ, пока годы не завяжутъ узловъ въ нашихъ сухожильяхъ, а кровь наша не сдѣлается жидкою и вялою. Какая польза открывать ему двери, порога которыхъ онъ никогда не переступитъ, превращать его умъ въ запу-

танный мотокъ, который никогда нельзя распутать? Въ часы отдыха нужно отдыхать, а не думать. Мечты не отдыхъ. Онъ всегда мечтаетъ, теперь же ему грезится кровь и огонь.

Донъ Сильверіо самъ былъ воинственнаго темперамента и съ радостью всталъ бы во главѣ и повелъ бы ихъ въ бой, какъ дѣлали это въ старину воинственные пастыри; но его разумъ, долгъ и совѣсть—все запрещало ему выказывать даже сочувствіе. Будь онъ богатъ, онъ довелъ бы дѣло до суда и оспаривалъ бы вершокъ за вершкомъ, даже зная, что это совершенно безнадежно. Но кто же возьмется защищать бѣдный приходъ и священника, не имѣющаго за душой ни гроша? Какое могъ онъ предложить вознагражденіе, когда ему самому едва хватало на соль или на починку стихаря?

— Значитъ, народу не остается ничего, какъ лечь и дожидаться, чтобы по немъ проѣхалась артиллерія? — сказалъ однажды Адонъ съ горькой ироніей.

— Хотя всѣ эти канонеры тотъ же народъ — его родные братья, сыновья и племянники, но, не смотря на родство, они ни на минуту не задержатъ лошадинаго галопа; наибольшее зло силы въ томъ, что человѣческія существа превращаются ею въ простыя машины, въ тѣ же пушки, которыми они управляютъ, — подумалъ донъ Сильверіо, но вслухъ проговорилъ: — Да, я боюсь, что не остается ничего другого...

Адонъ молчалъ, не находя возраженій на очевидные доводы, хотя они его и не убѣдили.

Онъ не осмѣливался разсказать своему другу о той страстной пропагандѣ, которую велъ на берегахъ Эдеры вверхъ и внизъ по ея теченію, пробуя расшевелить эти чурбаны и камни, стараясь открыть глаза слѣпымъ, заставить глухихъ слышать, немощныхъ подняться и воспрянуть духомъ.

— Пойдемъ займемся музыкой,—предложилъ ему, наконецъ, священникъ.—Это занятіе не повредитъ никому, но подѣйствуетъ на наши души благотворно. Я давно уже не слыхалъ твоего голоса.

— И долго еще не услышите,—подумалъ Адонъ, отвѣчая ему:—Извините меня, ваше преподобіе: мнѣ ничего не идетъ на умъ, кромѣ великой бѣды, которая виситъ надъ нами. Нѣтъ ни одного среди насъ, который не проклиналъ бы этого проекта. Они безтолковы, но они раздражены и несчастны. Ихъ представители или, по крайней мѣрѣ, тѣ, которые должны были бы быть ими, умалчиваютъ объ нашихъ желаніяхъ, не интересуются даже знать ихъ, не спрашиваютъ о томъ, чего мы хотимъ. Вѣдь всѣ боятся, что если соберутся обсудить свои дѣла и попытаются что нибудь сдѣлать, то непремѣнно явятся гвардейскіе солдаты, разгонять народъ, а тѣхъ, кто

говорилъ, засадятъ въ тюрьму. Правительство одобряетъ проектъ и этого достаточно.

— Однако, общественныя собранія были со временъ Цезарей правомъ народа, живущаго на Латинской землѣ.

— Что значитъ здѣсь право или безправіе? Никто не обращаетъ вниманія ни на то, ни на другое.

— Что-же можно, въ такомъ случаѣ, сдѣлать?

— Мы должны сами помогать себѣ.

Онъ произнесъ это угрюмымъ тономъ, въ полголоса, не рѣшаясь высказать яснѣе своихъ замысловъ.

— Грубой силой?—сказалъ донъ Сильверіо.—Это безуміе! Сколько наберется здоровыхъ и сильныхъ людей во всѣхъ трехъ общинахъ? Предположимъ: двѣ тысячи, хотя эта цифра еще выше дѣйствительной. Каково-же ихъ вооруженіе? Старые мушкеты, старыя охотничья ружья, и тѣхъ немного, косы, топоры и палки. Одинъ баталіонъ скосилъ бы ихъ такъ же, какъ вы скашиваете траву. Ты не видалъ, какъ дисциплинированное войско разгоняетъ мятежниковъ, а я видѣлъ. Я видѣлъ, какъ двадцать карабинеровъ пустились галопомъ по улицѣ, на которой собралась вооруженная толпа; карабинеры безъ разбора стрѣляли направо и налѣво, и не проѣхали еще и двухсотъ ярдовъ, какъ улица уже опустѣла: на ней осталось лишь нѣсколько труповъ, которые попирались ногами лошадей. Разсчитывать на успѣхъ народнаго возстанія въ наши времена невозможно. Это все равно, что выставить пшеничные снопы противъ батарей полевой артиллеріи.

— У Гарибальди, — пробормоталъ Адонъ,—были только неопытные новобранцы.

— Гарибальди,—военный геній, такъ же какъ и Агуто, Ферручіо, Нери и другіе великіе кондотьеры. Но и онъ сгнилъ бы, вѣроятно, въ Шпильбергской цитадели или былъ убитъ въ какой нибудь крѣпости, не поддержи его Генуезская прокламація и итальянскій походъ Наполеона III, который былъ величайшей ошибкой въ политикѣ Франціи.

Адонъ молчалъ, смущенный и взволнованный, какъ человѣкъ, сознающій себя несостоятельнымъ въ отстаиваніи своихъ взглядовъ. Для него Гарибальди былъ существомъ сверхъестественнымъ, баснословнымъ, исчезающимъ въ туманѣ героическаго прошлаго, вродѣ Улисса для юношей Греціи.

— Вы можете, ваше преподобіе, проповѣдывать терпѣніе,— проговорилъ онъ мрачно.—Это ваша обязанность. Но я не въ силахъ терпѣть. Сердце мое задушитъ меня.

Донъ Сильверіо пристально посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Что-же ты намѣреваешься дѣлать?

— Я сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ

— Я говорю тебѣ, что ты ничего не можешь сдѣлать, сынъ мой.

— Откуда вамъ это знать, ваше преподобіе? Вы священникъ, а не мужчина.

Легкая краска выступила на блѣдномъ лицѣ дона Сильверіо.

— Можно быть и тѣмъ, и другимъ,—отвѣтилъ онъ просто.—Отъ великаго несчастія ты потерялъ голову. Постарайся забыть о себѣ и не подвергай бѣдный и невѣжественный народъ опасности. Развѣ воды Эдеры будутъ спасены, если сосѣди твои и ты самъ попадете на каторгу? Люди золота, за которыми стоятъ люди стали, всегда останутся сильнѣе васъ.

— Богъ надо всѣми нами,—проговорилъ Адонъ.

Донъ Сильверіо не возражалъ. Онъ не могъ оспаривать проявленія вѣры, хотя въ душѣ былъ и не согласенъ съ нимъ; да и самъ Адонъ произнесъ слова эти больше изъ упрямства. Онъ хотѣлъ поднять страну, а затѣмъ будь, что будетъ.

Кто могъ предвидѣть исходъ? Отъ искры жалкаго очага воспламенялись города и прежде.

— Какъ можешь ты считать меня равнодушнымъ?—сказалъ донъ Сильверіо.—Если бы я и не страдалъ за васъ, то долженъ же я чувствовать за самого себя? Почти навѣрное, мнѣ предназначено покончить здѣсь жизнь свою. Неужели ты допускаешь, что я сталъ бы смотрѣть хладнокровно, какъ будутъ уничтожать этотъ прекрасный пейзажъ, который столько ужасныхъ лѣтъ былъ моей главной отрадой? Ты, считающій себя въ положеніи безнадежномъ, утѣшишься, если только пожелаешь. Ты молодъ и свободенъ, всѣ нѣжнѣйшія жизненныя узы доступны тебѣ; если этотъ домъ будетъ уничтоженъ, ты можешь создать себѣ другой, гдѣ хочешь. Но я здѣсь привязанъ. Я долженъ повиноваться, долженъ покориться. Я не могу уйти, я не могу измѣнить или начать свою жизнь снова. Когда уничтожатъ красоту долины Эдеры, я потеряю единственную радость моего существованія. Постарайся, Адонъ, взглянуть на дѣло моими глазами; авось это поможетъ тебѣ нести крестъ твой.

Но онъ обращался все равно что къ водѣ, скаламъ или къ вѣтрамъ, которые проносились надъ ея поверхностью.

— Она не ваша,—сказалъ Адонъ почти грубо.—Вы здѣсь не родились. Вамъ не понять этого. Жить въ другомъ мѣстѣ? мнѣ съ матерью? Тысячу разъ лучше, — утопиться намъ въ Эдерѣ.

И въ то время, какъ они разговаривали, вода золотилась, отражая лучи солнца; большая сѣть раскачивалась въ ней между шпажникомъ и ирисомъ, не зацѣпляясь за нихъ; зи-

мородокъ, сверкая словно драгоцѣнный камень, пробирался по отмели, а въ воздухѣ стоялъ свѣжій ароматъ вереска и дикаго тюльпана.

— Вы не знаете, что значитъ любить что нибудь. Какъ можете вы это знать? вы священникъ!—проговорилъ Адонъ.

Донъ Сильверіо не отвѣтилъ. Онъ пошелъ дальше внизъ по теченію потока.

XIV.

Какъ-то разъ утромъ въ началѣ апрѣля Адонъ получилъ печатное приглашеніе явиться въ теченіе пятидневнаго срока въ городскую управу Санъ-Беды для переговоровъ о касавшемся его дѣлѣ. Повѣстку принесъ маленькій, старенькій почталіонъ, который на своемъ ослѣ разъ въ недѣлю объѣзжалъ округъ; пятидневный срокъ уже истекъ прежде, чѣмъ повѣстка была вручена ему. Когда Адонъ взглянулъ на нее, румяныя щеки его поблѣднѣли; онъ бросилъ бумагу на землю и воткнулъ въ нее лопату. Старикъ, въ ожиданіи и надеждѣ получить стаканъ вина, — смущенно смотрѣлъ на него.

— Развѣ поступаютъ такъ съ приказаніями начальства?— сказалъ онъ, пораженный.

Адонъ не отвѣтилъ и не поднялъ даже головы; онъ продолжалъ копать, переворачивалъ комья и бороздилъ почву, приготовляя ее для картофеля; и теперь швырялъ полныя лопаты земли на зарытую повѣстку.

— Что случилось, парень?—спросилъ старикъ, знавшій его съ дѣтства.

— Оставь меня,—произнесъ Адонъ нетерпѣливо.—Если хочешь выпить и покормить осла, поди къ намъ домой.

— Спасибо,—отвѣтилъ старикъ.—Но вѣдь ты пойдешь, не правда-ли, Адонъ? Съ тѣми, которые не являются, бываетъ худо.

— Кто подучилъ тебя сказать это?

— Никто; но я не мало прожилъ на свѣтѣ, сколько лѣтъ относилъ такія бумаги, и знаю, что тѣ, которые не являются на призывъ, послѣ раскаиваются. Его превосходительство не позволитъ, чтобы надъ нимъ смѣялись.

— Будь оно проклято, его превосходительство!—воскликнулъ Адонъ.—Отправляйся домой.

Маленькій старичекъ, сильно напуганный, опустилъ голову и, ведя подъ уздцы осла, направился вдоль по заросшей тропинкѣ подъ виноградниками.

Адонъ продолжалъ копать, но его сильныя руки, сжимая рукоятку заступа, дрожали отъ гнѣва и волненія. Онъ зналъ

такъ же хорошо, какъ если бы слышалъ это отъ сотни людей, что его призывали для переговоровъ о продажѣ Терры-Верджины. Онъ принуждалъ себя продолжать начатую работу, но дорогая, родимая земля его вертѣлась и кружилась у него передъ глазами.

— Какъ? — говорилъ онъ ей.—Я, который такъ люблю тебя, не владѣтель твой? Я, который на тебѣ родился, не законный твой наслѣдникъ? Я, который работалъ надъ тобой съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ вошелъ въ силу и могъ управлять плугомъ, теперь, достигнувъ зрѣлаго возраста, долженъ уступить тебя чужимъ? Сперва я залью тебя кровью!

До полдня оставалось еще часа два. Когда донеслись изъ за рѣки двѣнадцать протяжныхъ ударовъ церковнаго бронзоваго колокола, онъ отправился домой пообѣдать и отдохнуть.

Старика тамъ уже не было, но Клелія Альба сказала:

— Даріо сообщилъ мнѣ, что они вызываютъ тебя въ Санъ-Беду, и что ты не хочешь идти?

— Онъ говоритъ правду.

— Но идти ты долженъ, сынъ мой,—воскликнула мать.— Отъ подобныхъ предписаній нельзя уклоняться. Люди, которые вызываютъ тебя, имѣютъ за спиной законъ. Ты это знаешь.

— Они имѣютъ за собой одну только гнусность; единственную сторону закона, съ которой народу приходится знакомиться.

— Какъ-же ты узнаешь, о чемъ идетъ здѣсь рѣчь, если не пойдешь?

— У нихъ можетъ быть ко мнѣ только одно дѣло, о которомъ я не желаю ничего слышать!

— Ты хочешь сказать: о рѣкѣ, о землѣ?

— О чемъ-же больше?

Выраженіе ея лица стало такимъ-же суровымъ, какъ у него.

— Если это такъ... Но все-же, сынъ мой, тебѣ лучше бы пойти, хоть для того, чтобы постоять за себя.

— Я за себя постою,—отвѣтилъ Адонъ и мысленно добавилъ,—но не словами.

— На какое число они вызываютъ?—спросила мать.

— Оно прошло уже три дня тому назадъ. Эту миленькую шутка начальство продѣлываетъ часто надъ народомъ.

Обѣдъ прошелъ въ молчаніи; каштановые глаза Нерины пристально всматривались въ ихъ лица; она ни о чемъ не спрашивала, но угадывала.

Объ этомъ приглашеніи Адонъ ничего не сообщилъ дону Сильверіо, зная, что священникъ будетъ сильно уговаривать

его отправиться въ Санъ-Беду, не смотря даже на то, что назначенный срокъ уже пропущенъ.

Но священникъ узналъ отъ почталіона, который повѣдалъ ему свои опасенія, какъ бы Адонъ не пренебрегъ вызовомъ и не нажилъ непріятностей. Онъ сразу сообразилъ, какая будетъ сдѣлана ошибка, если допустить заочное рѣшеніе, вслѣдствіе неявки вызываемаго лица. Отсутствующій этимъ самъ себя дискредитируетъ; какъ бы ни было право его дѣло, съ самого начала къ нему отнесутся съ предубѣжденіемъ. Но донъ Сильверіо не видѣлъ возможности убѣдить человѣка, ослѣпленнаго, какъ Адонъ, горемъ и злобой, сдѣлавшими его такимъ упрямымъ. Ему тяжело было возобновлять безполезную борьбу и споры, которые не приводили ни къ какимъ результатамъ. Онъ чувствовалъ, что съ каждымъ произнесеннымъ имъ словомъ Адонъ отдалялся отъ него все дальше и дальше.

Молодой человѣкъ смотрѣлъ на все сквозь красный туманъ ненависти и изступленія.

Въ тотъ же вечеръ на закатѣ священникъ встрѣтилъ на берегу рѣки Нерину. Она привела на водопой двухъ коровъ и стояла вмѣстѣ съ ними по колѣно въ водѣ. Лучи заката блестѣли на ихъ мягкой, пятнистой, коричневой шерсти и на ея красноватыхъ волосахъ и ясномъ, молодомъ лицѣ. Кругомъ нихъ былъ зубчатый тростникъ; свѣтъ игралъ на широкихъ листьяхъ лопушинка и на красной, остроконечной листвѣ большихъ куртинъ кипрея; вода отражала яркое небо; надъ самой ея поверхностью, гоняясь за мушками, кружились, окунались и проносились стрѣлою недавно только прилетѣвшія ласточки, а на вѣткѣ неподалеку пѣлъ маленькій, лѣсной жаворонокъ.

Сцена была красивая, мирная, полная тихой, нѣжной прелести.

— И все это должно измѣниться и быть разрушенымъ ради того, чтобы нѣсколько сыновъ мамона могли воздвигнуть здѣсь мельницы и молоть на нихъ свое золото, — думалъ онъ, проходя по каменнымъ ступенькамъ, не затопленнымъ водой вслѣдствіе мелководья.

— Гдѣ Адонъ?—закричалъ онъ дѣвочкѣ.

— Онъ уѣхалъ въ лодкѣ внизъ по теченію, ваше преподобіе.

— А его мать?

— Она дома, ваше преподобіе.

Донъ Сильверіо направился черезъ пастбище подъ высокими оливами. Когда онъ дошелъ до тропинки, ведущей къ дому, онъ увидѣлъ Клелію Альбу, сидѣвшую на порогѣ за прялкой. Розовый кустъ развертывалъ первые кармазиновые

бутоны надъ головой ея; воробьи и скворцы хлопотали на крышѣ.

Клелія Альба встала и, низко присѣвъ, снова принялась за работу.

— Слышали вы, ваше преподобіе?—проговорила она тихо.— Они вызываютъ его въ Санъ-Беду.

— Старый Даріо разсказалъ мнѣ; но Адонъ не хочетъ идти?

— Нѣтъ, ваше преподобіе, онъ не пойдетъ.

— И сдѣлаетъ ошибку.

— Я не знаю, ваше преподобіе. Ему самому виднѣе.

— Я боюсь, что онъ не способенъ разсудить о чемъ-либо спокойно. Его отсутствіе повредитъ ему. Вмѣсто полюбовнаго соглашенія дѣло перейдетъ въ судъ, и, если съ его стороны никто не явится, будетъ заочное рѣшеніе.

— Полюбовное соглашеніе?—повторила Клелія. Ея красивое лицо сдѣлалось при этомъ суровымъ и глубокіе темные глаза засверкали.

— Какъ вы можете, какъ осмѣливаетесь, ваше преподобіе, упоминать о такихъ вещахъ? Они хотятъ учинить разбой, подлый грабежъ, тысячу разъ худшій того, который производили когда-либо разбойники, разорявшіе наши жилища.

— Я вполнѣ съ вами согласенъ; но законъ на сторонѣ тѣхъ, которые теперь васъ разоряютъ. Мы не можемъ, моя дорогая Клелія, измѣнить времени; мы должны взять его, какъ оно есть. Вашему сыну слѣдуетъ пойти въ Санъ-Беду и отстаивать свои права, не съ запальчивостью, а съ твердостью и ясностью; онъ долженъ бы также пріискать себѣ адвоката, въ противномъ случаѣ его выгонятъ изъ этого дома силою, съ жалкой суммой, возмѣщающей его убытки.

Коричневый цвѣтъ лица Клеліи Альбы сдѣлался пепельно-сѣрымъ и глубокія морщины на немъ стали еще глубже.

— Вы хотите сказать... что это возможно?

— Это болѣе чѣмъ возможно. Это неизбѣжно. Подобныя дѣла всегда кончаются такимъ образомъ. Мой бѣдный, дорогой другъ! вы еще и теперь не понимаете, что ничто не можетъ спасти вашего жилища.

Клелія Альба оперлась локтями въ колѣни и закрыла руками лицо. Она испытывала то же, что ея землячки, когда въ одно прекрасное утро онѣ увидали освѣщенное заревомъ небо и блескъ стальныхъ латъ, сверкавшихъ подъ деревьями, когда подъ копытами лошадей захрустѣли спѣлые колосья и раздался пронзительный крикъ дѣтей: „матушка, спаси насъ!“

Тѣ женщины не спасли ни жилищъ, ни ребятъ; онѣ смо-

трѣли, какъ вокругъ копій обвивались дѣтскія кудри и кинжалы вонзались въ бѣлыя, молодыя груди, какъ пламя поднималось къ небу, уничтожая деревянныя крыши, опустошая гумна. Онѣ не могли ни удержать стали, ни потушить пламени.

То же было и съ нею.

Она подняла голову и проговорила:

— Онъ убьетъ ихъ.

— Онъ можетъ убить одного человѣка, двухъ, руки его обагрятся кровью. Но къ чему это послужитъ? Сколько уже разъ повторялъ я вамъ, что это неизбѣжно, ужасно, но неизбѣжно, какъ война. На войнѣ страдаютъ милліоны невинныхъ и безпомощныхъ созданій не по своему желанію, не ради собственныхъ итересовъ... Вы здѣсь такія же жертвы. Ничто не сохранитъ вамъ Терры-Верджины. Дорогой, старый другъ мой, будьте мужественны.

— Я не могу этому повѣрить, ваше преподобіе. Земля наша; маленькій кусочекъ доброй, твердой земли этой принадлежитъ намъ; Богъ не допуститъ, чтобы его у насъ отняли.

— Другъ мой! чудесъ теперь не бываетъ. Я повторялъ и повторялъ уже вамъ много разъ, что вы землю потеряете.

— Я не хочу этому вѣрить!

— Увы! я молю, чтобы васъ не заставили повѣрить, хотя и знаю, что молитвы мои тщетны. Скажите мнѣ, увѣрены ли вы въ томъ, что Адонъ рѣшилъ не ходить?

— Да, я увѣрена.

— Онъ сумасшедшій!

— Нѣтъ, ваше преподобіе, онъ не сумасшедшій. Не болѣе, чѣмъ я, его мать. Мы уповаемъ на небо.

Донъ Сильверіо молчалъ. Не ему было говорить, какъ ненадежна такая опора.

— Я не долженъ мѣшкать,—сказалъ онъ, вставая,—скоро наступитъ ночь. Передайте мои слова вашему сыну. Говорить съ вами объ этомъ мнѣ почти такъ же тяжело, какъ было бы воткнуть вамъ въ горло ножъ; но, если вы дорожите жизнью и безопасностью Адона, вы обязаны растолковать ему фактъ, который оба все еще отрицаете,—что законъ отниметъ у васъ вашъ домъ точно такъ же, какъ онъ отниметъ рѣку у провинціи.

— Нѣтъ, ваше преподобіе,—сказала Клелія Альба страстно.—Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Надъ нами Богъ!

Донъ Сильверіо съ грустью простился съ нею и не сталъ больше настаивать. Онъ шелъ по благоухающей луговинѣ, на которой густо заросъ первоцвѣтъ и дикіе гіацинты, подъ вѣтвями оливъ, обремененныхъ уже маленькими зелеными ягодами, и тяжело было на душѣ у него... Сознаніе своего

безсилія отняло у него всякую охоту продолжать борьбу, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно отступиться отъ этого дѣла не позволяла ему совѣсть.

Какъ ни длинно и ни тягостно казалось ему путешествіе въ Санъ Беду, онъ рѣшилъ снова отправиться туда, никому ничего не сообщая о своихъ намѣреніяхъ. Онъ надѣялся, что сумѣетъ, быть можетъ, представить въ извинительномъ свѣтѣ передъ синдикомъ отсутствіе Адона и защитить его интересы лучше, чѣмъ сдѣлалъ бы это самъ юноша. Для дона Сильверіо онъ все еще былъ мальчикомъ, и священникъ извинялъ ему его заносчивость и его безуміе.

Стояла прекрасная прохладная погода, и путешествіе пѣшкомъ показалось ему гораздо менѣе утомительнымъ, чѣмъ въ первый разъ; къ тому же поѣздка въ Римъ возбудила его нервы и возстановила въ немъ энергію и самообладаніе, утраченныя въ многолѣтней, скучной, однообразной и уединенной жизни въ Рушино. Съ моря, изъ дождевого угла, дулъ легкій вѣтерокъ; надъ лазуревыми цѣпями Абруццо по темно-синему небу проносились тучи.

Обнаженныя, коричневыя скалы потемнѣли, какъ бронза, и поросшія лѣсомъ горы стали въ тѣни почти черными, когда показались скученныя башни и крыши маленькаго города. Не смотря на усталость, донъ Сильверіо отправился прямо въ старый герцогскій дворецъ, гдѣ помѣщалась теперь городская управа, не спряхнувъ даже съ ногъ дорожной пыли.

— Доложите, что я пришелъ по дѣлу Адона Альба,—сказалъ онъ первому попавшемуся на встрѣчу человѣку въ передней нижняго этажа.

Въ маленькомъ клерикальномъ городѣ его званіе внушало уваженіе. Его попросили сѣсть отдохнуть, и черезъ нѣсколько минутъ посланный вернулся съ отвѣтомъ, что его высокопревосходительство графъ Коррадини проситъ пожаловать сейчасъ же въ кабинетъ; это былъ день совѣта, но онъ долженъ былъ собраться не раньше, какъ черезъ часъ. Синдикъ, высокій, сухощавый, тщедушный человѣкъ, съ лицомъ патриція и изящными манерами, встрѣтилъ его любезной фразой, польщенный яко-бы посѣщеніемъ священника изъ Рушино, и освѣдомился, чѣмъ можетъ быть ему полезенъ.

— Чрезвычайно даже, ваше превосходительство, — отвѣтилъ донъ Сильверіо.—Я рѣшилъ явиться сюда ради одного моего молодого прихожанина, Адона Альбы, который получилъ увѣдомленіе вашего превосходительства только вчера и потому, надѣюсь, можетъ быть прощенъ за неявку въ назначенный день. Самъ онъ не имѣлъ возможности быть здѣсь сегодня. Могу я заступить его мѣсто въ качествѣ amicus curios?

— Конечно, конечно,—сказалъ Коррадини, довольный, что ему придется имѣть дѣло съ образованнымъ человѣкомъ, а не съ мужикомъ. — Если повѣстка была задержана по винѣ моихъ подчиненныхъ, я произведу дознаніе. А теперь скажите мнѣ, ваше высокопреподобіе, имѣете ли вы полномочіе покончить съ этимъ дѣломъ?

— Я осмѣливаюсь напомнить вамъ, ваше превосходительство, что мы до сихъ поръ не знаемъ даже, въ чемъ состоитъ дѣло, о которомъ вы говорите?

— Ахъ, да, совершенно вѣрно. Оно заключается въ продажѣ земли, извѣстной подъ названіемъ Терры Верджины.

— Слава Богу, что здѣсь я, а не Адонъ,—подумалъ донъ Сильверіо.

Вслухъ онъ отвѣтилъ:

— Какая продажа? владѣлецъ ничего не слыхалъ объ этомъ.

— Онъ долженъ былъ слышать. Для васъ не можетъ быть новостью, что работы, которыя будутъ производиться на рѣкѣ Эдерѣ, дѣлаютъ необходимымъ пріобрѣтеніе земли, извѣстной подъ названіемъ Терры Верджины.

Говоря это, синдикъ надѣлъ золотыя очки, придвинулъ къ себѣ черный портфель, наполненный планами и документами, началъ перебирать ихъ и, разыскивая, бормоталъ отдѣльныя фразы. Наконецъ, онъ нашелъ бумагу, касавшуюся земли Альбовъ.

— Терра Верджина, рушинская община, владѣльцы Альбы съ 1620 г., семейство съ хорошей репутаціей, исправные плательщики, шестьдесятъ гектаровъ, земля плодородная; оцѣненная—совершено вѣрно... гм! гм!

Затѣмъ онъ отложилъ документы въ сторону и черезъ очки взглянулъ на дона Сильверіо.

— Я полагаю, ваше высокопреподобіе, что вы явились сюда въ качествѣ уполномоченнаго этого молодого человѣка, чтобы договориться съ нами.

— Я осмѣливаюсь снова напомнить вамъ, ваше превосходительство,—возразилъ почтительно донъ Сильверіо,—что я не могъ получить такого полномочія, такъ какъ Адонъ Альба не зналъ, съ какою цѣлью его сюда вызывали.

Коррадини перебиралъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ свои бумаги.

— Стало быть, наше совѣщаніе только потеря времени? Сегодня у меня совѣтъ...

— Извините меня, ваше превосходительство,—сказалъ донъ Сильверіо кротко.—Это не будетъ потерей времени, если вы разрѣшите мнѣ изложить передъ вами нѣкоторые факты,

задавъ вамъ предварительно одинъ вопросъ: кто покупатель или покупатели этой земли?

Вопросъ, очевидно, былъ непріятенъ синдику; онъ былъ поставленъ прямо, что каждый итальянецъ считаетъ неучтивымъ. Вслѣдствіе личныхъ соображеній графъ затруднялся на него отвѣтить, между тѣмъ спокойный, проницательный взглядъ темныхъ глазъ священника волновалъ его.

— Оказывается, лучше бы имѣть дѣло съ самимъ мужикомъ,—подумалъ онъ.

— Почему вы спрашиваете объ этомъ?—проговорилъ онъ раздраженно. — Вы вѣдь знаете' что Народное Общество улучшенія земель и иностранная кампанія Терамо - Тронто электрической желѣзной дороги соединились для проектируемыхъ работъ?

— Къ которому изъ этихъ двухъ обществъ, въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ обратиться Адону или мнѣ въ качествѣ его locum tenens?

— Ни къ тому, ни къ другому. Съ вами имѣетъ дѣло община.

— Почему?

Графъ Коррадини снялъ свои очки, надѣлъ ихъ снова, переложилъ документы и планы въ свой внушительный портфель.

— Я осмѣливаюсь спросить васъ еще разъ: почему?— спросилъ донъ Сильверіо своимъ красивымъ мягкимъ голосомъ.

— Потому что, потому что,—отвѣтилъ синдикъ нетерпѣливо,—потому что всѣ переговоры ведутся съ обществами черезъ посредство нашихъ делегатовъ. Общественныя учрежденія не сносятся прямо съ частными людьми, а черезъ уполномоченныхъ.

— Простите мое невѣжество,—сказалъ донъ Сильверіо,—но почему же община желаетъ заступить мѣсто владѣльца?

— Это обычный порядокъ.

— А! обычный порядокъ.

Коррадини не понравилось такое подчеркиваніе его словъ, которыя не могли бы, вѣроятно, выдержать строгой критики. Онъ взглянулъ на часы.

— Извините меня, преподобный отецъ, время не терпитъ.

— Позвольте мнѣ убѣдительно попросить васъ: удѣлите великодушно, тѣмъ не менѣе, еще нѣсколько минутъ. Самъ я не дѣлецъ, но если только я васъ правильно понимаю, ваше превосходительство, суть въ томъ, что община предполагаетъ совершить покупку у частныхъ лицъ съ правомъ перепродажи обществамъ?

— Какой невоспитанный священникъ!—подумалъ Корра-

дини. Дѣйствительно, если вопросъ поставить такъ грубо-напрямикъ, то окажется, что дѣйствія общины, которой онъ былъ представителемъ, не имѣли того корректнаго характера, какой былъ желателенъ.

— Я былъ, ваше превосходительство, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ по этому дѣлу въ Римѣ.

Это извѣстіе было синдику непріятно; ему никогда не приходило въ голову, чтобы въ его деревенскомъ, некультурномъ и рѣдконаселенномъ участкѣ нашелся человѣкъ образованный, который вздумалъ бы освѣдомляться по мѣстнымъ вопросамъ въ Римѣ.

— Въ Римѣ! зачѣмъ вы ѣздили въ Римъ?

— Чтобы получить тамъ свѣдѣнія относительно этого проекта.

— Развѣ вы одинъ изъ владѣльцевъ?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я бѣдный, очень бѣдный священникъ.

— Стало быть, это не можетъ васъ касаться.

— Это касается моего народа, а все, что касается его, не чуждо и мнѣ.

— Гм, гм! весьма правильно, весьма похвально. Но у насъ нѣтъ времени для общихъ мѣстъ. Вы пришли сюда для переговоровъ относительно Терры Верджины?

— Простите меня, ваше превосходительство, я пришелъ, чтобы узнать, зачѣмъ вы вызываете Адона Альба—одного изъ моихъ прихожанъ.

— Развѣ онъ не могъ придти самъ? Это его долгъ.

— Онъ не могъ и, говоря откровенно, не хотѣлъ. Онъ не намѣренъ продавать свою землю.

— Что?!

Коррадини привсталъ со своего стула, оперся обѣими руками на столъ и, изъ за груды портфелей и бумагъ, сквозь очки вытаращилъ глаза на священника.

— Ему не будетъ предоставлено выбора,—проговорилъ онъ въ сильномъ гнѣвѣ.—Ради государственныхъ интересовъ всѣ второстепенные должны отойти на задній планъ. Какъ! простой крестьянинъ стоитъ на дорогѣ великаго предпріятія?

— Вы намѣреваетесь, стало быть, отчуждать ее?

Голосъ дона Сильверіо былъ мягкій и спокойный, но выраженіе его лица стало суровымъ.

Коррадини былъ внѣ себя отъ гнѣва. Ему не хотѣлось ставить такую большую карту въ началѣ игры.

— Я этого не говорю,—пробормоталъ онъ. — Для всякой вынужденной продажи нужна ратификація парламента. Я говорю въ общемъ, что частные интересы должны отступать передъ общественными.

— Проектъ относительно долины Эдеры прошелъ уже въ парламентѣ съ экспропріаціей включительно,—сказалъ донъ Сильверіо.

Графъ Коррадини опустился снова на стулъ съ жестомъ, выражающимъ и гнѣвъ, и безпомощность. Его раздражало, что этотъ священникъ зналъ положеніе дѣла и зналъ гораздо больше, чѣмъ выказывалъ. Въ дѣйствительности дону Сильверіо было извѣстно очень мало, но онъ велъ себя такъ ловко и тактично, что сумѣлъ произвести на своего собесѣдника впечатлѣніе обратное, которымъ и воспользовался.

— Экспропріація разрѣшается для того, чтобы принудить къ продажѣ несговорчивыхъ землевладѣльцевъ,—продолжалъ онъ.—Но эта мѣра, хотя и допущенная въ теоріи, потребуетъ на практикѣ не мало времени. Я боюсь, что если она будетъ приведена въ исполненіе, въ нашей общинѣ произойдутъ большіе безпорядки. Вашъ совѣтъ слишкомъ поторопился вступить въ союзъ съ этими спекуляторами. Вы не приняли съ ними въ соображеніе огромный вредъ, который будетъ причиненъ долинѣ и моему селу или, если хотите, называйте его городомъ, Рушино. Народъ смирный, терпѣливый и кроткій, но онъ не останется такимъ, если у него отнимутъ воды Эдеры. Она—источникъ того незначительнаго, весьма незначительнаго благополучія, которое выпадаетъ на ихъ долю. Также и съ Адономъ Альбой. Онъ подчинялся законамъ, былъ добрымъ сыномъ, богобоязненнымъ, прекраснымъ юношей во всѣхъ отношеніяхъ; но онъ не признаетъ законнымъ захватъ его земли. Вы, ваше превосходительство, избранный представитель этого участка; въ критическихъ обстоятельствахъ все его населеніе обращается къ вамъ за поддержкой. Что для васъ эти иностранные спекуляторы, чтобы вамъ держать ихъ сторону? Вы говорите: община купитъ у своихъ крестьянъ-собственниковъ въ интересахъ иностранцевъ. Развѣ они избрали васъ для этого? Почему чужіе интересы должны быть поддерживаемы въ ущербъ интересамъ вашего собственнаго народа? Говоря только объ одномъ моемъ приходѣ, я могу поручиться, что хотя они и добрыя души, до крайности бѣдныя и переносящія свою бѣдность безропотно, но если вы возьмете на себя содѣйствіе узурпаціи Эдеры, вы наживете со всѣми большія непріятности.

Графъ Коррадини продолжалъ сидѣть, откинувшись на спинку широкаго кожанаго кресла, слушая, какъ загипнотизированный; онъ былъ пораженъ, обиженъ, озлобленъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очарованъ низкими, богатыми, гармоничными модуляціями голоса священника и обнаруженнымъ имъ нравственнымъ превосходствомъ; но не поддержалъ его, однако, ни единымъ словомъ.

— Вы угрожаете мнѣ общественными безпорядками?—возразилъ онъ сознавая свою слабость.

— Нѣтъ, ваше превосходительство; я умоляю васъ, Бога ради, не вызывать ихъ.

— Это зависитъ не отъ меня.

Онъ приподнялся со своего кресла; его изящныя аристократическія руки нервно теребили шнурки портфеля, его вѣки мигали и глаза избѣгали взгляда посѣтителя.

— Я не имѣю голоса въ этомъ дѣлѣ. Вы ошибаетесь.

— Вы, ваше превосходительство, соединяете въ себѣ несомнѣнно голоса всѣхъ вашихъ избирателей.

— Стало быть, моего административнаго совѣта? Но всѣ сочувствуютъ проекту: и его превосходительство префектъ, и депутаты, и правительство. Могу ли я одинъ съ моими ничтожными силами противодѣйствовать имъ?

— Да, потому что вы говорите отъ имени тѣхъ, которые не могутъ говорить за себя сами.

— Эхъ, эхъ! въ нѣкоторомъ отношеніи это можетъ быть и правда. Но вы ошибаетесь: моя власть чрезвычайно ограниченна. Я имѣю въ совѣтѣ только два голоса. Я вполнѣ убѣжденъ, какъ, вѣроятно, и вы, что ради общаго блага кто нибудь и пострадаетъ. Въ наши дни индивидуумъ уничтожается толпой. Мы живемъ въ періодъ громаднаго, лихорадочнаго развитія, совершенно непредвидѣнной эволюціи; мы окружены чудесами науки; мы свидѣтели умственнаго роста, который приведетъ къ такимъ результатамъ, о какихъ ни одинъ изъ живущихъ теперь не можетъ и мечтать; цивилизація въ своей обширной и неисповѣдимой благости иногда и ранитъ, точно такъ же, какъ свѣтъ и теплота благословеннаго солнца...

— Простите меня, ваше превосходительство, — сказалъ донъ Сильверіо, — во всякое другое время внимать вашему краснорѣчію для меня было бы счастливѣйшей привилегіей. Но время не терпитъ. Я пришелъ сюда съ практическою цѣлью. Я желалъ бы принести какой нибудь опредѣленный отвѣтъ Адону и Клеліи Альбамъ. Долженъ ли я понять изъ вашихъ словъ, что муниципалитетъ, въ интересахъ этихъ иностранныхъ компаній, желаетъ купить его землю и настаиваетъ даже на своемъ правѣ поступать такимъ образомъ?

Синдикъ, привыкшій, прикрываясь цвѣтистыми фразами, уклоняться отъ всякаго прямого разговора, былъ совершенно сбитъ со своей позиціи. Онъ не могъ больше продолжать благородной и просвѣщенной рѣчи, прерванной такъ неожиданно. Онъ завязывалъ бантомъ и затѣмъ снова развязывалъ тесемки своего портфеля.

— Я принялъ васъ, милостивый государь, ex officio,—про-

говорилъ онъ, наконецъ, послѣ продолжительнаго молчанія.— Вы ко мнѣ обращаетесь какъ будто у меня есть какая-то особая личная власть. У меня ея нѣтъ. Я не болѣе какъ представитель, повѣренный моего административнаго совѣта. Вамъ, образованной духовной особѣ, надѣюсь, не надо объяснять, въ чемъ заключаются обязанности синдика.

— Я долженъ понять, изъ вашихъ словъ, что по дѣлу моихъ прихожанъ мнѣ нужно обратиться къ префекту?

Коррадини молчалъ. Для него было менѣе всего желательно, чтобы этотъ назойливый священникъ видѣлся съ префектомъ.

— Я долженъ сейчасъ же идти въ совѣтъ,—произнесъ онъ, взглянувъ снова на часы.—Не можете ли вы вернуться? Вы долго здѣсь пробудете?

— Нѣсколько часовъ, ваше превосходительство.

— Не пообѣдайте ли вы у меня въ 3 часа? Вы доставите мнѣ большое удовольствіе, и графиня Коррадини будетъ также въ восторгѣ.

— Благодарю васъ за такую большую честь, но я уже обѣщалъ отобѣдать съ однимъ старымъ другомъ, настоятелемъ Цистерсіанцевъ.

— Превосходный, святой человѣкъ,—сказалъ Коррадини, кивая головою.—Тогда зайдите ко мнѣ, ваше преподобіе, въ пять часовъ. Къ тому времени я переговорю уже о вашемъ дѣлѣ... вопросъ этотъ будетъ, вѣроятно, также разсматриваться и въ совѣтѣ.

Донъ Сильверіо низко поклонился и предоставилъ ему идти къ ожидающимъ его членамъ совѣта, собравшимся уже кругомъ длиннаго стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, въ роскошной залѣ со сводами и выцвѣтшими фресками по стѣнамъ, со сценами изъ греческой миѳологіи, вырѣзанными на дубовыхъ дверяхъ и карнизахъ.

— Пожалуйста, извините меня, господа,—проговорилъ благовоспитанный синдикъ, обращаясь къ гласнымъ и занимая за столомъ предсѣдательское мѣсто — старинный тронъ орѣховаго дерева.

— Меня задержали по дѣлу о Вальдадерѣ. Я боюсь, что населеніе этой долины обнаружитъ неблагодарный и непокорный нравъ. Какъ трудно внушить невѣжественнымъ людямъ, въ чемъ заключается ихъ истинная польза. Но приступимъ къ дѣламъ.

— Это будетъ трудное дѣло, — сказалъ настоятель дону Сильверіо, когда, послѣ умѣреннаго обѣда въ трапезнѣ, они прогуливались вмѣстѣ на маленькомъ монастырскомъ кладбищѣ среди розъ и могильныхъ крестовъ.—Это будетъ трудное дѣло. Я боюсь, что вы потерпите неудачу. Муниципали-

тетъ здѣсь чуетъ деньги. Этого для нихъ достаточно, чтобы привѣтствовать вторженіе. Что можете вы сдѣлать противъ золота?

— Послужитъ-ли къ чему, если я повидаю префекта?

— Ни къ чему. Онъ двоюродный братъ министра земледѣлія, братъ котораго предсѣдатель компаніи Терамо-Фермо. Нами управляетъ всецѣло то, что французы называютъ tripotage.

— Что за человѣкъ синдикъ?

— Прекрасный. Онъ безупреченъ въ своей частной жизни, онъ снисходительный землевладѣлецъ, джентльмэнъ, относится съ уваженіемъ къ религіи, усердно исполняетъ свои обязанности; но онъ въ долгахъ; его обширныя помѣстья приносятъ ему мало, а другихъ средствъ у него нѣтъ. Я не поручусь, что онъ недоступенъ взяткѣ.

Въ пять часовъ, какъ назначилъ синдикъ, донъ Сильверіо явился во дворецъ Коррадини. Старый слуга въ ливреѣ проводилъ его въ изящную комнату съ мраморными бюстами въ стѣнныхъ нишахъ, старинными дубовыми книжными шкафами и портьерами изъ тосканскихъ гобеленовъ. Въ комнатѣ этой было свѣжо и сыро, какъ въ могилѣ. Она освѣщалась только двумя бронзовыми лампами, въ которыхъ горѣли безъ абажуровъ фитили въ маслѣ. Минутъ черезъ пять вышелъ къ нему Коррадини и привѣтствовалъ его съ радушіемъ и свѣтской любезностью.

— Что ему отъ меня надо? — подумалъ донъ Сильверіо, котораго не часто въ жизни встрѣчали такими изысканными фразами.—Не хочетъ ли онъ втереть мнѣ очки?

— Разскажите все подробно, дорогой и уважаемый отецъ,— сказалъ синдикъ, садясь спиною къ бронзовымъ лампамъ,— объ этомъ юношѣ, которому вы покровительствуете и который не желаетъ продавать Терры Верджины. Здѣсь мы можемъ говорить на свободѣ; тамъ, въ городской управѣ всегда могутъ быть чужія уши.

— То, что я сказалъ вамъ, ваше превосходительство, хорошо извѣстно во всемъ округѣ. Достовѣрность моихъ словъ можетъ засвидѣтельствовать вся долина, — отвѣтилъ донъ Сильверіо и затѣмъ началъ разсказывать все, что зналъ объ Адонѣ и Клеліи Альбахъ и о великой привязанности ихъ къ землѣ; онъ умолчалъ только о происхожденіи Адона, боясь, чтобы это не показалось фантастичнымъ и претендательнымъ. Крестьянское владѣніе въ теченіе почти 300 лѣтъ было уже и безъ того несомнѣннымъ правомъ, съ которымъ нельзя не считаться.

— Если земля, которой владѣла и которую обработывала такимъ образомъ одна и та же семья, можетъ быть по поста-

новленію парламента отнята ради алчныхъ проектовъ иностранцевъ, зачѣмъ же сохранять тогда восьмую заповѣдь? Въ такомъ случаѣ это становится нелѣпымъ. Болѣе безусловнаго права собственности, чѣмъ право Альбовъ, не можетъ и быть. До тѣхъ поръ, пока существуетъ различіе между *моимъ* и *твоимъ*, возможно ли оправдывать подобное насиліе?

— Насилія здѣсь не должно быть,—сказалъ Коррадини.— Молодому человѣку предложатъ хорошую цѣну; и такъ какъ вы имъ интересуетесь, то даже высокую цѣну.

— Но онъ не возьметъ никакой цѣны, никакой, если бы ему даже предложили милліоны; они не могутъ вознаградить его за потерю.

— Это должно быть очень своеобразный молодой человѣкъ.

— Въ вѣкъ, когда деньги составляютъ единственную цѣль существованія и недовольство только создаетъ философію, его характеръ, безъ сомнѣнія, кажется своеобразнымъ. Адону Альбѣ не нужно ничего, кромѣ того, что у него есть; онъ проситъ только, чтобы его оставили въ покоѣ.

— Это очень трудно сдѣлать въ мірѣ, переполненномъ людьми. Съ деньгами, которыя мы ему заплатимъ, герой вашъ можетъ отправиться въ Ла-Плату или Аргентину и купить тамъ другую землю.

— Мы? — повторилъ донъ Сильверіо съ многозначительнымъ удареніемъ.

Коррадини слегка покраснѣлъ.

— Я употребилъ это слово потому, что чрезвычайно заинтересованъ въ успѣхѣ предпріятія и убѣжденъ въ его общественной пользѣ для провинціи. Будучи такъ хорошо знакомъ съ здѣшней мѣстностью, я надѣялся, что могъ бы предупредить столкновенія.

— Я полагаю, акціи уже находятся въ обращеніи?

Это невинное замѣчаніе было непріятно синдику Санъ Беды.

— Какая была-бы продажная цѣна Терры Верджины?— спросилъ онъ рѣзко. — Она оцѣнена въ двѣнадцать тысячъ франковъ.

— Говорить о цѣнѣ безполезно, — возразилъ донъ Сильверіо, — вопросъ этотъ много шире предѣловъ Терры Верджины. Однимъ словомъ, мнѣ хотѣлось бы знать, будетъ ли разорена вся Вальдедера вслѣдствіе того, что у министра есть родственникъ, желающій выстроить никому ненужную желѣзную дорогу?

— Разорена, сказать слишкомъ много. Всѣмъ, кромѣ некультурнаго, невѣжественнаго народа, эти сооруженія кажутся улучшеніемъ, выгоднымъ пріобрѣтеніемъ. Наша провинція была такъ далека отъ всякого движенія, мы такъ замкнулись въ нашемъ уединеніи, такъ обросли мохомъ, такъ придержи-

вались прошлаго, старинныхъ костюмовъ и привычекъ, такъ заскорузли въ нашихъ дѣлахъ и мысляхъ, что современный міръ представляется намъ нечестивымъ, ненавистнымъ, нетерпимымъ.

— Если мы, ваше превосходительство, здѣсь для того, чтобы воспѣвать хвалебные гимны современнымъ нововведеніямъ,—перебилъ его донъ Сильверіо съ насмѣшливой улыбкой,—позвольте мнѣ отказаться вторить вамъ. Какъ и сегодня утромъ, я осмѣливаюсь предложить одинъ прямой вопросъ: къ кому долженъ аппелировать Адонъ Альба и мой народъ изъ Рушино на эту секвестрацію?

— Ни къ кому. И префектъ, и министръ, и мѣстные депутаты одобряютъ ее; также и я, и муниципальный, и областной совѣты. Парламентъ и одобрилъ, и разрѣшилъ. Кто же остается противникомъ? Немногіе мелкіе землевладѣльцы и толпа бѣдняковъ, живущихъ въ Рушино и тому подобныхъ мѣстечкахъ.

— Которые могутъ создать и создадутъ большіе безпорядки.

— Въ наши дни безпорядки и даже бунты не пугаютъ особенно администрацію. Со времени изобрѣтенія скорострѣльныхъ орудій они легко подавляются. Войско всегда на сторонѣ порядка.

Донъ Сильверіо всталъ.

— Высокочтимый синьоръ Коррадини, ваши взгляды и мои такъ діаметрально противоположны, что никакія пренія на могутъ сблизить ихъ. Позвольте мнѣ откланяться.

— Подождите еще одну минуту, преподобный отецъ,— сказалъ синдикъ.—Могу я спросить васъ, почему духовная особа съ вашимъ умомъ и вашей наружностью погребена такъ на долго въ такомъ совиномъ гнѣздѣ, какъ Рушино?

— Объ этомъ, ваше превосходительство, спросите мое начальство,—отвѣтилъ донъ Сильверіо холодно,—я только одинъ изъ низшихъ служителей церкви.

— Вы могли бы быть однимъ изъ высшихъ, если бы вліяніе...

— Слово „вліяніе“ я презираю. Въ немъ подразумѣвается взятка, настолько искусная, что она остается безнаказанной, настолько вызолоченная, что ея не боятся.

— Нѣтъ, иногда это только во время произнесенное слово, давленіе въ надлежащемъ мѣстѣ.

— Оно означаетъ то, что не можетъ послужить на пользу бѣдному человѣку, не унизивъ его.

— Но... но, если бы повышеніе было предложено вамъ въ награду за исполненіе обязанностей?

— Я васъ не понимаю.

— Позвольте мнѣ высказаться откровенно. Съ вашимъ превосходствомъ вы сумѣете, конечно, повліять на нарож-

дающихся бунтовщиковъ Вальдадеры. Если благодаря, вашимъ усиліямъ, населеніе останется спокойнымъ, и этотъ Адонъ Альба и другіе явятся ко мнѣ, почтительные, сговорчивые,—я даю слово, что эта услуга не будетъ нами забыта.

Онъ умолкъ, но донъ Сильверіо не возражалъ.

— Прискорбно и несправедливо,—продолжалъ синдикъ,—что человѣкъ съ вашими выдающимися умственными дарованіями и способностью занимать высшее мѣсто, тратитъ свое время и таланты въ такомъ жалкомъ, уединенномъ мѣстѣ, какъ Рушино. Если вы поможете намъ миролюбиво покончить съ Вальдадерой, я обѣщаю, что къ вашему переводу на болѣе высокій постъ правительство отнесется благосклонно.

Онъ замолчалъ снова, потому что не видѣлъ на лицѣ дона Сильверіо польщеннаго и радостнаго выраженія, которое ожидалъ; на немъ отражалось даже чувство презрѣнія. Онъ пожалѣлъ, что высказалъ такъ много.

— Благодарю васъ, ваше превосходительство, за такое милостивое отношеніе къ моей бѣдной особѣ,—проговорилъ донъ Сильверіо.—Но я не имѣю ничего общаго съ королевскимъ правительствомъ. Я доволенъ мѣстомъ и не имѣю расположенія содѣйствовать спекуляціямъ иностранныхъ компаній. Честь имѣю пожелать вамъ, ваше превосходительство, добраго вечера.

Онъ низко поклонился и направился на этотъ разъ къ выходу. Графъ Коррадини не пытался его удерживать.

Когда онъ вышелъ на воздухъ, сильный и рѣзкій вѣтеръ дулъ съ горныхъ вершинъ внизъ по крутымъ и узкимъ улицамъ. Его порывы пріятно освѣжали ему лобъ и лицо.

— Истинно: только у природы можно позаимствовать силу и здоровье,—проговорилъ онъ.—Въ жилищахъ людей—одна зараза и растлѣніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ПЛѢНУ.

Душа моя въ плѣну,—въ плѣну у тяжкихъ думъ,
У дней безъ радости, у ночи безъ разсвѣта!..
Ни мирный сонъ полей, ни улицъ пестрый шумъ
Не будитъ больше въ ней созвучнаго отвѣта.
Рвануться бы, стряхнуть докучный гнетъ цѣпей,
Взмахнуть бы широко орлиными крылами!
Но цѣпи—гдѣ онѣ? Вдоль стѣнъ тюрьмы моей
Не ходитъ часовой съ безсонными глазами.
Куда, куда бѣжать? Пустыненъ кругозоръ,
Зной опалилъ его дыханьемъ мрачной скуки...
И солнце, какъ сквозь дымъ, бросаетъ мертвый взоръ,
И призрачны, какъ сонъ, и радости и муки!
Душа моя въ плѣну!.. И грезится вдали
Ей край плѣнительный, волшебный край свободы,
Гдѣ шумный жизни пиръ, цвѣтущій пиръ земли,
Кипитъ, какъ вешнія сверкающія воды...
— Далекой юности блаженные края!
Какъ все тамъ солнечнымъ залито свѣтомъ было,
Какъ сердце вѣрило и пламенно любило
Весну, людей и жизнь...
Въ плѣну душа моя!

П. Я.

ПО ФРАНЦУЗСКИМЪ СУДАМЪ.

Въ настоящей статьѣ предлагаю рядъ очерковъ и впечатлѣній, вынесенныхъ мною изъ посѣщеній французскихъ провинціальныхъ судовъ разныхъ инстанцій.

Очерки эти не претендуютъ на полноту свѣдѣній или на опредѣленную систему: это просто замѣтки и наблюденія лица, не обладающаго юридическимъ образованіемъ и желавшаго лишь ознакомиться, главнымъ образомъ, съ интереснымъ бытовымъ матеріаломъ судебныхъ процессовъ.

На судѣ развертывается закулисная сторона жизни разныхъ классовъ общества; тутъ выступаетъ неприкрашенная жизнь такъ, какъ она есть, съ ея добромъ и зломъ, низостью и великодушіемъ, съ ея ожесточенной борьбой за существованіе, однимъ словомъ,— со всѣми составляющими ее элементами, не исключая и комическаго. По пріемамъ при отправленіи правосудія и по отношенію общества къ нему, можно судить, до нѣкоторой степени, и о культурности народа.

Сообщаемые факты не настолько серьезны и цѣнны, чтобы они могли служить основаніемъ для какихъ-либо выводовъ, но, смѣю думать, они не лишены данныхъ для ознакомленія съ французскими нравами и разнообразными условіями ихъ быта. Правда, что на судѣ приходится больше знакомиться съ мрачными, неприглядными явленіями общественнаго и бытового характера, такъ сказать,—съ изнанкой жизни; но, вѣдь, по изнанкѣ можно, до нѣкоторой степени, судить и о ея лицевой сторонѣ, которую трудно наблюдать иностранцу по причинѣ замкнутости семейной жизни французовъ; да и лицевая сторона быта культурныхъ классовъ является, обыкновенно, прикрытой тѣмъ узаконеннымъ лицемѣріемъ, которое именуется въ общежитіи „свѣтскими приличіями", и, такимъ образомъ, не представляетъ особаго интереса для наблюденій.

I.

Ознакомленіе съ французскими судами пришлось начать съ камеры мироваго судьи (juge de paix) въ небольшомъ приморскомъ городкѣ Вильфраншъ, расположенномъ полукругомъ по берегу

небольшого залива Средиземнаго моря. Издали Вильфраншъ представляется очень живописнымъ со своими бѣлыми каменными домами, островерхой готической церковью и узкими улицами, спускающимися террасами къ морю. Вблизи же онъ поражаетъ своей грязью, безпорядочностью построекъ, заброшенностью какой-то, точно люди живутъ тутъ временно и, вотъ, не сегодня—завтра, переселятся отсюда, а потому — не стоитъ вставлять разбитаго стекла въ окнѣ, не стоитъ навѣшивать сорвавшуюся съ петель зеленую „жалюзи“ или входную дверь въ мрачное entrée дома. Безпечность эта отчасти объясняется теплымъ, благодатнымъ климатомъ.

Въ ясное теплое, даже жаркое ноябрьское утро я взбиралась по крутымъ ступенькамъ улицы, ведущей на небольшую круглую площадку, около которой расположились зданія присутственныхъ мѣстъ: мэрія, жандармерія, а также церковь, госпиталь, школы и камера судьи. Площадка эта обыкновенно оживляется рано утромъ, когда съѣзжаются (на ослахъ) крестьяне изъ ближнихъ деревень съ продуктами своего хозяйства. Теперь же она была занята разнокалибернымъ людомъ, ожидавшимъ открытія камеры. Были тутъ и франтоватые молодые люди со смуглыми лицами южанъ, одѣтые въ свѣтлыя пары, пестрые галстухи, лакированныя ботинки (у нѣкоторыхъ были и цвѣты въ петлицахъ). Горожанки въ темныхъ платьяхъ и яркихъ вязаныхъ косынкахъ, нерѣдко съ грудными дѣтьми на рукахъ, стояли и сидѣли прямо на камняхъ и звонко перекликались на „patois“. Особую группу составляли старики крестьяне въ традиціонныхъ бархатныхъ курткахъ съ металлическими пуговицами; почти всѣ они курили изъ короткихъ трубочекъ и безпрестанно сплевывали направо и налѣво. Среди взрослыхъ толкались подростки и дѣти. У крыльца камеры особнякомъ держались „адвокаты“, все пожилые люди съ выбритыми лицами въ сильно поношенныхъ и на глухо застегнутыхъ сюртукахъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ прицѣплены желтенькія или зеленыя розетки, свидѣтельствующія о томъ, что носящій „декорированъ“, былъ прежде чиновникомъ, а теперь въ отставкѣ, на микроскопической пенсіи. Такими отставными чиновниками, или людьми, просто отбившимися отъ дѣлъ, и пополняется составъ мѣстной адвокатуры въ мировыхъ учрежденіяхъ. Получаютъ такіе адвокаты чуть не гроши, о чемъ свидѣтельствуетъ краснорѣчиво ихъ видъ, жалкія одежды, растрепанные портфели подъ мышками.

На церковныхъ часахъ бьетъ 10, и на площадку вбѣгаетъ юноша—клеркъ мирового судьи. Это—щеголь въ соломенной шляпѣ и пунцовомъ галстукѣ. На крыльцѣ онъ пріостанавливается, окидываетъ самодовольнымъ взглядомъ собравшихся и достаетъ ключъ отъ камеры. Къ нему подходитъ старушка въ черномъ тюлевомъ чепцѣ и порыжѣломъ черномъ же платьѣ. Въ рукахъ у нея объе-

мистый сакъ-вояжъ, откуда она тотчасъ вытаскиваетъ пачку бумагъ и суетъ ихъ клерку.

— Это ужъ не наше дѣло: вамъ выдали ордеръ, и дѣло кончено. Обратитесь къ приставу,—говоритъ онъ и брезгливо отвертывается. Старушка отходитъ въ сторону и заботливо прячетъ бумаги, шепча что-то своими сухими, тонкими губами.

— Ростовщица...—говорятъ около меня.—Да еще похуже... дѣвицамъ ссужаетъ...

Хорошенькая дѣвочка, лѣтъ 6, подошла близко и смотритъ на меня, приложивъ къ губамъ пальчикъ.

— Э!.. Луизонъ... Иди-ка... Чего тамъ стала,—окликаетъ ее мать, толстая, неряшливо одѣтая матрона.

Луизонъ не слушается, и мать оттаскиваетъ ее за руку.

— Зачѣмъ она здѣсь?—спрашиваю я.

— А какъ-же? она свидѣтельницей. Я, вотъ, съ мужемъ сужусь,—не стѣсняясь, отвѣчаетъ матрона.—Ну, она все видѣла... и какъ онъ меня билъ, и какъ утащилъ мои серьги... Вотъ все и разскажетъ...

Близь стоящіе смѣются.

— Mère Lucas, видно, какъ слѣдуетъ хочетъ проучить своего муженька...

— А что смотрѣть-то на него?—бойко отрѣзываетъ Mère Lucas съ улыбкой, подбочениваясь и открывая свои гнилые зубы.—Вѣдь это ужъ и надоѣстъ, наконецъ. Я работаю, кормлю семью, а онъ все отбираетъ и пьянствуетъ, чтобъ ему!..

— Онъ въ своемъ правѣ,—дребезжащимъ голосомъ замѣчаетъ старикъ крестьянинъ, посмѣиваясь углами губъ, изъ которыхъ онъ почти не вынимаетъ трубки.

— Что ужъ толковать? Законъ...—глубокомысленно говоритъ франтъ.

— Законъ! Законъ... Плевать я хочу на вашъ законъ, если онъ позволяетъ обирать пьяницѣ слабую женщину!—задорно вскричала матрона и, схвативъ дочь за руку, ушла отъ насъ.

— Ха-ха-ха! Не нравится!—острили въ толпѣ.—Ну, что-жъ... а всетаки такъ есть и будетъ всегда...

Между тѣмъ, камеру отперли, и когда мы протѣснились всѣ, то судья уже сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, а по бокамъ помѣстились его клерки съ перьями за ушами.

Камера—темная, даже мрачная комната съ голыми грязными стѣнами, раздѣленная на двое деревянной низкой перегородкой, окрашенной въ мутный зеленый цвѣтъ. За перегородкой—судья и клерки, а въ остальномъ пространствѣ тѣснятся адвокаты, тяжущіеся, свидѣтели, сидящіе на 10—12 соломенныхъ стульяхъ, на окнахъ, на крыльцѣ, гдѣ попало.

Судья, monsieur Bérenger,—господинъ среднихъ лѣтъ съ тонкимъ и умнымъ лицомъ, увѣренными изящными движеніями.

Клерки—народъ молодой и напоминаютъ обличьемъ и нарядомъ шаферовъ на мѣщанскихъ свадьбахъ (даже цвѣты въ петлицахъ). Младшій клеркъ выкрикиваетъ громко: Monsieur К противъ madame О.

Къ перегородкѣ подходитъ толстая дама съ своимъ адвокатомъ—сѣдымъ, обрюзгшимъ господиномъ съ удивительнымъ сизымъ носомъ въ формѣ груши. Истецъ—юркій лавочникъ (épissier) взыскиваетъ съ дамы 20 франковъ налога „за окна и двери". Дама пытается возражать, но адвокатъ безцеремонно отстраняетъ ее рукой и сиплымъ басомъ заявляетъ, что кліентка его наняла квартиру изъ вторыхъ рукъ и не знала объ условіи, заключенномъ съ домовладѣльцемъ.

Лавочникъ говоритъ быстро, точно горохъ сыплетъ:

— Я знаю законы. Меня не проведешь. Г. судья, я прошу присудить на основаніи условія...

Дама волнуется, вытираетъ лицо платкомъ и порывается къ стойкѣ; адвокатъ оттѣсняетъ ее и проситъ, иронически улыбаясь, чтобы лавочникъ, „знающій законы", показалъ самое условіе.

Лавочникъ нерѣшительно мнется и заявляетъ:

— Условіе у меня есть, но... оно осталось дома. Я его не принесъ; я думалъ, что г. судья знаетъ меня и....

Адвокатъ перебиваетъ:

— Въ томъ-то и дѣло, что всѣ знаютъ васъ. Если бы не знали то, быть можетъ, и повѣрили бы.

Судья поднимаетъ руку и кончаетъ споръ, откладывая разборъ дѣла до слѣдующей среды, когда К. представитъ условіе.

— Monsieur Т. противъ monsieur N.—кричитъ снова клеркъ.

Докторъ Т. отсутствуетъ; онъ послалъ письменное прошеніе о взысканіи съ рыбака N. 23 фр. 65 сант. за 4 визита и за лѣкарства. Рыбакъ на лицо и чрезвычайно живописенъ въ своемъ одѣяніи: на немъ полосатая вязаная фуфайка, разстегнутая на смуглой волосатой груди; широкій красный кушакъ обмотанъ вокругъ таліи. Въ одной рукѣ у него синій „беретъ", которымъ онъ размахиваетъ во время разсказа; другая рука упирается въ бокъ.

— Видите-ли, господинъ судья, жена у меня захворала вдругъ, за сердце ее схватило. Я выскочилъ на улицу и хотѣлъ самъ бѣжать за докторомъ. У насъ некого послать, господинъ судья, мы только двое живемъ: жена и я...

— Къ дѣлу, monsieur N, къ дѣлу, скорѣе,—улыбаясь, проговорилъ судья,—поменьше подробностей.

— Да... такъ я выбѣжалъ на улицу и вижу экипажъ доктора:—онъ мимо ѣхалъ. Я кричу: господинъ докторъ, куда вы? Онъ говоритъ: въ Болье. Ахъ, господинъ докторъ, говорю я, у меня съ женой что-то стряслось; зайдите, прошу васъ. Онъ согласился...

Судья нетерпѣливо двигается въ креслѣ.

— Ну, онъ осмотрѣлъ больную, но много не разспрашивалъ,

не ощупывалъ ее даже, а такъ, посмотрѣлъ только и далъ лѣкарство. Онъ уѣхалъ. Моей бѣдной женѣ—все не лучше. Коекакъ провели мы ночь. Жена все стонала. На другой день иду за докторомъ къ нему на домъ. Вотъ тутъ ужъ онъ нарочно для насъ пріѣхалъ, а не мимоѣздомъ, какъ въ первый разъ. Потомъ я еще разъ ходилъ за нимъ на домъ. Это два раза, значитъ, вышло, что онъ побезпокоился для насъ. Потомъ еще разъ заѣхалъ самъ, опять по пути. Господинъ судья! Я не просилъ доктора пріѣзжать въ четвертый разъ. Жена уже встала и работала тогда. Я и считаю: за два визита по 5 фр., а за попутные платить не хочу. Вѣдь г. докторъ ѣхалъ тогда не къ намъ, бѣднымъ людямъ, а по пути зашелъ. За что-же платить? А за лѣкарство я заплачу 3 фр. 65 сант.

Судья.—Но вѣдь вы признаете, что докторъ навѣстилъ васъ 4 раза?

Рыбакъ.—Только два визита онъ сдѣлалъ *намъ*, а два раза заѣхалъ „по пути". Вы понимаете, вѣдь онъ не для меня ѣхалъ въ Болье и, вѣдь, мы не помѣшали ему ѣхать дальше, онъ получилъ, значитъ, съ тѣхъ, къ кому онъ ѣхалъ.

Судья посылаетъ клерка попросить доктора зайти въ камеру (это черезъ площадь). Скоро и клеркъ, и докторъ приходятъ. Начинается опять разсказъ рыбака о „попутныхъ визитахъ." Судья проситъ доктора *уступить* изъ поданнаго имъ рыбаку счета 5 фр., и тотъ соглашается. Деньги тотчасъ уплачиваются.

На сцену выступаетъ жалкій парень, растерянный, простоватый на видъ и плохо одѣтый. Противникъ его—франтъ мѣщанскаго пошиба, высокаго роста, съ лихо закрученными черными усами, развязными манерами и наглымъ взглядомъ красивыхъ черныхъ глазъ. Онъ все время насмѣшливо улыбается.

Истецъ проситъ присудить 25 фр. съ франта, который уже судился въ исправительной камерѣ за рану, нанесенную имъ истцу кинжаломъ, и осужденъ за это. Истецъ пролежалъ три недѣли послѣ раны и не могъ работать.

Судья (къ отвѣтчику).—Что вы скажете на это?

Франтъ.—Ничего. Мнѣ нечего сказать, такъ какъ рану нанесъ не я, а жена его (презрительный жестъ въ сторону истца).

Судья.—Какъ это могло случиться? Вѣдь вы присуждены были за рану въ исправительной камерѣ и отсидѣли; значитъ, вы ранили его?

Франтъ.—Ничего это не значитъ... Меня присудили за то, что я отбилъ у него жену (весело поблескиваетъ глазами на публику и противника), а она сама его не хочетъ... что же тутъ подѣлаешь, если я ей больше по нраву? Онъ полѣзъ къ ней, а она и оцарапала его кинжаломъ.

Судья (къ истцу).—Развѣ вы жаловались суду на то, что жена ваша ушла къ нему?

Истецъ (покорно и печально).—Нѣтъ, я на это не жаловался судьямъ... Я полѣзъ въ окно къ нему (указываетъ на франта), такъ какъ боялся пройти въ дверь... Я услыхалъ, что мой ребенокъ боленъ горломъ; я хотѣлъ спросить у жены о немъ. Моя жена и мой ребенокъ у него. Жена мнѣ сказала въ окно, что ребенку лучше. Она не сердилась на меня за то, что я пришелъ. Я сталъ слѣзать съ окна, и въ это время онъ ранилъ меня сзади кинжаломъ.

Франтъ.—Неправда! Это жена его ранила сама, чтобы онъ не шлялся къ ней. Гдѣ у него медициинское свидѣтельство о болѣзни?

Судья.—Какъ же это она могла его ранить изъ окна въ задъ? Гдѣ у васъ медицинское свидѣтельство, что вы болѣли и не могли работать?

Истецъ.—Свидѣтельства нѣтъ. Я лежалъ одинъ дома. Лѣчиться мнѣ не на что; вѣдь, докторамъ надо платить...

Судья откладываетъ дѣло, чтобы ознакомиться съ производствомъ въ судѣ исправительной полиціи.

Выступаютъ два „адвоката", отрепанные, жалкіе на видъ, старые (одинъ бывшій секретарь мэріи, другой—чиновникъ, потерявшій мѣсто), за двѣ торговыя фирмы, ищущія другъ съ друга небольшіе убытки. Они корректны другъ къ другу до смѣшного, только и слышно: „мой уважаемый коллега", „мой почтенный противникъ".

Подходитъ толстый ростовщикъ со слугой, которому онъ величественно отдаетъ: пальто, шляпу, трость. Онъ сѣдъ, коротко остриженъ. Темные очки скрываютъ его глаза. Говоритъ увѣренно и громко. Здоровается съ судьей за руку черезъ стойку, отъ чего судья морщится и брезгливо отряхаетъ руку.

Онъ (ростовщикъ) называетъ себя съ гордостью „rentier" и жалуется, что должникъ не платитъ ему денегъ, занятыхъ на торговлю:

— Обидно то, господинъ судья, что онъ торговли никакой не производитъ, а только *проѣдаетъ* деньги,—съ ужасомъ и отвращеніемъ говоритъ rentier.

Судья предлагаетъ отослать дѣло въ коммерческій судъ. Ростовщикъ горячится и отказывается:

— Помилуйте, г. судья! Да вѣдь они тамъ всѣ другъ за друга стоятъ, эти коммерсанты. У нихъ—я буду виноватъ, а этотъ расточитель—правъ. Я хочу, чтобы вы хоть наказали его...

Судья.—За что?..

Ростовщикъ. — Да онъ прежде, когда просилъ деньги, валялся у меня въ ногахъ, и я тогда былъ и „уважаемый," и „дорогой," и „добрый", а теперь отвертывается при встрѣчахъ и всѣмъ кричитъ: „вотъ эта каналья N!" Каково это?

Общій смѣхъ. Судья тоже не можетъ удержаться отъ улыбки,

но тотчасъ же нахмуривается и обѣщаетъ вызвать должника и урезонить его.

Судятся крестьяне-сосѣди. До суда, на площадкѣ, я видѣла ихъ мирно бесѣдующими. У нихъ обвалилась часть горы на общій проѣздъ къ усадьбамъ. Одинъ отказывается расчищать дорогу; другому не хочется работать за двоихъ. Истецъ—ощипанный старичокъ съ крючковатымъ носомъ на пергаментнаго цвѣта лицѣ. Отвѣтчикъ съ головы похожъ на неоперившагося голубинаго птенца. Истецъ скроменъ въ словахъ и движеніяхъ. Отвѣтчикъ такъ сильно размахиваетъ своими длинными руками, что вызываетъ просьбу судьи не дотрогиваться до него. Судья предлагаетъ вызвать эксперта изъ ихъ деревни.

Истецъ (уныло).—Что̀—экспертъ! Père Talas богачъ и никто не посмѣетъ идти противъ него въ деревнѣ...

Отвѣтчикъ.—Что правда, то правда!

Судья рѣшаетъ самъ, лично осмотрѣть мѣсто обвала, и оба крестьянина миролюбиво выходятъ вмѣстѣ изъ камеры.

Опять выступаетъ адвокатъ съ грушевиднымъ носомъ отъ имени землевладѣльца г. Кольбъ. Противникъ его высокій худой старикъ, одѣтый бѣдно, но тщательно; манеры его полны достоинства. Онъ заявляетъ, что онъ не адвокатъ, денегъ за защиту не взялъ, а просто пожалѣлъ семью крестьянъ Д. Говорить онъ не можетъ, а проситъ позволенія прочитать рѣчь, такъ какъ наизусть онъ не запомнитъ всего, что нужно.

Г. Кольбъ ищетъ съ крестьянина Д. годовую арендную плату за домъ и садъ и грозитъ выселить его, ссылаясь на контрактъ. Между тѣмъ, семья Д за 5 лѣтъ аренды, улучшила и увеличила садъ, сдѣлала посадки оливокъ и винограда и теперь, временно, ея дѣла плохи, вслѣдствіе дождей и непогодъ; но они надѣятся поправиться и тогда уплатятъ сполна, а до тѣхъ поръ просятъ ихъ не выгонять и потерпѣть долгъ, иначе ихъ пятилѣтніе труды пропадутъ даромъ.

Защитникъ часто обращается къ стоящему сзади него крестьянину, меланхолическому малому, и спрашиваетъ: не правда-ли? это такъ? На что̀ тотъ молча киваетъ головой.

Судья уговариваетъ повѣреннаго г. Кольбъ потерпѣть, но грушевидный носъ настаиваетъ на немедленной уплатѣ или на изгнаніи. Судья строго замѣчаетъ ему, что тогда придется взыскать съ Кольбъ въ пользу Д. сумму, эквивалентную трудамъ и затратамъ на садъ и домъ. Стороны приходятъ къ соглашенію.

Дальше послѣдовалъ водевиль, иначе нельзя назвать послѣднее, разбиравшееся у судьи въ тотъ день, дѣло.

Къ барьеру подходитъ господинъ въ изящномъ велосипедномъ костюмѣ, уже не молодой, но еще красивый, элегантный, съ черной выхоленной бородкой и изысканными манерами. Одной рукой онъ нервно мнетъ каскетку, другой безпрестанно проводитъ

по рѣдѣющимъ волосамъ. Онъ видимо волнуется, такъ какъ попалъ въ непривычную ему сферу и не знаетъ—слѣдуетъ-ли ему держаться высокомѣрно, или же—снисходительно; отсюда—то пренебрежительная усмѣшка, то растерянность.

Противница—дама лѣтъ 30-ти, съ птичьей физіономіей, одѣта модно и съ нѣкоторымъ шикомъ; старательно выбираетъ выраженія, но часто срывается на визгливый тонъ и вульгарныя словечки. Она портниха и ищетъ съ г-жи Гара 36 франк. за работу лифа и платья. M-me Гара отсутствуетъ, а за нее явился ея мужъ—изящный велосипедистъ.

Г. Гара говоритъ, что лифъ испорченъ и его надѣть нельзя, а платье не кончено; да жена его и не желаетъ, что бы m-elle кончала платье, такъ какъ не увѣрена *теперь* въ ея искусствѣ, имѣя въ виду испорченный лифъ.

Портниха пытается нѣсколько разъ перебить г. Гара, но судья останавливаетъ ее. При послѣднихъ словахъ она не выдерживаетъ и, не смотря на шиканье судьи, разражается:

— Я не умѣю шить? Я? Повторите-ка это еще разъ! Желала бы я знать, кто-же послѣ этого умѣетъ шить? Я шила на герцогинь, княгинь, графинь, и онѣ были довольны мною. Онѣ говорили: „Mademoiselle, вы артистка!“..

Судья.—Пусть такъ. Мы согласны, что вы—артистка, но дайте же договорить monsieur...

Швея.—Не дамъ этого говорить, г. судья! Не позволю! Это вредитъ моей репутаціи! Жена г. Гара — капризна ужасно, вотъ и все!

Судья (внушительно).—Это къ дѣлу не относится.

Г. Гара.—Вы видите сами, г. судья, какова mademoiselle и можно-ли съ ней столковаться...

Швея.—О!.. Со мной-то можно! Вотъ съ вашей женой нельзя! Я приношу лифъ. Мнѣ говорятъ: „тутъ не хорошо.“ Я передѣлываю. Мнѣ говорятъ: „опять не хорошо“; я еще передѣлываю... О!.. я терпѣлива, г. судья! Я привыкла къ ихъ капризамъ и гримасамъ... я терпѣлива.

Судья.—Мы это видимъ... (смѣхъ).

Г. Гара.—Моя жена только подняла руку, и лифъ треснулъ. Какъ же m-elle хочетъ, чтобы ей платили за такую работу?

Швея.—Моя работа тутъ не причемъ! Да, лифъ треснулъ, но не по швамъ, а по матеріи, и я всегда говорила madame, что матерія не прочна и что не надо такъ узко шить. Но вѣдь madame желаетъ, во что бы то ни стало, имѣть тонкую талію и вотъ,—надо платиться за это...

Г. Гара.—Я согласенъ уплатить 20 франковъ, но не больше.

Швея.—Я не уступлю ни сантима...

Судья.—Позвольте счетъ (читаетъ). Фасонъ лифа—8 франковъ. Хорошо... фасонъ юбки—10 фр., отдѣлка—4 фр., подкладка—

4 фр... У васъ итогъ не вѣренъ. Всего 26 франк., а вы требуете 36 фр.

Швея сконфужена, но продолжаетъ говорить что-то объ испорченной репутаціи, объ иностранцахъ, о томъ, что она разстроена этимъ дѣломъ, что она не желаетъ даромъ работать и т. д.

Судья теряетъ терпѣніе и спрашиваетъ ее серьезно и строго:— Желаете-ли вы, mademoiselle, получить 20 фр., или я вызову экспертовъ?

Швея выражаетъ согласіе, но оговаривается, что она уступаетъ, какъ слабая женщина, что она не можетъ терять время на суды, какъ другіе... которымъ нечего дѣлать... Получивъ 20 фр., она выходитъ изъ камеры, высоко задравъ голову и презрительно взглянувъ на противника. Гара исчезаетъ за ней вскорѣ и, выходя изъ камеры, я замѣчаю его уже далеко катящимъ на велосипедѣ по набережной.

Во Франціи мировые судьи *назначаются* президентомъ республики преимущественно изъ отставныхъ военныхъ и чиновниковъ, которымъ жалованье судьи въ 1800 франковъ (685 руб.) даетъ возможность существовать при тѣхъ незначительныхъ пенсіяхъ, какія даются имъ при отставкѣ; отъ судей не требуется ни образовательнаго, ни имущественнаго ценза, но они должны имѣть незапятнанное прошлое и не менѣе 30 лѣтъ отъ роду. Принципъ несмѣняемости не распространяется на мировыхъ судей и они подчинены надзору суда „Cour d'appel", соотвѣтствующаго отчасти нашему окружному суду и отчасти—судебной палатѣ. Мировые судьи обязаны, до разсмотрѣнія дѣлъ въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, склонять стороны къ миру въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ участвуютъ малолѣтніе, а также и по торговымъ дѣламъ. Въ селахъ они же исполняютъ обязанности судебныхъ слѣдователей. По гражданскимъ дѣламъ они рѣшаютъ *окончательно* иски до 100 франковъ и до 200 франк.—съ правомъ сторонъ аппелировать на ихъ рѣшенія въ „chambre civile", гражданское отдѣленіе суда. Кассація приговора мирового судьи возможна только въ случаѣ превышенія имъ власти. Безъ ограниченія цѣны иска мировой судья разбираетъ дѣла о потравахъ, арендныхъ деньгахъ, пререканія между содержателями гостиницъ и путешественниками, а также споры служащихъ съ хозяевами о жалованьи. Кромѣ того, мировой судья разбираетъ жалобы объ обидахъ и оскорбленіяхъ частныхъ лицъ и дѣла о нарушеніяхъ полицейскихъ правилъ (contravention de simple police); онъ налагаетъ штрафы до 15 франк. и аресты до 5 дней. Кругъ его дѣйствій— „commune" (община).

Дѣла о проступкахъ, не важныхъ преступленіяхъ подсудны „tribunal correctionel"—суду исправительной полиціи, который служитъ уже для „arrondissement" (округъ, соотвѣтствующій на-

шему уѣзду) и куда аппелируютъ недовольные рѣшеніемъ мирового судьи по уголовнымъ дѣламъ.

„Cour d'appel" дѣйствуетъ въ предѣлахъ департамента (губерніи и выдѣляетъ изъ своей среды двухъ членовъ суда для засѣданія въ „Cour d'assises" (наша уголовная сессія), гдѣ президентомъ является или назначенный изъ другого суда (преимущественно изъ парижскаго) или же изъ мѣстнаго аппеляціоннаго одинъ изъ старшихъ членовъ суда. Засѣданія „cour d'assises" бываютъ четыре раза въ годъ и длятся отъ 6 до 12 дней, причемъ при разборѣ дѣлъ обязательно участвуетъ „juri"—институтъ присяжныхъ засѣдателей, избираемыхъ на собраніяхъ „conceil général" (въ родѣ нашего земскаго собранія).

Высшій судъ въ государствѣ—кассаціонный—въ Парижѣ.

Первый судъ исправительной полиціи пришлось посѣтить въ Ниццѣ. Засѣданія бываютъ разъ въ недѣлю но пятницамъ, и еще—въ первую субботу каждаго мѣсяца и начинаются съ половины второго часа.

Упомяну кстати, что во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ во Франціи занятія начинаются съ 9—10 час. утра и продолжаются до $11^1/_2$ час.; затѣмъ слѣдуетъ перерывъ (для завтрака) и до $1^1/_2$ часа кромѣ сторожей въ учрежденіяхъ административныхъ и судебныхъ, никого не найдешь. Съ половины же второго занятія идутъ до 5 часовъ.

„Palais de justice (зданіе суда) въ Ниццѣ довольно красивое, большое зданіе, но помѣщается на маленькой площади, къ которой ведутъ узкія, кривыя и грязныя улицы, рѣзко отличающіяся отъ чудесныхъ, широкихъ „avenues" въ новой части города, гдѣ обыкновенно, поселяются пріѣзжіе иностранцы.

Широкія ступени ведутъ ко входу въ высокій вестибюль зданія суда, гдѣ нѣтъ ни скамеекъ, ни стульевъ для публики, вынужденной ожидать начала засѣданія тутъ, такъ какъ въ залы пускаютъ по звонку. Изъ вестибюля ведетъ множество дверей съ надписями: „Greffe" (канцелярія), „Huissiers" (судебные пристава) и др. Вмѣсто швейцара—старая, грязная женщина — консьержъ. Двѣ широкія лѣстницы ведутъ въ верхній этажъ, гдѣ устроены хоры, или вѣрнѣе, балконъ для женской публики. У входа на балконъ стоятъ часовые въ полномъ вооруженіи. Сосѣдки мои на хорахъ были всѣ изъ простонародья; многія изъ нихъ привели съ собой ребятъ, принесли вязанье, корзины съ провизіей, только что купленной на рынкѣ; но главный контингентъ зрительницъ состоялъ изъ публичныхъ женщинъ, которыхъ легко было признать по ихъ эксцентричнымъ шляпамъ съ чудовищными яркими перьями, экстравагантнымъ туалетамъ, размалеваннымъ лицамъ и безцеремонному заигрыванію съ солдатами, охраняющими входъ. Онѣ грызутъ орѣхи, громко болтаютъ во

время засѣданія, причемъ употребляютъ выраженія, оскорбляющія слухъ.

Звонокъ. Публика устремляется въ залу, какъ толпа школьниковъ, толкая другъ друга и спѣша занять скамьи.

Зала не велика и мрачна, потому что окна находятся на высотѣ $1^1/_2$ саж. отъ полу, что придаетъ ей видъ цирка. Стѣны до оконъ закрыты дубовыми фанерками и изрѣзаны маленькими незамѣтными дверями, чрезъ которыя постоянно кто нибудь входитъ и выходитъ: то какіе-то чиновники съ бумагами, то публика „почище". Все это шумитъ, двигается, переходитъ съ мѣста на мѣсто, пока засѣданіе еще не началось.

Половина зала занята возвышеніемъ, на которомъ устроенъ еще помостъ для судебнаго персонала. Судьи помѣщаются на срединѣ; направо мѣста для „jurés" (присяжныхъ), налѣво, на помостѣ—мѣсто avocat-général"; во Франціи прокуроръ подготовляетъ обвиненіе, разрабатываетъ письменную его часть, а на судѣ выступаетъ обвинителемъ „avocat general". Пониже—ложа для подсудимыхъ и сопровождающихъ ихъ жандармовъ, подъ которою стоитъ скамья для защитниковъ. За кресломъ президента на стѣнѣ виситъ бронзовое распятіе.

Приставъ, добродушнаго вида толстякъ, провозглашаетъ: „Le tribunal"! Входятъ: президентъ „correctionel'я" и два члена, потомъ avocat géneral и „greffier" (нашъ секретарь) въ черныхъ мантіяхъ и токахъ на головѣ. Мужчины изъ публики снимаютъ шляпы, тушатъ сигары, перестаютъ плевать на полъ и царствовавшее sans façons прекращается. Журналисты размѣстились на мѣстахъ для присяжныхъ. Адвокатовъ (тоже въ мантіяхъ и шапочкахъ) много и сидятъ они гдѣ попало—и на своей партѣ, и съ журналистами.

На скамьѣ подсудимыхъ въ два ряда сидятъ человѣкъ 12; изъ нихъ 3 женщины.

Пока судьи перебираютъ какія-то бумаги, совѣщаются между собой вполголоса, въ залѣ опять слышатся разговоры; на хорахъ раздается смѣхъ, взвизгиваніе, летитъ апельсинная корка внизъ. Приставъ кричитъ, обернувшись къ хорамъ, во все горло: эй, вы тамъ, тише, молчать!

Первый подсудимый—худой, черномазый мальчикъ итальянецъ, лѣтъ 14. Глаза его и волосы черны, какъ сажа; одѣтъ онъ чуть не въ лохмотья. По французски говоритъ плохо. Судится за нищенство и бродяжество. Президентъ, первымъ дѣломъ, читаетъ мораль:

— Обвиняемый! вы здоровы, достаточно взрослы и не хотите работать. Вы предпочитаете протягивать руку за милостыней, одолѣваете своими просьбами прохожихъ, за что и были арестованы полиціей. Стыдитесь! Это безнравственно! Вѣроятно, въ дѣтствѣ вамъ не внушали мысли о необходимости труда. Кромѣ того, вы

не имѣете постояннаго жилища, по крайней мѣрѣ, вы не указали его агенту. Это проступокъ противозаконный; каждый обязанъ имѣть „domicile“ *). Вы итальянецъ и васъ вышлютъ на родину изъ Франціи, гдѣ нищенство и бродяжество строго преслѣдуются. Что вы скажете въ свое оправданіе?

Мальчуганъ молчитъ, потупивъ глаза. Изъ публики выходитъ пожилой итальянецъ. Онъ худъ, какъ скелетъ, одѣтъ очень бѣдно и грязно. Молча протягиваетъ онъ президенту какую-то бумагу и ждетъ приговора. Бумага эта—документъ о натурализаціи его съ семьей во Франціи. Президентъ разсматриваетъ бумагу, потомъ передаетъ ее членамъ и строго обращается къ отцу мальчика:

— Почему вы не заботитесь о сынѣ? Зачѣмъ позволяете нищенствовать?

— У меня очень большая семья, г. президентъ. Мы работаемъ и живемъ въ каменоломнѣ. Мальчикъ слабъ для этой работы и ушелъ искать чего-нибудь полегче въ Ниццу. Онъ былъ голоденъ и просилъ на хлѣбъ,—мрачно говоритъ итальянецъ.

— Идите! вы свободны; но чтобы впредь это не повторялось!— объявляетъ президентъ мальчику, и жандармъ выпускаетъ его изъ ложи въ заднюю дверь.

Слѣдующій обвиняемый—желѣзнодорожный служащій, унылый господинъ лѣтъ подъ 40. Онъ прилично одѣтъ и видимо страдаетъ. Обвиняется онъ въ пьянствѣ и непристойномъ поведеніи.

Президентъ.—Зачѣмъ вы пьянствуете? Вы—отецъ семейства, служащій въ почтенномъ учрежденіи, получаете 120 фр. въ мѣсяцъ **). Вы должны подавать добрые примѣры другимъ. Какъ вамъ не стыдно такъ вести себя? Да еще вы неспокойны во хмѣлю и бушуете.

Обвиняемый (смотритъ въ полъ). — Я не знаю, г. предсѣдатель, какъ это случилось со мной. Я всегда велъ себя хорошо.— А тутъ жена моя родила пятаго... Чѣмъ же я буду кормить ихъ?.. Меня и начальство хорошо аттестовало... Я всегда былъ исправенъ.

Адвокатъ скороговоркой повторяетъ о рекомендаціи начальства, о томъ, что трудно жить съ семьей на маленькія средства; что это былъ припадокъ отчаянія отъ факта, увеличившаго нужды семьи. Кончивъ рѣчь, онъ приподнялъ, обращаясь къ судьямъ, свою шапочку и сѣлъ. Президентъ тихо совѣтовался съ членами суда. Защитникъ всталъ опять и хотѣлъ что-то добавить.

Президентъ.— Съ васъ довольно. Мы не нуждаемся въ разъясненіяхъ (къ обвиняемому). Налагается штрафъ въ 10 франк. Помните, что напиваться и шумѣть не слѣдуетъ. Не повторяйте

---

*) Domicile—мѣсто жительства.

**) 120 фр.=45 рублямъ—сумма, на которую въ Ниццѣ можно только *не умереть съ голоду* одному. Трудно себѣ представить, какъ живетъ на эту сумму человѣкъ семейный.

проступка, такъ какъ теперь вы подвергаетесь только условному наказанію (законъ Беранже).

Каждое дѣло длится не болѣе 10 минутъ. Адвокаты, должно быть, „по назначенію“ и говорятъ по нѣскольку словъ. Президентъ каждому обвиняемому читаетъ мораль, причемъ публика всегда смѣется. Женщины на скамьѣ подсудимыхъ пересмѣиваются и дѣлаютъ какіе-то знаки сидящимъ на хорахъ.

Президентъ.—Маріанна Сюли! Сколько вамъ лѣтъ?

Молодая, растрепанная женщина, совершенно непристойная, вертится, поглядываетъ въ публику, улыбается:

— Мнѣ?.. Мнѣ... только 25 лѣтъ, г. предсѣдатель.

Президентъ.—Ваше ремесло?

Маріанна (гримасничаетъ).—Я... Я...

Президентъ.—Знаю, знаю. Ваше ремесло—пьянство, дебошъ и оскорбленіе полицейскихъ агентовъ...

Маріанна.—Что же мнѣ дѣлать, когда агенты пристаютъ ко мнѣ?

Въ публикѣ смѣхъ. Полицейскій агентъ разсказываетъ, при какихъ обстоятельствахъ арестована М. Сюли. Все время публика хохочетъ. Сами судьи не могутъ сдержать улыбки; смѣется и Маріанна и даже жандармы.

Президентъ.—Вы видите, обвиняемая, что такъ дальше не можетъ идти. Вы судились уже 5 разъ (читаетъ). Въ Ліонѣ—за пьянство и неприличное поведеніе—3 мѣсяца тюрьмы; въ Каннѣ—за оскорбленіе полиціи—2 мѣсяца тюрьмы; въ Диньѣ—за то-же и т. д. Теперь за это-же—5 мѣсяцевъ тюрьмы и 5 фр. штрафа.

Маріанна вскакиваетъ на скамью, хохочетъ, дѣлаетъ знаки публикѣ и спрыгиваетъ чуть не въ объятія жандарма. Опять общій смѣхъ.

Дальше судится поденщикъ за нанесеніе раны. Онъ говоритъ смѣло, перебиваетъ президента и съ гордостью объясняетъ:

— Понимаете, это былъ политическій споръ. Говорили о дѣлѣ Дрейфуса, я погорячился. Я не могъ удержаться, потому что, знаете,... политика... это возбуждаетъ. Приговоръ—1 годъ и 1 день тюрьмы.

Засѣданія въ „correctionel“ обыкновенно шумны, лишены всякой торжественности. Судятся по преимуществу поддонки общества и публика бываетъ подъ стать. Знакомые французы шутили при мнѣ, что ходятъ въ „correctionel“ или сами побывавшіе на скамьѣ, или такіе, которые поучаются тамъ, какъ совершать кражи, мошенничества, какъ избѣгать полиціи и т. п. Правда, что и судьи, и пристава сами мало церемонятся съ публикой. Я была свидѣтельницей того, какъ разсерженный президентъ стучалъ кулакомъ по столу и кричалъ публикѣ: Замолчите-ли вы? Тише!

Иное дѣло, когда судится кто-нибудь изъ „общества“; тогда и публика другая, да и пускаютъ ее по билетамъ.

12-го ноября 1899 г. въ „tribunal correctionel“ въ Ниццѣ слу-

шалось дѣло муниципальнаго совѣтника г. Икара, обвинявшаго въ диффамаціи журналиста, директора газеты „Aigle“, г. Аркси. Задолго до начала засѣданія, Palais de justice былъ полонъ публики. На широкихъ ступеняхъ лѣстницы, въ вестибюлѣ, въ залѣ передъ верхней трибуной, вездѣ виднѣлись цилиндры, щегольскія соломенныя и касторовыя шляпы. Даже дамъ, и очень приличныхъ на видъ, пришло до 10, тогда какъ обыкновенно въ буржуазныхъ французскихъ семьяхъ не принято, чтобы дамы посѣщали судъ. Обычныхъ же посѣтителей,—толпы оборванцевъ и растрепанныхъ женщинъ,—не было видно.

Не надѣясь на свою физическую силу и ловкость, необходимыя для того, чтобы достать въ судѣ удобное мѣсто, я обратилась къ старухѣ-консьержъ, мирно вязавшей что-то на спицахъ въ своей стеклянной будкѣ. За 1 франкъ она провела меня боковыми дверями въ залу засѣданія. Тамъ оказалось уже десятка два такихъ же счастливцевъ, проникшихъ или благодаря данному франку, или же по знакомству съ судейскими. Понемногу стали собираться адвокаты. Готовившіеся выступать были въ своихъ тогахъ и беретахъ, другіе—въ обыкновенномъ платьѣ. Ихъ было не менѣе 15 человѣкъ, и на мой взглядъ они сильно выдѣлялись изъ среды остальныхъ присутствующихъ своими умными, выразительными, порой насмѣшливыми лицами, широкими, но изящными жестами. До меня долетали обрывки ихъ разговоровъ и, сколько можно было судить по нимъ, рѣчь шла о гонорарахъ, о лошадяхъ, о женщинахъ... Сегодня что-то и толстякъ-приставъ суетится больше обыкновеннаго, разсаживая впущенную, наконецъ, публику. Его полинявшая затрепанная тога мѣшаетъ ему, и онъ безцеремонно подхватываетъ край задняго полотнища и пристегиваетъ къ переду, отчего получаетъ видъ клоуна.

Явилось много журналистовъ, такъ какъ дѣло „литературное“. Пришли сами редакторы мѣстныхъ газетъ и солидные сотрудники, вмѣсто обычныхъ репортеровъ-мальчишекъ.

Вотъ и виновники торжества: Икаръ—лысый муниципальный совѣтникъ съ брюшкомъ и кислымъ видомъ и Аркси—директоръ „Aigle“, изящный молодой человѣкъ, побѣдоносно оглядывающій публику. Судебный приставъ сажаетъ ихъ рядомъ на стулья у адвокатской парты. Адвокаты раздѣляются на двѣ партіи, причемъ одна садится налѣво, другая — направо. Публика заняла всѣ проходы и стоитъ плечомъ къ плечу.

— Le tribunal!

Всѣ встаютъ на одно мгновеніе и снимаютъ шляпы. Предсѣдательствуетъ какой-то торжественный старичекъ (говорятъ, большой другъ Жюльеты Аданъ и сотрудникъ ея журнала); члены—тѣ-же, которыхъ я уже не разъ видала.

— Засѣданіе открыто—тихо, но внушительно, объявляетъ президентъ, и тотчасъ раздается грозное „silence!“ пристава.

Тишина.

Президентъ.—Слушается дѣло Икара противъ Аркси.

И больше ничего; ни изложенія сущности, ни обвинительнаго акта.

Послѣ опроса сторонъ, встаетъ защитникъ Аркси, сѣдоватый худощавый господинъ съ язвительной усмѣшкой, настоящій Мефистофель. Онъ обращается и къ судьямъ, и къ публикѣ, и къ журналистамъ, и къ противникамъ. Во время его рѣчи Аркси переноситъ съ шумомъ свой стулъ на другую сторону и садится рядомъ съ говорящимъ и это никого не удивляетъ,.. значитъ— въ порядкѣ вещей.

Рѣчь защитника нѣсколько театральная, но сильная. Жалѣю, что не могу подробно передать ее; да и при передачѣ она потеряла бы всю прелесть, которая отчасти зависѣла отъ прекраснаго звучнаго голоса, умѣлыхъ повышеній и пониженій тона, непередаваемаго остроумія оратора, красивыхъ жестовъ.

Сущность дѣла выяснилась такъ изъ его словъ: Икаръ, пользуясь своимъ положеніемъ по службѣ, вошелъ въ сдѣлку съ строителями конки изъ Ниццы въ Симьезъ, а потомъ пытался свалить свой неблаговидный поступокъ на товарищей, которые принудили его за это выйти въ отставку. „Aigle“ все это пропечаталъ, не дожидаясь окончанія дѣла, возбужденнаго противъ Икара городомъ.

Защитникъ говорилъ особенно хорошо о задачахъ прессы, о пользѣ ея и о вредѣ стѣсненій:

— Г. муниципальный совѣтникъ обидѣлся, когда пресса назвала его поступокъ настоящимъ именемъ, а какъ же президентъ республики, г. Форъ, не тащитъ въ судъ каждаго журналиста, нападающаго на него въ печати и часто несправедливо? Какъ же депутаты выносятъ нападки прессы? а если бываетъ задѣта ихъ личность, или семья, то протестуютъ въ печати же; въ крайнихъ же случаяхъ вызываютъ обидчика къ барьеру, а не идутъ смывать свой позоръ въ судъ исправительной полиціи. Почему г. Икаръ не вызвалъ на дуэль г. Аркси? Почему не протестовалъ въ печати же? Для Франціи будетъ позоромъ въ глазахъ всего цивилизованнаго міра, если „трибуналъ“ признаетъ прессу, въ лицѣ Аркси, виновной. Это будетъ гнусная репрессія противъ свободы, свѣта, который всюду разливаетъ печать и освѣщаетъ темные закоулки совѣсти подобныхъ Икару господъ. Какими средствами тогда бороться противъ несправедливости, взяточничества, противъ грязныхъ дѣльцовъ? Франція дорожитъ своей свободой вообще и свободой печати въ особенности. Она будетъ презирать людей, ограничивающихъ, попирающихъ ее, и съ восторгомъ будетъ привѣтствовать борцовъ за свободу слова и печати. Свѣта, больше свѣта!— закончилъ ораторъ.

Рѣчь противника была ловкая, но не выигрышная: ему нельзя

было употреблять эффектныхъ словъ о свободѣ и другихъ прекрасныхъ вѐщахъ, но онъ сладко пѣлъ о неприкосновенности *частной* жизни человѣка, о томъ, какъ тяжело семьѣ ошельмованнаго публично, какъ надо осмотрительно относиться къ честному имени всякаго, пока онъ *не приговоренъ* по суду. Въ данномъ случаѣ, Икаръ еще не судился; а вотъ, послѣ слѣдующихъ „Assises“ — другое дѣло. Въ заключеніе онъ просилъ наказать Аркси за его статью, благодаря которой Икаръ потерялъ мѣсто, честь, доброе имя.

Avocat général высказалъ мнѣніе, что Икаръ потерялъ мѣсто не по винѣ Аркси, а благодаря своимъ дѣяніямъ (при этомъ любезная улыбка защитнику Икара и слова: „я возстановляю истину“), но что Аркси не долженъ былъ разглашать путемъ печати позорящаго Икара обстоятельства, пока судъ не разобралъ дѣло о злоупотребленіяхъ Икара по службѣ; а потому, онъ, avocat général, и полагалъ бы наказать Аркси.

Всѣ хохочутъ во время рѣчи прокурора. Судъ удаляется для совѣщанія. Опять надѣты шляпы; сигары и папиросы дымятся и начинается столпотвореніе вавилонское. Защитники поздравляютъ другъ друга. Съ чѣмъ?—такъ и осталось для меня непонятнымъ. Звонокъ. — Выходитъ судъ, и призидентъ объявляетъ, что судъ постановилъ отложить рѣшеніе этого дѣла до „Assises“, которыя будутъ въ февралѣ.

Одинъ изъ защитниковъ Икара вдругъ встаетъ и серьезно говоритъ президенту:

— Очень жаль, что дѣло отложено, но и въ Assises можно такъже *комфортабельно* защищать, какъ и здѣсь, и пусть никто не думаетъ, что я потому недоволенъ отсрочкой дѣла, что мнѣ хочется также отличиться сейчасъ краснорѣчіемъ. Нѣтъ, я не завидую лаврамъ моихъ товарищей и не желаю затмѣвать ихъ...

Президентъ понялъ, что это фарсъ, и закричалъ шутнику:— садитесь, садитесь!...

Случилось мнѣ какъ-то присутствовать на распорядительномъ засѣданіи исправительной полиціи, и оно удивило меня отсутствіемъ формалистики и казенщины.

Назначали и распредѣляли дѣла къ слушанію.

Президентъ.—Дѣло Larive противъ Marigny.

Одинъ изъ адвокатовъ.—Прошу отложить. Свидѣтели не могутъ явиться.

Президентъ.—Да что-же все откладывать? Вы знаете, что тамъ будутъ у насъ одни пятницы.

Вмѣшиваются всѣ. Кавардакъ какой-то. Президентъ соглашается.

Президентъ (къ другому адвокату).—А ваше дѣло? Кто выступаетъ противникомъ.

Адвокатъ (мямлитъ).—Гм-гм... Право, не знаю...

Голоса изъ среды адвокатовъ:—У него не будетъ противника. Потерпѣвшій выступить самъ, а онъ боленъ.

Президентъ.—Ну, хорошо. Отложимъ и это.

II.

Засѣданія „Cour d'assises" происходили въ той же залѣ въ Palais de Justice Ниццы, но обставлены были съ большей торжественностью. На каждую сессію назначается особый президентъ изъ членовъ „Cour d'appel", иногда же командируется изъ Парижа. Необыкновенный видъ судилищу придавали ярко-красныя мантіи и шапки судей и avocat géneral. На караулъ явился цѣлый взводъ солдатъ, и когда приставъ провозгласилъ:—„La cour!", то послышался такой грозный лязгъ оружія, что сдѣлалось какъ-то жутко: это солдаты отдавали честь суду.

Президентъ, сановитый и важный, съ лысиной во всю голову, сдѣлалъ перекличку 24 присяжнымъ, на что каждый изъ нихъ отвѣчалъ „здѣсь". Одинъ не явился безъ объясненія причинъ, за что заочно приговоренъ судомъ къ штрафу въ 25 фр. Затѣмъ президентъ опустилъ въ ящикъ свернутые билетики съ именами присяжныхъ и, не глядя, сталъ вынимать по одному громко называя имена выбаллотированныхъ.

Защитникъ „отвелъ" пятерыхъ. То же сдѣлалъ и avocat géneral. Двѣнадцать избранныхъ jurés заняли свои мѣста. По одеждѣ и манерамъ, это—лавочники, конторщики, мелкіе „рантье". Между ними — ни одного интеллигентнаго, симпатичнаго лица, на мой взглядъ. Окажутся-ли эти господа способными къ оцѣнкѣ душевнаго равновѣсія личности, которую отдадутъ на ихъ судъ?

Президентъ картаво и безъ выраженія сказалъ заученную рѣчь къ присяжнымъ, приблизительно такого содержанія:

— Гг. присяжные! Вамъ предстоитъ судить. Судите же по справедливости, не увлекаясь ни гнѣвомъ, ни местью, ни расположеніемъ, ни родствомъ. Этого ожидаютъ отъ васъ судъ и общество. Клянитесь, поднявъ правую руку?

Присяжные по очереди произносятъ: „клянусь".

Три жандарма ввели подсудимаго 20-лѣтняго, здороваго, черномазаго молодца. Лицо у него непривлекательное: волосы ростутъ отъ самыхъ бровей; нижняя челюсть сильно выдается; взглядъ нахальный. На немъ свѣтлая клѣтчатая пара. Онъ оглядываетъ залу и слегка усмѣхается, увидѣвъ кого-то за рѣшеткой вдали, въ то время, пока идетъ перекличка свидѣтелей. Одинъ свидѣтель не явился и его штрафуютъ на 40 франковъ.

По совѣщаніи съ прокуроромъ и адвокатомъ, судъ рѣшаетъ, что дѣло можетъ разбираться и безъ недостающаго свидѣтеля. При вопросѣ президента о званіи, лѣтахъ, образѣ жизни, подсу-

димый не хочетъ встать, и его принуждаютъ къ этому силой жандармы. Тогда онъ не хочетъ говорить по французски, а отвѣчаетъ на „patois“, за что получаетъ строгій и раздраженный окрикъ президента.

Во время допроса судьи безучастно смотрятъ на публику, развалившись въ креслахъ, читаютъ газеты. Присяжные зѣваютъ и стараются поудобнѣе примоститься на своихъ сидѣньяхъ. Бодрствуетъ и дѣйствуетъ только президентъ.

Это обычное явленіе, сколько мнѣ пришлось наблюдать; къ этому всѣ привыкли, и когда газеты желаютъ подчеркнуть сенсаціонность какого нибудь процесса, то отмѣчаютъ: „дѣло это настолько интересное, что даже судьи не спали противъ обыкновенія“.

Виньоло обвиняется въ многочисленныхъ кражахъ. Онъ все отвергаетъ. Найдена его шляпа на мѣстѣ преступленія.

— Это не моя шляпа, г. президентъ. Моя при мнѣ! — и онъ показываетъ клѣтчатую каскетку, тряся ее высоко надъ головой. Свидѣтель, трактирщикъ изъ Антиба, говоритъ, что Виньоло, пока жилъ у него въ трактирѣ, днемъ спалъ, а по ночамъ отсутствовалъ.

Прокуроръ. — Что вы дѣлали по ночамъ, подсудимый?

Защитникъ (черезъ президента).—Прокуроръ предлагаетъ молодому человѣку щекотливый вопросъ... (въ публикѣ смѣхъ).

Президентъ находитъ возраженіе неумѣстнымъ.

Каждый свидѣтель приглашается предъ показаніемъ дать клятву, что будетъ показывать по совѣсти; но, тѣмъ не менѣе, это не мѣшаетъ защитнику выражать мимикой свое негодованіе противъ нѣкоторыхъ свидѣтельствъ: онъ поднимаетъ глаза къ небу, трясетъ руками, мотаетъ головой, пожимаетъ плечами. Онъ часто сходитъ съ своего мѣста, беретъ со стола вещественныя доказательства, швыряетъ ихъ и комически-брезгливо отряхиваетъ руки. За пюпитромъ онъ шумно перелистываетъ дѣла, желая показать, что не стоитъ слушать тотъ вздоръ, который говорятъ свидѣтели.

Съ подсудимымъ президентъ обращается презрительно, издѣвается надъ нимъ:

— Такъ вы утверждаете, что не были на берегу моря въ то время, когда агентъ васъ поймалъ съ поличнымъ тутъ-же? А?—такъ это были не вы?... Значитъ, это былъ вашъ двойникъ, ваша тѣнь?

Потомъ, премѣнивъ тонъ, онъ грозно вскрикивалъ:

— Перестаньте лгать! Вамъ никто не вѣритъ! Вы не заслуживаете довѣрія и т. д.

Свидѣтели, а особенно агентъ полиціи, подвергаются насмѣшкамъ защитника или прокурора, смотря по тому, въ чью пользу они показываютъ. Адвокатъ часто паясничаетъ, напр., доказывая,

что агентъ полиціи устроенъ не такъ, какъ всѣ люди, а по особенному: „у него есть глаза и въ затылкѣ, а слышитъ онъ не только ушами, но и руками, и ногами. Между прочимъ агентъ говорилъ, что воръ былъ одѣтъ во все темное. Тогда защитникъ попросилъ, чтобы Виньоло показался, во что онъ одѣтъ, прибавляя, что у такого бѣдняка не можетъ быть двухъ костюмовъ. Подсудимый вскочилъ на скамью и повернулся на одной ногѣ, указывая на свои свѣтлыя брюки, что вызвало хохотъ у всѣхъ присутствующихъ и восклицаніе адвоката:

— Ясно, какъ день, что воръ не Виньоло!

Послѣ перерыва засѣданія зала наполнилась школьниками. На мой вопросъ,—зачѣмъ тутъ дѣти,—сосѣдъ объяснилъ, что это урокъ „практической морали“.

Прокуроръ обвинялъ горячо, сильно жестикулировалъ, взывалъ къ присяжнымъ, чтобы они оградили общество отъ преступныхъ посягательствъ на собственность мирныхъ гражданъ (украдено было разныхъ вещей и товару, въ разное время на 200 франковъ). Онъ такъ стучалъ кулакомъ по столу, что время отъ времени судьи просыпались и оправлялись на своихъ креслахъ.

Во время его рѣчи мнѣ все казалось, что онъ ломится въ открытую дверь, что буржуа-присяжные и безъ него постараются оградить право собственности и наказать посягателя, дабы и другимъ не повадно было.

Защитникъ игралъ на другой чувствительной стрункѣ буржуа; онъ обращался къ чувству милосердія, снисходительности присяжныхъ, каковыя чувства не позволятъ имъ губить будущность юноши, отбросить его, сильнаго, здороваго, въ ряды отверженныхъ, когда онъ, Виньоло, уже не будетъ имѣть возможности служить дорогому отечеству въ рядахъ побѣдоносной арміи. Онъ кончилъ словами:

— Что будетъ съ Франціей, если мы легкомысленно уничтожимъ цвѣтъ ея, ея гордость—юношей, кровь которыхъ бурлитъ и часто заставляетъ ихъ уклоняться съ пути праваго? Но не будемъ же лицемѣрами, не будемъ навязывать юношѣ поведеніе испытаннаго лѣтами старца! Если Виньоло и прегрѣшилъ, такъ будьте великодушны, гг. присяжные, и не извергайте изъ рядовъ гражданъ этого мальчика, не лишайте его возможности защищать грудью нашу славную Францію!

Когда присяжные ушли совѣщаться, я спросила сосѣда, почтеннаго на видъ господина, обвинятъ Виньоло или оправдаютъ?

— Обвинятъ,—твердо отвѣтилъ онъ.—Это все пустяки, риторика, что говорилъ г. С. Нѣтъ надобности пополнять нашу армію ворами и мошениками.

Онъ былъ правъ: Виньоло обвинили.

На другой день разбиралось сенсаціонное для Ниццы дѣло

о поддѣлкѣ фальшивыхъ документовъ по растратѣ кассиромъ одного частнаго банка довольно значительной суммы. Кассиръ былъ изъ „хорошей“, т. е. богатой семьи, вращался въ обществѣ, кутилъ, швырялъ деньги и былъ „замѣтенъ“. Публики собралось множество и очень фешенебельной. На этотъ разъ президентъ велъ себя сдержанно, не позволялъ насмѣшекъ и глумленій, а лишь высказалъ сожалѣніе, что сынъ хорошей состоятельной семьи такъ ужасно скомпрометтировалъ себя и своихъ родителей.

Сынъ „хорошей“ семьи, молодой человѣкъ, 28 лѣтъ, съ истасканной физіономіей, развязными манерами, одѣтъ въ щегольское, дорогое платье, покручивалъ усы, фатовато поглядывалъ на публику и дѣлалъ видъ, что все происходящее его ни мало не интересуетъ. Прокуроръ говорилъ кратко, съ нотой огорченія въ голосѣ. Перечисляя продѣлки кассира, онъ находилъ, однако, тотчасъ же и смягчающія обстоятельства, и закончилъ словами:—„Я увѣренъ, гг. присяжные, что вы не произнесете такого приговора, который слишкомъ явно возмутилъ бы общественную совѣсть.“ Это заключеніе показалось мнѣ двусмысленнымъ. Вѣдь если присяжные обвинятъ подсудимаго, то возмущены будутъ всѣ тѣ, среди которыхъ выросъ и развился этотъ субъектъ; всѣ тѣ, которые живутъ подобной же жизнью въ вѣчной погонѣ за наслажденіями, которые его принимали у себя, раздѣляли его удовольствія и косвенно пользовались плодами его преступленія. Въ случаѣ же оправданія возмущена будетъ другая половина общества, которая воочію убѣдится тогда, что предъ судомъ не всѣ равны.

Защитникъ говорилъ пламенно, патетически:

— Гг. судьи и гг. присяжные засѣдатели! Передъ вами несчастный, увлекающійся, легкомысленный юноша *(28 лѣтъ)*, но не преступникъ. Я смѣло говорю—не преступникъ! Преступленіе есть проявленіе вражды противъ общественнаго порядка. Въ чемъ выражалась эта вражда? Въ его дѣяніяхъ нельзя усмотрѣть хищническихъ наклонностей. Да, онъ растратилъ деньги, но онъ не припряталъ ихъ. Онъ разбросалъ ихъ *великодушно* направо и налѣво. Онъ не скупился и на добрыя дѣла: мы слышали здѣсь, что онъ давалъ щедро и въ благотворительныя общества, и не отказывалъ въ помощи тѣмъ, кто къ нему обращался. Отъ его проступка никто не пострадаетъ: его уважаемые родители пополнили его растрату и тѣмъ отчасти загладили его вину. Что сдѣлалъ въ дѣйствительности вреднаго и дурного подсудимый? За что его слѣдуетъ карать? Кого онъ обидѣлъ? Никого, кромѣ своихъ родителей и самого себя. Но оставимъ семью разобраться самой въ своихъ дѣлахъ, а ему, только еще вступающему въ жизнь, дайте возможность повернуть на другой путь! Самое уже присутствіе его на скамьѣ подсудимыхъ есть тяжкій урокъ для него, до сихъ поръ всѣми уважаемаго, почитаемаго. Не дайте ему впасть въ отчаяніе! Дайте возможность загладить ошибку моло-

дости. Не карайте строго за то, что онъ не устоялъ противъ многочисленныхъ соблазновъ, представляемыхъ жизнью молодежи изъ свѣтскаго круга въ Ниццѣ. Эти дорого стоющія развлеченія, удовольствія, скачки, карты, вино, женщины... кто изъ насъ въ юности не жаждалъ этого?...

Присяжные вынесли обвинительный вердиктъ, не принявъ, очевидно, во вниманіе ни соблазновъ молодости, ни принадлежности подсудимаго къ высшему кругу.

III.

Обычаи въ французскихъ судахъ не одинаковы. Въ Ниццѣ, напримѣръ, публику пускали, хотя и по звонку, и мѣстъ для сидѣнья было мало, но всетаки принципъ публичности суда не нарушался этимъ, такъ какъ пускали всѣхъ, безъ разбора. Не то уже въ Монпелье и Парижѣ.

Когда въ Монпелье открылась сессія „assises", то я очень удивилась, услышавъ, что на мѣста въ залу засѣданія пускали *только* по билетамъ, которые выдавались *лично* президентомъ, да и не въ судѣ, а на дому. Пришлось ходить къ президенту нѣсколько разъ: то дома его нѣтъ, то завтракаетъ и т. п. Наконецъ, онъ принялъ меня въ своей, солидно обставленной, пріемной, стоя у камина, что, вѣроятно, указывало и мнѣ не садиться. Послѣ вопросовъ о томъ, почему я, иностранка, желаю присутствовать на процессахъ, именной билетъ былъ мнѣ выданъ на „tribunes réservées", исключительно отведенныхъ для женщинъ.

Изумленная этой процедурой, я обратилась съ разспросами къ знакомому французу-инженеру.

— По закону засѣданія публичны, но практикой выработались извѣстные пріемы. Вы спрашиваете, почему выдаетъ билеты самъ президентъ, а не судебный приставъ или швейцаръ въ судѣ. Да вѣдь тогда билеты будутъ даваться безъ разбора, а это не желательно, догадайтесь сами—почему. Теперь вамъ будетъ понятно всеобщее раздраженіе противъ магистратуры. Ее ненавидятъ и боятся. Она нарушаетъ важные принципы, обходитъ законы, когда это ей нужно, а отъ гражданъ требуетъ исполненія даже пустыхъ формальностей. Человѣкъ съ свободнымъ умомъ и сердцемъ не можетъ быть членомъ магистратуры. Читали, вѣроятно, какъ судья г. Маньо, въ предмѣстьяхъ Парижа, оправдалъ женщину, укравшую хлѣбъ, чтобы накормить имъ своихъ голодныхъ дѣтей? Ну, такъ приговоръ его кассированъ и ему влетѣлъ выговоръ. Женщина, видите ли, созналась, что украла, и судья *не имѣлъ права* нарушить законъ, гласящій, что всякій, присвоив-

шій чужое имущество, долженъ понести кару *). Такой судъ, если онъ долженъ обвинять quand-même, не даетъ удовлетворенія чувству справедливости. Въ немъ отсутствуетъ пониманіе внутренней правды дѣла, и приговоры его не могутъ имѣть вліянія на общественную жизнь. Объ этомъ дѣлѣ кричали всѣ газеты, да развѣ для нихъ существуетъ общественное мнѣніе? О, эти magistrats? Попасть на допросъ къ juge d'instruction (судебный слѣдователь)—это значитъ подвергнуться всевозможнымъ оскорбленіямъ, а при случаѣ выдержать и пытку. Знаете ли вы, что для вынужденія сознанія у подозрѣваемаго убійцы, его приводятъ къ трупу и приказываютъ пристально смотрѣть въ лицо убитому, а слѣдователь при этомъ пытливо наблюдаетъ за выраженіемъ лица подозрѣваемаго преступника. Если тотъ откажется взглянуть на трупъ, то этимъ уже создаетъ улику противъ себя; если выкажетъ волненіе,—ну, просто потому, что онъ нервный субъектъ,—то это опять улика. При этомъ еще magistrat не скупится на наставленія: „смотрите въ лицо вашей жертвы и раскайтесь?" или: „неужели не содрогнется ваше сердце при видѣ несчастнаго, вами убитаго?" И это не въ средніе вѣка происходитъ, а наканунѣ XX столѣтія!—говорилъ французъ.

Первое засѣданіе было назначено 20 февраля въ 10 час. утра, но состоялось лишь въ 12, такъ какъ въ это утро происходили похороны одного прокурора.

Съ высокаго крыльца Palais de Justice хорошо была видна вся процессія. Весь составъ суда шелъ за гробомъ, на которомъ была накинута красная мантія умершаго. Huissiers несли огромные, величиною съ колесо, вѣнки изъ прелестныхъ живыхъ цвѣтовъ. Мнѣ это шествіе людей въ длинныхъ красныхъ и черныхъ одѣяніяхъ представлялось чѣмъ-то архаическимъ, взятымъ изъ среднихъ вѣковъ. Не смотря на яркое солнце, на толпу увлекающихся и впечатлительныхъ французовъ, которые съ жаромъ бросаются во всѣ проявленія общественной жизни,—чѣмъ-то мрачнымъ, гнетущимъ душу вѣяло отъ этой процессіи.

Palais de Justice въ Монпелье,—старинномъ городѣ съ 80 тыс. жителей и съ университетомъ, существующимъ уже седьмое столѣтіе,—величественное зданіе съ лѣстницей, украшенной статуями кардинала Флёри и Камбассереса. Въ немъ помѣщается *судъ аппеляціонный* съ большимъ персоналомъ служащихъ. Обширный вестибюль прямо ведетъ въ „Salle d'assises". Направо и налѣво тянутся корридоры мрачные, высокіе, гулкіе и соединяютъ вестибюль съ другими залами, откуда проходятъ: справа—въ „correctionel", а слѣва—въ „chambre civile" (гражданское отдѣленіе).

---

*) 27 марта того же 1899 года Мильеранъ внесъ въ палату проектъ закона, чтобы не наказывать строго за кражу съѣстныхъ припасовъ, когда это сдѣлано въ крайности. Проектъ не прошелъ.

Salle d'assises великолѣпна: громадная, высокая, съ штучными потолками и стѣнной живописью, изображающей въ аллегорическихъ фигурахъ правосудіе, истину, мудрость, силу и т. п. Сзади судей стѣна занята огромной картиной суда, гдѣ предсѣдательствуетъ „истина", а по бокамъ стоятъ „правосудіе" и „мудрость" въ образѣ красивыхъ женскихъ фигуръ. На противоположной стѣнѣ—картина суда среднихъ вѣковъ. Окна въ залѣ подъ самымъ потолкомъ, отчего и свѣтъ падаетъ мягкій и пріятный. Низъ стѣнъ обитъ дубовыми полированными фанерами. Обстановка роскошная: зеленая плюшевая мебель для судей, и еще такихъ креселъ 40 стоитъ полукругомъ за судьями для почетныхъ посѣтителей. За барьеромъ мѣста для свидѣтелей и журналистовъ, а въ глубинѣ, къ выходу, въ тѣснотѣ стояло больше сотни человѣкъ, напирая другъ на друга; а между тѣмъ на верхнихъ хорахъ (tribunes) было до 150 пустыхъ мѣстъ, запертыхъ на замокъ караульнымъ.

Меня поражала эта покорность публики, не требовавшей мѣстъ, которыя были не заняты, да и пренебреженіе суда къ простонародью въ странѣ, гдѣ на всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ зданіяхъ стоитъ девизъ: „libetté, égalité fraternité".

Составъ присяжныхъ здѣсь, по моему, лучше, выше, чѣмъ я видѣла въ Ниццѣ: сказывается присутствіе университета въ городѣ. Много умныхъ, вдумчивыхъ лицъ.

Первымъ судится Поль Жиро, непривлекательный, испитой субъектъ, 33 лѣтъ, за подлогъ и присвоеніе 150 франк. Онъ рецидивистъ и сидѣлъ уже 6 разъ въ тюрьмѣ. Въ тюрьмѣ же онъ и познакомился съ нѣкіимъ г. Дельманомъ, служащимъ коммерческимъ агентомъ у одного марсельскаго торговца. Когда Жиро очутился на свободѣ, то послалъ отъ имени Дельмана телеграмму торговцу съ требованіемъ выслать 150 фр. на расходы, потомъ получилъ посланныя деньги, росписавшись именемъ Дельмана, и увѣдомилъ торговца о полученіи денегъ. Полученные 150 фр. онъ тотчасъ-же прокутилъ. Все раскрылось, когда Дельмана выпустили изъ тюрьмы.

Президентъ, по обычаю, порицаетъ подсудимаго, хвалитъ торговца за то, что тотъ *ловко* раскрылъ мѣсто жительства Жиро и, по обычаю же, подчеркиваетъ гривуазныя мѣста.

Президентъ.—Куда вы истратили деньги, полученныя вами отъ N?..

Подсудимый (спокойно и наивно).—Я пошелъ прежде всего къ пріятелю Sale и попросилъ его жену найти мнѣ une gentille petite femme bien tranquille *).

Президентъ.—Что же? Она нашла?

---

*) Миленькую, спокойную дамочку.

Подсудимый (улыбаясь).—Конечно. Это была модистка, молоденькая дѣвушка.

Защитникъ (черезъ президента спрашиваетъ свидѣтельницу m-me Sale).—Вы очень... любезны, madame... Скажите же, что заплатилъ вамъ Жиро за это услугу?

Madame Sale (дама лѣтъ 40, съ обрюзгшимъ лицомъ, въ кружевной мантильѣ и экстравагантной шляпѣ) отвѣчаетъ неопредѣленно, намекая, однако, на безплатныя услуги.

Защитникъ.—Но вѣдь подсудимый говоритъ, что онъ вамъ давалъ деньги. Такъ... за что же?

M-me Sale.—Но я сдѣлала все изъ дружбы къ нему.

Защитникъ.—Однако, вы получили отъ него порядочно...

M-me Sale (живо).—Всего только 5 фр. И онъ далъ ихъ мнѣ вовсе не за это, а просто изъ пріязни. Онъ сказалъ: madame, я хотѣлъ бы сдѣлать вамъ подарокъ, но не знаю, что̀ вамъ понравится; выберите сами. Вы видите, что это была любезность съ его стороны...

Президентъ подробно допрашиваетъ, *какъ* свидѣтельница устроила это, гдѣ познакомила, какъ все обошлось. При этомъ у всѣхъ на лицахъ скверныя усмѣшки. Отпуская свидѣтельницу, онъ говоритъ:

— Вы занимаетесь гадкимъ ремесломъ, madame! Это позоръ для вашей семьи. Вы не должны продолжать этого.

Дама сперва потупляется, но смѣхъ въ публикѣ подбадриваетъ ее, и она уходитъ на скамью свидѣтелей вся красная, но веселая.

Вызываютъ модистку, убого расфранченную, несчастную. Она храбрится и кидаетъ улыбки направо и налѣво. Это для нея, пожалуй, случай рекламировать себя.

Президентъ (презрительно).—Такъ это вы и есть эта—petite femme bien gentille?

Общій смѣхъ.

Модистка (съ достоинствомъ).—Да, г. президентъ. Это я самая и есть.

Взрывъ хохота.

Рѣчи avocat general и защитника трескучи, многословны и банальны.

Присяжные очень недолго совѣщались и вынесли для Жиро обвиненіе.

Теперь на скамьѣ появились смиренныя и даже скорбныя фигуры: два брата испанца, 40—45 лѣтъ, и жена одного изъ нихъ, пожилая испанка. Мужчины одѣты въ блузы чернорабочихъ; женщина—въ черномъ коленкоровомъ платьѣ и такомъ же платкѣ. Видъ у нихъ убитый.

Ихъ повѣсть печальна и свидѣтельствуетъ о крайней бѣдности и невѣжествѣ.

Пять лѣтъ тому назадъ испанцы эти переселились во Фран-

цію (Монпелье—близко отъ границы съ Испаніей) и работаютъ, въ потѣ лица добывая себѣ и дѣтямъ пропитаніе. За 5 лѣтъ они втроемъ скопили 250 фр. Пріѣзжаетъ ихъ родственникъ изъ Испаніи, привозитъ на 300 франк. серебряныхъ пятифранковиковъ и говоритъ, что *изъ за войны* съ Америкой въ Испаніи перестали брать серебро. Они люди темные, неграмотные, повѣрили ему и за свои 250 фр. золотомъ купили 300 фр. серебряной монетой, думая, что дѣлаютъ выгодную аферу. Пришлось какъ-то послать въ лавку и старуха дала дочери 5 фр. Дѣвочка принесла монету обратно и сказала, что въ лавкѣ признали монету за фальшивую. Понятенъ ихъ испугъ и желаніе скорѣе развязаться съ этими деньгами и выручить хоть сколько нибудь. Мѣняя, они отдавали ихъ дешевле стоимости, что и повело къ аресту. 10 мѣсяцевъ они уже отсидѣли въ тюрьмѣ, ожидая суда, потеряли заработокъ, доброе имя; дѣти ихъ въ чужихъ людяхъ.

Свидѣтели показываютъ объ испанцахъ этихъ, какъ о трудолюбивыхъ, хорошихъ работникахъ, смирныхъ людяхъ. О прошломъ ихъ доставлено изъ Испаніи свидѣтельство отъ алькада, что они ни въ чемъ худомъ не были замѣчены. По французски подсудимые не говорятъ, а потому приглашенъ переводчикъ, котораго приводятъ сейчасъ же къ присягѣ.

Объявленъ перерывъ. Адвокаты рисуются въ своихъ тогахъ, разсматриваютъ публику. Одинъ жуетъ что-то: кажется, пирожное. Онъ чувствуетъ себя героемъ дня, защищая, какъ мнѣ говорили, въ первый разъ по назначенію суда по какому-то незначительному дѣлу. Онъ еще очень молодъ, румянъ и толстъ. Видно, что жизнь ему улыбается. Въ заднихъ рядахъ публики кто-то насвистываетъ маршъ. Къ скамьѣ подсудимыхъ близко подходитъ бѣдно одѣтый мальчикъ лѣтъ 8 и тоскливо заглядываетъ вверхъ. Это сынъ испанки. Онъ ищетъ отца и мать, но ихъ увели на время перерыва, и мальчикъ прильнулъ къ стѣнкѣ скамьи и замеръ. Его не замѣтили вѣрно, или пожалѣли и оставили тутъ; такъ онъ и простоялъ до окончанія дѣла, пугливо взглядывая на всѣхъ.

Я замѣтила, что французы, всѣ, сколько я ихъ видѣла, всегда заботливо и нѣжно относятся къ дѣтямъ. Въ толпѣ всегда пропустятъ женщину съ ребенкомъ, въ вагонѣ уступятъ мѣсто; часто родители, по костюму поденщики, такъ нарядятъ своего ребенка, что любо смотрѣть. Это же любовное чувство къ дѣтямъ проявилось и въ судѣ. Свидѣтельница принесла съ собой дѣвочку лѣтъ трехъ, и все время эта крошка переходила съ куклой отъ матери къ скамьѣ защитниковъ, совала куклу и кусокъ булки журналистамъ, и всѣ улыбались, глядя на ея забавныя мины. Наконецъ, она присѣла на колѣни къ чужой женщинѣ и задремала.

Опять возгласъ: „La Cour!“ Опять лязгъ оружія, и судьи,

точно актеры въ роляхъ королей и героевъ, величественно выходятъ на свою эстраду и продолжаютъ допросъ свидѣтелей.

Тутъ произошелъ забавный инцидентъ. Устройство скамьи подсудимыхъ слѣдующее: высокій помостъ и на немъ помѣщаются жандармы и подсудимые; ниже—къ помосту прислонена парта защитниковъ, а еще ниже сидятъ журналисты.

Президентъ спрашиваетъ свидѣтельницу-торговку: узнаетъ ли она въ подсудимыхъ лицъ, мѣнявшихъ у нея фальшивыя монеты. По жесту президента, торговка обращаетъ взоры налѣво и пристально разсматриваетъ журналистовъ. Тѣ со смѣхомъ показываютъ ей головой и руками, что она должна смотрѣть выше. Тогда она ищетъ фальшивыхъ монетчиковъ среди адвокатовъ. Адвокаты протестуютъ и киваютъ на подсудимыхъ. Поднимается невообразимое веселье. Смѣются всѣ; только испанцы серьезно и грустно смотрятъ на эту комедію.

Во время безсвязной, но грозной рѣчи avocat général г. Венсена судьи распечатываютъ почту, читаютъ газеты, мѣняются ими. Присяжные дремлютъ. Г. Венсенъ громитъ подсудимыхъ: они наносятъ непоправимое зло Франціи, эти нищіе испанцы, которымъ „notre belle France“ дала пріютъ, кормила ихъ... Прежде фальшивыхъ монетчиковъ наказывали смертью, но онъ, avocat général, не можетъ теперь требовать для нихъ казни: законы измѣнились, стали мягче. Теперь *легко* смотрятъ на это преступленіе, и подсудимымъ предстоитъ *только* 5 лѣтъ каторги и еще судъ *можетъ* свести на 3 года. Подсудимые—неправдивые люди: вотъ что они говорили на допросѣ у слѣдователя (читаетъ ихъ показанія). Въ концѣ рѣчи г. Венсенъ проситъ наказать испанцевъ, чтобы это послужило урокомъ для другихъ, а то они „наводнятъ страну фальшивой монетой и погубятъ Францію. Прежде это преступленіе было оскорбленіемъ Величества, теперь я его назову оскорбленіемъ республики.

Первый защитникъ взываетъ къ милосердію, говоритъ о войнѣ и несчастіяхъ Испаніи (въ публикѣ: „ho-là-là“), читаетъ письмо дочери испанки, проситъ отпустить родителей къ дѣтямъ скорѣе, потому что... старшая дочь ихъ недавно ходила „къ первому причастію“...

Второй адвокатъ указываетъ присяжнымъ, что „только 5 лѣтъ каторги“—не шутка, а что касается до того, что судъ *можетъ* смягчить наказаніе, то это вздоръ, потому что судъ *не долженъ*, а только *можетъ*, но *не захочетъ*. Онъ проситъ оправданія и увѣряетъ, что Франція отъ этого не погибнетъ, ибо сейчасъ послѣ оправданія префектъ вышлетъ испанцевъ на родину.

Третій защитникъ пикируется съ avocat général: „monsieur l'avocat général хотѣлъ бы повѣсить этихъ несчастныхъ и сожалѣетъ, что законы стали мягче... Многіе-ли изъ насъ не поторопятся сбыть нечаянно попавшуюся фальшивую монету? Я, конечно, не

говорю о monsieur l'avocat géneral. Онъ не сдѣлаетъ этого. Онъ знаетъ, что за это полагается 5 лѣтъ каторги, а вотъ эти темные люди не знали этого"...

Присяжные обвинили подсудимыхъ. Испанцы тупо смотрѣли передъ собой, подавленные приговоромъ. По коричневой, морщинистой щекѣ женщины скатилась слеза, которую она поспѣшно вытерла угломъ своего чернаго платка. Плакалъ и мальчикъ, прижавшійся къ стѣнѣ.

IV.

Въ ряду другихъ дѣлъ, разсматривавшихся въ февральскую сессію, особенно врѣзалось мнѣ въ память и оставило глубокое впечатлѣніе загадочное убійство одного фермера изъ окрестностей Монпелье, по обстоятельствамъ сопровождавшимъ разборъ этого дѣла. Сцены, происходившія на судѣ и послѣ суда, показали французскую народную толпу совсѣмъ въ новомъ для меня свѣтѣ.

Публики въ день разбора набралось столько, что шевельнуться было нельзя. Толпа стояла еще и въ вестибюлѣ, и въ кулуарахъ суда, на лѣстницѣ, охраняемой на этотъ разъ цѣлымъ отрядомъ солдатъ, во дворѣ суда, на широкомъ тротуарѣ передъ рѣшеткой и запруживала небольшую площадь передъ Palais de Justice.

Когда подсудимую, молодую женщину съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, ввели въ залъ, то отовсюду послышались враждебные возгласы; всѣ угрожающе смотрѣли на несчастную. Особенно волновалось простонародье за барьеромъ. Верхнія трибуны были полны дамъ. Суетныя цѣли,—посмотрѣть другихъ и себя показать,—осложнялись на этотъ разъ еще проявленіемъ жестокости, свойственной вообще людямъ; а тутъ замѣшалась жестокость чисто женская—любопытство взглянуть на себѣ подобную въ унизительной обстановкѣ и услышать скорбную повѣсть о „чужомъ" семейномъ раздорѣ. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось, когда я смотрѣла на волнующееся море шляпъ, цвѣтовъ, перьевъ, на злорадно любопытные взоры, которые кидали съ трибуны эти разодѣтыя въ шелкъ и кружева, молодыя и старыя, красивыя и безобразныя женщины на подсудимую. А та, съ неопредѣленной нервной улыбкой, похожей на гримасу, кормила грудью ребенка и время отъ времени какъ-то безпомощно и жалко окидывала глазами вокругъ себя. Мнѣ чудилось, что она ищетъ сочувственнаго взгляда въ толпѣ, окружавшей ее. Что-то глубоко трагическое было въ самой простотѣ и смиреніи этой женской фигуры, какъ бы выставленной на позоръ среди враждебно настроенной толпы. Женщину эту обвиняли въ убійствѣ мужа.

На уединенной фермѣ, въ 3—4 километрахъ отъ города, жили мужъ и жена. Всѣ, кто ихъ зналъ, показывали на судѣ, что

супруги жили согласно. Однажды ночью, какъ говоритъ подсудимая, мужъ взялъ бритву, порѣзалъ себѣ горло и, выбѣжавъ изъ дома, бросился въ прудъ. Она позвала сосѣдей, которые и вытащили его уже мертвымъ, такъ какъ времени прошло много, пока она добралась до перваго жилья. Подсудимая объясняетъ самоубійство мужа разстройствомъ денежныхъ дѣлъ (ея родные не заплатили ему долга въ 1000 фр.).

Эксперты, профессоръ Сарда и другіе врачи, признали, что покойный *не могъ порѣзаться самъ*, такъ какъ это было видно на трупѣ, и что его, очевидно, зарѣзалъ кто-то другой. Арестовали жену, но она не призналась у слѣдователя и отрицала это на судѣ.

На всѣ показанія подсудимой въ публикѣ слышались негодующіе возгласы. Судебный приставъ тщетно старался унять ихъ: они глухо прокатывались по всей залѣ послѣ словъ подсудимой.

Изъ всей совокупности свидѣтельскихъ показаній нельзя было вывести заключенія, что убійца—жена. Не было подавляющихъ уликъ, а стало быть, не было и прямыхъ, неоспоримыхъ доказательствъ, что преступленіе совершено ею. Были обрывки свѣдѣній, часто противорѣчивыхъ, въ отдѣльности не имѣющихъ значенія, но, связанныя между собою цѣпью не совсѣмъ правильныхъ умозаключеній, они уже представляли собою нѣкоторое основаніе для обвиненія.

Президентъ во время засѣданія, по обыкновенію, морализировалъ и бросалъ въ лицо подсудимой тяжкіе и, быть можетъ, незаслуженные укоры.

Когда одна свидѣтельница показала, что подсудимая неохотно вышла замужъ за убитаго, то президентъ спросилъ:

— Правда-ли это?

Подсудимая. — Я не помню... ну да, я не любила его, когда выходила замужъ, а потомъ... привыкла...

Президентъ.—Вы не любили его? Что же онъ былъ грубъ?

Подсудимая.—Нѣтъ... но... ахъ! я не могу говорить... ну... не любила, потому что не любила... вѣдь это было раньше... потомъ я привыкла... смирилась...

Президентъ.—Этого не достаточно. Онъ былъ вамъ не по вкусу и вы рѣшились отдѣлаться отъ него,—да? Отвѣчайте же?

Подсудимая.—Я могу сказать только, что я не виновна.

Президентъ.—Вы напрасно запираетесь. Лучше вамъ будетъ, если вы скажете откровенно все, какъ было.

Подсудимая отрицательно мотаетъ головой.

Такъ и не выяснилось на судѣ, что было причиной убійства и кто совершилъ его. Невыясненнымъ осталось и то, какъ жили между собой эти два существа, изъ которыхъ одно покоится уже въ землѣ, а другое томится на скамьѣ подсудимыхъ, быть можетъ, за чужую вину.

Присяжные вынесли обвинительный вердиктъ.

Судъ приговорилъ подсудимую къ семи годамъ каторжныхъ работъ.

„Общественная совѣсть“ не была, однако, удовлетворена. Былъ одинъ моментъ жуткаго молчанія, это — когда подсудимая застонала, услышавъ приговоръ. За то вслѣдъ за этимъ тотчасъ же поднялся гвалтъ, свистъ, шумъ. Толпа желала смертнаго приговора, а тутъ—*только* 7 лѣтъ каторги.

Уже судьи и адвокаты давно удалились, а публика медленно выходила изъ залы засѣданія, взволнованно обсуждая всѣ перипетіи судилища. Слышался глухой ропотъ, негодующія восклицанія: „а—а, негодная! Она убила мужа, и ее не казнятъ!...

Солдаты, охранявшіе зданіе суда, убѣждали публику разойтись, оттѣсняли ее постепенно съ крыльца, говорили, что преступницу уже увезли въ тюрьму и т. п.

— Нѣтъ, это неправда! Не расходитесь, будемъ ждать! Мы ей покажемъ, какъ убивать!

— Что же они хотятъ сдѣлать? — спросила я у одного изъ зрителей.

— Какъ что? Да ее освищутъ, оплюютъ, забросаютъ камнями,—чѣмъ попало...

Больше всего волновались женщины, старыя и молодыя. Шляпы ихъ сбились на бокъ; щеки и глаза горѣли; кулаки сжимались. Онѣ рвались къ крыльцу въ изступленіи и выкрикивали угрозы...

V.

Слѣдующіе дни разбирались дѣла о подлогахъ, ограбленіи виллы и др., мало интересныя съ бытовой стороны.

Въ послѣднее засѣданіе „assises“ опять разбиралось дѣло, показавшее, сколько грязи таитъ въ своихъ нѣдрахъ семейная жизнь мелкой буржуазіи.

Нѣкто Фрэ, служащій на желѣзной дорогѣ, убилъ г. N и ранилъ его жену и еще 6 человѣкъ.

Г. Фрэ по внѣшности настоящій типъ преступника по Ламброзо. У него четыреугольное асиметричное лицо, низкій лобъ и тяжелый, тупой взглядъ. Онъ раскачивается изъ стороны въ сторону и нервно третъ себѣ руки грязнымъ носовымъ платкомъ, поплевывая на него. Ему 34 года. Вдовцемъ съ двумя дѣтьми онъ женился въ 1891 году. Въ 1893 г. онъ уже бросилъ жену, оставивъ на ея попеченіе и своихъ дѣтей, и сошелся съ нѣкоей г-жей Форэнъ. До апрѣля 1898 года онъ жилъ съ ней и на ея средства, а жалованье свое прокучивалъ на сторонѣ. Въ апрѣлѣ его перевели на другую станцію, и онъ пошелъ проститься съ г-жей Форэнъ. Черезъ часъ изъ ея дома послышались выстрѣлы

и крики. Прибѣжала сосѣдка N и увидала Форэнъ плавающею въ крови. Она созвала сосѣдей и ухаживала за раненой. Фрэ, сперва убѣжавшій, вернулся и выстрѣлилъ въ N. Пуля попала въ руку, и N свалилась; потомъ убилъ на повалъ ея мужа г. N и началъ стрѣлять безъ разбора во всѣхъ присутствующихъ, причемъ ранилъ еще 5 человѣкъ.

Четыре мѣсяца Фрэ находился послѣ этого въ больницѣ для умалишенныхъ подъ наблюденіемъ профессоровъ мѣстнаго университета Грассе (французская знаменитость 1 ранга), Мэрэ и Сардà. Они явились экспертами на судѣ.

Профессоръ Мэрэ, сановитый, изящно одѣтый господинъ, презрительно цѣдилъ слова своей экспертизы. Онъ высказалъ, что Фрэ субъектъ нервный, галлюцинирующій, подозрительный, суевѣрный. Такъ, онъ вообразилъ однажды въ больницѣ, что кто-то изъ служащихъ околдовалъ его, а потому профессоръ и находитъ, что Фрэ является не *вполнѣ* отвѣтственнымъ за преступленіе (résponsabilité limitée).

Грассе (не ладящій съ Мэрэ) говоритъ, что подсудимый *изображаетъ* галлюцината, представляется нервнымъ, разыгрывалъ вѣчныя комедіи въ больницѣ. Фрэ, по его мнѣнію, человѣкъ съ злою волей, безнравственный и долженъ считаться отвѣтственнымъ за преступленіе.

Грассе по наружному виду—полная противоположность Мэрэ: скромный, мѣшковатый, съ большой рыжей бородой, говоритъ спокойно, безъ презрительныхъ гримасъ и не заявляетъ на вопросы защитника, какъ Мэрэ, что не желаетъ вдаваться въ объясненія передъ профанами.

Сардà, молодой профессоръ, желающій угодить и Грассе, и Мэрэ, а потому и „садится между двухъ стульевъ", т. е. показываетъ и *такъ*, и *этакъ*. Отъ себя онъ изрекъ только, что всякое убійство есть психозъ.

Свидѣтелей много и всѣ показываютъ противъ Фрэ. Одобрительный отзывъ дало о немъ только его начальство по службѣ, гдѣ онъ считался исполнительнымъ чиновникомъ, вѣжливымъ съ публикой, почтительнымъ съ высшими. Товарищи называютъ его „un homme du bien", хотя изъ ихъ словъ и видно, что имъ была хорошо извѣстна его частная жизнь. Они знали, что онъ билъ и тиранилъ жену, которая и теперь еще своими трудами воспитываетъ пасынковъ. Всѣ спокойно разсказываютъ, какъ Фрэ обиралъ и мучилъ г-жу Форэнъ, развратничалъ направо и налѣво, грубилъ и ссорился,—конечно, не съ начальствомъ. Тамъ онъ надѣвалъ маску угодливости и предупредительности и въ теченіе 12 лѣтъ числился за „хорошаго человѣка".

Жена его, тощая, болѣзненная, бѣдно одѣтая дама. старалась выгородить, защитить Фрэ. По ея словамъ, Фрэ былъ всегда страннымъ, чтобы не сказать — сумасшедшимъ. Врачи, лѣчившіе

его, признавали, что онъ не нормаленъ и нервенъ. Колотилъ онъ ее и дѣтей тоже отъ болѣзни. Наконецъ, она со слезами говоритъ, что Фрэ бросилъ ее потому, что она мучила его своей ревностью, значитъ, сама была виновата...

Прокуроръ.—А онъ подавалъ вамъ поводы къ ревности?

М-те Фрэ.—Не знаю... Боже мой! я его слишкомъ любила и думаю, что надоѣла ему этимъ... (плачетъ).

Рядъ потерпѣвшихъ ужасенъ: г-жа N (жена убитаго) — безъ руки, а у нея четверо маленькихъ ребятъ. Кто съ выбитымъ глазомъ, кто хромаетъ. На красивомъ лицѣ шикарной г-жи Форэнъ шрамъ тянется во всю щеку. Она не пощадила Фрэ и была похожа на разъяренное животное, когда показывала на судѣ. Фрэ обиралъ ее, билъ, доносилъ въ полицію о ея яко бы развратномъ поведеиіи. Она считаетъ его извергомъ, всегда боялась его и рада отвязаться отъ него.

На вопросъ президента, Фрэ говоритъ:

— Да, она возмущала меня своимъ развратомъ...

— *Форэнъ.*—Богъ мой! — Я возмущала его! Да онъ въ мой домъ приводилъ своихъ любовницъ, а меня заставлялъ заманивать мужчинъ и отбиралъ деньги.

Защитникъ въ своей рѣчи имѣлъ смѣлость сказать, что Фрэ совершалъ преступленія въ запальчивости и раздраженіи, что онъ вообще субъектъ несдержанный и раздражительный. Хороша раздражительность, длящаяся годы и обрушивающаяся исключительно на субъектовъ слабыхъ, подчиненныхъ ему или силою любви, или матеріально зависящихъ отъ него! Что же онъ не проявлялъ этихъ свойствъ при сношеніяхъ съ начальствомъ, съ товарищами? Вся жизнь его свидѣтельствуетъ о натурѣ жестокой, извращенной, умѣющей регулировать вспышки своего гнѣва, глядя по обстоятельствамъ.

Финалъ этого дѣла—вѣчная каторга для Фрэ.

Въ заключеніе очерковъ уголовнаго суда приведу мнѣніе очень компетентнаго въ настоящее время во Франціи юриста Lapie о коронныхъ судьяхъ. Lapie называетъ ихъ не судьями, а обвинителями, сотрудниками прокуратуры. Онъ говоритъ, что настоящій, безпристрастный изслѣдователь истины стоитъ на одинаковомъ разстояніи отъ обвиненія и защиты, а во французскомъ судѣ обвинитель сидитъ рядомъ съ судьями, часто шепчется съ ними, внушаетъ имъ вопросы, отыскиваетъ вмѣстѣ съ ними подходящія статьи закона, наконецъ, участвуетъ въ опредѣленіи наказанія.

Другой юристъ, Jean Cruppi, говоритъ, что часто президентъ „assises“ есть прямой подчиненный обвинителя; президентъ избирается прокуратурой; онъ іерархически ниже avocat général; его движеніе по службѣ зависитъ отъ прокуратуры. Президентъ въ сущности, разжалованъ изъ судей: и учрежденіемъ juri, и уни-

чтоженіемъ „резюме“, и тѣмъ не менѣе президенты всетаки умѣютъ быть пристрастными. Эту черту пристрастности я замѣтила особенно въ ниццскихъ „assises“, когда по отношенію къ сынку богатыхъ родителей была проявлена ложная чувствительность, а къ выходцу изъ поддонковъ общества—черствое равнодушіе.

VI.

Зала „correctionel“ въ Монпелье высокая и довольно большая комната, освѣщенная только съ одной лѣвой стороны узкими, длинными окнами, мало дающими свѣта. Впечатлѣніе мрачности увеличивается еще темнозелеными обоями и драпировками. Переднія скамьи глубокія съ пюпитрами для адвокатовъ, заднія—для свидѣтелей и публики. Для прессы никакого стола не отведено и въ мѣстныхъ газетахъ (ихъ до 5) не бываетъ отчетовъ о засѣданіяхъ „corectionel“. Публика—одни мужчины: рабочіе, старички—по виду отставные чиновники и какіе-то подозрительные субъекты въ отрепанныхъ одеждахъ съ синяками и кровоподтеками на лицахъ, а то и съ повязками на головахъ.

Обычный „sans façons“ царствуетъ и здѣсь въ полной силѣ. Адвокатъ, сидящій передо мной, то уронитъ голову на сложенныя на пюпитрѣ руки и лежитъ такъ долго, долго. Такъ и кажется, что онъ уже уснулъ. То поднимаетъ голову, протираетъ глаза, отваливается къ спинкѣ скамьи, а ноги кладетъ на нижнюю полку пюпитра. Къ нему подходитъ какой-то субъектъ вродѣ писца и онъ, повернувшись спиной къ судьямъ, вполголоса приказываетъ ему что-то.

Avocat géneral, господинъ съ красивымъ выразительнымъ профилемъ, то вялымъ, тусклымъ взглядомъ обводитъ публику, то покручиваетъ длинный усъ, то откидывается на креслѣ и перебираетъ бахрому наплечнаго банта.

Президентъ, лысый добродушный толстякъ, снялъ шапку и поглаживаетъ солидную лысину. Добродушно доказываетъ онъ подсудимому, что тотъ негодяй, добродушно смотритъ, какъ приводятъ и уводятъ на цѣпочкѣ обвиняемыхъ, и также добродушно говоритъ сорокалѣтней дамѣ-свидѣтельницѣ, утверждающей, что ей *только* 28 лѣтъ:—„полноте, madame, не стѣсняйтесь и не настаивайте такъ относительно этого пункта: мы не требуемъ точности“. — Это типъ француза „goguenard“: онъ любитъ смѣшить публику и самъ сіяетъ при этомъ. Члены суда катаютъ шарики изъ бумаги, перелистываютъ книги. Бѣдняги! ихъ роль самая пассивная и скучная—безъ рѣчей.

Обвиняемыхъ приводятъ и уводятъ жандармы, нанизавъ ихъ на длинную цѣпочку, какъ свору собакъ: на всѣхъ надѣваютъ на

руки обручи съ короткими цѣпочками, прикрѣпленными къ одной длинной, на которой и ведетъ ихъ солдатъ. Унизительное и жалкое зрѣлище. Въ другихъ судахъ ихъ сковываютъ въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ нѣтъ публики, а здѣсь, на виду у всѣхъ, надѣваютъ наручни и ведутъ, какъ животныхъ. Зачѣмъ это лишнее униженіе человѣка, который можетъ еще быть и оправданъ на судѣ?

Лица обвиняемыхъ ужасны: испитыя, помятыя, часто избитыя до крови. Все это отребье рода человѣческаго. Всѣ они имѣютъ такой страдальческій видъ, что сердце невольно сжимается при взглядѣ на нихъ. Что дало имъ общество, чтобы имѣть право карать ихъ? Всѣ они большей частью неграмотны, часто незаконнорожденные; они были выброшены въ житейскую сутолоку чуть не съ пеленокъ; никто о нихъ не заботился. Когда слушаешь на судѣ скорбную повѣсть ихъ жизни, то приходитъ въ голову: отчего общество, теперь карающее ихъ, не поддержало ихъ во время, не вооружило знаніями для житейской борьбы. Гдѣ оно было тогда, когда всѣ эти воры, мошенники, буяны были еще чистыми, невинными дѣтьми?

Передъ трибуналомъ стоитъ юноша; все лицо его въ синякахъ и опухоляхъ. Онъ оскорбилъ словами и дѣйствіемъ сельскаго учителя и „полевого сторожа". Юноша отрицаетъ свою вину и говоритъ, указывая на свое лицо, что жалобщики сами избили его: „вонъ какъ отработали". Учитель—робкое существо, одѣтый въ поношенный сюртукъ, дрожащимъ голосомъ заявляетъ, что боится все разсказывать, такъ какъ обвиняемый такой сильный, здоровый буянъ, потомъ отомститъ ему. Президентъ ободряетъ его: не бойтесь, мой другъ, пока существуетъ correctionel". Какъ затравленный заяцъ, озираясь на обвиняемаго, учитель даетъ свои показанія.

Президентъ читаетъ списокъ о судимости и говоритъ:

— Вы судились 17 разъ, начиная съ 13-ти лѣтняго возраста. Вы совершенно безнравственный субъектъ. За вами есть и безстыдныя дѣйствія, и воровство, и оскорбленіе полиціи, и нанесеніе ранъ въ дракѣ... Вы сидѣли въ тюрьмѣ въ общей сложности около 5 лѣтъ и каждый разъ, какъ васъ выпускали, вы принимались опять за то же. Вы неисправимы и вашимъ заявленіямъ судъ не довѣряетъ. Что вы можете еще сказать?

Обвиняемый.—Да меня самого, посмотрите, какъ избили. Вѣдь три недѣли прошло, а побои все еще не зажили; все тѣло въ синякахъ.

Avocat général сбросилъ свой скучающій, разсѣянный видъ. Его тусклые глаза оживились, станъ выпрямился, и онъ сказалъ, приблизительно, слѣдующее:

— Мнѣ незачѣмъ трудиться доказывать виновность этого субъекта. Онъ обвиненъ уже длиннымъ спискомъ своихъ прежнихъ проступковъ. Вся жизнь его есть сплошной рядъ правонарушеній

всякаго рода: онъ воруетъ, дерется, бродяжничаетъ, пьянствуетъ, посягаетъ на честь женщинъ, буянитъ съ 13 лѣтъ. То же продолжаетъ онъ и теперь. Онъ неисправимъ, и общество выиграетъ отъ удаленія его изъ своей среды. Для него нѣтъ смягчающихъ обстоятельствъ. Онъ виновенъ; это рѣшено. Но я нахожу нужнымъ обратить вниманіе суда и *кого надлежитъ* на одно обстоятельство, оговорившись заранѣе, что никого не обвиняю, никому не хочу выговаривать. Только пусть судъ и *кому это надлежитъ* обратятъ вниманіе на то, что этотъ субъектъ, приведенный на слѣдствіе, былъ дѣйствительно избитъ, какъ котлета. Да и теперь знаки побоевъ не прошли еще; значитъ, ему хорошо досталось. Я далекъ отъ мысли проповѣдывать смиреніе и кротость полиціи, когда она имѣетъ дѣло съ подобными буянами. Если надо употребить силу при поимкѣ—пусть употребляютъ. Но привести въ *такое* состояніе даже и преступнаго человѣка—это недостойно цивилизованной націи, каковы французы; недостойно нашего вѣка, когда широко проповѣдуются принципы гуманности! Это, скажу даже,—позорно! И пусть это не повторяется.

Буянъ приговоренъ въ тюрьму на 1 мѣсяцъ и къ 200 фр. штрафа.

Французы неохотно идутъ свидѣтелями на судъ; это приходилось часто подмѣчать. То не хочется тратить *даромъ* время, то боятся мести, которая здѣсь на югѣ Франціи выражается часто ударами ножа. Но есть и еще причина: это наклонность французскихъ адвокатовъ оправдывать своихъ кліентовъ, опорочивъ, осмѣявъ не только показанія, но и самую личность свидѣтелей. Такимъ образомъ, свидѣтели являются страдающими лицами въ процессѣ. Особенно достается полицейскимъ агентамъ. Глумленіе надъ ними вошло въ судейскіе нравы настолько, что рѣдко эти служители порядка выходятъ изъ суда, не получивъ язвительныхъ насмѣшекъ со всѣхъ сторонъ и даже отъ публики.

Характерное, въ этомъ смыслѣ, дѣло слушалось въ „correctionel“, и я разскажу о немъ, хотя само по себѣ оно очень заурядное.

Обвиняемая — видная брюнетка, лѣтъ подъ 30, съ смѣлымъ, энергичнымъ лицомъ, одѣта въ дорогой мѣховой колетъ и красивый „токъ“. Сообщникъ ея—18-ти лѣтній подростокъ. Лицо его полно упрямства и лукавства, съ острымъ подбородкомъ и тонкими губами. Онъ держитъ себя театрально, одѣтъ съ претензіей и постоянно откидываетъ со лба длинныя кудри.

Они обвиняются въ цѣломъ рядѣ мелкихъ кражъ, преимущественно кошельковъ изъ кармановъ. Полиціи долго не удавалось поймать ихъ, хотя слѣдили за ними давно. Они всегда успѣвали убѣгать, скрыться. Парочку эту видали въ мѣстахъ, гдѣ бываетъ скопленіе народа: на рынкахъ, свадьбахъ, гуляньяхъ; и пойманы-

то они во дворѣ дома, гдѣ была свадебная пирушка и было много народа, глядѣвшаго въ окна дома.

Полицейскій агентъ разсказываетъ, что въ Нимѣ онъ ихъ ловилъ на улицѣ, но они „летѣли, какъ вѣтеръ". Въ Монпелье другой агентъ на рынкѣ выслѣдилъ обвиняемыхъ въ присутствіи г-жи N, какъ они лѣзли въ карманъ одной покупательницы; но, замѣтивъ, что за ними наблюдаютъ, оба превратились тотчасъ въ покупателей. Арестовали ихъ въ то время, когда г-жа Л. захватила руку воровки у себя въ карманѣ и закричала. Случайно тутъ оказалась опять и г-жа N., приличная съ виду молодая женщина, которая и подтвердила все разсказанное на судѣ.

Потерпѣвшая г-жа Л., дама лѣтъ 40, сильная брюнетка съ усиками, съ манерами хорошаго общества, одѣта въ изящный трауръ. Показанія даетъ тихо и какъ бы конфузясь. Было тѣсно. Она стояла рядомъ съ своей знакомой г-жей N и вдругъ почувствовала, что ее кто-то ущипнулъ или укололъ. Она инстинктивно схватилась за карманъ и поймала въ немъ чью-то руку, которую и схватила (въ карманѣ ея были булавки). Рука вырывалась и пришлось ее выпустить: г-жа Л. взволновалась и потеряла силы. Тогда она закричала и, оглянувшись, увидѣла, какъ обвиняемая передала что-то своему сообщнику.

Подошедшій полицейскій агентъ перехватилъ переданное. Это былъ платокъ г-жи Л. Кошелекъ ея выпалъ при этомъ, былъ поднятъ и возвращенъ ей. Она не хотѣла жаловаться, но агентъ возбудилъ преслѣдованіе.

Обвиняемая называетъ себя Жанной Дюваль, но не можетъ представить никакихъ документовъ, или свидѣтелей въ подтвержденіе своей личности. Родилась она въ Египтѣ, воспитывалась въ Испаніи. Отецъ ея живетъ въ Афинахъ, мать—въ Александріи, но точный ихъ адресъ ей не извѣстенъ. Происхожденіе средствъ къ жизни объяснить отказалась. Юноша этотъ ея „petit mari", что тотъ сейчасъ же и подтверждаетъ: „c'est ça, ma petite femme". Воровствомъ Жанна Дюваль, по ея словамъ, не занимается. Около г-жи Л. находилась случайно и случайно же, думая достать свой платокъ, попала въ чужой карманъ. Агенты и свидѣтели ошибаются, конечно, что видѣли и ловили ее именно. Говоритъ самоувѣренно.

Avocat général предлагаетъ отложить дѣло для справокъ о личности Жанны, такъ какъ нельзя безъ справки о судимости опредѣлить: является-ли она профессіональной воровкой, или же просто случайно, по нуждѣ, совершила проступокъ. Это важно для приложенія закона Беранже и для размѣра наказанія.

Защитникъ настаиваетъ, чтобы дѣло не откладывали. Онъ говоритъ о томъ, что напрасно судъ смотритъ недовѣрчиво на заявленія обвиняемой относительно ея личности. Бумаги у нея украли въ Испаніи, а что родныхъ и знакомыхъ у нея нѣтъ, такъ это просто дѣло случайности. Иногда жизнь человѣческая пред-

ставляетъ собою такъ много необычайнаго, даже романическаго, что превосходитъ своими приключеніями самую блестящую выдумку. Въ природѣ часто насъ поражаетъ необычное, а перенесетъ художникъ это необычное на холстъ, и всѣ критикуютъ: *такъ* въ природѣ не бываетъ, напр., относительно окраски неба, воды и т. п.; а между тѣмъ, картина вѣрна природѣ. Такъ и его кліентка являетъ своей жизнью сцѣпленіе самыхъ невѣроятныхъ случайностей, а тѣмъ не менѣе это все было съ ней на самомъ дѣлѣ.

Что касается свидѣтельницы, г-жи N, то это, по мнѣнію адвоката, дама очень странная: что за счастливая судьба приводитъ ее всегда на то мѣсто, гдѣ агентъ полиціи выслѣживаетъ воровъ?

Надо обратить вниманіе на это обстоятельство: не причастнали эта свидѣтельница какъ нибудь ближе къ дѣлу? Она вѣдь стояла рядомъ съ г-жей Л., а кошелекъ подняли на полу между ними...

Президентъ (перебиваетъ).—Г. защитникъ! Рѣчь здѣсь идетъ не о г-жѣ N.

Адвокатъ. — Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, это подозрительно...

Президентъ.—Прошу не уклоняться въ сторону...

Адвокатъ. — Итакъ, показанія свидѣтельницы N неосновательны. Мало того, они бросаютъ на нее тѣнь... Но оставимъ это, такъ какъ г. президентъ находитъ, что неудобно касаться ея личности, и перейдемъ къ якобы потерпѣвшей г-жѣ Л. Разберемъ подробно ея показанія: она говоритъ, что почувствовала, что ее кто-то ущипнулъ. Господа, по ея наружности и манерѣ держать себя, не трудно опредѣлить, что она еще желаетъ нравиться; припомните ея заявленіе относительно ея лѣтъ! Кругомъ была толпа, въ которой были и мужчины, напримѣръ, г. полицейскій агентъ. Неправда-ли: онъ видный и можетъ нравиться? Намъ понятно, почему г-жа Л. была охвачена волненіемъ, въ чемъ сама здѣсь и призналась. Мы не бросимъ въ нее камнемъ за это, господа! Это естественное волненіе, когда она почувствовала, что ее ущипнули. Вѣдь она могла думать, что это былъ мужчина...

Президентъ. — Предостерегаю васъ, maitre X., что вы будете лишены слова, если...

Адвокатъ. — Я умолкаю, если вамъ это угодно, но я долженъ сказать, что въ волненіи, сладостномъ для дамы ея лѣтъ и темперамента, она не была въ состояніи замѣтить лицо женщины, залѣзшей въ ея карманъ. Была ли это Жанна Дюваль, или г-жа N...

Президентъ. — Maitre X!..

Адвокатъ. — Какъ ни стѣсняютъ защиту, а я всетаки утверждаю и т. д.

Г-жи Л. и N блѣднѣли и краснѣли и, вѣроятно, мысленно давали

себѣ клятву никогда не жаловаться суду и не выступать свидѣтельницами.

Въ концѣ рѣчи защитникъ наклонился къ кліенткѣ, которая до этого времени спокойно и даже насмѣшливо поглядывала на свидѣтельницъ, шепнулъ ей что-то, и она начала усиленно сморкаться, закрывать лицо платкомъ и дѣлать видъ, что плачетъ.

Тогда адвокатъ прибавилъ, что у Жанны Дюваль есть ребенокъ и что не слѣдуетъ его лишать матери...

На вопросъ президента, гдѣ этотъ ребенокъ, обвиняемая опрометчиво сказала, что онъ въ Египтѣ у ея матери...

Avocat general. — Очевидно, ребенокъ этотъ не нуждается въ въ ея материнскихъ попеченіяхъ, такъ какъ она даже не знаетъ точнаго адреса своей матери, у которой, по ея словамъ, находится это нѣжно любимое дитя, этотъ плодъ ея фантазіи или, вѣрнѣе, фантазіи ея защитника, не успѣвшаго только научить свою кліентку отвѣту болѣе правдоподобному.

Трибуналъ приговорилъ обвиняемыхъ къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы.

Послѣднее мое посѣщеніе „correctionel" въ Монпелье ознаменовалось чрезвычайно дикой выходкой президента трибунала.

Судились какіе-то „pauvres diables": Эрнестъ Делонэ—19 лѣтъ за нищенство, которымъ онъ занимается съ 13 лѣтъ, за что и сидѣлъ уже 5 разъ въ тюрьмѣ; Дезирэ Жюль 20 лѣтъ, деревенскій парень, за буйство и сопротивленіе сельской полиціи (garde-champetre) и др. Дезирэ держалъ себя на судѣ не нахально и не дерзко, а скорѣе—безучастно и равнодушно. Президентъ точно спѣшилъ куда-то: кричалъ на обвиняемыхъ, не давалъ говорить свидѣтелямъ и велъ засѣданіе „на всѣхъ парахъ".

На скамьѣ свидѣтелей сидѣлъ отецъ Дезирэ, сѣдой, почтеннаго вида крестьянинъ. Полицейскій разсказывалъ о похожденіяхъ Дезирэ. Старикъ привсталъ и сказалъ (не громко и не дерзко): „но этого не было. Протестую противъ показанія свидѣтеля".

У президента глаза налились кровью; онъ привскочилъ, застучалъ кулаками по столу и крикнулъ: „вонъ отсюда! Жандармы, приставъ, выведите его вонъ! Сію минуту! Если будетъ сопротивляться, тащите силой и—подвергнуть тогда аресту!"

Старикъ, на котораго обратился президентскій гнѣвъ, и не думалъ сопротивляться. Онъ всталъ и покорно, сгорбившись, вышелъ изъ залы суда, сопровождаемый приставомъ и жандармомъ.

Президентъ, все еще не успокоившійся, грозно окидывалъ глазами публику, опять стучалъ по столу и кричалъ: „я васъ выучу сидѣть въ судѣ! я вамъ покажу! я всѣхъ велю вывести, кто только пикнетъ!"

Я смотрѣла на членовъ суда, на прокурора, на адвокатовъ,

ожидая отъ нихъ какого нибудь выраженія негодованія. Ничего! Прокуроръ, насмѣшливо улыбаясь, покусывалъ усы; члены сидѣли, какъ каменныя изваянія, а адвокаты... трепетали и опускали глаза долу; только самый молодой изъ нихъ спряталъ отъ смѣха лицо въ пюпитръ. Публика была сѣрая, и окрикъ президента не произвелъ на нее ровно никакого впечатлѣнія. Пристава бѣгали, какъ зайцы.

Мнѣ сдѣлалось не по себѣ и я вышла. У окна въ сосѣдней залѣ стояли: жандармъ, huissier и еще какой-то господинъ. Желая узнать, въ чемъ дѣло, и думая, что, быть можетъ, старикъ-крестьянинъ сказалъ еще что-нибудь, чего я не разслышала, я подошла къ нимъ за разъясненіями.

— У насъ всегда такія исторіи, когда *этотъ* предсѣдательствуетъ. Ни разу не обошлось безъ скандала,—сказалъ жандармъ, а huissier прибавилъ:

— Онъ человѣкъ больной, потому и раздражается. Его и судьи боятся: непріятный человѣкъ!

На другой день искала во всѣхъ мѣстныхъ газетахъ: не сказано-ли чего объ инцидентѣ въ судѣ и ничего не нашла. Вѣроятно, случай былъ обыкновенный.

VII.

„Chambre civile“,—гражданское отдѣленіе суда—меньше интересовало меня, и я рѣдко заглядывала туда. Адвокаты вычитываютъ изъ дѣлъ документы, какъ сельскіе дьячки, а 9 судей сидятъ безучастно, не слушаютъ дѣла и разговариваютъ вполголоса между собой. За то противники зорко слѣдятъ другъ за другомъ, и пренія ихъ похожи на перестрѣлки: они осыпаютъ другъ друга рѣзкими выраженіями, насмѣшками, остротами.

Мнѣ жалко бывало всегда одного старика-адвоката въ потертой, даже заплатанной тогѣ. Толстый, слѣпой почти, съ pince-nez на кончикѣ носа, онъ часто выступалъ и часто проигрывалъ дѣла.

Помню одно засѣданіе, гдѣ онъ былъ истцемъ по довѣренности вдовы Ферэ-Ляфонъ. Администрація (въ смыслѣ—правительство), по приговору суда, отчудила часть усадьбы Ферэ-Ляфонъ подъ общественную дорогу и уплатила за это 500 фр. Кромѣ того, администрація обязалась уравнять и устроить спускъ отъ ея усадьбы къ дорогѣ, гарантировавъ исполненіе условій неустойкой въ 30000 фр. Когда условія не были выполнены, то вдова подала въ судъ жалобу на префекта и мэра Монпелье. Тогда только они поторопились кое какъ исполнить условленное, но судъ всетаки приговорилъ ихъ къ уплатѣ 2000 фр.

Вдова Ферэ-Ляфонъ осталась этимъ недовольна и теперь требовала 30000 фр. Въ доказательство того, насколько его довѣри-

тельница обижена отчужденіемъ участка, и насколько участокъ этотъ ей важенъ, старикъ серьезно говорилъ, что дѣвица Ферэ и г. Лафонъ *только потому* и поженились, что участки ихъ были смежны и одинъ безъ другого не представляли изъ себя надлежащей цѣнности; соединенные же, вслѣдствіе брака г-жи Ферэ и г. Лафонъ, они *неоцѣнимы*. И вотъ, отъ такого-то помѣстья и отчудили лучшую часть подъ общественную дорогу. Аргументъ этотъ вызвалъ гомерическій хохотъ. Смѣялись судьи, пристава; молодые адвокаты падали отъ смѣха на пюпитры. А старикъ съ негодованіемъ повертывался во всѣ стороны и, наконецъ, сорвалъ свою обиду на помощникѣ, сидящемъ рядомъ съ нимъ, отыскивавшемъ ему статью закона и подававшемъ бумаги. Дрожащимъ отъ старости и отъ гнѣва голосомъ онъ попытался было внушить судьямъ и коллегамъ, что смѣхъ не есть еще доказательство, что смѣхъ характеризуетъ ихъ съ невыгодной стороны, но бѣднягѣ не дали договорить, до того смѣялись и шумѣли опять всѣ при одномъ звукѣ его голоса. Когда все затихло, онъ въ своей рѣчи началъ бранить администрацію, префекта, мэра, говорилъ, что всѣ эти лица существуютъ только для того, чтобы стѣснять простыхъ смертныхъ. Въ искѣ ему отказали. Онъ собралъ бумаги въ портфель и торопливо вышелъ изъ залы засѣданія.

Въ этой же „chambre civile“ происходятъ церемоніи „водворенія“ новыхъ чиновъ магистратуры и приводъ ихъ къ присягѣ.

Церемоніи эти бываютъ обставлены торжественно. Я видѣла, какъ „водворяли“ въ Монпелье переведеннаго изъ Digne substitut du procureur (товарища прокурора). Въ часъ собрались всѣ члены суда въ своихъ мантіяхъ съ президентомъ г. Мольеръ во главѣ и сѣли на свои мѣста. Прокуроръ, г. Жиро, проситъ судей присутствовать при *водвореніи* новаго substitut г. Лонгъ. Тогда членъ суда и одинъ изъ товарищей прокурора идутъ за новымъ magistrat и вводятъ г. Лонгъ. Секретарь (commis-greffier) читаетъ: 1) указъ президента республики отъ 6 января 1899 о назначеніи г. Лонгъ и 2) актъ о принятіи имъ присяги. Потомъ актъ передается прокурору. Президентъ проситъ новаго magistrat занять подобающее ему мѣсто, и засѣданіе кончено. Большіе любители церемоній и зрѣлищъ, французы сохранили въ отправленіи правосудія много старыхъ обычаевъ и традицій. Въ парижскомъ Palais de Justice ежегодно, передъ открытіемъ судебныхъ сессій, осенью бываетъ „audience solenelle de rentrée“, гдѣ вся парижская магистратура идетъ въ Sainte Chapelle и слушаетъ обѣдню, послѣ которой идутъ въ залу засѣданій высшаго въ государствѣ суда, кассаціоннаго, и говорятъ рѣчи, вспоминая при этомъ добрымъ словомъ тѣхъ изъ чиновъ, кто въ продолженіе истекшаго года умеръ.

VIII.

Аппеляціонный судъ 1-й инстанціи, должно быть, соотвѣтствуетъ нашей судебной палатѣ, такъ какъ дѣла тамъ разсматриваются вновь по существу, Дѣйствіе этого суда распространяется на нѣсколько департаментовъ. Здѣсь мнѣ пришлось слышать двухъ парижскихъ адвокатовъ гг. Морино и Пуанкаре, изъ которыхъ послѣдній считается звѣздой первой величины въ адвокатскомъ мірѣ.

Обаяніе слова „парижскій" собрало публику на тѣ засѣданія, въ которыхъ появлялись гг. Морино и Пуанкаре, о пріѣздѣ котораго въ Монпелье было даже возвѣщено въ газетахъ.

Засѣданіе было назначено въ $12^1/_2$ час., но судьи не собрались еще. Въ проходѣ между скамьями стоялъ господинъ среднихъ лѣтъ, коренастый, здоровый, съ низко остриженной круглой головой. Изъ подъ прямого, но высокаго лба увѣренно и спокойно смотрѣли темносѣрые глаза, умные и живые. Въ общемъ — непредставительная фигура, одѣтая въ поношенные токъ и тогу. Это и былъ Пуанкаре, бывшій министръ, кажется, народнаго просвѣщенія. Онъ весело и просто бесѣдовалъ съ окружившими его монпельевскими товарищами. Голосъ у него сильный, но непріятный и даже крикливый. Онъ громко возмущался неаккуратностью судей, опоздавшихъ уже на $^1/_4$ часа. Товарищи утѣшали его тѣмъ, что у нихъ „всегда такъ", что судъ съ адвокатами не церемонится, а попробуй-ка адвокаты отступить на іоту отъ формальности,—сейчасъ громъ и молнія.

— Нравы людскіе вездѣ одинаковы,—съ усмѣшкой замѣтилъ Пуанкаре почтительно слушавшимъ его собесѣдникамъ. Дѣло, по которому выступалъ „notre éminent maître" Пуанкаре (такъ обращались къ нему коллеги), само по себѣ мало интересно, хотя и содержитъ нѣкоторыя характерныя черты коммерческаго быта.

Monsieur X. и monsieur Y. были компаньонами по торговымъ дѣламъ довольно долго. X., какъ болѣе богатый, помогъ Y., помимо общаго дѣла, открыть еще „кафе", которое шло сперва удачно. Дѣла торговой компаніи запутались, и X. умеръ, оставивъ вдову и 12-лѣтняго сына. Г. Y отъ дѣлъ общихъ отстранился, но договоръ торговый сохранилъ. Вдова кое какъ вела торговлю; когда же сынъ выросъ и принялся за дѣло, то торговля совсѣмъ процвѣла и всѣ долги X. были уплачены. Monsieur Y., не подававшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ признаковъ жизни, разорился, и у него образовались долги. Тогда онъ вспомнилъ о договорѣ и потребовалъ съ X. младшаго и вдовы отчетовъ и прибылей за время управленія ими компанейскими дѣлами. Вотъ за X.-то и выступилъ Пуанкаре. Говорилъ онъ безъ передышки

$1^1/_2$ часа быстро и особенно громко, чѣмъ не далъ задремать 6 судьямъ и президенту. Не вычурные обороты рѣчи, сильный акцентъ южанина, отсутствіе жестовъ и легкость, съ которою онъ сыпалъ слова—вотъ отличительныя черты его рѣчи.

Въ одномъ мѣстѣ, когда онъ говорилъ о сынѣ, благородно уплатившемъ долги отца, и голосъ его принялъ теплый оттѣнокъ, онъ вдругъ замѣтилъ, что противникъ его смѣется. Онъ укоризненно покачалъ головой и сказалъ, обращаясь къ насмѣшнику: „Зачѣмъ вы смѣетесь? Это недостатокъ воспитанія и... великодушія съ вашей стороны, и эта насмѣшка не дѣлаетъ вамъ чести". Потомъ онъ отвернулся отъ сконфуженнаго противника и продолжалъ спокойно свою рѣчь.

Сидѣвшіе со мной рядомъ адвокаты (въ публикѣ) во время рѣчи Пуанкаре спрашивали другъ друга: „ну, что? каково?"

— Такъ себѣ; ничего особеннаго.

По окончаніи дѣла эти же господа окружили Пуанкаре и засыпали его комплиментами.

Maître Морино пріѣзжалъ защищать журналиста, Жюля Жеренъ, обвиняемаго въ томъ, что онъ оскорбилъ въ печати г. Бертанья.

Дѣло это въ свое время произвело много шума, такъ какъ замѣшались дрейфусары и антидрейфусары. Разбиралось оно сперва въ „assises" въ г. Константинѣ (въ Алжирѣ), гдѣ и возникло, и заключается въ слѣдующемъ:

Г. Бертанья очень богатый человѣкъ и президентъ „Conseil général" (вродѣ нашего губернскаго земскаго собранія); онъ взялъ отъ правительства концессію на разработку фосфатовъ въ Алжирѣ, но самъ эксплуатаціей не занимался, а продалъ англійской компаніи, во главѣ которой стоялъ г. Якобсенъ. Въ мѣстной газетѣ, редакторомъ которой состоитъ Жюль Жеренъ, появились статьи, описывающія дѣянія г. Бертанья, который и пожаловался въ судъ. „Assises" не нашло преступленія, мотивируя, что нападки на Бертанья были какъ на общественнаго и политическаго дѣятеля, что напечатанное подтвердилось на судѣ документами; пресса же и должна служить къ раскрытію злоупотребленій.

Бертанья аппелировалъ, указывая, что Жеренъ былъ оправданъ своими „единомышленниками" дрейфусарами-судьями, и дѣло было перенесено, въ виду той партійности и смутъ, которыя въ то время царствовали въ Алжирѣ и вызваны были дѣломъ Дрейфуса, въ тихое Монпелье, гдѣ судьи чужды алжирскимъ раздорамъ и могутъ быть безпристрастными.

Avocat général желалъ доказать, что нападки на Бертанья были какъ на частнаго человѣка, а не какъ на общественнаго дѣятеля. Въ газетѣ было сказано, что Бертанья, пользуясь своимъ богатствомъ, а главное, своимъ высокимъ положеніемъ и вліяніемъ, взялъ концессію и перепродалъ эксплуатацію фосфа-

товъ англичанамъ, врагамъ родины; *слѣдовательно,* Жеренъ въ своей статьѣ считалъ и называлъ Бертанья *плохимъ французомъ,* преданнымъ Англіи, *дряннымъ человѣкомъ,* безчестнымъ. Всѣ эти эпитеты (вовсе не употребленные въ статьѣ) не относятся, дескать, къ общественной дѣятельности, а прямо позорятъ Бертанья, какъ частнаго человѣка, и онъ, avocat géneral, проситъ почтительно судъ приговорить Жерена къ штрафу и высидкѣ; иначе — судъ дастъ поводъ безнаказанно порочить людей безъ всякаго повода и рыться въ частной жизни людей, уважаемыхъ и высоко стоящихъ на общественной лѣстницѣ. Причина этого дѣла, по его мнѣнію, лежитъ во враждебности политическихъ партій, къ которымъ принадлежатъ Бертанья и Жеренъ.

Марино отвѣчаетъ съ пафосомъ, убѣжденно, краснорѣчиво. Онъ стоитъ за свободу печати, за полезность разоблаченій позорной дѣятельности высокопоставленныхъ лицъ, пользующихся своимъ вліяніемъ для корыстныхъ цѣлей. Онъ указываетъ еще на то, что палата депутатовъ заклеймила дѣятельность Бертанья, въ такомъ-то засѣданіи, именно какъ должностное лицо.

Avocat géneral.—Но палата заклеймила дѣятельность не одного г. Бертанья, а всѣхъ концессіонеровъ въ Алжирѣ.

Марино.—Что Бертанья *не одинъ* былъ виновенъ, еще не доказываетъ, *что онъ правъ.*

Президентъ.—Maître Марино! Вы уклоняетесь отъ существа дѣла.

Марино.—Уклоняюсь не я, а monsieur l'avocat géneral...

Президентъ.—Maître Марино! Вы забываетесь! Вы не имѣете права указывать суду.

Марино.—Monsieur le president, защита Жерена стѣснена вашимъ замѣчаніемъ въ своихъ правахъ.

Жеренъ оказался, однако, оправданнымъ, хотя судьи хмурились, а Марино вышелъ изъ залы разсерженный окриками президента.

Адвокатура стоитъ во Франціи независимо отъ суда. Президентъ можетъ лишить адвоката права говорить, можетъ удалить его изъ засѣданія; но дѣло тѣмъ и кончается. Запрещеніе это только на одинъ разъ и никакихъ дисциплинарныхъ взысканій судъ на адвокатовъ не налагаетъ. Вся власть надъ ними въ рукахъ президента совѣта адвокатовъ.

Послѣднее дѣло походило своимъ содержаніемъ на разсказъ Гюи де Мопассана: наслѣдники, узнавъ, что ихъ тетка разбита параличемъ и безнадежно, не захотѣли дождаться ея смерти и растащили все ея имущество и деньги—200 франковъ. Противъ ожиданія, старуха выздоровѣла и потянула наслѣдниковъ въ судъ. Ей возвращено по суду все, кромѣ денегъ, которыя оказались растраченными. Жадные племянники обречены на трехмѣсячное пребываніе въ тюрьмѣ.

Жалко было смотрѣть и на старуху, плакавшую объ утраченномъ сбереженіи, но и ея двухъ племянниковъ, заморышей—чернорабочихъ, съ ихъ невзрачными женами, тоже было жаль: много ли имъ дано, чтобы много спрашивать съ нихъ?

Парижскій „Palais de Justice“ поражаетъ своимъ великолѣпіемъ, величіемъ, роскошью, грандіозностью, оригинальностью въ архитектурномъ отношеніи; трудно оріентироваться въ массѣ корридоровъ, залъ, съ тысячами снующаго народа; трудно отыскать подходящее, интересное засѣданіе въ безчисленныхъ и разнообразныхъ отдѣленіяхъ. Однѣхъ „Chambres civiles“, кажется, до 10, а тамъ еще „Cour d'assises“, „correctionel“, „Cour d'appel“, Cour de cassation“, канцеляріи, буфеты, Sainte Chapelle и, наконецъ, прелестная готическая галлерея Людовика Святого съ расписными стеклами, пропускающими какое-то фантастическое освѣщеніе въ узкую, сводчатую залу.

Хотѣлось послушать знаменитыхъ судебныхъ ораторовъ, но это оказалось недоступнымъ „безъ протекціи“, въ Парижѣ, гдѣ легче достать билетъ на засѣданія Сената, или Палаты депутатовъ, чѣмъ попасть въ залу суда, когда говорятъ Лабори, Анри Роберъ и др. свѣтила адвокатуры.

Тщетно обращалась я въ судѣ къ лицамъ, носящимъ тогу, съ просьбой указать, у кого и когда можно получить билетъ для входа въ залъ на то или другое интересное дѣло; всѣ вѣжливо улыбались, приподнявъ на мигъ свои шапочки, выслушивали, пожимали плечами, выражали сожалѣніе въ томъ, что не могутъ оказать любезности и т. д., и спѣшили къ своимъ дѣламъ.

Нѣсколько разъ пришлось слышать въ VI chambre civile бракоразводныя дѣла, несомнѣнно интересныя съ бытовой стороны, но всѣ какъ бы построенныя по шаблону французскихъ романовъ, съ „адюльтеромъ“: „flagrant délit“, дама изъ demie-mond'a, полицейскій коммиссаръ, — вотъ участники и моменты процесса.

Въ заключеніе очерковъ замѣчу, что французскіе суды явились для меня однимъ изъ большихъ разочарованій, испытанныхъ за границей.

Казалось бы, что Франція—страна, гдѣ вѣчно происходитъ „горѣніе мысли“, страна, изливающая неизсякаемый идейный свѣтъ, согрѣвающій весь міръ,—должна была выработать высшія формы правосудія, гдѣ нѣтъ мѣста пристрастію, жестокости, цинизму и т. п. А между тѣмъ во французскихъ судахъ именно поражаютъ отсутствіе гуманнаго отношенія къ провинившемуся человѣку, издѣвательство надъ нимъ со стороны власть имѣющихъ и сухое, банальное морализированіе президента.

Вѣра Танаевская.

ДВА МОМЕНТА.

I.

Дождь идетъ! Но гдѣ-то свѣтитъ солнце—
Все кругомъ такъ тихо и тепло—
Такъ и ждешь, что выглянетъ оно
Изъ за тучъ въ лазурное оконце...

И заблещетъ на кудряхъ березы,
Засмѣется, весело горя,
И сотретъ улыбкою заря
Золотыя радостныя слезы...

II.

Дождь идетъ!.. Но солнца ужъ не жду я:
Такъ тяжелъ угрюмыхъ тучъ навѣсъ,
И замолкъ, желтѣя, старый лѣсъ
И безсильно плачетъ онъ, тоскуя.

Грустно шепчутъ сосны, засыпая:
„Не воскреснутъ майскіе цвѣты!..
„И въ вѣнцѣ сіяющей мечты
„Не вернется зорька золотая!“

Галина.

141-го пѣхотнаго Можайскаго полка. Офицерская библіотека

Типы капиталистической и аграрной эволюціи.

IV.

Мы прослѣдили, насколько было возможно, эволюцію марксистскихъ воззрѣній на основныя черты аграрной эволюціи до самаго интереснаго, поворотнаго пункта. Мы видѣли, что сначала господство принадлежало совершенно опредѣленному направленію, исходившему изъ точной аналогіи между земледѣліемъ и городской индустріей; и что хотя наряду съ этимъ и замѣчалось нѣсколько иное теченіе, повидимому, не исключавшее возможности своеобразной, некапиталистической эволюціи сельскаго хозяйства—но, въ общемъ, теченіе это было еще слишкомъ слабо, неопредѣленно и смутно. Да и господствующее направленіе, въ сущности, не было достаточно послѣдовательнымъ, не выводило изъ своихъ предпосылокъ всѣхъ необходимыхъ заключеній, и даже нерѣдко эклектически соединяло нѣкоторыя практическія заключенія представителей второго направленія со своими собственными теоретическими принципами. И только со времени реферата Фольмара на Франкфуртскомъ партейтагѣ логическія противорѣчія, мирно уживавшіяся раньше въ одномъ и томъ же міросозерцаніи, въ одной и той же головѣ средняго нѣмецкаго „марксиста“, вдругъ рѣзко вскрылись и проявились въ видѣ теоретическаго раскола, одно время какъ будто угрожавшаго даже реальному единству исповѣдующей принципы марксизма партіи...

Отчего же это случилось? Да, конечно, оттого, что реальная дѣйствительность сдѣлала къ этому времени неминуемымъ кризисъ „догмы“, обнаруживъ ея противорѣчіе съ новыми явленіями и формами эволюціи. Сельско-хозяйственный кризисъ—длительный, наростающій, бьющій прежде всего и сильнѣе всего по такимъ хозяйствамъ, которыя раньше казались наиболѣе передовыми и жизнеспособными, впервые развилъ всѣ свои особенности, уничтоживъ всякую возможность просто подвести его подъ формулу обычныхъ индустріальныхъ кризисовъ, съ ихъ циклическимъ движеніемъ. Марксъ жадно присматривался къ симптомамъ

развитія этого кризиса, улавливая проявляющіяся въ немъ тенденціи, и отдавалъ себѣ полный отчетъ въ томъ, что передъ нимъ назрѣваетъ нѣчто особое, новое, требующее отдѣльнаго изученія и не разрѣшающееся простымъ приложеніемъ шаблоновъ, годныхъ для прочихъ отраслей хозяйственной жизни. Въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ онъ, сообщая, что занимается изученіемъ англійскаго торговопромышленнаго кризиса 1879 г., въ которомъ „явленія представляются на этотъ разъ совершенно своеобразными", далѣе прибавляетъ: „но, какъ бы этотъ кризисъ не развился,— онъ, подобно своимъ предшественникамъ, пройдетъ, породивъ новый „промышленный циклъ" со всѣми его разнообразными фазами—процвѣтанія и пр. Но подъ покровомъ, повидимому, прочнаго англійскаго общества, таится *иной кризисъ—земледѣльческій*, который произведетъ крупныя и важныя перемѣны въ его общественномъ строѣ". И въ слѣдующемъ, 1880 году—за $2^1/_2$ года до смерти—въ другомъ частномъ письмѣ, возвращаясь къ тому же вопросу, онъ писалъ: „Что же касается до земледѣльческаго кризиса, то онъ собирается съ силами, зрѣетъ, мало-по-малу становится во главѣ движенія и повлечетъ за собою полнѣйшій переворотъ въ землевладѣніи — *совершенно независимо отъ циклов торгово-промышленныхъ кризисовъ*".

Неудивительно, что въ своихъ болѣе старыхъ произведеніяхъ—напримѣръ, въ своемъ знаменитомъ „Манифестѣ" 1848 г.— Марксъ не могъ предвидѣть того направленія, которое будетъ принято сельско-хозяйственной эволюціей впослѣдствіи, и которое начало едва-едва вырисовываться лишь болѣе тридцати лѣтъ спустя. Въ 1848 году Марксъ, судя по аналогіи съ индустріей, говорилъ, что крестьяне—какъ и мелкіе ремесленники—поскольку они борятся противъ капитализма за свое хозяйственное существованіе, представляютъ элементъ безусловно-реакціонный. Да и какъ онъ могъ иначе думать? Какъ всѣ люди рѣшительнаго темперамента, онъ преувеличивалъ быстроту темпа хозяйственной эволюціи. Какую будущность могъ онъ признавать за крестьянскимъ хозяйствомъ? Его пѣсня представлялась Марксу окончательно спѣтой. Оно бѣднѣло, за его счетъ росли и накоплялись капиталы—слѣдовательно, оставалось только сказать капитализму „что дѣлаешь, дѣлай, по крайней мѣрѣ, скорѣе". Но вѣдь всегда немудрено *увидѣть* въ дѣйствительности то, что сильно *хочется* увидѣть. И Марксъ отвѣчалъ на упреки, лицемѣрно обращаемые къ новому направленію, и на обвиненія въ желаніи уничтожить крестьянскую собственность, что все это — пустяки, что и уничтожать-то нечего, ибо мелкій, самостоятельный крестьянинъ „уже не существуетъ, или почти не существуетъ, ибо уничтожается *ежедневно*". Это было сказано въ 1847—48 году. Прошло еще полъ-столѣтія „ежедневнаго уничтоженія" крестьянства, „уже почти не существовавшаго" въ то далекое время. И, однако... и,

однако, въ 1895 году Фр. Энгельсъ долженъ былъ начать свою статью „Die Bauernfrage im Frankreich und Deutschland“ слѣдующими словами: „Отъ Ирландіи до Сициліи, отъ Андалузіи до Россіи и Болгаріи крестьянинъ является очень существеннымъ факторомъ населенія, производства и общественно-исторической силы“...

И тѣмъ не менѣе, въ общемъ, старое воззрѣніе удержалось. То, что въ 1848 году было понятно и естественно, какъ увлеченіе сильнаго ума и темперамента, то, спустя полстолѣтія, конечно, нельзя назвать иначе, какъ догматизмомъ и суевѣріемъ косности. Пусть Энгельсъ вноситъ фактическія поправки, вынуждаемыя временемъ, его ученики не вразумятся примѣромъ учителя. И на Бреславльскомъ партейтагѣ вновь раздается классическая фраза, что марксистскіе защитники крестьянства хотятъ спасать „крестьянина, который уже не существуетъ“ *). По поводу такихъ догматическихъ, ни на чемъ не основанныхъ утвержденій, извѣстный бельгійскій ученый и дѣятель, Вандервельдъ, вспомнилъ забавный анекдотъ о томъ, какъ одинъ педантъ-докторъ приговорилъ къ смерти своего больного, и, будучи человѣкомъ аккуратнымъ, спустя нѣсколько времени, зашелъ въ свободную минуту на его квартиру, съ единственной цѣлью — справиться, насколько точно оправдалось его предсказаніе относительно срока неизбѣжной кончины паціента. Встрѣченный неожиданно на порогѣ квартиры самимъ приговореннымъ къ смерти, ученый мужъ, въ отвѣтъ на его привѣтствія, могъ только замахать на него руками и въ негодованіи вскричать: „уходите, уходите долой съ моихъ глазъ! Для науки вы умерли!“ Точно такъ же для извѣстной части марксистской „науки“ умеръ и крестьянинъ...

Но, какъ мы видѣли, Марксъ ни мало не походилъ на педанта-доктора въ анекдотѣ Вандервельда. Въ его могучемъ умѣ уже складывалась цѣлая теорія, охватывавшая все своеобразіе аграрной эволюціи; теорія эта осталась незаконченной, невыработанной; но не его вина, что позднѣйшіе „ученики“, вмѣсто того, чтобы продолжить дѣло учителя, продолжали лишь пережевывать нѣсколько старыхъ фразъ о крестьянствѣ, взятыхъ изъ его раннихъ произведеній.

Что особенно печально, такъ это полное отсутствіе въ „Капиталѣ“ указанія хотя бы на самыя элементарныя основы раціональной аграрной политики. Пробѣлъ этотъ лишь отчасти пополняется откликомъ Фр. Энгельса на вопросы, возбужденные рефератомъ Фольмара на Франкфуртскомъ партейтагѣ; мы говоримъ

---

*) «Или исчезаетъ»—поправился впрочемъ ораторъ послѣ протестовъ, вызванныхъ этой частью его рѣчи. См. «Protokolle über Verhandlungen des Parteitages zu Breslau», s. 155. «Der Bauer, den sie retten wollen, der existirt nicht mehr (Widerspruch) oder nur im verschwindendem Masse».

о статьѣ „Die Bauernfrage in Frankreich und Deutschland“, написанной Энгельсомъ незадолго до его кончины, и представляющей, такимъ образомъ, какъ бы завѣщаніе его нѣмецкимъ марксистамъ въ области аграрнаго вопроса. Мы усиленно рекомендуемъ эту статью вниманію всѣхъ, интересующихся аграрнымъ вопросомъ, а въ особенности, — всѣхъ, склонныхъ къ догматическому его рѣшенію.

Статья Энгельса не содержитъ никакого новаго анализа своеобразныхъ чертъ аграрной эволюціи. Она просто исходитъ изъ факта сохраненія за крестьянствомъ значительной численности и силы вплоть до настоящаго времени. Этотъ фактъ, противорѣчащій прежнимъ разсчетамъ, заставляетъ поставить и новый вопросъ: какъ вести себя по отношенію къ крестьянству? Что съ нимъ дѣлать? Желать ли его превращенія въ пролетарія? Содѣйствовать ли этому процессу? Или, наоборотъ, поддерживать ли крестьянина, какъ собственника? Или же просто держаться нейтралитета въ борьбѣ крестьянства за существованіе противъ враждебныхъ ему хозяйственныхъ и общественныхъ силъ? Или, наконецъ, найти какой-нибудь совершенно иной, особый выходъ? *)

Энгельсъ поочередно отвѣчаетъ на всѣ эти вопросы. И прежде всего онъ устанавливаетъ одно положеніе: „если мы и предвидимъ неизбѣжное паденіе (Untergang) крестьянъ, то, однако, мы нисколько не призваны ускорять этотъ процессъ вмѣшательствомъ съ нашей стороны“. Совершенно напротивъ „чѣмъ больше количество тѣхъ крестьянъ, *которыхъ мы избавимъ отъ дѣйствительнаго паденія на ступень пролетаріата* (denen wir den wirklichen Absturz ins Proletariat ersparen), которыхъ мы выиграемъ для своихъ цѣлей *уже какъ крестьянъ*,—тѣмъ скорѣе и легче свершится общественно-историческая метаморфоза. Намъ нѣтъ никакой надобности ждать съ нею до тѣхъ поръ, пока капиталистическое производство разовьется повсюду до своихъ послѣднихъ, крайнихъ результатовъ,—до тѣхъ поръ, пока послѣдній мелкій ремесленникъ и послѣдній мелкій крестьянинъ падутъ жертвами капиталистическаго производства“.

Итакъ, съ точки зрѣнія Энгельса, пролетаризація крестьянства—вовсе не необходимое условіе, наступленіе котораго волей-неволей приходится привѣтствовать, или, тѣмъ болѣе, ускорять; онъ не сторонникъ и политики выжиданія. Онъ не прочь даже посодѣйствовать, въ предѣлахъ возможнаго, „избавленію крестьянъ отъ дѣйствительнаго паденія на ступень пролетаріата“. Но какими средствами? Искусственнымъ поддержаніемъ и укрѣпленіемъ крестьянской раздробленной собственности? Ни въ какомъ слу-

*) Мы пользуемся нѣмецкимъ оригиналомъ въ журналѣ «Neue Zeit» за 1895 годъ; но, насколько помнится, въ «Новомъ Словѣ» редакціи С. Н. Кривенко статья эта появилась въ русскомъ переводѣ.

чаѣ. Это было бы прямымъ нарушеніемъ основныхъ принциповъ, во-первыхъ, и невозможностью,—во-вторыхъ. Необходимо, напротивъ, вездѣ и всюду разъяснять и доказывать, что пѣсенка мелкаго производства и мелкой собственности спѣта, что крупное производство и крупная собственность обладаютъ надъ ними такимъ же преимуществомъ, какъ желѣзная дорога передъ жалкой ручной тачкой. Но тогда какъ же быть? „Предложить крестьянамъ возможность самимъ вводить крупное производство, но не за счетъ капитала, а за ихъ собственный, общественный счетъ“ *). „Наша задача по отношенію къ мелкому крестьянину прежде всего состоитъ въ томъ, чтобы перевести его частное мелкое производство и владѣніе въ общественное, но не силою, а путемъ примѣра и предложенія для этой цѣли общественной помощи“.

Но вѣдь все это—дѣло будущаго, ибо сейчасъ отсутствуютъ должныя силы для того, чтобы реализовать это принципіальное согласіе облегчить крестьянамъ переходъ къ крупному производству, „путемъ примѣра и предложенія для этой цѣли общественной помощи“. Поэтому далѣе Энгельсъ прибавляетъ: „Мы можемъ далѣе выступать за то, чтобы уже и нынѣ борьба капитала и крупнаго землевладѣнія противъ мелкихъ крестьянъ возможно менѣе велась незаконными средствами, и возможно больше препятствовать прямой экспропріаціи при помощи внѣ-экономическаго насилія... Правда, въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ трудно разграничить, гдѣ кончается одно и начинается другое... Но всегда будетъ значительная разница, стоитъ ли общественная сила на сторонѣ экспропріатора или на сторонѣ экспропріируемаго. *И мы рѣшительно стоимъ на сторонѣ мелкаго крестьянина*, мы будемъ дѣлать все возможное, чтобы сдѣлать его участь болѣе сносной, чтобы облегчить ему переходъ къ товариществу, если онъ на это рѣшится, и даже—если онъ еще не можетъ принять такого рѣшенія—дать ему на его парцеллѣ срокъ пораздумать объ этомъ...“ **).

Энгельсъ ссылается далѣе на примѣръ Даніи въ доказательство того, что его слова не одно кабинетное измышленіе, не просто абстрактная спекуляція. Датскіе товарищи, говоритъ онъ, „въ странѣ которыхъ есть, собственно говоря, только одинъ настоящій городъ—Копенгагенъ, и которымъ поэтому внѣ его приходится имѣть дѣло почти только съ одними крестьянами,—уже почти двадцать лѣтъ тому назадъ намѣтили подобный планъ. Крестьяне одного села или прихода (въ Даніи много большихъ от-

*) «Und da kommen wir und bieten den Bauern die Möglichkeit, den Grossbetrieb selbst einzuführen, nich für kapitalistische, sondern für ihre eigne gemeinsame Rechnung».

**) «Und wir stehen ja entschieden auf Seite des Kleinbauern; wir werden alles nur irgend zulässige thun, um sein Loos erträglicher zu machen, um ihm den Uebergang zur Genossenschaft zu erleichtern ..» etc.

дѣльныхъ хозяйствъ-дворовъ) должны соединять свою землю въ одно большое имѣніе, обрабатывать его за общественный счетъ и дѣлить продуктъ сообразно вложенному труду, денежнымъ взносамъ, а также качеству и количеству участка земли каждаго отдѣльнаго члена *). Но въ Даніи мелкое владѣніе играетъ лишь второстепенную роль. Но если эту идею мы примѣнимъ въ области парцеллярной собственности, то мы, между прочимъ, найдемъ, что при соединеніи отдѣльныхъ парцеллъ и обработкѣ ихъ общей площади въ видѣ одного крупнаго хозяйства, получится сбереженіе, излишекъ въ занятыхъ до того времени рабочихъ рукахъ; ибо въ такой экономіи труда заключается одна изъ главныхъ выгодъ крупнаго производства. Для этихъ рабочихъ рукъ приложеніе можетъ быть найдено двумя путями. Или крестьянскому товариществу предоставляются въ пользованіе новые пространства земли изъ сосѣднихъ крупныхъ имѣній; или же у нихъ является возможность и средства для побочной индустріальной работы, по возможности, главнымъ образомъ, для собственнаго потребленія. Въ обоихъ случаяхъ они ставятся въ лучшее экономическое положеніе, и одновременно съ этимъ обществу обезпечивается необходимое вліяніе на ходъ дѣла для того, чтобы постепенно перевести крестьянское товарищество въ высшую форму (um die Bauerngenossenschaft allmälig in eine höhere Form überzuführen) и выровнять права и обязанности какъ товарищества въ его цѣломъ, такъ и его отдѣльныхъ сочленовъ, съ правами и обязанностями прочихъ частей великаго общественнаго цѣлаго".

Словомъ, переходной формой къ высшей народно-хозяйственной организаціи является кооперація, имѣющая въ основѣ общинную собственность, а не (или, по крайней мѣрѣ, не только) капитализмъ, имѣющій въ основѣ крупное землевладѣніе. Таково самое послѣднее, предсмертное слово Энгельса въ вопросахъ аграрной политики. Мы видимъ, что оно находится въ полномъ согласіи съ тѣмъ, что говорилъ Энгельсъ и раньше, настаивая на необходимости для нѣмецкаго крестьянства возстановить древнюю марку, видоизмѣнивъ ее сообразно новымъ потребностямъ; въ полномъ согласіи также и съ тѣмъ, что говорили Энгельсъ и Марксъ о возможности для нашей, русской общины послужить опорнымъ пунктомъ творческой работы будущаго...

Такимъ образомъ, уже въ трудахъ первоучителей марксизма можно найти почти совершенно готовыми всѣ элементы для новой

---

*) Не трудно видѣть на этомъ примѣрѣ, сколько затрудненій было бы устранено, если бы въ Даніи сохранилось общинное владѣніе землею. Сколько споровъ, конечно, должна возбуждать оцѣнка этихъ участковъ (тѣмъ болѣе, что плодородіе почвы, какъ мы видѣли, есть величина, перемѣнная и относительная), не говоря уже о томъ, что этимъ въ товарищество, даже при самомъ благопріятномъ исходѣ, вносится новый элементъ не равенства, стоящій въ рѣзкомъ противорѣчіи съ трудовымъ началомъ. *В. Ч.*

теоріи аграрной эволюціи. Но въ тѣхъ же самыхъ трудахъ сохранилось не мало слѣдовъ ихъ старыхъ, постепенно измѣнявшихся воззрѣній *). Уже одного этого было достаточно для того, чтобы позднѣе вызвать расколъ въ рядахъ „учениковъ".

Фольмаръ сдѣлалъ первый рѣшительный шагъ къ тому, чтобы провести рѣзкую демаркаціонную черту между старой „догмой", исходившей изъ аналогіи между земледѣліемъ и индустріей, и между новымъ принципомъ — признаніемъ возможности „иного пути" развитія для земледѣлія и крестьянства. Успѣхъ, который встрѣтила его рѣчь, громадное большинство, высказавшееся за его предложеніе выработать особую аграрную программу (изъ 200 слишкомъ депутатовъ только 30 были противъ) и отклонившее всѣ враждебныя поправки,—казалось, свидѣтельствовало о началѣ „новой эры" марксизма въ аграрномъ вопросѣ. Немногіе голоса противниковъ,—Штадтгагена, Тимма и др., — утверждавшихъ, что крестьянство—естественный противникъ рабочаго класса, и что, слѣдовательно, уничтоженіе крестьянства капитализмомъ есть прогрессъ, который можно только привѣтствовать **) — казались не болѣе, какъ безсильными и запоздалыми отголосками пережитой старины. Но увы, это только казалось...

Спеціальная аграрная коммиссія, составленная изъ самыхъ крупныхъ силъ партіи (Либкнехтъ, Бебель, Молькенбуръ, Фольмаръ, Давидъ, Шиппель и др.) выработала къ слѣдующему партейтагу особую „аграрную программу". Если бы мы вздумали разбирать ее по существу во всѣхъ ея частяхъ, то это завело бы насъ слишкомъ далеко. Да этого и не нужно въ цѣляхъ нашей статьи. Скажемъ только, что въ ней были свои слабыя стороны, что въ цѣломъ она страдала отсутствіемъ стройности и внутренняго логическаго единства, а въ числѣ мѣръ, требовавшихся для защиты интересовъ крестьянства, были довольно сомнительныя, какъ, напримѣръ, требованіе государственной монополіи ипотечнаго кредита. Это было естественно, если принять во вниманіе, что вообще аграрный вопросъ засталъ практиковъ марксизма, по ихъ собственному сознанію, „врасплохъ". Но это насъ сейчасъ не интересуетъ. Намъ важно лишь отмѣтить одну тенденцію, проходившую черезъ весь проектъ аграрной программы — тенденцію поддержи-

*) Такъ, напр., тотъ же самый Энгельсъ часто съ чрезмѣрной рѣшительностью ратуетъ за универсальность, общеприложимость слѣдующаго тезиса: «die Entwickeung des Kapitalismus *vernichtet unrettbar* das kleinbauerliches Grundeigenthum». Подобное положеніе нельзя принять безъ существенныхъ оговорокъ. Впрочемъ, объ этомъ еще будетъ сказано ниже.

**) «Die Bauern müssen uns als Klasse feindlich gegenüberstehen». Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages zu Frankfurt a M., Berlin 1894, s. 155. Другой ораторъ повторилъ то же на партейтагѣ слѣдующаго года: «Die eigentlichen Bauern werden nach wie vor unsere Feinde bleiben». (Изъ рѣчи Grünwald'a, см. Protokoll über die Verhandlungen dses Parteitaes zu Breslau, Berl. 1895, s. 131).

вать и развивать, во первыхъ, крестьянскую общинную собственность, и во вторыхъ—сельско-хозяйственную кооперацію.

„Сохраненіе и увеличеніе общественной поземельной собственности (государственной и общинной собственности всякаго рода, альменды и т. д.); въ особенности превращеніе въ общественную собственность имѣній „мертвой руки“ (т. е. имѣній, не переходящихъ изъ рукъ въ руки—собственности корпорацій, благотворительныхъ заведеній, церквей, монастырей и т. п.), подъ контролемъ народнаго представительства“, „введеніе преимущественнаго права покупки для общинъ въ случаѣ принудительной и аукціонной продажи имѣній“, „веденіе хозяйства на земляхъ государства и общинъ за ихъ собственный счетъ, или отдача ихъ въ арендное пользованіе товариществамъ сельскихъ рабочихъ и мелкихъ крестьянъ, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это будетъ нераціональнымъ, отдача ихъ въ аренду самостоятельнымъ производителямъ, подъ контролемъ государства или общины“; „государственный кредитъ товариществамъ, охватывающимъ всѣхъ участниковъ производства, или цѣлымъ отдѣльнымъ общинамъ для меліорацій, оросительныхъ работъ“, и т. д., и т. д.—таковы, въ общихъ чертахъ, были относящіеся сюда пункты проекта аграрной программы. Посмотримъ теперь, какъ понимали и обосновывали свои требованія члены аграрной коммиссіи.

„Должны ли мы—говорилъ самый блестящій ораторъ и дѣятель нѣмецкаго марксизма—выступать въ томъ смыслѣ, что пускай себѣ сотни тысячъ крестьянъ Тюрингіи, Спессарта гибнутъ ни за что, ни про что въ угоду капитализму,—или же мы должны пытаться поддержать общинную собственность, ради защиты экономически слабыхъ въ настоящемъ и ради еще лучшей утилизаціи въ будущемъ“? „Альменды несомнѣнно полезны; до сихъ поръ ихъ умышленно дискредитировали. Обычно, въ общинахъ воротилы всячески раззоряли и истощали альмендныя земли, а затѣмъ и переводили ихъ на себя за грошевое вознагражденіе... Деньги эти быстро уплывали изъ рукъ крестьянъ, а между тѣмъ базисъ ихъ экономическаго существованія уничтожался“. Въ иныхъ мѣстахъ „десятки лѣтъ слушали въ общинахъ эти пѣсни сиренъ о необходимости уничтоженія альмендныхъ правъ и продажи альмендной земли. А въ ихъ результатѣ — сильное увеличеніе бѣдности, отъ которой теперь страдаютъ отчасти даже крупные крестьяне... Нищета массы общинниковъ годъ отъ году росла, они массами устремлялись въ города, гдѣ только вліяли на пониженіе заработной платы, да пополняли ряды Lumpenproletariat'a. Благодаря уничтоженію альмендъ они превращались въ нищихъ, въ людей, не имѣющихъ средствъ существованія. Въ нашемъ интересѣ, чтобы эти люди оставались въ деревнѣ... они составятъ тамъ для насъ готовые кадры; безъ нихъ у насъ не будетъ въ деревнѣ почвы подъ ногами“. „Общинная собственность—уже не личная собственность;

и если доставляемыя ею выгоды часто невелики, то причина этого лежитъ не въ ней самой, какъ формѣ землевладѣнія, но въ дурномъ распоряженіи ею". „Мы должны радоваться каждому гектару земли, который мы превращаемъ въ общинную собственность, потому что онъ позднѣе, дастъ намъ извѣстную экономію силъ. Поддержка общинной собственности и расширеніе ея всѣми подходящими средствами лежитъ, такимъ образомъ, въ нашемъ интересѣ" *).

Но рѣчь шла не только о выгодахъ меньшаго сопротивленія прогрессивному вліянію, идущему извнѣ (хотя и этого было бы достаточно для того, чтобы относиться къ сельской общинной собственности не отрицательно, а, напротивъ, положительно). Рѣчь шла также и о внутренней тенденціи къ преобразованію въ высшія формы,—тенденціи, по мнѣнію многихъ, сохранившейся и даже получившей новую жизненность въ сельской общинѣ. „Община до извѣстной степени представляетъ собою естественную, природную ассоціацію; въ деревнѣ съ давнихъ поръ существовала та самая кооперативная организація труда, про которую долго думали, что она по существу ограничивается предѣлами города; сельская община еще и теперь образуетъ собою естественную рамку для товарищескаго производства"—подчеркнулъ снова авторъ „Grund und Bodenfrage", **) на этотъ разъ воздержавшись, однако, отъ прежнихъ смѣлыхъ аналогій между индустріальной и аграрной эволюціей. Логическимъ выводомъ изъ критики индивидуальнаго, разрозненнаго крестьянскаго хозяйства, по мнѣнію Молькенбура, должно быть не осужденіе на гибель альменды и т. п. формъ, но „требованіе, чтобы на общинныхъ земляхъ велось хозяйство или за счетъ всей общины, или за счетъ товарищества." Онъ еще разъ поддержалъ свою старую тезу, что въ деревнѣ въ настоящее время естественно выростаетъ „изрядная доза практическаго коллективизма". Такъ, напримѣръ, „меліораціи способствуютъ зарожденію товариществъ и производства работъ въ крупныхъ, общественныхъ размѣрахъ". „Единичныя крупныя хозяйства въ земледѣліи образуются не такъ легко, какъ въ промышленности, потому что крупный предприниматель долженъ предварительно соединить въ своихъ рукахъ земли, за которыя крѣпко держатся ихъ собственники. Съ другой стороны, крестьянинъ, чтобы воспользоваться выгодными сторонами крупнаго производства, охотно согласится вступить въ товарищество—доказательствомъ чего являются многочисленныя существующія нынѣ товарищескія фермы (Genossenschaftsmeiereien). Фразы объ анти-коллективистскомъ крестьянскомъ черепѣ—все

*) Protokoll über Verhandlungen des Parteitages zu Bresslau, Berlin 1895, s. 122, изъ рѣчи Bebel'я.

**) Ibidem, s. 146—147.

это устарѣлыя общія мѣста, и несостоятельность ихъ легко доказать тысячами примѣровъ, взятыхъ изъ практической жизни". *) Исходя изъ этихъ основаній, члены аграрной коммиссіи и имѣли въ виду—говоря словами другого оратора, Давида—„увеличеніе общинной собственности и превращеніе современной, исключительно административно-политической общины въ *хозяйственную* (Wirtchaftsgemeinde)". „Мы требуемъ — говорилъ онъ — чтобы община пріобрѣтала поземельную собственность. Нынче у нея есть или она покупаетъ клочекъ лѣса, завтра — лугъ, послѣ завтра, быть можетъ, цѣлое прилегающее имѣніе крупнаго хозяина или нѣсколько мелкихъ парцеллъ. Лѣсъ, лугъ, или даже землю для плодовыхъ растеній общинѣ можно и должно уже и теперь взять въ свое собственное завѣдываніе. Для большого имѣнія не является невозможностью товарищеская организація. Для мелкихъ раздробленныхъ, разрозненно лежащихъ парцеллъ это было бы нелѣпостью; въ такихъ случаяхъ можно ихъ предоставить отдѣльнымъ независимымъ производителямъ, живущимъ собственнымъ трудомъ; но ни при какихъ условіяхъ нельзя допускать, чтобы общинныя земли доставались хозяевамъ капиталистическаго типа". **) Кромѣ непосредственной, практической помощи крестьянству этимъ путемъ могутъ быть достигнуты и цѣли, такъ сказать, нагляднаго обученія, цѣли общественно-педагогическія. „Увеличеніемъ и раціональнымъ хозяйствомъ на общинной земельной собственности можно показать, что уже теперь можетъ дать проведеніе въ жизнь принципа коллективизма. Такимъ путемъ крестьянина можно убѣдить, что онъ на своемъ отдѣльномъ клочкѣ земли будетъ только понапрасну мучиться, въ то самое время, какъ рядомъ, на общинныхъ поляхъ, орошаемыхъ тѣмъ же дождемъ и освѣщаемыхъ тѣмъ же солнцемъ, получаются лучшіе урожаи — благодаря высшей формѣ производства..." ***)

Этими цитатами одна изъ основныхъ тенденцій „аграрной коммиссіи" выясняется съ опредѣленностью, которая дѣлаетъ всякія комментаріи излишними. Рядъ практическихъ мѣропріятій, рядъ положительныхъ требованій, имѣющихъ цѣлью обезпечить для трудового крестьянства „иной путь" пріобщенія къ высшимъ производственнымъ формамъ, чѣмъ путь, которымъ идетъ промышленный пролетаріатъ, освѣщается новыми теоретическимими воззрѣніями, далекими отъ былого преклоненія передъ универсальною творческою ролью капитализма; все это вмѣстѣ составляетъ рѣшительный ударъ старой „догмѣ". Но мы уже говорили, что ре-

---

*) Рѣчь Molkenbuhr'a, ibid., s. 129—130.

**) Изъ рѣчи David'a, ibid. s. 133 и 135.

***) Изъ рѣчи Geck'a (автора интересныхъ статей въ Neue Zeit о преимуществахъ крупнаго сельск. хоз. надъ мелкимъ), ibid., s. 157.

фератъ Фольмара на Франкфуртскомъ партейтагѣ всѣмъ своимъ огромнымъ успѣхомъ былъ обязанъ, кромѣ таланта его автора, еще той внезапности, той неожиданности и новизнѣ, которую онъ представилъ для большинства слушателей. Онъ также засталъ ихъ „врасплохъ", неподготовленными, какъ и аграрный вопросъ вообще. И въ то самое время, какъ аграрная коммиссія выработывала детали своего проекта и занималась изслѣдованіемъ аграрныхъ отношеній по особой программѣ—въ широкихъ кругахъ, изъ которыхъ она вышла, уже зрѣла реакція противъ перваго увлеченія, послышались призывы назадъ, на старую, торную дорогу, послышались предостереженія противъ опасныхъ, еретическихъ новшествъ... Попранная „догма" возставала съ новою силою. Ей приходилось бороться за свое существованіе. Какъ это всегда бываетъ, первыя нападки на „догму" вызвали со стороны ея встревоженныхъ приверженцевъ только взрывъ протеста, толкнули ихъ скорѣе къ еще большимъ крайностямъ, чѣмъ къ уступкамъ. Громче, чѣмъ когда либо, раздались рѣчи объ исторической необходимости и раціональности уничтоженія крестьянства капитализмомъ, о безнадежной реакціонности крестьянства, о его враждебности рабочему дѣлу, и т. д., и т. д. На аграрную коммиссію, мирно работавшую въ своемъ уединеніи, посыпались градомъ всевозможныя нападки... Явились перебѣжчики, недобросовѣстные пріемы полемики, инсинуаціи, личности—обычное оружіе ослѣпленной и возмущенной ортодоксіи.

Остановимся вкратцѣ на сущности аргументаціи сторонниковъ „догмы".

Для правовѣрныхъ католиковъ существуетъ, какъ извѣстно, кромѣ рая и ада, составляющихъ достояніе всѣхъ христіанъ, еще особое, спеціальное учрежденіе—чистилище, проходя сквозь которое, душа очищается и пріуготовляется къ райскому блаженству. Для „правовѣрныхъ" марксистовъ тоже, въ качествѣ основного догмата, существуетъ матеріалистическая передѣлка идеи „чистилища". Роль неизбѣжной переходной ступени, приготовляющей къ воспринятію благъ будущей жизни въ рамкахъ высшей производственной формы, выпала на долю капитализма. Производство страны для того, чтобы сдѣлаться крупнымъ и планомѣрно-общественнымъ, должно предварительно сконцентрироваться подъ господствомъ капитала; непосредственные производители, трудящіеся, чтобы съ организоваться въ коллективную единицу „государства будущаго", должны предварительно нѣкоторое время пробыть въ положеніи чистыхъ пролетаріевъ, не имѣющихъ за душой ровно ничего, кромѣ рабочихъ рукъ. Въ чистилищѣ вѣрные католики совлекаютъ съ себя послѣдніе остатки, послѣднія наслоенія „житейской скверны", окончательно омываются отъ всего плотскаго, земного. Въ положеніи пролетарія прежній самостоятельный работникъ также отучается отъ „мелкобуржуазныхъ" привычекъ: отъ индивидуализма,

отъ „фанатизма собственности“, отъ дурной привычки быть хозяиномъ самому себѣ. Словомъ, какъ вѣрный католикъ только въ чистилищѣ можетъ и долженъ вполнѣ отрѣшиться отъ грѣшной земли, такъ и крестьянинъ, въ представленіи правовѣрнаго марксиста, также долженъ быть „отрѣшенъ отъ земли“ въ развивающемся капиталистическомъ строѣ. Такимъ аналогичнымъ образомъ оба они—и католикъ, и крестьянинъ—равно подготовляются быть „чистыми сосудами будущаго блаженства“; и другого пути къ послѣднему нѣтъ и быть не можетъ...

Вотъ къ чему сводится, въ концѣ концовъ, существо того, что мы называемъ „марксистской догмой“. Нѣтъ иного пути къ обобществленію производства, кромѣ капиталистическаго. Оно должно быть организовано въ крупныхъ размѣрахъ капиталомъ и затѣмъ, въ качествѣ готоваго наслѣдства, передано „грядущему по немъ“ общественному укладу. Нужно быть готовыми взять это историческое наслѣдство, когда оно накопится въ достаточныхъ размѣрахъ—вотъ и все, вотъ простая и краткая формула, разрѣшающая рѣшительно все,—что же сверхъ нея, то отъ лукаваго. Кооперативное движеніе, напримѣръ,—можно ли его разсматривать такъ же, какъ процессъ обобществленія, идущій снизу? Съ этой точки зрѣнія, очевидно, нѣтъ: всякая такая попытка обречена на буржуазное вырожденіе: артели только повышаютъ благосостояніе отдѣльныхъ небольшихъ группъ личностей, и этимъ ставятъ ихъ въ привеллигированное положеніе сравнительно съ остальной массой. Кооперація, говоря словами Каутскаго, есть, такимъ образомъ, не путь къ коллективизму, а просто путь къ капитализму. Точно также и общинное землевладѣніе или хотя бы, такъ называемый, муниципальный коллективизмъ. Непосредственныя практическія выгоды, предоставляемыя тѣмъ и другимъ, касаются сравнительно узкихъ группъ населенія, поднимая уровень ихъ хозяйственнаго благосостоянія; но здѣсь то и кроется нѣкоторая опасность. Выгоды эти не простираются разомъ на всю страну и, стало быть, не нивеллируютъ, а дифференцируютъ трудящуюся массу; вліяніе ихъ можетъ, слѣдовательно, идти въ разрѣзъ съ основной тенденціей капитализма: съ одной стороны, образовать все уменьшающуюся группу все болѣе крупныхъ капиталистовъ, а съ другой,—все растущія массы относительно все болѣе бѣднѣющаго трудящагося люда. Вліяніе коопераціи, сельскаго или городского общиннаго хозяйства можетъ иногда дѣйствовать не въ духѣ этой тенденціи, а противъ нее. Конечно, и въ рамкахъ нынѣшняго хозяйственнаго строя приходится думать объ улучшеніи участи массъ; но эти заботы только тогда не вырождаются въ реакціонное и утопическое „соціалъ-реформаторство“, когда онѣ направлены на охрану физической и нравственной личности трудящагося, а не на упроченіе его хозяйственнаго положенія. Послѣднее, въ концѣ концовъ, невозможно въ капитали-

стическомъ строѣ, а если оно и возможно временно, то можетъ имѣть только реакціонное дѣйствіе, какъ тормазъ дальнѣйшему развитію. Вотъ почему Каутскій лишь „допускаетъ“, считаетъ „не вреднымъ“ муниципальный коллективизмъ, ограничивающійся узкой областью муниципализаціи водо-игазопроводовъ, конокъ, улучшеніемъ школьнаго дѣла и гигіеническими мѣропріятіями. „При томъ условіи, что данная (городская или сельская) община тѣсно связана съ всемірнымъ рынкомъ, коммунальные интересы не могутъ перевѣсить всѣ другіе интересы“. Но если заходятъ дальше, какъ аграрная коммиссія, если хотятъ возвратиться къ первобытному аграрному коллективизму или къ Markgenossenchaft (вспомните Энгельса!), то этимъ уже переходятъ предѣлы допустимаго. „Правда, общинный коллективизмъ былъ нѣкогда защитой крестьянской независимости, но по скольку онъ существуетъ теперь, онъ только задержка дальнѣйшаго развитія“. Это точка зрѣнія вполнѣ понятна, если отрицать возможность какого либо другого „развитія“, кромѣ идущаго подъ эгидою капитализма. Община затрудняетъ пролетаризацію; она „владѣетъ всѣми интересами общинниковъ и не даетъ развиться никакимъ другимъ“; она или препятствуетъ развитію государственнаго начала, какъ въ Швейцаріи, что вредно; или благопріятствуетъ развитію его въ азіатскихъ формахъ, какъ на востокѣ, что опять таки вредно. „Поддерживать остатки общины—значитъ пробовать приспособлять для жилья развалины тамъ, гдѣ нужно строить новые дома“; „гальванизировать этого покойника и невозможно, и было бы реакціонно“.

Не правда ли, какъ все это похоже на наши домашніе споры? Читая протоколы Бреславльскаго партейтага, нерѣдко думаешь, что присутствуешь у себя дома при спорахъ, такъ называемыхъ, „народниковъ“ съ такъ называемыми, „марксистами“... *) Впрочемъ, врядъ ли здѣсь дѣйствовало простое случайное совпаденіе... Не знаю, послужитъ ли это къ нашей чести, но на рѣчахъ Каутскаго и товарищей несомнѣнно отразилось русское вліяніе. Каутскій рѣшительно ссылается на примѣръ Россіи, какъ на явное доказательство нежизнеспособности общины (нѣмцы вообще въ послѣднее время столько разъ слышали отъ извѣстной части русскихъ авторовъ о томъ, какъ „община разрушается“, что у нихъ естественно явилось представленіе, будто отъ русской общины скоро ничего не останется), и находитъ вполнѣ умѣстнымъ сослаться на то, что-де „наши русскіе товарищи возлагаютъ всѣ

*) Когда эти протоколы только что вышли въ свѣтъ, я заставлялъ нѣкоторыхъ своихъ добрыхъ знакомыхъ—марксистовъ угадывать, откуда я читаю имъ цѣлый рядъ выдержекъ о пользѣ общиннаго землевладѣнія, — и каждый разъ аккуратно отрывки приведенныхъ выше рѣчей David'a, Molkenbuhr'a, Liebknect'a, Bebel'я пріурочивались остроумными отгадчиками то къ Н. К. Михайловскому, то къ Николаю-ону, то даже къ г. В. В...

свои лучшія надежды (sic!) на уничтоженіе деревенской общины" *). Точно также и его соратникъ, пресловутый Шиппель, аргументировалъ ссылкою на тѣ же „авторитеты". „Въ нашихъ кругахъ,— говорилъ онъ,—иногда питаютъ особенную слабость ко всему, что называется общинною собственностью, ибо она кажется кускомъ будущаго хозяйственнаго строя.. Мнѣ *нѣтъ надобности опровергать* этотъ взглядъ; именно съ точки зрѣнія нашего идеала можно стоять за уничтоженіе остатковъ стараго аграрнаго коллективизма, какъ теперь *образованнѣйшіе* русскіе товарищи стоятъ за уничтоженіе связи „міра"; только послѣ того, какъ общинная земля пройдетъ черезъ капиталистическое хозяйство, они надѣются найти и такую организацію производства, и такихъ людей, къ которымъ могла бы привиться высшая хозяйственная форма" **).

Это характерно. Шиппель находитъ, что ему даже *нѣтъ надобности* опровергать благопріятные общинному землевладѣнію взгляды,—достаточно сослаться на авторитетъ „образованнѣйшихъ" людей въ Россіи... Кто же эти образованнѣйшіе изъ смертныхъ, исполнившіе за Шиппеля такую работу? Напомнимъ, что слова Шиппеля относятся ко второй половинѣ 1895 года, когда русскій марксизмъ новѣйшей формаціи насчитывалъ всего два „изслѣдованія"—это были двѣ первыя книги гг. Струве и Бельтова, изъ которыхъ только первая была по содержанію экономической; но и въ ней авторъ охотно признавалъ себя „доктринеромъ" въ томъ смыслѣ, что онъ предпочитаетъ дедукціи изъ прочно установленныхъ въ Европѣ истинъ сомнительнымъ индукціямъ изъ фактовъ русской дѣйствительности. Иначе говоря, г. Струве говорилъ: мнѣ пока нѣтъ надобности цифрами и фактами во что бы то ни стало доказать, что русская община должна разложиться; „образованнѣйшіе" нѣмецкіе и иные заграничные товарищи установили, что капитализмъ... и т. д., и т. д. Прилагая эти общія положенія къ русской дѣйствительности, мы тѣмъ самымъ признаемъ ошибочными всякаго рода „народническія" построенія... Эти взаимныя ссылки „образованнѣйшихъ" въ Германіи и Россіи другъ на друга представляютъ собою интереснѣйшій образчикъ примѣненія въ научной области своеобразной „круговой поруки" навыворотъ—избавляющей каждаго изъ участниковъ отъ платежа наличными деньгами.

---

*) Все предыдущее взято изъ статьи Каутскаго «Unsere neueste Programm». (См., въ особенности, главы IV—V).

**) Изъ рѣчи Schippel'я, Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages zu Breslau, s. 107: «wie gerade die *gebildetsten* russischen Gesinnungsgenossen heute für die Auflösung des Mirverbandes eintreten, erst nachdem das Gemeindeland durch die kapitalistische Bewirthschaftung hindurchgetrieben ist, hoffen sie, die Betriebsogranisationen und die Menschen zu finden, an welche ein moderner Kollectivismus anknüpfen kann».

Какъ бы то ни было, но въ Бреславлѣ „догма“ получила блестящій реваншъ за Франкфуртское пораженіе. Тѣ же самые люди, которые годъ тому назадъ громаднымъ большинствомъ приняли въ принципѣ требованіе защиты крестьянина, „какъ плательщика податей, какъ должника и какъ хозяина-земледѣльца“,—на этотъ разъ почти такимъ же громаднымъ большинствомъ голосовъ приняли принципіальное постановленіе, діаметрально-противоположное старому. Проектъ программы, предложенный аграрной коммиссіею былъ отклоненъ въ виду того, между прочимъ, что онъ „обѣщаетъ крестьянству улучшеніе его положенія, *а слѣдовательно* укрѣпленіе его частной собственности“ *). Второй посылкой этого силлогизма, очевидно, является сужденіе: „всякое улучшеніе положенія крестьянства есть укрѣпленіе его частной собственности“, а слѣдовательно, стремиться къ первому—значитъ неминуемо стремиться и ко второму **). Это былъ формальный смертный приговоръ надъ всякой попыткой защиты крестьянства и a priori понятно, какой превосходный агитаціонный матеріалъ дала эта резолюція въ руки буржуазнымъ противникамъ марксизма. Обращаясь къ практикѣ, мы увидимъ, что какъ разъ за послѣдніе годы начавшіеся было выборные успѣхи партіи среди крестьянства почти совершенно пріостановились. Въ то время, какъ раньше самъ Каутскій признавалъ, что крестьянство — болѣе удобный объектъ для воздѣйствія, чѣмъ сельскіе батраки ***),—выборы 1898 года дали нѣкоторый прибавокъ голосовъ лишь въ деревенскихъ округахъ Восточной Пруссіи (область крупнаго землевладѣнія), а въ мелко-крестьянскихъ земляхъ сравнительно съ выборами 1893 г. получился или самый незначительный приростъ голосовъ, или пріостановка прироста, или даже нѣкоторый регрессъ ****).

Это непостоянство, этотъ „Ziq-zaq-kurs“ нѣмецкихъ „Genossen“ въ аграрномъ вопросѣ далъ поводъ ихъ признанному тактическому

---

*) Denn dieses Programm stellt der Bauernschaft die Hebung ihrer Lage, also die Stärkung ihres Privateigenthums in Aussicht. Protokoll etc., s. 104. Партейтагъ еще вычеркнулъ изъ этой резолюціи, предложенной Каутскимъ и товарищами, слова «und trägt dadurch bei zur Neubelebung ihres Eigenthums-Fanatismus».

**) На это указывалъ въ остроумной статьѣ («Die Breslauer Agrar Resolution») Эд. Давидъ. См. въ той книжкѣ Neue Zeit сердитый отвѣтъ К. Каутскаго: «Die Breslauer Resolution und ihre Kritik».

***) Aber auch wo es gelingt, die Langbevölkerung fur uns zu gewinnen, darf man nicht eine Bewegung *gleichen Charakters wie in der Stadt* erwarten. Die arbeitenden Schichten auf dem Lande sind viel zu abhängig und viel zu leicht kontrollirbar, als dass etwa die Arbeitervereine auf dem Lande sich ebenso entwickeln könnten, wie in der Stadt.,. Die Bauern freilich kann man leichter organisiren... Und das bildet ja grosse Versuchung, die Landagitation für die Bedurfnisse der selbststandigen Bauern einzurichten»

****) Смотри объ этомъ цифровыя данныя въ книгѣ буржуазнаго автора, Hugo Böttger'a: Ein Beitrag zur deutschen Agrarpolitik. Die S. D. auf dem Lande. Leipzig 1900, ss. 8—19.

вѣждю наговорить въ глаза партейтагу немало горькихъ истинъ. „Въ прошломъ году—говорилъ онъ—вы рукоплескали Фольмару: онъ имѣлъ у васъ шумный успѣхъ. То, что мы теперь вамъ предлагаемъ, гораздо скромнѣе и меньше того, чего вы сами отъ насъ требовали вашей франкфуртской резолюціей. Тогда вы съ самымъ оживленнымъ одобреніемъ проглотили верблюдовъ, преподнесенныхъ вамъ референтами, — а теперь вы приходите въ ужасъ отъ мухъ, которыхъ отцѣживаетъ аграрная коммиссія! Это доказываетъ, что многіе приходятъ сюда съ готовымъ сужденіемъ о дѣлѣ, въ которомъ ровно ничего не понимаютъ“... *).

„Большинство товарищей явилось сюда съ предубѣжденіемъ противъ проекта, потому что все дѣло имъ еще ново—“говорилъ депутатъ Штольтенъ. „До сихъ поръ мы главнымъ образомъ, почти исключительно занимались интересами индустріальнаго пролетаріата, но это время уже прошло; теперь мы должны задаться и другими вопросами. Нельзя такъ съуживать понятіе о классовой борьбѣ“... „Это симптомъ преобразованія понятій въ нашихъ рядахъ, — говорилъ Шенланкъ, — и только тѣ, которые умышленно закрываютъ глаза, могутъ думать, что все останется по старому. Теперь идетъ пересмотръ, ревизія нашихъ понятій; мы перестаемъ быть представителями исключительно индустріальнаго пролетаріата. За нами должны стоять нуждающіеся и обремененные всѣхъ слоевъ, а политика, рекомендуемая противниками аграрной программы — чисто промышленно - рабочая политика... Недаромъ Энгельсъ въ недавно опубликованномъ письмѣ говорилъ, что именно марксисты часто ложно понимали Маркса и совершенно неправильно пользовались методомъ матеріалистическаго воззрѣнія на исторію. Есть кое-что гораздо опаснѣе того „фанатизма собственности“ мелкаго крестьянина, о которомъ здѣсь столько говорилось: это—фанатизмъ партійной догмы! Настроеніе за послѣдній годъ сильно измѣнилось. Но мы съ теченіемъ времени выработали себѣ слишкомъ солидную нравственную броню, и вы насъ не такъ легко одолѣете. И если сейчасъ вы насъ оставите въ меньшинствѣ, то вы испытаете то же самое, что часто испытывали наши общіе противники: нерѣдко они воображали, что поразили насъ на смерть, тогда какъ мы быстро подвигались къ новымъ побѣдамъ. Мы снова придемъ: вы однажды вкусили отъ древа познанія, слышали франкфуртскіе рефераты, приняли франкфуртскую резолюцію, избрали аграрную коммиссію, и на васъ оправдается пословица: wer vom Papst isst, stirbt daran“ **).

Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, какъ это пророчество на-

---

*) Protokoll, etc., s. 116, изъ рѣчи Bebel'я («Das beweist..., dass Viele mit einem fertigen Urtheil hierher kommen uber Dinge, von denen sie nichts verstehen»).

**) Protokoll etc., s. 152—153.

чинаетъ мало-по-малу сбываться. Пока же подведемъ вкратцѣ итоги предыдущему. Послѣ преній объ аграрномъ вопросѣ, восходящихъ ко временамъ интернаціонала, послѣ работъ Маркса и Энгельса, послѣ медленно, десятилѣтіями назрѣвшаго сельскохозяйственнаго кризиса, аграрный вопросъ застаетъ представителей марксизма, по ихъ собственному признанію, врасплохъ. Въ виду мірового земледѣльческаго кризиса, обострившаго въ сильнѣйшей мѣрѣ всѣ деревенскія отношенія, они вынуждаются обстоятельствами занять въ этомъ вопросѣ опредѣленную позицію, они—по ихъ собственному признанію — „впопыхахъ, сломя голову“ начинаютъ строить зданіе не съ фундамента, а сверху, съ крыши — вырабатываютъ аграрную программу, спорятъ объ аграрной политикѣ, не имѣя сколько-нибудь выработанной аграрной теоріи, не освоившись достаточно хорошо даже съ тѣмъ, что для этого даютъ труды ихъ собственнаго учителя, К. Маркса *).

Въ результатѣ получилось то, что единственно только и могло получиться при такихъ условіяхъ: сначала очень широкій размахъ, обѣщавшій какъ будто многое, затѣмъ раздумье, колебанія, реакція, и, наконецъ, поворотъ назадъ; а какъ единственный положительный результатъ — нѣкоторое ознакомленіе путемъ споровъ широкой массы приверженцевъ марксизма съ существованіемъ особаго аграрнаго вопроса и съ его своеобразными трудностями. Характерно въ этомъ отношеніи откровенное признаніе одного изъ ораторовъ партейтага, г-жи Штейнбахъ: „не надо забывать, что большая часть товарищей до этого времени совсѣмъ не имѣла сколько-нибудь правильныхъ представленій объ аграрномъ вопросѣ. Да и мы сами многому научились въ эти дни“. Въ виду этого была понятна и единогласно принята вторая часть резолюціи Карла Каутскаго: партейтагъ признаетъ необходимость изученія своеобразныхъ законовъ развитія земледѣлія, разработки и собиранія особыми довѣренными лицами матеріаловъ объ аграрныхъ отношеніяхъ въ Германіи, изданія особой серіи „собранія аграрно-политическихъ трудовъ“...

Ну, а пока? А пока оставался въ силѣ итогъ, съ горечью высказанный той же откровенной г-жей Штейнбахъ: „и вотъ, теперь, когда все кругомъ насъ съ затаеннымъ дыханіемъ ждетъ заключеній партейтага—мы должны просто на просто отступить, стыдливо прикрывая свою наготу фиговымъ листочкомъ въ видѣ резолюціи Каутскаго“...

В. М. Черновъ.

---

*) Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно интересно, что во все время преній по поводу аграрной программы никто и не подумалъ опереться на тотъ Марксовскій анализъ особенностей аграрной эволюціи, о которомъ мы пытались въ предыдущей главѣ дать понятіе читателямъ на основаніи разныхъ мѣстъ въ трехъ томахъ «Капитала»...

ВЪ ЛѢСУ.

Темный бархатъ старыхъ елей
Разукрашенъ ярко въ блестки
Свѣтлой зелени березки...
И, смѣясь, помолодѣли
Вѣковые исполины,
Наклоненные надъ ними...
И съ кудрями молодыми
Нѣжно спутались сѣдины.

Галина.

Кооперативное производство на Западѣ.

I.

Еще какихъ нибудь 20—25 лѣтъ назадъ русское общество съ большимъ сочувствіемъ и интересомъ слѣдило за судьбами кооперативнаго движенія какъ у себя дома, такъ и въ Европѣ. Въ ассоціаціяхъ—особенно производительныхъ—видѣли не только палліативъ, разсчитанный на улучшеніе матеріальнаго положенія захваченныхъ движеніемъ рабочихъ, но и самый естественный способъ безболѣзненнаго и мирнаго рѣшенія всего, такъ называемаго, соціальнаго вопроса. Совершенствуясь въ своей внутренней организаціи, охватывая все болѣе широкій кругъ рабочаго населенія, распространяясь на новыя и новыя отрасли національнаго производства, и пробивая, такимъ образомъ, брешь за брешью въ современной системѣ частно-капиталистическаго хозяйства, кооперація должна была способствовать постепенно водворенью новаго экономическаго строя, въ которомъ вмѣсто эксплуатаціи и конкурренціи царили бы принципы сотрудничества и братства. Подъ такимъ угломъ зрѣнія, завѣщаннымъ еще 48-мъ годомъ, смотрѣли у насъ на ассоціаціонное движенье въ Европѣ, описанію и оцѣнкѣ котораго посвящались десятки книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей. Въ такомъ же духѣ изучалась и наша русская дѣйствительность, съ ея артелями и общиною, въ которой многіе хотѣли видѣть готовую ячейку будущей совершенной соціальной организаціи.

Въ самой Европѣ, однако,—вѣрнѣе, во Франціи, которая всегда заслоняла отъ насъ остальную Европу и казалась какъ бы воплощеніемъ западно-европейскаго культурнаго и политическаго прогресса—ассоціаціонное движеніе казалось къ этому времени сильно, если не окончательно, дискредитированнымъ. Ассоціаціи—именно производительныя, т. е. тѣ, которыя и должны были сослужить службу архимедова рычага въ дѣлѣ общественнаго переустройства—не сумѣли выдержать тяжелаго кризиса, въ который бро-

сила ихъ реакція, наступившая послѣ іюньскихъ дней и декабрьскаго переворота. Лишенныя государственной поддержки, болѣе того—гонимыя и преслѣдуемыя, какъ подозрительныя и опасныя для общественнаго порядка, онѣ скоро начали отступать передъ побѣдоноснымъ натискомъ крупнаго капиталистическаго производства, одна за другою падали и растворялись въ немъ безъ остатка. Въ лучшемъ случаѣ онѣ влачили жалкое существованіе, въ которомъ мечты о новыхъ завоеваніяхъ, о выполненіи какой-то общественной миссіи должны были уступить свое мѣсто заботамъ личнаго самосохраненія.

Такимъ образомъ, опытъ—по скольку такой опытъ имѣлъ мѣсто—говорилъ, повидимому, не въ ихъ пользу. Еще менѣе благосклонною къ нимъ была теорія, утвердившаяся къ этому времени въ умахъ демократической интеллигенціи и передовыхъ слоевъ рабочаго населенія. Благодушная концепція соціальнаго переустройства путемъ естественнаго роста коопераціи въ нѣдрахъ и на почвѣ современной экономической организаціи въ глазахъ этой теоріи казалась столь же нелѣпой, какъ и „утопическія“ ученія Оуеновъ и Луи Блановъ, которыя были ея источникомъ и опорою. Властителемъ думъ новаго поколѣнія сталъ Марксъ, доктрина котораго торжествовала, повидимому, по всей линіи и въ теоріи, и въ жизни. Суровое, непреклонное въ своемъ научномъ уборѣ метафизическаго доктринерства, очищенное отъ всякихъ „постороннихъ“ примѣсей этическаго свойства, выкроенное какъ бы изъ одного куска и проникнутое безпощадною логикою единой, незнающей сомнѣній и компромиссовъ, идеи, это ученіе объявило войну „утопизму“ во всѣхъ его видахъ и формахъ и внесло въ западно-европейское рабочее движеніе свою „научную“ концепцію соціально-экономической эволюціи и свои боевые принципы практическаго дѣйствія. Въ соотвѣтствіи съ теоріею классовой борьбы во главу угла была поставлена политическая дѣятельность пролетаріата, организованнаго—въ видахъ завоеванія власти и будущей диктатуры—въ независимую, чисто классовую, партію. Всѣ другія проявленія жизни новой классовой организаціи были подчинены этой основной задачѣ и цѣнились лишь постольку, поскольку они могли способствовать ея планомѣрному выполненью. Чуть не единственными до извѣстной степени цѣлесообразными формами собственно экономической борьбы были объявлены стачки, да и то не ради ихъ непосредственныхъ положительныхъ результатовъ, а ради ихъ агитаціоннаго и организаціоннаго значенія. Всякія попытки сколько нибудь серьезнаго „исправленія“ современнаго капиталистическаго строя, прививки къ нему теперь же новой крови, путемъ внесенія въ его поры чуждыхъ ему принциповъ и учрежденій совсѣмъ иного строя, были провозглашены или реакціонными попытками повернуть назадъ ходъ исторіи, или, въ лучшемъ случаѣ, дѣтскою игрою, фатально осужденною

на полное безплодіе. Тѣмъ самымъ было осуждено и ассоціаціонное движенье съ его утопическими надеждами бороться съ капитализмомъ на его собственной почвѣ и его оружіемъ. Рабочій вопросъ получилъ новую формулировку, и западно-европейское рабочее движенье—такъ, по крайней мѣрѣ, казалось одно время, да многимъ и теперь еще кажется—круто свернуло со старой колеи и рѣшительно пошло по новому, начертанному исторіею и указанному наукою, пути.

Подготовительныя фазы этого знаменательнаго поворота прошли для многихъ изъ насъ незамѣченными, и онъ захватилъ насъ поэтому, какъ бы въ расплохъ. Нежданно для самихъ себя, мы вдругъ оказались отсталыми утопистами, чуть не реакціонерами, слѣпо прущими противъ историческаго рожна. Для людей, привыкшихъ ни въ чемъ не отставать отъ передовой Европы, такое положеніе было обидно, прямо невозможно. Съ безстрашіемъ людей, не отягощенныхъ историческимъ багажемъ вошедшихъ въ плоть и кровь традицій, мы бросились догонять ушедшую впередъ Европу и въ нѣсколько головоломныхъ прыжковъ догнали—и, пожалуй, даже перегнали ее. Ученіе, торжество котораго въ Европѣ, притомъ торжество условное и далеко не окончательное, было результатомъ тяжелой идейной борьбы и долгаго житейскаго опыта, стало нашимъ новымъ credo почти безъ усилій. Спорное еще у себя дома, многими совершенно отрицаемое, другими признаваемое лишь условно, съ оговорками и ограниченіями, не освободившееся еще отъ естественныхъ крайностей и увлеченій, не опредѣлившееся окончательно для самого себя, оно водворилось у насъ во всей своей нѣмецкой непреклонности, сохранивъ за собою всю ту доктринерскую чистоту, которую оно успѣло за послѣдніе годы потерять даже у себя на родинѣ. Кооперативное движеніе, которымъ мы еще вчера такъ увлекались—всѣ эти ассоціаціи, артели общины, потеряли въ нашихъ глазахъ весь интересъ. Съ еще большею рѣшительностью, чѣмъ въ Европѣ, всѣ эти категоріи были объявлены регрессивными наростами на капиталистическомъ организмѣ современнаго экономическаго общества, и сочувственное къ нимъ отношеніе стало чѣмъ-то вродѣ вѣрнаго признака „мелкобуржуазнаго“ склада мысли и реакціонной отсталости.

А между тѣмъ,—такова историческая Немезида,—пока мы лихорадочно работали надъ приведеньемъ своего соціальнаго міросозерцанія въ соотвѣтствіе съ „требованіями науки и реальнаго прогресса“, европейская жизнь опять уходитъ отъ насъ впередъ, и уходитъ, какъ кажется, не совсѣмъ по тому пути, по которому гонитъ насъ инерція полученнаго толчка. Въ ней совершается несомнѣнный поворотъ къ пересмотру огульныхъ отрицаній, къ примиренію крайностей, къ компромиссамъ односторонней и исключительной теоріи съ условіями реальной дѣйствительности. И едва ли не первое мѣсто въ этой реабилитаціи осужденныхъ доктринъ и

осмѣянныхъ формъ дѣятельности принадлежитъ коопераціи, которая всюду оживаетъ, становится на ноги, одну за другою отвоевываетъ свои старыя, казалось, навсегда потерянныя позиціи, и съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе важнымъ факторомъ въ современной соціально-экономической жизни.

Многочисленные признаки такого поворота бросаются въ глаза при самомъ поверхностномъ взглядѣ на современную Европу. Но,—и это особенно знаменательно,—они замѣчаются даже въ тѣхъ слояхъ рабочаго и нерабочаго населенія, которые по праву считаютъ себя правовѣрно-марксистскими. Въ Бельгіи, этой твердыни марксизма, рабочая партія вводитъ въ свою практическую программу устройство партійныхъ потребительно-производительныхъ коопераціи и удѣляетъ имъ значительную долю своихъ силъ и средствъ. Въ ихъ успѣхѣ и процвѣтаніи она видитъ залогъ своего вліянія. И если въ глазахъ иныхъ теоретиковъ партіи непосредственные, чисто матеріальные, результаты этихъ учрежденій заслоняются ихъ агитаціоннымъ значеніемъ, то совсѣмъ иначе смотрятъ на нихъ сами, заинтересованные въ дѣлѣ, рабочіе... То же дѣлается и во Франціи, гдѣ еще недавно чуть не всѣ силы рабочей партіи были пущены въ ходъ, чтобы поставить на ноги и обезпечить успѣхъ пресловутой *Verrerie ouvrière* въ Алби. Правда, нѣмецкіе марксисты смотрѣли на эту затѣю съ чѣмъ-то вродѣ снисходительной усмѣшки, но и снисходительная усмѣшка—вмѣсто ругани—по адресу предпріятія, такъ сильно напоминающаго собою „утопическія“ попытки Луи Блана, есть уже не маловажный признакъ времени. А какъ относились къ ней сами французы, знаютъ всѣ, кто читалъ газеты и слѣдилъ за перипетіями агитаціи Жореса и его сподвижниковъ. Въ этомъ предпріятіи они видѣли дѣло первостепенной важности не только для репутаціи партіи, но и для тѣхъ соціальныхъ задачъ, носителемъ которыхъ эта партія себя считаетъ. Оно не только давало исходъ неудавшейся стачкѣ, работу и хлѣбъ сотнямъ выброшенныхъ на улицу рабочихъ, но являлось въ ихъ глазахъ какъ-бы провозвѣстникомъ и началомъ новаго соціальнаго строя, великой соціальной школой, которая должна дать пролетаріату сознанье своей силы, своего права и своей пригодности къ ожидающей его роли...

Тѣми же, въ сущности, чертами—только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ—отличается и движеніе въ пользу коопераціи въ Америкѣ. Напомнимъ, напримѣръ, хотя бы проектъ предсѣдателя союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ въ Америкѣ, извѣстнаго Деббса. Разочаровавшись въ отрицательныхъ—чисто агитаціонныхъ—программахъ, господствующихъ въ современномъ рабочемъ движеніи, Деббсъ задумалъ, не болѣе, не менѣе, какъ создать цѣлый особый штатъ, всѣ соціально-экономическія отправленія котораго совершались бы на почвѣ раціонально и планомѣрно организованной коопераціи. Знаменательно, что проектъ подобнаго

рода, заходящій въ утопизмѣ дальше всего, что мы до сихъ поръ знали, возникъ въ головѣ популярнаго рабочаго вождя и съ жаромъ обсуждался въ передовыхъ слояхъ рабочаго населенія страны.

Наконецъ, не менѣе знаменательнымъ представляется намъ и то ослабленіе духа доктринерской исключительности, которое замѣчается среди самыхъ правовѣрныхъ марксистовъ всегда, гдѣ они входятъ въ соприкосновеніе съ реальной жизнью и получаютъ возможность воздѣйствовать на нее. Изъ непреклонныхъ теоретиковъ чистыхъ принциповъ они обращаются въ практическихъ политиковъ, прекрасно понимающихъ все значаніе „позволительныхъ компромиссовъ". При первой возможности они отказываются отъ красивой роли трибуновъ, „бросающихъ народу свою проповѣдь черезъ головы депутатовъ и стѣны парламента", и принимаютъ посильное участіе въ реформѣ окружающей соціальной среды, съ цѣлью улучшенія—теперь же и на почвѣ настоящаго строя—матеріальнаго и моральнаго положенія рабочихъ. Особенно бросается въ глаза эта новая тактика въ муниципальныхъ учрежденіяхъ Англіи, Франціи и другихъ странъ, гдѣ самые правовѣрные марксисты—рука объ руку съ обыкновеннѣйшими демократами и прогрессистами—работаютъ надъ проведеніемъ въ жизнь программы, такъ называемаго, „муниципальнаго соціализма". Эта же программа, какъ знаетъ читатель, гораздо ближе къ тому соціализму, который имѣлъ ввиду лидеръ англійскихъ либераловъ, Гаркуръ, произнося свою знаменитую фразу: „теперь мы всѣ соціалисты!" чѣмъ къ соціализму Маркса и его учениковъ. Формулированная въ нѣсколькихъ словахъ, ея основная задача сводится къ возможному въ современной же юридической и экономической обстановкѣ устраненію крайней неравномѣрности въ распредѣленіи тягостей и благъ жизни между различными классами населенія, къ созданію между богатствомъ, съ одной стороны, и нищетою, съ другой, чего-то въ родѣ матеріальной и моральной круговой поруки. И между средствами, служащими для выполненія этой цѣли и въ то же время подготовляющими для общества мирный переходъ къ высшему типу, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ покровительство рабочимъ организаціямъ и содѣйствіе—совѣтами, деньгами и работою — кооперативному движенію, его дальнѣйшему росту и успѣшному развитію.

Но, быть можетъ, еще болѣе знаменательнымъ признакомъ занимающаго насъ поворота является стихійное возрожденіе кооперативнаго движенія въ глубинахъ народно-экономической жизни. Не говоря уже о коопераціи въ области потребленія, которая никогда не останавливалась въ своемъ ростѣ и теперь дѣлаетъ многомилліонные обороты *), вездѣ въ Европѣ замѣчается въ

*) Въ одной Англіи насчитывалось въ 1894 г.—не считая, конечно, ни

послѣдніе годы рѣшительное возрожденіе и въ области кооперативнаго производства. Оно просыпается отъ своей спячки и снова начинаетъ жить полною жизнью, проявляя при этомъ такое богатство и разнообразіе формъ, какого не проявляло, пожалуй, даже въ лучшій періодъ своей исторіи. Повсюду — во Франціи, въ Италіи и въ другихъ странахъ—одна за другою возникаютъ рабочія ассоціаціи самыхъ различныхъ типовъ и въ самыхъ различныхъ отрасляхъ производства. Рядомъ съ мелкими ремесленными товариществами рабочихъ спеціалистовъ устраиваются крупныя—чисто демократическія—артели, состоящія изъ многихъ сотенъ чернорабочихъ и поденщиковъ; рядомъ съ этими послѣдними появляются сложныя организаціи, комбинирующія въ себѣ различныя категоріи труда и берущіяся, поэтому, за сложныя—строительныя, желѣзнодорожныя и другія предпріятія, бывшія до сихъ поръ достояніемъ крупныхъ частныхъ предпринимателей—капиталистовъ. Между ними имѣются и богатыя, такъ сказать, аристократическія ассоціаціи—больше изъ старыхъ, дожившихъ до нашего времени—съ значительными капиталами, съ высокоцѣнными акціями, съ крупными запасными фондами, съ ограниченнымъ членствомъ, и совсѣмъ бѣдныя, возникшія лишь въ послѣдніе годы, съ ничтожными капиталами, но за то съ открытымъ доступомъ для всѣхъ желающихъ и умѣющихъ работать. Возникаютъ онѣ чаще всего послѣ какой нибудь неудачной стачки—иногда въ средѣ хроническихъ безработныхъ, — кое-какъ переживаютъ первое, самое трудное время и почти всегда становятся, въ концѣ концовъ, на ноги и даже—процвѣтаютъ. Иногда имъ удается достигнуть такого результата исключительно собственными силами, благодаря своей энергіи, выносливости и рѣшимости побѣдить во что бы то ни стало; часто на помощь имъ приходитъ дѣятельное сочувствіе частныхъ лицъ, или муниципалитовъ и другихъ общественныхъ учрежденій демократическаго направленія. Въ послѣднее время все чаще встрѣчаютъ онѣ поддержку государства.

Въ иныхъ случаяхъ — напр., въ Англіи — эта поддержка до сихъ поръ еще имѣетъ очень скромный характеръ: почти вся она сводится къ тому, что администрація, сдающая свои подряды съ публичнаго торга, не дѣлаетъ различія между конкуррентами, въ число которыхъ допускаются рабочія ассоціаціи, и не склоняется болѣе—какъ это было раньше—непремѣнно въ пользу частныхъ подрядчиковъ. Въ другихъ — какъ, напр., во Франціи и Италіи—государство старается облегчить для рабочихъ ассоціацій участіе въ своихъ подрядахъ, для чего вводитъ со-

---

Friendly Societies, ни другихъ обществъ взаимной помощи — до 1,500 потребительныхъ ассоціацій, съ 1.250,000 членовъ, съ общимъ капиталомъ въ 450.000,000 франковъ, съ годовымъ оборотомъ въ 1.180,000.000 фр. и съ ежегоднымъ доходомъ въ 160.000,000 франковъ.

вѣтствующія измѣненія въ свое законодательство о торгахъ. Въ третьихъ—какъ, напр., въ англійскихъ колоніяхъ Новой Зеландіи и Австраліи — эта поддержка государства принимаетъ характеръ послѣдовательной и планомѣрной экономической политики въ пользу рабочихъ коопераціи. Государство сознательно стремится къ устраненію системы частныхъ подрядовъ и вездѣ, гдѣ по обстоятельствамъ дѣла это оказывается возможнымъ, ведетъ свои общественныя работы хозяйственнымъ способомъ при содѣйствіи рабочихъ ассоціацій, которымъ само доставляетъ всѣ необходимые матеріалы, планы и т. п.

Особенно интересной — какъ по своимъ непосредственнымъ результатамъ, такъ и по роли, которую предстоитъ ей играть въ дальнѣйшемъ развитіи кооперативнаго движенія,—представляется намъ эта послѣдняя система. Пока она прилагается въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ только въ Новой-Зеландіи и Австраліи, въ законодательномъ и вообще соціальномъ строѣ которыхъ вліяніе рабочаго класса сказывается гораздо сильнѣе, чѣмъ въ старой Европѣ. Но она даетъ тамъ прекрасные результаты для всѣхъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ и имѣетъ, поэтому, всѣ шансы перейти оттуда въ Англію, гдѣ за ея успѣхами начинаютъ слѣдить все съ большимъ вниманіемъ, а за Англіею—и на континентъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что она вполнѣ совпадаетъ съ соціальными тенденціями англійскихъ и вообще европейскихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, въ которыхъ стремленіе избавиться въ своей хозяйственной дѣятельности отъ посредничества частныхъ подрядчиковъ и войти въ прямыя постоянныя отношенія съ рабочими при помощи рабочихъ ассоціацій сказывается все рѣшительнѣе... Какъ бы, однако, не было, кажется несомнѣннымъ, что кооперативное движеніе, совсѣмъ было одно время похороненное, снова выступаетъ на авансцену современной соціально-экономической жизни; что ему суждено наложить свою печать на ближайшую фазу ея эволюціи; что ему предстоитъ блестящее будущее, и что въ общественномъ мнѣніи Европы, во всѣхъ его руководящихъ органахъ, не исключая даже самихъ марксистовъ, замѣчается довольно рѣшительная перемѣна фронта въ дѣлѣ его оцѣнки не только съ точки зрѣнія непосредственныхъ результатовъ, но и какъ прогрессивнаго соціально-экономическаго фактора.

Но разъ это такъ, хотя отчасти, знакомство съ настоящимъ положеніемъ кооперативнаго производительнаго движенія въ Европѣ становится, очевидно, обязательнымъ и для насъ, русскихъ. Къ сожалѣнію, такое знакомство затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ современной русской литературѣ интересующій насъ вопросъ давно заброшенъ, и свѣдѣнія, которыми можетъ располагать русскій читатель, относятся ко временамъ, давнопрошедшимъ, и къ обстоятельствамъ, теперь измѣнившимся. Попыт-

кою пополнить—насколько это возможно въ журнальной статьѣ—этотъ пробѣлъ и является наша настоящая работа.

Матеріалы, которыми мы пользовались при ея составленіи, заимствованы нами, главнымъ образомъ, изъ доклада англійскаго департамента труда *), изданнаго въ 1896 году и составленнаго съ обычными для англійскихъ оффиціальныхъ изданій безпристрастіемъ и полнотою. Являясь отвѣтомъ на вопросъ, поставленный королевской коммиссіею труда 1894 года **), докладъ этотъ главное вниманіе обращаетъ на ту сторону дѣятельности рабочихъ ассоціацій, которая имѣетъ связь съ выполненіемъ ими работъ по контрактамъ съ административными и общественными учрежденіями, особенно по контрактамъ, въ которыхъ эти учрежденія берутъ на себя доставку ассоціаціямъ всѣхъ необходимыхъ для работъ матеріаловъ. Но, рядомъ съ этимъ, докладъ заключаетъ въ себѣ массу свѣдѣній, относящихся къ производительнымъ коопераціямъ во всѣхъ главныхъ государствахъ Европы, въ томъ числѣ и въ Россіи. Этими-то свѣдѣніями мы, главнымъ образомъ, и пользовались при составленіи настоящей статьи. Въ ней читатель найдетъ болѣе или менѣе полную картину положенія кооперативнаго движенія въ Европѣ и познакомится съ особенностями, отличающими его въ отдѣльныхъ странахъ, такъ же, какъ съ тѣми порожденными новыми условіями жизни, чертами, которыя стремятся сдѣлать изъ него—въ отличіе отъ кооперативнаго движенія средины нашего вѣка,—какъ бы новый типъ соціальнаго построенія. Россію мы оставимъ, конечно, въ сторонѣ. Любопытный читатель найдетъ всѣ нужныя свѣдѣнія объ ея артеляхъ въ отечественной литературѣ. Тѣмъ дольше остановимся мы на Новой Зеландіи, съ ея въ высшей степени интересными общественными экспериментами утилизаціи рабочихъ ассоціацій въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и въ самыхъ крупныхъ предпріятіяхъ. Начнемъ же мы съ Франціи, которая была въ свое время очагомъ кооперативнаго производительнаго движенія, и въ которой его старыя традиціи сохранились всего сильнѣе.

---

*) Report on Contracts given out by Public Authorities to Associations of Workmen", presented to both Houses of Parliament. Board of Trade. Labour Department. London. 1896.

**) Вотъ имѣющійся въ виду параграфъ резолюціи, принятой этой коммиссіею:... Наконецъ, мы считаемъ полезнымъ, чтобы Департаментъ Труда собиралъ и время отъ времени публиковалъ свѣдѣнія, относящіяся до той стороны дѣятельности общественныхъ учрежденій—какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ,—которая заключается въ выдѣленіи контрактовъ на доставку матеріаловъ изъ контрактовъ на выполненіе работъ и въ облегченіи для рабочихъ ассоціацій взятія на себя контрактовъ послѣдняго рода.

II.

Во Франціи первыя серьезныя попытки организовать производство на кооперативныхъ началахъ относятся къ 1848 г. Съ этою цѣлью министерству торговли и земледѣлія былъ открытъ первоначальный кредитъ въ 3,000,000 фр., предназначенный для пособій и ссудъ рабочимъ ассоціаціямъ, и—впредь до радикальнаго измѣненія законовъ о государственныхъ подрядахъ — былъ изданъ временный декретъ, облегчавшій для такихъ ассоціацій участіе въ общественныхъ работахъ. Согласно этому декрету министерство общественныхъ работъ получило право сдавать извѣстныя категоріи подрядовъ—земляныя, дорожныя, строительныя и иныя работы, стоимостью не болѣе какъ въ 20,000 фр., безъ назначенія публичныхъ торговъ, по частнымъ договорамъ съ ассоціаціями. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ торги оставались обязательными, предписывалось свободно допускать въ число конкуррентовъ и рабочія ассоціаціи, предложенія которыхъ и должны были— caeteris paribus — приниматься предпочтительно предложеніямъ частныхъ подрядчиковъ. Кромѣ того, ассоціаціи освобождались отъ представленія залоговъ, вмѣсто которыхъ государству было предоставлено удерживать до окончанія работъ 10% слѣдуемой имъ платы. Пользованіе всѣми этими привиллегіями было обусловлено лишь тѣмъ, чтобы ассоціаціи были bona fide рабочими и чтобы ихъ уставъ и внутренняя организація не отступали въ существенныхъ пунктахъ отъ принятаго государствомъ образца.

Однако, эта покровительственная политика французскаго правительства продолжалась очень не долго. Декабрьскій переворотъ 1852 г. положилъ ей конецъ. Кооперативные принципы были взяты подъ подозрѣніе; почти всѣ существовавшія рабочія ассоціаціи были распущены, и кооперативное движеніе на долгое время заглохло. Нѣкоторые признаки оживленія начали замѣчаться въ немъ лишь въ началѣ 80 годовъ, когда либеральная республика восторжествовала, наконецъ, надъ реакціонно-монархическими тенденціями Макъ-Магона и К°. Иниціативу возвращенія къ политикѣ 1848 г. по отношенію къ рабочимъ коопераціямъ взяли на себя новый префектъ Сенскаго департамента, Флоке, и Парижскій муниципальный совѣтъ. Въ 1881 и 1882 годахъ они обратились къ министерству съ мотивированнымъ ходатайствомъ, въ которомъ просили объ измѣненіи существующаго законодательства въ видахъ облегченія городу и департаменту передачи своихъ подрядовъ рабочимъ ассоціаціямъ. Отвѣтомъ на это ходатайство было назначеніе тогдашнимъ (1883 г.) министромъ внутреннихъ дѣлъ особой коммиссіи для „изысканія: 1) средствъ, которыя облегчили бы для рабочихъ ассоціацій полученіе контрактовъ по государ-

ственнымъ подрядамъ, отдаваемымъ какъ съ публичныхъ торговъ, такъ и по частнымъ соглашеніямъ, и 2) мѣръ, которыя могли бы побудить частныхъ подрядчиковъ допустить своихъ рабочихъ къ участію въ прибыляхъ отъ взятыхъ ими на себя подрядовъ". Заключенія, къ которымъ пришла эта коммиссія и послужили матеріаломъ для новаго закона (1888 г.) о государственныхъ подрядахъ. Дополненный въ 1893 году параграфами, относящимися къ подрядамъ муниципальныхъ и иныхъ общественныхъ учрежденій, этотъ законъ остается въ силѣ и до сего дня. Вотъ существенныя облегченія, которыя онъ допускаетъ въ видахъ возможно болѣе широкаго участія рабочихъ ассоціацій въ выполненіи общественныхъ работъ.

Во всѣхъ публичныхъ торгахъ на государственные и общественные подряды допускается участіе, въ качествѣ конкуррентовъ, рабочихъ ассоціацій. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ предложенія рабочей ассоціаціи оказываются одинаковыми съ предложеніями частнаго подрядчика, дѣлается предпочтеніе въ пользу ассоціаціи. Въ случаѣ, если цѣна подряда не превышаетъ 50,000 фр., рабочая ассоціація освобождается отъ представленія залога. Если цѣна подряда не превышаетъ 20.000 фр., публичный торгъ перестаетъ быть обязательнымъ, и подрядъ можетъ быть сданъ по частному соглашенію съ рабочей ассоціаціей. Подрядъ, превышающій эту оцѣнку, можетъ быть разбитъ—если характеръ работъ это допускаетъ—на нѣсколько отдѣльныхъ подрядовъ, цѣна которыхъ не превышала бы 20,000 фр. и которые, поэтому, могли бы быть сданы безъ торговъ, по частному соглашенію съ рабочими ассоціаціями. Наконецъ, расплата по взятому ассоціаціею на себя подряду должна производиться не сразу, при сдачѣ работы—что во многихъ случаяхъ ставило бы небогатыя капиталами и кредитомъ ассоціаціи въ полную невозможность довести до конца предпринятыя ею работы — а частями, по крайней мѣрѣ, разъ въ двѣ недѣли.

Хотя новый законъ и не идетъ въ покровительствѣ рабочимъ ассоціаціямъ такъ далеко, какъ этого бы хотѣлось друзьямъ кооперативнаго движенія, облегченія, созданныя имъ этому движенію несомнѣнны и вполнѣ реальны. Безъ освобожденія отъ залоговъ, безъ разбивки большихъ подрядовъ на мелкіе, безъ сдачи такихъ подрядовъ по частному соглашенію и, особенно, безъ введенія двухнедѣльныхъ разсчетовъ, рабочія ассоціаціи были бы поставлены въ крайне неблагопріятныя условія для конкурренціи съ подрядчиками-капиталистами, и самостоятельное участіе въ общественныхъ работахъ было бы для нихъ фактически закрыто. Это—очевидно само собою и, поэтому, не на эту сторону закона направлена, главнымъ образомъ, критика недовольныхъ. Главный, по ихъ мнѣнію, недостатокъ новаго закона заключается въ томъ, что его примѣненіе сдѣлано не обязательнымъ, а поставлено въ

каждомъ данномъ случаѣ въ зависимость отъ желанія и доброй воли администраціи, которая „можетъ“, а не „должна“, слѣдовать въ своей практикѣ его предписаніямъ. Въ рукахъ поклонниковъ бюрократической рутины, относящихся съ инстинктивнымъ осужденіемъ ко всякимъ отклоненіямъ отъ добрыхъ старыхъ обычаевъ, такъ же, какъ въ рукахъ приверженцевъ теоріи „laissez faire“, которыхъ такъ много еще во Франціи, этотъ законъ остается мертвою буквою даже тогда, когда всѣ обстоятельства дѣла говорятъ въ пользу его приложенія. Такъ, по крайней мѣрѣ, жалуются представители рабочихъ ассоціацій, и мы охотно допускаемъ справедливость этихъ жалобъ, зная всю силу рутины, царящей въ бюрократическихъ канцеляріяхъ Франціи. Но если разсматриваемый нами законъ и примѣняется пока къ дѣлу гораздо рѣже, чѣмъ слѣдовало бы, то отсюда не слѣдуетъ, что такъ будетъ и дальше. Новый вчера, завтра онъ въ свою очередь станетъ старымъ, а потому, достойнымъ всякаго одобренія со стороны старыхъ же служакъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что рядомъ съ канцеляріями разныхъ министерствъ, во Франціи существуютъ десятки и сотни болѣе или менѣе демократическихъ муниципалитетовъ и иныхъ общественныхъ учрежденій, которыя никакой рутиной не заражены и, слѣдовательно, могутъ прилагать законъ въ сферѣ своей компетенціи во всей его широтѣ. Отчасти они уже и дѣлаютъ это. И есть полное основаніе предполагать, что съ каждымъ новымъ годомъ ихъ дѣятельность въ этомъ направленіи будетъ отличаться все большею энергіею и опредѣленностью.

Каковы же, спрашивается, результаты, въ которыхъ выразилась до сихъ поръ новая покровительственная политика республиканскаго правительства по отношенію къ рабочимъ коопераціямъ? Какъ часты случаи передачи рабочимъ ассоціаціямъ государственныхъ и общественныхъ подрядовъ, и какъ велики относящіеся сюда обороты? Какъ удачно справляются ассоціаціи со своими предпріятіями? Какъ велики получаемые ими барыши? Какъ, наконецъ, отражается эта новая практика на ростѣ и развитіи кооперативнаго производительнаго движенія въ современной Франціи?

Изъ оффиціальныхъ данныхъ, доставленныхъ соотвѣтствующими канцеляріями, оказывается, что за послѣднее десятилѣтіе французское министерство народнаго просвѣщенія заключило съ различными рабочими ассоціаціями около 25 контрактовъ, главнымъ образомъ, на постройку и ремонтъ школьныхъ зданій, на сумму въ 800,000 фр. За тотъ же періодъ времени между разными рабочими ассоціаціями и министерствомъ общественныхъ работъ было заключено около 100 контрактовъ на сумму въ 1.000,000 фр. За послѣдніе 3—4 года артиллерійское управленіе военнаго министерства передало рабочимъ ассоціаціямъ 7 контрактовъ на сумму въ 800,000 фр. Начиная же съ 1895 года и

административное отдѣленіе министерства начинаетъ все болѣе охотно передавать рабочимъ ассоціаціямъ контракты по поставкамъ для войскъ обуви и обмундировки—на 700—800,000 фр. ежегодно. Наконецъ, министерство внутреннихъ дѣлъ еще въ 1881 г. передало всѣ работы, связанныя съ печатаньемъ и раздачею подписчикамъ своего оффиціальнаго органа (Journal Officiel), спеціально организовавшейся для этого ассоціаціи типографщиковъ. Ежегодные расходы по этому предпріятію — считая цѣну матеріаловъ, доставляемыхъ министерствомъ и стоимость труда— представляютъ приблизительно сумму въ 2.000,000 фр.

Вотъ и всѣ почти контракты, переданные рабочимъ ассоціаціямъ со стороны центральнаго правительства. Очевидно, рекомендуемая закономъ 1888 г. система покровительства коопераціи еще не вошла въ нравы французской администраціи и даетъ, поэтому, гораздо болѣе скромные результаты, чѣмъ можно было бы ожидать. Но, какъ видно изъ примѣра военнаго министерства, начинающаго входить въ дѣловыя отношенія съ ассоціаціями лишь въ самые послѣдніе годы, опытъ и время не остаются безъ вліянія даже на бюрократическую рутину. Свойственное ей недовѣріе къ рабочимъ ассоціаціямъ несомнѣнно ослабѣваетъ даже въ канцеляріяхъ, и, несомнѣнно, недалеко время, когда оно совсѣмъ исчезнетъ.

Гораздо болѣе серьезными кліентами ассоціацій являются городскія управленія и другія выборныя учрежденія, легко поддающіяся вліянію общественнаго мнѣнія. Во главѣ ихъ стоитъ, конечно, парижскій муниципальный совѣтъ, который прибѣгаетъ вездѣ, гдѣ это оказывается возможнымъ, къ содѣйствію ассоціацій для производства самыхъ разнообразныхъ городскихъ работъ. За послѣдніе 10 лѣтъ онъ заключилъ съ рабочими ассоціаціями не менѣе 300 контрактовъ на сумму приблизительно въ 10.000,000 фр. И не встрѣчай онъ постоянныхъ препятствій со стороны префектуры, онъ шелъ бы въ этомъ направленіи гораздо дальше. Къ сожалѣнію, оппортюнистскіе префекты смотрятъ на дѣло иначе, чѣмъ парижскіе радикальные совѣтники.

Какъ рабочія ассоціаціи выполняютъ довѣряемыя имъ общественныя работы? По единодушному свидѣтельству всѣхъ, имѣвшихъ съ ними дѣло, — вполнѣ удовлетворительно, къ обоюдной выгодѣ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. И качество, и быстрота ихъ работы не оставляютъ, обыкновенно, желать ничего лучшаго. Совершенно ложной оказывается и ходячая легенда о непомѣрно высокихъ—и потому невыгодныхъ для общества—цѣнахъ, по которымъ сдаются будто бы подряды рабочимъ ассоціаціямъ. Вообще говоря, эти цѣны ничуть не выше—часто ниже тѣхъ, по которымъ аналогичные подряды сдаются частнымъ подрядчикамъ. Бываютъ, конечно, исключенія—нѣсколько такихъ исключеній отмѣчены въ практикѣ города Парижа,—но они рѣдки, да и въ нихъ городъ

не потерялъ ничего, потому что за нѣсколько болѣе высокую цѣну получилъ и значительно лучше исполненную работу. Таково заключеніе, къ которому приходитъ и англійскій коммисаръ, имѣвшій случай бесѣдовать по этому поводу почти со всѣми прикосновенными къ дѣлу правительственными и городскими инженерами. Вотъ, напр., выдержка изъ показаній извѣстнаго Альфана, бывшаго долгое время главнымъ инженеромъ города Парижа: „Всѣ рабочія ассоціаціи, бравшія на себя подряды по городскимъ работамъ, выполняли ихъ—какъ общее правило—вполнѣ удовлетворительно. Работы всегда производились не только очень хорошо, но и чрезвычайно быстро. Я обращаю особенное вниманіе на этотъ фактъ. Рабочія ассоціаціи, которымъ приходилось напрягать всѣ свои силы для выполненія контрактовъ — контрактовъ, замѣтьте, отданныхъ имъ по цѣнамъ ничуть не высшимъ, чѣмъ тѣ, по которымъ пришлось бы отдать ихъ частнымъ подрядчикамъ—производили работы съ замѣчательной быстротой и въ результатѣ получали значительные барыши въ свою пользу“. Это мнѣніе Альфана подтверждается и всѣми другими свидѣтельствами. Единственныя неудобства контрактовъ съ ассоціаціями, встрѣчающіяся иногда на практикѣ, проистекаютъ отъ того, что ассоціаціи оказываются иногда не достаточно прочными и распадаются, не доведя предпріятія до конца. Это почти всегда случается съ ассоціаціями молодыми, только что устроившимися, не имѣющими за собою ни нужнаго опыта, ни достаточнаго кредита. Чѣмъ дальше развивается и—главное—чѣмъ лучше организуется кооперативное движеніе, тѣмъ болѣе рѣдкими становятся такіе случаи.

Но если исполненіе государственныхъ и общественныхъ подрядовъ рабочими ассоціаціями оказывается, такимъ образомъ, небезвыгоднымъ для государства, еще болѣе должно быть выгодно оно для самихъ ассоціацій, которыя при такой системѣ избавляются отъ двухсторонней эксплуатаціи посредниковъ и удерживаютъ въ свою пользу всю предпринимательскую прибыль. Не подлежитъ сомнѣнію, что это такъ и есть въ дѣйствительности. Это подтверждается не только стремленіемъ ассоціаціи обезпечить за собою вездѣ, гдѣ только это возможно, общественные подряды, но и прямыми свидѣтельствами какъ самихъ представителей ассоціацій, такъ и всѣхъ свѣдущихъ людей, входившихъ съ ними въ соприкосновеніе по этимъ дѣламъ. Бываютъ, конечно, случаи, когда ассоціація берется, не разсчитавъ своихъ средствъ, за непосильное для нея предпріятіе и въ результатѣ кончаетъ банкротствомъ, но такіе случаи, возможные и съ частными подрядчиками, сравнительно рѣдки. Это—исключенія, ничуть не подрывающія того общаго положенія, что предпринимательская прибыль, при другихъ обстоятельствахъ идущая въ карманъ частнаго подрядчика-капиталиста, при системѣ „кооперативныхъ контрактовъ“ цѣликомъ остается въ рукахъ рабочихъ ассоціацій. Правда, при-

быль эта бываетъ обыкновенно меньше, чѣмъ была бы—caeteris paribus—прибыль частнаго подрядчика, но почему? Главнымъ образомъ, потому, что частный подрядчикъ эксплуатируетъ не только государство, но и своихъ рабочихъ, держа ихъ на минимальномъ заработкѣ, тогда какъ ассоціаціи платятъ своимъ рабочимъ высшій размѣръ вознагражденія, пополняютъ различныя, предвидѣнныя ихъ уставами, фонды и кассы взаимопомощи и нерѣдко предназначаютъ часть своихъ барышей на благотворительныя, обще-рабочія цѣли. Опредѣлить съ какою нибудь точностью размѣръ барышей, получаемыхъ ассоціаціей отъ государственныхъ и общественныхъ подрядовъ, нѣтъ никакой возможности. Да едва ли это и нужно, Достаточно, если мы сумѣемъ установить приблизительный размѣръ общей прибыли французскихъ производительныхъ ассоціацій отъ всѣхъ ихъ операцій безразлично. Относящіяся сюда цифры разбросаны по отчетамъ, представляемымъ ассоціаціями въ „Бюро труда“ и служащимъ тамъ главнымъ матеріаломъ для „кооперативной статистики“. Къ разсмотрѣнію этихъ отчетовъ—не всѣхъ, конечно, а лишь болѣе типичныхъ между ними—мы и перейдемъ теперь. Заключая въ себѣ данныя, относящіяся не только къ финансовому состоянію ассоціацій, но и къ ихъ личному составу, внутренней организаціи, исторіи и т. п., они послужатъ лучшей иллюстраціей нашего краткаго очерка судебъ коопераціи во Франціи. Они лучше всякихъ разсужденій отвѣтятъ намъ на вопросы: какія измѣненія внесли послѣдніе годы въ эволюцію французскаго кооперативнаго движенія; какъ отразился на немъ указанный нами выше поворотъ общественнаго мнѣнія; каково его настоящее положеніе, каковы его современныя тенденціи и надежды...

Прежде всего бросается тутъ въ глаза замѣчательный количественный ростъ движенія. Законодательныя измѣненія, вызванныя ходатайствами парижскаго муниципалитета и сенской префектуры, въ свою очередь, дали сильный толчокъ возрожденію и дальнѣйшему развитію коопераціи. До 80-хъ годовъ во Франціи считалось всего нѣсколько десятковъ болѣе или менѣе солидныхъ производительныхъ ассоціацій, да и тѣ влачили сонное, замкнутое существованіе. Съ 80-хъ годовъ старыя ассоціаціи оживаютъ, а рядомъ съ ними начинаютъ возникать десятки новыхъ. Въ 1895—1896 гг. число всѣхъ производительныхъ ассоціацій во Франціи опредѣляется уже въ 213. Въ нихъ насчитывается болѣе 10,000 членовъ. Онѣ употребляютъ не менѣе 5—6,000 наемныхъ рабочихъ и на одну заработную плату тратятъ до 13.000,000 фр. (7,000,000—членамъ и 6,000,000—наемнымъ рабочимъ). Ихъ общій подписной капиталъ доходитъ до 13.500,000 фр. Ихъ годовое производство оцѣнивается въ 30.000,000 фр. Ихъ годовая прибыль опредѣляется въ $2^1/_2$—3 милліона франковъ. Многія изъ этихъ ассоціацій—даже изъ возникшихъ въ недавнее время—со-

храняютъ еще въ своей организаціи традиціонныя черты кооперацiи 50-ыхъ годовъ. Это—ассоціаціи, такъ сказать, „замкнутыя"—съ ограниченнымъ числомъ строго подобранныхъ членовъ, среди которыхъ часто попадаются и нерабочіе; съ сравнительно большимъ основнымъ капиталомъ; съ болѣе или менѣе крупными сбереженіями въ своихъ кассахъ взаимопомощи; съ широко распространенною практикою наемнаго труда, не допускаемаго къ участію въ прибыляхъ, которыя цѣликомъ идутъ акціонерамъ, или допускаемаго къ такому участію въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Эти ассоціаціи носятъ на себѣ слѣды тяжелаго прошлаго, пережитаго кооперативнымъ движеніемъ во времена второй имперіи, и эгоистическіе интересы самосохраненія занимаютъ въ нихъ первое мѣсто. Имъ мало дѣла до прозелитизма, до пропаганды кооперативныхъ принциповъ своимъ примѣромъ. Все ихъ честолюбіе исчерпывается заботами о процвѣтаніи и прочности уже существующихъ организацій. Какъ піонеры новаго теченія въ кооперативномъ движеніи онѣ не имѣютъ почти никакого значенія.

Рядомъ съ этими ассоціаціями „аристократическаго" склада, являющимися какъ бы реликвіями пережитой фазы движенія, въ послѣднее время начинаетъ распространяться во Франціи новый типъ ассоціацій, болѣе отвѣчающій демократическому духу современнаго рабочаго движенія въ Европѣ. Гарантіи и соображенія чисто финансоваго характера отступаютъ въ нихъ на второй и даже на третій планъ. Заботы о прочности данной ассоціаціи уступаютъ въ нихъ мѣсто заботамъ о привлеченіи къ ней возможно большаго числа участниковъ, о распространеніи кооперативныхъ принциповъ въ возможно болѣе широкомъ кругу рабочаго населенія. Съ этою цѣлью онѣ широко открываютъ свои двери всѣмъ bona fide рабочимъ, не придавая значенія ихъ состоятельности и размѣрамъ сбереженій, которыя они могутъ привнести въ капиталъ ассоціаціи. Онѣ всячески облегчаютъ членамъ выплату ихъ взносовъ, растягивая ее на долгіе сроки, мало заботятся о полнотѣ своихъ кассъ взаимопомощи и возлагаютъ свои надежды не столько на свои фонды, сколько на трудъ, усердіе, преданность и соціальные инстинкты своихъ членовъ. Онѣ также употребляютъ наемныхъ рабочихъ, но допускаютъ ихъ къ участью въ прибыляхъ и, вообще, смотрятъ на нихъ, какъ на завтрашнихъ сочленовъ. Онѣ не боятся приступать къ дѣлу почти безъ капитала, надѣясь, главнымъ образомъ, на кредитъ, на сочувствіе и поддержку общества, не ожидая и не ища легкихъ и скорыхъ барышей. Перспектива возможнаго при такихъ условіяхъ краха ихъ тоже не особенно смущаетъ. Онѣ легко распадаются, но еще легче создаются вновь,—часто въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, чѣмъ прежде. 20 лѣтъ тому назадъ такая тактика была бы безусловно гибельна. Теперь же, благодаря ростущему сочувствію общества и государства, она оказывается вполнѣ возмож-

ной и умѣстной. Послѣ ряда неудачъ такія скороспѣлыя и плохо-вооруженныя ассоціаціи почти всегда становятся на ноги и завоевываютъ для себя болѣе или менѣе обезпеченное положеніе. Это—піонеры, пробивающіе новый путь не столько планомѣрно-осторожной политикой ассоціацій 50-ыхъ годовъ, сколько стремительной энергіей, горячей вѣрой и самоотверженіемъ своихъ членовъ. Ихъ отношеніе къ старому типу ассоціацій во многомъ напоминаетъ отношеніе, такъ называемаго, ново-юньонизма къ старому трэдъ-юньонизму въ Англіи. Похожи и ихъ судьбы. Какъ ново-юньонизмъ, не имѣвшій, казалось, никакихъ шансовъ на успѣхъ, въ нѣсколько лѣтъ рѣшительно измѣнилъ физіономію англійскаго рабочаго движенія, такъ и новый типъ демократической ассоціаціи начинаетъ теперь отодвигать на задній планъ ассоціаціи стараго типа и постепенно измѣняетъ характеръ и направленіе кооперативнаго движенія во Франціи.

Для полноты нашего очерка кооперативнаго производительнаго движенія въ современной Франціи мы считаемъ не безполезнымъ дать здѣсь краткій перечень наиболѣе замѣтныхъ изъ дѣйствующихъ въ странѣ ассоціацій, съ указаніемъ на особенности ихъ исторіи и настоящаго положенія, ихъ внутренней организаціи, ихъ годовыхъ оборотовъ и барышей, ихъ, наконецъ, участія въ государственныхъ и общественныхъ подрядахъ. Такой перечень позволитъ читателю составить себѣ болѣе ясное представленіе о характерныхъ чертахъ борющихся между собою типовъ ассоціацій и о направленіи, въ которомъ развивается французское кооперативное движеніе. Мы начнемъ этотъ перечень съ самыхъ старыхъ ассоціацій, ведущихъ свою исторію еще съ 50-хъ годовъ, и закончимъ совсѣмъ молодыми, возникшими въ послѣдніе годы.

Association des ouvriers en Limes (Ассоціація рабочихъ въ Лимѣ). Основана въ 1848 г. съ номинальнымъ капиталомъ въ 10,000 фр. Въ 1894 году капиталъ ассоціаціи, весь внесенный, былъ 151,000 фр. и резервный фондъ—8,500 фр. Число членовъ ассоціаціи—21, съ которыми работаютъ до 30 наемныхъ рабочихъ. Годовое производство достигаетъ суммы въ 160,000 фр. (изъ которыхъ до 10,000 фр.—по государственнымъ подрядамъ). Наемные рабочіе не участвуютъ въ прибыляхъ, которыя цѣликомъ (за вычетомъ 15%, идущихъ въ резервный фондъ и на проценты на капиталъ) распредѣляются между членами ассоціаціи, пропорціонально ихъ годовому заработку. Каждый членъ долженъ имѣть акцій не менѣе, какъ на 8,000 фр.

Société des lunetiers (Общество оптиковъ). Основано въ 1849 г. съ первоначальнымъ капиталомъ въ 4,000 фр., составленнымъ изъ членскихъ взносовъ въ 300 фр. каждый. Размѣръ членскихъ взносовъ періодически повышался и въ 1890 г. былъ доведенъ до 30,000 фр. Кромѣ полноправныхъ членовъ въ ассоціаціи имѣется особая категорія „adherents“, взносъ которыхъ равняется 5,000

фр. Они участвуютъ въ прибыляхъ,—не наравнѣ съ полноправными членами однако,—но не имѣютъ права голоса и не принимаютъ участія въ веденіи дѣлъ ассоціаціи. Въ 1895 г. номинальный капиталъ ассоціаціи равнялся 4,000,000 фр. Число членовъ было—40. Годовое производство оцѣнивалось въ 4,000,000 фр.; (изъ нихъ на 15—20,000—по государственнымъ подрядамъ). Годовая прибыль—въ 500,000 фр. Ассоціація употребляетъ до 1,800 наемныхъ рабочихъ, совершенно не участвующихъ въ прибыляхъ. Вся прибыль, за вычетомъ 10% въ пенсіонную кассу, дѣлится между членами-associés и членами-adherents, причемъ вторые получаютъ только проценты на свой капиталъ, а первые, кромѣ того, особый дивидендъ, пропорціональный ихъ годовому заработку.

Association générale des ouvriers facteurs d'instruments de musique (Общая ассоціація рабочихъ, изготовляющихъ музыкальные инструменты). Основана въ 1865 г. съ 33 членами и членскими взносами въ 500 фр. каждый. Въ 1895 г. число членовъ было—50, вмѣстѣ съ которыми работало 40 — 50 наемныхъ рабочихъ. Наемные рабочіе въ прибыляхъ не участвуютъ. Вся прибыль—за вычетомъ 25% въ резервный и другіе фонды—дѣлится между членами общества, пропорціонально количеству акцій каждаго.

Société générale des ouvriers ferblantiers reunis (Главное общество соединенныхъ рабочихъ жестяниковъ). Основано въ 1866 г. 38-ю рабочими, обязавшимися внести въ капиталъ общества по 2,000 фр. — еженедѣльными взносами въ 1 фр. Въ 1892 г. въ обществѣ было 78 членовъ, подписной капиталъ равнялся 160,000 фр., въ резервномъ фондѣ было около 30,000 фр. и въ пенсіонной кассѣ—около 60,000 фр. Годовое производство общества выражалось въ суммѣ въ 382,000 фр. а годовой доходъ—въ 18,000 фр. Наемные рабочіе — впрочемъ, общество мало прибѣгаетъ къ помощи наемнаго труда—не участвуютъ въ барышахъ, которые, за вычетомъ 50% въ резервный и пенсіонный фонды, дѣлятся между членами, пропорціонально количеству акцій каждаго изъ нихъ.

Ассоціація наборщиковъ, извѣстная подъ именемъ „*L'Imprimerie Nouvelle* („Новая типографія"). Основана въ 1869 г. съ номинальнымъ капиталомъ въ 50,000 ф. въ 100 франковыхъ акціяхъ. 1894 г. капиталъ ассоціаціи равнялся 200,000 фр. Число акціонеровъ было 1050, изъ которыхъ только 100 работало въ мастерскихъ общества. Годовой оборотъ общества равнялся 225,000 фр. (изъ которыхъ 60,000 фр.—по подрядамъ, полученнымъ отъ Парижскаго муниципальнаго совѣта и отъ Сенскаго департамента). Чистый доходъ—по выплатѣ 5% на акціи—равнялся 7000 фр. За послѣдніе 7 лѣтъ общество выполнило цѣлый рядъ общественныхъ подрядовъ на сумму въ 420,000 фр.,—изъ которыхъ 280,000 фр. приходится на подряды, взятые съ публичныхъ

торговъ, и 140,000 ф. на подряды, сданные обществу по частнымъ контрактамъ.

Association du Journal officiel (Ассоціація „Оффиціальнаго журнала"). Единственная въ своемъ родѣ французская ассоціація, возникшая въ 1881 г. съ исключительной цѣлью печатанія и разсылки по подписчикамъ оффиціальнаго органа министерства — Journal officiel; причемъ министерство обязалось поставлять ассоціаціи необходимыя орудія труда, бумагу и помѣщеніе. При своемъ возникновеніи общество имѣло 28 членовъ и капиталъ въ 5.600 фр., раздѣленный на 50-франковыя акціи. Одинъ членъ не можетъ владѣть болѣе чѣмъ 4-мя акціями. Кромѣ членовъ, ассоціація употребляетъ отъ 100 до 200 наемныхъ рабочихъ. Барыши предпріятія дѣлятся слѣдующимъ образомъ: 5%—въ резервный фондъ, который въ 1894 году равнялся 16,000 фр.; 10%—въ кассу взаимопомощи на случай несчастія; 5—10%—на проценты на акціонерный капиталъ: 5%—въ кассу парижскаго синдиката наборщиковъ; остальные 70—75% распредѣляются между рабочими, пропорціонально ихъ заработку, причемъ не дѣлается никакого различія между членами и наемными рабочими. Ассоціація выполняетъ свои обязанности какъ нельзя быть лучше, доказательствомъ чему служитъ то обстоятельство, что комбинація эта существуетъ уже 17 лѣтъ, въ теченіе которыхъ контрактъ былъ возобновленъ по желанію обѣихъ сторонъ. Правительство оцѣниваетъ свою экономію при такомъ способѣ изданія „Journal officiel" въ 500—700,000 фр. въ годъ. Не менѣе выгодна оказывается эта комбинація и для самой ассоціаціи.

Association des ouvriers charpentiers de la Villette (Ассоціація рабочихъ плотниковъ Ла-Валлеты). Основана въ 1881 г. съ капиталомъ въ 30,000 фр. и съ 133 членами. Въ 1895 г. въ обществѣ считалось 128 членовъ, и капиталъ его—весь выплаченный—равнялся 95.000 фр. Кромѣ членовъ, общество употребляетъ до 30 наемныхъ рабочихъ, которые не участвуютъ въ барышахъ, но получаютъ высшую норму заработной платы и страхуются на счетъ общества отъ несчастныхъ случаевъ. Годовой оборотъ общества выражается, приблизительно, суммою въ 400—450,000 фр. За послѣдніе 10 лѣтъ общество выполнило рядъ подрядовъ отъ правительства и городского управленія на сумму въ 400,000 фр. слишкомъ. Прибыль распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 5%—резервный фондъ, 5—10%—проценты на акціи; 5—15% на усиленіе инвентаря. Остальная прибыль дѣлится между чрезвычайнымъ резервнымъ фондомъ, куда идетъ 60% ея, и дивидендомъ на членскія акціи, на что идетъ 40%.

Société cooperative des ouvriers parqueteurs (Кооперативное общество рабочихъ паркетчиковъ). Основано въ 1881 г. послѣ проигранной стачки, съ номинальнымъ капиталомъ въ 5000 фр. Общество по уставу „открыто для всѣхъ рабочихъ, при-

надлежащихъ къ синдикату паркетныхъ рабочихъ и относящихся совершенно одинаково къ употребляемымъ имъ рабочимъ — членамъ или не-членамъ—безразлично". За послѣднія 10 лѣтъ оно получило нѣсколько значительныхъ подрядовъ отъ правительства и Парижа на общую сумму въ 700,000 фр.

Association generale de l'ebenisterie parisienne (Общая ассоціація рабочихъ по черному дереву въ Парижѣ). Основано въ 1881 г., тоже послѣ стачки, съ 140 членами, обязавшимися внести въ капиталъ общества—взамѣнъ одной акціи—по 500 фр. каждый. Въ члены общества допускаются только рабочіе, записанные въ синдикатѣ. Каждый членъ въ отдѣльности не можетъ имѣть болѣе 2 акцій. Въ первый годъ существованія всего внесено было въ капиталъ общества 8,000 (вмѣсто 70,000 подписанныхъ). Но, благодаря кредиту и, особенно, подрядамъ, полученнымъ обществомъ отъ городского управленія, оно восторжествовало надъ всѣми препятствіями и стало прочно на ноги. Наемныхъ рабочихъ оно почти не употребляетъ. За послѣднія 10 лѣтъ оно получило нѣсколько подрядовъ отъ правительственныхъ учрежденій и главнымъ образомъ отъ Парижскаго муниципалитета на сумму въ 700—800,000 фр. Годовая прибыль общества распредѣляется слѣд. образомъ: 5%—проценты на капиталъ; 45%—раздѣляется между всѣми членами общества поровну; 25%—въ резервный фондъ и 25%—въ пенсіонной фондъ.

Société cooperative „d'éclairage moderne". (Кооперативное общество „новаго освѣщенія"). Основано въ 1882 г. съ 160 членами и основнымъ капиталомъ въ 20,000 фр. въ 100 франковыхъ акціяхъ, выплачиваемыхъ еженедѣльными взносами въ 1 фр. Каждый членъ (членами могутъ быть только рабочіе, записанные въ синдикатъ) имѣетъ только одинъ голосъ, не смотря на число акцій, которымъ онъ владѣетъ. Годовой оборотъ общества достигъ 200,000 фр. Стоимость общественныхъ контрактовъ, заключенныхъ обществомъ за послѣднія 10 лѣтъ съ городомъ и правительственными учрежденіями, доходитъ до 400,000 фр. Общество употребляетъ наемныхъ рабочихъ, которые не участвуютъ въ барышахъ, но получаютъ высшій размѣръ заработной платы и страхуются на его счетъ отъ несчастныхъ случаевъ и болѣзней.

Association d'ouvriers peintres „Le Travail" (Ассоціація маляровъ „Трудъ"). Основано въ 1882 г. съ номинальнымъ капиталомъ въ 6400 фр. Въ 1895 г. число членовъ было—23; капиталъ — 25,000 фр.; резервный, пенсіонный и др. фонды — около 60,000 фр. Общество употребляетъ наемныхъ рабочихъ, смотря по сезону, отъ 20 — 200 человѣкъ. Годовой оборотъ общества — 600 — 650,000 фр. Годовая прибыль — 50—60,000 фр. Эта прибыль распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 5% — процентъ на капиталъ; 10% — резервный фондъ;

30%—дивидендъ на трудъ—пропорціонально заработку, причемъ не дѣлается различія между членами и наемными рабочими. 20%—пенсіонный фондъ; 10%—расходы по управленію; остатокъ—дѣлится между членами общества. Рабочіе, употребляемые обществомъ, получаютъ, кромѣ дивиденда, и высшую норму заработной платы, превышающую обычный въ ремеслѣ уровень заработка на 15—20%. За время своего существованія общество получало подряды отъ города и правительства на общую сумму приблизительно въ 1,400—1,500,000 фр.

Association des ouvriers tapissiers de Paris (Ассоціація обойщиковъ въ Парижѣ). Основана въ 1884 г. съ номинальнымъ капиталомъ въ 6,350 фр., раздѣленнымъ на акціи, по 50 фр. каждая. Въ 1894 г. общество имѣло 120 членовъ, капиталъ въ 30,000 фр. и резервный фондъ въ 14,000 фр. Годовое производство—80—100,000 фр. Годовая прибыль—5—6000 фр. Прибыль распредѣляется слѣд. образомъ: 50%—въ резервный фондъ; 25%—дивидендъ рабочимъ—членамъ и не членамъ безразлично — пропорціонально ихъ годовому заработку; остатокъ—дивидендъ членамъ-акціонерамъ. Рабочая плата—значительно выше обычнаго въ ремеслѣ уровня. Рабочій день 8-ми часовой. Стоимость общественныхъ подрядовъ за время существованія общества—400,000 фр.

Association des ouvriers paveures de Paris (Ассоціація парижскихъ мостовщиковъ). Основана въ 1884 г. съ номинальнымъ капиталомъ въ 10,500 фр., распредѣленнымъ на акціи, по 100 фр. каждая. За время своего существованія ассоціація получила нѣсколько общественныхъ подрядовъ на сумму приблизительно въ 500—600,000 фр. Средняя годовая прибыль ассоціаціи равняется 7—8,000 фр. 25% этой прибыли раздѣляется въ качествѣ дивиденда на трудъ между всѣми безъ различія работниками, работавшими на ассоціацію.

Association des ouvriers menuisiers „L'Espérance du Bâtiment" (Ассоціація рабочихъ столяровъ). Основана въ 1887 г. съ капиталомъ въ 10,000 фр. Въ 1894 г. ассоціація имѣла капиталъ въ 20,000 фр., членовъ—12 и употребляла до 10 наемныхъ рабочихъ. За время своего существованія ассоціація получила нѣсколько общественныхъ подрядовъ на сумму въ 650,000 фр. Годовое производство доходитъ до 100,000 фр. Годовая прибыль—до 3—4,000 фр. Прибыль распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 5%—проценты на капиталъ; 5%—резервный фондъ; 5%—касса взаимопомощи. Изъ остающагося послѣ этихъ вычетовъ чистаго дохода 10% идутъ акціонерамъ; 10%—на пособія больнымъ членамъ; 55%—дивидендъ на трудъ членовъ, пропорціонально ихъ годовому заработку и 25%—такой же дивидендъ наемнымъ рабочимъ—не членамъ.

Union des sculpteurs-mouleurs (Союзъ токарей). Основанъ въ 1888 г. съ номинальнымъ капиталомъ въ 1,600 фр., раздѣленнымъ

на акціи, по 50 фр. каждая. Члены-основатели при всемъ своемъ желаніи не могли внести въ подписной капиталъ союза болѣе 160 фр. Ассоціаціи помогъ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ синдикатъ, взявшій на свое имя нѣсколько акцій. Въ 1894 г., однако, мы находимъ союзъ, уже ставшимъ на ноги. Его номинальный капиталъ возросъ до 23,000 фр., изъ которыхъ до 10,000 фр. было выплачено. Число членовъ союза равнялось 25. Кромѣ нихъ союзъ употреблялъ до 10 наемныхъ рабочихъ. Резервный фондъ союза достигъ до 15,000 фр. Такими хорошими результатами союзъ обязанъ главнымъ образомъ общественнымъ подрядамъ (на сумму въ 500,000 фр.), полученнымъ имъ отъ 1888 до 1895 г. отъ правительства и парижскаго городского управленія. Годовой оборотъ союза теперь достигаетъ уже до 100,000 фр. Прибыль дѣлится слѣд. образомъ: 25% идетъ въ резервный фондъ; 50%—въ пенсіонную и другія кассы взаимопомощи и 25% раздѣляется въ качествѣ дивиденда на трудъ между всѣми рабочими союза, какъ членами, такъ и не членами, пропорціонально ихъ годовому заработку. Заработная плата союза на 20% выше обычнаго уровня въ ремеслѣ.

Société coopérative des fonderies de Bugles (Кооперативное общество литейщиковъ въ Бёглѣ, въ департаментѣ Eure). — Основано въ 1892 г. съ номинальнымъ капиталомъ въ 200,000 фр., раздѣленнымъ на 400 акцій, по 50 фр. каждая. Въ 1894 г. половина подписного капитала была внесена: резервный фондъ имѣлъ въ себѣ 5,000 фр., а число членовъ общества равнялось 250. Годовое производство оцѣнивается въ 4.000,000 фр. Государственные подряды, полученные обществомъ (отъ французскаго военнаго министерства) оцѣниваются въ 7.000,000 фр. Они были взяты обществомъ съ публичныхъ торговъ и „выполнены вполнѣ удовлетворительно“. Общество почти не пользуется наемнымъ трудомъ и очень охотно принимаетъ въ свою среду новыхъ членовъ. Прибыль дѣлится слѣд. образомъ: 5%—проценты на капиталъ; 10%—въ резервный фондъ; остатокъ дѣлится между рабочими (членами или не членами—все равно) пропорціонально ихъ заработку.

Société coopérative de fourniture d'équipement et chaussures militaires de Bourges (Кооператизное общество изготовленія военной обуви въ Буржѣ). Основано въ 1894 г. въ отвѣтъ на приглашеніе военнаго интендантства взять на себя подрядъ по поставкѣ для войскъ сапогъ и другихъ принадлежностей солдатской обмундировки. Номинальный капиталъ—весь выплаченъ—5,000 фр., раздѣленный на акціи по 50 фр. каждая. Число членовъ 45, вмѣстѣ съ которыми работаютъ 50—100 наемныхъ рабочихъ. Годовое производство общества достигаетъ до 400—450,000 фр. Общество работаетъ почти исключительно на военное интендантство, контрактъ съ которымъ заключенъ до 1899 г. Прибыль распре-

дѣляется слѣдующимъ образомъ: 5%—идетъ въ резервный фондъ, а 95% дѣлится между владѣльцами акцій, пропорціонально числу акцій, которыми владѣютъ члены. Наемные рабочіе въ прибыляхъ не участвуютъ, но получаютъ высшій размѣръ заработной платы.

Association ouvrière des maçons de Paris (Ассоціація парижскихъ рабочихъ каменьщиковъ). Основана въ 1894 г. съ номинальнымъ капиталомъ въ 40,000 фр., раздѣленнымъ на 400 акцій, въ 100 фр. каждая. При своемъ основаніи ассоціація какъ и многія другія позднѣйшаго происхожденія — получила 3,000 фр. государственной субсидіи. Въ первый же годъ стоимость работъ, выполненныхъ ею по контрактамъ съ разными общественными учрежденіями, превысила 300,000 фр. Въ 1895 г. номинальный капиталъ ассоціаціи былъ—50,000 фр. (изъ которыхъ 12,000 фр. выплачено); резервный фондъ—2,300 фр.; число членовъ—14; число наемныхъ рабочихъ—отъ 15 до 45. Чистая годовая прибыль — за вычетомъ 5% выданныхъ акціонерамъ, какъ процентъ на капиталъ—въ 1894 г. равнялась 1,600 фр. Эта прибыль была распредѣлена слѣдующимъ образомъ: 20%—въ резервный фондъ; 10%—въ пенсіонную и др. кассы; 35%—дивидендъ на выплаченныя акціи и 35%—дивидендъ на трудъ, розданный пропорціонально заработку каждаго, всѣмъ, принимавшимъ участіе въ работѣ,—членамъ или не членамъ безразлично.

Association coopérative de la menuiserie moderne. (Кооперативная ассоціація изготовленія современныхъ столярныхъ издѣлій). Основана въ 1892 г. семью рабочими, внесшими до 1895 г. въ капиталъ ассоціаціи 1,000 фр. Общество получило кредитъ въ 6,000 фр. изъ „наслѣдства Рампаля“ и 2,000 фр. (въ 1894 г.), въ видѣ пособія отъ государства, что позволило имъ обзавестись необходимыми орудіями и матеріалами для выполненія нѣсколькихъ общественныхъ подрядовъ на сумму въ 100,000 фр. Кромѣ членовъ въ мастерской общества работаютъ отъ 20 до 40 наемныхъ рабочихъ, которые получаютъ не только высшую норму рабочей платы, но и особый дивидендъ за трудъ, пропорціональный ихъ годовому заработку. На этотъ дивидендъ идетъ половина всей прибыли ассоціаціи.

Мы, конечно, далеко не исчерпали имѣющійся у насъ матеріалъ, но и приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы у читателя составилось ясное представленіе о характерѣ современнаго кооперативно-производительнаго движенія во Франціи. Мы видимъ, что новое „демократическое“ направленіе, характеристику котораго мы пытались дать выше, проявляется въ немъ тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ ближе подходимъ мы къ нашему времени. Но ему приходится на каждомъ шагу бороться съ старыми, крѣпко въѣвшимися, традиціями, и до окончательной побѣды надъ ними ему еще очень далеко. Старый мелко-буржуазный типъ французской производи-

тельной ассоціаціи, съ его рѣзкимъ отдѣленіемъ членовъ отъ наемныхъ рабочихъ, съ его закоренѣлымъ недовѣріемъ къ представителямъ простого, не квалифицированнаго труда, съ его эгоистической замкнутостью, которая проявляется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ удачнѣе идутъ дѣла ассоціаціи,—сохраняетъ значительную долю своего обаянія и до сихъ поръ. Безраздѣльно господствуя почти во всѣхъ ассоціаціяхъ, ведущихъ свое начало отъ 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ годовъ, онъ часто даетъ себя чувствовать даже въ ассоціаціяхъ позднѣйшаго происхожденія; совершенно свободныхъ отъ его традиціоннаго вліянія ассоціацій во Франціи почти нѣтъ еще, если не считать таковыми предпріятія вродѣ пресловутой Verrerie ouvrière въ Алби. Но это—организація чисто партійная, а не обще-рабочая. Она, по необходимости, остается, пока по крайней мѣрѣ, въ сторонѣ отъ массоваго движенія и не оказываетъ на него никакого замѣтнаго дѣйствія. Массовое движеніе въ значительной степени продолжаетъ еще идти по традиціонному мелко-буржуазному пути, лишь медленно и постепенно измѣняя свое содержаніе и свои формы подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни и новыхъ идейныхъ теченій, возникающихъ и растущихъ въ современномъ рабочемъ населеніи...

(Окончаніе слѣдуетъ).

И. К—въ.

Всемірная борьба.

(Изъ *М. Гюйо*).

1.

Тамарисы подъ вѣтромъ вечернимъ дрожали,
Землю свѣжая тьма облегла пеленой.
Рядомъ—вѣчно сердитыя волны роптали...
Мы, не видя ихъ, шли одиноко съ тобой.

Въ отдаленьи огни яркой лентой сіяли:
То нарядный Біаррицъ горѣлъ красотой,
Въ темномъ зеркалѣ бездны любуясь собой...
Волны пылью холодной лицо обдавали.

Впереди красный свѣтъ маяка засверкалъ;
Трепеща по водѣ полосою сіянья,
Онъ манилъ и бѣжалъ, какъ надежды мерцанье...

А волна все вздымалась, рыдая у скалъ.
Мы все шли молчаливо, и въ сердцѣ угрюмо,
Какъ волна, поднималась тяжелая дума.

2.

Ты, чей голосъ тревожитъ, какъ странный призывъ,
Чье дыханіе рѣзкой струей опьяненья
Будитъ въ рѣющихъ птицахъ веселья приливъ,
Въ черномъ небѣ рождая злой крикъ восхищенья,—

Океанъ, океанъ! безпредѣльно-бурливъ,
Ты—всемірной борьбы для меня воплощенье!
И въ природѣ—все то же слѣпое стремленье,
Тѣхъ же волнъ ненасытныхъ напрасный порывъ!

Иногда сверху падаетъ лучъ: озарится
Темный гребень волны,—и отхлынетъ она
Въ вѣчный сумракъ пучинъ... Такъ, вселенной волна,

Я стремлюсь къ небесамъ: но лишь мигъ серебрится
Бѣлымъ отблескомъ свѣта мой разумъ земной—
И, разбившись, потонетъ, сольется со тьмой.

Ив. Тхоржевскій.

НА ПЬЯНОЙ ЯРМАРКѢ.

(Отрывки изъ дневника).

I.

Анюйская пустыня оживлялась съ каждымъ днемъ *). Въ глубокихъ ущельяхъ и на пологихъ скатахъ прибрежныхъ утесовъ у самой рѣки каждый день выростали, какъ грибы, высокіе кожаные шатры, то соединяясь въ шумный таборъ, то разбрасываясь по одиночкѣ на огромномъ пространствѣ. Кочевые караваны, иногда состоявшіе болѣе чѣмъ изъ ста саней, ежедневно приходили съ Медвѣжьей рѣки **) и съ Россомашьей, съ западной тундры, съ Чауна; съ морского мыса Эрри и съ верховьевъ р. Яблона, который уноситъ воды къ другому морю, съ далекаго Омоюна, гдѣ звѣзды не угасаютъ въ лѣтнія полночи, и съ холоднаго острова Айона, гдѣ незаходящее солнце видитъ рожденіе и смерть одной и той же луны. Даже съ далекаго Пээка, гдѣ море возвращается вспять, обогнувъ сѣверную страну, и съ темнаго Мечигмена, гдѣ друзья *морскихъ бородачей* (американцевъ), закапываютъ въ землю цѣлыя бочки *сердитой воды* ***) и воздвигаютъ себѣ шатры изъ краснаго сукна,—приходили гости. Многочисленныя оленьи стада бродили во всѣхъ прибрежныхъ лѣсахъ, разрывая копытами толстый снѣгъ, никѣмъ не тронутый въ теченіе всей зимы. Сквозь самую густую чащу, гдѣ съ минувшей весны еще не ступала человѣческая нога, теперь по всѣмъ направленіямъ были прорублены просѣки и наѣзжены твердыя до-

---

*) Ярмарка имѣетъ мѣсто на берегу р. Сухого Анюя, въ 250 верстахъ отъ впаденія его въ Колыму, среди пустыни, круглый годъ не посѣщаемой людьми.

**) Р. Медвѣжья впадаетъ въ Ледовитый океанъ недалеко отъ устья Колымы; р. Россомашья притокъ Сухого Анюя; Чаунъ впадаетъ въ Чаунскую губу и составляетъ границу «независимой Чукотской землицы», по выраженію древнихъ актовъ; мысъ Эрри, или Шелагскій, на Ледовитомъ океанѣ; Яблонъ притокъ Анадыра, впадающаго въ Тихій Океанъ; Омоюнъ главный притокъ Колымы, протянувшійся далеко на югъ; Восточный Пээкъ—оконечность Чукотскаго носа; Мечигменъ впадаетъ въ Тихій океанъ.

***) Сердитая вода, или просто «вода», «водица»—водка.

роги. По этимъ дорогамъ то и дѣло пролетали легкія чукотскія санки, запряженныя парой ретивыхъ бѣгуновъ, изрѣдка смѣняясь тощей фигурой ламутскаго всадника, одѣтаго въ расшитый бисеромъ праздничный нарядъ и возсѣдавшаго почти на самой шеѣ тонконогаго и долговязаго оленя...

Русскіе, по обыкновенію, запоздали. Безпорядочная груда хижинъ, окруженная покосившейся оградой и носившая громкое названіе крѣпости, стояла такъ же безжизненно, какъ прежде, занесенная снѣгомъ вплоть до черныхъ зіяющихъ оконныхъ дыръ. Дымъ выходилъ только изъ двухъ-трехъ трубъ, гдѣ пріютились бродовщики *) и нѣсколько бѣдняковъ съ нижней Колымы, пріѣхавшихъ искать у чукчей корма для своихъ голодныхъ собакъ. Они, впрочемъ, рѣдко сидѣли дома и большей частью странствовали по стойбищамъ, стараясь то лестью, то обманомъ пріобрѣсти насущный кусокъ для себя самихъ и для своей отощалой упряжки.

Многочисленные бродячіе пришельцы каждое утро и каждый вечеръ пріѣзжали въ крѣпость, чтобы убѣдиться собственными глазами, не прибылъ ли кто-нибудь изъ прошлогоднихъ друзей. Чуткія уши дикарей, привыкшія съ дѣтства различать каждый звукъ, каждый шорохъ окружающей пустыни, съ тоскливой жаждой прислушивались, не раздастся ли гдѣ нибудь знакомое гарканье каюра **), сопровождаемое собачьимъ визгомъ.

Ярмарка составляетъ для разбросанныхъ порознь дѣтей пустыни единственный общественный праздникъ, мгновенно возникающій центръ, гдѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются всѣ нити, соединяющія ихъ между собою, гдѣ обмѣниваются товары всевозможнаго происхожденія отъ американскаго ружья до ламутскаго верхового оленя, гдѣ собираются вѣсти со всѣхъ сторонъ, гдѣ перекрещиваются страсти дурныя и хорошія, сводятся счеты кровавой мести и завязываются переговоры о бракахъ еще не родившихся дѣтей. Среди обычной жизненной рутины одинокаго дикаря, эти двѣ или три недѣли составляютъ далекій свѣтлый пунктъ, къ которому стремится его мысль въ теченіе цѣлаго года. Сообщенія и слухи, прилетѣвшіе сюда, потомъ медленно катятся отъ стойбища къ стойбищу, проникаютъ въ самыя глубокія дебри горныхъ долинъ, гдѣ никогда не показывалось *бородатое лицо*, и гдѣ представленіе о чужеземцѣ расплывается въ смутныхъ и таинственныхъ представленіяхъ о злыхъ духахъ, населяющихъ земныя, надземныя и подзем-

*) Бродовщики отправляются на лыжахъ изъ Нижнеколымска въ Анюйскую крѣпость за десять или пятнадцать дней до ярмарки пробивать дорогу для другихъ нартъ. Бродовщиковъ посылаютъ въ видѣ натуральной повинности мѣщанское и якутское общество Нижнеколымскаго округа.

**) *Каюръ*—ѣздокъ на собакахъ.

ныя границы чукотской страны. Сказки, разсказанныя здѣсь, разсказываются среди обширной тундры во время безконечныхъ бдѣній на утомительной охранѣ драгоцѣннаго стада оленей отъ его многочисленныхъ враговъ...

Дни ожиданія проходили въ непрерывныхъ переѣздахъ со стойбища на стойбище, въ устройствѣ бѣговъ и игръ, къ которымъ всѣ жители тундры относятся одинаково страстно, и которыя сопровождаются пиршествами и веселыми разговорами.

Наконецъ, пріѣхали первые кладовщики *), и уже черезъ часъ крѣпость совершенно измѣнилась и наполнилась оживленіемъ и шумомъ. Около дюжины собачьихъ упряжекъ, привязанныхъ по разнымъ угламъ внутри бревенчатой ограды, подняли ужасный визгъ и вой, выражая этимъ свои естественныя чувства по отношенію къ чукотскимъ оленямъ, которые были привязаны извнѣ. У нѣсколькихъ избъ усиленно хлопотали люди, разгребая снѣгъ, навѣшивая двери, затягивая окна холстомъ и вообще наскоро приводя свои жилища въ состояніе временной обитаемости. Въ различныхъ мѣстахъ изъ широкихъ и короткихъ деревянныхъ трубъ выходили тоненькія струйки дыма, свидѣтельствовавшія о томъ, что внизу на очагѣ приготовляется соблазнительный кирпичный чай, давно уже не виданный Анюйской сѣнтухой **). Двое каюровъ подъ руководствомъ маленькаго, но сердитаго человѣка въ высокой папахѣ и странномъ мундирѣ городовыхъ казаковъ ***), хлопотали у входа въ крѣпость, кое-какъ прилаживая на мѣсто полуразсыпавшіяся половинки воротъ, провисѣвшія всю зиму на сломанныхъ петляхъ. Другой казакъ осматривалъ снаружи покосившіяся стѣны крѣпости, которыя не падали только вслѣдствіе того счастливаго обстоятельства, что различныя ихъ части наклонились въ противоположныя стороны, образовавъ въ цѣломъ довольно устойчивое равновѣсіе. Дѣятельность его ограничивалась, впрочемъ, тѣмъ, что онъ сокрушенно вздыхалъ и особенно большія дыры, подкопанныя песцами у основанія стѣнъ, засыпалъ снѣгомъ, дабы не вводить начальство въ соблазнъ и неосновательный гнѣвъ.

До сихъ поръ съѣзжался только низшій классъ порѣчанъ ****): сторожа, обязанные вычистить и отопить дома къ прі-

---

*) Купеческую кладь привозятъ на ярмарку русскіе мѣщане изъ Нижнеколымска на собакахъ.

**) *Сѣнтуха*—пустыня; также совокупность лѣсовъ, полей, рѣкъ и т. п.

***) Якутскій казачій полкъ — остатокъ городового казачества. Онъ не имѣетъ лошадей и служитъ исключительно для полицейской и почтовой службы.

****) Всѣ русскіе жители Колымскаго края, мѣщане и казаки, живутъ на рѣкѣ и занимаются рыбнымъ промысломъ. Къ нимъ примыкаютъ обрусѣлые юкагиры и значительная часть якутовъ. Другія племена, чукчи, ламуты, тунгусы, бро-

ѣзду именитыхъ людей, возчики купеческой клади, которые въ виду медленности своего движенія обыкновенно выѣзжаютъ прежде всѣхъ, наконецъ, казаки, обязанные слѣдить за порядкомъ. Не было ни одного торговца. По доброму старому обычаю они должны были явиться вмѣстѣ, и всякая попытка опередить другихъ строго наказывалась. Всего пріѣхало уже человѣкъ пятнадцать, и къ вечеру должны были прибыть по меньшей мѣрѣ еще десять нартъ.

Чукчей было больше, чѣмъ русскихъ. У воротъ, гдѣ прибивали петли, предъ лавкой, гдѣ таскали товары, даже предъ каждымъ домомъ, гдѣ чистили снѣгъ, стояли группы чукчей въ качествѣ зрителей, внимательно разсматривая работу и время отъ времени высказывая по поводу ея критическія замѣчанія.

Во всѣхъ углахъ двора уже производилась торговля первымъ и самымъ необходимымъ продуктомъ—оленьимъ мясомъ. Пріѣзжіе каюры съ ихъ упряжками съ перваго же дня прибытія нуждались въ обильной мясной пищѣ и пріобрѣтали ее за самыя ничтожныя порціи чаю и табаку. Цѣлыя туши недавно убитыхъ оленей, не выпотрошенныя, еще теплыя отъ недавняго трепетанія жизни, переходили во владѣніе русскихъ. Разрубленныя на куски, онѣ немедленно отдавались собакамъ, выражавшимъ свое голодное нетерпѣніе такимъ адскимъ воемъ, что олени, привязанные у кустовъ черезъ дорогу, вздрагивали и начинали биться.

Въ небольшой избушкѣ, сиротливо прислонившейся къ оградѣ въ глубинѣ крѣпости, огонь топился особенно ярко, выбрасывая изъ камелька цѣлые фонтаны искръ, быстро улетавшихъ въ сторону и таявшихъ въ морозномъ воздухѣ. Десятка полтора чукотскихъ гостей уже успѣли набиться въ ея тѣсномъ пространствѣ и сидѣли въ различныхъ позахъ, нетерпѣливо дожидаясь чаю, который закипалъ въ закопченныхъ котлахъ, стоявшихъ у огня. Приподнявъ край широкаго чума, которымъ было завѣшено входное отверстіе, я тоже вошелъ, или вѣрнѣе—нырнулъ въ избу и усѣлся на какой-то сумѣ, стараясь обращать на себя поменьше вниманія. Торговыя отношенія между русскими и чукчами отличаются нѣкоторыми деликатными свойствами, и я опасался стѣснить свободу если не чукотской, то русской стороны.

Чукчи при помощи огромныхъ боевыхъ ножей крошили табачные листы; для экономіи и запаха въ табакъ прибавлялась значительная примѣсь скобленнаго дерева, а иногда добрая щепотка золы. Почти у каждаго за щекой была свѣ-

---

дятъ «по горѣ», т. е. внутри страны далеко отъ рѣчныхъ артерій. Въ этомъ смыслѣ плоская низменная тундра къ западу отъ Колымы тоже считается *на горѣ*.

жая жвачка, переворачиваемая со стороны на сторону и вызывавшая отдѣленіе черной слюны, которая по временамъ съ цырканьемъ вылетала на полъ или на стѣну, Иные, кромѣ того, нюхали изъ широкой берестяной табакерки, по обязанности гостепріимства предложенной русскими друзьями.

Одинъ изъ хозяевъ, кроткій, румяный человѣкъ съ большой лысиной во всю голову и остроконечной красной бородкой, похожей на клочокъ лисьяго мѣха, суетился въ углу, доставая что-то изъ ящика.

— Скорѣе, Петукъ!—торопили его гости, какъ нетерпѣливыя дѣти:—переставь котлы: они никогда не закипятъ!

Петукъ, настоящее имя котораго было Егоръ Петрушинъ, послушно отошелъ отъ ящика и принялся переставлять чайники, подгребая подъ нихъ груду горячихъ углей.

Самымъ виднымъ гостемъ былъ хромой Погáнто, высокій тощій человѣкъ съ четыреугольными плечами и огромнымъ костылемъ, на который онъ опирался при ходьбѣ. Онъ торопливо взялъ стаканъ съ горячимъ, какъ кипятокъ, чаемъ, отхлебнулъ большой глотокъ и быстро поставилъ на мѣсто.

— Отчего не горьчитъ?—заревѣлъ онъ:—Петукъ! Русскій! Отчего наливаешь слабо?

Онъ опять поднялъ стаканъ и презрительно посмотрѣлъ его на свѣтъ.

— Блѣдно!—кричалъ онъ,—недостаточно багрово!—Петукъ, дьяволъ!.. Стыдно у русскихъ пить первый чай слабый! Я ожидалъ васъ цѣлый годъ!.. Моя глотка хочетъ горькаго! Нѣтъ водки, пусть щиплетъ горло!.. Прибавь чаю, Петукъ!

— Агалэмъ (достану)?—спросилъ по якутски товарищъ Петрушина, неуклюжій, приземистый человѣкъ съ лицомъ, изрытымъ оспой.

— На надо!—отвѣтилъ Петрушинъ тоже по якутски.—Чай и безъ того хорошъ!

Другіе гости выпили чашки и поставили на столъ для дальнѣйшаго наполненія. Увидѣвъ пустыя чашки, Поганто заторопилъ и, въ два глотка выпивъ горячій чай, тоже поставилъ стаканъ на столъ.

— Петукъ!—завопилъ онъ снова,—гдѣ сухари, гдѣ сахаръ?.. Горько, Петукъ! Глотка хочетъ сладкаго!.. Мы васъ ждали восемь мѣсяцевъ. У насъ пересохло во рту и въ горлѣ!... Петукъ!..

— Ахъ, нехристь! Ахъ, лѣшій!—возмущался по русски Петрушинъ.—То ему горькаго, то ему сладкаго! Сказано: полевая душа!— Я бѣдный человѣкъ!—сказалъ онъ ломаннымъ чукотскимъ языкомъ.—Радъ бы угостить, да гдѣ возьму?..

Однако, онъ вытащилъ изъ ящика двѣ горсти сухарныхъ крохъ и высыпалъ ихъ на бумагу, служившую оберткой чай-

нымъ кирпичамъ, прибавивъ къ нимъ нѣсколько грязныхъ зеренъ коричневаго леденца, обыкновенно замѣняющаго сахаръ при сношеніяхъ съ чукчами. Поганто счелъ себя удовлетвореннымъ, и чаепитіе совершалось уже безъ нарушенія порядка. Чашки стали наполняться мутной жидкостью свѣтложелтаго цвѣта, которая на послѣдокъ отличалась отъ простой воды только множествомъ плававшихъ въ ней чайныхъ листьевъ; наконецъ, оба чайника опустѣли, Петрушинъ снялъ ихъ съ шестка и опрокинулъ вверхъ дномъ, а человѣкъ съ рябинами убралъ посуду со стола. Угощеніе было кончено.

Петрушинъ скромно усѣлся на скамью противъ Поганто.

— Ахъ, я совсѣмъ безъ одежды!—началъ онъ.—Хоть-бы пару пыжиковъ *) достать, хорошо было-бы!..

— Пыжики рѣдки въ этомъ году!—политично отвѣтилъ Поганто.—Чукчи мало принесли... Все, что было, отдали кавралинамъ **) за ремни!..

— И чай тоже рѣдокъ!—сказалъ Петрушинъ ему въ тонъ,—*Большіе купцы* совсѣмъ не пріѣхали. Все приказчики. Даже русскимъ перестали давать!..

Поганто промолчалъ.

— Что же, другъ?—началъ Петрушинъ уже прямо,—дай что нибудь на одежду! Видишь, совсѣмъ обносился!..

— У меня тутъ нѣтъ,—уклончиво отвѣтилъ Поганто.—Поищу развѣ дома!..

— Вотъ!—сказалъ молодой чукча съ чрезвычайно грязнымъ лицомъ, вытаскивая изъ за пазухи небольшую связку выпоротковъ ***),—табакъ!—прибавилъ онъ лаконически.

— Куда же я съ ними?—недовольно поморщился Петрушинъ.—Развѣ для купцовъ?.. Да и то сѣрые! Сѣрые никуда не годны!..

Петрушинъ нехотя швырнулъ связку на скамью и, порывшись въ сумѣ, вытащилъ такую маленькую папушку табаку что приходилось не болѣе одного листа за шкурку. Онъ былъ всетаки очень недоволенъ покупкой, которая не обѣщала никакихъ выгодъ.

— Если бы увидѣть водочку,—началъ грязнолицый,—можно было бы найти и черныхъ!..

Петрушинъ презрительно повелъ носомъ.

---

*) *Пыжикъ*—шкура шестимѣсячнаго оленняго теленка.

**) Оленные чукчи называютъ *кавра́линами* выходцевъ изъ приморскихъ чукотскихъ селеній, приходящихъ большей частью съ торговыми цѣлями. Кавралины привозятъ для продажи ремни изъ моржовой шкуры и жесткія кожи *лахтаковъ* (phoca barbata), обмѣнивая ихъ у оленеводовъ на убойныхъ и упряжныхъ оленей. Спросъ на ремни и лахтаки всегда превышаетъ предложеніе.

***) *Выпоротокъ*—шкура оленьяго теленка вскорѣ послѣ рожденія. Черный выпоротокъ цѣнится гораздо дороже сѣраго.

— Была бы водка,—сказалъ онъ отвлеченно,—ее кто отдалъ бы за выпоротки? Развѣ чукчи обнищали и у нихъ не нашлось бы лисицы на выпивку?..

— Ну, это возьми!—сказала старуха съ морщинистымъ лицомъ и сѣдыми растрепанными волосами, остриженными по мужски. Она развязала платье, обнаживъ давно увядшую грудь и, низко нагнувшись, вытащила изъ штанины три мерзлыхъ языка, слипшихся въ одно цѣлое и уже оттаявшихъ снаружи отъ пребыванія въ оригинальномъ хранилищѣ. Языки были покрыты шерстью, которую старуха принялась собирать губами, время отъ времени сплевывая въ сторону.

— Возьми!—повторила она, протягивая, наконецъ, Петрушину свой мокрый даръ:—сахаръ!..

Но Петрушинъ рѣшительно отклонилъ ея предложеніе.

— Мнѣ не надо ѣды!—сказалъ онъ почти съ ожесточеніемъ,—я ищу одежду!..

Гости понемногу стали уходить. Съ такимъ бѣднымъ и скупымъ человѣкомъ не стоило и затѣвать торгъ.

141-го полка

II.

Я вышелъ вслѣдъ за чукчами и пошелъ на другой конецъ крѣпостного двора, направляясь къ большой избѣ, гдѣ остановился одинъ изъ казаковъ, мой старый знакомый изъ Среднеколымска. Каминъ въ этой избѣ топился, выбрасывая искры изъ трубы, но, къ моему удивленію, дверь была плотно завязана изнутри какъ бы въ знакъ того, что хозяинъ ея не желаетъ на сегодня имѣть сношеній съ посторонними людьми. Я остановился въ нерѣшимости, но черезъ минуту двое чукчей подошли къ двери и стали изо всей силы дергать за скобу,

— Стой, стой! — заворчалъ кто-то изнутри. — Оборвешь ремень!..

Изъ за пріотворенной двери высунулась большая рука въ мѣховомъ рукавѣ и безъ церемоніи толкнула въ грудь одного изъ назойливыхъ посѣтителей. Чукчи нисколько не смутились и не обидѣлись такимъ пріемомъ, а только многозначительно указали пальцемъ на грудь кукашки *), странно оттопырившуюся, какъ будто мѣшокъ съ рухлядью. Повидимому, этотъ жестъ былъ лозунгомъ: дверь пріотворилась, пропустивъ прищельцевъ. Я воспользовался этимъ, чтобы тоже проникнуть въ таинственное святилище.

Въ наружной половинѣ избы было темно и пусто. Окна ея

*) *Кукашка*—мѣховая рубаха съ низко вырѣзаннымъ воротомъ.

были закрыты ставнями, и она оканчивалась новой дверью, обтянутой шкурами и охраняемой не менѣе ревностно. Священнодѣйствіе происходило внутри, за этой дверью. Молодой и красивый человѣкъ средняго роста съ нѣжными голубыми глазами и пріятнымъ лицомъ, опушеннымъ бѣлокурой бородкой, стоялъ у стола, осторожно наливая водку изъ черной бутылки въ бѣлую фаянсовую чашку, которую держалъ въ рукѣ.

На встрѣчу намъ, онъ поднялъ голову и, увидѣвъ меня, сдѣлалъ короткій поклонъ, потомъ снова вернулся къ своему занятію. Онъ зналъ, что не имѣетъ причины опасаться нескромности съ моей стороны. Человѣкъ пять чукчей стояли вокругъ него и съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли на его руки. Въ комнатѣ царила тишина, слышно было только, какъ журчитъ и булькаетъ драгоцѣнная влага, наполняя чашку. Чукчи всецѣло перешли въ зрѣніе: каждый изъ нихъ, казалось, готовъ былъ вскочить въ чашку. Наконецъ, красивый виночерпій поставилъ бутылку на столъ и, поднявъ чашку въ рукѣ, обвелъ присутствующихъ вопросительнымъ взглядомъ.

— Мнѣ! мнѣ, Митька!—загалдѣли чукчи, тѣснясь вокругъ чашки и потрясая песцовыми шкурами, которыя каждый изъ нихъ приготовилъ заранѣе и сжималъ въ рукахъ. Одинъ изъ новопришедшихъ, у котораго шкурка была еще за пазухой, сталъ съ судорожной торопливостью выдергивать ее, чуть не разрывая слишкомъ узкій воротъ кукашки.

— Тише, тише! — закричалъ русскій, — разольете водку! Онъ былъ выпивши и ему, видимо, нравилась эта дикая сцена.

— А мы гуляемъ съ чукчами!.. немножко!..—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и весело подмигивая на окружающихъ.

— Ну, пейте съ краю!—продолжалъ онъ, обращаясь къ чукчамъ, и подалъ чашку тому, кто стоялъ ближе всѣхъ, въ то же время вырывая у него свободной рукой три свѣтлосѣрыхъ шкурки, которыя на мгновеніе поднесъ къ глазамъ и презрительно бросилъ въ сторону.

— Больше одной не дамъ!—сказалъ онъ рѣшительно.

Но чукча даже не слышалъ оцѣнки. Онъ схватилъ чашку и припалъ къ ней губами, какъ будто утоляя пятидневную жажду. Медленно вытянувъ влагу, онъ запрокинулъ голову, заставляя стекать въ ротъ послѣднія капли. Наконецъ, убѣдившись, что чашка окончательно опустѣла, онъ еще внимательно заглянулъ внутрь, какъ бы ожидая, что изъ стѣнокъ ея выступитъ новая жидкость.

— Аѳонька! Наливай имъ!—крикнулъ Митька своему товарищу, молодому малому, со скуластымъ лицомъ и узенькими щелками вмѣсто глазъ, облеченному въ старую куртку изъ оленьей шкуры, крытую бурымъ пыжикомъ,—тому самому, который открывалъ намъ дверь. То былъ якутъ изъ

Средняго *), привезшій Митьку на ярмарку на своихъ собакахъ. Аѳонька взялся за бутылку; шкурка за шкуркой переходили изъ чукотскихъ рукъ во владѣніе Митьки, оплачиваясь то одной чашкой, то чашкой съ четвертью скверной водки, сильно разведенной обыкновенной водою.

— Только!—сказалъ онъ, удовлетворивъ троихъ при помощи другой бутылки, стоявшей на столѣ.—Схожу? — прибавилъ онъ вопросительно, опрокидывая вторую бутылку надъ чашкой, чтобы выцѣдить остатокъ.

— Сходи къ чорту!—грубо возразилъ Митька, вырывая у него бутылку.—Еще поспѣешь моимъ добромъ горло налить! Самъ схожу!

Захвативъ обѣ бутылки, онъ отправился въ темный чуланчикъ, скромно прилѣпившійся съ боку избы, и черезъ нѣсколько минутъ возвратился съ новымъ запасомъ живительной влаги. Чукчи жадно смотрѣли на него. Послѣдній покупатель былъ удовлетворенъ, у нихъ не осталось болѣе ни одного песца. Митька посмотрѣлъ на нихъ смѣющимся взглядомъ.

— А теперь я самъ выпью! — сказалъ онъ, наливая себѣ чашку также медленно, какъ и первому чукчѣ, и неторопливо поднося ее къ губамъ.

— У-ухъ!—простонали чукчи отъ зависти, когда онъ поставилъ на столъ пустую чашку.

— А вы не хотите ли? — обратился ко мнѣ хозяинъ, потрясая бутылкой.

Я поспѣшилъ отклонить предложеніе.

— Ну, вы чего?.. Идите!—началъ онъ снова, обращаясь къ чукчамъ.—Нѣтъ песцовъ, нѣтъ и водки!

— Эгей! **)—подтвердили гости, но ни одинъ не тронулся съ мѣста.

— Другъ!—началъ заискивающе человѣкъ съ грязнымъ лицомъ, который успѣлъ уже послѣ Петрушина очутиться здѣсь. — Другъ! Выпоротки! — и онъ сталъ съ видимымъ усиліемъ вытаскивать изъ рукава связку черныхъ, гладкошерстныхъ головокъ.

— Не надо, не надо!—замахалъ руками Митька.—Это какая пушнина!..

— Другъ, другъ!—уговаривалъ его грязнолицый,—полчашки! другъ!.. половину маленькой чашки, чтобы замочить губы!..

Митька взялъ у него выпоротки съ притворной неохотой и налилъ ему полчашки.

---

*) Среднеколымскъ и Нижнеколымскъ въ простонарѣчіи называются *Средній* и *Нижній*.

**) Междометіе утвержденія—Ладно! Хорошо!

— Другъ!—застонали другіе чукчи.—А намъ что же?..

— Чего дадите?—грубо возразилъ Митька.—Водку въ долгъ не даютъ!..

— Другъ!—настаивали чукчи, подступая къ столу.—Возьми кукашку! У меня новая кукашка!..

— Возьми штаны, мохнатые, черные! Сюда идти жена сшила!.. Обутки! Бѣлые обутки!.. Шапку!.. Зажги душу, другъ.

Они торопливо раздѣвались, оставляя на себѣ только нижнее платье, и обступали Митьку и его бутылку, потрясая самыми разнообразными предметами одежды.

— Идите! — выпроваживалъ ихъ Митька. — Идите безъ грѣха!

— Однако, обобралъ всю одежду, опустошивъ для расплаты принесенныя бутылки и даже совершивъ новое путешествіе въ чуланъ.

— Ты зачѣмъ пускаешь худыхъ?—сказалъ онъ Аѳонькѣ, когда посѣтители были кое какъ выпровожены.—Да еще помногу?.. Пускай по одному, да тѣхъ, кто побогаче!..

— А кто ихъ знаетъ?..—безпомощно отвѣтилъ Аѳонька, — который бѣдный, который богатый? Они всѣ на одно лицо!..

У наружной двери опять послышалось нетерпѣливое дерганье.

— Посмотри, кто!—сказалъ Митька,—если худые, не пущай!..

Но Аѳонька, выглянувъ изъ двери, торопливо отстранился, давая проходъ двумъ новымъ посѣтителямъ. То были Уквутъ и Чепатка, носовые купцы *), быть можетъ, самые богатые изъ всѣхъ, пришедшихъ на торгъ.

Чепатка вошелъ первый. Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на этого кавралина, имя котораго я неоднократно слышалъ въ связи съ самыми разнообразными разсказами. То былъ высокій, плотный человѣкъ, крѣпкій, какъ дубъ, съ широкими плечами и смуглымъ, суровымъ лицомъ. Маленькіе глазки его недовѣрчиво и пренебрежительно поблескивали изъ подъ нахмуренныхъ бровей. Про Чепатку говорили, что ножъ его трижды отвѣдалъ человѣческой крови, что на островахъ у ыкыргаулей **) они съ братомъ добывали бобровыя и лисьи шкурки не торговлей, а грабежомъ, что рука его можетъ удержать за рога дикаго оленьяго быка, и что противникъ еще ни разу не повалилъ его на землю въ борьбѣ. Уквутъ, приземистый съ короткой шеей, хитрымъ взглядомъ и крѣп-

---

*) Русскіе на Колымѣ называютъ всѣхъ приморскихъ чукчей *носовыми*, хотя приморскіе чукотскіе поселки тянутся на много сотенъ верстъ къ западу отъ Чукотскаго Носа.

**) *Ыкариаулинъ*—рогатый. Такъ называютъ чукчи жителей прибрежныхъ острововъ американскаго материка за ихъ обыкновеніе вставлять крупныя бусины въ особые прорѣзы по бокамъ рта.

кимъ выпуклымъ черепомъ, опоясанный нитью золотистыхъ бусъ, остановился на минуту у входа.

— Леле! — крикнулъ онъ черезъ дворъ. — Ты зачѣмъ отстаешь, дуракъ?

Шустрый мальчикъ лѣтъ десяти или двѣнадцати, съ бѣгающими глазами и гладкоостриженной круглой, словно выточенной головой, одѣтый въ сѣрую кухлянку изъ толстой парусины, очевидно, американскаго происхожденія, поспѣшно выбѣжалъ изъ за амбара, у стѣны котораго онъ дразнилъ упряжку русскихъ псовъ, привязанныхъ къ кольямъ, и наслаждался ихъ безсильной яростью. Уквутъ схватилъ его за руку и поддернулъ къ себѣ.

— У-у!—ворчалъ онъ безъ словъ, какъ разозленный медвѣдь ворчитъ на слишкомъ шаловливаго медвѣженка.

Онъ положилъ другую руку на голову мальчика, повидимому, намѣреваясь дернуть его за широкую бахрому волосъ, оставленную впереди по чукотскому обычаю, но ладонь его только скользнула по жесткимъ чернымъ волосамъ и опять опустилась внизъ.

— У-ухъ!—простоналъ Уквутъ, входя въ комнату и зажмуриваясь отъ удовольствія.—Ухъ! какъ водкой пахнетъ!

Онъ замоталъ головой, чтобы выразить свой восторгъ. Чепатка молча стоялъ посреди комнаты. Только ноздри его раздувались и втягивали соблазнительный запахъ.

— Водки! — сказалъ онъ, наконецъ, вытаскивая изъ за пазухи пушистую красную лисицу и протягивая ее хозяину.

Митька принялъ лисицу не глядя.

— Бутылка!—сказалъ онъ.

Но носовые купцы были опытнѣе простодушныхъ оленеводовъ.

— Мало!—сказалъ Чепатка,—за лисицу мало!

Онъ извлекъ изъ за пазухи большую бутылку синяго стекла и поставилъ ее на столъ.

— Вотъ лисья бутылка! — прибавилъ онъ, — за лисицу полная!..

Уквутъ тоже досталъ свою посудину. Митька сталъ переливать водку изъ своихъ бутылокъ въ чужія. Оказалось, что чукотскія бутылки наполнились только до того мѣста, откуда горлышко начинаетъ съуживаться.

— Долей!—сказалъ Чепатка.—Лисья бутылка полная, до верху!.. Долей!—неожиданно взвизгнулъ онъ послѣ краткой паузы такимъ страннымъ тонкимъ голосомъ, какого никакъ нельзя было ожидать отъ этой массивной туши.

Въ этой комнатѣ, наполненной запахомъ спирта, чукотскій богатырь началъ пьянѣть, не сдѣлавъ еще ни одного глотка. Митька бросилъ бѣглый взглядъ на Чепаткино лицо, на его горящіе

глаза и въ особенности на раздутыя, нервно дрожавшія ноздри и, напротивъ, вдругъ отрезвѣлъ.

— Эгей!—отвѣтилъ онъ послушно на окрикъ и, взявъ со стола большую желѣзную чашку, отправился въ чуланъ. Чрезъ минуту онъ уже готовился доливать бутылки.

— Стой!—остановилъ его недовѣрчивый Чепатка.—Можетъ, это вода!..—и взявъ у него чашку изъ рукъ, онъ омочилъ въ ней губы, мужественно удерживаясь, чтобы не сдѣлать глотка.

— Водка!—объявилъ онъ, пожевавъ губами, — крѣпкая! — прибавилъ онъ съ оттѣнкомъ дружелюбія въ голосѣ, которое относилось скорѣе къ напитку, чѣмъ къ его владѣтелю.

Но при переливаніи возникло неожиданное затрудненіе. У Митьки не было воронки, а лить черезъ край изъ чашки было очень неудобно.

Какъ ни примащивали Митька и Чепатка чашку къ бутылкѣ, а выходило, что значительная часть драгоцѣннаго напитка должна вылиться на полъ. Аѳонька нашелъ выходъ.

— Дай, я сдѣлаю! — сказалъ онъ, завладѣвая чашкой, и, набравъ большой глотокъ водки, онъ безъ церемоніи выпустилъ его въ Чепаткину бутылку прямо изо рта.

— Полнѣе!—ворчалъ Чепатка.—До верху, до верху!—и онъ показывалъ своимъ заскорузлымъ пальцемъ на верхній рубчикъ стекляннаго ободка, охватывающаго горлышко.

Наконецъ, обѣ бутылки были долиты. Аѳонька заглянулъ въ чашку точно также, какъ заглядывали въ нее недавно ушедшіе чукчи. Въ ней не осталось ни капли. Митька на счетъ водочной мѣры обладалъ орлинымъ взглядомъ.

— А, налимьи глаза, осетровыя щеки! — выругался онъ про себя по якутски и сплюнулъ въ сторону.

— Мнѣ тоже!—потребовалъ Леле, доставая изъ за пазухи песца и небольшую тонкую сороковку бѣлаго стекла.

Чепатка нагнулся надъ бутылкой, стоявшей на землѣ, и сдѣлалъ короткій глотокъ. Онъ боялся поднимать ее, чтобы не расплескать жидкости. Избавившись отъ этого опасенія, онъ схватилъ ее, поднесъ ко рту и сталъ пить, медленно отклоняя назадъ голову по мѣрѣ того, какъ пустѣла бутылка. Когда осталось не болѣе трети, онъ поставилъ бутылку на столъ. Уквутъ и Леле завладѣли чашками и угощались, наливая понемногу изъ своихъ бутылокъ.

— А мнѣ нальешь, Леле?—шутя спросилъ Уквутъ.

— Харэмъ (не дамъ),—проворчалъ мальчикъ и, наскоро заткнувъ пробкой свою бутылку, спряталъ ее за пазуху и даже на всякій случай отодвинулся отъ отца.

— Дуракъ! — смѣялся Уквутъ, — прячетъ на брюхѣ, гдѣ всякій отниметъ... Можно спрятать въ брюхо, тогда никто не отниметъ!..—и онъ сдѣлалъ глотокъ прямо изъ бутылки.

— О, Чепатъ, богатый купецъ!—вдругъ завопилъ Чепатка протяжнымъ голосомъ, опираясь руками на столъ,—слушайте, люди! Одинъ Чепатъ богатый купецъ! Всѣ кавралины дрянь, навозъ! Чепатъ имѣетъ много мѣховъ!.. Долей бутылку, Митька!—закончилъ онъ. — Развѣ у меня нѣтъ платы? Вотъ! Вотъ! Вотъ! — онъ началъ извлекать изъ какихъ то невидимыхъ тайниковъ, расположенныхъ на его груди и спинѣ, лисьи и песцовыя шкуры и бросать ихъ на полъ.

— Убери, убери это! — сказалъ съ сожалѣніемъ Митька, поглядывая на великолѣпные мѣха, разостланные у его ногъ.—Нѣту платы! Вотъ Богъ: немножко осталось! Себѣ берегъ, да ужъ что съ тобой дѣлать—отдамъ!..

Онъ вынесъ изъ чулана боченокъ, въ которомъ, дѣйствительно, плескалось на днѣ немного водки. Впрочемъ, Чепатка опомнился и уже убралъ свои богатства. Въ его разсчеты не входило пропить такъ много еще до пріѣзда купцовъ, когда водка была въ особенности дорога. Но бутылку ему было необходимо дополнить, чтобы отнести ее брату, который остался дома по его настоянію. Канчіу во хмѣлю былъ еще буйнѣе Чепатки, и старшій братъ въ дни кутежа старался удерживать его подальше отъ казаковъ.

Наконецъ, носовые ушли.

— А я надулъ ихъ!—сказалъ Митька лукаво, вынося изъ какого-то потаеннаго угла еще чашку, прикрытую сверху блюдечкомъ. Широко улыбаясь, онъ поднесъ ее ко рту и сталъ пить маленькими глотками. Аѳонька смотрѣлъ сердито. Ему не было причины улыбаться, ибо горло его все еще оставалось сухо.

— На, Аѳонька! — наконецъ, сказалъ Митька, протягивая ему недопитую чашку, но въ эту самую минуту чья-то нетерпѣливая рука такъ сильно дернула наружную дверь, что оборвала веревку, и тотчасъ же какая-то растрепанная фигура ввалилась въ комнату. Митька, не имѣя времени передать Аѳонькѣ чашку, однимъ широкимъ глоткомъ втянулъ въ себя ея содержимое и быстро поставилъ на столъ.

— Ты, Кеулинъ?—сказалъ онъ, взглянувъ на пришедшаго съ безпокойной усмѣшкой.—Ну, братъ! Я водку всю продалъ! Тебѣ оставлялъ, да носовые силой отняли. Ты ужъ не сердись! Теперь ничего нѣтъ!..

Кеулинъ былъ молодой, здоровый чукча съ коренастой фигурой, обличавшей значительную силу, съ круглымъ, нѣсколько приплюснутымъ черепомъ и злымъ лицомъ, очень напоминавшимъ разозленнаго бульдога.

— Какъ нѣтъ?—крикнулъ онъ, хватая Митьку за рукавъ.— Врешь! Ты обѣщалъ! Давай!..

Онъ рѣшительнымъ жестомъ вытащилъ изъ за пазухи сиводушку *) и бросилъ ее на полъ.

— Нѣту! — повторилъ Митька, отворачиваясь, чтобы не глядѣть на сиводушку.

— Зачѣмъ все продалъ?—заревѣлъ чукча,—зачѣмъ мнѣ не оставилъ?..

— У меня есть водка!—неожиданно сказалъ Аѳонька, подходя къ бѣсновавшемуся Кеулину.

— На, на, возьми!—Кеулинъ началъ совать ему сиводушку въ руки.—Сколько?..

— Одна бутылка!..

— Еще чашку!—отчаянно сказалъ Кеулинъ.

То была совершенно неслыханная цѣна — сиводушка, хотя и не перваго сорта, на худой конецъ, стоила восемь рублей.

— Ей Богу, нѣту!—побожился Аѳонька по русски.—Нѣту, нѣту, нѣту! Только одна бутылка у меня!

— Давай!—сказалъ Кеулинъ, вытаскивая изъ за пазухи странной формы кувшинчикъ, глиняный, съ двумя ручками, вѣроятно, служившій нѣкогда помѣщеніемъ для американскихъ пикулей.

— Еще чашку!—опять завопилъ онъ, спрятавъ за пазуху наполненный кувшинчикъ.—Не уйду безъ чашки?..

Митька подошелъ къ нему со сжатыми кулаками.

— Ты меня знаешь, Кеулинъ?—спросилъ онъ зловѣщимъ тономъ.

Кеулинъ сразу притихъ и попятился назадъ. Димитрій Корзубьевъ считался однимъ изъ самыхъ храбрыхъ казаковъ команды и славился спеціальнымъ умѣньемъ расправляться съ чукчами. Помимо того, русскихъ было двое, а Кеулинъ одинъ. Наконецъ, чукчи вообще боятся заводить драку въ закрытомъ помѣщеніи, которое имъ представляется исполненнымъ ловушекъ.

— Дайте хоть горло промочить! — сказалъ Кеулинъ жалобно.

— Пошелъ вонъ!—отвѣтилъ Митька, наступая на него.

— Эгей!—сказалъ Кеулинъ упавшимъ голосомъ и вышелъ вонъ, не закрывъ за собой двери.

Въ комнатѣ у русскихъ послѣ удаленія Кеулина наступила неловкая пауза.

— Аѳонасій!—сказалъ, наконецъ, Митька съ дѣланнымъ спокойствіемъ.

---

*) *Сиводушка*—лисица съ широкимъ чернымъ крестомъ на передней половинѣ спины и темно-пепельнымъ задомъ, цѣнится гораздо дороже обыкновенной красной лисицы.

— А?—неохотно отозвался Аѳонька изъ своего угла.—Тохъ надо (что нужно)?..

— У тебя чья водка?

— Минъ арагым (моя водка)!—торопливо сказалъ Аѳонька. Онъ вдругъ пересталъ говорить по-русски.

— Врешь, *марзавецъ*! То ты изъ моего боченка укралъ! А я дивлюся, отчего мало!..

— Моя водка!—сказалъ Аѳонька тономъ непоколебимаго убѣжденія.—У твоей были печати!..

— Ну да, печати! Ты будто изъ подъ печатей не украдешь? Да ты у живого человѣка кишки изъ утробы украдешь, а онъ весь цѣлый ходить станетъ!..

Якуты, дѣйствительно, умудряются красть спиртъ изъ запечатанной деревянной посуды. Они раздвигаютъ острымъ ножемъ клепки днища, вставляютъ туда соломинку, а потомъ тщательно замазываютъ щель, такъ что съ непривычки найти ее почти совсѣмъ невозможно.

— То моя сиводушка!—настаивалъ Митька, подвигаясь къ Аѳонькиному углу.—Ты мою водку укралъ!..

— Моя водка!—возражалъ Аѳонька по прежнему, отодвигаясь, однако, къ двери.—Собственная моя!..

— Отдай лучше добромъ!—съ угрозой сказалъ Митька, придвигаясь еще ближе и наступая на него.

— Только тронь!—завопилъ вдругъ Аѳонька съ характерно визгливыми якутскими интонаціями.—Я на всю крѣпость шумъ подниму... Ты каку водку ищешь?—азартно закричалъ онъ, возвращаясь къ недавно покинутому имъ русскому нарѣчію.—Я найду управу, какая у казаковъ водка!.. Вы съ командиромъ весь народъ исплѣнили, всѣхъ купцовъ оторговали!.. Тронь только!.. Я докажу!.. По чукотскимъ стойбищамъ ѣздите, флягами возите!.. Послѣ васъ выпоротка на шапку не остается! Все собираете!.. Я найду концы...

— Замолчи, зараза!..—сказалъ пораженный Митька, отступая отъ него, какъ отъ змѣи.—Замолчи, собака! Подавись ты водкой и сиводушкой своей, сулема!

Аѳонька сѣлъ на скамейку, очевидно, довольный произведеннымъ эффектомъ.

Опять наступила пауза.

— Аѳонька!—спросилъ вдругъ казакъ совсѣмъ другимъ тономъ.—У тебя есть еще водка?..

— Есть чашка спирту!—отвѣтилъ Аѳонька отрывисто, но безъ признаковъ вражды.

— Выпьемъ, Аѳонька? А?—закричалъ Митька, который вдругъ началъ пьянѣть.—Гуляй наша!.. Аѳоня, выпьемъ, пожалуйста!—повторилъ онъ жалобно и настойчиво, не получая отвѣта. Но Аѳонька сдѣлалъ видъ, что не слышитъ.

— Ну такъ продай, Иродово племя!—крикнулъ Митька пьянымъ голосомъ.—Куплю я! Димитрій Корзубьевъ *моготъ* купить одну чашку!..

Аѳонька опять промолчалъ.

— Говори прямо!—настаивалъ казакъ.—Во что цѣнишь? Будемъ говорить прямо!

— Какъ людямъ, такъ и тебѣ, — скромно выразилъ Аѳонька,—песца!

— Бери!

Казакъ досталъ изъ сумы, куда уже успѣлъ сложить торговую добычу, бѣлую песцовую шкуру и швырнулъ ее товарищу, позаимствовавъ свой жестъ у недавнихъ покупателей чукотскаго племени. Аѳонька спряталъ песца въ собственную суму и извлекъ чашку спирту изъ какихъ-то потаенныхъ глубинъ, еще болѣе недоступныхъ, чѣмъ тайники самого Митьки.

— Аѳоня!—кричалъ черезъ нѣсколько времени Митька,—Аѳоня, другъ, хочешь выпить?.. Пить будемъ и гулять будемъ!—бормоталъ онъ заплетающимся языкомъ, падая на лавку.

— Спасибо!—сказалъ Аѳонька, принимая угощеніе.

Если будешь за мной гнаться,
Потеряешь свой споко-ой!—

затянулъ Митька, широко разѣвая ротъ и вытягивая ноги на скамьѣ.

На дворѣ раздался вдругъ такой страшный вой, что въ сравненіи съ нимъ всѣ предыдущіе звуки могли назваться полной тишиной.

— Пойтить посмотрѣть! — сказалъ Аѳонька, надѣвая шапку.—Кто-же пріѣхалъ?..

— Ты куда, другъ?.. Куда, мой другъ, куда стремишься?—остановилъ его Митька, опять переходя на речитативъ.

— Спи, спи!—отвѣтилъ Аѳонька,—угомону на тебя нѣтъ, сатана!..

И захлопнувъ дверь уже снаружи, онъ замкнулъ ее висячимъ замкомъ, чтобы заградить доступъ въ это жилище всѣмъ чукотскимъ и ламутскимъ гостямъ. Митька уже засыпалъ, растянувшись поперекъ лавки и вытянувъ ноги далеко по землѣ.

III.

Ворота крѣпости были широко открыты. Длинная вереница высокихъ нартъ, запряженныхъ бѣшеными упряжками въ двѣнадцать и четырнадцать псовъ, въѣзжала во дворъ.

— Анадырскіе! анадырскіе ѣдутъ!—кричали русскіе каюры, выбѣгая на встрѣчу.

— Ку-ухъ! Ку-ухъ!—раздавалось громкое протяжное гарканье анадырскихъ каюровъ, перескакивавшихъ черезъ нарту съ удивительвой быстротой и проворствомъ. Отъ самыхъ воротъ былъ раскатъ вправо. Нужно было много вниманія и осторожности, чтобы во время отдернуть въ узкомъ проходѣ высокую и громоздкую нарту, упрямо набѣгавшую на косякъ приворотной башенки. Я сталъ считать и насчиталъ 22 нарты.

— О, сколь много!—сказалъ Аѳонька, прикрывая руками глаза и стараясь разсмотрѣть лица пріѣхавшихъ,—Кобелевъ, Хитровъ, Алинъ. Всѣ видно пріѣхали!—прибавилъ онъ направляясь къ невзрачной, полуразвалившейся избѣ, около которой нѣсколько анадырщиковъ привязывали своихъ собакъ.

— О, и клади!—сказалъ онъ опять, завистливымъ взглядомъ осматривая тяжело нагруженныя нарты.—Будетъ купцамъ на разживу!..

— О, Коркутской!—привѣтствовалъ онъ маленькаго очень смуглаго человѣка, съ лицомъ инородческаго типа, который осматривалъ ремни у клади.

— Здравствуй, братъ! Ты опять пріѣхалъ?..

— Э-э!—отвѣтилъ Коркутской,—я у Кобелева!..

Пріятели поздоровались по якутски, т. е. приложились крестъ на крестъ щеками, потомъ коснулись другъ друга губами въ видѣ поцѣлуя.

— Сказывай!

— Спрашивай!

— Что видалъ?

— Ничего не видалъ!

— Что слыхалъ?

— Ничего не слыхалъ!

— Каково у васъ?..

— Слава Богъ! все здорово!.. А у васъ каково?..

— Нѣтъ, слава Богъ!..

— Каково ѣхали?

— Хорошо!..

Наступило непродолжительное молчаніе.

— Что, мнòгеро пріѣхали?—спросилъ Аѳонька.

— Что прошлогодни, то и севодни!—отвѣтилъ анадырщикъ съ усмѣшкой.

— Чукчей много видѣли?

— Идутъ!—сказалъ анадырщикъ,—тойбòновскихъ сегодня обогнали. Погодя прикочуютъ!..

— А что чукчи ботатые?..

— Богатые!—сказалъ анадырщикъ, утвердительно кивая головой.

— Чѣмъ возьмемъ?—мимоходомъ вздохнулъ Аѳонька.— Купцамъ достанется. А вы, *оннако* *), богаче?..

— Не знай!—лукаво прищурился анадырщикъ.—Въ карманѣ, не на арканѣ!..

Маленькій казакъ, исполнявшій обязанности привратника, выживалъ чукчей изъ крѣпости, намѣреваясь запереть ворота.

— Ступайте! Ступайте!—кричалъ онъ по русски, угрожающе размахивая замкомъ,—пора запирать!..

Солнце сѣло. Широкая заря, занимавшая полънеба, поползла съ запада на востокъ, окрашивая багровыми полосами стаю мелкихъ тучекъ, неизвѣстно откуда собравшихся надъ горизонтомъ. Вечерній морозъ снова сковалъ высокій глиняный яръ, нависшій надъ Анюемъ, оттаявшій и почернѣвшій на полдневномъ солнцѣ. Собаки, уставшія отъ далекаго дневнаго перехода, свертывались въ клубокъ и умащивались на отдыхъ у привязи. Наступала бодрая, свѣтлая ночь, давая краткій отдыхъ быстро засыпавшей крѣпости, готовившейся съ утра начать неугомонную дѣятельность торопливой торговли.

IV.

На другой день съѣздъ порѣчанъ былъ въ полномъ разгарѣ. Правда, „большіе люди“, т. е. начальство, духовенство и купцы еще отсутствовали и должны были прибыть только къ слѣдующему утру, но черный колымскій народъ почти весь уже былъ на лицо. Всю ночь приходили нарта за нартой, привозя купеческія и казенныя клади, собрались всѣ казаки, прибыли чукотскіе подарки: свинецъ и порохъ въ крѣпкихъ деревянныхъ ящикахъ, какіе-то кули и сумы съ неизвѣстнымъ содержаніемъ. Передъ купеческими амбарами стояли повсюду нарты, заваленныя широкими вьючными ящиками, кожанными мѣшками, огромными рогожными кулями съ листовымъ табакомъ, котлами, желѣзными и мѣдными издѣліями. Почти изъ каждой трубы выходилъ дымъ. Бабы съ подтыканными подолами и всѣ въ грязи то и дѣло выбѣгали на дворъ, бойко топоча по мокрому снѣгу босыми подошвами. Онѣ мазали полуобвалившіеся камельки, мыли и скребли полы, съ торопливымъ остервенѣніемъ счищая прошлогоднюю грязь и усиливаясь водворить въ жилищахъ хоть признакъ чистоты къ пріѣзду большихъ людей.

Старые и молодые чукчи, мужчины, женщины, дѣти, тѣснились въ передней половинѣ двора, по временамъ совершенно

*) *Оннако* (*однако*),—вѣроятно, навѣрно, конечно.

заграждая входъ. Вездѣ виднѣлись странныя, кирпично-красныя, коричневыя лица, обвѣтренныя отъ вѣчнаго пребыванія на открытомъ воздухѣ, съ грубыми чертами, говорящими о первобытной человѣческой стихіи, и оригинальныя пестрыя одежды.

Люди понетерпѣливѣе уже притащили санки, нагруженныя продуктами, и, разставивъ ихъ снаружи у самыхъ воротъ двумя длинными рядами, уходившими влѣво и вправо и прижимавшимися къ оградѣ, открыли мелочной торгъ. Каюры съ Нижней Колымы покупали мало. Чукчи и чукчанки все, что получше, припрятали для купцовъ, а выставили только сѣрые выпоротки, камусы, неотдѣланную ровдугу и т. п. предметы. За то среднеколымскіе якуты, запасшіеся дешевымъ чаемъ и табакомъ, ходили между санями и дѣятельно покупали всякую мелочь, выставленную чукчами, хорошо зная, что купцы въ Среднеколымскѣ съ готовностью примутъ отъ нихъ каждый обрывокъ шкуры.

Въ толпѣ чукчей тамъ и сямъ виднѣлись группы ламутовъ, тонкихъ, тощихъ, наряженныхъ въ пестрые кафтаны, затѣйливо вышитые бисеромъ и крашеною шерстью. Молодыя ламутки въ сіяющихъ одеждахъ, въ короткихъ кафтанахъ, въ звенящихъ нагрудникахъ, въ бѣлыхъ красиво расшитыхъ перчаткахъ и кокетливыхъ чепчикахъ изъ тонкой шкурки, обшитыхъ широкими серебряными бляхами, напоминали мозаичныя картины византійскихъ мастеровъ съ ихъ блескомъ золота и узоровъ цвѣтного камня. Онѣ продавали перчатки, висѣвшія у нихъ черезъ плечо толстыми бѣлыми связками, широкіе и длинные камусы дикихъ оленей, вкусную горчу *), на половину смѣшанную съ жиромъ, которую имъ приходилось почти насильно вырывать изо рта вѣчно голодныхъ ребятишекъ, чтобы вымѣнять у перваго встрѣтившагося русскаго пріятеля на кусокъ сахару...

Но главнымъ предметомъ торговли былъ собачій кормъ. Въ ворота въѣзжали одна за другою русскія нарты, привозя только что убитыхъ оленей съ откинутой назадъ головой и остановившимся выраженіемъ ужаса въ вытаращенныхъ, остеклѣвшихъ глазахъ. Ихъ длинныя ноги, растопыренныя во всѣ четыре стороны, задѣвали стоявшихъ у воротъ людей, иногда оставляя на бѣлой одеждѣ широкій кровяной слѣдъ. Въ крѣпости было уже около тысячи собакъ и многочисленныя стада прикочевавшихъ чукчей подвергались безжалостному истребленію, чтобы дать пропитаніе этой прожорливой стаѣ.

Потолкавшись между чукчами, я вошелъ въ маленькую

---

*) *Горча*—сушенное мясо, нарѣзанное мелкими кусочками.

скверную избушку, давшую вчера пріютъ анадырщикамъ. Здѣсь только теперь вставали. Колымскій хозяинъ избы, Инокешка Потаповъ, горькій пьяница, существовавшій зиму благодаря подачкамъ многочисленныхъ чукотскихъ друзей, удалилъ свою многочисленную семью куда-то внутрь за перегородку. Передняя половина была отдана гостямъ.

Кобелевъ, старый отставной казакъ, черный, какъ голенище, съ сильной просѣдью въ растрепанныхъ волосахъ, съ заспаннымъ сердитымъ лицомъ, сидѣлъ на широкой скамейкѣ, замѣнявшей ему постель. Мучительная жажда выпивки глодала его душу, быть можетъ, еще сильнѣе, чѣмъ у чукчей.

Онъ пропилъ уже вчера три лисицы и никакъ не могъ дойти до настоящаго градуса: водка была плохая, сильно разведенная, отъ которой только мутило на сердцѣ и совсѣмъ не ударяло въ голову. Только подъ утро онъ угомонился немного и прикурнулъ на часокъ, но теперь ему смертельно хотѣлось опохмѣлиться. Онъ торопливо поздоровался со мной, но тотчасъ же отвернулся въ сторону. Ему было не до меня.

— Юшка!—сказалъ онъ страннымъ носовымъ акцентомъ, свойственнымъ анадырщикамъ, поднимая голову и поворачиваясь назадъ къ перегородкѣ.—Юшка, дьяволъ!—брось дѣвокъ! Еще успѣешь нахороводиться! Сходи къ Бинскому, посмотри!

Смуглый молодой парень вышелъ изъ за занавѣски.

— Да онъ спитъ,—недовольно сказалъ онъ. — Я недавно смотрѣлъ!..

— Сходи! — отчаяннымъ голосомъ повторилъ старикъ.— Сходи, зараза! Можетъ, всталъ. Скажи ему: Христомъ Богомъ прошу, пусть пришлетъ опохмѣлиться. Скажи: не пришлетъ— прямо помру!

Юшка вышелъ, но черезъ минуту вернулся обратно.

— Да вотъ онъ самъ идетъ! — сказалъ онъ оживленно,— о, и смѣхъ! Наши-то за нимъ, какъ песцы за волкомъ, такъ и гонятся...

Еще черезъ минуту цѣлая толпа людей ввалилась въ избу. Бинскій, высокій и плотный человѣкъ, съ львиной головой, покрытой густыми курчавыми волосами, съ высокимъ, выпуклымъ, немного облысѣвшимъ лбомъ, съ большими глазами на выкатѣ и красивымъ правильнымъ носомъ, вошелъ впереди всѣхъ. Поношенная мѣховая кукашка, облекавшая его сильную фигуру, сидѣла на немъ также не принужденно, какъ и на окружавшихъ его питомцахъ полярной природы. Лицо было обвѣтрено и грязно, нечесанная борода свалялась въ клочья, въ волосахъ бѣлѣла оленья шерсть, но въ осанкѣ и выраженіи глазъ было что-то чужое, неизвѣстное Колымѣ

и говорившее о такихъ странахъ и о такой жизни, какія и не снились ни одному изъ присутствующихъ.

— Здравствуй, Кобелевъ! — сказалъ Бинскій густымъ басомъ, подавая старику крупную, волосатую руку, покрытую цѣлой корой разнообразныхъ мозолей.

— О, здравствуй, Бинскій!—сказалъ торопливо Кобелевъ.— Ой, братъ, дай, пожалуйста, водки! Тебя ждалъ да ждалъ, все горло изболѣлось...

— Нѣтъ водки!—сказалъ Бинскій, нахмуривъ брови, но удерживая предательскую улыбку, которая пробивалась на его уста.

— Какъ нѣтъ! — воскликнулъ Кобелевъ. — Я съ Анадыра ѣхалъ, все тобой грезилъ: думалъ, по пріѣздѣ мнѣ горло промочишь! Да *не вѣру!* Быть не *моготъ!* Дай, дай! *Не обманывай!*

— На, лопай!—сказалъ Бинскій, вынимая изъ за пазухи глиняный кувшинчикъ и ставя его на столъ.

— Отчего такъ мало?—зарычалъ Кобелевъ, жадно хватая кувшинчикъ обѣими руками.—Много надо! Много! У меня цѣлый годъ на твою водку горло пѣло. Все думалъ: въ крѣпости у друга сердце опалю!..

— Да будетъ тебѣ, болтуша!—увѣщевалъ его Бинскій.— Хочешь выпить, такъ пей!...

Кобелевъ налилъ трясущимися руками половину чайной чашки и опрокинулъ ее въ ротъ.

— О, какая крѣпкая!—сказалъ онъ, одобрительно крякнувъ.—Настоящая! Безъ сыропу!.. Ну спасибо, другъ. Въ первой горло зажегъ сей годъ!.. Теперь ты выпей!

Бинскій выпилъ, не поморщившись.

Кобелевъ молча отлилъ спирту въ другую чайную чашку и поставилъ на окно. Онъ оставлялъ это для похмѣлья на случай необходимости.

— Ребяты, подходите! — сказалъ онъ, выразительно стукнувъ кувшинчикомъ объ столъ.

Началась выпивка. Инокешка поставилъ на столъ въ видѣ закуски юколу *), нарванную кусками, и холодную оленину. Но на закуску никто не обращалъ вниманія. Бѣлая чашка переходила изъ рукъ въ руки; каждый, до кого доходила очередь, выпивалъ свою долю не морщась, какъ простую воду, и торопливо передавалъ посудину для дальнѣйшаго слѣдованія. Жена Инокешки вышла изъ за перегородки и присѣла на скамью противъ Кобелева.

— Выпей, Дука (Дунька)! — сказалъ ей Кобелевъ, протягивая чашку.

---

*) *Юкола*—верхній слой жирной рыбы, искусно снятый вмѣстѣ съ кожей, но безъ костей, высушенный на солнцѣ и слегка подкопченный въ дыму.

— Ой, грѣхъ! — закрыла она лицо руками. — Ой, дѣвки, не надо!.. Я не стану!

— Ну, такъ чортъ съ тобой! — началъ было Кобелевъ, но старуха не дала ему окончить фразы и вдругъ перемѣнила тактику.

— О, какой назойной (назойливый)!..—сказала она, принимая чашку изъ его рукъ. — Ну, да ужъ Богъ съ тобой!.. выпью!.. На здоровье!—вѣжливо обратилась она къ Бинскому.

Когда въ слѣдующій разъ очередь дошла до старухи, она не думала отказываться и выпила свою порцію, какъ будто это подразумѣвалось само собой.

Вслѣдъ за старухой изъ за перегородки выползла сухощавая черномазая бабенка въ мужскихъ торбасахъ и шароварахъ и мужской кукашкѣ, подпоясанной краснымъ поясомъ. Женскаго въ ея нарядѣ была только ветхая короткая юбка, едва доходившая до колѣнъ.

— А, Натаха!—привѣтствовалъ ее смуглый, кудрявый анадырщикъ съ серьгой въ ухѣ.—Ты опять этта (здѣсь)?

— Этта!—сказала Натаха, смѣясь глазами.

— Опять кладь возила?

— Опять!..—сказала Натаха.—Чего дѣлать стану? *Поневолю!..* Мужъ въ подводу угодилъ.

— Ну да, поневолю!—проворчалъ анадырщикъ.

— А сѣти почего мечешь зимой?... У нихъ по модѣ*),— обратился онъ къ товарищамъ.—Баба зимой сѣти мечетъ, а мужикъ стоитъ да на пальцы дуетъ!

— Чего ты подѣлаешь? — просто отвѣтила Натаха.—Исти надо!..

— Исти?—приставалъ анадырщикъ. — Ѣда *агдѣ* не найдется? Хоть и на Анадырѣ... Покинь, Натаха, мужа! Повезу тебя на Анадырь! Тамъ не станешь сѣти метать!..—и онъ сдѣлалъ попытку обнять бабу.

— Отстань, мечта!—увернулась бабенка.—Я тобой не нуждаюсь!.. Все равно чукча! — прибавила она, смѣясь.—У тебя вѣдь дома своя баба есть!..

— А чукча, такъ чѣмъ худо?—возразилъ анадырщикъ.— Есть и межъ чукчами такіе, *отъ нашего брата* еще лучше живутъ.

— То у васъ на Анадырѣ!—поддразнивала Натаха. — Вы будто русскіе? Родъ чукочъ. Чукотска, да чуванска природа— како отличіе? Видишь, рожа-то чисто *котельная* спинка. Надъ вашими рожами даже чукчи смѣются!..

---

*) Въ Нижнеколымскомъ русскомъ нарѣчіи имѣется нѣсколько десятковъ иностранныхъ словъ, заимствованныхъ отъ поселенцевъ и другихъ вольныхъ и невольныхъ пришельцевъ изъ Россіи.

— Ты бѣлая!—огрызнулся анадырщикъ. — Али полюбила бѣлоглазыхъ. То и красиво! Чисто, какъ мороженыя слюни!..

Вмѣстѣ съ анадырщиками, сопровождавшими Бинскаго, пришла третья баба, молодая и здоровая, съ густой бѣлокурой косой и ясными глазами, одѣтая въ шумящее ситцевое платье, съ синимъ платочкомъ, кокетливо скрещеннымъ на груди. Она находилась подъ особенной охраной пожилого, тощаго и плѣшиваго человѣка, въ дорогой анадырской паркѣ съ расшитымъ шелками подоломъ *). Человѣкъ въ паркѣ привезъ ее съ собою и все время сидѣлъ около нея.

— Ты чего лѣзешь? — сказалъ онъ Юшкѣ, который подсѣлъ къ бѣлокурой красавицѣ съ другой стороны. — Мало тебѣ Инокешкиной Наки (Настьки)? Къ чужимъ приставать вздумалъ?..

— Молчи, чукотское рыло!—сказалъ дерзко Юшка. — Ты чего, откупилъ ее, что-ли? Гдѣ хочу, тамъ и сяду!..

— Я тебѣ покажу чукотское рыло, ламутскій выкидышъ! У меня мати настоящая русская была, не твоя ламутка.

— Мати-то русская, а отецъ бѣломорскій чукча!..

— Врешь, песцовый огрызокъ! — возражалъ человѣкъ въ паркѣ.—Я такихъ отцовъ собакамъ на кормъ бросаю, да и тѣ не ѣдятъ. У меня настоящій отецъ — русскій, хорошій человѣкъ! Не съ тобой ровняться?

— Что это они?—спросилъ я съ удивленіемъ у Инокешки, сидѣвшаго со мной рядомъ.—Кто у нихъ ламутъ и кто чукча?

— Юшка—отъ ламутскаго корня,—пояснилъ Инокешка.— На Анадырѣ общество есть. На рѣкѣ живутъ. Совсѣмъ обрусѣли. А старикъ—Хитровъ Василій, Котинъ сынъ считается. Ты *оннако* слыхалъ?..

Я вспомнилъ интересную исторію Хитрова. Кото, богатый ковралинъ, ежегодно приходившій на Анюй, человѣкъ бывалый и пользовавшійся уваженіемъ у своихъ соплеменниковъ и у русскихъ, одно время облеченный даже титуломъ „тойона носовыхъ чукчей“, плѣнился молодой дочерью порѣчанина Созыкина, обрусѣлаго чуванца, живщаго на Анюѣ.

Но въ тѣ времена русскіе имѣли еще слишкомъ мало сношеній съ чукчами и относились къ нимъ съ такимъ страхомъ, что не могло быть рѣчи о томъ, чтобы русская дѣвушка отправилась въ чукотскій лагерь и жила совмѣстной жизнью съ *полевымъ народомъ*. Поэтому стороны согласились на довольно оригинальный компромиссъ. Кото, нисколько не смущаясь тѣмъ, что въ его шатрахъ на Яканѣ **) пребывали двѣ

---

*) *Парка* — широкая верхняя одежда, состоящая изъ двухъ *спаренныхъ* мѣховыхъ балохоновъ, надѣтыхъ одинъ шерстью внутрь, а другой наружу.

**) *Яканъ*—одинъ изъ чукотскихъ поселковъ на берегу Ледовитаго Океана.

другія жены чукотскаго племени, одарившія его многочисленнымъ потомствомъ, принялъ крещеніе и обвѣнчался съ порѣчанкой по обряду православной церкви. Брачныя отношенія продолжались только до окончанія ярмарки: уже черезъ недѣлю Кото увелъ свой караванъ обратно, снабдивъ новую жену и ея семью пищей и товарами на цѣлый годъ впредь до своего новаго прихода на ярмарку.

Оригинальный бракъ продолжался много лѣтъ къ удовольствію обѣихъ сторонъ. Созыкины жили на рѣкѣ, ни въ чемъ не нуждаясь, благодаря щедрымъ даяніямъ *полевого* зятя. Кото ходилъ „по горѣ", водилъ караваны вдоль и поперекъ всей чукотской земли, ведя кочевое хозяйство при помощи двухъ прежнихъ женъ, права которыхъ нисколько не пострадали отъ новаго брака. Только во время ярмарки въ теченіе двухъ или трехъ недѣль онъ жилъ въ домѣ Созыкиныхъ со своей „законной" женой. Любовь Кото къ русской женѣ усиливалась съ каждымъ годомъ и не пошатнулась даже тогда, когда молодая женщина въ одну прекрасную весну встрѣтила его довольно непріятнымъ сюрпризомъ въ видѣ здороваго младенца, который по вычисленію Кото никакъ не могъ считаться его собственнымъ сыномъ. Кото разсердился только на соперника, молодого русскаго парня, жившаго на одной заимкѣ съ Созыкиными, и съ горяча хотѣлъ даже его убить, но потомъ успокоился.

Къ богоданному сыну Кото отнесся безъ всякой злобы, впослѣдствіи полюбилъ его и даже умеръ на его рукахъ, оставивъ ему въ наслѣдство запасъ цѣнныхъ мѣховъ, а по слухамъ—даже малую толику наличныхъ денегъ...

Такова была исторія „бѣломорскаго чукчи Василь Хитрова", въ жилахъ котораго, впрочемъ, не текло ни одной капли чукотской крови... Послѣ смерти Кото онъ сразу оперился и сталъ бойко поторговывать, разъѣзжая по чукотскимъ стойбищамъ и кочевнямъ, расположеннымъ вокругъ Анадыра. Въ этой торговлѣ Хитровъ успѣлъ состариться и въ послѣдніе годы пріѣзжалъ на Анюйскую ярмарку уже въ сопровожденіи трехъ работниковъ, привозя на нѣсколькихъ нартахъ значительный грузъ лисьихъ мѣховъ и выпоротка.

Пока я припоминалъ всѣ эти обстоятельства, ссора успѣла разгорѣться и пріобрѣсти весьма острый характеръ. Въ воздухѣ запахло дракой, какъ вдругъ, дверь торопливо распахнулась, и въ комнату вошелъ маленькій приземистый якутъ съ весьма безобразнымъ лицомъ въ короткой оленьей курткѣ и высокихъ бѣлыхъ сарахъ *). То былъ Кирилка, многостра-

*) *Сары*—кожанная обувь особаго покроя.

дальный Менелай колымской Прекрасной Елены, служившей въ настоящую минуту яблокомъ раздора для соперниковъ.

— А гдѣ мой *Маська?* — спросилъ онъ торопливо, обращаясь къ присутствующимъ.

Человѣкъ въ паркѣ сдѣлалъ движеніе, чтобы заслонить бѣлокурую бабу, но было уже поздно.

Не долго думая, человѣкъ въ сарахъ схватилъ ее за волосы и поволокъ къ двери.

Анадырщикъ въ паркѣ бросился ей на помощь. Началась свалка, въ результатѣ которой женщина, ея супругъ и обожатель очутились за дверью на улицѣ.

— Какія твари!—сказалъ Бинскій убѣдительно.—Животныя!..—Онъ стукнулъ кулакомъ по столу съ такою силой, что чашки зазвенѣли, и тяжелый кувшинчикъ подскочилъ вверхъ.—Вы животныя! — обратился онъ къ Кобелеву. — На васъ образа человѣческаго нѣтъ!

— Есть образъ! — обидчиво возразилъ старикъ. —Ты ужъ *во всю*... Мы тоже православные!..

— Нѣтъ!.. — сказалъ Бинскій. — Образа есть, да образа нѣту!..—и онъ засмѣялся довольный своей остротой.—Ну, все равно!.. Всѣ люди животныя?.. А?—обратился онъ къ Кобелеву.

— Э-э! животная!—подтвердилъ Кобелевъ.

— Другъ! Бинской! Уважь! Принеси еще бутылку!..

— А ты думаешь, не принесу? — сказалъ Бинскій, гордо посмотрѣвъ на него.—Плевать! Мнѣ все плевать!.. Пошли къ Кенькѣ, пусть нальетъ!.. Скажи: я заказывалъ!..

Юшка тотчасъ же вскочилъ и выбѣжалъ изъ комнаты съ кувшинчикомъ въ рукахъ.

— Пойте пѣсни!—сказалъ Бинскій, опять ударяя кулакомъ по столу.—Зачѣмъ вы сидите, какъ кикиморы?..

— Мы не умѣемъ!..—сказалъ Кобелевъ. — Ребята, развѣ запѣть?..

— „Слава Богу на дорогу командеру нашему“...—завопилъ онъ вдругъ неистовымъ голосомъ, не дожидаясь отвѣта.

— Не ту! Не ту, черти!—кричалъ Бинскій.—Развѣ у васъ своихъ пѣсенъ нѣту, что вы это солдатское охвостье затянули? Пойте свою пѣсню, старую!..

— Зачѣмъ старую?—обидчиво возразилъ Кобелевъ.

— Ты ино-то слово не все проговаривай! Тоже мы людей видаемъ!.. Могемъ мы и новую запѣть!..

„Онъ леталъ передъ полками
„Самъ въ походѣ боевомъ“...

Юшка вернулся съ новымъ запасомъ водки. Попойка про-

должалась. Инокешка почувствовалъ себя дурно и выбѣжалъ на дворъ.

— Тойонъ ѣдетъ! —объявилъ онъ черезъ минуту, возвращаясь въ избу.—И чукчи съ нимъ!.. О, и много!.. Вся свита!..

— Чуютъ вороны падаль! — сказалъ Кобелевъ. — Пускай идутъ. Водка есть!..

— Не хочу чукчей!—заревѣлъ вдругъ Бинскій.—Pereant чукчи.

— Буде! — успокоивалъ его Кобелевъ. — Это не простые чукчи, это: тойонъ—чукотскій король!..

— Я ему морду побью!.. — заревѣлъ Бинскій, громче прежняго.

— Буде лепетать!—сказалъ Кобелевъ съ неудовольствіемъ. —Хоть ты и Бинскій, а тойона не шевель!.. Онъ мой братанъ! все равно я!..

— Ну чортъ съ вами!—внезапно утихъ Бинскій.—Такъ я самъ уйду! Пропадайте вы вмѣстѣ съ чукчами!..—И стремительно поднявшись съ мѣста, онъ вышелъ въ дверь, раздвигая на обѣ стороны толпу чукчей, вваливавшуюся со двора.

— Пускай!—сказалъ Кобелевъ—Шибко гордый!. Слышишь, чего говоритъ: „Образа на васъ нѣту!..“ Тоже мы понимаемъ!.

V.

Дюжій широкоплечій человѣкъ съ сильной просѣдью въ волосахъ и испорченнымъ лѣвымъ глазомъ, съ маленькой остроконечной бородкой, какія бываютъ у татаръ или киргизовъ, и довольно глупымъ выраженіемъ лица, одѣтый въ обыкновенную чукотскую кукашку, поздоровался съ Инокешкой и Кобелевымъ и пролѣзъ въ передній уголъ.

То былъ Эйгелинъ, тойонъ оленныхъ чукчей, унаслѣдовавшій отъ отца и отъ дѣда свое довольно странное достоинство, которое неизвѣстно зачѣмъ создано русскими властями и поддерживается уже третье поколѣніе, между тѣмъ какъ чукчи почти не признаютъ его и даже не понимаютъ его значенія *).

Кромѣ тойона, тутъ были также Уквутъ, Чепатка; еще одинъ носовой торговецъ Атытлека, съ коротко остриженной головой и злымъ взглядомъ; братъ Чепатки, Канчіу, съ свирѣпымъ лицомъ и черной дырой вмѣсто праваго глаза; чаунщикъ Котиргинъ, высокій, тощій, съ широкимъ шрамомъ на щекѣ; староста анадырскихъ чукчей Ремкиленъ, долгій, какъ вѣха, съ длинными руками, сгорбленной спиной и голо-

*) Самое слово *тойонъ* якутскаго происхожденія и означаетъ господинъ.

вой, наклоненной внизъ; Хромой Поганто и еще много другихъ, именъ которыхъ я не зналъ.

— Налей, выпью!—сказалъ тойонъ, усаживаясь на мѣсто.

Кобелевъ налилъ ему полчашки, и онъ проглотилъ водку, не мигнувъ глазомъ.

— Еще одну!—сказалъ онъ просительно.

Кобелевъ налилъ еще полчашки, намѣреваясь опять поднести тойону, но вышло иначе.

— Мнѣ!—крикнулъ Чепатка, увидѣвъ, куда направляется подносящая рука и, перехвативъ по дорогѣ водку, выпилъ ее самъ.

Чашка пошла въ круговую.

— Эйгелинъ!..—крикнулъ вдругъ Кобелевъ.—Убей мнѣ оленей на кормъ!..

— Гдѣ возьму?—поспѣшно отвѣтилъ тойонъ.—Пришелъ издалека! Самъ дорогу расчищалъ! Олени сухи!..

— Ну такъ прикажи чукчамъ, пусть мнѣ убьютъ! Вотъ этому прикажи!—онъ указалъ на молодого благообразнаго чукчу въ бѣлой кукашкѣ, сидѣвшаго у двери.

— У меня его оленей нѣтъ! Я зачѣмъ убивать стану?—упрямо возразилъ чукча въ бѣлой кукашкѣ.

— Вотъ видишь?—сказалъ тойонъ.—Безъ того я одинъ даю!.. На ясакъ свое! Попу свое! Бѣднымъ свое!.. *Имъ* дѣла нѣтъ!..

— Ты какъ смѣешь перечить?..—заревѣлъ Кобелевъ на молодого чукчу.—Кто твой тойонъ? Развѣ не онъ?.. Ты чьихъ оленей держишь?... Ты по чьей землѣ ходишь?..—кричалъ онъ, стуча кулаками по столу.

— Олени мои!—сказалъ чукча съ непоколебимымъ убѣжденіемъ.—А земли вездѣ много! У насъ за Чауномъ собственной пустынѣ конца нѣтъ!..

— Будетъ, будетъ!—успокаивалъ Кобелева Ремкиленъ.—Я убью! Ты нашъ человѣкъ! Я тебя знаю...

— Грозы на васъ нѣту!—кричалъ Кобелевъ, не унимаясь.—Вотъ у насъ начальникъ: сколько людей есть, всѣ его слушаютъ. Куда прикажетъ ѣхать, всегда ѣдемъ. Вы отчего непослушны?...

Эйгелинъ воспользовался шумомъ и налилъ себѣ водки, въ эту минуту Кобелевъ снова обратился къ нему.

— Какой ты тойонъ?—кричалъ онъ еще громче.—Только водку знаешь!.. Столько людей у тебя, а самъ дорогу чистишь!.. Вотъ отецъ твой былъ настоящій начальникъ!..—продолжалъ Кобелевъ.—Чуть кто слово, возжей по мордѣ. Кто не слушаетъ, посохомъ по спинѣ. Вотъ, понималъ, что такое начальникъ!.. А ты все одно теленокъ. Тебя скоро самого бить станутъ. Только имя начальника!..

— Правда!—сказалъ тойонъ.—У меня сердце весьма смирное. Сколько ни живу, еще никого не ударилъ!..

— Я сколько живу, не знаю, какой начальникъ!—сказалъ чукча въ бѣлой кукашкѣ со смѣхомъ.— Мнѣ говорятъ: вотъ коммисаръ *), а я открываю глаза и спрашиваю: гдѣ онъ?.. Мнѣ говорятъ: казакъ, а я спрашиваю: гдѣ же?..

Я воспользовался небольшимъ перерывомъ попойки, чтобы познакомиться съ Эйгелиномъ и объяснить ему свое желаніе провести лѣто на его стойбищѣ.

— Хорошо!—сказалъ тойонъ, нисколько не удивившись высказанному мною желанію.—Я еще радъ! Пусть отъ русскаго владыки человѣкъ будетъ. Меня никто не слушаетъ, всѣ мои люди разбрелись порознь!.. Пусть русскіе глаза сами видятъ!.. А только ты съ собой захвати побольше водки!..— обратился онъ ко мнѣ уже льстиво.—Въ дорогѣ скучно будетъ, выпивать будемъ!..

Новый взрывъ пьяннаго веселья прервалъ нашъ разговоръ.

Кобелевъ опять сталъ угощать тойона.

— Эйгелинъ!—кричалъ онъ.—Дай, я тебя завтра выдеру, а ты потомъ учи своихъ чукчей! Это тебѣ будетъ вмѣсто науки!..

Тойонъ смѣялся и не говорилъ ни слова. Чепатка опьянѣлъ и сталъ задирать своихъ товарищей кавралиновъ.

— Э-э!—ревѣлъ онъ.—Слушайте люди! Всѣ кавралины—бѣдные, одинъ Чепатка богатъ! Всѣ кавралины трусы, а Чепатъ весьма сильный воинъ. У Чепата сердце медвѣжье, руки—россомашьи лапы, у кавралиновъ сердце заячье!..

Со двора входили новые и новые чукчи, прося и требуя выпивки. Поганто, хромой, вышелъ на дворъ и скоро вернулся, ведя за собою цѣлую ораву чукчей, мужчинъ и женщинъ.

— Это мой своякъ!—рекомендовалъ онъ одного.—Дай ему водки!.. А это мой дядя, это моя невѣстка! Дай и ей!..

— Провалися со всей своей родней!..—крикнулъ Кобелевъ.—Завяжите двери, имъ конца не будетъ!

Но снаружи стали сильно дергать за скобу.

— Отвяжите, черти!—кричалъ оттуда по русски басистый голосъ.—Водка идетъ!..

То былъ Бинскій. Инокешка торопливо развязалъ ремень. Бинскій вошелъ въ избу съ бутылкой въ рукахъ.

— Это кто?—спросилъ онъ, указывая на чукчей, какъ будто видѣлъ ихъ въ первый разъ.

— Это чукотскій король!—съ гордостью отрекомендовалъ Кобелевъ, развивая принятую у русскихъ фикцію.—Хорошій

---

*) Чукчи называютъ исправника по старой памяти *коммисаромъ*. Коммисары управляли округомъ въ концѣ прошлаго вѣка.

человѣкъ... Ты не смотри, что у него лицо смуглое, онъ настоящій начальникъ, съ мундиромъ.

— Я король!—съ гордостью подтвердилъ Эйгелинъ.—Я у всѣхъ исправниковъ водку пилъ. Меня всѣ угощаютъ...О, Кочуровъ!..—пришелъ онъ въ неожиданный восторгъ, припомнивъ одно изъ этихъ угощеній,—Вотъ былъ пьяница!.. настоящій!.. Любилъ водочку!.. Я у него разъ заснулъ пьяный...

— Водку пилъ?..—сказалъ Бинскій.—А теперь выпьешь?..—Онъ поднесъ бутылку ко рту „короля“ и, запрокинувъ ему голову, столъ наливать, какъ въ стаканъ. Тойонъ глоталъ, захлебываясь и пуская пузыри, но отстать не хотѣлъ.

— Это кто?—спросилъ Чепатка у Инокешки.

— Хайлакъ!—громко шепнулъ Инокешка.

— Врешь!—сказалъ Бинскій.—Какой я хайлакъ! Хайлакъ—варнакъ, поселенецъ! Я иной! Я далекій, шибко далекій человѣкъ! Я пересыльный...

Изъ страны, страны далекой,
Съ Волги матушки широкой,
Ради славнаго труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда!..—

затянулъ онъ громовымъ басомъ.

— Слушай, тойонъ!—сказалъ молодой чукча въ бѣлой кукашкѣ.—Было бы тебѣ извѣстно: оленей станемъ продавать по три кирпича, не менѣе!..

— Слава Богъ!—сказалъ тойонъ по русски. Онъ уже плохо понималъ, въ чемъ дѣло.

— Какъ Слава Богъ?—вспылилъ Кобелевъ.— Ахъ, ты чукотская харя!.. Это бѣдныхъ обижать станете? У здѣшнихъ людей ѣды нѣтъ!..

— Бѣдныхъ обижать не хорошо!—сказалъ тойонъ, мотая головой.

— Ну, бѣднымъ дешевле!—уступилъ чукча въ бѣлой кукашкѣ.— А купцамъ ужъ прямо по три!..

— Ма́чинанъ (пусть)!—сказалъ тойонъ. Въ глубинѣ души онъ и самъ былъ непрочь продать подороже.

— Не дождетесь вы, чтобы я вамъ платилъ по три кирпича!—сказалъ Кобелевъ.—Пусть лучше мои собаки подохнутъ пусть я пѣшкомъ домой пойду!.. Все же мнѣ будетъ лучше!.. Вы собаки!.. я въ прошломъ году съ Анюя три фляги вывезъ, все вамъ выпоилъ, домой только два ведра довезъ... Вы за мной табуномъ бѣгали!..

Чукчи только смѣялись. Петрушинъ вдругъ упалъ передъ тойономъ на колѣни.

— Ваше благородіе! — сказалъ онъ по русски. — Исправникъ что? Плевать!.. А вы, можно сказать, здѣшнее начальство! Хотя вы въ кукашкѣ, но я васъ уважаю и могу стать передъ вами на колѣни... Ваше благородіе! пожалѣйте меня! Я человѣкъ бѣдный. Мнѣ этта лѣтовать надо. Скажите *имъ*, пусть меня не притѣсняютъ оленьми! Я этта церковь подрядился строить... Она все равно ваша церковь...

Петрушинъ уже другое лѣто строилъ въ крѣпости новую деревянную часовню и теперь хотѣлъ запастись отъ чукчей даровой пищей.

— Слава Богъ!—отвѣчалъ тойонъ невпопадъ.

— Эхъ, языкъ худой!—съ отчаяніемъ сказалъ Петрушинъ.— По ихнему не сказать будетъ...

— Не понимаешь?—кричалъ Бинскій тойону.—Погоди! Я объясню!.. Онъ бѣдный, а ты богатый! Онъ голодный, а ты сытый! Значитъ, подѣлись!.. И никакихъ!.. — заревѣлъ онъ грозно, вращая глазами.

На дворѣ опять послышался шумъ, и почти тотчасъ же въ избу вбѣжалъ какой-то старикъ безъ шапки и съ растеряннымъ лицомъ.

— Братцы, грабятъ!—закричалъ онъ, бросаясь то къ тому, то къ другому.—Отнимаютъ, братцы!..

— Кто грабитъ?—спросилъ Бинскій совсѣмъ другимъ голосомъ: онъ какъ будто отрезвѣлъ.

— Чукчи!—кричалъ старикъ, хватая его за руки.—Отецъ, помоги!

— Пойдемъ! — сказалъ Бинскій, выходя изъ избы. — Кто тебя?

— Кеулинъ!—выкрикивалъ старикъ сзади.—Копья я продавалъ... Копье онъ у меня заграбилъ, а плату дасти не хочетъ!..

Оставшіеся были слишкомъ пьяны, чтобы разобрать, въ чемъ дѣло. Тойонъ и Кобелевъ, тѣсно обнявшись, спали поперекъ скамьи, положивъ ноги на столъ для большаго удобства.

Молодой чукча въ бѣлой кукашкѣ растянулся поперекъ избы на полу, не смотря на увѣщанія Инокешки.

— Тутъ водкой пахнетъ! — кричалъ онъ, — я тутъ жить стану! Я спать стану! Не мѣшай!..

VI.

Купцы и власти пріѣхали ночью веселой оравой въ двадцать собачьихъ упряжекъ. Многіе, не находя себѣ мѣста, располагались на крышахъ или просто на снѣгу у стѣны.

Русскіе кладовщики съ Индигирки, пріѣхавшіе слишкомъ рано на Колыму, истратили на собачій кормъ все свое имущество до послѣдней шкуры, и теперь изъ за ихъ бѣдности никто не хотѣлъ принимать ихъ на квартиру; они поставили поперекъ широкаго прохода между двумя рядами домовъ цѣлый строй синихъ палатокъ и жили въ нихъ, какъ чукчи, приготовляя себѣ пищу у костровъ на открытомъ воздухѣ. Ихъ дикія мохнатыя *тундряныя* собаки, никогда не видѣвшія чукчей, сходили съ ума отъ ярости и хватали за икры всякаго, кто по неосторожности подходилъ слишкомъ близко.

Въ этомъ стремленіи порѣчанъ на ярмарку было что-то стихійное. Обычная весенняя голодовка на Колымѣ была въ полномъ разгарѣ, и отощавшіе люди брели сюда, гдѣ было такъ много пищи, смутно надѣясь урвать кусокъ и себѣ. Иные приходили пѣшкомъ, другіе приводили жалкую упряжку изъ пяти или шести собакъ, которыя не имѣли силы тащить пустую нарту и на подъемахъ упрямо ложились на землю, не обращая вниманія на отчаянные крики, которыми хозяинъ старался пробудить ихъ состраданье *).

Чукчи собрались съ ранняго утра, нетерпѣливо ожидая начала торга, но ворота крѣпости были еще закрыты. Сперва должны были произойти оффиціальныя свиданія русскихъ властей съ чукотскими ставленниками, а также пріемъ ясаковъ и раздача чукотскихъ подарковъ. Купцы, кромѣ того, только что начали разбирать товары, и русскіе говорили, что торговля начнется не раньше полудня. У наружной стороны воротъ стояли три ряда маленькихъ чукотскихъ санокъ, нагруженныхъ продуктами. Владѣльцы готовились по первому сигналу втащить ихъ въ крѣпость.

Уквутъ поставилъ свой шатеръ тутъ же внизу на льду Анюя и перекладывалъ бобровыя шкуры изъ однѣхъ сумъ въ другія, заранѣе отдѣляя одну часть пушнины на покупку табаку, другую на пріобрѣтеніе чаю, а третью и самую лучшую для обмѣна на водку. Старыя и молодыя бабы толпились у воротъ, совершая жертвоприношеніе духамъ-привратникамъ, владыкамъ русской крѣпости. Онѣ обильно смазывали топленымъ саломъ каждую щель между бревнами, пятнали косяки бурой кровяной похлебкой, зарывали въ снѣгъ у основанія столбовъ кусочки сырого и вареннаго мяса и разбрасывали ихъ во всѣ стороны, усердно прося *владыкъ деревяннаго дома* умягчить сердца русскихъ купцовъ, притупить ихъ хитрость и обратить ихъ обманы къ ихъ же вреду, а чукчамъ

*) Для возбужденія энергіи усталыхъ собакъ на трудныхъ подъемахъ каюръ употребляетъ особые жалобные крики, подражающіе стонамъ человѣка, надрывающагося отъ натуги.

даровать выгодную торговлю, дорогую продажу и дешевую покупку.

Иныя прямо назначали „привратникамъ“ желаемыя цѣны своихъ товаровъ.

— Два выпоротка — кирпичъ, два выпоротка—папуша!..— набожно твердили онѣ, едва шевеля губами, чтобы кто нибудь изъ сосѣдей не подслушалъ, ибо чукотская молитва, услышанная человѣческимъ ухомъ, теряетъ свою силу. Другія, не назначая никакихъ опредѣленныхъ условій, просили просто много табаку, много сахару, красивыхъ тканей, блестящей посуды, перемѣшивая просьбы съ странными и страшными заговорами.

Десятка полтора собакъ, принадлежавшихъ русскимъ каюрамъ и успѣвшихъ ночью сорваться съ привязи, бѣгали между бабами взадъ и впередъ, усердно подбирая мясныя крохи и яростно кидаясь на твердыя стѣны въ ожесточенныхъ попыткахъ вылизать и выскрести сало изъ пазовъ бревенъ. Чукчанки не думали ихъ отгонять, ибо эти собаки считались, такъ сказать, жертвоприниматели, послами духовъ крѣпости. Иныя женщины бросали имъ особо по куску мяса, стараясь на всякій случай задобрить и ихъ.

Главнымъ лицомъ на ярмаркѣ являлся помощникъ исправника, человѣкъ совершенно новый на Колымѣ, пріѣхавшій на ярмарку въ первый разъ. Когда я вошелъ, онъ только-что проснулся и пилъ чай. Это былъ маленькій, тщедушный человѣкъ, тощій, вертлявый, съ взъерошеннымъ хохолкомъ на маленькой головкѣ, съ несоразмѣрно большими глазами и рыжеватой бородкой, жидкой на щекахъ, но густѣвшей и курчавившейся книзу. Онъ былъ очень похожъ на пѣтушка мелкой породы, начисто ощипаннаго и затянутаго въ полицейскій мундиръ. При разговорѣ руки его прижимались къ бокамъ, точь въ точь ощипанныя крылья, а хохолокъ на лбу поднимался, какъ гребешокъ.

Приватное имя *) его было Фунтикъ.

Высокій краснокожій казакъ съ нашивками пятидесятника стоялъ передъ нимъ, приложивъ руку ко лбу, но разставивъ ноги совсѣмъ не по военному. То былъ Брусницынъ, частный командиръ среднеколымской казачьей команды.

— Честь имѣю донести, что по крѣпости все обстоитъ благополучно!—рапортовалъ онъ.

— Обыскали каюровъ?—спросилъ помощникъ. — Онъ немного пришепетывалъ и въ разговорѣ слишкомъ торопился и брызгалъ слюной.

---

*) Почти всѣ русскіе жители Колымы имѣютъ, кромѣ настоящихъ именъ, еще *приватныя* или *уличныя*.

— Точно такъ, обыскали! — сказалъ командиръ, опуская руку внизъ.

— Ничего не нашли?..

— Накакъ нѣтъ, не нашли!—сказалъ командиръ.

— Ищите хорошенько! — заторопился помощникъ. — Намъ изъ Якутска каждый разъ выговоры посылаютъ, что на Анюй спиртъ возятъ. Нечего имъ попускать! Всѣ они мошенники!..

— Слушаю!—сказалъ командиръ.—Искать стану!..

— Постарайся, Гаврила Васильичъ! — заговорилъ помощникъ, вдругъ переходя на дружескій тонъ. Брусницынъ былъ его довѣреннымъ лицомъ.—Купца поймаемъ, пополамъ! Они, мошенники, зазнались. За каждый пыжикъ все просятъ плату!..

Непосредственнная натура,—Фунтикъ не стѣснялся присутствіемъ постороннихъ лицъ.

Тощій старообразый казакъ, съ головой, похожей на кочку, тоже съ нашивками пятидесятника, вошелъ въ комнату и, бросивъ недружелюбный взоръ на Брусницына, остановился у двери. То былъ нижнеколымскій командиръ Кожевниковъ, самый искусный охотникъ на всей Колымѣ. Между обоими начальниками казаковъ существовало естественное и почти нескрываемое соперничество. Кожевниковъ отъ всей души презиралъ эту якутскую корову, какъ онъ про себя называлъ своего соперника, недавно пріѣхавшаго изъ Якутска, а тотъ въ свою очередь платилъ Кожевникову той же монетой и никогда не упускалъ случая подставить ему ножку на тернистомъ поприщѣ пріобрѣтенія начальственной благосклонности. Кожевниковъ, впрочемъ, успѣлъ создать себѣ довольно независимое положеніе и мало обращалъ вниманія на происки.

— Что скажешь, Иванъ Ивановичъ?—очень кротко спросилъ помощникъ.

— Тойонъ пріѣхалъ! — сказалъ Кожевниковъ страннымъ пискливымъ голосомъ, лѣниво моргая своими маленькими глазками.

— Тойонъ!—заметался Фунтикъ, брызгая слюнями.—Тойонъ!.. Это вѣдь чукотскій начальникъ, король, говорятъ... Чортъ его знаетъ!.. Его вѣдь надо принять? Угощеніе поставить?.. Гаврила Васильичъ! Иванъ Ивановичъ! А?..

— Водки поставьте, если угодно!—сказалъ Кожевниковъ.—Онъ сразу налакается!..

— У меня нѣтъ водки!—суетился помощникъ, — Гаврила Васильичъ, у насъ не осталось ли изъ дорожной?..

— На Убчиной всю выпили! — поспѣшно сказалъ Брусницынъ.—Не осталось ни капли!..

— Неловко! Онъ можетъ обидѣться, чортъ его знаетъ! Гаврила Васильичъ, нѣтъ ли у тебя, братецъ? Дай *подъ натуру* (взаймы, съ отдачей натурою)!

— Нѣту! — замялся Брусницынъ. Онъ чувствовалъ себя какъ-то неловко. Кожевниковъ стоялъ, равнодушно моргая глазами, какъ-будто недоумѣніе начальства его нисколько не касалось. Онъ отправилъ на ярмарку полфляги „жидкой“ съ довѣреннымъ человѣкомъ и успѣлъ освѣдомиться, что „жидкая“ уже вся распродана.

— Нельзя-же!—повторялъ помощникъ.—Онъ можетъ обидѣться... Гаврила Васильичъ, достань у кого нибудь! У купцовъ или у кого!..

— Развѣ у купцовъ! — сказалъ Брусницынъ. — А у меня, ей Богу, нѣтъ!.. Я схожу!..—и онъ повернулся, чтобы выйти.

— Нѣтъ, нѣтъ! Иванъ Ивановичъ!..—закричалъ помощникъ, видя, что Кожевниковъ тоже собирается уходить.—Останьтесь, пожалуйста! Я въ первый разъ! Я не знаю, какія правила!..

— Каки правила? *Обнакновенно* чукчи! — пробормоталъ Кожевниковъ. Однако остался.

— Иванъ знаетъ!—неопредѣленно прибавилъ онъ, усаживаясь на лавку у двери.

— Иванъ! Иванъ!—неистово зазвонилъ помощникъ ложечкой по стакану.

Долговязый бѣлобрысый казакъ вскочилъ въ комнату стремительно распахнувъ двери. Онъ много лѣтъ подрядъ былъ вѣстовымъ при исправникѣ и щеголялъ своей казацкой исполнительностью, которая на практикѣ служебныхъ отношеній сводилась для него къ лакейству.

— Подаю-съ! — сказалъ онъ, хватая со стола стаканъ и устремляясь обратно.

— Постой, постой!..—крикнулъ Фунтикъ, — не надо чаю! Скажи, Иванъ, ты умѣешь принимать тойона?..

Иванъ остановился въ недоумѣніи. Скачокъ начальственныхъ мыслей былъ для него слишкомъ внезапенъ. Но черезъ минуту лицо его прояснилось.

— *Обнакновенно!*—сказалъ онъ, сильно ударяя на *о*.—Чаемъ поить, сахаромъ кормить... сухарями.. Потомъ „вопросы“ спрашивать!.. Да вы не извольте безпокоиться, васкобродъ! Я все знаю!—прибавилъ онъ успокоительнымъ тономъ,

— Да какъ величать его?—спросилъ Фунтикъ тревожно.—Ваше благородіе, или какъ? Что у него, чинъ есть?..

— *Мольче* *) по имени: Афанасій Андреичъ!—сказалъ Иванъ.—Не извольте безпокоиться!..

Я вышелъ изъ избы, желая увидѣть самое возникновеніе чукотскаго парада, но тойонъ уже успѣлъ переодѣться у Инокешки и тоже вышелъ на улицу во всемъ блескѣ параднаго костюма.

---

*) *Мольче*—по простоту, прямо, очень.

Онъ былъ облаченъ въ длинный кафтанъ темнобураго сукна, доходившій почти до пятъ и выложенный по вороту и обшлагамъ широкимъ серебрянымъ галуномъ, а на груди украшеннный серебряными же шнурами и брандебургами. Ноги его были засунуты въ широкіе бархатные сапоги, подбитые чернымъ барашкомъ и угрожавшіе каждую минуту свалиться. На головѣ была надѣта странная шапка съ круглымъ краснымъ околышемъ безъ козырька и широкимъ четыреугольнымъ, стеганнымъ на ватѣ верхомъ, очень похожая на зимнія кучерскія шапки. Тойонъ въ своемъ нарядѣ смахивалъ на швейцара изъ татаръ; только булавы не было. Мѣсто ея, впрочемъ, съ успѣхомъ занимала огромная жалованная сабля на слишкомъ длинной перевязи, которую онъ считалъ за лучшее нести передъ собою въ рукѣ, поднимая вверхъ рукоять, на сколько позволяла длинна ремня. За то грудь кафтана была украшена шестью огромными медалями, двѣ изъ которыхъ принадлежали еще отцу тойона, Апраургану.

Вслѣдъ за тойономъ шелъ староста большой тундры, Эттыгинъ, маленькій, очень похожій на обезьяну, съ безобразнымъ лицомъ и кривымъ глазомъ. Его тщедушное тѣло облекалъ испятнанный и изодранный фракъ чернаго сукна, весь въ пятнахъ. Подъ фракомъ не было рубахи и изъ подъ отвернутыхъ лацкановъ, связанныхъ между собой веревочкой, просвѣчивала голая грудь. За нимъ слѣдовалъ другой староста, Айнаургинъ, съ суровымъ лицомъ и въ обыкновенной мѣховой кукашкѣ и долговязый Ремкиленъ въ красной суконной одеждѣ, съ маленькою серебряною медалью на груди.

Сзади въ приличномъ отдаленіи шла свита, состоявшая изъ двухъ десятковъ здоровыхъ молодыхъ парней. Это были сыновья, племянники, работники, вообще личные вассалы „вождей“. Къ нимъ присоединилось также нѣсколько человѣкъ постороннихъ, которые надѣялись по стопамъ своего повелителя проникнуть въ административное святилище и выпить рюмку водки или, по крайней мѣрѣ, хоть стаканъ чаю.

Кафтанъ тойона видимо произвелъ впечатлѣніе на его свиту.

— О-о!—перешептывались они, толкая другъ друга.—Какъ красиво! Даже у ясачнаго вождя нѣтъ такого наряда. Вправду, должно быть, Солнечный Владыка любитъ чукчей, если даетъ имъ такія красивыя одежды!..

На лицѣ тойона было написано мучительное напряженіе. Твердыя подошвы непривычной обуви отполировались на снѣгу и поминутно разъѣзжались въ разныя стороны, какъ коньки.

— О, худо!—сказалъ онъ, наконецъ, сильно поскользнувшись едва ли не въ десятый разъ и дѣлая отчаянное усиліе, чтобы не упасть.—Тяжелый нарядъ!..

Онъ безпомощно оглянулся на свою свиту. Двое здоровыхъ молодцовъ тотчасъ-же подскочили и, подхвативъ пустую нарту, стоявшую у дороги, подтащили ее къ тойону.

— Тагамъ (ну)! — сказалъ одинъ изъ нихъ, выразительно подталкивая начальника въ спину. Тойонъ скорѣе упалъ, чѣмъ сѣлъ на нарту, и, облегченно вздохнувъ, вытянулъ ноги по голымъ доскамъ. Молодые чукчи съ гиканьемъ и странными гортанными криками быстро потащили санки къ дому помощника. Ремкиленъ очутился рядомъ и подпрыгивалъ, держась рукой за дугу нарты, чтобы не упасть. Его ноги тоже были въ сапогахъ. Другіе начальники бѣжали сзади вмѣстѣ со свитой. У дверей казенной избы тойонъ поднялся съ нарты и съ гордымъ видомъ вошелъ въ сѣни. Двери широко распахнулись, открытыя невидимой рукой, и король оленныхъ чукчей вступилъ въ пріемную. Фунтикъ поспѣшилъ ему на встрѣчу.

— Здраствуйте, Аѳанасій Андреичъ! — суетился онъ. — Прошу покорно садиться! Добро пожаловать!

Въ его обращеніи былъ даже оттѣнокъ явной почтительности. Мундиръ, медали и титулъ тойона видимо произвели на него импонирующее впечатлѣніе.

„Король“, не понимавшій ни слова по русски, стоялъ, какъ столбъ, посреди комнаты. Онъ, впрочемъ, и слушалъ плохо. Его единственный подслѣповатый глазъ успѣлъ разглядѣть пузатый графинчикъ, стоявшій на столѣ, да такъ и не отрывался онъ него.

Помощникъ безпомощно заерзалъ глазами, отыскивая переводчика. Вассалы и спутники короля успѣли набиться въ избу по его слѣдамъ, и видъ такого количества дюжихъ дикарей въ странныхъ мѣховыхъ одеждахъ дѣйствовалъ на Фунтика угнетающимъ образомъ.

— Скажи имъ, пусть изволятъ садиться! — сказалъ онъ, наконецъ, переводчику, указывая на чукчей.

Переводчикъ, старый сѣдоволосый анюйщикъ въ оборванной одеждѣ, съ широко раскрытыми полубезумными глазами на увядшемъ лицѣ, вздрогнулъ, какъ будто очнувшись отъ какой-то странной грезы. Онъ былъ шаманъ и въ эту минуту могъ думать о старыхъ юкагирскихъ *дьяволахъ*, помогавшихъ ему врачевать людскія болѣзни.

— Садитесь!—отрывисто приказалъ онъ чукчамъ.

Тойонъ и его спутники стали размѣщаться по лавкамъ.

— Спроси ихъ, — сказалъ Фунтикъ, — не угодно ли имъ чаю?... Иванъ!..

Бѣлобрысый казакъ явился съ подносомъ, уставленнымъ чашками.

— Чай послѣ, сперва лучше это! — сказалъ тойонъ, ука-

зывая на графинъ. — Хоть маленько, хоть эстолько, — прибавилъ онъ, указывая на ноготь.

— Подай рюмки! — крикнулъ помощникъ; но при видѣ рюмокъ, тойонъ поморщился, не смотря на скромность своей первоначальной просьбы.

— Чукчи не привыкли къ стеклянным наперсткамъ! — сказалъ онъ. — Прежніе исправники всегда поили меня изъ чашки!...

Помощникъ жалобно посмотрѣлъ на него. Водки было мало, ибо Брусницынъ досталъ „у купцовъ" только одну бутылку и то не полную. Но приходилось покориться. Выпивъ чашку, тойонъ довольно крякнулъ.

— Скажи ему! — обратился онъ къ переводчику, — пусть поднесетъ Ремкилену и старостамъ съ тундры. А *этимъ* не надо. Лучше я потомъ еще выпью!.. Вы пейте чай! — обратился онъ къ свитѣ.

Между чукчами пробѣжалъ ропотъ. Раздалось нѣсколько рыкающихъ раскатистыхъ звуковъ, выходившихъ какъ будто изъ собачьяго горла, но потомъ все стихло.

Въ эту минуту тойонъ находился въ апогеѣ своего величія и импонировалъ чукчамъ столько же, сколько и помощнику. Разочаровавшись въ своихъ ожиданіяхъ, чукчи разобрали чашки и, набравъ въ горсти сѣрыхъ и коричневыхъ крохъ, которыя были выставлены имъ на двухъ сковородахъ въ качествѣ сухарей и сахару, принялись усердно обжигаться горячимъ напиткомъ...

Помощникъ взиралъ съ безмолвнымъ отчаяніемъ на своихъ гостей. Наконецъ, тойонъ опрокинулъ чашку, отказываясь отъ чаю, и снова обратилъ вниманіе на графинчикъ.

— Налей!.. — сказалъ онъ помощнику, указывая на графинъ, — Мимыль (водки)! — но не давъ ему времени даже взяться за графинъ, проворно налилъ чашку собственными руками, выпилъ ее, какъ воду, и опять крякнулъ. Свита, подражая королю, тоже стала опрокидывать чашки и потомъ принялась расхищать остатки сахарныхъ и сухарныхъ розсыпей, ссыпая добычу въ темную бездну своей косматой пазухи.

— Ну-съ! — сказалъ Фунтикъ: — Аѳанасій Андреичъ! У меня есть къ вамъ дѣльце. Исправникъ поручилъ мнѣ собрать ясаки!..

— Ясакъ! — сказалъ переводчикъ кратко.

— Гдѣ возьму? — торопливо заговорилъ тойонъ. — Я одинъ плачу. Никто не даетъ.

— Говоритъ: чукчи не даютъ! — сказалъ переводчикъ.

— Какъ не даютъ? — возмутился Фунтикъ. — Надо имъ приказать!..

— Они не слушаются! — отвѣтилъ тойонъ. — Меня никто не

слушается. Я еще ихъ боюсь. Самъ говорю: пусть русское ухо слышитъ.

— Отчего онъ ихъ не сажаетъ въ караулку?—сказалъ помощникъ, но спохватился, сообразивъ, что у чукчей нѣтъ караулки.—Развѣ онъ не можетъ ихъ наказывать чѣмъ нибудь?—обратился онъ къ переводчику.

— Какъ станетъ?—отвѣтилъ старикъ.—Они все равно—дикіе олени!...

— Какъ же ясакъ?—спросилъ помощникъ упавшимъ голосомъ.—Мнѣ исправникъ велѣлъ...

— Ясакъ!—опять перевелъ переводчикъ.

— Ясакъ вотъ!—сказалъ тойонъ, вытаскивая вдругъ изъ за пазухи, къ великому удивленію и радости помощника, пачку замасленныхъ ассигнацій.

— Скажи ему, пусть напишетъ на большую бумагу. Это я далъ, я самъ!.. Это равдуги!—перечислялъ онъ, откладывая часть денегъ въ сторону.—Это песцы! Это олени! Это помогъ Амрилькутъ! Это Тэррэкай! А это всѣ люди!..

Часть, принадлежавшая „всѣмъ людямъ", была довольно мизерныхъ размѣровъ. Помощникъ, пересчитавъ деньги, сталъ писать квитанцію. Тойонъ, съ своей стороны, погрузился въ какія-то головоломныя вычисленія при помощи маленькой деревянной бирки и своей грязной пятерни. Онъ хотѣлъ добиться, совпадетъ ли счетъ денегъ съ числомъ ясачныхъ душъ. Растопыривъ свои толстые пальцы, онъ давалъ имъ по очереди имена своихъ вассаловъ, платившихъ ясакъ, и прикладывалъ ихъ одинъ за другимъ къ тоненькимъ нарѣзкамъ бирки. Другіе старосты тоже стали вносить ясаки, все шло гладко, но у старосты безъ мундира между рублями оказалась цвѣтная этикетка съ обертки душистаго мыла.

— Это не деньги! — сказалъ помощникъ, возвращая этикетку.

— Какъ не деньги? — увѣренно возразилъ чукча переводчику.—Видишь—пестрое!

— О, дикоплѣшій (полуумный)!—замѣтилъ переводчикъ съ негодованіемъ.—Сказано: нехристь!..

— Онъ не толкуетъ (не понимаетъ)! — обратился онъ къ помощнику.

— Это два пыжика!—сказалъ чукча.—Конщики дали лѣтомъ!...

— Спроси, кто далъ ему?—кипятился помощникъ.—Ахъ, мошенникъ! Я его разбойника сейчасъ отправлю въ Нижній.

— Кто далъ?—спросилъ переводчикъ.

— Федькины люди! — сказалъ чукча. — Плѣшивый Мишанька!..

— Онъ говоритъ, что не знаетъ!—объяснилъ переводчикъ.

Фунтикъ взялъ этикетку со стола и протянулъ ее старостѣ.

— Надо это перемѣнить!—сказалъ онъ нѣсколько неувѣреннымъ тономъ.

— Харэмъ! — сурово возразилъ чукча. — Если эта бумага хороша для чукчей,—почему она не годится для русскихъ?

Помощникъ нерѣшительно посмотрѣлъ на Кожевникова.

— Возьмите, чортъ съ ними! — посовѣтовалъ тотъ неохотно.—На одинъ рубль найдутся суммы...

— О, черти! — съ негодованіемъ прошепталъ помощникъ, принимаясь писать росписку.

— Теперь что?—опять спросилъ онъ Кожевникова.

— Теперь вопросы!...

Помощникъ порылся въ папкѣ, лежавшей на столѣ, и вытащилъ оттуда листъ синей бумаги, исписанный старинным писарскимъ почеркомъ.

— Спроси ихъ! — сказалъ онъ переводчику и сталъ вычитывать изъ листа:—„Послѣ расторжки въ минувшемъ году, обратясь изъ островной крѣпости въ свои кочевья и мѣста, благополучно ли продолжали свой путь и не подвергались ли со своими семьями какимъ либо болѣзнямъ и случаямъ, особеннаго вниманія заслуживающимъ?“

— Мы ничѣмъ не болѣли!—отвѣтили чукчи.

— Еще спроси ихъ!—продолжалъ помощникъ вычитывать изъ листа.—„Не видали ли они или кто изъ родовичей ихъ плавающихъ по морю судовъ и кораблей или же русскихъ и другихъ незнакомыхъ имъ до сего людей въ какихъ либо мѣстахъ и не имѣли ли съ ними какого либо сношенія или переговора“?

— Никого не видѣли!—отвѣчали чукчи.

— Теперь что?..—опять спросилъ помощникъ Кожевникова, окончивъ „вопросы“.

— Теперь „усердіе“! — процѣдилъ Кожевниковъ, — и довольно! А только врядъ ли! Ужъ я ихъ знаю!..

— Скажи имъ!—сказалъ Фунтикъ переводчику:—у насъ на Колымѣ голодъ! Не будетъ ли усердія ихъ и ихъ, и ихъ,—онъ указалъ на тойона, Ремкилена и другихъ старостъ,—пожертвовать сколько нибудь оленей на бѣдныхъ и другихъ уговорить къ тому же? За это ихъ будетъ благодарить высшее начальство!

Безстрастное лицо переводчика вдругъ оживилось.

— Начальникъ говоритъ: на рѣкѣ ѣды нѣтъ!..—заговорилъ онъ, обращаясь къ тойону.—Порѣчане убили мало рыбы! Женщины и дѣти голодаютъ, собаки безъ корму... Убейте оленей! Грѣхъ! По одной землѣ ходимъ, на одно солнце смотримъ...

— Харэмъ, харэмъ!—замахалъ руками тойонъ.—Мое стадо далеко! И такъ постоянно убиваю. Русскіе не устаютъ просить.

Другіе чукчи отказывались также упрямо.

— Убейте хоть по два оленя! — увѣщевалъ ихъ переводчикъ, даже не обращаясь къ помощнику.—Грѣхъ вамъ! Одного Владыки люди, одной рѣки воду пьемъ, одной пустынѣ кланяемся! Одно племя, одинъ народъ...

Послѣ нѣкотораго колебанія старосты дали обѣщаніе убить по оленю лично отъ себя, но уговаривать другихъ отказались на отрѣзъ.

Чукчи торопились уходить, имъ надоѣло сидѣть въ четырехъ стѣнахъ. Ихъ уже тянуло на просторъ.

Тойонъ съ сожалѣніемъ взиралъ на пустой графинчикъ.

— Пусто!—сказалъ онъ презрительно.—Ты, должно быть, не умѣешь пить! Пойду лучше къ *приморскому батькѣ!* Онъ хорошій человѣкъ, добрый пьяница!..

Помощникъ облегченно вздохнулъ.

— Теперь носовые!—сказалъ онъ, потирая лобъ.—Тѣ, *однако*, еще хуже. А что, Иванъ Ивановичъ, они не могутъ... Ей Богу, я боюсь!

— Не бойтесь—не тронутъ!—пропищалъ Кожевниковъ, улыбаясь въ свои моховые усы.

— Ну, да у меня револьверъ въ карманѣ! — храбрился Фунтикъ. — Чуть что, я сейчасъ: бацъ, бацъ! У меня недолго!..

Кожевниковъ заморгалъ своими маленькими глазками.

— Они не шибко боятся!—пискнулъ онъ.—У нихъ американскія ружья о пятнадцати зарядахъ. Пожалуй, достанутъ подальше леворверта. Да вотъ они идутъ! — прибавилъ онъ, услышавъ въ сѣняхъ топотъ и шарканье ногъ.

Носовые вошли, чинно слѣдуя одинъ за другимъ. То были Чепатка съ братомъ, Уквутъ съ сыномъ и еще одинъ высокій и плотный человѣкъ, почти великанъ, съ суровыми чертами темнобронзоваго лица и черными, слегка вьющимися волосами, заплетенными въ косу. Вьющіеся волосы, доставшіеся ему по наслѣдству отъ отца, заслужили ему имя Кудряваго Яширгина. Войдя въ избу, носовые стали креститься на иконы, но крестное знаменіе имъ плохо давалось. Только Уквутъ съумѣлъ перекреститься, какъ слѣдуетъ. Чепатка толокъ себя рукою въ брюхо, а Яширгинъ махалъ рукой гдѣ-то около уха, подражая другимъ. Помощникъ оказалъ имъ такой же пріемъ, какъ и оленнымъ.

— Кто у васъ тойонъ?—спросилъ онъ по окончаніи чаепитія.

— Вотъ этотъ! — указалъ Чепатка, толкнувъ Кудряваго Яширгина пальцемъ въ плечо.

Фунтикъ удивленно взглянулъ на Яширгина. Онъ былъ моложе всѣхъ присутствующихъ.

— Пускай!—весело сказалъ Уквутъ, уловивъ его взглядъ.— Какая бѣда? Три дня—малое время, пусть онъ ходитъ, какъ бы начальникъ... Старики-то не хотятъ!.. — хитро усмѣхнулся онъ.—Къ чему? Забота!..

— Пусть!—согласился помощникъ.—Мнѣ все равно!

Онъ спросилъ объ ясакахъ.

— Какже, есть! — съ готовностью отозвались чукчи, вытаскивая изъ за пазухи лисьи шкуры. — Мы — носовые, не оленные! Издалека приходимъ, а объ ясакѣ не споримъ!..

Каждый изъ нихъ далъ по лисицѣ, только маленькій Лёлё далъ песца. Но у Уквута было еще двѣ лишнихъ шкуры, которыя онъ непремѣнно хотѣлъ вручить помощнику.

— Это Рочгеленъ!—сказалъ онъ, отдавая одну:—А это мой сынъ—Пэрэ. Хорошіе люди! Свои двѣ ноги унесли къ ыкыргаулямъ, а къ русскимъ прислали по четыре лисьихъ. Никому нѣтъ обиды!—и довольный своимъ остроуміемъ, онъ громко засмѣялся.

Наступило короткое молчаніе. Помощникъ торопливо рылся въ книгѣ, отыскивая соотвѣтствующую графу. „Химическихъ продуктовъ — ноль, ноль... Мыловареннаго производства — ноль, ноль... Кожевенныхъ издѣлій—ноль, ноль...“—торопливо бормоталъ онъ, прочитывая надписи *).

— Не то!—онъ съ досадой перевернулъ страницу, — „лошадей 18, собакъ 1250, ословъ — ноль, ноль, верблюдовъ — ноль — ноль, муловъ — ноль, ноль, лисицъ и песцовъ“... — А, вотъ!—и онъ взялся за перо, чтобы сдѣлать запись.

— А что же подарки? — спросили, наконецъ, чукчи, наскучивъ ожиданіемъ.

— Сейчасъ, сейчасъ! — заторопился помощникъ. — Знаю. Иванъ, выноси подарки!

Бѣлобрысый казакъ сталъ выбрасывать изъ чулана одинъ за другимъ огромные желѣзные котлы и потомъ, войдя въ комнату, помѣстилъ по одному котлу предъ каждымъ чукчей.

— Рочгелену котелъ!—кричалъ Уквутъ. — Моему сыну Пэрэ!

Рочгеленъ и Пэрэ тоже не были обдѣлены.

— Ковши!—кричали чукчи.—Ножи! Табакъ!

---

*) Таблицы статистическихъ и иныхъ отчетовъ, составляемыхъ на Колымѣ, обыкновенно испещрены такими графами и подраздѣленіями, для которыхъ въ мѣстной дѣйствительности нельзя найти никакого реальнаго содержанія. Иногда одна дѣйствительная запись приходится на десять «нулевыхъ». Добрая половина административнаго письмоводства и счетоводства посвящена именно этимъ нулямъ.

Иванъ принесъ все требуемое и роздалъ чукчамъ по желѣзному ковшу, по небольшому желѣзному ножу и по папушѣ табаку.

— Двѣ папуши!—кричали чукчи.—Намъ постоянно давали по двѣ!..

— Прибавь!—сказалъ помощникъ, оглушенный криками.

— Будетъ съ нихъ и этого!—сказалъ Иванъ брезгливо.— И то, почитай, ничего не осталось! Надо и намъ антересъ получить! Барыня просила пыжиковъ искупить!..

Волей неволей чукчи удовольствовались и одной папушей. Подарки, полученные ими, и безъ того по мѣстнымъ цѣнамъ стоили втрое дороже принесенныхъ ими ясаковъ. Теперь они принялись тщательно осматривать полученные предметы.

— Этотъ ковшъ обманный! — вдругъ зарычалъ Чепатка, протягивая свой ковшъ казаку. — Онъ расколотъ! Возьми, возьми!

Такъ какъ казакъ медлилъ, онъ не долго думая, бросилъ его на полъ. Ковшъ упалъ со звономъ.

— Перемѣни, перемѣни!—крикнулъ помощникъ нервно.— О, Господи!

— Теперь дайте гостинцы дѣтямъ. Наши дѣти любятъ сладкое...

— Иванъ!..

Казакъ насыпалъ въ ковши сухарей и роздалъ каждому по горсти леденцу.

Но чукчи все еще не были довольны.

— Напиши великому начальнику, — сурово сказалъ Чепатка, презрительно пощелкивая по стѣнкѣ котла,—что намъ такихъ котловъ не надо. Слишкомъ тонки, быстро прогораютъ. Пусть такихъ не присылаетъ, пусть присылаетъ черные съ гвоздями. Тѣ толсты... навѣкъ!..

— Хорошо, хорошо!—сказалъ помощникъ нетерпѣливо.

— Еще напиши, — продолжалъ Чепатка, — что эти ножи слишкомъ малы. Пусть присылаетъ большіе, а если нѣтъ большихъ ножей, то хоть якутскіе ледоколы. Они намъ больше годятся, мы ихъ любимъ!..

— А что?—спросилъ Уквутъ вкрадчиво.—Есть тутъ еще два кавралина, хорошіе люди, все равно, какъ я. Одинъ мой двоюродный братъ, другой мой шуринъ. Они тоже хотятъ внести ясакъ!..

— Какъ ихъ имена?—спросилъ помощникъ.

— Унму анэм эум *). Ихъ имена не записаны на большую бумагу!—признался Уквутъ.

---

*) Выраженіе сожалѣнія.

— Не надо ихъ, не надо!—замахалъ руками помощникъ.— Въ спискахъ нѣтъ—нельзя!..

Онъ связалъ лисицъ въ одну пачку и привязалъ колодку для печати.

— Приложи печать!—сказалъ онъ Яширгину.—Вотъ ваша, наслежная *).—Онъ подалъ ему небольшую мѣдную печать съ изображеніемъ моржа, вылѣзающаго изъ воды на скалистый берегъ.—Такъ оно и пойдетъ самому Владыкѣ!..

Яширгинъ вертѣлъ въ рукахъ печать, не зная, что дѣлать. Фунтикъ самъ накапалъ сургучу и, взявъ огромную лапу Яширгина, державшую печать, приложилъ ее къ колодкѣ.

— Вотъ такъ!—сказалъ онъ.—Тише, тише! сломаешь!

Яширгинъ ковырнулъ колодку печатью, какъ будто это былъ пень, который онъ выворачивалъ изъ подъ снѣга.

— Это ваша наслежная печать!—повторилъ Фунтикъ.—Ты долженъ хранить ее у себя! Возьми ее!..

Яширгинъ съ видимымъ удовольствіемъ взялъ красивую игрушку. Въ его глазахъ она мало отличалась отъ медали.

— Она стоитъ три рубля!—прибавилъ помощникъ.

— Нужно заплатить?..

Яширгинъ положилъ печать обратно на столъ.

— Харэмъ!—твердо произнесъ онъ.—Не надо!..

— Куда мнѣ съ нею?—ужаснулся помощникъ.—Скажи ему: ну я его прошу, пусть возьметъ и заплатитъ!..

— Харэмъ!—повторилъ Кудрявый съ непоколебимымъ упрямствомъ.

— Что съ нимъ дѣлать?—сказалъ помощникъ съ истиннымъ отчаяніемъ.—Владиміръ Гаврилычъ уже заплатилъ за нее въ Якутскѣ три рубля рѣзчику!..

— Плюньте!—сказалъ Кожевниковъ.—Не вы платили. Вамъ кака забота?..

— Такъ ты говоришь,—сказалъ Уквутъ,—что эти шкуры дойдутъ къ Великому Владыкѣ? А что же онъ изъ нихъ будетъ дѣлать? Сошьетъ кукашку?

— Сошьетъ или продастъ, все равно!—отвѣтилъ помощникъ.

— Дойдутъ къ Владыкѣ?—спросилъ Чепатка недовѣрчиво.— А ты ничего не возьмешь?

— Я зачѣмъ возьму?—возразилъ помощникъ обидчиво.— Онъ мнѣ даетъ жалованье!..

— Ну, мы пойдемъ!—заторопились чукчи.—Торговать будемъ! Люди давно торгуютъ!..

---

*) *Наслегъ* (съ якутскаго)—мелкая административная единица, на русскій языкъ обыкновенно переводится словомъ *родъ*, хотя и не совсѣмъ правильно.

— Идите!—радостно разрѣшилъ помощникъ.—Нѣтъ, нѣтъ, постойте! Еще надо вопросы!..—И онъ сталъ имъ читать прежніе вопросные пункты, записывая тѣ же стереотипные отвѣты, что и въ первый разъ. Наконецъ, отдѣлавшись отъ вопросовъ, носовые ушли.

— Ну, слава Богу! Отдѣлались отъ чукчей! — облегченно вздохнулъ Фунтикъ.—Теперь только ламуты!..

— Ну, эти иные!—пискнулъ Кожевниковъ. — Съ ними каки церемоніи? Они совсѣмъ подвластные... Все равно русскіе!..

Танъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЪ ПОДВАЛѢ.

I.

Росту онъ былъ высокаго, плечи широкія, борода сѣдая, огромная, лысина во всю голову, а улыбка конфузливая, дѣтская, испуганно-заискивающая. И когда смѣялся, что случалось рѣдко,—закрывалъ ладонью огромный ротъ и тихо хихикалъ, словно всхлипывалъ.

У него была та странная болѣзнь, которая называется „боязнью пространства", когда человѣкъ боится большихъ площадей, толпы, высоты, яркаго солнца. Разъ я силой повелъ его на нашу большую, пустынную площадь. Пока мы шли улицей, онъ чувствовалъ себя сносно и храбрился, а когда дошли до угла, откуда открывается площадь, онъ весь затрясся и, крѣпко схвативши меня за рукавъ, въ ужасѣ шепталъ побѣлѣвшими губами:

— Не могу, господинъ докторъ, не могу... Просторно какъ... Уведите, Христа ради!..

Я долженъ былъ увести его подъ руку, онъ шелъ весь дрожа, съ зажмуренными глазами, какъ-то странно втянувши голову въ плечи, и только, когда мы вошли въ темный, узкій переулокъ, онъ открылъ глаза и съ своей жалкой, виноватой, заячьей улыбкой проговорилъ:

— Просторно больно, господинъ докторъ... Такъ просторно, такъ страшно...

И высоты боялся, даже небольшой высоты. Въ банкѣ былъ деньги получать, глянулъ изъ третьяго этажа внизъ на улицу и испугался,—пришлось посылать въ магазинъ за приказчикомъ, чтобы свелъ его съ лѣстницы. У старухи сестры,—крестная еще ему приходилась,—больше году не былъ и только потому, что жила она на краю города,—тамъ,

гдѣ высокая гора круто обрывается къ рѣкѣ, и за рѣкой открывается безграничная даль луговъ и полей.

А когда всетаки пришлось ѣхать—старуха заболѣла воспаленіемъ легкихъ и собралась помирать—и на бѣду его на обратномъ пути вышла изъ за облаковъ полная луна и глянула на насъ огромная, бѣлоснѣжная даль, — онъ опять задрожалъ, какъ въ тотъ разъ на площади и пришлось обхватить его руками, чтобы не упалъ съ саней. И всю дорогу дрожалъ, и изъ за огромнаго воротника шубы, въ которую онъ ушелъ съ головой, слышался глухой, испуганный шепотъ:

— Спаси, Господи, и помилуй... Святъ, святъ Господь, Богъ Саваоѳъ...

Грозы боялся, шуму всякаго, криковъ толпы, боялся неба высокаго, солнца яркаго, не любилъ лѣта свѣтлаго, зимы бѣлоснѣжной, ослѣпительной. За то осень любилъ, когда низкія облака окутываютъ землю, поздно просыпается день, встаютъ раннія сумерки. Тогда онъ успокоивался.

Звали его Варсонофій Михайловичъ. Собственно онъ былъ „киперъ“ — виноградными винами занимался съ малыхъ лѣтъ — изъ дворовыхъ онъ былъ — при дядѣ въ Москвѣ въ большихъ винныхъ подвалахъ школу проходилъ. И въ нашъ городъ, въ тотъ дальній глухой губернскій городъ, сначала киперомъ пріѣхалъ и потомъ ужъ за распорядительность и честность неподкупную, довѣреннымъ сдѣланъ былъ въ главномъ нашемъ магазинѣ, гдѣ и служилъ больше тридцати лѣтъ.

И магазинъ Варсонофій Михайловичъ устроилъ по своему характеру, чтобы тихо было, спокойно, склоки бы не было. Полутемныя занавѣски до половины закрывали окна, безъ шуму отворялась дверь. Заведетъ молодой приказчикъ сапоги со скрипомъ, — велитъ снять; мальчишка - подручный чайникомъ громко звякнетъ, либо дверью шибко хлопнетъ,— онъ его за вихоръ или за ухо. Попался ему приказчикъ молодой, форсистый, — хозяинъ изъ Нижняго съ ярмарки привезъ, — въ клѣтчатыхъ брюкахъ, въ галстухѣ розовомъ, съ новымъ фасономъ обращенія. Зашвыряетъ прилавокъ товарами, словами засыплетъ и при барыняхъ все глазами играетъ да зубы скалитъ, частые, бѣлые. Ловкій парень былъ, дорогой для магазина,—и барыни чаще стали захаживать, — а не стерпѣлъ Варсонофій Михайловичъ, — выжилъ. Не стерпѣлъ брюкъ пестрыхъ, клѣтчатыхъ, брелоковъ звеня-

щихъ, зубовъ бѣлыхъ, смѣющихся. Самъ киперъ строго себя одѣвалъ,—сюртукъ степенный, длинный, воротничекъ бѣлый, высокій, подпиравшій шею, широкій, черный шелковый галстухъ, какъ въ старину носили.

Тихій городъ былъ, не суетливый, и покупатель не часто навертывался. Стоитъ старый киперъ за прилавкомъ, съ карандашемъ за ухомъ,—серьезный и важный и куда-то смотритъ сѣрыми строгими глазами и о чемъ-то думаетъ,—а о чемъ,—Богъ вѣсть. Безъ шуму отворится дверь, войдетъ покупатель и всетаки тихо въ магазинѣ, — пріучилъ киперъ къ своему обращенію.

— Вотъ, Варсонофій Михайловичъ,—скажетъ покупатель,— дочку выдаю, такъ какъ-бы того...

Разспроситъ старый киперъ, за кого выдаютъ, кто будетъ посаженный отецъ, кто жениховъ крестный, какіе почетные гости,—вынетъ карандашъ изъ за уха и начнетъ писать своимъ крупнымъ четкимъ почеркомъ. Всѣхъ зналъ,—кому на закуску сижокъ требуется, кто анчоусы уважаетъ, кто больше на икру да на семгу налегаетъ...

Прочитаетъ записочку и видитъ покупатель, что все въ порядкѣ, въ лучшемъ видѣ,—развѣ малость какую убавитъ— прибавитъ. А про вина и разговоровъ не было. Самъ онъ не пилъ, но былъ тонкій знатокъ винъ и потребителя.

— А вина ужъ... Вы лучше знаете, Варсонофій Михайловичъ!

Варсонофій Михайловичъ хорошо знаетъ и пишетъ сортиментъ, по человѣку да по событію глядя. Кому Тенерифъ, да Лиссабонское, да Остындская мадера, а кому Аллашъ, Госотернъ, „бѣлую лошадь"—такое было модное вино. А лучше всего зналъ старый киперъ господъ дворянъ — своихъ главныхъ покупателей. И не только кто что пьетъ, но и какъ пьетъ,—что сначала, что въ срединѣ, что къ пьяному концу. Было пять-шесть лицъ въ губерніи, которыя у него на особомъ счету были, и вина для нихъ онъ берегъ особыя,— обыкновенному человѣку и не отпуститъ, — коньякъ въ 15 р. за бутылку, шампанское сухонькое добротное, а рейнвейнъ такой, что и въ Москвѣ поищешь,—партію у разорившагося помѣщика купилъ. Предъ выборами предводитель по три часа въ магазинѣ сидѣлъ, — все совѣщался по закусочному да винному дѣлу. И губернаторъ захаживалъ.

Стоитъ старый киперъ, важный и серьезный, словно король какой и будто милость покупателямъ оказываетъ. А

молодые приказчики слушаютъ да учатся,—всѣ лучшіе приказчики въ нашемъ городѣ по винной и бакалейной части изъ его школы вышли.

Въ будни человѣкъ, какъ человѣкъ, а передъ большими праздниками, въ особенности передъ Пасхой—мученикъ. Народу наберется много, шумъ пойдетъ по магазину, склока большая,—все нà спѣхъ...

Не быть — нельзя, — все прячется. Выйдетъ на минутку, поговоритъ съ тѣмъ, кто по важнѣе, и спрячется въ чуланчикъ за прилавкомъ. Отдохнетъ немного отъ людей и опять выйдетъ на полчасика. И все фуляровымъ платкомъ потную лысину обтираетъ, и весь день потихоньку дрожитъ, и все улыбается своей виноватой, жалкой и ласково и испуганно-заискивающей улыбкой.

Жилъ онъ недалеко отъ магазина, въ тупикѣ, куда никто не ѣздилъ, а была только пѣшеходная тропа по немощеной, заросшей травой уличкѣ. Маленькій домикъ двумя оконцами смотрѣлъ на улицу, а за домикомъ репейникъ росъ, крапива, бузина обломанная, а за бузиной тянулись полѣнницы дровъ лѣсного склада. Въ двухъ комнатахъ: одна кухонька, а въ другой полкомнаты занимала большая кровать съ пологомъ, на которой спала вся семья. Въ переднемъ углу—большой кіотъ съ иконами. Все стараго письма, лицъ не видно было, только бѣлки глазъ случайно вырисовывались, да бѣлѣли серебряные вѣнчики около ликовъ. Занавѣски всегда были спущены, а на ночь окна закрывались ставнями, по тамошнему обычаю, съ желѣзными болтами. Горѣла неугасимая лампада, и пахло тамъ всегда пирогами и деревяннымъ масломъ и жильемъ человѣческимъ.

Безшумно двигалась по двумъ комнаткамъ жена кипера, съ лицомъ, которое, повидимому, никогда не было молодымъ, съ упорнымъ взглядомъ, съ крѣпко сжатыми губами. Мнѣ все казалось, что она когда-то обмолвилась словомъ и зареклась, — такъ я и не слыхалъ ея голоса. Мальчикъ у нихъ былъ, — тоненькій, щупленькій, личико бѣленькое, нѣжное, какъ у дѣвочки,—одинъ у нихъ былъ и родился, когда обоимъ было уже за пятьдесятъ. И росъ онъ, какъ герань въ подвалѣ,—съ льняными тоненькими волосиками, съ бѣлыми губами, съ глазами безъ жизни.

Разъ,—дѣло было въ Пасху,—я только что воротился изъ церкви и сѣлъ разговляться, — ко мнѣ прибѣжалъ служившій при магазинѣ мальчикъ.

— Дяденька помиратъ, Варсонофій Михайлычъ... Тетенька послала,—бѣги, гритъ, за докторомъ...

Пока мы бѣжали той пустынной безлюдной площадью, мальчикъ разсказалъ мнѣ, что съ старымъ киперомъ случилось худо во время утрени, что онъ все дрожалъ, но крѣпился, а когда священникъ съ амвона спросилъ: „Христосъ Воскресе!“ и весь народъ въ церкви отвѣтилъ: „Воистину Воскресе!“ и стали люди цѣловаться и обниматься, — на него и нашло. Испугался очень, заплакалъ и чуть не упалъ. Привезли домой, думали уснетъ, а онъ помирать сталъ...

— За попомъ послали... — заключилъ свой разсказъ мальчикъ.

Долго пришлось идти. Было удивительное весеннее утро и то пасхальное солнце, которое „играетъ“ и которое ласково свѣтило даже въ томъ угрюмомъ тупикѣ на тотъ печальный домикъ съ закрытыми ставнями.

Горница была полна дыму ладона, единовѣрческій священникъ только что ушелъ,—семья придерживалась старины,—и они все молились. Предъ образами стояла суровая темная женщина съ крѣпко сжатыми губами и лицомъ, говорившимъ: не скажу!

Рядомъ стоялъ хиленькій мальчикъ, очевидно усталый, и бѣленькая головка покачивалась на тоненькой шеѣ, словно блѣдная, квелая вѣточка на хрупкомъ стволѣ. А старый киперъ стоялъ на колѣняхъ съ поднятымъ къ образамъ лицомъ и крѣпко прижатымъ ко лбу крестнымъ знаменіемъ... Крупныя капли пота выступали на лысинѣ, и слезы катились по мокрымъ щекамъ, по сѣдой бородѣ, и еще не прошедшій испугъ и умиленіе стояли въ глазахъ...

Все молилъ Бога старый киперъ, чтобы Богъ пожалѣлъ его, укрѣпилъ его слабую волю, пугливое сердце,—чтобы не бояться ему мѣста просторнаго, дали далекой, твореній Божіихъ — солнца блещущаго, неба высокаго и людей — дѣтей Божіихъ, не бояться бы словъ святыхъ, словъ божественныхъ...

II.

Послѣ бурныхъ приступовъ испуга, онъ скрывался въ подвалъ. Такъ и въ этотъ разъ. Весной въ магазинѣ мало дѣла, и старый киперъ цѣлые дни проводилъ въ подвалѣ, производя свои таинственныя манипуляціи съ виномъ.

Какъ-то разъ я спустился къ нему. Онъ окликнулъ меня и подошелъ изъ дальнаго угла съ фонаремъ въ рукѣ. Я не узналъ стараго кипера. Темная скуфейка покрывала голову, на плечи накинутъ былъ азямъ, казавшійся какимъ-то плащемъ, морщины лица разгладились, изъ подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей смотрѣли большіе задумчивые сѣрые глаза, весь онъ выпрямился и, казалось, сталъ выше и стоялъ предо мной съ фонаремъ въ рукѣ, въ своей скуфейкѣ и плащѣ, какъ средневѣковый алхимикъ, только что оторвавшійся отъ своихъ таинственныхъ изслѣдованій...

Въ подвалѣ было сыро, темно и холодно. По обѣимъ сторонамъ узкаго и длиннаго подземелья тянулись рядами бочки съ виноградным виномъ, темныя, покрытыя паутиной... Глубокая тишина стояла въ воздухѣ. Я невольно понизилъ голосъ.

— Съ ними спокойно?—спросилъ я.

Онъ нахмурилъ брови и не сразу отвѣтилъ.

— Какъ когда... Вотъ теперь — только поглядывай...—онъ помолчалъ и тихо выговорилъ:—Шепчутъ...

— Шепчутъ?

— Шепчутъ...

Онъ взялъ меня за руку и повелъ въ дальній уголъ, гдѣ лежала огромная бочка, новѣе другихъ.

— Прислушайте-ка...

Я приложилъ ухо. Въ бочкѣ шелъ странный шепотъ,—въ родѣ того, который я слыхалъ весной въ большихъ сугробахъ послѣ теплаго дождя. Словно тысячи капелекъ проснулись и бьются другъ о друга, и о чемъ-то сговариваются, и куда-то спѣшатъ...

— Что-же это такое?—вырвалось у меня.

Онъ наклонился надо мной и таинственно въ полголоса выговорилъ:

— Вспоминаютъ...

— Вспоминаютъ?

— Прошлыя времена, свое мѣсто... Какъ на волѣ росли...— Онъ говорилъ медленнно и раздумчиво, все тѣмъ же таинственнымъ полушепотомъ.

— Всѣ кипера знаютъ,—разъ въ годъ... Когда тамъ виноградъ зацвѣтетъ. И вспоминаютъ... Ну, и шепчутъ и бурлятъ... Теплота въ нихъ проявляется. Слышите, воздухъ тяжелый въ подвалѣ? Газъ отъ нихъ идетъ... Дышутъ...

Сѣрые глаза смотрѣли на меня спокойно и задумчиво, смутно мерцалъ фонарь, огромная уродливая тѣнь вытянулась до средины потолка.

Я еще разъ приложилъ ухо къ бочкѣ. Теперь шепотъ показался мнѣ инымъ,—словно кто-то грезитъ во снѣ. Странное настроеніе охватывало меня. Длинное подземелье, полное тьмы и тишины, эта удивительная легенда, которую я слышалъ въ первый разъ, фантастическая фигура старика, казавшагося огромнымъ въ мигающемъ свѣтѣ фонаря, эти дышущія и грезящія бочки...

Я сѣлъ на валявшійся обрубокъ дерева и сталъ разсказывать моему собесѣднику о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ цвѣтетъ виноградъ, гдѣ родились эти капельки и о чемъ грезятъ они. Говорилъ о вздымающихся къ небу утесахъ, о бурныхъ потокахъ, несущихся съ горъ, о горячемъ солнцѣ, о голубой молніи, освѣщающей бѣлыя скалы, зеленыя сосны, о безпредѣльномъ морѣ, которое вѣчно катитъ бурливыя волны и все шумитъ, все шепчетъ и грезитъ...

Я забылъ, кому говорилъ. Огромное тѣло припало къ бочкѣ и тряслось отъ всхлипываній и испуганный голосъ шепталъ:

— Не могу я слушать, господинъ докторъ... и что это вы! Море-то, море-то... Страшно-то какъ...

Я насилу успокоилъ его. Мы разговорились о тайнахъ киперскаго искусства, о старыхъ бочкахъ испанскихъ винъ, которыя молчатъ и ни о чемъ не шепчутъ. Постепенно онъ успокоился и снова пошелъ бродить по огромному подвалу.

Длинная фигура медленно и безшумно движется между двумя рядами бочекъ, время отъ времени останавливается и припадаетъ ухомъ. Странныя полосы свѣта ползутъ по покрытому плѣсенью и паутиной потолку. Словно тюремный стражъ съ потайнымъ фонаремъ въ рукахъ прислушивается къ камерамъ, гдѣ сидятъ заключенные.

— Варсонофій Михайловичъ!—почти закричалъ я.

Страннымъ гуломъ отозвался мой голосъ въ безмолвномъ

подвалѣ. Старикъ подошелъ ко мнѣ и поднялъ фонарь надъ своимъ лицомъ:

— Что-же вы съ ними дѣлаете?

Онъ наклонился надо мной и, закрывая рукой огромный беззубый ротъ, засмѣялся своимъ всхлипывающимъ смѣхомъ и таинственно шепнулъ.

— Сѣрой окуриваемъ... Не любятъ они...

— Ну и тогда?

Страшный, огромный ротъ еще разъ затрясся, — хихикая-всхлипывая.

— Тогда они молчатъ...

Онъ высоко поднялъ фонарь надъ головой и стоялъ предо мной задумчивый, спокойный и важный.

Въ подвалѣ было темно, сыро и холодно.

С. Елпатьевскій.

ЭЛИНОРЪ.

Романъ Гемфри Уордъ.

(Перев. съ англійскаго В. Кардо-Сысоевой).

XI.

Послѣ того, какъ Мэнистей увелъ сестру, Элиноръ и Льюси, изрѣдка перекидываясь словами, продолжали сидѣть въ саду, пока солнце не начало спускаться къ Остіи и Средиземному морю.

— Вамъ слѣдуетъ идти въ комнаты,—сказала Элиноръ, опуская свою руку на руку дѣвушки,—начинаетъ свѣжѣть.

Льюси поднялась, снова ощущая легкое лихорадочное головокруженіе, и онѣ пошли по направленію къ дому. Когда онѣ были на полдорогѣ, Льюси съ энергіей проговорила:

— Какъ-бы я хотѣла опять быть собою. Мнѣ слѣдовало бы помогать вамъ во всѣхъ этихъ заботахъ, а я являюсь только обузой.

Элиноръ улыбнулась.

— Вы отвлекаете наши мысли.—сказала она.—Все равно ничто не могло бы сгладить испытанія, какимъ является посѣщеніе Алисы.

Она говорила очень любезно, но съ той утонченной холодностью въ отвѣтѣ на горячее сочувствіе Льюси, которая, казалось, впервые зародилась въ день прогулки въ Нэми.

Льюси съ той поры никогда не чувствовала себя съ ней вполнѣ свободно, и въ душѣ, надо сказать правду, это слегка огорчало ее. Она знала только, что между ними встало нѣчто неуловимое, разъединяющее, и что она чувствуетъ себя какой-то неловкой, невѣжественной дѣвочкой въ сравненіи съ этой получившей высшее воспитаніе женщиной, на чье довѣріе и дружбу она, разумѣется, не имѣетъ никакого права. Она уже начинала испытывать теперь нѣчто вродѣ стыда при мысли о своихъ новыхъ нарядахъ и о томъ участіи, которое миссисъ Бургоинъ въ нихъ принимала. Неужели, въ концѣ концовъ, она только незванная и непрошенная гостья,

причиняющая однѣ хлопоты? Благодаря головокруженію, общему недомоганію и упадку духа, она вся поддалась этимъ сомнѣніямъ и опасеніямъ.

Тетя Патти встрѣтила ихъ на самомъ верху того длиннаго ряда каменныхъ ступеней, которыя вели изъ сада въ первый этажъ. Она стояла, приложивъ палецъ къ губамъ.

— Не хотите ли вы пройти черезъ мои комнаты? — проговорила она шепотомъ.—Эдвардъ и Алиса въ библіотекѣ.

Онѣ пошли въ обходъ, такъ какъ почти каждая изъ комнатъ сообщалась съ другой, и пробрались черезъ диванную тети Патти въ гостиную. Льюси слегка знобило; она сидѣла въ комнатѣ тети Патти у камина, который та велѣла развести, какъ только увидала молодую дѣвушку; другія двѣ лэди шепотомъ переговаривались между собою въ гостиной.

Обильный и яркій свѣтъ со стороны Кампаньи заливалъ комнату; но день быстро погасалъ, и сюда постепенно прокрадывалась какая-то странная тишина. Женщины, работавшія внизу, между деревьями, разошлись по домамъ. Со стороны Маринаты не доносилось ни звука, и только потрескиванье угольевъ въ каминѣ нарушало покой, да еще, время отъ времени, когда наступало молчаніе, слышался какой-то равномѣрный звукъ: повидимому чтеніе вслухъ. Одинъ разъ голосъ чтеца былъ внезапно прерванъ смѣхомъ, страннымъ непріятнымъ смѣхомъ, отъ котораго Льюси вздрогнула.

Тетя Патти шепотомъ сообщала Элиноръ:

— Онъ былъ неподражаемъ, безусловно неподражаемъ! Я никогда не думала, что бы онъ могъ...

— Онъ можетъ все рѣшительно, чего захочетъ. Теперь онъ повидимому читаетъ ей вслухъ?

— Да! дорогая моя, онъ читаетъ тѣ стихотворенія, которыя она написала въ Венеціи. Она дала ему ихъ просмотрѣть въ тотъ же день, какъ пріѣхала. Позволю себѣ сказать, что поэмы эти совершенная безсмыслица, но онъ читаетъ и разсуждаетъ о нихъ, какъ будто это нѣчто крайне талантливое, и она этимъ очень довольна—бѣдная, бѣдная Алиса! Но прежде всего онъ успокоилъ ее относительно денегъ. Я слушала нѣкоторое время за дверью. Она повидимому совершенно съ нимъ помирилась.

— Какъ бы тамъ ни было, я бы желала, чтобы сегодняшняя ночь скорѣй миновала и скорѣй пріѣхалъ докторъ,—сказала Элиноръ, и миссъ Мэнистей, выражая на это сочувствіе, всплеснула руками съ такой энергіей, какую только ея маленькое существо способно было вложить въ это движеніе.

Одѣваясь къ обѣду, Льюси почувствовала, что не въ силахъ будетъ высидѣть за столомъ, и что она сдѣлаетъ лучше, если ляжетъ въ постель. Она послала предупредить

объ этомъ миссъ Мэнистей и легла въ постель. На противоположной сторонѣ комнаты въ широко раскрытое окно виднѣлись Монте-Каво и озера, всѣ залитыя луной. Окно съ лѣвой стороны и выходившее на балконъ она собственноручно закрыла и заперла его съ особенной тщательностью. Затѣмъ она лично удостовѣрилась, находится-ли дверной ключъ на своемъ мѣстѣ, и, какъ только миссъ Мэнистей и Элиноръ пожелали ей доброй ночи, она хотѣла запереться совсѣмъ; но тутъ пришла тетя Патти освѣдомиться, поданъ ли ей супъ и приняла ли она хининъ. Маленькая старая леди не стала говорить съ Льюси про свою племянницу. Ея фамильная гордость, какъ ни глубоко она была затаена въ ея душѣ, почти не допускала возможности повѣрять семейныя непріятности и причинять затрудненія человѣку, сравнительно мало знакомому, какъ бы она ни была расположена къ нему. Тѣмъ не менѣе, по всему было видно, что она очень сокрушалась о случившемся. Она не сочла бы для себя обременительными никакія заботы и хлопоты относительно дѣвушки, которая находилась на ея попеченіи и испытала непріятность отъ одного изъ членовъ семейства Мэнистей, когда ея собственные покровители были далеко.

— Бенсонъ придетъ и позаботится для васъ рѣшительно обо всемъ, дорогая моя,—сказала старушка, не безъ нѣкотораго достоинства.—Вы запрете вашу дверь и, я надѣюсь, проведете ночь очень хорошо.

Полчаса спустя пришла миссисъ Бургоинъ. Свѣча Льюси погасла; масляная лампочка въ одномъ изъ угловъ комнаты слабо мерцала. Открытое окно было задернуто кисейной занавѣской для защиты отъ летучихъ мышей и ночныхъ бабочекъ. Но лунный свѣтъ пробивался сквозь кисею и ложился пятнами на каменный полъ. Въ этомъ неясномъ освѣщеніи Льюси могла различить только темное очертаніе глазъ Элиноръ, поразительную воздушность ея фигуры и густыя волны ея волосъ.

— Вы можете быть вполнѣ благонадежны,—сказала Элиноръ, наклоняясь къ ней и говоря почти шепотомъ, — она значительно спокойнѣе. Ей дали сильное усыпительное средство и заперли всѣ двери, за исключеніемъ двери въ комнату Дальгетти, которая нарочно поставила свою кровать поперекъ двери: если Алиса попытается пройти, то обязательно разбудитъ этимъ Дальгетти, а та достаточно сильна, чтобы удержать ее. Къ тому же Мэнистей явится въ одно мгновеніе при первой необходимости. Вы можете быть совершенно спокойны, совершенно благонадежны.

Льюси поблагодарила ее.

— Ну, а вы какъ себя чувствуете? — проговорила она съ участіемъ и сжимая руку Элиноръ.

Элиноръ на мгновеніе поддалась ласкѣ, затѣмъ освободила руку и слегка отодвинулась.

— Благодарю васъ, я буду спать превосходно. Мною Алиса, увы! не интересуется. Скажите, не можемъ ли мы для васъ сдѣлать еще что нибудь?

Она говорила сдержаннымъ тономъ, который, казалось Льюси, исходилъ отъ человѣка, стоявшаго далеко, далеко отъ нея.

— Благодарю васъ! У меня есть рѣшительно все.

— Бенсонъ принесетъ вамъ молока и лимонада. Завтра я первымъ дѣломъ пришлю Мари освѣдомиться о васъ. Вы знаете, она спитъ какъ разъ надъ вами, а чтобы добраться до меня, вамъ стоитъ только перейти столовую. Спокойной ночи! Спите хорошенько!

Когда Элиноръ затворила за собою дверь, Льюси почувствовала, что у нея какъ-то странно сжалось сердце. Миссисъ Бургоинъ нѣкогда сама сдѣлала первый шагъ къ ихъ дружбѣ. Льюси вспомнила ея два-три поцѣлуя, на которые она по своей застѣнчивости не рѣшилась отвѣтить. Теперь ей трудно было даже представить, что это когда-то было, что миссисъ Бургоинъ проявляла къ ней ласку, выказывала себя нѣжной веселой, дружественной, какъ въ тѣ первыя недѣли, когда всѣ развлеченія Льюси на этой виллѣ зависѣли отъ нея. Что же случилось? что такое сдѣлала она?

Она лежала, опустивъ на руки свое разгоряченное лицо, размышляла надъ этими протекшими недѣлями, и мысли эти и образы проносились въ ея головѣ съ той быстротой и непослѣдовательностью, какія являлись результатомъ ея лихорадочнаго состоянія. Какъ много повидала она, какъ многому научилась за эти быстро пролетѣвшіе дни! Ей часто казалось, что свое прежнее „я“ она сбросила съ себя вмѣстѣ съ своими старыми платьями. Она мысленно вернулась къ тѣмъ временамъ, когда она терпѣливо приспособлялась къ невниманію и пренебреженію мистера Мэнистея, какъ вообще стала бы приспособляться къ какому бы то ни было условію на этой виллѣ. Она не дѣлала надъ собой усилій. Ей казалось простымъ требованіемъ хорошихъ манеръ принять его, какъ оно есть, это нежеланіе сблизиться съ ней короче. Конечно, для ея врожденнаго американскаго чувства, для нея, какъ для приглашенной гостьи, было странно и неловко, что хозяинъ дома не обращаетъ на нее почти никакого вниманія. Но она скоро съ этимъ примирилась. Въ концѣ концовъ, что такое былъ онъ для нея или она для него?

На нее вдругъ нахлынулъ цѣлый рой воспоминаній. Въ

полусвѣтѣ, наполнявшемъ комнату, передъ нею проносились образы, то радужные, то мучительные: насмѣшливый взглядъ мистера Мэнистея тамъ на площади церкви св. Петра, его нелюбезность съ кузиной, его нѣжность по отношенію къ другу, затѣмъ этотъ видъ его, то живой и почти ребяческій, то властный и обаятельный, какимъ онъ отличался въ Нэми, и какого она никогда еще не видала ни у кого. Ей все представлялось его лицо, когда онъ шелъ тогда рядомъ съ нею, между тѣмъ какъ она со своей лошадью карабкалась по скалистой тропинкѣ; необыкновенная выразительность этого лица, та цѣльность и горячность натуры, о которыхъ оно говорило; постепенное пониманіе его индивидуальности, полной недостатковъ, и тѣмъ не менѣе занимательной, вызывающей къ себѣ го симпатію, то антипатію, — всѣ эти чувства и мысли по отношенію къ хозяину дома пульсировали въ головѣ Льюси съ такой энергіей, съ какой она была безсильна справляться.

Наконецъ, ей удалось снова овладѣть собой и заглушить въ себѣ эти мысли и воспоминанія, которыя только возбуждали и раздражали ее, наполняя собой, словно назойливыми призраками, тревожную тишину ночи.

Что было правдой въ отношеніяхъ мистера Мэнистея и его кузины? Льюси тщательно старалась разгадать это своей невинной душой и своимъ только что пробудившимся чутьемъ. Та интимность между ними, которую она подмѣтила вначалѣ; тотъ тонъ, которымъ мистеръ Мэнистей говорилъ о миссисъ Бургоинъ; сотни чуть уловимыхъ признаковъ, свидѣтельствующихъ о глубокомъ внутреннемъ отчаяньи Элиноръ и о твердо установившемся равнодушіи съ его стороны—во всѣхъ этихъ подробностяхъ Льюси блуждала, какъ въ потемкахъ, и въ то же время съ трепетомъ и смутной тоской въ душѣ.

Ея безпокойныя грезы были внезапно прерваны какимъ-то звукомъ. Вся дрожа, она поднялась на постели. Ей почудился какой-то сердитый голосъ въ отдаленьи. Не доносился ли онъ изъ той комнаты, что была по ту сторону балкона? Нѣтъ! это былъ говоръ нѣсколькихъ человѣкъ, проходившихъ по дорогѣ. Она продолжала дрожать, не будучи въ состояніи себя сдерживать.—Что подумалъ бы обо мнѣ дядя Бенъ? — подумала она съ отчаяньемъ, — дядя Бенъ, который любилъ въ женщинахъ спокойствіе и самообладаніе и часто хвалилъ ее за то, что она не была ни малодушной, ни безразсудной, какими онъ въ своемъ уединенія неженатаго человѣка считалъ многихъ молодыхъ дѣвушекъ.

Она посмотрѣла на свою перевязанную руку. Рана еще горѣла отъ того дикаго пожатія, отъ котораго она никакъ не могла освободиться. Льюси сама обладала силой здоровой

молодости, которая, однако, оказалась ничѣмъ въ сравненіи съ силой рукъ Алисы Мэнистей. А взглядъ ея черныхъ глазъ?—столь сходныхъ съ глазами брата, но безъ ихъ блеска и гуманнаго и умиротворяющаго выраженія, полныхъ угрюмаго и подавляющаго отчаянья? быть можетъ, дядя Бенъ не счелъ бы ее уже за такую трусиху? Когда она, такимъ образомъ, сидѣла на своей постели, охвативъ колѣни руками, мучительная тоска по дому овладѣла всѣмъ ея существомъ. Майскій ароматъ розъ, который вливался изъ сада въ открытое окно, напомнилъ ей весну на ея собственной родинѣ—весну не съ этими одуряющими ароматами Италіи, а съ ея нѣжнымъ сѣвернымъ благоуханіемъ сирени и лавенды, хвойныхъ лѣсовъ и муравы. Ей чудилось, будто она сидитъ тамъ на откосѣ позади стараго дома, будто видитъ всѣ эти разбросанныя тамъ внизу фермы, группы зеленѣющихъ кленовъ, въ дали — поросшіе травой и взбѣгающіе одни надъ другими холмы, синѣющія озера; а въ самой глубинѣ этой милой знакомой картины—голубые контуры остроконечныхъ горныхъ вершинъ. Она опустила голову на колѣни и ей казалось, что она слышитъ даже всѣ эти знакомые звуки: блеянье и мычанье стада, кудахтанье куръ; ей видѣлась мелькавшая между деревьями крыша „meeteng house'a", а по дорожкамъ группы людей, спѣшившихъ къ часу молитвы—престарѣлыя женщины въ шерстяныхъ платьяхъ и соломенныхъ шляпахъ, сухопарые загорѣлые мужчины.

Стукъ въ дверь разсѣялъ ея миражъ—то была Бенсонъ. Она принесла молоко и лимонадъ, причесала на ночь длинные волосы Льюси и вообще все привела въ порядокъ.

Покончивъ со своими обязанностями, она взглянула на дверь, а потомъ на Льюси.

— Миссъ Мэнистей приказала мнѣ позаботиться, миссъ, чтобы ключъ былъ у васъ подъ руками,—сказала она.—Ну вотъ, ключъ-то здѣсь на своемъ мѣстѣ, только на счетъ дверей несовсѣмъ ладно. Никогда въ жизни я не видывала ничего болѣе непрочнаго, какъ всѣ здѣшнія двери.

И Бенсонъ, полная нескрываемаго презрѣнія къ итальянскому уму и талантамъ, осмотрѣла обѣ половинки.

— Задвижка ни одна не держится, личины всѣ шатаются — вотъ горе-то! Должно быть люди, которымъ принадлежала эта вилла, споконъ вѣка не тратили ни одного шиллинга на починку всего этого. До какой вещи здѣсь ни дотронись, она сейчасъ разваливается на куски.

— Ничего, Бенсонъ,—сказала Льюси, вздрагивая.—Я увѣрена, что все будетъ отлично. Благодарю васъ, спокойной ночи.

Онѣ обѣ избѣгали смотрѣть другъ на друга. Дѣвушка эта

была слишкомъ хорошо выдержана, чтобы говорить о томъ, о чемъ ее не спрашивали. Когда она удалилась, Льюси соскользнула съ кровати и сама плотнѣе задвинула шпингалеты и повернула ключъ. Правда, отверстія въ кирпичномъ полу почти совсѣмъ истерлись, а личина, казалось, едва держалась въ гниломъ деревѣ. Всѣ деревянныя издѣлія на этой виллѣ были не только ветхи и источены червями, но самой странной и неудобной формы и предназначались повидимому только для лѣтняго времени. Маластрини, который воздвигнулъ эту виллу надъ долиной Кампаньи въ концѣ семнадцатаго вѣка, не имѣлъ лишнихъ денегъ на хорошо притворяющіяся двери и окна: онъ истратилъ ихъ на лѣпныя украшенія и арабески по стѣнамъ и потолкамъ; и вотъ двери, окна, а равно и ставни, сморщенныя, покоробленныя и созженныя солнцемъ, которое опаляло ихъ въ теченіе двухсотъ лѣтъ, приходили въ окончательное разрушеніе.

Возня съ испорченными личинами снова пробудила паническій страхъ въ душѣ Льюси: что, если Алиса Мэнистей или вѣтеръ, который уже начиналъ подниматься, одновременно сдѣлаютъ на нее нападеніе? Она взглянула на свой ночной нарядъ и босыя ноги. Ну что же, она, по крайней мѣрѣ, не дастъ себя застать врасплохъ. И Льюси достала изъ гардероба свой бѣлый халатъ изъ тонкой шерстяной матеріи, накинула его на себя; затѣмъ продѣла ноги въ туфли и съ минуту стояла, прислушиваясь. Все было тихо. Она легла и натянула на себя одѣяло.

— Я не буду спать, не буду ни за что, — говорила она себѣ.

Послѣдній звукъ, который она слышала, засыпая, былъ крикъ ночной совы — и такъ близко, какъ будто у нея подъ окномъ.

— Вы чувствуете себя несчастной? — послышался голосъ около ея.

Льюси вздрогнула и съ страшнымъ усиліемъ выбраться изъ темной и смутной бездны сковывающаго ее сна открыла глаза. Кто-то склонялся надъ нею. Ее охватилъ невыразимый ужасъ. Ея предчувствія оправдались: передъ нею было то, что она предвидѣла. Въ окружающемъ ее полумракѣ она различила склоненную фигуру и снова ей бросилась въ глаза эта рѣзкая бѣлизна рукъ и лица, выступавшихъ изъ чернаго одѣянія.

— Да! —сказала она, приподнимаясь на локтѣ,—да! Чего же вы хотите?

— Вы плакали во снѣ, — произнесъ голосъ, — я знаю, почему вы несчастны. Мой братъ начинаетъ васъ любить... Вы могли бы любить его тоже, но есть нѣкто, кто стоитъ между вами и будетъ стоять тутъ вѣчно. Для васъ нѣтъ надежды, пока я не укажу вамъ исхода.

— Миссъ Мэнистей! вамъ не слѣдуетъ здѣсь быть, — сказала Льюси, поднимаясь выше и пытаясь говорить съ полнымъ самообладаніемъ. — Не вернетесь ли вы лучше къ себѣ въ постель? Не позволите ли, я васъ провожу?

И она сдѣлала движеніе. Но въ эту минуту къ ней протянулась рука и схватила ее за руку сперва слегка, а потомъ съ непреодолимой силой.

— Не говорите, не говорите этого,—произнесъ голосъ,— это раздражаетъ меня и... и огорчаетъ.

Алиса Мэнистей поднесла другую руку къ своей головѣ какимъ-то страннымъ движеніемъ. Льюси поразило это движеніе руки, которая что-то прятала.

— Я не хочу васъ раздражать,—сказала она, стараясь говорить кротко и сдержать волненіе своего сердца,—но для васъ вредно не спать. Вы слабаго здоровья, вамъ слѣдуетъ имѣть отдыхъ.

Рука, сжимавшая руку Льюси, слегка разжалась.

— Я не отдыхаю теперь,—послышался тоскливый вздохъ въ темнотѣ.—Я сплю порою, но не отдыхаю. А когда-то все складывалось такъ счастливо—спала ли я или не спала, безразлично. Я была замѣчательно счастлива всю зиму въ Венеціи. Однажды у насъ вышла ссора съ Октавомъ. Онъ сказалъ, что я сумасшедшая; его, казалось, это очень огорчало; онъ держалъ мои руки, и я видѣла, что онъ плакалъ. Но это было совершенное недоразумѣніе: тогда я не была несчастной. Братъ мой Джонъ всегда былъ со мной и разсказывалъ мнѣ дивныя тайны, которыхъ не знаетъ никто. Октавъ никогда не могъ его видѣть—и это было такъ странно; я видѣла его совершенно свободно. И мать моя, и мой отецъ были тутъ же; меня рѣшительно ничто не раздѣляло съ умершими существами. Я могла ихъ видѣть и говорить съ ними, какъ только этого хотѣла. Люди толкуютъ о разлукѣ съ умершими, но этой разлуки не существуетъ—они всегда съ нами. И когда вы съ ними бесѣдуете, вамъ становится яснымъ, что вы такъ же безсмертны, какъ и они, только вы на нихъ не похожи. Вы все еще помните про этотъ міръ, вы знаете, что вамъ придется еще сюда вернуться. Разъ ночью Джонъ взялъ меня съ собой. Мы какъ будто проходили между облаками, сквозь маленькія волны бѣлаго пламени, и я увидала городъ свѣта, полный духовъ — самый прекрасный городъ. Души мужчинъ и женщинъ свѣтились, какъ пламя, сквозь ихъ про-

зрачныя тѣла. Всѣ они были такіе добрые, улыбались мнѣ, говорили со мной. Но я сама горько плакала, потому что знала, что не могу съ ними остаться въ ихъ странномъ, прекрасномъ мірѣ, что я должна вернуться, вернуться ко всему, что ненавижу, ко всему, что подавляетъ меня, мѣшаетъ мнѣ...

Голосъ умолкъ на минуту. А въ головѣ Льюси все отдавались нѣкоторыя изъ произнесенныхъ имъ и столь невѣроятныхъ словъ. Они раздавались въ ея душѣ, какъ смутный шепотъ, и она хорошо понимала, что только полная ясность мысли можетъ спасти ее.

Она еще выше поднялась на своихъ подушкахъ.

— И, что же, эти мысли доставляютъ вамъ удовольствіе?— спросила она почти спокойно.

— Онѣ составляютъ мое счастье,—произнесъ медленно тягучій голосъ.—Иные жалѣютъ меня:—бѣдное созданіе! она сумасшедшая?—я слышала, говорятъ они. И это заставляетъ меня улыбаться, потому что я обладаю властью сдѣлать, чтобы они ничего про меня не знали. Я могу переходить изъ одного міра въ другой, съ одного мѣста на другое. Я могу видѣть въ живомъ человѣкѣ душу другого, давно умершаго. И все, все окружающее говоритъ со мною: движеніе листьевъ на деревѣ, глаза животныхъ... Другіе люди ничего этого не замѣчаютъ. Для меня же все живое—все рѣшительно. Порою я чувствовала себя такою счастливой, доходила до такого экстаза, что почти задыхалась отъ счастья. Тѣ люди, которые жалѣли меня, казались жалкими пресмыкающимися существами. Если бы только они это знали! Но теперь...

Глубокій вздохъ послышался въ темнотѣ. Это былъ вздохъ невыразимой печали. И Алиса снова поднесла свою руку къ головѣ.

— Теперь все стало иначе. Когда приходитъ Джонъ, онъ холоденъ и неласковъ, онъ уже не хочетъ раскрывать передъ мной прежніе прекрасные горизонты. Вмѣсто этого, онъ говоритъ мнѣ о вещахъ, которыя наполняютъ меня печалью, убиваютъ меня. Мозгъ мой омрачается, силы его угасаютъ. Это значитъ, что я должна оставить эту жизнь,—перейти въ другую. Чья нибудь другая душа должна вмѣстить меня въ себѣ. Понимаете вы?

Алиса придвинулась къ ней ближе. Льюси различала ея блѣдное лицо и смутно мерцавшіе глаза; она чувствовала, что задыхается; но не смѣла сдѣлать ни одного движенія изъ страха передъ ея рукой и передъ тѣмъ, что она въ себѣ скрывала.

— Нѣтъ, я не понимаю,—сказала она слабымъ голосомъ,— но я убѣждена, что намъ не можетъ принести блага то, что причиняетъ зло другому.

— Какое же это будетъ зло? Вы начинаете любить, а любовь никогда не сдѣлаетъ васъ счастливой. Братъ мой похожъ на меня. Онъ не сумасшедшій; но онъ совсѣмъ особенное существо. Если вы льнете къ нему, онъ васъ отталкиваетъ; если вы его любите, это ему надоѣдаетъ. Онъ всегда любилъ только для собственнаго удовольствія—для того, чтобы чѣмъ нибудь заполнить жизнь. Что есть въ васъ такого, что для него нужно? Мысли его теперь полны вами, всѣ его чувства затронуты; но черезъ три недѣли ему все это наскучитъ, и онъ будетъ васъ презирать. Къ тому же вы знаете—вы хорошо знаете—что это не все. Тутъ есть другая женщина, жизнь которой вамъ придется разбить; но вы не созданы для этого изъ достаточно крѣпкаго матеріала. Нѣтъ! для васъ нѣтъ надежды въ этомъ мірѣ—въ этой оболочкѣ. Вѣдь смерти не существуетъ, смерть только переходъ изъ одной формы существованія въ другую. Откажитесь отъ жизни, какъ отказываюсь отъ нея я. Мы исчезнемъ вмѣстѣ. Я буду руководить вами; путь мнѣ извѣстенъ—мы обрѣтемъ безконечную радость, безконечную власть! Тогда я могу быть съ Октавомъ, какъ и когда захочу; а вы можете быть съ Эдвардомъ. Идемъ!

Лицо Алисы склонилось ниже, рука дѣвушки очутилась какъ въ желѣзныхъ тискахъ. Льюси лежала, отвернувшись лицомъ и съ закрытыми глазами. Она едва дышала. Въ головѣ ея проносились слова молитвы, образъ престарѣлаго дяди, ея второго отца, покинутаго въ одиночествѣ и удрученнаго печалью.

Вдругъ около нея произошло движеніе. Сердце ея отчаянно забилось, она раскрыла глаза. Алиса Мэнистей быстро вскочила, подошла къ окну и откинула кисейную занавѣску. При лунномъ освѣщеніи Льюси могла видѣть теперь совершенно ясно дикую энергію ея взгляда и движеній, безпорядочно растрепанные волосы.

— Я знала, что конецъ наступитъ сегодня,—торопливо произнесъ голосъ.—Когда я направлялась къ вамъ вдоль террасы, солнце совсѣмъ потухло; я видѣла, какъ оно въ одно мгновенье сдѣлалось совсѣмъ чернымъ тамъ, надъ Кампаньей, и я тутъ же подумала про себя: что будетъ дѣлать міръ безъ солнца? Какъ будетъ онъ существовать? А теперь вы видите?—она подняла свою руку, и Льюси одну минуту видѣла ея темное очертаніе на фонѣ окна и могла уловить потрясающее величіе ея жеста.—Вы видите, луна теперь не одна, а ихъ нѣсколько. Посмотрите на нихъ! какъ быстро бѣгутъ онѣ среди облаковъ—одна за другой! Вы понимаете, что это значитъ? а быть можетъ, и не понимаете, потому что ваше зрѣніе не такое, какъ у меня. Но я-то прекрасно знаю. Это значитъ, что земля сошла со своей орбиты, что мы блуждаемъ, блуждаемъ въ пространствѣ, подобно кораблю,

лишенному снастей! Насъ бросаетъ туда и сюда, то ближе къ звѣздамъ, то опять дальше отъ нихъ. Вотъ почему онѣ и кажутся сперва маленькими, а потомъ все больше. Но крушеніе должно, наконецъ, наступить — гибель для всего міра, гибель для всѣхъ насъ.

Руки ея безсильно опустились, лѣвая продолжала что-то сжимать; голова склонилась, голосъ, который сначала былъ хриплый, словно пересохшій отъ лихорадочнаго жара, перешелъ теперь въ жалобную ноту. Льюси поднялась тихо, она измѣрила взглядомъ разстояніе между собою и дверью и между дверью и этой безумной женщиной. О Боже! неужели дверь заперта? Глаза ея старались проникнуть въ темноту. Какъ крѣпко, должно быть, она заснула, что не слышала ничего. Льюси готова была уже откинуть покрывавшее ее одѣяло, какъ вдругъ ее остановилъ раздавшійся смѣхъ, отталкивающій, жесткій смѣхъ, исходившій, казалось, отъ совершенно иного, новаго существа. Алиса Мэнистей поспѣшно вернулася къ ней, встала между кроватью и стѣной, и Льюси инстинктивно почувствовала, что съ ней произошла какая-то ужасная перемѣна.

— Дальгетти думала, что все крѣпко заперто; такъ думалъ и Эдвардъ. И дѣйствительно, замки всѣ въ порядкѣ, я осмотрѣла ваши сегодня, послѣ обѣда, пока Мэнистей разговаривалъ со священникомъ. Но мои не поддавались. И мнѣ пришлось таки повозиться съ Дальгетти.—Она остановилась и затѣмъ прошептала:—Я пріобрѣла это средство въ Венеціи у одного аптекаря, близь Ріальто. Она могла бы его найти, да не сумѣла: она вѣдь очень глупа. Вреда я ей, кажется, не сдѣлала. Но если это и убьетъ ее, то смерть ничего не значитъ, рѣшительно ничего: это только врата жизни. Идемъ! Докажемъ это!

Рука протянулась къ ней, какъ змѣя, готовая ужалить, Льюси бросилась въ сторону какъ разъ во время; она кинулась къ двери и рванула ее съ отчаянной силой. Дверь съ трескомъ подалась, такъ какъ задвижка была уже сломана. Куда ей бѣжать, направо или налѣво? Въ комнату служанки миссисъ Бургоинъ или въ библіотеку мистера Мэнистея? Она устремилась направо. У нея было лишь нѣсколько секундъ въ распоряженіи, пока кровать отдѣляла ея врага отъ двери. Но если которая нибудь изъ другихъ дверей окажется запертой—все пропало! она уже слышала за собой ужасный крикъ: она знала, что ее преслѣдуютъ. Она кинулась черезъ площадку. Дверь въ столовую была отворена. Она вбѣжала туда и съ отчаянной силой захлопнула дверь передъ Алисой.

— Мистеръ Мэнистей! помогите!

Полный смертельнаго ужаса, ея голосъ разнесся по безмолвнымъ комнатамъ. Изъ библіотеки послышался стукъ отодвинутаго стула, затѣмъ возгласъ, и дверь распахнулась настежъ. Въ ея освѣщенномъ пространствѣ показался Мэнистей.

Въ одинъ мигъ онъ очутился подлѣ нея. Его сила пришла ей на выручку. Верхняя часть двери была стеклянная и имъ обоимъ была видна въ слабомъ освѣщеніи разсвѣта, падавшаго сюда изъ оранжереи, темная, тяжело дышавшая фигура по ту сторону стекла.

— Ступайте,—сказалъ онъ.—Ступайте черезъ мою комнату! Найдите Элиноръ!

Она побѣжала, но, очутившись въ его комнатѣ, пошатнулась и упала на стулъ, только что оставленный Мэнистеемъ. Потрясающая дрожь охватила всѣ ея члены, силы оставили ее, и она потеряла сознаніе.

Между тѣмъ, по всей виллѣ поднялась тревога. Первою на мѣсто дѣйствія явилась та рослая, сильная дѣвушка, которая занимала мѣсто горничной; она нашла Алису Мэнистей распростертой на полу въ стеклянной галлереѣ; братъ ея стоялъ около нея на колѣняхъ со слѣдами борьбы на платьѣ и рукахъ,—борьбы со страшнымъ припадкомъ безумія этой несчастной. Вслѣдъ за Адреаной появился Альфредо, а затѣмъ послышались мягкіе поспѣшные шаги Элиноръ Бургоинъ.

Съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, держа въ рукѣ лампу, она остановилась при входѣ въ галлерею. Мэнистей передалъ свою сестру на попеченіе Альфредо и подошелъ къ Элиноръ.

— Ради самого Бога,—проговорилъ онъ шепотомъ:—подите и посмотрите, что случилось съ Дальгетти!

Онъ разсчитывалъ, что Льюси нашла себѣ убѣжище у Элиноръ. Она не задала ему никакихъ вопросовъ, и послѣ его словъ поспѣшно устремилась въ комнату Дальгетти. Когда она растворила дверь, ее обдало запахомъ хлороформа. На кровати лежала несчастная служанка, только что начинавшая приходить въ себя и слегка стонавшая подъ пропитаннымъ хлороформомъ платкомъ, который привелъ ее въ безсознательное состояніе.

Положеніе ея требовало усиленныхъ заботъ. Мэнистей и Адріэнна были заняты перенесеніемъ Алисы, находившейся въ безпомощномъ состояніи изнеможенія, въ ея комнату, Альфредо побѣжалъ въ Маринату за докторомъ. Элиноръ же и тетя Патти пытались насильно влить вино сквозь стиснутые зубы Дальгетти и вообще дѣлали все, что могли, чтобы вернуть ея тѣло къ жизни.

Онѣ были еще заняты своими хлопотами, когда прибылъ пожилой итальянецъ, бывшій одновременно докторомъ и аптекаремъ въ Маринатѣ. Человѣкъ дѣятельный и скромный,

онъ, не задавая лишнихъ вопросовъ, сейчасъ же углубился въ свое дѣло. Среди всѣхъ этихъ хлопотъ и суеты появился Мэнистей, глубоко встревоженный.

— Не слѣдуетъ ли ему также посмотрѣть миссъ Фостеръ?— сказалъ онъ съ волненіемъ, обращаясь къ миссъ Бургоинъ.

Элиноръ взглянула на него съ удивленіемъ. Подавленное восклицаніе вырвалось изъ его груди, и онъ бросился вонъ изъ комнаты въ библіотеку, въ которую—онъ видѣлъ—прошла Льюси.

Холодный бѣлый свѣтъ начиналъ смѣнять ночныя тѣни. Онъ проникалъ сквозь деревянные ставни библіотеки и перемѣшивался съ угасавшимъ освѣщеніемъ лампы, которую Мэнистей зажегъ, чтобы читать ночью, но у которой, не смотря на всѣ свои усилія, всетаки крѣпко заснулъ съ приближеніемъ утра.

Тутъ въ этомъ призрачномъ освѣщеніи онъ увидалъ Льюси, лежавшую въ его глубокомъ креслѣ. Лица ея онъ не могъ видѣть, такъ какъ она спрятала его въ подушку; ея черные волосы разсыпались по бѣлымъ складкамъ ея капота; одну руку она прижимала къ себѣ, другую же безпомощно опустила съ колѣнъ.

Полный смертельнаго ужаса, онъ приблизился къ ней и назвалъ ее по имени. Она слегка пошевелилась, сдѣлала усиліе приподняться и подняла руку. Но рука снова упала и недоговоренное слово замерло на губахъ. Ничто не могло быть трогательнѣе ея безпомощности, она была прелестна: полна достоинства, дышала юностью и чистотой. Безумная мысль шевельнулась въ душѣ Мэнистея; но тотчасъ же, пристыженная, замерла.

Но слова, которыя придаютъ неизмѣнную форму чувству,— слова эти вырвались у него невольно: онъ зналъ, что теперь она ихъ не услышитъ.

— Льюси! Льюси! дорогая Льюси, моя красавица!

Онъ склонился надъ нею въ страстномъ молчаніи, и взглядъ его дышалъ тѣмъ благоговѣніемъ, которое лежало въ основѣ этой страсти; рука его не смѣла коснуться даже складки ея наряда. Между тѣмъ, дверь, ведущая въ галлерею, безшумно отворилась. Взошла Элиноръ Бургоинъ. Но Мэнистей ея не замѣтилъ. Онъ все стоялъ, склонившись надъ Льюси въ нѣжномъ созерцаніи и, обращаясь къ ней, произносилъ слова, которыя сталъ бы говорить ребенку; звалъ ее, успокаивалъ, пытаясь разбудить. Голосъ его былъ полонъ чарующей нѣжности и постепенно призывалъ ее къ жизни. Не сознавая того, что онъ говорилъ, она какъ бы давала отвѣты: вѣки ея затрепетали; она пошевелилась въ креслѣ; глубокій вздохъ поднялъ ея грудь.

Въ эту минуту дверь выскользнула изъ рукъ Элиноръ и захлопнулась съ шумомъ. Мэнистей откинулся назадъ и оглянулся:

— Элиноръ! это вы?

Элиноръ медленно выступила впередъ. Она взглянула сперва на Льюси, потомъ на Мэнистея. Глаза ихъ встрѣтились.

Мэнистей первый нарушилъ неловкое молчаніе.

— Взгляните на нее, Элиноръ! Бѣдное дитя! Алиса, вѣроятно, напала на нее въ ея комнатѣ. Она спаслась какимъ-то чудомъ. Когда я боролся съ Алисой, я нашелъ вотъ что въ ея рукѣ.

Онъ вынулъ изъ кармана маленькій хирургическій ножикъ и весь содрогнулся при взглядѣ на его острое и кривое лезвіе.

Элиноръ тоже вздрогнула. Она опустила руку на плечо Льюси, между тѣмъ, какъ Мэнистей отступилъ въ неосвященный уголъ комнаты.

Льюси поднялась съ большимъ усиліемъ. Ея первымъ инстинктивнымъ движеніемъ было броситься въ объятія женщины, стоявшей около нея. Но когда она яснѣе разглядѣла, кто передъ ней, когда къ ней вернулось сознаніе, желаніе это погасло.

— Не поможете ли вы мнѣ?—сказала оно просто, протягивая руку и едва удерживаясь на ногахъ.

Внезапный проблескъ естественнаго чувства освѣтилъ блѣдное, какъ полотно, и словно застывшее лицо Элиноръ. Она обвила рукой талію Льюси, и, тѣсно прижавшись другъ къ другу, онѣ прослѣдовали передъ глазами Мэнистея.

XII.

Солнце уже покинуло восточную сторону виллы, когда утромъ послѣ упомянутыхъ событій, Льюси пробудилась отъ своего тревожнаго сна и увидала стоящую подлѣ себя Бенсонъ. Послѣдняя провела у нея въ комнатѣ остальную часть ночи. Благодаря естественной силѣ молодости, къ Льюси вполнѣ вернулось сознаніе и, хотя еще слабая, но освѣженная сномъ и почти не испытывая болѣе лихорадочныхъ симптомовъ, она теперь совершенно владѣла собой. Когда она приподнялась на своей постели, чтобы выпить чаю, который принесла Бенсонъ, и когда глазамъ ея представились въ открытое окно увѣнчанная монастыремъ вершина и поросшіе лѣсами склоны Монте-Каво, залитые обильнымъ солнечнымъ свѣтомъ, она вдругъ ощутила странное сознаніе перемѣны, она по-

чувствовала, что „вчера“ безповоротно отдѣлено отъ „сегодня“.

Бенсонъ не торопила Льюси покидать постель.

— Право же, если смѣю сказать, миссъ, вамъ будетъ гораздо лучше остаться. Ожидаютъ доктора изъ Рима.

Бенсонъ смотрѣла на Льюси съ любопытствомъ. Все, что было извѣстно прислугѣ о происшедшемъ — это то, что миссъ Алиса Мэнистей убѣжала изъ своей комнаты ночью, послѣ того, какъ связала руки Дальгетти и накинула ей на лицо смоченный хлороформомъ носовой платокъ; что миссъ Фостеръ была разбужена и напугана этимъ; что мистеръ Мэнистей, явившійся на выручку, усмирилъ свою сестру съ помощью сильной Адріенны. Вотъ все, что знала достовѣрнаго прислуга.

Льюси, со своей стороны, тоже не проявила общительности. Когда служанка раскрывала ставни и отдергивала занавѣски, молодая дѣвушка слѣдила за тѣмъ, какъ утренніе лучи постепенно наполняли комнату, вызывая въ ея душѣ какія-то́ трепетныя воспоминанія.

— А какъ себя чувствуетъ миссъ Бургоинъ?—спросила она поспѣшно.

— Она давно на ногахъ, миссъ,—отвѣтила горничная.— Но видъ у нея такой болѣзненный, что просто жалость смотрѣть. Часъ тому назадъ она кушала кофе вмѣстѣ съ мистеромъ Мэнистеемъ и помогала ему во всѣхъ распоряженіяхъ. Будетъ чистымъ благословеніемъ, когда эту бѣдную лэди отправятъ, наконецъ, отсюда. Она лишаетъ васъ всякаго покоя.

— Уѣдетъ она сегодня, Бенсонъ? — тихо спросила Льюси.

Бенсонъ отвѣтила, что повидимому таково рѣшеніе мистера Мэнистея, что онъ заказалъ экипажъ и вмѣстѣ съ докторомъ ожидаетъ еще двухъ сидѣлокъ. Служанка, съ своей стороны, освѣдомилась, не можетъ ли она передать добрыя вѣсти о миссъ Льюси миссъ Мэнистей.

Льюси попросила передать, что она чувствуетъ себя совсѣмъ хорошо, и чтобы никто не безпокоился за нее. Бенсонъ бросила скептическій взглядъ на блѣдное личико Льюси и удалилась.

Нѣсколько минутъ спустя, послышался легкій стукъ въ дверь, и вошла Элиноръ Бургоинъ.

— Ну что, заснули-ли вы? лучше-ли вы себя чувствуете?— спросила она, останавливаясь у кровати Льюси.

— Мнѣ безконечно совѣстно, что вы удѣляете мнѣ столько заботъ,—произнесла дѣвушка.—Я бы уже давно встала, если

бы не Бенсонъ. Она говорила, что мнѣ слѣдуетъ остаться здѣсь.

— Да,—сказала Элиноръ спокойно,—совершенно вѣрно!— Черезъ минуту она добавила:—если вы услышите что нибудь непріятное—не пугайтесь. Будетъ докторъ и сидѣлки. Впрочемъ, сегодня она совершенно спокойна, совершенно разбита, несчастное созданіе! Мои родственники проводятъ ее до Рима. Учрежденіе, гдѣ ее помѣстятъ, находится на Монте Маріо. Эдвардъ хочетъ лично убѣдиться, все ли тамъ благоустроено и хорошо поставлено. Тетя Патти тоже желаетъ съ нимъ ѣхать.

Въ головѣ дѣвушки промелькнула мысль: „слѣдовательно, намъ весь день придется провести однѣмъ"—и сердце ея сжалось при этой мысли. Она не смѣла взглянуть въ усталые глаза миссисъ Бургоинъ. Воспоминаніе о тѣхъ словахъ, которыя говорили ей тамъ въ темнотѣ, воспоминаніе о томъ выраженіи, которое она уловила на лицѣ Элиноръ въ ту минуту, когда очнулась отъ своего обморока въ библіотекѣ,— все это вдругъ воскресило передъ ней тотъ кошмаръ, среди котораго она жила послѣднее время. Съ бьющимся сердцемъ снова почувствовала она, что блуждаетъ среди какихъ-то потемокъ и сѣтей.

Но и другое чувство одновременно съ этимъ поднялось въ ея душѣ, усиленное чувство нѣжности, полной угрызеній, которое овладѣвало ею уже въ теченіе многихъ дней. Она взяла руку Элиноръ и робко поднесла ее къ губамъ.

— Въ такомъ случѣ *я* буду оберегать *васъ*, — сказала она, стараясь улыбнуться.

— Не экипажъ ли подъѣхалъ? — поспѣшно проговорила Элиноръ. Она прислушалась.—Да, дѣйствительно, экипажъ,— и она быстро удалилась.

Льюси, оставшись одна, могла слышать чьи-то шаги въ стеклянной галлереи и звукъ какихъ-то странныхъ голосовъ, принадлежавшихъ мужчинамъ, только не мистеру Мэнистею.

Она взяла книгу со своего стола и попробовала не слушать; но никакъ не могла отвлечь мысли отъ той сцены, которая, какъ она рисовала себѣ, должна была происходить тамъ—консультація докторовъ, настроеніе брата.

Какъ поступилъ мистеръ Мэнистей съ сестрой въ предшествовавшую ночь? какое оружіе находилось въ рукѣ Алисы? Льюси не помнила ничего послѣ того, какъ Мэнистей у двери столовой бросился къ ней на помощь и велѣлъ ей идти къ миссисъ Бургоинъ. Самъ онъ, очевидно, не потерпѣлъ никакого вреда, иначе миссисъ Бургоинъ сказала бы ей объ этомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ

былъ очень добръ къ своей сестрѣ, хотя ему и пришлось употребить силу. Глаза ея наполнились слезами; она вспомнила, въ какомъ новомъ свѣтѣ являлся онъ передъ ней въ теченіе этихъ ужасныхъ дней пребыванія его сестры, вспомнила, что на его раздражительную, требовательную натуру была наложена узда; вспомнила, какъ онъ заботился объ Алисѣ, какъ по рыцарски относился къ ней самой. Для другого человѣка такое поведеніе было бы вполнѣ естественнымъ. Но со стороны Мэнистея являлось такимъ неожиданнымъ, что оно трогало и покоряло. Она была несправедлива къ нему, и онъ, того не вѣдая, отмстилъ теперь за себя.

Первый экипажъ отъѣхалъ и на его мѣсто былъ поданъ другой. Прошло около часу времени. Затѣмъ топотъ шаговъ и хлопанье дверями нарушило тишину, воцарившуюся было надъ виллой. Голоса и шаги приближались и перешли въ галлерею. Льюси вскочила. Бенсонъ оставила раскрытымъ окно, выходившее на балконъ и галлерею, но задвинула его снаружи ставнемъ. И Льюси свободно могла наблюдать за всѣмъ сквозь деревянныя перекладины.

Ахъ! какая печальная процессія! Мэнистей первый показался на балконѣ. Онъ велъ подъ руку свою сестру, одѣтую въ черное и подъ вуалью. Она едва подвигалась, порою замедляя шагъ и останавливаясь, и Льюси могла разсмотрѣть подъ вуалью ея дикіе глаза, которые блуждали изъ стороны въ сторону. Мэнистей склонилъ къ ней свою красивую голову; онъ говорилъ ей что-то нѣжно и весело. Позади нихъ слѣдовала тетя Патти, такая маленькая и страшно блѣдная, въ сопровожденіи одной изъ сидѣлокъ. Затѣмъ шли два господина, изъ которыхъ въ одномъ Льюси узнала доктора изъ Маринаты, и вторая сидѣлка. Шествіе завершалъ Альфредо съ багажемъ.

Всѣ они быстро скрылись изъ вида. Но выходная дверь приходилась какъ разъ подъ балкономъ и Льюси могла болѣе или менѣе слѣдить слухомъ за ихъ отъѣздомъ. На балконѣ, перегнувшись черезъ перила, стояла миссисъ Бургоинъ, и Мистеръ Мэнистей, остановившійся передъ ней, о чемъ-то разговаривалъ. Вдругъ Льюси почудилось, что она услышала собственное имя, и быстро отскочила назадъ, досадуя на себя за то, что какъ бы подслушивала.

Раздался звукъ колесъ, звукъ растворяемыхъ желѣзныхъ воротъ, какое-то перекрикиванье между Альфредо и Адріенной, и все смолкло. Надъ виллой снова воцарилась тишина.

Льюси выпрямилась во весь ростъ съ чувствомъ гордаго самоуничиженія. Что ожидаетъ она еще услышать? чего жаждетъ она? почему внезапно образовалась такая пустота съ той минуты, какъ умолкъ его голосъ?

Она упала на колѣни около постели. Съ ея стороны было вполнѣ естественно молиться, прибѣгать къ укрѣпляющей силѣ религіи. Молитва у такого рода людей не представляетъ изъ себя непосредственной просьбы о какой либо опредѣленной милости; она скорѣе безмолвное стремленіе къ той волѣ, которая не есть наша собственная, страстное желаніе отдаться этой волѣ, чтобы ни случилось и какія бы бури ни волновали наши чувства.

Часъ спустя, Льюси входила въ гостиную какъ разъ въ то время, когда Альфредо, посланный за нею, шелъ доложить, что завтракъ поданъ. Миссисъ Бургоинъ сидѣла у окна, окруженная своими рисовальными принадлежностями. Съ запада поднимались небольшія облака и нѣсколько умѣряли ту палящую жару, которою начался день.

Элиноръ открыла ставни и заканчивала одинъ изъ своихъ снимковъ съ Нэми, сдѣланныхъ ею въ теченіе зимы.

При видѣ Льюси, она поднялась.

— Испытываешь такое отдохновеніе, когда отдаешься рисованію,—сказала она и взглянула на свою работу.—Ну, а у васъ какое любимое занятіе? какой вашъ конекъ?

Льюси была счастлива хотя на время забыться отъ трагедіи, которая разыгрывалась въ теченіе этой недѣли. Она тотчасъ же поняла намекъ и отвѣчала, смѣясь:

— Я занимаюсь починкой домашняго бѣлья, затѣмъ варю варенье. Вы слыхали мою игру на фортепьяно,—слѣдовательно, знаете, что въ этомъ я не искусна! А что касается живописи, то я, право, не могла бы нарисовать даже стогъ сѣна.

— Играете вы очень хорошо,—сказала Элиноръ смущенно, направляясь въ столовую.

— Какъ разъ настолько хорошо, чтобы усыплять дядю Бена, когда онъ чувствуетъ усталость. Для этой цѣли я и изучала музыку. Не сыграете ли вы потомъ что нибудь для меня?

— Съ удовольствіемъ,—сказала Элиноръ нѣсколько церемонно.

Какимъ долгимъ показался для Льюси завтракъ! Элиноръ, имѣвшая видъ призрака въ своемъ черномъ прозрачномъ платьѣ, ничего не ѣла и, слегка постукивая вилкой, жаловалась на черезчуръ длинные промежутки между блюдами. Льюси попробовала напомнить ей, что отъ кухни до столовой не менѣе 50 шаговъ. Но Элиноръ, казалось, не слышала ея словъ; она, очевидно, забыла собственное замѣчанье и теперь разсѣянно смотрѣла передъ собой. Потомъ она заговорила объ іюньскомъ сезонѣ. Она обѣщала одной юной, только что „дебютирующей“ кузинѣ вывозить ее на балы. О своихъ планахъ она говорила небрежно и вяло, но при

этомъ всетаки сказывалась женщина, чувствующая себя въ большомъ свѣтѣ, какъ дома, имѣющая знакомства среди знатнѣйшихъ фамилій и доступъ во всѣ салоны. На Льюси это произвело такое впечатлѣніе, что она еще больше ушла въ себя. Мисиссъ Бургоинъ говорила раньше объ ихъ будущей встрѣчѣ въ Лондонѣ. Но сегодня она ничего про это не упоминала, и Льюси чувствовала, что сама никогда не рѣшится объ этомъ напомнить.

Несвязный разсказъ Элиноръ оставилъ по себѣ и другое, болѣе сложное впечатлѣніе. Льюси стало ясно, какое великое значеніе имѣетъ въ глазахъ англичанъ богатство и происхожденіе. Мэнистей и Элиноръ Бургоинъ составляли часть великой „клики", имѣющей свои традиціонныя права. Они никогда объ нихъ не упоминали; смотрѣли на нихъ какъ на нѣчто признанное: извѣстное соціальное положеніе, извѣстный вѣсъ въ обществѣ и преимущество передъ другими. Недѣль шесть тому назадъ малѣйшее проявленіе англійской надменности заставило бы Льюси широко раскрыть свои глаза отъ удивленія или презрѣнія: не такъ понимали жизнь женщины ея типа. Но теперь силы ея были разбиты и надорваны. Она сидѣла съ опущенными глазами, принужденно слушая и временами давая отвѣты. Нѣтъ! совершенная правда—Мэнистей не изъ ея міра. У него отношенія, дѣла, дружескія связи, совершенно ей чуждыя, не имѣющія для нея никакого значенія. Съ кузиной его естественно связываетъ кровь и положеніе. Пускай онъ теперь съ нею нелюбезенъ и невнимателенъ; но она имѣетъ въ своихъ рукахъ тысячи путей вернуть его обратно.

Когда обѣ женщины возвратились въ гостиную, между ними установился родъ нравственнаго отчужденія. Льюси была молчалива, Элиноръ неспокойна.

Альфредо подалъ кофе. Когда онъ удалился, м-ссъ Бургоинъ взглянула на часы.

— Половина второго,—сказала она, какъ бы соображая.— Теперь они вѣроятно уже успѣли все устроить.

— Они вернутся къ чаю?

— Едва-ли, — вѣрнѣе къ обѣду. Бѣдная тетя Патти! Она измучается до полусмерти.

— Ее развѣ потревожили сегодня ночью?—спросила Льюси тихо.

— Только подъ конецъ. Къ счастью, она ничего не слыхала, пока Алису не перенесли въ ея комнату.—Глаза Элиноръ пристально остановились на Льюси До сихъ поръ она еще не разспрашивала ее о происшедшемъ.

— Она, кажется, взломала вашу дверь?—проговорила она съ нѣкоторой рѣзкостью.

— Полагаю, что такъ. Я спала въ это время.

— Вы были страшно испуганы, когда увидали ее около себя?

Говоря все это, Элиноръ предполагала, что Льюси ничего не знаетъ о томъ оружіи, которое Мэнистей нашелъ въ рукѣ Алисы. Въ то время, какъ она помогала молодой дѣвушкѣ раздѣться и лечь въ постель, Льюси оставалась вѣрна своему обычному спокойствію и сдержанности. Вмѣсто того, чтобы преувеличить, она, наоборотъ, скорѣе умалила то, что случилось. Миссъ Алиса Мэнистей явилась къ ней въ комнату, вела себя очень странно и она, Льюси, бросилась звать на помощь и разбудила въ библіотекѣ мистера Мэнистея. Безъ сомнѣнія, она могла бы поступить благоразумнѣе, какъ тогда утромъ. Твердо рѣшивъ не поднимать никакого возбуждающаго разговора, она отвернула свое блѣдное лицо отъ свѣта и приготовилась спать, давая тѣмъ понять миссисъ Бургоинъ, что она можетъ ее оставить и въ свою очередь отдохнуть.

Однако, послѣдній вопросъ Элиноръ нарушилъ самообладаніе Льюси: настолько живо напомнилъ онъ ей весь ужасъ этой ночи. Ей пришлось переломить себя, чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ.

— Да, я испугалась. Но не думаю, чтобы она могла сдѣлать мнѣ какой нибудь вредъ. Мнѣ слѣдовало быть болѣе твердой, когда дѣло дошло до борьбы.

— Благодареніе Богу, что Эдвардъ былъ тутъ!—воскликнула Элиноръ.—Гдѣ онъ васъ нашелъ?

— Въ столовой около двери. Я не могла дольше выдержать. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я шла къ вамъ. И я пробовала это сдѣлать. Но я могла только добраться до кресла въ библіотекѣ.

— М-ръ Мэнистей нашелъ васъ въ глубокомъ обморокѣ.

Внезапная краска залила щеки Льюси.

— М-ръ Мэнистей! Развѣ онъ былъ тамъ? Я надѣялась, что онъ ничего не знаетъ. Я видѣла только васъ.

Изъ всего этого Элиноръ вывела заключеніе, которое принесло ей мало утѣшительнаго. Она круто оборвала разговоръ и, жалуясь на жару, направилась къ роялю.

Льюси сидѣла и слушала съ книгой на колѣняхъ. Все казалось ей какимъ-то страннымъ и не реальнымъ среди этой знойной тишины, царившей надъ виллой—и эти высокіе покои съ ихъ разрисованными стѣнами, и дивный пейзажъ, который просвѣчивалъ между скважинами задвинутыхъ ставень, и сама она, и ея собесѣдница. М-ссъ Бургоинъ играла отрывки изъ Брамса и Шопена, но часто запиналась противъ обыкновенія: вниманіе ея, очевидно, было поглощено чѣмъ-то другимъ.

Какъ-то невольно воспоминанія дѣвушки все возвращались къ тѣмъ несообразностямъ, которыя говорила Алиса Мэнистей. Тщетно сдерживала она себя, тщетно здравый смыслъ подсказывалъ ей, что самое лучшее выбросить изъ головы всѣ эти фантазіи сумасшедшей женщины. Но здравый смыслъ на этотъ разъ оказывался безсильнымъ передъ той тревогой, которая волновала ея душу. Оно могла только говорить себѣ съ твердой рѣшимостью, что ей лучше будетъ не ѣхать въ Валломброзу, а, по возможности, скорѣе присоединиться къ своимъ друзьямъ во Флоренціи и отправиться съ ними въ Швейцарію.

Чтобы развлечься, она придвинула къ себѣ раскрытый портфель съ рисунками Элиноръ, который лежалъ на столѣ. Большую часть этихъ рисунковъ она видала раньше, и м-ссъ Бургоинъ не разъ говорила ей, что она можетъ перелистывать ихъ, когда ей угодно.

Она разглядывала ихъ теперь то безсознательно, то съ внезапнымъ наплывомъ чувства. Тутъ была украшенная нишами стѣна Нэмійскаго храма и вся котловина, поросшая дубомъ, фиговыми деревьями и терновникомъ; этюдъ озера при вечернемъ освѣщеніи; лѣсистыя высоты Генцано, залитыя закатомъ, потомъ, сдѣланный по памяти эскизъ, изображающій Аристодемо, поддразнивающаго дѣвушекъ. Подъ этимъ послѣднимъ рисункомъ лежалъ другой, на которомъ представлено было нѣсколько фигуръ. Льюси выдернула его и смотрѣла на него съ изумленіемъ. Внизу была подпись: „Убійца и убитый“. Льюси припомнился первый вечеръ на этой виллѣ и легенда о жрецѣ. Рисунокъ дѣйствительно представлялъ двѣ фигуры: одну гордо выпрямившуюся, торжествующую, другую — распростертую на землѣ. Эта лежащая фигура была обернута плащемъ, прикрывавшемъ ей голову и лицо. Юный побѣдитель съ мечемъ въ рукѣ стоялъ надъ побѣжденнымъ врагомъ.

Но былъ ли то мужчина? Льюси всматривалась ближе; ея похолодѣвшая рука, лежавшая на рисункѣ, дрожала. Неопредѣленная, классическая одежда не говорила ничего. Но лицо—чье это лицо?—и эти длинные черные волосы? Она подняла глаза къ старомодному зеркалу, висѣвшему на противоположной стѣнѣ, и снова опустила ихъ на рисунокъ—ее охватилъ ужасъ: она узнала! А эта жалкая фигура на землѣ съ этой нѣжной женственной рукой? У Льюси захватило дыханье; казалось, будто тотъ ударъ, что Мэнистей отвратилъ отъ нея сегодня ночью, поразилъ ее въ эту минуту.

Поднявъ глаза, она увидала, что Элиноръ обернулась на своемъ стулѣ и слѣдила за ней.

— Я смотрѣла на этотъ странный рисунокъ,—сказала она.

Лицо ея вспыхнуло. Она отодвинула отъ себя эскизъ и пыталась улыбнуться.

Элиноръ встала и направилась къ ней.

— Я такъ и думала, что вы его увидите,—сказала она.—Я хотѣла, чтобы вы его увидали.

Голосъ ея былъ глухой, въ немъ слышалась дрожь. Она стояла напротивъ Льюси, опираясь на мраморный столъ.

Краска исчезла съ лица Льюси; она сдѣлалась такъ же блѣдна, какъ Элиноръ.

— Это предназначалось для меня?

Она указала на фигуру жреца-побѣдителя. Элиноръ сдѣлала утвердительный знакъ.

— Я нарисовала это въ тотъ вечеръ, когда мы вернулись изъ Нэми, — проговорила она, слегка задыхаясь,—мнѣ тогда вдругъ представилось такое сочетаніе насъ обѣихъ.

Льюси вздрогнула. Положивъ руки на столъ, она спрятала въ нихъ свое лицо. Голосъ ея превратился въ тревожный шепотъ, который едва долеталъ до слуха Элиноръ.

— Я бы желала... Ахъ! какъ бы желала—никогда сюда не пріѣзжать!

Элиноръ колебалась одну минуту, затѣмъ проговорила ласково и даже нѣжно:

— Вамъ не въ чемъ себя упрекать. Изображеніе это сдѣлано не для обвиненія кого бы то ни было: оно просто рисуетъ будущее, которое никто не въ силахъ ни отвратить, ни измѣнить, кромѣ васъ.

— Прежде всего,—сказала Льюси, не поднимая головы, чтобы скрыть тѣ горячія слезы, которыя туманили ей глаза,— что это должно означать? Почему я убійца? А вы... а вы... убитая мною? Что я такое сдѣлала? Чѣмъ заслужила такой эскизъ?

Голосъ измѣнилъ ей. Элиноръ подошла нѣсколько ближе.

— Не вы это сдѣлали, а судьба. Вы отняли у меня послѣднее, что оставалось для меня на землѣ! Я имѣла одинъ только шансъ на счастье—и собственно единственный во всю мою жизнь до сей поры. Мальчикъ мой умеръ... уже 8 лѣтъ прошло... И вотъ, наконецъ, еще разъ мнѣ какъ будто улыбалось счастіе, но проходитъ семь недѣль... и вы... вы отнимаете его у меня!

Льюси отшатнулась отъ стола, какъ будто отъ врага.

— М-ссъ Бургоинъ!

— Вы этого не знаете,—сказала Элиноръ спокойно.—О, я это понимаю. Вы слишкомъ добры... Вотъ потому-то я такъ и говорю съ вами. На это можно рѣшиться только, хорошо зная душу того, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Ахъ, временами я испытывала къ вамъ такое дурное, недостойное чувство!.. Когда я

сѣла за рояль, я рѣшила про себя: скажу ей все. Она найдетъ рисунокъ, и я все скажу. У нея возвышенная чистая душа. Она пойметъ! Почему же не попробовать человѣку спасти самого себя? Это такой естественный законъ природы. Живутъ, вѣдь, только одинъ разъ.

На одну минуту она поднесла руку въ глазамъ и подавила рыданіе, готовое было прервать ея слова.

Затѣмъ она подошла еще ближе къ Льюси.

— Видите,—проговорила она какъ-то просительно,—вы были очень ласковы и нѣжны со мною однажды. Очень легко притвориться, что печалишься о другихъ, потому что считаешь это своей обязанностью, или потому, что за это любятъ. Я всегда притворяюсь въ этомъ отношеніи. Но вы—нѣтъ: вы не говорите того, чего не чувствуете, а чувствовать вы умѣете. Это такая рѣдкость, и вамъ придется пострадать за это въ жизни. Вамъ встрѣтятся другіе, поступающіе такъ же, какъ и я, которые положатся на васъ, будутъ довѣрять вамъ. Вы жалѣли меня за то, что я потеряла своего мальчика. Но вы не знали, вы не могли представить себѣ, насколько безцвѣтна и безрадостна была моя жизнь безъ него. Зимой,—голосъ ея измѣнился и задрожалъ, — для меня опять выглянуло солнце. Я цѣлые годы томилась голодомъ и жаждой, и вотъ, казалось, для меня—даже для меня!—наступитъ праздникъ и удовлетвореніе. Мнѣ нужно было такъ не много!.. Я не молода, какъ вы, и не прошу многаго. Только — быть его другомъ, секретаремъ, товарищемъ, а со временемъ, быть можетъ, его женой, когда онъ начнетъ ощущать потребность въ домашнемъ очагѣ, въ спокойной жизни, а чтобы доставить ему все это, никого нѣтъ ему ближе и дороже меня. Онъ понималъ меня, я понимала его — мысли наши сходились. Тутъ не было необходимости, какъ это говорятъ, *влюбляться*. Слѣдовало только день за днемъ все болѣе входить въ жизнь одинъ другого; мнѣ—помогать ему, ему—привыкать къ той атмосферѣ, которой я могла его окружить, къ той любви, которую я могла дать ему, — пока привычка не проникнетъ настолько глубоко въ его плоть и кровь, что онъ былъ бы не въ силахъ отъ нея оторваться. Рука его помимо его воли, помимо его вѣдѣнія соединилась бы съ моею... И я сумѣла бы сдѣлать его счастливымъ. Я сумѣла бы сгладить его недостатки, возбудить его энергію. Это было моей мечтой за всѣ эти послѣдніе мѣсяцы, и съ каждой недѣлей, онъ, казалось, становился благоразумнѣй, податливѣй... Но пріѣхали вы...

Она опустилась на стулъ около Льюси, положивъ свои руки на его спинку, и въ ея позѣ сказывалась одновременно и энергія, и какое-то изнеможеніе. Вся прелесть безпомощности исчезла—то была надменность голубки, то былъ

эгоизмъ слабаго существа. Каждая черта, каждый нервъ этой хрупкой фигуры говорилъ о невыносимомъ страданіи и неестественно напряженной волѣ. Льюси склонилась подъ этой бурей. Она продолжала лежать головой на столѣ, спрятавъ лицо въ ладони и сознавая только вблизи себя этотъ обличающій голосъ, да еще слышала она, какъ тамъ надъ нижней дорогой, между орѣховыми кустами соперничали между собою два соловья.

Элиноръ на минуту остановилась, на минуту закрыла глаза, какъ бы призывая спокойствіе, и затѣмъ продолжала:

— Пріѣхали вы. Онъ не обращалъ на васъ вниманія. Онъ былъ рѣзокъ и небреженъ съ вами: его раздражало, что могутъ мѣшать нашей работѣ. Однако, его подзадорило то обстоятельство, что вы представляете изъ себя нѣчто столь отличное отъ его представленій и теорій. Онъ не отличается терпимостью. Какъ только онъ чувствуетъ противорѣчіе, у него сейчасъ же является желаніе побороть, разрушить, побѣдить. Среди женщинъ онъ привыкъ особенно быть центромъ, властелиномъ. А вы сопротивлялись... Это возбудило его, завлекло. Затѣмъ послѣдовали затрудненія съ книгой и пріѣздъ мистера Ниля. Онъ отличается самымъ страннымъ суевѣріемъ. Тутъ была простая неудача, а онъ приписалъ все мнѣ. Онъ началъ охладѣвать ко мнѣ, избѣгать меня. Вы были тутъ, ни чѣмъ не напоминали ему о его неуспѣхѣ, и онъ находилъ успокоеніе въ разговорѣ съ вами. Его дурное настроеніе скоро бы исчезло, какъ досада ребенка, если бы не... Впрочемъ...

Она подняла руку съ глубокимъ вздохомъ и безсильно опустила ея снова.

— Не думайте, что я осуждаю кого нибудь. Вы были такъ свѣжи, такъ молоды — все это такъ естественно. Тѣмъ не менѣе, я ничего не опасалась. Послѣ перваго же вечера я чувствовала себя спокойной. Я находила совершенно естественнымъ, чтобы вы нравились... чтобы васъ любили. И что могло быть общаго между нимъ и вами? Затѣмъ, въ день нашей прогулки въ Нэми я позволила себѣ упрекнуть его— напомнить ему прежнія времена, представить всю глубину моей раны... заставить его объясниться. О! всѣ эти выраженія слишкомъ, слишкомъ сильны въ сравненіи съ тѣмъ, что я сказала на самомъ дѣлѣ. Кто же могъ когда нибудь рѣшиться сдѣлать ему сцену?—этимъ можно только утомить его, опротивѣть ему. Разумѣется, я обмолвилась всего словомъ или двумя, такъ, между прочимъ. Но онъ понялъ меня и далъ надлежащій отвѣтъ. Ахъ, сколько униженій можетъ перенести

женщина отъ одной фразы, улыбки... и ничѣмъ этого не высказать!..

Лицо ея теперь горѣло. Она поднесла платокъ къ глазамъ, чтобы смахнуть съ нихъ двѣ медленно и противъ воли катившіяся слезы. Льюси смотрѣла на нее изъ своей засады. Брови дѣвушки были сдвинуты, губы слегка раскрыты. Она молчала, и въ этомъ молчаніи сказывался какой-то страхъ, безсознательный, но очевидный.

— Въ тотъ день, когда вы и онъ гуляли между развалинами, меня вдругъ осѣнило это сознаніе. Впрочемъ, мнѣ кажется, я и раньше это предвидѣла. Я чувствовала себя несчастной задолго до этого. Но пока человѣкъ можетъ скрывать отъ себя извѣстные факты, они кажутся какъ бы неправдоподобными, кажется, какъ будто еще въ нашей волѣ задержать ихъ ходъ. Но въ тотъ день, послѣ нашей прогулки, когда мы вернулись отъ источника и нашли васъ на склонѣ холма... Чѣмъ были вы тутъ виноваты? Однако я почти готова была вѣрить, что вы все это выдумали, всю эту исторію съ мальчиками и камнями. Разумѣется, онъ ни на минуту не пощадилъ меня! Онъ видѣлъ и слышалъ только васъ однѣхъ. Когда онъ привезъ васъ домой, всѣ его мысли были только о васъ; ему не было дѣла ни до чьей усталости, ни до чьего удобства. То же было и относительно Алисы; всѣ его страхи и опасенія были за васъ. Когда онъ узналъ, что она ѣдетъ, онъ нисколько не тревожился ни за тетю Патти, ни за меня — васъ только слѣдовало охранять, васъ только слѣдовало спасать отъ всего непріятнаго, шокирующаго. Онъ взялъ на себя прошлою ночью обязанность оберегать васъ и услыхалъ васъ даже сквозь свой сонъ...

Голосъ ея оборвался. Элиноръ сидѣла, глядя въ золотистый полусумракъ комнаты, испуганная тѣмъ, что сказала, инстинктивно ожидая того дѣйствія, которое все это произведетъ на Льюси.

Льюси выпрямилась во весь ростъ.

— Миссисъ Бургоинъ, развѣ это любезно, развѣ *выносимо* все, что вы говорите мнѣ Я не заслужила! Нѣтъ! нѣтъ! Я не заслужила! Какое право вы имѣете? Я не могу себя защитить; я не могу избѣжать васъ, но...

Голосъ ея дрогнулъ. Въ немъ слышалось негодованіе, тоска одиночества и еще нѣчто совсѣмъ новое, только что зародившееся.

— Какое право?—проговорила Элиноръ медленно и какъ бы съ удивленіемъ. Она обернулась къ своей собесѣдницѣ.— Право голоднаго, право бѣдняка, право человѣка, отстаивающаго свою послѣднюю собственность, свою послѣднюю надежду.

Льюси молчала. Страсть этой зрѣлой женщины подавляла ее, и протестъ ея юной застѣнчивоети показался ей такимъ неумѣстнымъ, такимъ пустякомъ. Элиноръ опустилась на колѣни. Лицо ея приняло нѣжное выраженіе. Необыкновенное достоинство сказывалось въ линіяхъ ея рта, когда она схватила руку дѣвушки и прижала ее къ своей груди.

— Развѣ запрещено кричать отъ боли, когда горе и страданіе переходитъ за предѣлы? Нѣтъ! Я этого не думаю. Я не могу строить козней противъ васъ или васъ ненавидѣть. Это не въ моей натурѣ. Я не такъ создана. Но кто запретитъ мнѣ придти къ вамъ и сказать: — Я страшно страдала. Жизнь моя была крайне печальна. Вышла я замужъ, по невѣдѣнію, за человѣка, который сдѣлалъ меня несчастной. Но когда родился мой мальчикъ, онъ вознаградилъ меня за все. Послѣ этого я никогда не роптала, никогда не завидовала другимъ людямъ... Мнѣ казалось, что я имѣю теперь все, что заслужила, и притомъ еще гораздо, гораздо болѣе, чѣмъ имѣютъ другіе! Потомъ, когда въ тотъ день въ Швейцаріи я проснулась безъ него—одно только обстоятельство дало мнѣ тогда силы перенести потерю: я подслушала, какъ мой докторъ сказалъ моей служанкѣ—онъ былъ добрый старикъ и очень меня жалѣлъ,—онъ сказалъ, что мое собственное здоровье настолько слабо, что мнѣ не долго придется томиться въ этой жизни безъ своего мальчика. Но, Боже мой! чего мы только не можемъ перенести! Я вернулась къ своему отцу и въ теченіе восьми лѣтъ ни разу не заснула безъ слезъ, безъ того, чтобы мысленно не прижимать образа своего ребенка къ своей груди. И всякій разъ я неизмѣнно просыпалась въ такомъ возбужденьи, что мнѣ чувствовались его кудри около моихъ губъ.

Глубокое рыданье потрясло все ея существо. Льюси теряла голову отъ жалости, пытаясь высвободить руки, чтобы обнять Элиноръ, но она только крѣпче сжала ихъ и торопливо заговорила дальше:

— Но съ прошлаго года во мнѣ зародилась надежда. Всѣ думали, что я очень плоха: доктора толковали объ этомъ очень серьезно, и даже папа не высказалъ никакого противорѣчія, когда тетя Патти попросила меня пріѣхать въ Римъ. Въ Римъ я пріѣхала въ странномъ состояніи, какъ человѣкъ, который смотритъ на все и любуется всѣмъ въ послѣдній разъ передъ предстоящимъ долгимъ путешествіемъ. А потомъ—ну, потомъ все началось! Новая жизнь для меня, новое здоровье. Все было полно счастья... только вотъ мой мальчикъ... но это уже будетъ всегда стоять передо мною. Я не обманываю себя! Я знаю, что Мэнистей не испытывалъ того, что я. Но я не прошу многаго. Я знала, что онъ

отдалъ лучшую свою любовь другимъ женщинамъ, давно уже давно... Но прежнія увлеченія всѣ погасли. И я была почти признательна имъ. Онѣ сберегли его для меня,—думала я,—укротили его, утомили настолько, что я, какъ ни жалка и безцвѣтна въ сравненіи съ ними, всетаки могла закрасться въ его сердце, двери котораго оставались теперь открытыми, и онъ могъ принять меня туда, хотя бы просто отъ скуки.

Она выпустила руки Льюси, поднялась и стала ходить взадъ и впередъ по обширной комнатѣ, откинувъ голову назадъ: чувства ея были всѣ сосредоточены на воспоминаніяхъ прошлаго.

Льюси слѣдила за ней съ смущеніемъ. Затѣмъ и она тоже встала и приблизилась къ миссисъ Бургоинъ.

— Когда слѣдуетъ мнѣ уѣхать?—спросила она просто.—Вы должны помочь мнѣ устроить все съ миссъ Мэнистей. Можно бы сдѣлать это завтра. Найти предлогъ было бы легко.

Элиноръ повернула къ ней свое взволнованное лицо.

— Это ничему не поможетъ, ничему — сказала она! Онъ только догадается, что это сдѣлала я.

— Что же могу я сдѣлать?—жалобно воскликнула Льюси

— Я не имѣю права ожидать, чтобы вы что нибудь дѣлали, — проговорила Элиноръ безнадежно. —Я сама не знаю, чего я хотѣла, когда начала этотъ разговоръ.

Она снова ступила впередъ, опустивъ глаза въ землю; Льюси шла рядомъ съ ней.

Молодая дѣвушка взяла руку миссисъ Бургоинъ. На щекахъ ея были слезы, но она размышляла и казалась спокойной.

— Я увѣрена, вполнѣ увѣрена, — сказала она, наконецъ, почти твердо,—что всѣ ваши опасенія совершенно, совершенно напрасны. Мистеръ Мэнистей не испытываетъ ко мнѣ ничего, кромѣ небольшого расположенія, да онъ и не могъ бы испытывать ничего иного. Все снова къ вамъ возвратится, и не я отняла у васъ его чувство. Но чтобы вы ни сказали мнѣ, чего бы вы ни попросили—я сдѣлаю...

Элиноръ перевела духъ и обвила рукой шею дѣвушки.

— Останьтесь,—прошептала она едва слышно,—останьтесь еще на нѣсколько дней. Не надо никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ, которыя могли бы броситься ему въ глаза. А потомъ удалитесь какъ нибудь—только, чтобы онъ не зналъ, куда,—и знайте, что есть на свѣтѣ женщина, которая будетъ хранить самую горячую память о васъ въ своей душѣ, которая будетъ молиться за васъ самой искренней, самой святой молитвой!..

Онѣ упали въ объятія другъ другу. Льюси съ материнской нѣжностью, которая скорѣе подобала бы Элиноръ, прижала свои губы къ горячей головѣ, прислоненной къ ея груди, и шептала слова утѣшенія, обѣщаній и слова укоризны самой себѣ: все существо ея было переполнено страстной жалостью и участіемъ къ Элиноръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

141-го ПѢХОТНАГО МОНМАУСКАГО ПОЛКА.

ПОЛКА. № 141-го ПЕХОТНАГО МОЖАЙСКАГО
ОФИЦЕРСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Русская каторга передъ судомъ каѳедральной науки *)

Начну съ откровеннаго признанія, что до сихъ поръ я не читалъ ни одного изъ многочисленныхъ, какъ песокъ морской, психіатрическихъ сочиненій бывшаго профессора харьковскаго университета П. И. Ковалевскаго, и мнѣ неизвѣстна также степень солидности научной репутаціи, какою пользуется почтенный психіатръ въ спеціально-ученомъ мірѣ; но что въ читающей публикѣ имя его популярно—это доказывается значительнымъ спросомъ книжнаго рынка на его психіатрическія произведенія. Такъ, томъ I „Психіатрическихъ эскизовъ изъ исторіи" вышелъ въ нынѣшнемъ году уже *пятымъ* изданіемъ, томъ II—*третьимъ*; „Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе"—изданіемъ *шестымъ;* „Наполеонъ I и эпилепсія"—*вторымъ;* „Гигіена и лѣченіе душевныхъ и нервныхъ болѣзней" — *третьимъ* и т. д. и т. д. Мнѣ кажется, что если не ученое званіе г. П. Ковалевскаго, то ужъ одна эта многочисленность и ходкость его книгъ обязываютъ общую литературу отнестись съ полнымъ вниманіемъ къ его новой брошюрѣ, посвященной столь интересному и важному предмету, какъ вопросъ о психологіи преступника вообще и о русской каторгѣ въ частности. Для меня лично брошюра эта представляетъ тѣмъ большій интересъ, что ученыя мнѣнія и заключенія г. П. Ковалевскій въ значительной мѣрѣ пытается подтвердить моими наблюденіями и моими мнѣніями. Весьма естественно, поэтому, съ моей стороны желаніе подѣлиться съ читателемъ тѣми чувствами удивленія и—скажу прямо — возмущенія, какія вызвала во мнѣ эта „ученая" книжка...

Не тѣмъ она удивила меня, что написана неуклюжимъ литературнымъ языкомъ (вѣдь это, кажется, первородный грѣхъ очень многихъ ученыхъ спеціалистовъ); и не тѣмъ также я возмущенъ, что на три четверти, если не болѣе, книжка состоитъ изъ безпорядочно сваленной кучи цитатъ (почти всегда безъ кавычекъ, только со ссылкой въ концѣ на страницу цитируемаго сочиненія),

*) П. И. Ковалевскій. Психологія преступника по русской литературѣ о каторгѣ. Изд. «Русскаго Медиц. Вѣстника». СПБ. 1900 г.

и всего на одну четверть изъ якобы оригинальныхъ мыслей. Это бы не бѣда! Пусть бы г. Ковалевскій задавался столь скромной задачей, какъ „представить (?) въ своемъ очеркѣ тѣ мѣста изъ сочиненій нашихъ бытописателей тюремной жизни, коими типично обрисовывается жизнь преступнаго человѣка“; пусть бы брошюра была сплошь написана по образцу фразы: „женщины преступницы *проявляютъ* крайне жалкую нравственность, цинизмъ и *проституцію*“. Но если бы въ то же время „очеркъ“ составленъ былъ съ настоящимъ знаніемъ дѣла и съ явнымъ стремленіемъ къ истинѣ, то я, разумѣется, и не упомянулъ бы даже о его плохомъ языкѣ и несамостоятельности. Дѣло, къ сожалѣнію, въ томъ, что именно исканія-то истины, вдумчиваго и добросовѣстнаго отношенія къ изучаемому предмету и нѣтъ слѣда въ этой брошюркѣ, очевидно, разсчитанной лишь на громкое заглавіе и на тотъ, якобы, солидный и обильный матеріалъ, какимъ авторъ орудовалъ.

Въ дѣйствительности, литературный матеріалъ г. П. Ковалевскаго нужно назвать прямо убогимъ: даже имена Кенана, Ядринцева, г. г. Чехова и Максимова, указанныя въ предисловіи, взяты лишь для счета и большей пестроты, изъ сочиненій же этихъ писателей вырваны кое-гдѣ отдѣльныя, совершенно незначительныя фразы. Щедро утилизированы только Достоевскій и Мельшинъ, да отчасти мало извѣстный у насъ Ефимовъ, писавшій въ 50-хъ годахъ. Между тѣмъ, берясь за такую отвѣтственную тему, какъ „психологія преступника по русской литературѣ“, авторъ, мнѣ кажется, обязанъ былъ *на самомъ дѣлѣ* изучить литературу о нашей ссылкѣ, литературу не только обширную (въ значительной части разсѣянную, къ сожалѣнію, по журналамъ и газетамъ), но и блещущую такимъ, напр., художественнымъ именемъ, какъ В. Г. Короленко, о тюремныхъ и ссыльныхъ очеркахъ котораго у автора нѣтъ даже простого упоминанія. Такое изученіе литературныхъ источниковъ представляется мнѣ тѣмъ болѣе необходимымъ, что между „Записками изъ Мерваго Дома“ и моими очерками замѣчаются въ нѣкоторыхъ пунктахъ довольно серьезныя разнорѣчія, которыя любопытно было бы такъ или иначе выяснить *).

Да и мудрено ли? Между 50-ми и 90-ми годами нашего столѣтія легъ не одинъ только огромный промежутокъ времени, но и цѣлый рядъ огромной важности событій въ народной жизни, видоизмѣнившихъ не только старыя понятія, но, быть можетъ, и самый характеръ народный, ставшій много жизнерадостнѣе прежняго...

У г. Ковалевскаго и мысли не зарождалось ни о чемъ по-

---

*) Отмѣчу, напр., глубокую до поразительности разницу отношеній арестантской массы къ интеллигентнымъ личностямъ, попадающимъ въ ея среду; также разницу отношеній къ явленіямъ воровства и шпіонства въ тюрьмѣ и пр. и пр.

добномъ! Онъ усвоилъ отъ школы Ломброзо нѣсколько идеекъ общаго характера, въ которыя вѣритъ свято и слѣпо, и ограничивается тѣмъ, что иллюстрируетъ эти идейки то Достоевскимъ, то Мельшинымъ, смотря по тому, который изъ нихъ въ данномъ случаѣ нуженъ, и совершенно игнорируя тѣ мнѣнія и факты, которые противорѣчатъ теоріи.

Въ маленькомъ предисловіи (10 крошечныхъ страничекъ), гдѣ заключается ученый багажъ бывшаго профессора, со ссылками на „классическія сочиненія французскаго тюрьмовѣда Despin'a, а затѣмъ Thomson'a и Nicolson'a, и Vergillo", г. П. Ковалевскій устанавливаетъ прежде всего положеніе, что „въ настоящее время ученіе о душевныхъ проявленіяхъ прирожденнаго преступника, если еще не можетъ считаться законченнымъ и сформированнымъ, то во всякомъ случаѣ (должно быть признано?) настолько богатымъ (чѣмъ?) и цѣннымъ, что юристамъ и вообще образованнымъ людямъ едва ли позволительно относиться къ нему съ пренебреженіемъ". Справедливое замѣчаніе: образованнымъ людямъ непозволительно съ пренебреженіемъ относиться къ наукѣ; но позволительно ли, съ другой стороны, и людямъ науки, къ вящшему прославленію этой послѣдней, прибѣгать... къ поэтическимъ фантазіямъ? Только что признавъ въ приведенной цитатѣ, что ученіе о душевныхъ проявленіяхъ преступника *не только не закончено, но даже еще и не сформировано,* г. Ковалевскій, нѣкоторое время спустя, утверждаетъ уже, что ученіе это *„отличается объективностью и добыто во всеоружіи знанія* всевозможныхъ уклоненій въ душевной жизни человѣка по клиникѣ и массѣ научныхъ работъ". Не слишкомъ ли бьетъ въ глаза разница этихъ двухъ положеній, и не въ правѣ ли читатель съ самаго же начала заподозрить г. П. Ковалевскаго въ чрезмѣрномъ пристрастіи къ своей наукѣ? Правда, я мало и лишь поверхностно знакомъ съ современными криминальными ученіями, но смѣю всетаки думать, что ученія эти и до сихъ поръ вращаются, главнымъ образомъ, въ сферѣ гаданій и гипотезъ, подлежащихъ еще дальнѣйшей и болѣе обстоятельной провѣркѣ, и что немало десятковъ лѣтъ пройдетъ раньше, чѣмъ создастся дѣйствительно *объективная наука, вооруженная всѣми данными человѣческаго знанія.* Не слишкомъ ли торопится г. Ковалевскій и не слишкомъ ли торопитъ другихъ?...

Впрочемъ, онъ не говоритъ прямо, какіе именно выводы и положенія криминалистики считаетъ уже теперь твердо и непререкаемо установленными. Задавшись цѣлью собрать во-едино отзывы нашихъ бытописателей о преступникахъ, онъ только высказываетъ странную и ничѣмъ не мотивированную увѣренность, что „такой синтезъ, можно быть увѣреннымъ (?), представитъ типъ преступника, вполнѣ совпадающій съ тѣми чертами, коими онъ обрисованъ современной криминальной психологіей".

Посмотримъ же, что это за синтезъ и что за типъ преступника.

„Предварительно выполненія поставленной нами задачи,—начинаетъ г. П. Ковалевскій, — мы должны оговориться, что при изученіи преступника мы имѣли въ виду не всю массу преступниковъ въ нашемъ отечествѣ, а только тѣхъ изъ нихъ, кои являются преступниками *по своей организаціи, по свойствамъ своей природы и особенностямъ строенія центральной нервной системы*. Мы имѣемъ въ виду преступниковъ *отъ рожденія*, которые и составляютъ главный (?) контингентъ каторги и являются въ качествѣ важнѣйшихъ закоренѣлыхъ злодѣевъ. *Таковыми и представляются почти всѣ* (?!) *герои Достоевскаго и Мельшина* (курсивы, какъ и дальше, вездѣ мои. Л. М.).

Изъ этого „предваренія“ уже сразу видишь, съ какимъ прямолинейнымъ ученикомъ Ломброзо имѣешь дѣло... Какія такія „объективныя“ данныя убѣдили его, что *главный* контингентъ нашей каторги и *почти всѣ* герои Достоевскаго и Мельшина состоятъ изъ прирожденныхъ преступниковъ? Кто и когда изучалъ „строеніе центральнной нервной системы“ этихъ героевъ? Ужъ не самъ ли г. Ковалевскій?...

Ученый профессоръ, разумѣется, отлично долженъ знать, какія обстоятельства приводятъ людей въ тюрьму и каторгу: не безнравственность вообще, не пороки и даже не звѣрскіе поступки, а лишь опредѣленныя и вполнѣ доказанныя нарушенія существующихъ въ странѣ законовъ. Однако, всѣмъ намъ извѣстно (и профессору тѣмъ болѣе), что, напр., 50 лѣтъ назадъ, во времена „Записокъ изъ Мертваго Дома“, въ Россіи существовалъ законъ, по которому одинъ человѣкъ владѣлъ другимъ, какъ вещью, какъ скотомъ, и нарушеніе послѣднимъ этого закона нерѣдко влекло за собой ссылку въ Сибирь и даже въ каторжныя работы. Существовалъ и другой также законъ, въ силу котораго человѣкъ, „забритый“ въ солдаты, становился уже мертвымъ человѣкомъ, въ рѣдкихъ только случаяхъ возвращавшимся къ прежней свободной жизни (николаевская служба продолжалась четверть вѣка), и немудрено, что, по словамъ поэта, „ужасъ народа при словѣ наборъ подобенъ былъ ужасу казни“. Теперь все это для насъ одни лишь историческія воспоминанія о безнравственномъ, жестокомъ до безчеловѣчности дореформенномъ бытѣ, съ которымъ мы, люди современнаго поколѣнія, уже ни въ какомъ случаѣ, думается, не могли бы примириться; но во времена Достоевскаго такова была *живая жизнь*, и на основаніи его безсмертныхъ „Записокъ“ можно документально доказать, что добрая половина выведенныхъ имъ героевъ каторги пришла туда именно за нарушеніе безчеловѣчныхъ законовъ рабовладѣльчества и 25-лѣтней солдатчины... Вѣдь ясѣ эти Сироткины, Петровы, Мартыновы, Баклушины, Сушиловы

и пр. и пр. не что иное, какъ жертвы той страшной душевной тоски, которую должны были испытывать въ тѣ мрачныя времена всѣ мало-мальски живыя и энергичныя сердца; вѣдь это, дѣйствительно, былъ *самый даровитый*, какъ выразился Достоевскій, самый жизненный элементъ народа русскаго, и если принять мнѣніе ученаго профессора объ его „прирожденной преступности", то къ какому же горькому выводу придемъ мы относительно русскаго народа!.. Тоска, вызываемая ненормальными житейскими условіями, двигала невѣжественныхъ, умственно и нравственно неразвитыхъ Петровыхъ и Баклушиныхъ на путь пороковъ и пьянства, на безумныя вспышки преступленій; но людей высшаго развитія, Достоевскихъ, Бѣлинскихъ, Герценовъ не та же ли самая тоска вела на иной путь, въ глазахъ ортодоксалистовъ налагавшій, впрочемъ, на нихъ клеймо такого же преступнаго отщепенства? Какой-нибудь Мартыновъ изъ „Мертваго Дома" пришелъ въ каторгу за „претензію" насчетъ каши въ своемъ батальонѣ; но какая *по существу* разница между нимъ и, напр., тѣмъ же Герценомъ, который изъ-за претензій, предъявленныхъ по поводу уже не одной только каши, а всего дореформеннаго строя, принужденъ былъ навсегда удалиться за предѣлы родины? И Ломброзовская школа криминальной науки въ этомъ отношеніи вполнѣ послѣдовательна: для нея нѣтъ особенной разницы между уголовнымъ и политическимъ преступленіемъ. Но здѣсь-то и лежитъ наиболѣе уязвимый пунктъ школы: съ одной стороны, она карабкается, повидимому, на самые верхи человѣческой справедливости и гуманности, уча смотрѣть на преступника, какъ на больного человѣка, и тѣмъ изгоняя изъ пенитенціарной системы принципъ возмездія, а съ другой—она же пресмыкается въ прахѣ самаго зловреднаго и темнаго консерватизма. Умѣреннѣйшіе изъ этихъ ученыхъ-объективистовъ разсуждаютъ такъ: „Преступность состоитъ въ неумѣньи жить по масштабу, признанному обязательнымъ для даннаго общества. Преступникъ—это лицо, которому, благодаря своей организаціи, трудно или невозможно жить согласно этому масштабу и которое легко рискуетъ подвергнуться наказанію за антисоціальные поступки. Благодаря какимъ-либо случайнымъ условіямъ развитія, благодаря какимъ-либо недостаткамъ наслѣдственности, рожденія или воспитанія, онъ принадлежитъ какъ бы къ низшему и болѣе устарѣлому общественному строю, чѣмъ тотъ, въ которомъ онъ вращается. Случается даже, что наши преступники похожи физически и психически на нормальныхъ представителей низшей расы".

Эти слова взяты мною изъ книги англійскаго криминолога Гавелока Эллиса („Преступникъ", переводъ подъ ред. д-ра Гринберга), писателя, въ общемъ весьма умѣреннаго и симпатичнаго. Эллисъ многое оставляетъ еще на долю развитія и воспитанія; но г. П. Ковалевскій не задумается, конечно, ни на минуту *всякаго*

кто только выйдетъ изъ „масштаба“, признать прирожденнымъ преступникомъ... Безъ малѣйшихъ колебаній онъ называетъ „преступниками по природѣ“ почти всѣхъ героевъ Достоевскаго и почти всѣхъ современныхъ каторжныхъ, основываясь единственно на соображеніи, что они не умѣли жить въ рамкахъ, признанныхъ обязательными для современнаго общества, и что ихъ осудилъ законъ. Это не важно, что люди эти, по свидѣтельству Достоевскаго, „быть можетъ, самый даровитый народъ изъ всего народа русскаго“; не важно и то, что за стѣнами каторжныхъ тюремъ, пользуясь всѣми благами свободы, живутъ, быть можетъ, десятки тысячъ кретиновъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, идеальныхъ представителей какой-либо низшей расы: важно то, что кретины умѣютъ всетаки мириться съ „масштабомъ“—и, слѣдовательно, они нормальные люди; тѣ же, даровитые, мириться не умѣютъ—слѣдовательно, они прирожденные преступники. Такъ говоритъ объективная наука г. П. Ковалевскаго, выступающая во всеоружіи современнаго знанія...

Я хочу теперь же сказать, что̀ самъ я думаю о такъ называемой „преступной душѣ“. Быть можетъ, нѣкоторые изъ читателей вспомнятъ и укажутъ, какъ на противорѣчіе съ моей стороны самому себѣ, на то, что я неоднократно подчеркивалъ въ своихъ писаніяхъ глубокую разницу между современной каторгой и каторгой временъ Достоевскаго: послѣднюю я ставилъ всегда несравненно выше и считалъ очень близкой психически къ нормальному народному типу; напротивъ, населеніе нынѣшней каторги, *въ главныхъ его частяхъ*, признавалъ „подонками народнаго моря“ („Въ мірѣ отв.“, т. I, 262). Въ другомъ мѣстѣ, отмѣчая разницу между каторгой и народомъ, я выразился еще опредѣленнѣе: „Народъ русскій—не то же самое, что сборище убійцъ, маньяковъ, воровъ, насильниковъ и развратниковъ. Пускай всѣ эти люди изъ того же народа вышли, пусть многіе изъ нихъ лично совсѣмъ неповинны въ томъ, что стали такими, каковы есть, пусть еще многіе найдутъ въ себѣ силы вновь возродиться и опять войти въ великое народное море,—пусть такъ... И, однако, преступная душа всетаки не душа народа русскаго! Всѣми силами слова я протестую противъ такого отождествленія“ („Переслащ. народолюбіе“, „Р. Б.“, 1898 г., янв.).

Конечно, я не возьму отсюда ни одного слова назадъ. Но никогда я не утверждалъ и не соглашусь утверждать, что современная русская каторга, хотя въ главныхъ своихъ частяхъ и представляющая нравственныя подонки народнаго моря, есть не что иное, какъ отбросы, сдѣланные *самой природой*. По моему глубокому убѣжденію, *не столько* природа создаетъ преступниковъ, сколько сами современныя общества, условія нашихъ соціальныхъ, политическихъ, экономическихъ, религіозныхъ и кастовыхъ отношеній, а также (и это огромной важности факторъ!)

несовершенное состояніе нашихъ нравственныхъ понятій. Я намѣренно сказалъ „не столько“, что бы оставить всетаки кое-что и на долю природы. Теоретически говоря, несомнѣнно могутъ существовать нравственные уроды, еще въ утробѣ матери носившіе въ себѣ элементы преступности, но дѣло въ томъ, что какая же такая наука, и съ помощью какихъ непререкаемыхъ аргументовъ, докажетъ мнѣ, что преступники X, Y и Z уже при зачатіи своемъ намѣчены были природой въ тюремные кандидаты? Сумашедшихъ и идіотовъ я исключаю — они и къ суду присяжныхъ привлекаются лишь по недоразумѣнію; рѣчь идетъ о такихъ преступникахъ, которые никакими рѣзко проявленными особенностями не отличаются отъ здоровыхъ и нормальныхъ людей. И я думаю, что такихъ „прирожденныхъ“ преступниковъ, жертвъ своей исключительно-ужасной наслѣдственности, наберется въ концѣ концовъ самый ничтожный процентъ *).

Когда Достоевскій разсказывалъ въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома“ объ одномъ дворянинѣ—отцеубійцѣ, онъ былъ убѣжденъ, что это преступленіе —невмѣняемое, что убійца—человѣкъ ненормальный (въ тѣ времена еще неизвѣстенъ былъ терминъ „прирожденный преступникъ“, а то Достоевскій, быть можетъ, и употребилъ бы его). Основывалъ онъ свое мнѣніе на абсолютномъ отсутствіи у предполагаемаго отцеубійцы угрызеній совѣсти. „Разъ, говоря со мной о здоровомъ сложеніи, наслѣдственномъ въ ихъ семействѣ, онъ (убійца) прибавилъ:—Вотъ *родитель мой*, такъ тотъ до самой кончины своей не жаловался ни на какую болѣзнь“. Эти слова глубоко поразили Достоевскаго своимъ наивнымъ цинизмомъ. Въ другихъ отношеніяхъ преступникъ казался самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ, — правда, взбалмошнымъ и легкомысленнымъ, но всетаки не глупымъ и не злымъ; и между тѣмъ, онъ могъ такъ изумительно-хладнокровно говорить о здоровьи убитаго имъ же самимъ „родителя“! Такая звѣрская безчувственность казалась автору „Записокъ“ невозможной: „это феноменъ; тутъ какой-нибудь недостатокъ сложенія, какое-нибудь тѣлесное и нравственное уродство, еще неизвѣстное наукѣ, а не простое преступленіе“.

Останься эта страница „Записокъ изъ Мертваго Дома“ безъ всякихъ дальнѣйшихъ комментаріевъ, господа ученые криминологи поспѣшили бы, разумѣется, занести ее на скрижали своей „объективной“ науки: вотъ, молъ, фактъ, засвидѣтельствованный однимъ изъ величайшихъ художниковъ слова! Это ли не классическій примѣръ прирожденнаго преступника, самой природою созданный нравственный отбросъ! Но, къ счастью для истины, Достоевскій былъ не только великимъ художникомъ, но и прав-

*) *Возможно*, напр., что однимъ изъ такихъ исключеній былъ мой Семеновъ (т. I, гл. XI).

дивымъ бытописателемъ. Въ концѣ своей книги онъ оговорился, что только что узналъ объ обнаружившейся невинности отцеубійцы: настоящій преступникъ нашелся, а человѣкъ, столько лѣтъ пробывшій безвинно въ каторгѣ, освобожденъ. Страшный фактъ, наводящій великаго писателя на самыя горькія размышленія... Ну, а какъ же относится къ этому факту нашъ ученый профессоръ? Онъ объ немъ просто умалчиваетъ, какъ о водѣ не на свою мельницу? Нѣтъ, не угадали, читатель! Профессоръ полагаетъ, что онъ можетъ умолчать *только объ оговоркѣ* Достоевскаго, о томъ, что отцеубійца оказался невиннымъ,—все же остальное онъ обстоятельно цитируетъ... Трудно, невозможно повѣрить, чтобы г. Ковалевскій, такъ старательно штудировавшій и списывавшій „Записки изъ Мертваго Дома“ на страницы своей книжки, какъ-нибудь проглядѣлъ такой важный и любопытный фактъ; нѣтъ, онъ, разумѣется, отлично знаетъ его, но ужъ таково это безсердечное профессорское гелертерство, что красота и стройность „системы“ для него несравненно важнѣе истины, справедливости, живой человѣческой жизни.

Съ своей стороны, я положительно утверждаю, что не только въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома“, но и въ моихъ очеркахъ „Въ мірѣ отверженныхъ“ криминальная наука, ищущая непреложно-объективныхъ доказательствъ для своей сомнительной гипотезы о „прирожденномъ преступникѣ“, никакихъ такихъ доказательствъ не отыщетъ. Прошу у читателя извиненія въ томъ, что посвящу здѣсь двѣ-три страницы разсмотрѣнію нѣкоторыхъ изображенныхъ мною арестантскихъ характеровъ. Не слишкомъ-то большое удовольствіе комментировать собственныя сочиненія (вѣдь настоящій художникъ долженъ быть ясенъ безъ всякихъ комментаріевъ!), но исключительная важность и интересность предмета вынуждаютъ меня сдѣлать это.

Возьму прежде всего нѣкоего Лунькова (т. I, гл. XXIV), очень еще молодого, но, при многихъ симпатичныхъ чертахъ, уже до мозга костей развращеннаго парня, утонченнаго софиста, повиннаго въ нѣсколькихъ душегубствахъ. Нѣтъ спору—преступникъ въ достаточной степени серьезный и для общества опасный. Но чѣмъ же, однако, докажетъ намъ г. П. Ковалевскій, что этотъ Луньковъ уже во чревѣ матери имѣлъ ненормальныя „особенности строенія центральной нервной системы“, что онъ такъ и на свѣтъ явился съ преступными тенденціями убивать и разрушать? Вотъ если бы самъ маэстро Ломброзо купно съ своими учениками могъ подвергнуть живого, реальнаго Лунькова цѣлому ряду антропометрическихъ, физіологическихъ и иныхъ наблюденій (а впослѣдствіи и трупъ Лунькова анатомическому изслѣдованію), тогда мы имѣли бы, по крайней мѣрѣ, нѣчто такое, съ чѣмъ приходилось бы болѣе или менѣе серьезно считаться, о чемъ мы, профаны, не имѣли бы даже права судить; но вѣдь

ничего подобнаго не было, нѣтъ и не будетъ, и г. Ковалевскій долженъ дѣлать свои выводы и обобщенія исключительно на основаніи тѣхъ данныхъ, какія указываетъ ему авторъ разсказа, въ настоящемъ случаѣ—я. А изъ разсказа моего явствуетъ лишь то, что мать Лунькова была самая обыкновенная чадолюбивая женщина, отецъ же—повидимому, безусловно честный человѣкъ—былъ жестокъ до свирѣпости и думалъ, что одной строгостью можно сдѣлать изъ сына честнаго и хорошаго человѣка. Никакихъ другихъ свѣдѣній о наслѣдственности въ разсказѣ не имѣется. Но за то есть объясненіе самого Лунькова—почему онъ развратился: съ дѣтскихъ лѣтъ его окружали дурные примѣры, начиная съ примѣра родного брата; съ нѣжнаго возраста онъ занимался извозчичьимъ промысломъ, который, несомнѣнно, мало добраго можетъ внушить неопытному сердцу. Какимъ образомъ соціальная среда и случай могутъ иногда толкнуть на преступный путь самаго симпатичнаго, повидимому, юношу, видно, между прочимъ, изъ автобіографіи другого изъ моихъ каторжныхъ героевъ, нѣкоего Шустера (т. II, гл. XIV). *)

Но, быть можетъ, гипотеза „прирожденнаго преступника" получитъ, болѣе солидное подкрѣпленіе въ изображеніяхъ преступниковъ высшей пробы, нежели Луньковъ. Описывая внѣшность одного изъ такихъ преступниковъ, герой моихъ записокъ разсказываетъ, между прочимъ, что „былъ сильно удивленъ и даже испуганъ, увидавъ его однажды раздѣтаго въ банѣ—покрытымъ густыми мохнатыми волосами по всей спинѣ... *Вотъ богатая пища для ломброзоическихъ выводовъ*!" невольно подумалъ онъ (т. II, гл. II). Странно, что г. П. Ковалевскій не подхватилъ и этой фразы, и серьезно не выставилъ волосатой спины Юхорева въ качествѣ доказательства его прирожденной преступности... Изъ дальнѣйшаго изложенія оказывается, однако, что этотъ представительный, умный, энергичный и дерзкій разбойникъ первоначально былъ сосланъ въ Сибирь по приговору общества своихъ же крестьянъ, состоявшаго изъ „порядочныхъ скотовъ", за то,

---

*) Удивляюсь, что г. Ковалевскій не взялъ того же Лунькова въ качествѣ примѣра арестанта—убійцы *съ полнымъ отсутствіемъ* нравственныхъ понятій. «Вы дурно жили!—сказалъ я однажды Лунькову.—Чѣмъ же дурно, Иванъ Николаевичъ?—возразилъ онъ:—вотъ если бы я голоднымъ ходилъ, оборваннымъ, подъ окнами просилъ, тогда можно бы сказать: дурно. А то я жилъ, слава Богу». Не на лицо ли улика—этотъ наивно-безстыдный отвѣтъ? Однако, такъ ли? Точно ли не понималъ Луньковъ, что онъ просто играетъ словами? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется, что понятіе о нравственномъ и безнравственномъ, дурномъ и хорошемъ было доступно этому испорченному мальчику ни чуть не меньше, чѣмъ большинству сотоварищей по несчастію; только все это было страшно перепутано въ его бѣдной головѣ, и перепутано далеко не по собственной лишь винѣ... Очень это сложная и трудная тема, и я лишь слегка, скорѣе намекомъ, обозначаю ее.

что защищалъ отъ нихъ интересы деревенской бѣдноты. Не эта ли черта остановила г. Ковалевскаго?..

Самымъ антипатичнымъ и безнравственнымъ изъ всѣхъ выведенныхъ мною арестантовъ представляется нѣкій Тропинъ (т. II, гл. VII). „Быть можетъ, это былъ единственный экземпляръ изъ всѣхъ когда-либо видѣнныхъ мною подонковъ отверженнаго міра, относительно котораго я затруднился бы сказать: есть ли у него въ сокровеннѣйшей глубинѣ души, въ той глубинѣ, которая и самому обладателю ея лишь смутно извѣстна, хоть что-нибудь святое и завѣтное? — Въ минуты самой обостренной борьбы съ Юхоревымъ я могъ любоваться и даже восхищаться этимъ человѣкомъ, какъ своего рода силой; но Тропинъ ни разу за все время нашего знакомства, ни на одно самое даже короткое мгновеніе, не умѣлъ внушить мнѣ ни малѣйшаго чувства симпатіи или сожалѣнія“. И, однако, тутъ же, вслѣдъ за этими строками, находится такая оговорка: „ И я боюсь, что, давая изображеніе этого молодца, сгустилъ нѣсколько мрачныя краски... Кто знаетъ, не была ли и здѣсь виною недостаточная наблюдательность и вниманіе съ моей стороны? Быть можетъ, другой болѣе терпимый и безпристрастный глазъ сумѣлъ бы и въ Тропинѣ отыскать искру Божію, безъ которой какъ-то трудно представить себѣ разумное существо—человѣка... Но я описываю только то, что самъ видѣлъ и чувствовалъ“.

Послѣднее очень важно. Человѣкъ, находящійся въ положеніи автора „Записокъ изъ Мертваго Дома“ или моихъ очерковъ, можетъ описывать только то, что самъ видитъ и *чувствуетъ*. Его изображенія, по необходимости, отличаются огромной субъективностью, и потому строить на нихъ или даже только доказывать ими какія-либо серьезныя научныя обобщенія, по меньшей мѣрѣ, странно и наивно. Лицо, отъ имени котораго ведутся мои записки, разсказываетъ, что, живя въ Шелайской тюрьмѣ и слушая разсказы иныхъ убійцъ, онъ самъ, случалось, подумывалъ, что Ломброзо правъ. „Дрожа всѣмъ тѣломъ, съ ужасомъ смотрѣлъ я на этихъ людей, недоумѣвая, какъ могутъ они хохотать надъ подобными вещами. Ясно помню, какъ мнѣ показалось въ ту минуту (рѣчь идетъ о разсказѣ нѣкоего Андрюшки Повара), что я нахожусь въ домѣ сумашедшихъ, и я невольно подумалъ объ одной криминальной теоріи, когда-то сильно мѣня возмущавшей тѣмъ, что всѣхъ преступниковъ она признаетъ людьми съ ненормальными умственными способностями“ (т. I, гл. XXI). Но „подумать“ далеко не значитъ еще—стать убѣжденнымъ. И изъ дальнѣйшаго разсказа видно, напр., что слушатели циничныхъ Андрюшкиныхъ рѣчей смѣются—неизвѣстно, собственно, надъ чѣмъ: не то сочувствуя этимъ рѣчамъ, не то дивясь ихъ глупости... А самъ Андрюшка оказывается придурковатымъ парнемъ, большимъ, къ тому же, охотникомъ хвастнуть и прилгнуть.

Такимъ образомъ, благодарный, повидимому, матеріалъ не позволяетъ придти ни къ какимъ опредѣленнымъ выводамъ, расплываясь подъ руками, точно вода или туманъ, и не смущаться такой расплывчатостью могутъ лишь „ученые“ вродѣ г. П. Ковалевскаго!

Отъ общаго взгляда на преступника, выясненнаго въ предисловіи, нашъ авторъ переходитъ къ детальному разсмотрѣнію вопроса и начинаетъ съ того, что сразу же приводитъ три цитаты изъ Достоевскаго и одну изъ Мельшина. Достоевскій констатируетъ, что въ его тюрьму присылались арестанты со всей Россіи, осужденные за самыя разнообразныя преступленія не только на короткіе сроки, но и на всю жизнь (вѣчные). „Это были преступники, совершенно лишенные всѣхъ правъ состоянія, отрѣзанные ломти отъ общества, съ проклейменнымъ лицомъ для вѣчнаго свидѣтельства объ ихъ отверженіи“. Мельшинъ, съ своей стороны, подтверждаетъ, что обитатели современной каторги принадлежатъ ко всевозможнымъ національностямъ.

Казалось бы, все это такія избитыя, всѣмъ извѣстныя истины, что для доказательства ихъ и цитатъ никакихъ не нужно. Но г. П. Ковалевскій — тонкій умъ! Онъ не только вышеуказанныя цитаты приводитъ, но и умудряется еще сдѣлать изъ нихъ слѣдующій выводъ: „*Такимъ образомъ (?!)*, на каторгѣ собирались преступники вѣчные, преступники *органическіе, преступники по природѣ, по существу,—слѣдовательно, именно такіе преступники, которые съ полнымъ правомъ (!!) могутъ быть названы прирожденными преступникамм и составить особый классъ людей, —классъ преступнаго человѣка*“.—Признаюсь, я не повѣрилъ бы, что даже какой-нибудь завзятый невѣжда изъ одного факта *присутствія* людей въ каторжной тюрьмѣ можетъ вывести непозволительно-дикое заключеніе объ ихъ *органической преступности;* но я собственными глазами читаю этотъ выводъ на страницѣ 16 сочиненія ученаго профессора о „Психологіи преступника“!..

Порѣшивъ такъ легко и скоро съ главнымъ вопросомъ, г. П. Ковалевскій приступаетъ къ опредѣленію „характерныхъ чертъ“ преступнаго семейства. Достоевскій даетъ ему въ этомъ отношеніи богатѣйшій матеріалъ: его каторжники—народъ угрюмый, неразговорчивый, завистливый, страшно тщеславный, хвастливый и обидчивый; они всѣ страшно исподличались, среди нихъ царятъ постоянныя сплетни и свары... Правда, каторжные Мельшина, какъ-будто, менѣе мрачны, болѣе общительны, но стоитъ ли останавливаться на такомъ мелкомъ противорѣчіи и объяснять его отчасти, напр., мало общительнымъ и мнительнымъ характеромъ самого автора „Записокъ изъ Мертваго Дома“ *). Не стоитъ, по-

---

*) Выше я далъ еще и другое, болѣе существенное, объясненіе такого различія.

нятно. Рѣшено и подписано: прирожденный преступникъ (онъ же и каторжный) молчаливъ и угрюмъ.

Относительно сплетенъ, дрязгъ и угрюмости арестантовъ можно бы, впрочемъ, еще слѣдующее напомнить г. Ковалевскому: да вѣдь они *въ каторжной тюрьмѣ* сидятъ, эти несчатные люди, они лишены не только всѣхъ благъ и радостей свободной жизни, но даже права на человѣческое достоинство; ихъ унижаютъ на каждомъ шагу, какъ скотовъ, ихъ заставляютъ дѣлать подневольную и часто совершенно безсмысленную работу! Въ стѣнахъ тюрьмы они то же, что пауки, запертые въ банку.. Что же другое остается имъ, какъ не пожирать другъ друга, не заниматься сплетнями, пересудами, не погрязать во всякаго рода пошлости и подлости? Поставьте въ подобное положеніе не только преступниковъ (въ большинствѣ совершенно не культурныхъ людей), но даже ученыхъ профессоровъ,—и надо будетъ еще посмотрѣть, останутся ли они на высотѣ своего ученаго величія... Являются ли, такимъ образомъ, перечисленныя Достоевскимъ дурныя черты арестанта непремѣнно „характерными чертами“ прирожденнаго преступника?

Г. Ковалевскій особенно напираетъ, между прочимъ, на упорную нераскаянность арестантовъ, на то, что они никогда, повидимому, не терзаются угрызеніями совѣсти. Но позвольте, профессоръ: передъ кѣмъ же имъ терзаться, кому каяться, кого стыдиться? Стыдиться своихъ не менѣе преступныхъ и развращенныхъ товарищей? Каяться передъ испорченными и всегда злобно настроенными представителями мѣстной администраціи, не умѣющими внушить къ себѣ ни уваженія, ни симпатіи?

Впрочемъ, я вполнѣ сознаю всю „профанность“ своихъ вопросовъ и понимаю, что г. Ковалевскій не можетъ удостоить ихъ отвѣтомъ...

Мельшинъ говоритъ, — указываетъ далѣе г. Ковалевскій, — о чудовищной нравственной тупости каторжныхъ, особенно рельефно проявляющейся въ разсказахъ объ утонченно-свирѣпыхъ убійствахъ и звѣрскихъ поступкахъ. Слѣдуетъ цитата: „Публика всегда была, видимо, на сторонѣ палача, а не жертвы, и для перваго изъ нихъ всегда отыскивалось въ ея глазахъ какое нибудь оправданіе“.—Что говорить, — примѣровъ безсердечнаго цинизма и утонченно-сладострастнаго звѣрства можно найти въ этой средѣ сколько угодно; но не слѣдуетъ всетаки преувеличивать и, главное, такъ свирѣпо обобщать. Развѣ я то хотѣлъ сказать приведенной выше фразой, что арестанты *всегда и вездѣ* сочувствуютъ непремѣнно палачамъ, а не жертвамъ? Вѣдь рѣчь идетъ у меня лишь о томъ, какъ относятся они къ *разсказамъ* своихъ товарищей объ ихъ прошломъ. Въ глазахъ каторги каждый такой разсказчикъ, благодаря факту своего пребыванія *въ данный моментъ* въ тюрьмѣ, въ неволѣ, уже является жертвой, какіе бы ужасы

онъ про себя ни разсказывалъ; живое, въ *эту* минуту страдающее существо, онъ вызываетъ въ товарищахъ больше сочувствія, чѣмъ тѣ—погибшіе отъ его руки, давно лежащіе въ могилѣ... Философія, правда, странная, односторонне-человѣчная, но, какъ никакъ, съ ней необходимо считаться, разъ хочешь быть безпристрастнымъ судьею этихъ не культурныхъ, глубоко-развращенныхъ и столь же глубоко несчастныхъ людей. Въ моихъ очеркахъ есть не мало фактовъ, показывающихъ, что русскому арестанту вовсе не чужды и нѣжное любящее сердце и способность сочувствовать чужому страданію, способность, доходящая порой до самоотреченія.

„Обращаясь къ изложенію (?) отдѣльныхъ свойствъ или свойства отдѣльныхъ группъ этой большой каторжной семьи,—продолжаетъ г. Ковалевскій,—мы увидимъ, что она представляетъ большое разнообразіе сочетаній этихъ дурныхъ и низшихъ проявленій человѣческаго духа“. Послѣдуемъ приглашенію и посмотримъ, что это за дурныя такія и низшія проявленія духа. Г. Ковалевскій приводитъ, по обыкновенію, рядъ цитатъ, изъ которыхъ видно, что существуетъ типъ арестантовъ мечтательныхъ, а также говоруновъ-сплетниковъ; что есть и люди сильные, мѣтящіе на первенство, но тѣ ведутъ себя съ большимъ достоинствомъ. Одни вѣчно нахмурены, другіе преувеличенно веселы... Есть и страстный элементъ, игроки, жаждущіе чего нибудь остраго, пряннаго, возбуждающаго... Есть субъекты, соединяющіе отвратительное сладострастіе съ ханжествомъ и святошествомъ... Особенное же несчастіе и зло каторги составляютъ бродяги, которые соединяются въ одну группу и всѣми способами эксплуатируютъ каторжную массу.

Читатель, наконецъ, въ недоумѣніи останавливается: что это за окрошка такая? Какимъ образомъ *бродяги* оказались *свойствомъ*, однимъ изъ тѣхъ „низшихъ проявленій“ человѣческаго духа, „излагать“ которыя обѣщалъ г. Ковалевскій? И съ какихъ это поръ мечтательность и даже нахмуренность попали въ число низшихъ проявленій духа? Мысли профессора, очевидно, скачутъ, какъ зайцы, и никакой связи въ его удивительномъ „изложеніи“ уловить невозможно. Только что охарактеризовавъ, съ помощью цитатъ, бродягъ, онъ вдругъ—неизвѣстно почему и зачѣмъ—цитируетъ изъ Достоевскаго: „Всѣ веселые, какъ будто, находились въ нѣкоторомъ презрѣніи“ и т. д.; а затѣмъ, возвращаясь къ „свойствамъ и низшимъ проявленіямъ“, начинаетъ говорить о ворахъ и контрабандистахъ.

А изъ всего, такимъ образомъ, „изложеннаго“ получается слѣдующій, по истинѣ курьезный и неожиданный, выводъ: „Не смотря на разнообразіе душевныхъ проявленій всѣхъ этихъ людей, они, *дѣйствительно*, составляютъ одну семью, одинъ видъ людей, объединенныхъ общими душевными свойствами (мечтательностью? Но вѣдь не всѣ мечтатели. Воровствомъ? Но вѣдь много есть

и убійцъ, никогда ничего не укравшихъ. Л. М.) и общностью жизненныхъ интересовъ". Въ подкрѣпленіе этого вывода приводятся затѣмъ цитаты о силѣ и прочности тюремной артели и ея оригинальныхъ статутовъ, о мести артельнымъ врагамъ и пр. Однако, какое, спрашивается, отношеніе можетъ имѣть тюремная артель къ преступному типу и преступной психологіи? Вѣдь у всякой же замкнутой корпораціи имѣются свои законы и даже свои понятія о чести, и засадите въ тюрьму самыхъ честныхъ и нормальныхъ людей, съ теченіемъ времени—я увѣренъ въ этомъ—они превратятся въ такую же обособленную семью, какъ и настоящіе преступники.

Далѣе, г. Ковалевскій приступаетъ къ „изложенію" симпатичныхъ свойствъ каторжныхъ (несомнѣнно желая обнаружить этимъ свое ученое безпристрастіе), но я ужъ не стану такъ же внимательно слѣдить за нимъ и въ этой части „изложенія". Между прочимъ, въ отдѣлъ „симпатичныхъ свойствъ", къ великому удивленію читателей г. Ковалевскаго, попали арестантскіе „бунты" и „претензіи"! Впрочемъ, случилось это, конечно, лишь благодаря чисто-стилистической оплошности почтеннаго профессора: онъ слишкомъ для этого благонамѣренъ, и на счетъ бунтовъ, какъ и слѣдовало ожидать, высказывается даже чрезмѣрно сурово. Въ основныя причины того или другого „взрыва", той или другой „претензіи" онъ даже попытки не дѣлаетъ проникнуть; ни на одну минуту не останавливается на глубоко-человѣчномъ объясненіи Достоевскаго, высказавшаго мысль, что „можетъ быть, вся-то причина этого внезапнаго взрыва заключается въ тоскливомъ, судорожномъ проявленіи личности, инстинктивной тоскѣ по себѣ самомъ, желаніи заявить свою приниженную личность". Для г. Ковалевскаго единственно важенъ тотъ фактъ, что люди, жившіе до той поры мирно и покорно, *вдругъ* выскакиваютъ изъ твердо установленнаго масштаба и протестуютъ, бунтуютъ, идутъ противъ воли всегда мудраго и благожелательнаго начальства. Какъ нѣкогда Исай Ѳомичъ Бумштейнъ у Достоевскаго, нашъ профессоръ съ особеннымъ удивленіемъ и умиленіемъ останавливается передъ этимъ „вдругъ"... И, въ заключеніе, вотъ что онъ изрекаетъ: „Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ жизни, дѣйствіяхъ и поступкахъ арестантовъ усматриваются чисто-патологическія, импульсивныя побужденія къ тому или другому дѣйствію или поступку; почему эти дѣйствія (напр., „Претензія" Достоевскаго?) въ глазахъ людей нормальныхъ кажутся *странными, дикими и непонятными*. Въ этихъ случаяхъ проявленія вырожденія въ видѣ прирожденной преступности сочетаются съ другими проявленіями вырожденія чисто патологическаго, импульсивнаго характера. Человѣкъ какъ бы срывается съ обычной жизни, соскакиваетъ съ обычнаго теченія. Это проявленіе внезапной импульсивности наблюдается какъ у отдѣльныхъ лицъ, такъ и повально у

многихъ, даже у всѣхъ заключенныхъ, что выражается въ формѣ бунта".

Сложный вопросъ рѣшенъ какъ всегда, легко и просто.

Отмѣтимъ еще, какъ характерную особенность г. Ковалевскаго, его смѣлое распредѣленіе преступниковъ по поламъ, возрастамъ и національностямъ, безъ малѣйшаго указанія на источники этой любопытной статистики. Оказывается, что, „въ русскомъ народонаселеніи преобладаютъ преступленія противъ собственности и въ несравненно меньшей степени противъ личности". Миролюбивая черта, несомнѣнно лестная для нашего патріотическаго чувства... Казалось бы, однако, что и евреи, „прежде всего и сильнѣе всего заявляющіе наклонность къ воровству", т. е. дѣлающіе то же, что и русскіе, заслуживаютъ той же похвалы за миролюбіе, но—нѣтъ! То—русскіе, свои православные, а это—нехристи... „Чувствуется въ этомъ племени присутствіе хищнической наклонности, *хотя бы въ болѣе широкихъ (?) и утонченныхъ (?) размѣрахъ*". Послѣдняя фраза остается для меня загадочной... „На татаръ падаютъ по преимуществу преступленія самыя тяжкія... Если татаринъ—мошенникъ, то убійства *ихъ* отличаются большою жестокостью, разбой—большой ловкостью и отчаяностью, грабежи — крайней дерзостью". Нельзя ли отсюда, г. профессоръ, умозаключить, что татары — по преимуществу прирожденные преступники?.. „Чуваши, вотяки, мордва, черемисы, флегматики по темпераменту, завиняются за развратное поведеніе; финны (тоже флегматики?) отличаются слабою наклонностью къ преступленіямъ". Предоставляю читателю самому судить о степени легковѣсности этихъ обобщеній.

Изслѣдованіе почтеннаго ученаго доведено до вожделѣннаго конца. Остается лишь подвести итоги. Чтобы внѣдрить ихъ хорошенько въ умъ читателя, привожу нѣкоторую часть дословно, во всей ея оригинальной прелести и чисто-профессорской глубокомысленности. „Прирожденные преступники—самые тяжкіе преступники, это люди, отторгнутые отъ общества и составляющіе для него враждебную и опасную корпорацію. Тутъ были (почему *были*?) убійцы, разбойники, бродяги, грабители и неудержимые воры по страсти, по натурѣ. Сюда (?) стекались (?) преступники со всѣхъ концовъ Россіи". — „Населеніе каторги составляло (?) особую семью, объединенную общностью свойствъ, интересовъ и *ненавистью ко всему остальному роду человѣческому*"...

Нѣтъ, постойте, г. Ковалевскій, постойте! Нельзя же такъ беззастѣнчиво фантазировать въ „ученомъ" сочиненіи... Откуда полученъ вами этотъ послѣдній выводъ? Ужъ не изъ біографіи ли моего Семенова, которую передъ тѣмъ вы процитировали на цѣлыхъ шести страницахъ?

Дѣйствительно, это—ультра-озлобленный преступникъ, „зако-

ренѣлый злодѣй", какъ вы выражаетесь. Но, не говоря ужъ о томъ, что судить по одному экземпляру обо всѣхъ тысячахъ каторжныхъ несправедливо и недостойно ученыхъ людей, слѣдуетъ быть справедливымъ и относительно самого Семенова. Отбросьте въ его рѣчахъ гордый, явно преувеличенный паѳосъ злобы (мало ли что въ злобѣ говорится!)—и вамъ станетъ ясно, что отнюдь не *весь родъ человѣческій* ненавидитъ Семеновъ, а только извѣстную часть его, именно — богатыхъ и сильныхъ. А это, я полагаю, огромная разница! Что касается остальныхъ обитателей міра отверженныхъ (фигуръ въ большинствѣ, несомнѣнно, болѣе мелкихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе близкихъ къ нормальному человѣческому типу, нежели Семеновъ), то я сошлюсь, хотя бы, на главу „Демоны зла и разрушенія" (т. I), гдѣ изображаются разговоры „на широкія общественныя темы". Оказывается, что у этихъ „мечтателей" никогда не являлось даже и тѣни сомнѣнія въ томъ, что „народъ" и они, обитатели каторги,—совершенно одно и то же... И какіе строютъ они наивные планы достиженія общаго счастья,—правда, дикіе, ужасные, кошмарно-кровавые планы, но всетаки проникнутые—надо же въ этомъ сознаться—искренней любовью, а никакъ не огульной „ненавистью ко всему человѣческому роду"... Таковъ всегда и вездѣ г. Ковалевскій: за каждымъ шагомъ, словомъ, обобщеніемъ этого почтенаго ученаго нужно зорко слѣдить, иначе...

„Непреступное общество являлось (является?) для нихъ для всѣхъ смертельнымъ врагомъ, котораго они ненавидѣли и (которому?) всѣми способами дѣлали зло (это — сидя въ тюрьмѣ-то?). Месть, жестокая месть грозила всѣмъ врагамъ каторжной когорты, и эту месть многіе ставили главнымъ предметомъ своей свободы и своего выхода изъ острога". Было бы очень страшно, если бы опять-таки сплошь не было высосано изъ собственнаго ученаго пальца. Ни Достоевскій, ни кто другой изъ бытописателей тюрьмы и каторги нигдѣ не говорятъ о томъ, чтобы какой-либо арестантъ ставилъ главнымъ предметомъ своей свободы и выхода изъ острога — „месть всѣмъ врагамъ каторжной когорты". Для меня, по крайней мѣрѣ, особенно много писавшаго о мстительности русскихъ арестантовъ по отношенію къ *личнымъ* врагамъ, утвержденіе г. П. Ковалевскаго является положительной новостью, въ нелѣпости которой я, впрочемъ, совершенно убѣжденъ *).

„Въ *основѣ существа* (sic!) очень большого количества преступниковъ лежитъ лѣнь, отвращеніе отъ (къ) работы (ѣ) и ненависть къ ней; но особенно тяжела была (?) для этихъ людей работа, если она являлась принудительной". — Не въ правѣ ли мы заключить отсюда, что если бы самому г. П. Ковалевскому

---

* Въ стѣнахъ тюремъ въ былое время часто случались убійства предателей и шпіоновъ, но вѣдь это—изъ другой совсѣмъ оперы.

(несомнѣнно, вполнѣ нормальному человѣку) дать принудительную работу, то онъ исполнялъ бы ее съ радостью, съ восторгомъ, съ самымъ удивительнымъ прилежаніемъ?..

„Очень многіе изъ преступниковъ грамотные, но эта грамотность была пріобрѣтена не какъ выраженіе пытливости и любознательности ума, *а какъ средство покрытія и пособія преступности*". Это, по моему мнѣнію, одинъ изъ самыхъ возмутительныхъ „ученыхъ" выводовъ г. П. Ковалевскаго. Откуда, спрашивается, почерпнулъ онъ подобный выводъ? Естественно вспоминаешь прежде всего свои слова, свои разсказы. „Миколаичъ, на что намъ грамота, на что?"—въ отчаяніи изъ-за своей неспособности спрашивалъ иногда Никифоръ Буренковъ своего учителя.

Я старался, отвѣчая на этотъ вопросъ, выяснить пользу грамотности, говоря, что она дѣлаетъ человѣка умнымъ, а, слѣдовательно, и честнымъ; но, утверждая это, я и самъ порой сомнѣвался: на что она имъ, арестантамъ, вся эта грамота? Сколько разъ имѣлъ я впослѣдствіи случай убѣдиться, что многіе изъ лучшихъ моихъ учениковъ, научившіеся и читать, и писать порядочно, по выходѣ въ вольную команду, очень скоро забывали и то, и другое, и горькая досада шевелилась иногда въ душѣ, досада на то, что столько потрачено даромъ и труда, и времени. Не разъ приходилось также слышать отъ самихъ арестантовъ, что грамотность даже вредна имъ, что мошенникъ сумѣетъ съ нею быть еще большимъ мошенникомъ, а честный человѣкъ, благодаря ей, развратится, начавъ мечтать о легкомъ трудѣ писаря и получивъ отвращеніе къ физическому труду. *Я хорошо понималъ, конечно, всю поверхностность и зловредность такихъ обобщеній на основаніи отдѣльныхъ, исключительныхъ фактовъ*, но, признаюсь, нерѣдко овладѣвали мной сомнѣнія, всякаго рода, и тогда я подолгу забрасывалъ свою школу. — Однако, проходило нѣкоторое время—и я съ любовью къ ней возвращался. Среди всякаго рода терній и шиповъ, которыми была усѣяна моя «педагогическая» дѣятельность, среди горечи и отравы, которую она проливала порой въ душу, было всетаки что-то доброе, свѣтлое, теплое, что озаряло и согрѣвало не только меня, но, казалось, и всю камеру. Арестанты какъ-то невольно пріучались съ уваженіемъ относиться къ бумагѣ и книжкѣ, мысли ихъ настраивались на высшій тонъ и ладъ... (т. I. гл. X).

Вотъ единственныя строки въ моихъ очеркахъ, болѣе или менѣе „соотвѣтствующія" по-истинѣ мракобѣсному умозаключенію образованнаго русскаго профессора. Но какъ же пришлось ему переиначивать и, прямо таки, перевирать мою мысль, чтобъ выудить подобное сокровище! Или, быть можетъ, г. Ковалевскій выудилъ его изъ какого-нибудь другого источника? Но трудно во всякомъ случаѣ допустить, чтобы, безпрестанно меня цитируя, относясь ко мнѣ, какъ къ авторитету въ нѣкоторомъ родѣ, онъ не прочиталъ или счелъ нестоющими вниманія тѣ главы „Міра отверженныхъ", гдѣ я описываю „учениковъ"—арестантовъ и все безмѣрно-искреннее увлеченіе ихъ, сначала ученьемъ грамотѣ, а впослѣдствіи и писательствомъ (т. I, гл. VIII, X, XXIV; т. II, гл. XIII XVI). Неужели не читалъ онъ также описанія тюремныхъ чтеній? А если читалъ, то какъ же не посовѣстился изобразить въ своей книжкѣ слѣдующій перлъ: „Читать эти люди не

любятъ (!), если же читаютъ, то больше сочиненія, гармонирующія и удовлетворяющія ихъ низкимъ животнымъ побужденіямъ, ихъ грязной фантазіи и ихъ сердечнымъ склонностямъ. Этика и эстетика совершенно отсутствуютъ у нихъ, нѣкоторые изъ нихъ пытаются даже писать сами, но эти произведенія являются плодомъ подражанія, примѣнительно къ ихъ низменнымъ идеаламъ и низшимъ животнымъ страстямъ".

Между тѣмъ, я писалъ: „Эти вечера, проведенные за чтеніемъ вслухъ, составляютъ лучшую и благороднѣйшую часть моихъ воспоминаній о шелайской тюрьмѣ, и, не смотря на всѣ частныя разочарованія, я и до сихъ поръ убѣжденъ въ полной возможности гуманитарнаго вліянія художественной беллетристики на обитателей каторги". И въ другомъ мѣстѣ, по поводу собственныхъ арестантскихъ сочиненій: „Между ними было одно общее сходство. Авторовъ занималъ и *мучилъ* одинъ и тотъ же вопросъ—о причинахъ, толкнувшихъ ихъ на путь преступленія и разврата, и всѣ они одинаково скорбѣли о томъ, что не сумѣли или не могли жить честно, въ средѣ неиспорченныхъ, хорошихъ людей, и—что самое важное—отъ этой скорби, отъ этихъ думъ вѣяло всегда несомнѣнной, глубокой искренностью".

Само собой разумѣется, что мои мнѣнія и мои разсказы—ни для кого не указъ и какъ всякія другія мнѣнія и разсказы, подлежатъ провѣркѣ, спору, но обойти ихъ полнымъ молчаніемъ, такъ, какъ будто бы ихъ никогда и не существовало, г. Ковалевскій не имѣлъ никакого права.

Слава Богу, конецъ!.. Да и стоило ли такъ долго возиться съ этой убогой книжонкой?—спроситъ, быть можетъ, иной читатель. Не довольно ли было „сказать, что ея не надобно читать?" Нѣтъ, я думаю—напротивъ, любезный читатель: относительно брошюры бывшаго профессора П. И. Ковалевскаго слѣдуетъ именно сказать, что ее *надобно* читать! Да, прочитайте и убѣдитесь сами, насколько мало еще знаетъ русское общество о преступной психикѣ вообще и о каторгѣ въ частности, разъ даже патентованные ученые могутъ у насъ говорить объ этихъ предметахъ столь несуразныя вещи. И добро бы еще—отъ своего имени говорить, а то, основываясь, повидимому, на подлинныхъ словахъ людей, волею судебъ проведшихъ въ преступной средѣ нѣсколько лучшихъ лѣтъ жизни, внимательно наблюдая и изучая эту среду и вынеся подъ конецъ убѣжденіе въ ея кровномъ духовномъ родствѣ со всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ, на какой бы высокой ступени развитія оно ни стояло! Въ свои воспоминанія объ этихъ годахъ наблюденій люди влили лучшую кровь сердца, вложили всю любовь, къ какой только были способны, — и вотъ являются при-

знанные представители науки (что же говорить объ остальной публикѣ?) и истолковываютъ ихъ мысли шиворотъ-навыворотъ, любовь превращая въ ненависть... Обидно и грустно!

Л. Мельшинъ.

Новыя книги.

К. Бальмонтъ. Горящія зданія. Лирика современной души. Москва. 1900 г.

Танъ. Стихотворенія. Спб. 1900.

Не такъ давно одинъ изъ критиковъ нашего журнала предсказывалъ, что ближайшій новый сборникъ стиховъ г. Бальмонта будетъ называться „Красными цвѣтами". Критикъ нѣсколько ошибся: лежащій передъ нами сборникъ названъ несравненно оригинальнѣе, но въ одномъ пророчество оказалось вѣрнымъ: красный, ярко-огненный и ярко-кровавый цвѣтъ такъ и бьетъ въ глаза въ новыхъ пѣснопѣніяхъ неутомимаго декадентскаго поэта... Первый же отдѣлъ книги называется „Отсвѣтами зарева", и въ первой же его пьесѣ г. Бальмонтъ восклицаетъ:

Я хочу горящихъ зданій,
Я хочу кричащихъ бурь!

А дальше идутъ такіе перлы:

И своею опьяненный и чужою *красной кровью*,
Я хочу быть первымъ въ мірѣ, на землѣ и на водѣ!
Я хочу *цвѣтовъ багряныхъ*, мною созданныхъ вездѣ.
. . . . . .
Я увижу солнце, солнце, солнце, *красное, какъ кровь*!

Въ слѣдующемъ стихотвореніи встрѣчаемъ такое признаніе:

Быть можетъ, предокъ мой былъ честнымъ палачомъ:
Мнѣ маки грезятся, согрѣтые лучомъ,
Гвоздики алыя и, полныя угрозы,
Махрово-алчныя, раскрывшіяся розы.
И кровь поетъ во мнѣ...
Ты слышишь, предокъ мой? Я буду палачемъ!

Съ чѣмъ и поздравляемъ... Облобызавъ, далѣе, „кровавыя губы вампраи", поэтъ, наконецъ, братается съ самимъ... Нерономъ!

Если я въ мечтѣ поджегъ города,
Пламя зарева со мной навсегда.

О, мой братъ! Поэтъ и царь, сжегшій Римъ!
Мы сжигаемъ, какъ и ты,—и горимъ.

Читатель изумленъ, пожалуй, даже испуганъ... Какъ! Среди бѣла дня, на улицахъ просвѣщенной столицы человѣкъ бѣгаетъ нагишомъ и прославляетъ убійство и поджогъ! Что же это такое? Анархизмъ или сумасшествіе?

Успокойтесь, любезный читатель. Г. Бальмонтъ столь же неповиненъ въ какихъ-либо анархическихъ идеяхъ (а тѣмъ паче поступкахъ), какъ пятимѣсячный младенецъ, лежащій въ колыбелькѣ, задравъ кверху голенькія красныя ножки... Онъ, правда, символистъ и декадентъ, но не французскій вѣдь или аглицкій, а нашъ собственный, россійскій! „Какой-нибудь Поль Верленъ или Оскаръ Уайльдъ, — говорилъ недавно по этому поводу Н. К. Михайловскій, — дѣйствительно, „порочны", а нашъ Осипъ Яковлевъ (декадентскій поэтъ, объявившійся въ „Сѣверн. Курьерѣ") только еще собирается:—Я хочу, я хочу быть порочнымъ"... Точно также и г. Бальмонтъ. Онъ только *„хочетъ"* горящихъ зданій, онъ только *„въ мечтѣ"* поджигаетъ города, благословляетъ чуму и убиваетъ людей, но вѣдь мало ли чего онъ хочетъ!

Я хочу кинжальныхъ словъ
И предсмертныхъ восклицаній!!!

Просто „ужасти"... И, однако, никого еще г. Бальмонтъ не зарѣзалъ своими кинжально-страшными стихами, да и самъ онъ, не смотря на всѣ предсмертные вопли и хрипы, слава Богу, живетъ еще и... пишетъ. Вотъ уже четвертый по счету сборникъ стиховъ имѣемъ мы удовольствіе рекомендовать вниманію читателей; дождемся, Богъ дастъ, и пятаго, и шестого, и двадцатаго...

Однако, что выигрываетъ русская поэзія отъ этихъ многолѣтнихъ и вполнѣ безкорыстныхъ стараній? Вотъ вопросъ. Прочитавъ отъ доски до доски „Горящія зданія", мы лично пришли къ мало утѣшительному для автора выводу, что въ книжкѣ нѣтъ и самой маленькой крупинки поэзіи,—одно лишь сплошное *стараніе* быть оригинально-нелѣпымъ (вотъ странное самолюбіе!), сплошное резонерство и выдумка. Пусть бы хоть сумасшествіе-то было настоящее, а то и оно фальшивое, поддѣльное,—что-то въ родѣ парика или накладной бороды...

Холодная разсудочность вообще основная черта русскихъ декадентовъ, начиная съ такихъ крупныхъ, сравнительно, величинъ, какъ гг. Минскій и Мережковскій. Но то поэты, по крайней мѣрѣ, отлично вызубрившіе свою роль и отлично знающіе, гдѣ нужно поднять перстъ кверху и выкрикнуть тигровымъ голосомъ:

Смѣй желать. Если хочешь—иди, согрѣши,
Но да будетъ, какъ подвигъ, безстрашенъ твой грѣхъ!

Г.-же Бальмонтъ... Хоть онъ и увѣряетъ, что его „сердцу мерзокъ образъ идіота, и глупости не можетъ онъ понять“, все же мы не можемъ не сознаться, что по сравненію съ выше названными своими собратьями онъ... съ неба звѣздъ не хватаетъ. И, между тѣмъ, онъ ужасно любитъ философствовать въ стихахъ... Вотъ одинъ изъ безчисленныхъ образчиковъ этой удивительной „философіи“, на которомъ мы и разстанемся съ г.-Бальмонтомъ:

Идеи, образы, изображенья, тѣни,
Вы, внизъ ведущія, но пышныя ступени,—
Какъ змѣй сквозь васъ віясь, я васъ люблю равно,
Чтобъ видѣть высоту, я падаю на дно.
Я вижу облики въ сосудѣ драгоцѣнномъ,
Вдыхаю въ немъ (?) вино, съ его восторгомъ плѣннымъ,
Ту влагу выпью я, и по златымъ краямъ
Дамъ биться отблескамъ, и ликамъ и тѣнямъ.
Вино горитъ сильнѣй—незримое для глаза,
И осушенная—богаче, ярче ваза.
Я сладко опьяненъ и, какъ лукавый змѣй,
Покинувъ глубь, всхожу...—Еще! Вотъ такъ! Скорѣй!

По-истинѣ нужно быть „лукавымъ змѣемъ“, чтобы въ глубинѣ этой чепухи найти какой-нибудь смыслъ!

Въ нынѣшнемъ году вышелъ въ свѣтъ стихотворный сборникъ г. Тана, поэта, ни въ какомъ отношеніи непохожаго на г. Бальмонта. Для послѣдняго на первомъ планѣ виртуозность формы и личное „я“, съ которымъ онъ, какъ всѣ господа эстеты, не устаетъ носиться, точно курица съ только что снесеннымъ яйцомъ; г. Танъ, напротивъ, главное значеніе въ поэзіи придаетъ идеѣ, честной мысли и искреннему чувству. Онъ мечтаетъ быть пѣвцомъ родины и ея страданій... Къ величайшему, однако, сожалѣнію, оказывается, что для поэзіи недостаточно и честной мысли такъ же, какъ недостаточно музыкальности формы. Капризное вообще существо эта госпожа Поэзія!.. У иного изъ ея рыцарей, кажется, имѣется на лицо рѣшительно все, чего только требуютъ піитика и риторика,—анъ нѣтъ! „Пусть идетъ себѣ мимо,—отвѣчаетъ Поэзія,—я не отворю ему чертоговъ безсмертія“... Мы, скромные рецензенты, можемъ лишь гадательно указывать на причины этого страннаго своенравія. Въ нѣкоторыхъ журналахъ, отозвавшихся на книжку г. Тана, подчеркивались, напр., чрезмѣрныя длинноты и расплывчатость его стихотвореній; но намъ думается, этотъ—самъ по себѣ, конечно, крупный — недостатокъ является лишь частнымъ показателемъ того, что передъ нами не настоящій поэтъ, причины же его слабости лежатъ несравненно глубже. Г. Танъ—интересный разсказчикъ и недюжинный наблюдатель реальной жизни (съ его прозаическими произведеніями знакомы и читатели „Русск. Бог.“); въ немъ свѣтятся и умъ, и несомнѣнно-правдивое чувство, но у него совсѣмъ нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, очень мало того дара *мыслить и чувствовать образами,* который зовется

поэзіей. Быть поэтомъ вовсе не значитъ вѣдь нагромождать образъ за образомъ, сравненіе за сравненіемъ, эпитетъ за эпитетомъ, но мысли и чувства, выражаемыя поэтомъ, должны какимъ-то чудомъ искусства проникать къ намъ въ душу, — употребляя выраженіе Толстого, *заражать* ее собою. Кто не умѣетъ „заражать"—тотъ и не поэтъ.

Сравненій и образовъ у г. Тана не оберешься, но чувствуется, что всѣ они вылились не изъ поэтической природы его сердца, а изъ ума, — изъ ума живо чувствующаго и внимательно наблюдающаго человѣка. Вотъ почему добрая половина его „образовъ" положительно неудачна и производитъ самое жалкое впечатлѣніе. Такъ, обращаясь къ любимой дѣвушкѣ, онъ восклицаетъ:

Ибо (sic!) сердце мое, *словно рать* безъ вождя,
Безъ твоихъ погибаетъ очей!

Это сравненіе сердца съ *войскомъ* притянуто, что называется, за волосы...

Страданье мнѣ рѣчи точило, какъ ножъ,
Острило слова мнѣ, какъ жало;
Смертельной обиды безмолвная *дрожь*
Проклятья, какъ молотъ, ковала.

Развѣ истинный поэтъ способенъ на такую риторику? Вѣдь это языкъ Бенедиктова и его позднѣйшихъ подражателей...

Полдень яркій,
Слишкомъ жаркій,
Краткій отдыхъ намъ даритъ,—

между прочимъ, такими „поэтическими" штрихами рисуетъ г. Танъ жизнь природы. Мы отнюдь не думаемъ сомнѣваться въ полной искренности г. Тана, какъ человѣка, но, какъ поэтъ, онъ лишенъ повторяемъ, всякаго дара затрогивать наше сердце, и стихотворенія его (за очень рѣдкими исключеніями) кажутся несносной риторической шумихой и нагоняютъ ничѣмъ непобѣдимую зѣвоту. Окончательно же губитъ ихъ отсутствіе... художественнаго такта. „Я солнцу гимнъ пою торжественный и *стройный*", несовсѣмъ-то скромно отзывается онъ о своихъ порядочно-таки дубовыхъ пѣснопѣніяхъ,—„мой голосъ рвется вдаль, мой голосъ рвется ввысь"; въ лицо „безстыдному обману" онъ похваляется бросить упрекъ, „отточеный, какъ ножъ", поразить врага „плетью *своихъ* словъ". Вообще стихи г. Тана звенятъ, по его мнѣнію, „какъ яростный громъ"...

Любилъ ли я? Я трепеталъ любовью,
Живымъ огнемъ, какъ свѣточъ, я горѣлъ,
Я отдалъ жизнь, я узы залилъ кровью (?)...

Не странно ли нѣсколько, что поэтъ, до сихъ поръ, благода-

реніе Богу, живой и здравствующій, говоритъ о своихъ подвигахъ такія... ну, по меньшей мѣрѣ, несообразныя вещи? А ихъ очень много у г. Тана, и производятъ онѣ по-истинѣ удручающее впечатлѣніе.

И свѣжестью дышетъ *румянецъ ланитъ*,
И *мраморъ чела* не тускнѣетъ.

Такъ выражается нашъ поэтъ о самомъ себѣ.

Большинство пьесъ г. Тана представляетъ простые перепѣвы Лермонтова, Надсона и даже г. Фруга, причемъ перепѣвъ звучитъ иногда, какъ безсознательная пародія (напр., имѣвшіе такой успѣхъ „Разбойники пера"). Единственная въ книжкѣ вещь съ оригинальными мотивами и неподдѣльно-поэтическими образами „Въ дорогѣ" — испорчена непомѣрной длинготой. Точно человѣкъ самъ почувствовалъ, что напалъ на необыкновенно-счастливую тему,—и ужъ онъ мажетъ ее, мажетъ, ни за что не хочетъ разстаться!

Сила и главное значеніе такихъ поэтовъ, какъ г. Танъ, въ ихъ боевомъ настроеніи; но и въ этомъ отношеніи поэзія г. Тана крайне неудовлетворительна. Прочитавъ такія, напр., стихотворенія, какъ „Въ былые дни святой мечтѣ я вѣрилъ", или „Оставь свои настойчивыя рѣчи", читатель невольно разводитъ руками и спрашиваетъ: „да кто же, наконецъ, этотъ г. Танъ? Неужели"... Вопросъ не договаривается, такъ какъ русскій читатель, какъ извѣстно, большой джентльменъ и постоянно возмущается неприличнымъ тономъ журнальной полемики. Отсюда мораль: если экспансивность чувствъ и мыслей поэта бьетъ черезъ край, то пусть же она выражается, по крайней мѣрѣ, настолько ясно, чтобъ невозможны были ни заячьи ходы, ни несправедливыя обвиненія...

Б. Никольскій. Сборникъ стихотвореній. Спб. 1899.

„Трудность соблюденія античныхъ размѣровъ на русскомъ языкѣ показалась мнѣ по первому разу непреодолимой. Однако, задача—усвоить нашей поэзіи, въ предѣлахъ возможнаго, несравненныя красоты античной метрики — не переставала привлекать меня съ тѣхъ поръ, и, послѣ множества неудачныхъ попытокъ, я достигъ убѣжденія, что эта задача не безнадежна... Переводы оказались неизмѣримо труднѣе попытокъ оригинальнаго сочиненія; но постепенно стали удаваться и переводы". Это очень пріятно, особенно, ввиду того, что г. Никольскій къ другимъ переводчикамъ весьма строгъ. Высоко цѣня заслуги Фета въ дѣлѣ переводовъ, онъ справедливо говоритъ объ ихъ слабостяхъ и недостаткахъ и даже предлагаетъ считать переводы Фета черновикомъ, которые онъ, г. Никольскій, отдѣлаетъ на-бѣло. „Съ величайшей

осторожностью допуская столь привычные нашему слуху и неизбѣжные по свойству нашего языка пеоны и строго согласуя античныя системы одновременно и съ тоническими удареніями, и съ ритмикой интонацій (если можно такъ выразиться — съ ритмикой смысла), я почувствовалъ возможность переводить не только слова, но и гармонію классическихъ поэтовъ". Это, конечно, большое пріобрѣтеніе для нашей изящной словесности, и г. Никольскій вправѣ гордиться этой, хоть и не безсмертной, но солидной заслугой. „Труднѣе всего оказалось уловить технику второй сафической системы, но не многимъ легче были вначалѣ и гендекасиллабы, и ямбическіе триметры и, особенно, холіамбы". Это, конечно, не открываетъ новой эры въ поэзіи, но усваиваетъ ей новыя формы, а вмѣстѣ съ ними и новыя красоты, до сихъ поръ ей чуждыя. Предлагаемъ читателямъ образцы этихъ новыхъ красотъ:

Будемъ жить, будемъ, Лезбія, любить и
Воркотню стариковъ, не въ мѣру строгихъ,
Асса мѣднаго всю цѣнить дешевле.
Пусть садятся и вновь восходятъ солнца:
Мы, лишь только погаснетъ день короткій,
Вмѣстѣ снамъ предадимся ночи вѣчной.

И такъ далѣе. Еще примѣръ:

Воробей, моей дѣвы утѣшенье,
Съ кѣмъ играетъ она, кого у сердца
Часто держитъ иль, самый кончикъ пальца
Острымъ клюва щипкамъ подставя, дразнитъ.

Таковы несравненныя красоты античной метрики, усвоенныя отнынѣ нашей поэзіи. Невѣжественный читатель, пожалуй, заикнется о томъ, что все это, можетъ быть, и гендекасиллабы, и триметры, и холіамбы, но не стихи и—что еще важнѣе—совсѣмъ не поэзія. Но г. Никольскій не станетъ съ нимъ разговаривать. Въ пророческомъ предвидѣніи, присущемъ всякому генію, удѣлъ котораго — умереть непонятымъ, онъ постарался напередъ обезоружить шипѣніе дерзновенныхъ.

Стиха загадочны для черни площадной
И красота, и откровенья:
Для черни есть въ моихъ устахъ языкъ иной,
Иныя въ сердцѣ вдохновенья.

Увы, это такъ. И не для одной „черни площадной", несомнѣнно загадочны красота и откровенье такихъ стиховъ:

Варъ намедни меня къ своей любезной
Свелъ, на форумѣ празднымъ повстрѣчавши.
Дѣвка, это я вмигъ увидѣлъ; впрочемъ
Недурна, правда правдой, и пріятна.

Оцѣнить живую прелесть этого стиха возможно, конечно, лишь при томъ высокомъ развитіи вкуса и поэтическаго чутья, какое г. Никольскій предполагаетъ въ своихъ будущихъ читателяхъ. *Будущихъ*—это не обмолвка. Онъ знаетъ себѣ цѣну, этотъ величавый создатель безсмертныхъ гармоній, торжественно возглашающій:

Созвучья вѣщія, на то ввѣряю вамъ
Я жгучихъ образовъ намеки,
Чтобъ только избраннымъ, сочувственнымъ сердцамъ
Понятны были эти строки;
Чтобъ ваша тайнопись...

Тайнопись—это хорошее слово — звучное и удобное: въ него можно прятать всякія бирюльки и выдавать ихъ за откровенія. Итакъ:

Чтобъ ваша тайнопись непонятой дошла
Сквозь гулъ надменныхъ осужденій
До сердца чуткаго, гдѣ роза расцвѣла
Благоуханныхъ размышленій.
Тамъ, тамъ раскроется, что скрытно въ васъ живетъ,
Привѣтъ избраннымъ отъ избранныхъ
Въ тысячелѣтіяхъ!..

Вотъ что значитъ проникнуть орлинымъ взоромъ въ свое предназначеніе и, стряхнувъ отрепья ложной скромности, пристойной бездарностямъ, предстать въ настоящемъ видѣ.

Но читатель уже замѣтилъ, что собственные стихи г. Никольскаго гораздо лучше его стихотворныхъ переводовъ. Можно сказать больше: это не дурные стихи. Формой г. Никольскій владѣетъ не всегда—иногда она имъ владѣетъ. Такъ, напр., въ строфѣ

Въ моей душѣ развѣнчанные боги
Земнымъ царямъ рабами предстаютъ:
Земнымъ мечтамъ подвластна мощь остроги,
Имъ струны олимпійскія поютъ!

— видно, что *предстаютъ* и *остроги* находятся въ зависимости не отъ смысла, которому здѣсь не нужны никакія остроги, но отъ риѳмъ *поютъ* и *боги*. Впрочемъ, о сокровенномъ смыслѣ сихъ тайнописей предоставляемъ судить избраннымъ сердцамъ въ тысячелѣтіяхъ. Въ общемъ — повторяемъ — оригинальные стихи г. Никольскаго не терзаютъ такъ безчеловѣчно ухо, привыкшее къ музыкѣ русскаго стиха, какъ его переводы съ латинскаго. Отчего?—намъ кажется, это понятно. Г. Никольскій и въ своей лирикѣ, и въ своихъ переводахъ производитъ на насъ впечатлѣніе натуры весьма приспособляющейся, но глубоко анти-художественной. О, онъ, конечно, могъ-бы передать Катулла вполнѣ безукоризненными и гладкими русскими ямбами и хореями. Но онъ—человѣкъ исключительно разсудочный—напалъ на мысль о гендекасиллабахъ и холіамбахъ, и палъ ихъ жертвой. Человѣкъ со

вкусомъ остановился бы, сразу замѣтивъ, что эти вирши прежде всего не поэзія; человѣкъ съ ухомъ замѣтилъ бы къ тому-же, что эти стихи производятъ нѣкоторое слабое впечатлѣніе мѣрности не потому, что они воспроизводятъ метрическій стихъ древнихъ, который немыслимо привить русской поэзіи, но только потому, что они „гендекасиллабы", то есть — вслѣдствіе равнаго числа слоговъ—дѣйствуютъ на слухъ, какъ стихи *силлабическіе*. Увы, мечтая усвоить нашей поэзіи несравненныя красоты античной метрики, г. Никольскій незамѣтно для себя вернулся—къ Кантемиру. Читаешь эти переводы изъ Катулла и вспоминаешь совсѣмъ не красоты классической поэзіи, а прелести классической гимназіи, уроки русской словесности, порывавшіе живую связь съ ней и—

Уме недозрѣлый, плодъ недолгой науки.

Покойся, не понуждай къ перу мои руки...

И эта побѣдоносная борьба анти-художественнаго разсудка противъ поэзіи характерна для всего творчества г. Никольскаго. У него, напримѣръ, есть переводъ „Сосны" Гейне, просто идеальный по точности; въ немъ сохранена даже та важная подробность, утерянная Лермонтовымъ, что у Гейне идетъ рѣчь о существахъ двухъ половъ (мечтающая о пальмѣ сосна,—по нѣмецки мужского рода—замѣнена у г. Никольскаго—какъ, напр., у Прахова — кедромъ). Но сравните „На сѣверѣ дикомъ" съ переводомъ г. Никольскаго, и вы почуете разницу между живымъ духомъ поэзіи и леденящимъ вѣяньемъ стихотворной прозы. Разсужденіемъ отдаетъ его любовная лирика, дидактикой его попытки изобразить въ стихахъ свои возвышенно-созерцательныя настроенія. Неуловимая грань отдѣляетъ философскую лирику отъ дидактической „поэзіи": первой присущъ эмоціональный характеръ, второй — нѣтъ. Если страстное исканіе истины, не разрѣшаясь научной ясностью, захватываетъ ищущаго съ такой силой, что его смутныя интуиціи находятъ выраженіе и успокоеніе въ стихотворной формѣ, мы имѣемъ лирику размышленія: здѣсь поэтъ мыслитъ въ стихахъ, потому что только стихи даютъ ему и другимъ понятіе о томъ, что въ немъ дѣлается. Если, надумавъ отвлеченную тему, стихотворецъ излагаетъ ее въ стихахъ, — предъ нами дидактика: не поэзія, а „О пользѣ стекла". Нѣчто подобное мы имѣемъ и въ этомъ случаѣ, и оно становится вполнѣ понятно, когда мы отъ самого г. Никольскаго узнаемъ объ отношеніи его поэзіи къ истинѣ. Въ одномъ изъ наиболѣе удачныхъ своихъ стихотвореній поэтъ сознается:

Ласточка въ храмъ залетѣла,—кружится—и снова на волю:
Въ истинѣ такъ же порхай, легкая пѣсня моя!
Истина—сумрачный храмъ, въ ней холодно, жутко и тихо:
Ты же, чирикнувъ, лети вновь въ расцвѣтающій міръ.

Да, истина, несомнѣнно, храмъ. Но одни въ немъ священно-

дѣйствуютъ, другіе чирикаютъ—и никакой поэзіи изъ этого чириканья выйти не можетъ.

А. В. Жиркевичъ (А. Нивинъ). Картины дѣтства. Поэма. Изданіе 2-е. Вильна. 1900.

Мы не видали сборника стихотвореній г. Жиркевича (въ двухъ частяхъ), озаглавленнаго „Друзьямъ", и, слѣдовательно, не можемъ судить обо всемъ букетѣ его поэзіи. Откровенно признаемся, мы теперь только впервые узнали о существованіи на Руси такого поэта...

Стихомъ г. Жиркевичъ, несомнѣнно, владѣетъ удовлетворительно и поэзію искренно любитъ; несомнѣнно также, есть у него и чувство, и наблюдательность. Настоящая книжка ни въ какомъ случаѣ не вызываетъ въ читателѣ того подчасъ веселаго, а подчасъ и злобнаго смѣха, какой вызываютъ десятки и сотни стихотворныхъ сборниковъ другихъ современныхъ поэтовъ, банальныхъ, бездарныхъ и всегда безмѣрно надутыхъ собою. Въ „Картинкахъ дѣтства" встрѣчаются порой прямо недурныя мѣста. Вотъ, напримѣръ, описаніе грозы:

Гроза!... Раздался первый громъ
И забирается все выше
По тучамъ съ бѣлымъ ободкомъ.
Пробарабанилъ дождь по крышѣ,
И косо ласточки летятъ;
Весь ощетинился нашъ садъ.
Сирень вихры свои направо
Склонила по̀ вѣтру; звучитъ
Вновь грома мощная октава—
Стекло въ окошкѣ дребезжитъ...

Или, вотъ, разсвѣтъ въ Бессарабіи (во время поѣздки на лошадяхъ):

Но кто-то свѣтлый вдругъ шагнулъ
Изъ-за спины къ неясной дали,
Рукой гигантской всколыхнулъ
Туманъ, какъ складки рваной шали,
Разсыпалъ блики по цвѣтамъ
И, все одѣвъ въ живыя краски,
Вдругъ улыбнулся небесамъ:
Въ отвѣтъ, какъ радостные глазки
Отъ сна поднявшихся дѣтей,
Цвѣтовъ и травъ разсадникъ пышный
Блеснулъ вокругъ, и въ немъ чуть слышный,
Съ иныхъ, невѣдомыхъ полей
Несется вѣтеръ влажный, сонный,
Дыханьемъ сѣна напоенный...

Нельзя такъ же не отмѣтить разсказа о томъ, какъ впечатлительному ребенку, за внѣшней, видимой жизнью дома, чуется скрытая отъ взоровъ людей, „необычайная" жизнь:

. . . . . Мнѣ казалось,
Что наша мебель притворялась
Весь день нарочно неживой,

и что ее можно подкараулить... Эти двѣ-три страницы читаются съ удовольствіемъ, даже когда вспомнишь аналогичное мѣсто въ некрасовской поэмѣ „На Волгѣ“.

Къ сожалѣнію, приходится, однако, сказать, что присутствіе въ книжкѣ г. Жиркевича отдѣльныхъ недурныхъ стиховъ и поэтическихъ картинокъ (которыхъ, впрочемъ, не такъ ужъ и много) нисколько не доказываетъ еще, что онъ истинный поэтъ. Для того, чтобы—при наличности живого чувства и версификаторской способности—попадались удачныя строки на пространствѣ 250 страницъ, написанныхъ стихами, — вовсе не требуется быть непремѣнно поэтомъ. Сквозь призму художественнаго творчества „Картинки дѣтства“ и не думаютъ проходить: это просто сырой матеріалъ воспоминаній, изложенный невѣдомо для чего въ стихахъ. И вѣдь какое удручающее количество стиховъ—по приблизительному разсчету, *тысячъ около семи!*... Не только для написанія подобной уймы рифмованныхъ строчекъ нужны время и трудъ, но и для прочтенія—также; и для прочтенія, пожалуй, еще больше, потому что автора во время его работы неизмѣнно согрѣвала и подбодряла живая, теплая волна воспоминаній, читателя же... что̀, кромѣ желанія достигнуть вожделѣннаго конца книги?!

Да, работа памяти—основной капиталъ г. Жиркевича. Онъ и самъ не разъ чистосердечно признается въ этомъ.

Какъ жаль, что не могу сейчасъ
Я вспомнить точно выраженья
И передать простой языкъ
И всѣ нехитрыя сравненья.

И онъ добросовѣстно старается вспоминать; и если вмѣсто живыхъ человѣческихъ фигуръ и рѣчей иногда выходитъ у него не одна только „печаль“, то надо правду говорить—единственно благодаря шаблонности и избитости этихъ фигуръ (прототипомъ деньщика Корнѣя является, напримѣръ, еще пушкинскій Савельичъ). Самъ авторъ, повидимому, нерѣдко чувствуетъ это и пытается указывать, какой именно литературный типъ повторяетъ выведенный имъ образъ. „Не правда-ль, сходство есть больше съ Татьяной Лариной?“—спрашиваетъ онъ мнѣнія читателей о своей бабушкѣ, которая „любила сплетни и гостей“, наряды, любила „спать до полдня жаркаго, мечтать, молиться страстно, торопливо и пѣть романсы; молчалива порой бывала, чтобы потомъ будить весельемъ отчій домъ“. Увы! на этотъ разъ литературная память измѣнила, очевидно, г. Жиркевичу, и Ольгу онъ принялъ за Татьяну...

Теперь, когда давно такъ было
Все то, что выше я сложилъ.
Когда и память измѣнила,—

справедливо оправдывается на каждомъ шагу нашъ поэтъ въ блѣдности своихъ описаній.

Летятъ листы моей поэмы,
Бѣжитъ дрожащій карандашъ...
Благословляю образъ вашъ,
О дѣтства радужныя темы!
Пора, казалось, замолчать,
И мозгъ дремалъ ужъ утомленный...
Но вы дохнули — и опять
Поэтъ я бодрый, умиленный...

„Радужныя темы“ дѣтства внушаютъ г. Жиркевичу искреннюю любовь; онъ то и дѣло искренно „умиляется“ надъ ними,—и тѣмъ не менѣе задачи своей (задачи поэта) передать намъ, читателямъ, свою любовь и умиленіе не достигаетъ. Его радости и печали кажутся намъ сѣрыми, скучными, нелюбопытными... Какой, въ самомъ дѣлѣ, интересъ, какое дѣло читателю до того, напримѣръ, что г. Жиркевичъ любилъ въ дѣтствѣ „запахъ скрытный (?)“ своего любимца Корнѣя, что онъ былъ мальчикъ „болѣзненный“, легко переходившій отъ слезъ „къ веселью, смѣху и прыжкамъ“ и любившій, между прочимъ, „зарываться въ наблюденье собачьихъ нравовъ“? Совсѣмъ неинтересно читать предлинное (20 стиховъ!) описаніе того, какъ дѣти спеленали однажды поросенка... Несомнѣнно, трогательна была привязанность стараго Корнѣя къ барскимъ дѣтямъ, трогателенъ былъ (въ дѣйствительности) разсказъ аптекаря о томъ, какъ этотъ вѣрный слуга-солдатъ со слезами просилъ его прибавить нѣсколько лишнихъ капель въ прописанное докторомъ для маленького больного барича лѣкарство; но не трогателенъ, а скорѣе смѣшонъ преувеличенный паѳосъ г. Жиркевича по этому поводу:

. . . . . Я вѣрю, надъ тобой,
Когда стоялъ ты и съ тоской
Просилъ лѣкарства прибавленья (sic!),
Незримый ангелъ въ умиленьи,
Тая дыханіе, стоялъ,
Всѣ капли бережно считалъ,
Чтобы потомъ тотъ мигъ великій (?)
Въ чертогахъ неба огласить
И капли эти сохранить
Къ суду послѣднему Владыки!!

Нѣтъ, не поэтъ г. Жиркевичъ. Стихъ его, хотя въ общемъ и удовлетворительный, блѣденъ, вялъ и растянутъ; образы шаблонные или придуманные: такъ, отъ платья матери пахло, по его увѣренію, какъ „пахнетъ вечеромъ отъ сада“; „туманъ по соснамъ вверхъ скользитъ, какъ гадовъ медленныя звенья“ и т. п.

Ф. Бѣлявскій. Старая и новая вѣра. «Лурдъ,» «Римъ» и «Парижъ» Э. Золя. Спб. 1900.

Золя—представитель „новой вѣры". Г. Бѣлявскій весь на сторонѣ „старой" и рѣшительно съ нимъ не согласенъ. Изложенію своего несогласія съ Золя г. Бѣлявскій посвящаетъ вдесятеро больше страницъ, чѣмъ сколько отведено характеристикѣ взглядовъ Золя, тогда какъ интересъ книги положительно удесятерился бы, если бы отношеніе вышло обратнымъ. „Старая" вѣра г. Бѣлявскаго, впрочемъ, не очень старая: лѣтъ пятьдесятъ назадъ такъ, приблизительно, разсуждало дворянское „большинство", защищаясь отъ „повѣтрія" освободительныхъ идей, но разсуждало гораздо послѣдовательнѣе и яснѣе, чѣмъ это дѣлаетъ г. Бѣлявскій, разглагольствованія котораго представляютъ удивительный сумбуръ, доходящій до курьеза тамъ, гдѣ онъ подкрѣпляетъ ихъ литературными примѣрами. Гётевскій „Фаустъ" является для него осужденіемъ тщеты человѣческихъ умствованій и поклоненіемъ трезвости будничной дѣйствительности. С. Аксаковъ, Достоевскій и Л. Толстой сходятся у г. Бѣлявскаго для того, чтобы безпощадно осудить новую проповѣдь эмансипаціи личности отъ всякихъ налагаемыхъ на нее обществомъ традиціонныхъ рамокъ. Эти традиціонныя рамки г. Бѣлявскій сводитъ къ „консервативнымъ формамъ" жизни, которыя дѣлаютъ жизнь вѣчно „старой", а въ этомъ-то вся и суть! „Въ старомъ складѣ народной жизни первый изъ нихъ (т. е. С. Аксаковъ) видѣлъ больше законности и правды". Приверженецъ „консервативныхъ формъ жизни", г. Бѣлявскій еще и большой поклонникъ внѣшняго благочестія и почтительности къ старшимъ, чего такъ мало у Золя. Блестящимъ доказательствомъ этой мысли г. Бѣлявскій обязанъ Л. Толстому, который, видите ли, разсудивъ, что Наташа Ростова была непокорна и порывалась къ независимости, „сорвалъ поэтическій вѣнокъ съ своей героини"... Назидательно до тошноты!

Эта назидательность, которой разитъ отъ книги г. Бѣлявскаго, сдѣлала бы послѣднюю въ доброе старое время настольной книгой старыхъ ханжей и апологетовъ молчалинства, но теперь и они требуютъ чего-нибудь попикантнѣе и многіе за пикантность даже Золя одобряютъ... Развѣ кое-кто изъ неопытной молодежи, привлеченной къ книгѣ именемъ Золя, вдохнувъ затхлость дореформенной плѣсени, пропоетъ знаменитую въ свое время пѣсенку: „Что за педантъ нашъ учитель словесности—слушать противно его", не справляясь съ тѣмъ, дѣйствительно-ли авторъ книги учитель или нѣтъ. Такъ ужъ велика назидательная сила книги.

Ѳ. Д. Батюшковъ. Критическіе очерки и замѣтки. Спб. 1900.

Ново въ книжкѣ г. Батюшкова, только предисловіе, какъ бы вносящее нѣкоторое внутреннее единство въ разнообразные лите-

ратурные очерки, первоначально появлявшіеся въ періодическихъ изданіяхъ и нынѣ собранные авторомъ. Больше всего удѣлено здѣсь вниманія текущей русской литературѣ, которой посвящены статьи о Горькомъ, Потапенко, „Слѣпомъ Музыкантѣ“ Короленко, „Хозяинѣ и Работникѣ“ Толстого. Вопросы теоріи искусства составляютъ центръ статей о современной живописи, объ эстетическихъ воззрѣніяхъ Толстого, отчасти о „Двухъ мірахъ“ Майкова. Наконецъ, статья объ „Ученикѣ“ Бурже является откликомъ на волнующій вопросъ послѣднихъ лѣтъ—вопросъ о нравственной цѣнности научнаго міровоззрѣнія.

Нравственная сторона явленій вообще привлекаетъ вниманіе автора съ наибольшей силой; „Хозяинъ и Работникъ“, „Ученикъ“, „Слѣпой музыкантъ“—вотъ произведенія съ ярко выраженными моральными тенденціями, и именно на нихъ останавливается его мысль. Статья о Потапенко вся построена на обсужденіи идей моральнаго порядка. Эти идеи интересуютъ автора не какъ сложныя и трудныя теоретическія построенія, но какъ живая сила, подъ воздѣйствіемъ которой онъ самъ находится, съ которой онъ чувствуетъ настоятельную необходимость такъ или иначе свести счеты. Мы назвали-бы его критикомъ — моралистомъ по преимуществу, но моралистъ есть проповѣдникъ, а проповѣдникъ ясно знаетъ, чего хочетъ. Здѣсь-же авторъ колеблется—и со всей искренностью не скрываетъ своихъ исканій ни отъ другихъ, ни отъ себя. Подъ гнетомъ безысходныхъ жизненныхъ противорѣчій онъ склоняется къ сложнымъ рѣшеніямъ, которыя, быть можетъ, кажутся ему болѣе опредѣленными, чѣмъ читателю. Иногда онъ даже уклончивъ—конечно, не потому, чтобы онъ не хотѣлъ сказать то, что думаетъ, а потому, что не можетъ отдѣлаться отъ внутренней потребности оставить мѣсто сомнѣнію, возможному перерѣшенію того, что зрѣетъ въ немъ. Характерно въ этомъ смыслѣ предисловіе. Оно написано—въ видѣ какъ-бы нѣкоторой исповѣди—съ цѣлью показать, какія стадіи въ отношеніи къ нравственному значенію науки проходила мысль автора за то десятилѣтіе, въ которое писались его критическія статьи. И эта лирическая страничка есть прежде всего и почти исключительно исторія колебаній, которыя авторъ даже не рѣшается назвать колебаніями въ воззрѣніяхъ или убѣжденіяхъ, предпочитая расплывчатое и мягкое обозначеніе — „колебанія *настроеній* за и противъ науки“. При такой мягкости отношеній и опредѣленій авторъ, конечно, не рѣшается присоединиться къ суровому приговору—и къ уличному крику—о „банкротствѣ науки“. Но онъ не считаетъ это банкротство мнимымъ. Десять лѣтъ назадъ — въ статьѣ о нашумѣвшемъ романѣ Бурже онъ старался показать, что въ поступкѣ Грелу виновата не наука, а ея дрянной адептъ. Теперь наука перестала удовлетворять высшіе запросы его духа. Онъ и теперь произноситъ панегирикъ „научному духу“, въ немъ

и только въ немъ видитъ онъ „критерій къ распознанію субъективнаго домысла теоріи, какъ таковой—т. е. представляющей индивидуальное пониманіе истины, — отъ того, что, дѣйствительно, является неоспоримой научной истиной“. Но „предѣльность такъ называемыхъ (?), научныхъ выводовъ, безразличіе науки въ смыслѣ этическомъ, эстетическомъ и религіозномъ“ признаны имъ во всей полнотѣ и привели къ сознанію „необходимости и права искать въ себѣ, а не только внѣ себя опоры своему міровоззрѣнію“. О, это, конечно, не разрывъ съ прошлымъ: это не такъ рѣшительно. Автору думается, что и въ этомъ случаѣ „новая истина не исключаетъ старой, но восполняетъ и исправляетъ“. Но, къ сожалѣнію, какъ разъ на этомъ интересномъ мѣстѣ авторъ останавливается, считая неумѣстнымъ распространяться о выводахъ и не показавъ намъ, какъ мирится въ немъ то, что обычному сознанію представляется непримиримымъ противорѣчіемъ. Что дѣлать „научному духу“ съ исканіемъ истины въ себѣ? Неужто можно успокоиться на такой „опорѣ міросозерцанія“, которую самъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ называешь „субъективнымъ домысломъ“ и на борьбу съ которой призываешь „научный духъ“. Впрочемъ, въ виду этихъ осложненій, и этотъ „научный духъ“ тоже пришлось немного усмирить и окарнать. Выходитъ, что „по своей основѣ и сути, онъ есть не что иное, какъ любовь къ правдѣ, вдумчивость и безусловная искренность во внутренней работѣ мысли“. Неужто все? *Такой* „научный духъ“, дѣйствительно, мирится превосходно съ какими угодно „домыслами“—вплоть до того „духа“, который завѣдуетъ столоверченіемъ,—лишь бы его призывали съ любовью къ правдѣ и искренностью. Кажется, въ понятіе научнаго духа должно быть внесено еще нѣчто: идея пріемовъ изслѣдованія, идея метода; иначе этотъ научный духъ охватитъ слишкомъ многое, обниметъ необъятное — и растворится въ розовомъ туманѣ всепримиряющаго прекраснодушія.

Но если въ этой доктринѣ есть много, слишкомъ много уязвимаго, знаменательно и симпатично индивидуальное настроеніе, ее создавшее. Мы не ошибемся назвавъ его настроеніемъ прозрѣвшей мысли. Она хранитъ былое уваженіе къ наукѣ, къ ея традиціямъ и носителямъ, но ей стала невыносима сухая „научность“, связанная съ нравственнымъ и общественнымъ безразличіемъ изслѣдователя. Личныя переживанія и лирическія ноты чувствуются въ этихъ спокойныхъ опредѣленіяхъ: „Научныя изысканія обращаются въ своего рода casse-tête'ы и становятся какъ бы особымъ видомъ умственнаго спорта, безкорыстнаго, но и безцѣльнаго; отчужденіе отъ жизни приводитъ къ атрофіи способностей откликаться на запросы жизни“. Этой атрофіи боится авторъ, и это открытое стремленіе идти впередъ, воспитать въ себѣ такую чуткость къ запросамъ жизни — лучшее впечатлѣніе, выносимое изъ его книжки.

И. М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія (преимущественно во время имперіи). Томъ I. СПБ. 1899.

Книга г. Гревса заслуживаетъ серьезнаго вниманія какъ спеціалистовъ-историковъ, такъ и вообще лицъ, интересующихся исторіею античнаго міра. При всемъ богатствѣ литературы, посвященной изученію этого міра, послѣдняя все же страдаетъ большими пробѣлами и отличается значительною односторонностью: филологическое изученіе древностей продолжаетъ еще занимать въ ней первенствующее мѣсто, сравнительно рѣдко уступая его широко поставленному историческому изслѣдованію. Особенно сильно сказывается это въ сферѣ явленій экономической исторіи, до сихъ поръ остающейся наименѣе освѣщенной въ наукѣ стороной жизни древняго греко-римскаго міра. Въ виду этого работа г. Гревса, ставящая своею цѣлью изслѣдованіе римскаго земельнаго строя, способна возбудить большой интересъ. Въ данномъ случаѣ онъ можетъ быть тѣмъ сильнѣе, что авторъ названной работы, стоя въ общемъ на чисто исторической точкѣ зрѣнія и проявляя богатую эрудицію въ избранной имъ для изученія спеціальной области, вмѣстѣ съ тѣмъ съумѣлъ придать своему труду такую литературную форму, которая позволяетъ ему разсчитывать на вниманіе широкихъ круговъ читающей публики.

Авторъ „Очерковъ“ не предполагаетъ, однако, дать въ нихъ систематическое изслѣдованіе затрогиваемаго ими общаго вопроса. Онъ намѣчаетъ для себя другой путь—частныхъ экскурсовъ, не лишенныхъ, впрочемъ, и обобщающаго элемента. „Возможно—говоритъ онъ—выдѣлить одно изъ наиболѣе существенныхъ теченій въ процессѣ земельной эволюціи и разсматривать его не только во внутренней послѣдовательности развитія, но и въ тѣсномъ взаимодѣйствіи съ другими явленіями исторической жизни народовъ римскаго міра, а также въ связи съ уясненіемъ значенія, которое принадлежитъ изучаемому вопросу, какъ фактору прогресса и упадка римскаго общественнаго строя и какъ прецеденту соціальнаго развитія средневѣковыхъ государственныхъ и національныхъ организмовъ“ (52—3). Съ этой точки зрѣнія авторъ центромъ задуманныхъ имъ работъ по эволюціи земельнаго строя Рима ставитъ вопросъ о развитіи императорскаго землевладѣнія и его соціальной роли. Къ разъясненію этого вопроса онъ опять-таки считаетъ необходимымъ идти путемъ частныхъ этюдовъ и очерковъ, лишь началомъ которыхъ является настоящая его книга. Подобные очерки, направленные къ рѣшенію какого-либо крупнаго вопроса, могутъ, по его представленію, имѣть своею непосредственною цѣлью толкованіе какого-либо одного источника, разъясненіе какого-нибудь особенно темнаго частнаго вопроса или, наконецъ, изслѣдованіе экономической дѣятельности того или другаго выдающагося отдѣльнаго лица; послѣдняго рода очеркамъ авторъ придаетъ даже особый терминъ „экономической біографіи“.

Приступая по изложенному методу къ своей работѣ, авторъ на первую очередь въ ряду подлежавшихъ его вѣдѣнію темъ поставилъ, дѣйствительно, коренной вопросъ о томъ, „насколько крупная земельная собственность была силою, объединявшею около себя все экономическое развитіе римской древности“ (55). Отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ предположилъ дать въ четырехъ спеціальныхъ этюдахъ. Изъ нихъ первый долженъ на основаніи матеріала, даваемаго стихотвореніями Горація, обрисовать въ общихъ чертахъ представленіе послѣдняго о современномъ ему римскомъ земельномъ строѣ. Во второмъ этюдѣ детально изучается фигура одного изъ носителей этого строя, путемъ изображенія „экономической біографіи“ Аттика, знаменитаго друга Цицерона. Третій очеркъ долженъ трактовать объ образованіи большого помѣстья и распространеніи крупнаго землевладѣнія въ римскомъ мірѣ ко времени утвержденія имперіи, и четвертый,—будучи посвященъ „экономической біографіи“ Плинія Младшаго, даетъ описаніе самаго организма латифундіи въ началѣ II вѣка по Р. Хр. Въ настоящей книгѣ г. Гревса помѣщены лишь два первые изъ этихъ очерковъ. Къ нимъ присоединены небольшая вводная глава, въ которой авторъ характеризуетъ предшествовавшую ему литературу и излагаетъ планъ собственнаго изслѣдованія, и обширное общее заключеніе, составляющее около трети книги. Здѣсь авторъ излагаетъ въ общихъ чертахъ и подвергаетъ критикѣ переработанную Бюхеромъ теорію Родбертуса объ экономическомъ строѣ древняго міра и возраженія, сдѣланныя на эту теорію Эд. Мейеромъ, стремясь такимъ путемъ составить и передать читателю общее представленіе о характерѣ хозяйственной жизни римскаго міра въ моментъ утвержденія имперіи.

Таковъ въ главныхъ чертахъ планъ работы г. Гревса, соединяющей въ себѣ мелкія детальныя изслѣдованія съ попытками широкаго обобщенія. Выполняя этотъ планъ, авторъ приходитъ къ любопытнымъ выводамъ. Его этюдъ о Гораціѣ распадается на двѣ части. Въ первой, посвященной опредѣленію имущественнаго положенія римскаго поэта, авторъ при помощи анализа показаній, извлекаемыхъ изъ сочиненій самого Горація, доказываетъ, что послѣдній принадлежалъ къ числу среднихъ землевладѣльцевъ своей эпохи. Во второй части онъ воспроизводитъ представленія Горація, а отчасти и другихъ современныхъ ему поэтовъ, о господствовавшихъ въ ихъ эпоху формахъ земельныхъ отношеній и о положеніи низшихъ земледѣльческихъ классовъ. Въ результатѣ онъ приходитъ къ заключенію объ обезземеленіи крестьянства и рѣшительномъ торжествѣ въ римскомъ мірѣ крупнаго землевладѣнія надъ мелкимъ и среднимъ ко времени утвержденія имперіи. Главная часть второго этюда, трактующая исторію созданія имущества Т. Помпонія Аттика, обрисовываетъ на типичномъ примѣрѣ процессъ образованія латифундіи, а въ концѣ этой части авторъ

даетъ характеристику политическихъ, философскихъ и этическихъ взглядовъ Аттика, какъ представителя римской аристократіи въ эпоху перехода отъ республики къ имперіи. Наконецъ, въ послѣдней части труда авторъ собираетъ наиболѣе общіе выводы предшествовавшаго своего изложенія, включая ихъ въ рамки теоріи Бюхера о замкнутомъ домашнемъ хозяйствѣ древняго Рима. Рѣшительно присоединяясь къ этой теоріи, онъ вноситъ въ нее нѣкоторыя поправки и вмѣстѣ съ тѣмъ энергично защищаетъ ее отъ возраженій, предъявленныхъ къ ней Мейеромъ.

Въ указанныхъ рамкахъ авторъ собираетъ богатый матеріалъ и при разработкѣ его даетъ немало цѣнныхъ наблюденій, замѣчаній и гипотезъ. Тѣмъ не менѣе едва-ли можно признать, что общая задача, которую онъ поставилъ своему труду, разрѣшается послѣднимъ вполнѣ удовлетворительно. Выше было отмѣчено, что изложеніе г. Гревса отличается тщательной, хотя—прибавимъ—и не всегда удачной, литературной отдѣлкой и проникнуто извѣстнымъ воодушевленіемъ. Но авторъ легко перегибаетъ дугу и по временамъ впадаетъ въ чрезмѣрно приподнятый тонъ, мало соотвѣтствующій существу того дѣла, о которомъ идетъ рѣчь, и потому не столько заражающій, сколько раздражающій читателя. Къ тому же за этимъ неестественно приподнятымъ тономъ рѣчи, изобилующимъ реторическими оборотами, у автора порою скрывается недостатокъ серьезной аргументаціи или же неясность теоретическихъ представленій. Послѣдняя нашла себѣ достаточно яркое выраженіе уже въ самомъ названіи „экономической біографіи“, которое авторъ придаетъ отдѣльнымъ частямъ своего труда приписывая, повидимому, этому термину серьезное методологическое значеніе. Но если возможна экономическая біографія, то въ равной мѣрѣ окажется возможной біографія политическая, художественная, научная и т. д. Не трудно видѣть однако же, что во всѣхъ случаяхъ подобнаго употребленія терминовъ мы имѣемъ дѣло съ типичной contradictio in adjecto. Подъ біографіей разумѣется изслѣдованіе жизни отдѣльнаго человѣка во всемъ комплексѣ составляющихъ ее явленій. Экономическій этюдъ, хотя бы и посвященный хозяйственной дѣятельности отдѣльнаго лица, еще не составитъ собою его біографіи, а, включивъ въ себя всѣ другія стороны жизни даннаго лица, такой этюдъ перестанетъ быть чисто экономическимъ. Тотъ образецъ „экономической біографіи“, который даетъ г. Гревсъ въ своемъ очеркѣ, посвященномъ Аттику, способенъ какъ нельзя болѣе подтвердить сказанное. Спеціальное экономическое изслѣдованіе и характеристика личности Аттика со стороны его умственныхъ воззрѣній и политическаго поведенія представляютъ здѣсь собою два самостоятельные этюда, механически соединенные, но плохо сливающіеся, чтобъ не сказать, совсѣмъ не сливающіеся въ одно цѣлое.

Наконецъ, самый методъ, избранный авторомъ,—замѣны систе-

матическаго изслѣдованія частными этюдами, имѣющими однако же своею цѣлью обобщенное представленіе,—чреватъ серьезными опасностями, и г. Гревсу, какъ намъ кажется, не вполнѣ удалось избѣжать ихъ. Подобный методъ, ставящій примѣрную иллюстрацію на мѣсто систематическаго изслѣдованія всего подлежащаго изученію вопроса, вообще сопряженъ съ большимъ рискомъ, но съ нѣкоторымъ удобствомъ онъ можетъ еще быть употребляемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда выбираемые для иллюстраціи примѣры содержатъ въ себѣ богатый и разносторонній матеріалъ. Съ примѣрами, легшими въ основаніе этюдовъ г. Гревса, дѣло стоитъ какъ разъ наоборотъ. Всѣ имѣющіяся у насъ свѣдѣнія объ имѣніи Горація и о хозяйственной дѣятельности Аттика крайне скудны и неопредѣленны. Чтобы придать имъ бо́льшую точность и увеличить ихъ запасъ, автору приходится предпринимать очень сложную работу детальнаго анализа мелочныхъ свидѣтельствъ источниковъ. Стремясь расширить черезчуръ узкій фундаментъ своего построенія, онъ нерѣдко заходитъ въ этой работѣ черезчуръ далеко и вымучиваетъ у своихъ источниковъ показанія, которыхъ они въ сущности не даютъ, или же прибѣгаетъ къ крайне шаткимъ гипотезамъ, построеннымъ по преимуществу на аналогіи. Такъ, авторъ изъ словъ Горація: „возвращаюсь домой“ дѣлаетъ заключеніе, что у него былъ домъ въ Римѣ (88), а изъ нѣсколькихъ бѣглыхъ упоминаній поэта объ его сабинскомъ помѣстьѣ создаетъ подробную, хотя, къ сожалѣнію, и остающуюся мало достовѣрной, картину послѣдняго. „Нужно думать“, говоритъ онъ, что изъ дома Горація „вышло уютное и комфортабельное зданіе“ (102). Въ саду поэта, „нужно думать, замѣчались нѣкоторыя насажденія“: въ немъ, „можетъ быть“, была прямая аллея, „вѣроятно“, была живая ограда кустарника, „можетъ быть“, были бесѣдки и изгороди изъ плюща и, „несомнѣнно, Горацій долженъ былъ позаботиться“ о цвѣточныхъ клумбахъ (103). Но Горацій „былъ человѣкъ экономный и практичный“ и поэтому надо представлять себѣ, что садъ поэта былъ главнымъ образомъ фруктовый“ (105). Поэтъ владѣлъ плохимъ виноградникомъ и по какимъ-то дѣламъ ѣздилъ въ Римъ; отсюда „очень возможно предположить, что онъ выдерживалъ свое плохое вино въ погребѣ и небольшой излишекъ продавалъ“ (108—9); „можетъ быть“, былъ у него на продажу и излишекъ хлѣба (111). Въ его стадѣ „первенствовали быки, вѣроятно, также бараны и овцы, мулы, можетъ быть, лошади и, несомнѣнно, свиньи“ (113). Почти такой же характеръ носитъ и вся картина помѣстья Горація. Если эта чрезмѣрно гипотетическая картина и сохраняетъ нѣкоторое значеніе, то исключительно благодаря аналогіямъ, которыми богато обставилъ ее авторъ, но которыя съ гораздо большимъ успѣхомъ могли бы быть употреблены въ качествѣ самостоятельнаго матеріала для возсо-

зданія общей картины домашняго быта и сельскаго хозяйства римлянъ.

То же самое, и, пожалуй, еще въ большей мѣрѣ, можно повторить и относительно того этюда г. Гревса, въ центрѣ котораго имъ поставлена личность Аттика. Всѣ достовѣрныя свѣдѣнія объ образованіи состоянія Аттика и объ его хозяйственной дѣятельности сводятся къ весьма немногому. Мы знаемъ, что Аттикъ получилъ отъ отца не особенно значительное наслѣдство, затѣмъ, переѣхавъ въ Грецію, купилъ помѣстье въ Эпирѣ и занимался раздачей денегъ въ ростъ, книгоиздательствомъ и книготорговлей. Позднѣе, переселившись опять въ столицу, онъ, кромѣ своего эпирскаго имѣнія, владѣлъ помѣстьями около Арретія и Номента и держалъ стада овецъ въ Апуліи. Вотъ и все. Передача и комментированіе этихъ немногосложныхъ свѣдѣній занимаютъ однако въ книгѣ г. Гревса болѣе сотни страницъ. За то на этихъ страницахъ мы встрѣчаемъ множество гипотезъ, частью совершенно произвольныхъ, частью основанныхъ исключительно на аналогіи. По словамъ автора, Аттикъ, „должно быть", получилъ кромѣ отцовскаго и другія наслѣдства, заключавшіяся, какъ мы „можемъ предполагать", въ землѣ. Купленныя имъ въ Эпирѣ земли, „нужно думать, были обширны съ самаго начала". „Очень возможно", что въ своихъ денежныхъ операціяхъ Аттикъ прикрывался подставными лицами. Точно такъ же „очень можетъ быть", что онъ женился по разсчету, хотя происхожденіе его жены и средства ея отца неизвѣстны (252, 253, 257, 266—7, 284). Не менѣе гипотетично и описаніе владѣній Аттика въ ту эпоху, когда его состояніе окончательно сложилось. Его городская резиденція „должна была занимать обширную площадь"; сверхъ того „нельзя сомнѣваться", что онъ строилъ дома для отдачи въ наемъ рабочему люду и, „нужно думать", имѣлъ еще другіе—для сдачи пріѣзжей провинціальной знати; „весьма вѣроятно, что онъ не ограничивалъ этого промысла Римомъ" (295, 299—300, 305). Съ такими же основаніями авторъ догадывается, что у Аттика могли быть и подгородные участки земли, „которые, весьма возможно, были даже довольно значительны", и опредѣляетъ возможное хозяйство на этихъ вѣроятныхъ земляхъ (306 — 317). Италійскія помѣстья Аттика должны были давать ему крупный доходъ, разъ онъ удерживалъ ихъ за собою. Они должны были быть и велики, номентанское—потому, что Аттикъ не владѣлъ бы незначительнымъ клочкомъ земли, арретинское—потому, что въ Этруріи была сильно развита крупная собственность. У Аттика были, далѣе, овцы въ Апуліи, слѣдовательно, онъ „долженъ былъ обладать собственными землями" въ ней, но „весьма возможно, что своихъ пастбищъ не хватало Аттику, конечно, стремившемуся постоянно расширять овцеводство". Несомнѣнно, „онъ занималъ государственные выгоны въ Апуліи, вѣроятно, для многихъ тысячъ головъ скота" и

„ему также, навѣрно, необходимо было прибѣгать къ самнитскимъ общественнымъ угодьямъ для удовлетворительнаго помѣщенія своихъ, быть можетъ, очень дорогихъ тонкорунныхъ овецъ въ лѣтнее время“ (317—19, 322—24). Рядъ дальнѣйшихъ предположеній о томъ, какъ и гдѣ могли составиться провинціальныя владѣнія Аттика, авторъ заключаетъ новымъ рядомъ предположеній о характерѣ хозяйства въ его имѣніяхъ (338—52, 352—63). Слѣдуетъ сказать, что и въ этомъ отдѣлѣ книги разбросано много цѣнныхъ замѣчаній и указаній на важные факты, но всѣ они обречены на чисто служебную роль аналогій для поддержки явно несостоятельныхъ гипотетическихъ утвержденій и легко затериваются среди послѣднихъ.

Легко видѣть, что подготовленный такимъ образомъ фундаментъ не даетъ прочной опоры для широкихъ синтетическихъ построеній. Между этими послѣдними и частными этюдами — на нашъ взглядъ, въ данномъ случаѣ едва-ли и необходимыми въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ далъ авторъ,—должно еще лечь систематическое изслѣдованіе вопроса. Въ виду этого авторъ врядъ-ли поступилъ удачно, соединивъ съ разобранными этюдами особый очеркъ, посвященный общей повѣркѣ теоріи Бюхера въ ея приложеніи къ римской исторіи. Ограничиваясь предѣлами послѣдней, авторъ съ видимою убѣдительностью критикуетъ возраженія Мейера, направленныя противъ названной теоріи. Сила этой критики значительно ослабляется однако тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ ограничивается лишь общимъ абрисомъ изображаемаго имъ экономическаго процесса, не развивая детально своихъ положеній, а лишь обѣщая сдѣлать это въ будущемъ. Синтезъ оказывается такимъ образомъ нѣсколько преждевременнымъ, настолько даже преждевременнымъ, что авторъ въ защиту своихъ гипотетическихъ построеній вынужденъ даже ссылаться на „добросовѣстную научную вѣру“, ихъ вызывающую (618). „Добросовѣстная вѣра“ — это, конечно, простой плеоназмъ. Но „научная вѣра“—это такая contradictio in adjecto, самая возможность которой свидѣтельствуетъ о серьезномъ недостаткѣ аргументовъ. Мы не сомнѣваемся, что современемъ г. Гревсъ выставитъ необходимые аргументы въ пользу защищаемыхъ имъ положеній, но думаемъ, что это случится тѣмъ скорѣе, чѣмъ раньше онъ перейдетъ на путь обѣщаннаго имъ систематическаго изслѣдованія исторіи римскаго землевладѣнія. Настоящая его работа, представляя и сама по себѣ немалый интересъ, вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно свидѣтельствуетъ, что въ его распоряженіи находятся всѣ данныя для подобнаго изслѣдованія, и въ виду этого остается лишь пожелать скорѣйшаго появленія послѣдняго.

I. Фолькельтъ, проф. Лейпцигск. унив. **Современные вопросы эстетики.** Переводъ съ нѣмецкаго Н. Штрупа. Спб. 1900.

Какъ-бы въ разрѣзъ съ своимъ многообѣщающимъ заглавіемъ, книга Фолькельта и дурными, и хорошими своими сторонами напоминаетъ отчасти эстетическіе труды добраго стараго времени. Она также мало опредѣленна въ своихъ точныхъ и строгихъ опредѣленіяхъ, она также отстаиваетъ нормативную точку зрѣнія, желая создать изъ эстетики науку не о томъ, что есть, а о томъ, чему, по мнѣнію эстетиковъ, быть надлежитъ.

Но недостаточно значительная въ томъ, что касается современной эстетики, она весьма интересна въ той части, которая относится къ современному искусству: какъ и въ старыхъ эстетическихъ трудахъ, критическая сторона въ ней гораздо интереснѣе, чѣмъ теоретическая. Явленія современнаго натурализма получаютъ особенно правильную оцѣнку въ книгѣ Фолькельта; авторъ охватываетъ всю пеструю и многообразную область искусства конца вѣка увѣреннымъ обобщающимъ взглядомъ и умѣетъ найти въ этомъ разнообразіи черты глубокаго внутренняго сходства. Съ полнымъ правомъ считаетъ онъ новѣйшія модныя теченія, занесенныя изъ Франціи также въ Германію, не отрицаніемъ натурализма, какъ это провозглашали поборники этихъ теченій, а, наоборотъ, его логическимъ развитіемъ, повторяющимъ его недостатки и вносящимъ кой-что плодотворное въ его художественныя достоинства. Онъ удачно опредѣляетъ значеніе индивидуализма въ искусствѣ, столь преувеличиваемое въ послѣдне время.

Первое проявленіе этого движенія — переоцѣнка самобытной личности художника, въ отвѣтъ на которую Фолькельтъ съ грустью замѣчаетъ: „что имъ (нынѣшнимъ художникамъ) за дѣло до настоящей цѣнности ихъ произведеній, если вся суть искусства въ томъ, чтобы сумѣть выставить собственное *я* художника въ интересномъ освѣщеніи! Даже большіе художники нашего времени не свободны отъ этого интересничанья; въ созданіяхъ Гете особенно дорого и пріятно исчезновеніе авторской личности въ изображаемомъ предметѣ; у него личное творчество превращается въ созданіе произведенія ради него самого, и личность творца не стремится высказаться въ чемъ-то особенномъ помимо изображаемаго и признаваемаго цѣннымъ предмета. Въ результатѣ получается оригинальное воззрѣніе, но эта своеобразная субъективность насквозь проникнута стремленіемъ правильно изобразить избранный предметъ, и только“. И, очевидно, такова ужъ судьба новѣйшаго индивидуализма — наши „цимбалисты“ имѣютъ на западѣ не только превосходные образцы, которымъ они не умѣютъ подражать, но и собратьевъ—такихъ-же второстепенныхъ по дарованію кривлякъ, старающихся замѣнить амуницію амбиціей. Къ ихъ свѣдѣнію: „когда страсть къ оригинальности овладѣваетъ мелкими людьми, то получается совершенно особый отвратительный

родъ ломанья и кокетства; за гигантскими чувствами всюду просвѣчиваетъ маленькое я, старающееся во что бы то ни стало казаться великимъ. На лирическихъ изліяніяхъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ поэтовъ особенно замѣтно, какъ они готовы почти лопнуть отъ тщеславнаго старанія выразить нѣчто необычайное, неслыханное. Точно также и картины, которыя въ самомъ лучшемъ случаѣ могли-бы сойти за интересныя пробы красокъ и кисти, изъявляютъ претензіи быть крупными, цѣнными художественными произведеніями. Если-же онѣ немедленно не удостоиваются большого успѣха, то всѣ эти юные и юнѣйшіе художники вмѣстѣ со своими покровителями принимаютъ дико-озлобленный видъ и начинаютъ кричать, что ихъ не желаютъ признать и давятъ старые обветшавшіе авторитеты".

Другія проявленія этого индивидуализма — преувеличеніе значенія художественной техники, новыя этическія построенія, фантастика и мистика—охарактеризованы также ясно и поучительно. Можно со многимъ не согласиться въ лекціяхъ Фолькельта; съ этой стороны особенно характерны его комическія разсужденія объ „опасномъ дѣйствіи" произведеній вродѣ „Жерминаль" Зола и „Ткачей" Гауптмана, гдѣ „владѣльцы фабрикъ и заводовъ изображаются въ видѣ грубыхъ кулаковъ, а относительно обязанностей и погрѣшностей со стороны рабочихъ нѣтъ и рѣчи".

Но очень многое въ этой книгѣ очень интересно: много неизвѣстныхъ фактовъ изъ новѣйшей исторіи нѣмецкой литературы— и не только художественной—и еще больше соображеній, надъ которыми стоитъ задуматься,—хотя-бы для того, чтобы самостоятельно и увѣренно отвергнуть ихъ.

Переводъ книжки сдѣланъ старательно и литературно; но— судя по тому, что „Das hohe Lied" (пѣснь пѣсней) переведено *Высокая пѣсня*,—очевидно, въ переводѣ не все благополучно.

Арс. Введенскій. Общественное самосознаніе въ русской литературѣ. Критическіе очерки. Спб. 1900.

Нѣкоторые изъ очерковъ, собранныхъ въ этой книгѣ, мы, помнится, встрѣчали когда-то въ „Нивѣ", гдѣ они носили скромное названіе „Критическія (или литературныя?) миніатюры". Тамъ, на страницахъ семейнаго журнала, разнообразнымъ читателямъ котораго полезно отъ времени до времени сообщать, что дважды два четыре, а Пушкинъ великій писатель, тамъ были, быть можетъ, вполнѣ умѣстны эти стилистическія упражненія. Но когда они вновь напоминаютъ о себѣ, появляясь въ видѣ солиднаго труда съ импонирующимъ заглавіемъ, то они обращаютъ на себя вниманіе и заставляютъ сказать, чего они стоятъ.

Г. Введенскій предназначаетъ свою книгу, „для того обширнаго круга читателей, которые знакомы съ главнѣйшими произ-

ПЕХОТНАГО ПОЛКА. № 141-го ОФИЦЕРСКАЯ БИБЛІОТЕКА

веденіями русской художественной литературы, мало знакомы съ критикой, а также для людей, начинающихъ знакомиться съ литературой". На что имъ понадобится книга г. Введенскаго вялая и банальная, остается тайной. Намъ кажется, что для знакомства съ литературой нужна литература, а не разговоры о ней. Кто, прочитавъ главнѣйшія произведенія русской художественной литературы, захочетъ идти дальше, имѣетъ предъ собой необозримое поле, и время, потраченное на книгу г. Введенскаго, будетъ потеряно совсѣмъ напрасно. Къ тому-же непосредственное знакомство съ посвященной этимъ главнѣйшимъ произведеніямъ русской критикой—которая, право, не менѣе доступна среднему читателю, чѣмъ работа г. Введенскаго, желающая замѣстить ее,—дало-бы этому читателю болѣе правильное представленіе о ней, чѣмъ лежащая предъ нами книга. Здѣсь, напримѣръ, говорится, что „Достоевскій, изображая преимущественно душевные процессы и сторонясь, по свойству своего дарованія, отъ изображенія внѣшней, бытовой стороны жизни, не „выдерживалъ" „реальной" критики. Къ нему не примѣнимы были тѣ требованія, которыя предъявлялись къ произведеніямъ натуралистическимъ". А если эти требованія примѣнялись къ нему, то естественно получался выводъ о его „слабомъ художественномъ чутьѣ". Здѣсь что ни слово, то ошибка. „Реальная" критика изучала Достоевскаго тогда, когда критика не реальная не знала, съ какой стороны къ нему подступиться. „Реальная" критика никогда не требовала ни отъ кого исключительнаго „изображенія внѣшней, бытовой стороны жизни" и всегда считала Достоевскаго великимъ реалистомъ, расходясь въ этомъ съ позднѣйшей критикой, которая видѣла въ немъ ясновидящаго и фантаста. Нѣкоторые второстепенные представители „реальной" критики, какъ, напримѣръ, Никитинъ, чувствуя мало склонности къ общественному и политическому направленію автора „Бѣсовъ", усматривали въ томъ или иномъ его произведеніи признаки пониженія таланта, но это было вовсе не потому, что онъ „изображалъ преимущественно душевные процессы". Г. Введенскій намекаетъ на то, что „реальной" критикѣ Достоевскій не нравился, какъ художникъ, потому, что не удовлетворялъ ее, какъ публицистъ. Но не забудемъ, что словечко о „слабомъ художественномъ чутьѣ" Достоевскаго брошено Добролюбовымъ, который считалъ это чутье „здраво направленнымъ"—мелочь, спрятанная г. Введенскимъ, — и что, наоборотъ, другой представитель „реальной" критики, относясь весьма неодобрительно къ тенденціямъ Достоевскаго, считалъ его „жестокій" талантъ талантомъ громаднымъ. Таковы факты.

И надо сказать правду, — мы не занялись бы этими исправленіями, если бы дѣло переходило за предѣлы устраненія фактическихъ неточностей. Потому что спорить и соглашаться съ мнѣніями, высказанными въ этой книгѣ, не къ чему: можно спокойно

считать себя свободнымъ отъ нужды полемизировать съ гимназическимъ сочиненіемъ. Не говоримъ ужъ о случайности матеріала, которую авторъ скромно называетъ неполнотой. Достаточно сказать, что въ книгѣ, трактующей объ „Общественномъ самосознаніи въ русской литературѣ", нѣтъ главъ, посвященныхъ русской публицистикѣ и критикѣ, и ничего не говорится о цѣломъ рядѣ крупнѣйшихъ художниковъ—ни слова о Гончаровѣ, Писемскомъ, Островскомъ, Щедринѣ, Успенскомъ. Изъ произведеній Льва Толстого разсмотрѣна только „Смерть Ивана Ильича"—и авторъ думаетъ, что объ этомъ достаточно заявить въ предисловіи, чтобы сбросить себя столь непосильную обузу. Впрочемъ, самъ авторъ, передавая свою книгу потомству черезъ головы современниковъ, „продолженіе начатаго дѣла оставляетъ будущему". Это заявленіе неподражаемо. Авторъ этихъ общихъ мѣстъ полагаетъ, что онъ что-то „началъ" и что тутъ можно и слѣдуетъ что-то продолжать. Мы думаемъ, что будущему придется начать сначала. Продолжатели у г. Введенскаго, конечно, найдутся: великъ и безсмертенъ родъ людей, одержимыхъ заразой пустословія. Но несомнѣнно, въ будущую книгу объ „Общественномъ самосознаніи въ русской литературѣ" не войдетъ ни крупинки изъ разговоровъ г. Введенскаго, выдаваемыхъ за таковую.

Л. Гумпловичъ. Соціологическіе очерки. Переводъ съ нѣмецкаго М. Э. Гуковскаго. Одесса 1899.

Новая книга Гумпловича, представляющая собою рядъ отдѣльныхъ статей, заключаетъ въ себѣ много интереснаго, какъ и все, что выходитъ изъ подъ пера этого талантливаго и оригинальнаго автора. Не смотря на свой небольшой объемъ (всего 68 страницъ), „Соціологическіе очерки" затрогиваютъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ и очень важныхъ вопросовъ соціологіи и даютъ имъ опредѣленное рѣшеніе въ духѣ общаго міровоззрѣнія автора.

Книга будетъ очень полезна для читателей, незнакомыхъ съ другими, болѣе обширными трудами Гумпловича. Однако, и для тѣхъ, кто знаетъ его главные труды „Соціологическіе очерки" могутъ быть полезны для выясненія какъ отдѣльныхъ деталей, такъ и общаго характера міросозерцанія Гумпловича. Особенно интересна въ этомъ смыслѣ послѣдняя статья сборника: „Рождаемость во Франціи", въ которой ярко обнаруживается характерная черта его міровоззрѣнія—соціологическій фатализмъ.

Статья „Индивидумъ, группа и окружающая среда" посвящена развитію той мысли, что соціальныя группы „должны сдѣлаться исходнымъ пунктомъ, основою соціологіи, такъ какъ именно онѣ являются строго закономѣрными факторами общественнаго развитія, и, основываясь на нихъ, мы можемъ съ достовѣрностью опредѣлить законы, по которымъ идетъ развитіе общества" (стр. 6).

Что же касается отдѣльной личности, то она „какъ въ духовномъ, такъ и въ соціальномъ отношеніи является лишь атомомъ послѣдней и должна поэтому разсматриваться въ соціологіи, какъ факторъ, не имѣющій никакого или безконечно малое значеніе“ (стр. 7). „Въ статьѣ „Что такое право?“ Гумпловичъ критикуетъ ходячія воззрѣнія на право современныхъ ученыхъ юристовъ и старается обосновать свое опредѣленіе права, какъ границы, „установленной болѣе сильной группой и отдѣляющей сферу ея дѣятельности отъ сферы дѣятельности болѣе слабой соціальной группы“ (26).

По мнѣнію Гумпловича, эта сущность права „съ особенной яркостью и очевидностью обнаруживается въ уголовномъ правѣ вообще и въ постановленіяхъ относительно политическихъ преступленій въ частности. Само собою разумѣется, что особенно характерными въ этомъ отношеніи являются мѣры, принимаемыя въ „смутное“ время. Здѣсь даже для слѣпого очевидно, что стоящая у власти группа въ зависимости отъ своего могущества налагаетъ кары за всякое посягательство на ихъ власть или даже за простое обнаруженіе недозволеннаго взгляда или плана“ (28).

Статья „Преступленіе, какъ соціальное явленіе“ представляетъ собою поучительную и основательную критику ученія Ламброзо и его школы о „прирожденномъ преступникѣ“. Анализируя главныя положенія этой школы, Гумпловичъ (вслѣдъ за Беромъ, авторомъ книги „Преступникъ въ антропологическомъ отношеніи“) приходитъ къ заключенію, что „всѣ признаки, которые были выставлены представителями позитивной школы, какъ характерныя особенности преступниковъ“,—оказались неосновательными: люди не рождаются, а дѣлаются преступниками.

„Преступниковъ создаетъ общество и оно, такимъ образомъ, караетъ за преступленія, въ которыхъ повинно оно же“. Въ заключеніе, Гумпловичъ высказываетъ пожеланіе, „чтобы соціологія посмотрѣла на преступленіе со своей точки зрѣнія и помогла распространенію среди законодателей, которые занимаются придумываніемъ различныхъ утонченныхъ наказаній, мысли о томъ, что мы наказываемъ преступника только въ силу присущаго намъ стремленія свалить на кого-либо вину и, такимъ образомъ, облегчить свое сердце. Если, наконецъ, мы при помощи соціологіи и ученія о соціальной средѣ узнаемъ настоящій источникъ преступленій, то тогда число ихъ сократится, хотя бы уже потому, что мы убережемся отъ тѣхъ изъ преступленій, которыя совершаются на основаніи права“ (49).

Основы административной психіатріи. Составилъ **П. Якобій,** директоръ орловской земской психіатрической больницы и т. д. Мотивировка къ ходатайствамъ орловскаго, пензенскаго, воронежскаго и др. земствъ объ организаціи психіатрическаго дѣла въ Россіи и о законодательствѣ объ умалишенныхъ. Орелъ. 1900 г.

По иниціативѣ д-ра Якобія орловское земство постановило ходатайствовать передъ правительствомъ: „а) объ организаціи судебно-психіатрическаго дѣла и освобожденіи отъ него, согласно закону, земской больницы; б) о спеціальномъ гражданскомъ и административномъ законодательствѣ относительно душевно-больныхъ и психіатрическихъ больницъ“ (стр. 636).

Разсматриваемая нами книга является „мотивировкой“ къ этому ходатайству. „Предлагаемая книга,—говоритъ авторъ (стр. 1),—не есть выраженіе теоретическихъ идей, она есть результатъ жизненной практики; она сложилась постепенно, по мѣрѣ того, какъ передъ пишущимъ раскрывалась мрачная картина русской психіатріи“.

Картина, рисуемая авторомъ, по-истинѣ безотрадна; ничтожное количество больницъ, переполненіе ихъ свыше всякой мѣры, первобытное ихъ устройство и грубое неумѣлое обращеніе съ больными—такими чертами вообще можно характеризовать состояніе психіатрическаго дѣла въ Россіи. Мы могли-бы наполнить десятки страницъ слѣдующаго рода выписками: Въ Смоленскѣ: „помѣщеніе для умалишенныхъ... до невозможности грязно, тѣсно, вонюче и безобразно... Трудно передать словами, что происходитъ въ этомъ отдѣленіи. За недостаткомъ въ конурахъ мѣста для помѣщенія соотвѣтствующаго числа коекъ, больные лежатъ по два и даже по три на одной койкѣ или подъ койками. Есть конура, гдѣ помѣщаются отъ 12 до 14 человѣкъ. Видъ больныхъ поражающій; почти у всѣхъ блѣдныя, истощенныя лица, многіе походятъ на скелеты, обтянутые кожей... Воздухъ въ отдѣленіи отъ крайней скученности и по невозможности наблюдать какую-либо чистоту, вслѣдствіе постоянныхъ выдѣленій экскрементовъ, мочи, сырости—поражающій; нельзя безъ тяжелой душевной боли смотрѣть на это безобразіе“ (стр. 3). Въ Рязани: „омертвѣніе правой руки и смерть послѣ наложенія смирительной рубашки у больного“ (стр. 3). „Въ Одессѣ въ 1883 г. съѣзду естествоиспытателей и врачей старшій врачъ д-ръ Грязновъ показывалъ клѣтку, куда запирались душевно-больные... Тогда-же и тамъ-же д-ръ Андрузскій демонстрировалъ съѣзду душевно-больную, которая въ этой клѣткѣ просидѣла 12 лѣтъ связанной, такъ что разучилась даже ѣсть руками“ (стр. 4). „Десятый кругъ Дантова ада представлялъ-бы собою красноярскій желтый домъ“ (стр. 4). „Битье больныхъ вошло настолько въ обычай, что служители bona fide спрашивали, что-же дѣлать съ больными, если они безпокойны“ (стр. 10).

Таково современное положеніе психіатрическаго дѣла въ Россіи.

„Чаша страданія больныхъ и горя семей переполнилась,—говоритъ нашъ авторъ (стр. 1),—и всѣ стоящіе близко къ психіатрическому дѣлу обязаны указать государству и обществу дѣйствительное его положеніе“. „Всѣ усилія земствъ (въ не-земскихъ губерніяхъ ничего не дѣлается) разбиваются объ установившуюся вопреки закону судебную и административную рутину; затраты земства на психіатрическое дѣло оказываются мало производительными частью вслѣдствіе неудовлетворительности русскаго законодательства, частью вслѣдствіе постояннаго какъ-бы нормальнаго нарушенія, какъ только дѣло идетъ о душевно-больныхъ, не только положительнаго закона, но и десяти заповѣдей, и, наконецъ, вслѣдствіе полнаго отсутствія законной гарантіи, какъ умалишенныхъ въ ихъ личныхъ и имущественныхъ правахъ, такъ и психіатрическихъ больницъ въ ихъ правильномъ и цѣлесообразномъ функціонированіи (стр. 3).

Одинъ изъ главныхъ тормазовъ, задерживающихъ развитіе психіатрическаго дѣла въ Россіи, это—смѣшеніе судебно-полицейской точки зрѣнія съ точкою зрѣнія научно-врачебною. „Полицейскій взглядъ на психіатрическую больницу не какъ на медицинскую помощь страдающимъ, а какъ на средство гарантировать здоровыхъ отъ „опасныхъ“ душевно-больныхъ, убиваетъ всякую психіатрическую организацію и обращаетъ „заведеніе для умалишенныхъ“ въ застѣнокъ, и только въ лучшемъ случаѣ въ безплодную богадѣльню. И пока этотъ взглядъ не измѣнится, пока больница не потеряетъ своего полицейскаго предупредительнаго и карательнаго характера и не сдѣлается исключительно медицинскимъ институтомъ, она не можетъ удовлетворять своимъ гуманнымъ врачебнымъ задачамъ“ (стр. 590).

Однимъ изъ послѣдствій подобнаго смѣшенія понятій является взваливаніе на психіатрическую больницу и ея врачей судебно-медицинской экспертизы. Нашъ авторъ подробно (стр. 574—585) доказываетъ, что эта практика установилась вопреки закону, что она „незаконна“ и „противозаконна“. А между тѣмъ, благодаря ей, вырабатывается даже такой взглядъ, что „законъ запрещаетъ лѣчить, а нужно только смотрѣть, чтобы сумасшедшіе не ушли“ (стр. 592). Авторъ высказываетъ такое положеніе: „изъ трагическаго дома умалишенныхъ можетъ выходить только опереточная экспертиза“ (стр. 590). Въ подтвержденіе этого взгляда онъ приводитъ, напримѣръ, такую экспертизу.

«№ 740. Иванъ Павловъ Грядуновъ. Арестантъ, крестьянскій мальчикъ. Поступилъ при отношеніи орловскаго окружнаго суда. Observendus.

27 (іюня) препровожденъ въ больницу на испытаніе отъ глухонѣмоты.

25 (?) Увѣдомить, что по испытаніи оказалось, что больной дѣйствительно глухонѣмой.

(Подпись врача).

Январь 1—30. Въ одинаковомъ состояніи.

Февраль—мартъ. } Тоже.
Апрѣль—май. }
Іюль—августъ. Въ одинаковомъ состояніи.
Сентябрь—декабрь. Тоже.
Январь—мартъ. Тоже.
Апрѣль—май. Въ одинаковомъ состояніи.
Іюнь 1. Тоже.
» 15. »
» 23. Отданъ на поруки отцу.

Помѣчено: «выздоровѣлъ».
(Подпись врача).

Эта запись представляетъ *два года* жизни мальчика" (стр. 590—1).

Это уже не одна оперетка! Еще болѣе неопереточнаго элемента въ той экспертизѣ, которая тянулась *семь лѣтъ* (стр. 591). Или, напримѣръ, такъ случай: „Ч., сынъ тайнаго совѣтника, нигдѣ не окончившій курса, долгое время не могъ остановиться на выборѣ карьеры: то поступалъ послушникомъ въ монастырь, то письмоводителемъ въ полицейское управленіе. На ужинѣ у арфистокъ онъ надѣлалъ дерзостей исправнику, и былъ помѣщенъ *на испытаніе въ психіатрическую больницу* (!!!), гдѣ пишущій и нашелъ его при своемъ поступленіи на службу. Случай былъ неясный, потребовалъ дополнительныхъ свѣдѣній, и Ч., по дѣлу о дерзости исправнику, провелъ въ „домѣ умалишенныхъ" *годъ*, съ 7 іюня 1893 г. по 28 мая 1894 г.".

Этотъ послѣдній случай естественно приводитъ насъ къ другому вопросу, разсматриваемому нашимъ авторомъ, къ вопросу объ огражденіи общества отъ преступленій душевно-больныхъ и объ огражденіи душевно-больныхъ отъ эгоизма здоровыхъ.

Наше законодательство въ этомъ отношеніи особенно несовершенно. Такъ, напримѣръ, ст. 376, т. X гласитъ: „Имущество признанныхъ безумными или сумасшедшими отдается на управленіе ихъ наслѣдникамъ, съ запрещеніемъ продавать или закладывать что-либо изъ онаго при жизни владѣльца, и съ обязанностью остающіеся за законными издержками доходы сохранять въ цѣлости". Такимъ образомъ, эта статья не обязываетъ наслѣдниковъ содержать больныхъ соотвѣтственно ихъ средствамъ, ибо выраженіе „законныя издержки" (дозволяемыя, а не предписываемыя закономъ) весьма неопредѣленно и легко можетъ быть истолковано лишь въ смыслѣ „законныхъ" издержекъ при управленіи имуществомъ, благодаря чему даже состоятельные больные могутъ быть помѣщаемы на безплатное содержаніе.

Нашъ авторъ является горячимъ защитникомъ интересовъ больныхъ. Онъ возмущается тѣмъ обстоятельствомъ, что и въ нашей судебно-административной практикѣ, и среди нашихъ психіатровъ господствующимъ настроеніемъ является не столько забота о пользѣ больныхъ, сколько желаніе оградить общество отъ вреда, могущаго быть причиненнымъ этими больными. Онъ говоритъ (стр. 620—1): „Легенда объ опасности, грозящей обществу отъ

душевно-больныхъ, созданная рядомъ статей закона и усердно поддерживаемая нѣкоторыми врачами-психіатрами, находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ статистическими данными; она не менѣе рѣзко противорѣчитъ и жизненнымъ фактамъ. Дѣйствительно, существуютъ страны, гдѣ вопросъ объ опасности душевно-больныхъ совершенно выпалъ изъ заботъ государства и психіатріи, и все психіатрическое дѣло настроено только и исключительно на почвѣ врачебной помощи; къ такимъ странамъ принадлежитъ Англія, Шотландія, Ирландія, Голландія, Данія, Швеція, почти вся Германія. Неужели они отданы на разграбленіе умалишеннымъ? До сего времени никто еще не говорилъ, чтобы въ нихъ личная и общественная безопасность была не достаточно гарантирована".

Авторъ указываетъ на статистику Бельгіи, изъ которой видно, что преступность умалишенныхъ „въ десять разъ меньше преступности здороваго насесенія" (стр. 617). Этотъ взглядъ на больныхъ, какъ на возможныхъ преступниковъ, особенно въ виду вышеотмѣченнаго смѣшенія больницы съ мѣстомъ для судебно-медицинской экспертизы, является значительнымъ тормазомъ въ развитіи психіатрическаго дѣла въ Россіи. Нашъ авторъ сочувственно цитируетъ (стр. 148) слѣдующіе тезисы д-ра Шарпантье:

1) Душевно-больные суть больные.
2) Психіатрическія больницы суть больницы.
3) Врачи-психіатры суть врачи, и ошибочно смѣшивать ихъ съ смотрителями мѣстъ заключенія.
4) Больныхъ въ больницу должно «*класть*», а не «сажать».
5) Нѣтъ основанія обращаться съ больными болѣе жестоко, чѣмъ со здоровыми.
6) Больница имѣетъ задачею благо больныхъ, а не удобство здоровыхъ.
7) Душевно-больные суть страждущіе люди, а не «*соръ*».
8) Удаленіе «*сора*» есть обязанность и задача не врача-психіатра, а лица совсѣмъ другой профессіи.
9) Неблагоразумно дѣлать дѣло, за которое другой получаетъ жалованье.
10) *Держать* въ «домѣ умалишенныхъ» здороваго человѣка *два года*— столь-же неправильно, какъ и «*засадить*» его туда на *два часа*.

Причины болѣзней. Составилъ врачъ **Л. Полонскій.** Возможность предупрежденія недуговъ при помощи всесторонняго изученія болѣзнетворныхъ причинъ Спб. 1900.

Лѣченіе болѣзней силами природы. Составилъ врачъ **Л. Полонскій.** Спб. 1900

Первую изъ этихъ популярно-написанныхъ брошюръ можно рекомендовать въ качествѣ довольно удовлетворительной книжки „для первоначальнаго чтенія" Жаль только, что авторъ (предназначившій свою брошюру, конечно, для самыхъ неподготовленныхъ читателей) не всегда воздерживается отъ такихъ выраженій, какъ „агенты", „тканевые элементы" „механическія причины" и т. п., а, напр., воздухъ онъ измѣряетъ неизвѣстными народу „литрами".

Что касается второй брошюры, то цѣль ея, повидимому, нѣсколько иная: она предназначена скорѣе для той такъ называемой образованной (лучше сказать полуобразованной) публики, которая увлекается разными самозванными цѣлителями, вродѣ пастора Кнейпа, проповѣдниковъ лѣченія „силами природы“ и т. п. господами.

Полемизируя съ защитниками лѣченія „силами природы“, авторъ вполнѣ основательно указываетъ, что и научная медицина широко пользуется „силами природы“.—Партизаны этого метода лѣченія подъ такимъ заманчивымъ флагомъ проводятъ просто-напросто отрицаніе лѣченія. Это совершено вѣрно, но всетаки мы не совсѣмъ понимаемъ, зачѣмъ написана эта брошюра. Болтливое, фельетонное изложеніе автора едва-ли направитъ на путь истинный тѣхъ, которые по недостатку образованія не могутъ отличить и лучшихъ врачей отъ шарлатановъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

К. Бальмонтъ. Горящія зданія. Москва. 1900. Ц. 1 р.

Иванъ Левицкый. Повисти и оповидання. Т. II. Кіевъ. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Винъ.(1798—1898). Кіевъ.1900.Ц.2р.

А. Погорѣловъ. «Мракъ» и «Передъ грозой». Изъ жизни Приуралья. Изданіе С. Дароватовскаго и А. Чарушина. М. 1900. Ц. 80 к.

М. Горькій. Разсказы. Т. II. Изданіе товарищества «Знаніе». Спб. 1900. Ц. 1 р.

Э. М. Бескинъ. «Элегія Маснэ». Драма въ 2-хъ дѣйствіяхъ и трехъ картинахъ. Вильно. 1899. Ц. 50 к.

Ж. Расинъ. Трагедіи.—I. Гоѳолія.—II. Эсфирь. Переводъ въ стихахъ. О. Н. Чюминой. Спб.

Пѣсни родины. Сборникъ стихотвореній. Выпуски 1, 2 и 3. Изд. М. Ѳ. Тихомирова. г. Владиміръ. 1900. Ц. 20 к.

В. Дорошевичъ. Въ землѣ Обѣтованной (Палестина). М. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

Иллюстрированная исторія новѣйшей французской литературы. Переводъ съ французскаго подъ редакціей ***Ю. А. Веселовскаго.*** Выпуски 3, 4 и 5. Изданіе магазина «Книжное дѣло». М. 1900. Подписная цѣна 8 р. 50 к.

Ново-еврейская литература XIX вѣка. ***I. Клаузнера.*** Изданіе «Тушія». Варшава. 1900. Ц. 50 к.

Исторія русскаго искусства. Сочин. ***А. П. Новицкаго.*** Выпуски 6 и 7. Изд. магазина «Книжное Дѣло». М. 1900. Ц. 12 р.

Голодный годъ (1898—1899). Письма въ «С.-Петербургскія Вѣдомости». ***Е. Шмурло.*** Изд. магаз. «Книжное Дѣло». М. 1900. Ц. 60 к.

В. Заболотный. Опытъ къ раціональному разрѣшенію вопроса: что такое война? Варшава. 1900. Ц. 70 к.

«Македонскій вопросъ» на почвѣ его исторіи, этнографіи и политики. ***Іованъ П. Рогановичъ.*** Казань. 1900.

Собраніе сочиненій ***А. Д. Градовскаго.*** Т. IV. Спб. 1900. Ц. 4 р.

П. Горскій-Платоновъ. Голосъ стараго профессора по дѣлу проф. А. П. Лебедева съ покойнымъ проф. о. протоіереемъ А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ. Москва. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

И. А. Хмѣльницкій. Тридцатипятилѣтіе новаго суда. Одесса. 1900. Ц. 20 к.

Инсаровъ. Современная Франція. Исторія третьей республики. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1900. Ц. 2 р. 50 к.

Основные законы южно-африканской республики и лондонская конвенція. Вильна. 1900. Ц. 30 к.

Всемірная исторія. Составл. ***Д-ромъ Г. Ф. Гельмольтомъ***. Переводъ съ нѣм. Выпуски 1 и 2. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». М. 1900. Подп. цѣна 5 р.

И. Н. Божеряновъ. Жизнеописаніе императрицы Александры Ѳеодоровны. Вып. 2. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Библіотека философовъ. V. Платонъ. ***В. Виндельбанда***. Перев. съ нѣм. Изд. журнала «Образованіе». Спб. 1900. Ц. 50 к.

Буассье Гастонъ. Госпожа Де-Севинье. Переводъ О. Н. Масловой. Изд. магазина «Книжное Дѣло». М. 1900. Ц. 60 к.

Робертъ Сизераннъ. Рескинъ и религія красоты. Изд. магазина «Книжное Дѣло» и И. А. Баландина. М. 1900. Цѣна по подпискѣ 5 р.

Сочиненія ***Джона Рескина***. Серія I. Книжка 1 и 2. Изд. магазина «Книжное Дѣло» и И. А. Баландина. М. 1900. Ц. по подпискѣ 5 р.

Иллюстрированная исторія суевѣрій и волшебства. Составилъ ***д-ръ Леманъ***. Выпуски 7, 8, 9, и 10. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». М. 1899. Подписная цѣна 4 р.

Ѳ. Курти. Исторія народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1900. Ц. 1 р.

К. Каутскій. Колоніальная политика въ прошломъ и настоящемъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1900. Ц. 40 к.

Л. Вольтманъ. Теорія Дарвина и соціализмъ. Изданіе Зябицкаго и Пятина. Спб. 1900. Ц. 2 р.

П. Лафаргъ. Умственный трудъ и машина. Изд. А. Ю. Маноцковой. М. 1900. Ц. 45 к.

Эдуардъ Абрамовскій. I. Психологическія основы соціологіи — II. Историческій матеріализмъ и принципъ соціальнаго явленія. Перев. съ франц. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». М. 1900. Ц. 50 к.

Ш. Летурно. Эволюція воспитанія у различныхъ человѣческихъ расъ. Спб. 1900. Ц. 2 р.

Георгъ Майръ. Статистика и обществовѣдѣніе. Т. II, вып. 1. Статистика населенія. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1900.

Ф. О. Гертцъ. Аграрный вопросъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ предисловіемъ А. А. Мануилова. М. 1900. Ц. 80 к.

Ф. О. Гертцъ. Аграрные вопросы. Съ предисловіемъ Э. Бернштейна. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1900. Ц. 80 к.

K. Kautsky. La question agraire. Etude sur les tendances de l'agriculture moderne. Traduit de l'allemand par E. Milhaud et Polack. Paris 1900. V. Giard et E. Brière. Pr. 8 fr.

C. F. Bastable. La théorie du commerce international. Traduit de l'anglaise par Sauvaire-Jourdan. Paris. 1900. V. Giard et E. Brière. Pr. 3 fr.

Annales de l'institut international de sociologie publieés sous la direction de R. Worms. T. VI. Paris. Giard et E. Brière. Prix. 7 francs.

Введеніе въ акустику и оптику. Проф. ***А. Г. Столѣтова***. Изд. маг. «Книжное дѣло». Москва. 1900. Ц. 2 р.

Семейный университетъ. ***Ф. С. Комарскаго***. Годъ второй. Вып. VI. Спб. 1900. Цѣна за годъ 10 р.

В. Г. Бажаевъ. Крестьянское травопольное хозяйство въ нечерноземной полосѣ Евр. Россіи. Изд. К. И. Тихомирова. Москва. 1900. Ц. 1 р. 35 к.

М. Турскій. Лѣсоводство. 2-ое изд. Москва. 1900. Ц. 2 р. 30 к.

Дугласъ Арчибальдъ. Атмосфера. Перев. съ англ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900. Ц. 80 к.

Томсонъ, Дж. А. Жизнь животныхъ. Вып. II и III. Изд, маг. «Книжное дѣло». Москва. 1900. Ц. вып. 30 к.

Д-ра ***Юл. Визнера***. Физіологія растеній. Пер. сь нѣм. Изд. маг. «Книжное дѣло». Москва. 1900. Ц. 1 р. 20 к.

В. Арефьевъ. Описаніе Сибири. Вып. 1-ый. Изд. П. И. Макушина. Томскъ. 1900. Ц. 20 к.

Проф. А. Н. Красновъ. Индія и Цейлонъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900. Ц. 40 к.

Д. Котляръ. Герои Южной Африки. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900. Ц. 60 к.

Ор. Шкапскій. Аму-Дарьинскіе очерки. Ташкентъ. 1900.

Д-ръ ***Н. В. Слюнинъ***. Охотско-Камчатскій край. Два тома. Изд. Министерства финансовъ. Спб. 1900. Ц. 5 р.

По бѣлу свѣту. Путешествіе Вани и Сони заграницу. Географическіе очерки ***С. И. Лаврентьевой***. М. 1900.

Матеріалы къ выясненію вопроса ***объ обезпеченіи горнорабочаго населенія*** Пермской губ. въ продов. отношеніи. Пермь. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

А. С. Пираловъ. Краткій очеркъ

кустарныхъ промысловъ Кавказа. Тифлисъ. 1900.

Н. Іорданскій. Краткій очеркъ развитія начальнаго образованія въ Н.-Новгородѣ. Н.-Новгородъ. 1900.

А. А. Русовъ. Описаніе Черниговской губ. Два тома. Черниговъ. 1898—1899.

Стенограф. отчетъ XXXV Новгородскаго губ. зем. собранія. Новгородъ. 1900.

Сборникъ статей по вопросамъ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Вып. XI. Изд. московской гор. думы. 1900.

Отчетъ нижегородской городской общественной библіотеки за 1899 г. Н.-Новгородъ. 1900.

Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи. 1898 г. Вып. III. Долги по долгосрочнымъ займамъ. Спб. 1900.

Пожары въ Херсонской губерніи за 1868—1894 гг. Изд. Херсонской губ. зем. управы. Херсонъ. 1900.

Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи. Вып. XIV. Изд. Нижегор. губ. земства. Нижній. 1900.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губерніи. Томъ VIII. Уфа. 1900.

В. Кв. Новое русское правописаніе. Орелъ. 1900.

Изъ Болгаріи.

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ чуть ли не вся общественно-политическая жизнь Болгаріи сводится къ охватившей ея сѣверо-восточный районъ борьбѣ противъ знаменитаго отнынѣ „десятка“. Возникшее на почвѣ этой борьбы широкое крестьянское—или, какъ здѣсь принято говорить, „земледѣльческое“—движеніе въ такой мѣрѣ сосредоточиваетъ на себѣ всеобщее вниманіе, что заставляетъ подчасъ забывать о самомъ финансовомъ кризисѣ, не смотря на всю его ничуть не уменьшившуюся остроту. И дѣйствительно, это движеніе является несомнѣнно опредѣляющимъ факторомъ въ политикѣ настоящаго момента, и ему же, повидимому, предстоитъ еще сыграть не малую роль въ ближайшемъ будущемъ. Не удивительно поэтому, что оно стало злобою дня не только въ самой странѣ, но до извѣстной степени и внѣ ея, что ему посвящаются чуть не всѣ извѣстія, посылаемыя изъ Болгаріи въ иностранныя газеты и журналы.

Къ сожалѣнію, мѣстные представители иностранной печати обращаютъ преимущественное свое вниманіе на внѣшнія, сенсаціонныя стороны движенія и, главнымъ образомъ, интересуются имъ съ точки зрѣнія болѣе или менѣе вѣроятныхъ непосредственно-практическихъ его послѣдствій. Въ результатѣ, иностранный читатель, черпающій свои свѣдѣнія о Болгаріи исключительно изъ этого источника, поневолѣ получаетъ одностороннее и потому ложное, представленіе о чрезвычайно любопытномъ и важномъ явленіи современной болгарской жизни. Его истинное соціальное содержаніе теряется изъ виду, и на первое мѣсто выступаетъ его

преходящая политическая внѣшность; изъ глубокаго, выросшаго изъ нѣдръ народной жизни соціально-экономическаго движенія оно превращается въ искусственную, узко-партизанскую, банальную компанію оппозиціи противъ стоящаго у власти радославистскаго министерства...

Я, конечно, ни мало не думаю отрицать въ „земледѣльческомъ движеніи“ наличности—и даже важности—партизанско-политическаго элемента. Онъ не только въ немъ присутствуетъ, но и окрашиваетъ въ свой цвѣтъ—особенно въ сенсаціонныхъ перипетіяхъ послѣдняго времени—всѣ его внѣшнія проявленія. Болѣе того: онъ подчасъ совершенно заслоняетъ въ глазахъ самихъ участниковъ движенія его истинный смыслъ и содержаніе. Оппозиція чуть ли не при самомъ возникновеніи движенія съумѣла съ замѣчательнымъ искусствомъ воспользоваться имъ для своихъ специфическихъ цѣлей. Она сразу увидѣла въ смутномъ броженіи, вызванномъ среди болгарскихъ крестьянъ возрожденіемъ злополучнаго „десятка“, благопріятнѣйшую почву для антиправительственной агитаціи, и, конечно, не уступила такого случая. Всѣ ея силы были тотчасъ же мобилизированы; всѣ испытанныя средства воздѣйствія на народныя массы были пущены въ ходъ. Всѣ недовольные, къ какой бы партіи они не принадлежали, всѣ претенденты на власть и обѣщаемыя ею блага, всѣ политическіе неудачники, оставшіеся по той или другой причинѣ за флагомъ, съ трогательнымъ единодушіемъ бросились въ движеніе, хотя ни до „десятка“, ни до „интересовъ земледѣлія и земледѣльческаго населенія“ имъ не было въ большинствѣ случаевъ ни малѣйшаго дѣла. Эти магическія при данныхъ обстоятельствахъ слова были для нихъ лишь могучимъ рычагомъ, при посредствѣ котораго можно было поднять противъ общаго врага—радославистскаго министерства—возбужденную крестьянскую массу, и они, конечно, схватились за этотъ рычагъ со всею силою и цѣпкостью, на которыя были способны. Благодаря своей агитаціонной опытности, самоувѣренности и ясному сознанію своей цѣли, они въ самое короткое время овладѣли умами довѣрчивыхъ и не искусившихся въ политической борьбѣ крестьянъ, заняли мѣста руководителей и вожаковъ движенія и, въ концѣ концовъ, направили его именно туда, куда имъ было нужно, т. е. на штурмъ позицій, занятыхъ у власти представителями „либеральной“, или, проще, радославистской партіи. Такимъ-то образомъ, чисто крестьянскому и по своему содержанію соціально-экономическому движенію была въ значительной отепени искусственно придана не свойственная ему—и даже пагубная для него—форма движенія партійно-политическаго. Организаціонная и идейно-пропагандистская работа была прервана раньше времени; попытки разобраться въ сложныхъ вопросахъ, выдвинутыхъ впередъ движеніемъ, и подыскать имъ полюбовное, для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ удовлетвори-

тельное, практическое рѣшеніе были брошены. Вмѣсто всего этого были пущены въ ходъ шаблонные агитаціонные пріемы, единственною цѣлью которыхъ было раздуть возникшее въ населеніи недовольство, разлить его возможно скорѣе на возможно большемъ пространствѣ, и придать ему возможно болѣе грозную внѣшность массоваго, стихійнаго противуправительственнаго движенія. Сельскіе „митинги“ протеста, нарочно созываемые въ большихъ провинціальныхъ городахъ преимущественно въ базарные и праздничные дни; горячія агитаціонныя рѣчи, переполненныя самыми невѣроятными обвиненіями противъ министерства „болгароубійцы“, какъ называютъ Радославова его враги; ядовитыя резолюціи, въ которыхъ неизмѣнно требуются отмѣна „десятка“, распущеніе народнаго собранія и отставка министерства; демонстративныя посылки депутацій къ князю Фердинанду; призывы къ сопротивленію, въ случаѣ нужды даже вооруженному, правительству и его агентамъ,—таковы были пріемы, при помощи которыхъ оппозиціи удалось, въ концѣ-концовъ—черезъ рядъ кровавыхъ столкновеній въ Варнѣ, Красенѣ и Трестеникѣ, черезъ военное положеніе въ Рущукскомъ округѣ—перенести борьбу противъ десятка на свою излюбленную почву и придать, такимъ образомъ, движенію партійно-политическій характеръ.

Но и въ такой, чуждой ему собственно, одеждѣ „земледѣльческое движеніе“ стоитъ особнякомъ въ хаосѣ болгарскаго политиканства и заслуживаетъ полнаго вниманія серьезнаго изслѣдователя мѣстной общественной жизни. Возникнувъ на почвѣ тяжелаго экономическаго кризиса, давно уже переживаемаго земледѣльческимъ населеніемъ страны, оно лишь благодаря случайнымъ особенностямъ момента вылилось въ форму протеста спеціально противъ десятка. Этотъ послѣдній былъ въ данномъ случаѣ выдвинутъ впередъ лишь какъ бросающійся въ глаза симптомъ зла, отъ котораго страдаетъ страна, какъ яркій образчикъ случайной, безсистемной и безразсудной финансово-экономической политики болгарскаго правительства. Въ протестѣ противъ него выражалась назрѣвшая въ населеніи реакція противъ этой политики, и содержалась—правда лишь въ зародышѣ—цѣлая программа соціальныхъ реформъ, долженствовавшихъ спасти страну отъ конечнаго раззоренія. Разсматриваемое въ такомъ свѣтѣ, земледѣльческое движеніе послѣднихъ мѣсяцевъ является знаменательнымъ моментомъ въ современной соціально-политической жизни Болгаріи, и потому объясненіе причинъ, вызвавшихъ его къ жизни и создавшихъ его силу, представляется мнѣ не только любопытнымъ, но и важнымъ дѣломъ. Посильному выполненію этой задачи—поскольку она можетъ быть выполнена въ короткой журнальной статьѣ—я и намѣренъ посвятить свое настоящее письмо.

Многіе изъ читателей еще помнятъ, вѣроятно, то впечатлѣніе, которое произвела въ 1878 году на наши войска сравнительная

зажиточность болгарскаго населенія. Несчастные рабы, которыхъ наши солдаты пришли освобождать своею кровью отъ мучительнаго и позорнаго ига, оказывались гораздо болѣе обезпеченными и состоятельными, чѣмъ отцы и братья освободителей. Ближайшее знакомство съ дѣломъ только подтверждало первое впечатлѣніе: въ матеріальномъ отношеніи болгарское населеніе — какъ городское, такъ и сельское—не имѣло никакихъ основаній жаловаться на своихъ повелителей. Конечно, ему недоставало увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, въ прочности и постоянствѣ своего благополучія. Надъ нимъ всегда тяготѣла возможность катастрофы, въ видѣ нашествія какой-нибудь разбойничьей турецкой шайки, или вымогательствъ какого-нибудь жаднаго до денегъ турецкаго чиновника. Но инциденты такого рода случались не особенно часто, и, обрушиваясь своею тяжестью на отдѣльныя семьи, или группы населенія, сравнительно слабо отражались на общемъ, нормальномъ теченіи обыденной жизни. Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, почти никакихъ точныхъ статистическихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы судить о распредѣленіи земельной и иной собственности, о производительности народнаго труда, о состояніи торговли и о другихъ сторонахъ экономическаго положенія населенія во времена турецкаго владычества. Но за отсутствіемъ такихъ свѣдѣній мы имѣемъ свидѣтельства живыхъ еще людей, воспоминанія и разсказы изъ народной жизни, относящіеся къ той эпохѣ. Въ нихъ мы на каждомъ шагу наталкиваемся на выраженія ненависти по адресу турокъ, жалобы на насилія, убійства, грабежи со стороны башибузуковъ, арнаутовъ и иныхъ турецкихъ разбойниковъ и насильниковъ, но нигдѣ мы не встрѣчаемъ и намека на то, что можно было бы назвать экономическою эксплуатаціею болгарскаго населенія господствующимъ племенемъ. Нигдѣ нѣтъ изображенія бѣдности, которая была бы *нормальнымъ* удѣломъ сколько нибудь значительной группы населенія. О голодовкахъ, острыхъ проявленіяхъ нищеты и говорить нечего: онѣ были совершенно невѣдомы. Всѣ обладали извѣстнымъ достаткомъ. Многіе были прямо богаты, что доказывается, между прочимъ, существованіемъ довольно многочисленнаго класса „чорбаджіевъ"—своего рода имущественной аристократіи—которые не только пользовались большимъ вліяніемъ въ средѣ своихъ единоверцевъ, но и поддерживали обыкновенно пріятельскія отношенія съ мѣстными представителями турецкой администраціи, импонируя имъ своими богатствами. Богатства эти пріобрѣтались сравнительно легко, потому что отсутствіе конкурренціи со стороны турокъ открывало широкое поле энергіи, предпріимчивости и торговой сметки болгаръ. Лѣнивые и малоподвижные турки довольствовались своими нивами и виноградниками, и охотно предоставляли „гяурамъ" безпокойное дѣло наживанія денегъ. Всѣ ремесла въ городахъ, вся

торговля были въ рукахъ болгаръ, которые, не смотря на свое политическое рабство, экономически были скорѣе эксплуатирующими, чѣмъ эксплуатируемыми.

Не менѣе благопріятною для экономической обезпеченности болгарскаго населенія была и фискальная политика турецкаго правительства. Турецкая податная система была очень несовершенна съ точки зрѣнія финансовой науки и обходилась государству подчасъ слишкомъ дорого, но для населенія—даже для христіанскаго населенія — она никоимъ образомъ не была раззорительной или непосильной. Косвенные налоги, составляющіе теперь такую значительную часть обложенія и въ Европѣ, и въ Болгаріи, играли въ этой своеобразной—почти цѣликомъ натуральной—системѣ очень скромную роль и были почти не чувствительны для населенія. Главная же тяжесть обложенія сводилась для крестьянъ къ „ошуру“ (нынѣшній десятокъ), съ его естественными спутниками, „бегликомъ“ (налогъ на овецъ) и „серчимомъ“ (налогъ на свиней); и если эта тяжесть и казалась подчасъ чрезмѣрною, то не столько сама по себѣ, сколько по нелѣпому и инквизиціонному способу сбора. Въ общемъ же можно сказать безъ всякаго колебанія, что тогда тяжесть обложенія была гораздо менѣе обременительною, чѣмъ теперь, и что каковы бы ни были грѣхи турецкаго ига во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, въ экономическомъ оно было, сравнительно говоря, очень „благо“.

Таково было экономическое положеніе Болгаріи, когда „плодотворная гроза“ освободительной войны положила конецъ пятивѣковому рабству. Эта война оставила ее обильно политою турецкою и русскою—менѣе всего болгарскою—кровью, съ дымившимися еще кое гдѣ развалинами сожженныхъ селъ и городовъ, но, говоря вообще, съ почти не растраченными матеріалами рессурсами, съ весьма мало подорваннымъ экономическимъ благосостояніемъ. Можно сказать даже, что рессурсы болгарскаго населенія, наоборотъ, повысились, потому что послѣдовавшій за войною „исходъ“ турецкаго населенія далъ ему новый источникъ богатства, въ видѣ плодородныхъ и обработанныхъ турецкихъ земель и виноградниковъ. Громадное пространство этихъ земель, купленныхъ за безцѣнокъ, а то такъ и просто захваченныхъ въ суматохѣ переселенія, перешло, такимъ образомъ, въ руки болгаръ, причемъ распредѣленіе ихъ среди новыхъ владѣльцевъ совершалось, повидимому, всюду очень равномѣрно и безобидно для болѣе бѣдныхъ. Турецкая администрація была замѣнена русскою, которая не жалѣла своихъ, русскихъ, денегъ, чтобы поскорѣе поставить на ноги освобожденную страну и открыть ей путь новой жизни. Однимъ словомъ, ко времени передачи Болгаріи въ руки болгарскаго же національнаго управленія, страна находилась въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для дальнѣйшаго экономическаго и соціальнаго развитія. Государство было организовано почти

во всѣхъ своихъ существенныхъ функціяхъ; оставалось только пополнить эту организацію въ кое какихъ мелочахъ и потомъ улучшать ее постепенно, согласно указаніямъ опыта. Широкая гражданская и политическая свобода, обезпеченная демократическою конституціею, открывали народу возможность участвовать въ политической жизни страны и направлять ее сообразно своимъ интересамъ. Въ государственномъ казначействѣ были свободные излишки въ нѣсколько милліоновъ рублей. Внѣшнихъ долговъ— если не считать русскаго оккупаціоннаго долга, который былъ, тогда по крайней мѣрѣ, долгомъ только на словахъ — не было никакихъ. Податная система оставалась въ своихъ существенныхъ чертахъ прежнею и, улучшенная въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, еще менѣе обременяла населеніе. Наконецъ, переходъ въ его собственность обширныхъ турецкихъ земель еще болѣе обезпечивалъ его экономическую состоятельность. Что, казалось, могло бы быть болѣе благопріятнымъ, чѣмъ такое положеніе, для дальнѣйшаго преуспѣванія страны на новомъ поприщѣ самостоятельнаго существованія?..

И дѣйствительно, первые годы послѣ освобожденія можно бы было назвать—по крайней мѣрѣ въ финансовомъ и экономическомъ отношеніяхъ—золотымъ вѣкомъ новый болгарской исторіи. Раны, нанесенныя войною, зарубцевались и забылись, и обновленная страна съ удвоенною энергію отдалась свободному и плодотворному труду. Претворяя въ своемъ сознаніи и бытѣ новыя начала жизни, она довольствовалась пока настоящимъ и мало заглядывала въ будущее. Политическая борьба, возникшая на почвѣ свободныхъ учрежденій, еще не успѣла превратиться въ хаотическое столкновеніе партизанскихъ страстей, и принципъ народнаго контроля и суверенитета, регулирующій нормальное теченіе конституціонной жизни, еще не обратился въ пустой звукъ. Наконецъ, раззорительная манія національнаго величія еще не завладѣла воображеніемъ зарождавшейся интеллигенціи и не толкнула ее на дорогу рискованныхъ авантюръ и непосильныхъ матеріальныхъ и моральныхъ жертвъ. Девизомъ народной массы былъ трудъ, интеллигенціи—развитіе, правительства—миръ и экономія, и эти три девиза сливались въ гармоническій аккордъ полной и плодотворной національной жизни... Въ такихъ краскахъ рисуютъ намъ эту еще недалекую отъ насъ эпоху единодушныя показанія людей, ее пережившихъ. И надо признаться, имѣющіяся у насъ свѣдѣнія, относящіяся къ нѣкоторымъ сторонамъ экономической жизни того времени, къ торговлѣ, бюджетамъ и финансовому управленію, вообще имъ не противорѣчатъ.

Вотъ, напримѣръ, нѣсколько цифръ, относящихся къ внѣшней торговлѣ Болгаріи (сѣверной) за первыя 7 лѣтъ послѣ освобожденія. При отсутствіи прямыхъ свѣдѣній о распредѣленіи собственности, о производительности труда и пр., онѣ все же даютъ намъ

нѣкоторую возможность судить о ростѣ народнаго богатства и объ экономическомъ положеніи страны въ тотъ періодъ времени.

Годы.	Общая сумма торг. обор. (милліоны франковъ).	Стоимость вывоза.
1879. . .	52,0	—
1880. . .	88,9	—
1881. . .	89,0	31,8
1882. . .	76,0	34,0
1883. . .	95,0	46,0
1884. . .	92,0	36,0
1885. . .	81,0	42,0

Изъ этихъ цифръ видно, что какъ общая сумма торговыхъ оборотовъ (внезапное пониженіе этой суммы въ 1885 году надо приписать Пловдивской революціи и вызванной ею сербской войнѣ), такъ особенно стоимость вывоза за этотъ періодъ времени ростутъ довольно систематично. Особенно быстръ и правиленъ ростъ вывоза, успѣвшаго, въ концѣ концовъ, не только догнать, но и перегнать ввозъ, и установить, такимъ образомъ, для земледѣльческой Болгаріи благопріятный торговый балансъ. Конечно, подобный ростъ вывоза не всегда можетъ считаться благопріятнымъ признакомъ. Иногда онъ происходитъ въ ущербъ народному потребленію и является результатомъ чрезмѣрнаго податнаго обложенія. Но въ данномъ случаѣ онъ указываетъ только на соотвѣтствующій ростъ національнаго производства и—значитъ—національнаго богатства. Отчасти это доказывается тѣмъ, что рядомъ съ нимъ—хотя и не такъ быстро—ростетъ ввозъ. Отчасти—какъ мы сейчасъ увидимъ—на это указываетъ и то обстоятельство, что въ податномъ обложеніи за это время не замѣчается почти никакаго повышенія. Вотъ данныя, относящіяся къ выполненію приходо-расходныхъ бюджетовъ за эти годы (въ милліоныхъ франковъ).

Годы.	Приходъ.	Расходъ.	+ или —
$18^{79}/_{80}$ . . .	24,2	21,4	+2,8
$188^{0}/_{1}$ . . .	33,4	26,3	+7,1
1881 . . .	28,9	24,7	+4,2
1882 . . .	30,3	28,9	+1,4
1883 . . .	33,6	31,0	+2,5
1884 . . .	31,6	34,5	—2,9
1885 . . .	32,7	40,4	—7,7

Если мы оставимъ въ сторонѣ 1885 годъ, какъ совершенно исключительный, въ теченіе котораго на одну мобилизацію войскъ и на нѣкоторыя другія, вызванныя войною, нужды было истрачено болѣе 10 милліоновъ, и если примемъ во вниманіе, что сравнительно высокая цифра расходовъ за 1884 годъ объясняется упла-

тою части русскаго оккупаціоннаго долга, то окажется, что податное бремя, лежавшее въ разсматриваемый періодъ на населеніи, оставалось почти безъ измѣненія и не превышало въ среднемъ 12—15 фр. на одного жителя. И этотъ сравнительно скромный размѣръ обложенія оказывался не только достаточнымъ для удовлетворенія всѣхъ насущныхъ потребностей государства, но и давалъ ежегодные излишки въ нѣсколько милліоновъ франковъ. Такъ осторожна и экономна была еще въ то время финансовая политика болгарскаго правительства, жившаго на наличные и не знавшаго—если не считать русскаго оккупаціоннаго долга въ 26 милліоновъ,—никакихъ другихъ государственныхъ долговъ.

1885 годъ,—годъ насильственнаго присоединенія къ княжеству Восточной Румеліи—былъ поворотнымъ пунктомъ какъ въ политической, такъ и въ финансово-экономической исторіи молодой Болгаріи. Румелійскій переворотъ возсоединилъ двѣ расчлененныя европейскою дипломатіею части „Санъ-Стефанской Болгаріи", но не дешевою цѣною былъ оплаченъ этотъ шагъ на пути „осуществленія національнаго идеала". Первымъ слѣдствіемъ его была война съ Сербіею, обошедшаяся Болгаріи въ 26 милліоновъ и вырывшая между двумя сосѣдними братскими народами глубокую, до сихъ поръ открытую, пропасть вражды и недовѣрія. Вторымъ, еще болѣе важнымъ, былъ разрывъ съ Россіею, бросившій страну въ политику авантюръ и создавшій въ ней хроническое состояніе гражданской войны, закончившейся только утвержденіемъ фатальной диктатуры злого генія Болгаріи—Стамбулова. Въ зависимости отъ этихъ перемѣнъ и правительственная политика начала измѣнять своимъ прежнимъ традиціямъ, обращаясь въ политику „на широкую ногу", въ которой шовинизмъ и милитаризмъ занимали все болѣе видное мѣсто. Рядомъ съ ними въ жизнь все рѣшительнѣе и откровеннѣе проводилось начало личнаго управленія. Фактическое упраздненіе конституціи заставляло правительство искать опору не въ народѣ, а въ войскѣ, въ полиціи, въ организаціи широкой системы шпіонства, въ созданіи вокругъ себя кліентелы продажныхъ политикановъ, лично заинтересованныхъ въ сохраненіи установленнаго режима. Эту кліентелу надо было покупать, и чѣмъ необходимѣе была она въ качествѣ ядра правительственной партіи, тѣмъ дороже приходилось платить за нее. Въ концѣ концовъ государство было обращено какъ бы въ частную собственность правящей клики, финансовая политика которой становилась все болѣе расточительною и несоразмѣрною съ силами страны. Послѣдствія не заставили дожидать себя, и къ концу Стамбуловской эпопеи финансовое и экономическое положеніе Болгаріи было уже настолько плохо, что свѣдующіе люди съ минуту на минуту ожидали краха. И дѣйствительно, какъ только Ландербанкъ отказалъ ей въ своей поддержкѣ, наступилъ кризисъ, въ которомъ несчастная страна бьется уже два года, и

все еще безъ надежды выйти изъ него при помощи своихъ собственныхъ рессурсовъ.

Обратимся, однако, къ цифрамъ. Вотъ таблица, изъ которой видно, съ какою быстротою начали рости болгарскіе государственные бюджеты послѣ присоединенія Восточной Румеліи.

Годы.	Приходъ.	Расходъ.	+ или —
1886 . . .	40,9	48,5	— 7,6
1887 . . .	43,2	49,8	— 6,6
1888 . . .	52,3	71,2	— 8,9
1889 . . .	69,4	74,7	— 5,3
1890 . . .	81,0	85,0	— 4,0
1891 . . .	89,7	93,1	— 3,3
1892 . . .	84,6	107,2	—22,5
1893 . . .	81,6	94,7	—13,1
1894 . . .	101,9	107,4	— 5,6
1895 . . .	88,2	94,4	— 9,3
1896 . . .	90,4	101,0	—10,6
1897 . . .	87,7	96,9	— 9,2

Такимъ образомъ начавъ съ расходовъ въ 48,5 м. фр. въ 1886 г., Болгарія успѣла за 12 лѣтъ удвоить ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ бюджетные дефициты обращаются въ нѣчто обязательное и доходятъ въ общемъ болѣе чѣмъ до 100 милліоновъ (106 мил.).

Уже одна эта систематичность дефицита могла бы избавить меня отъ необходимости дальнѣйшихъ доказательствъ того положенія, что указанное только что увеличеніе государственныхъ расходовъ Болгаріи перегоняло ростъ въ ней народнаго богатства и было не по силамъ населенію. Но для большей убѣдительности я постараюсь подтвердить его данными, относящимися къ внѣшней торговлѣ Болгаріи, развитіе которой находится въ болѣе или менѣе прямой зависимости отъ развитія народнаго производства и отъ степени народнаго благосостоянія. Вотъ каковы были торговые обороты Болгаріи со времени соединенія до 1899 года включительно (милл. фр.).

Годы.	Ввозъ.	Вывозъ.	Общая сумма оборотовъ.
1886 . . .	64,3	50,4	114,7
1887 . . .	64,7	45,7	110,5
1888 . . .	66,4	64,2	130,6
1889 . . .	72,9	80,6	153,5
1890 . . .	84,5	71,1	155,6
1891 . . .	81,3	71,1	152,4
1892 . . .	77,3	74,6	151,9
1893 . . .	90,9	91,5	182,3
1894 . . .	99,2	72,9	172,1

1895 . . .	69,0	77,7	146,7
1896 . . .	76,5	108,7	185,3
1897 . . .	84,0	59,8	143,8
1898 . . .	72,7	66,5	139,3
1899 . . .	60,2	52,5	112,6

Мы видимъ, такимъ образомъ, что внѣшняя торговля Болгаріи, росшая съ извѣстною систематичностью до конца управленія Стамбулова, въ послѣдніе годы быстро падаетъ и въ 1899 году возвращается по размѣрамъ своихъ оборотовъ (112,6 м. фр.), къ своему исходному пункту въ 1886 году. Данныя, относящіяся къ первымъ четыремъ мѣсяцамъ за настоящій, 1900 годъ, показываютъ, что паденіе продолжается). Правда, теперь Болгарія переживаетъ острый финансовый кризисъ, а нѣсколько раньше она сильно страдала отъ неурожаевъ и иныхъ стихійныхъ бѣдствій, но если мы даже оставимъ въ сторонѣ, эти послѣдніе 4 года, какъ исключительно несчастные, и ограничимся разсмотрѣніемъ десятилѣтняго періода 1886—96 годовъ, то и тутъ мы не можемъ сдѣлать сколько нибудь утѣшительныхъ заключеній.

Внѣшняя торговля Болгаріи за это время дѣйствительно росла, но все же значительно медленнѣе, чѣмъ ея бюджеты. Въ то время, какъ размѣры торговыхъ оборотовъ увеличились въ $1^1/_2$ раза, государственные расходы возросли, какъ мы видѣли выше, вдвое и даже болѣе. Усложненіе государственныхъ функцій шло очевидно быстрѣе развитія производительности труда, стоимость содержанія государства систематически обгоняла ростъ національнаго богатства и ложилась все большею тяжестью на плечи населенія.

Но ни абсолютныя цифры, относящіяся къ росту болгарскихъ бюджетовъ, ни сравненіе ихъ съ данными, относящимися къ развитію внѣшней торговли Болгаріи, не даютъ еще полнаго представленія о финансовыхъ и экономическихъ затрудненіяхъ, съ которыми приходится теперь считаться болгарскому народу послѣ 20 съ лишнимъ лѣтъ независимой государственной жизни. Мы не обмолвились еще ни однимъ словомъ о государственномъ долгѣ Болгаріи!..

До 1886 года Болгарія оставалась дѣвственною по отношенію къ займамъ и не знала никакихъ внѣшнихъ долговъ, если не считать русскаго оккупаціоннаго. Съ 1886 года картина мѣняется, и болгарскія правительства начинаютъ все смѣлѣе и охотнѣе разрѣшать всѣ временныя финансовыя затрудненія путемъ внѣшнихъ займовъ, не смотря на то, что займы эти заключались обыкновенно на крайне невыгодныхъ условіяхъ. Къ концу управленія Стамбулова общая сумма внѣшняго долга Болгаріи доходила до 165 м. фр., причемъ на одни только проценты и погашеніе по немъ въ годъ расходовалось болѣе 18 милл. фр. А еще нѣсколькими го-

дами позже—къ времени паденія министерства Стоилова—внѣшній долгъ дошелъ до 228 милл. фр. (по 69 фр. на одного жителя), а ежегодный расходъ на уплату процентовъ по нашему и на погашеніе—возросъ почти до 25 милліоновъ, т. е. превысилъ на цѣлые 5 милліоновъ бюджетъ военнаго министерства и составилъ около $^1/_3$ всего бюджета! Не буду отрицать, что значительная часть средствъ, получавшихся отъ этихъ займовъ, тратилась производительно, и защитники финансовой политики Стамбулова и Стоилова не безъ гордости указываютъ на тотъ фактъ, что только благодаря ихъ „расточительности" Болгарія стала теперь счастливою обладательницею желѣзнодорожной сѣти длиною въ 1200 слишкомъ километровъ. Это конечно, такъ, и едва ли кто нибудь изъ ихъ противниковъ рѣшался когда нибудь отрицать культурную важность и экономическое значеніе желѣзныхъ дорогъ. Но отсюда еще далеко не слѣдуетъ, что строить желѣзныя дороги выгодно вездѣ и при всякихъ обстоятельствахъ. Въ данномъ случаѣ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что вся стоимость желѣзныхъ дорогъ Болгаріи не покрываетъ и половины ея внѣшняго долга, и что, съ другой стороны онѣ до сихъ поръ еще почти бездоходны (ихъ эксплуатація не даетъ и $^1/_2$% въ годъ), тогда какъ по своему внѣшнему долгу странѣ приходится платить въ среднемъ не менѣе 8% въ годъ.

Въ полной гармоніи съ эволюціею финансовой политики государства совершалась и финансовая эволюція болгарскихъ городовъ. До освобожденія они обрѣтались въ блаженномъ невѣдѣніи всего, что прямо или косвенно относилось къ требованіямъ санитарнаго и иного благоустройства и, живя какъ Богъ на душу положитъ, не знали ни городскихъ налоговъ, ни тѣмъ болѣе долговъ. Эта турецкая традиція оставалась въ силѣ и въ первые годы послѣ освобожденія,—приблизительно до 1887—88 годовъ. Съ торжествомъ Стамбулова и его системы управленія, въ которой „кормленіе" правительственныхъ партизановъ на счетъ государства и вообще свободное обращеніе съ казеннымъ имуществомъ занимали такое большое мѣсто, она скоро исчезла, и городскія управленія одно за другимъ начали охватываться непосильнымъ зудомъ благоустройства. Начались планировки и нивеллировки, постройки казармъ, училищъ, больницъ, водопроводовъ, каналовъ, шоссе,—все это на широкую ногу да еще притомъ тѣмъ своеобразнымъ „хозяйственнымъ способомъ", при которомъ большая часть расходуемыхъ суммъ прилипаетъ къ рукамъ разныхъ „своихъ людей". Это требовало большихъ средствъ, далеко превосходившихъ обычные рессурсы городовъ и заставляло муниципальныя управленія прибѣгать къ помощи займовъ, которые заключались на крайне неблагопріятныхъ условіяхъ. Во главѣ этого раззорительнаго движенія, была, конечно, столица Софія, которая умудрилась довести сумму своего долга до 15 съ лишнимъ милліоновъ, при бюд-

жетѣ въ 2 милліона съ небольшимъ и при 50-тысячномъ населеніи (Выходитъ по 300 фр. на человѣка, а если исключить солдатъ, чужестранцевъ и т. п., то выйдетъ на человѣка почти по 500 фр. долга). За нею стараются не отставать и другіе большіе города Болгаріи. Въ результатѣ этого похвальнаго соревнованія въ дѣлѣ „украшенія и благоустройства городовъ и вообще населеныхъ мѣстъ“ къ 1896 году общій долгъ болгарскихъ городскихъ и общинскихъ управленій достигъ 30.000,000, изъ которыхъ на города собственно—съ населеніемъ въ 660,000 и съ годовымъ доходомъ въ 10 милліоновъ—падало болѣе 25 милл. фр.

Такимъ образомъ, и центральное правительство, и, по его слѣдамъ, органы мѣстнаго самоуправленія уже лѣтъ 10—15 тому назадъ начали жить не по средствамъ, расходуя больше, чѣмъ могли получать, входя въ невылазные долги и ложась все большею и большею тяжестью на населеніе. Но мы уже видѣли отчасти, какъ мало отвѣчала такая расточительность экономическому развитію страны и матеріальному состоянію населенія. Даныя, относящіяся къ внѣшней торговлѣ Болгаріи, въ связи съ цифрами дефицитовъ въ болгарскихъ государственныхъ бюджетахъ, начиная отъ 1886 года, дали намъ хотя и косвенное, но достаточное доказательство несоотвѣтствія между платежными силами народа и спросомъ на нихъ со стороны управленія. То-же подтверждаютъ и единогласныя показанія людей, поставленныхъ своимъ оффиціальнымъ положеніемъ, или своимъ родомъ жизни въ возможность близко знать истинное положеніе населенія. Первое мѣсто среди такихъ показаній занимаютъ, конечно, „отчеты“ окружныхъ управителей, бывшіе до сихъ поръ чуть ли не единственнымъ источникомъ свѣдѣній по земледѣльческой и промышленной статистикѣ. Эти отчеты представляютъ собою драгоцѣнный, но къ сожалѣнію почти не разработанный, матеріалъ для изученія экономической эволюціи Болгаріи и, въ общемъ, заслуживаютъ полнаго довѣрія. Мы, конечно, не можемъ останавливаться на нихъ долго и ограничимся краткимъ резюме тѣхъ заключеній, къ которымъ они приходятъ относительно экономическаго положенія разныхъ слоевъ болгарскаго населенія въ разсматриваемый нами періодъ.

Говоря вообще, авторы этихъ заключеній отличаются значительнымъ пессимизмомъ, и чѣмъ ближе они къ нашему времени, тѣмъ пессимистическая нота слышится въ нихъ все сильнѣе и рѣзче. Но уже и въ началѣ 90-хъ годовъ, т. е. въ самый разгаръ стамбуловщины, наиболѣе вдумчивые и наблюдательные изъ нихъ замѣчаютъ опасность положенія и начинаютъ все настойчивѣе и убѣдительнѣе говорить объ экономическомъ упадкѣ Болгаріи. Ихъ не сбиваетъ съ толку внѣшній видъ торгово-промышленнаго процвѣтанія, которое обусловливалось лихорадкою желѣзнодорожнаго строительства, приливомъ заграничнаго золота, благо-

даря займамъ, и другими подобными искуственными причинами. Появленіе въ странѣ небольшого числа богатыхъ людей, разжившихся на казенныхъ подрядахъ, возникновеніе новыхъ банковъ и разныхъ акціонерныхъ компаній, мѣры для поощренія крупной промышленности,—всѣ эти проявленія спекулятивной горячки, особенно сильно охватившей дѣловыя и правительственныя болгарскія сферы нѣсколько позднѣе, во время министерства Стоилова, но и тогда уже дававшей себя чувствовать достаточно,—не смѣшивались ими съ экономическимъ прогрессомъ страны вообще, съ съ подъемомъ матеріальнаго благосостоянія народной массы. Скорѣе, наоборотъ: они видѣли въ нихъ какъ бы болѣзненные наросты, указывавшіе на нездоровое состояніе народнаго организма, симптомы кризиса, назрѣвавшаго въ нѣдрахъ его экономическаго существованія. Широкіе слои населенія не принимали участія въ этомъ шумномъ пиршествѣ вторгнувшейся въ страну спекуляціи, которая быстро разлагала привычныя ему формы примитивнаго хозяйственнаго строя, не принося,однако, съ собою на ихъ мѣсто другихъ—высшихъ. Нарушая однородный, демократическій составъ народной массы и выдѣляя изъ него тонкій слой—богачей, она достигала этого не созданіемъ новыхъ формъ производственной дѣятельности и открытіемъ новыхъ источниковъ дохода, а просто облегченіемъ условій для эксплуатаціи слабыхъ и бѣдныхъ богатыми и сильными. Особенно бросился въ глаза этотъ разрушительный процессъ въ положеніи ремесленнаго производства въ странѣ. Ремесла, которыми въ турецкую эпоху замкнутаго, самодовлѣющаго экономическаго существованія жило населеніе цѣлыхъ городовъ, которыя давали ему сравнительно высокій уровень матеріальной обезпеченности, оказывалось все менѣе въ состояніи выдерживать конкурренцію дешеваго фабричнаго производства Европы и всюду неуклонно стремились къ упадку. Это паденіе было такъ очевидно, что на него обратило вниманіе и центральное правительство. Съ тѣхъ поръ на сценѣ правительственной дѣятельности впервые появился вопросъ, и до сихъ поръ еще занимающій на ней довольно замѣтное мѣсто,—о „поддержаніи ремесла“. Было проведено нѣсколько законовъ, имѣвшихъ въ виду „организовать“ мѣстныя ремесла, привить имъ „принципы ассоціаціи“, поднять ихъ жизнедѣятельность, положить начало устройству для нихъ взаимнаго дешеваго кредита и т. п., но все это или носило на себѣ печать выдуманности, совершенно не приспособленной къ мѣстнымъ нравамъ и условіямъ, или было такъ ничтожно по размѣрамъ практическаго приложенія—особенно рядомъ съ громадными сравнительно жертвами, которыя приносило то же самое правительство для „поддержанія крупной промышленности“,—что никакихъ серьзныхъ результатовъ не дало и дать не могло. Ремесло падаетъ съ тою же неуклонностью, и вмѣстѣ съ нимъ падаетъ и нищаетъ не такъ давно еще

сильный экономически и многочисленный слой населенія—болгарское мѣщанство. И, какъ водится, конечно, этотъ упадокъ ремесла ни мало не помогаетъ процвѣтанію крупнаго производства, о насажденіи котораго такъ усиленно заботилось и стамбуловское а особенно—стоиловское правительство. Оно тоже едва дышетъ и оказывается совершенно неспособнымъ выдерживать конкурренцію Европы безъ постоянной и могущественной поддержки государства.

Но еще болѣе тревожнымъ кажется имъ положеніе земледѣлія, составляющаго главное занятіе трехъ четвертей населенія Болгаріи, и представляющаго собою экономическую основу существованія не только крестьянъ, но и самого государства. Съ болью въ сердцѣ констатируютъ они, что въ то время какъ внѣшнія условія, въ которыхъ отнынѣ должна была протекать хозяйственная жизнь страны, благодаря выступленію ея на міровой рынокъ, подверглись коренному преобразованію, въ земледѣліи—этомъ главномъ источникѣ народнаго благосостоянія, отъ процвѣтанія котораго зависитъ и экономическое, и политическое существованіе Болгаріи—не замѣчается ни малѣйшаго прогресса. Не смотря на самыя, казалось бы, благопріятныя условія для его развитія,—на благодатный климатъ, плодородную почву, въ высшей степени выгодное географическое положеніе,—оно остается на томъ же уровнѣ, на какомъ было до освобожденія. Тѣ же примитивные пріемы, тѣ же жалкія орудія, та же слабая производительность остаются его удѣломъ и теперь. Рабочій скотъ болгарскаго крестьянина мелокъ и слабъ, весь его мелкій хозяйственный инвентарь не стоитъ часто болѣе 250—300 франковъ. Его земля малоцѣнна—цѣна гектара во многихъ мѣстахъ не превышаетъ 8—10 франковъ—и отягчена долгами въ банки и государственныя земледѣльческія кассы, не рѣдко превосходящими самую ея продажную цѣнность, такъ что онъ во многихъ случаяхъ считается собственникомъ только по недоразумѣнію. Питается онъ скудно. Его обычная пища—плохо выпеченный черный хлѣбъ, лукъ и зеленый перецъ, да изрѣдка—молоко и сыръ. Мясо онъ видитъ только по большимъ праздникамъ. Одѣвается онъ въ самодѣльную одежду и донашиваетъ ее до нитки. Живетъ грязно и тѣсно, часто вмѣстѣ со скотомъ въ одномъ и томъ же помѣщеніи. Слабый и невѣжественный онъ при всемъ своемъ трудолюбіи, при всей своей нетребовательности рано или поздно дѣлается неизбѣжною жертвою кулацкой эксплуатаціи. Ростовщичество, почти неизвѣстное до освобожденія, въ самое короткое время привилось къ болгарской деревенской жизни, и сдѣлалось однимъ изъ главныхъ золъ ея. Ни законодательныя ограниченія, ни административный контроль, ни государственныя „земледѣльческія кассы“, благодаря разнымъ ограниченіямъ и формальностямъ доступныя лишь для сравнительно немногочисленной части зажиточныхъ кресть-

янъ, не мѣшаютъ ему процвѣтать и дѣлать свое разрушительное дѣло. 20—25% въ мѣсяцъ, 200—300% годовыхъ встрѣчаются въ практикѣ этого ростовщическаго кредита сплошь и рядомъ, и тѣмъ не менѣе несчастный болгарскій крестьянинъ часто — слишкомъ часто — оказывается вынужденнымъ именно въ немъ искать спасенія отъ временныхъ бѣдствій или понудительныхъ мѣръ финансовыхъ агентовъ правительства. Плохъ этотъ крестьянинъ, какъ потребитель; плохъ, какъ производитель; плохъ онъ, естественно, и какъ плательщикъ государственныхъ повинностей, какъ это ясно видно изъ того, что на немъ всегда тяготѣютъ недоимки, и что, съ другой стороны, государство всегда страдаетъ отъ недоборовъ. Объясняется это не только размѣромъ податей, оказывающихся при всей своей легкости въ сравненіи съ другими европейскими державами непосильными для болгарскаго крестьянина, но и ихъ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ *), такъ же какъ и крайне подчасъ нераціональными способами ихъ назначенія и взиманія. Въ этихъ послѣднихъ отношеніяхъ трудно сказать, какой формѣ земельнаго обложенія слѣдовало бы отдать предпочтеніе, натуральной—знаменитому нынѣ „десятку", — или денежной,—такъ называемому „поземельному налогу", тѣмъ болѣе, что размѣръ этого послѣдняго опредѣлялся не на основаніи какихъ нибудь точныхъ свѣдѣній о производительности и доходности обрабатываемыхъ земель, а просто на основаніи среднихъ сборовъ того же десятка. Денежный поземельный налогъ, устанавливаемый механически и разъ навсегда, не обладалъ достаточною гибкостью, чтобы приспособляться къ измѣняющейся доходности хозяйствъ. Десятокъ—старый знакомый болгарскаго крестьянина, прилагавшійся не только въ турецкую эпоху, но и впослѣдствіи въ теченіе цѣлыхъ семи лѣтъ, а именно въ 1878, 1879 и 1880 годахъ и затѣмъ въ 1889, 1890, 1891 и 1892 годахъ при Стамбуловѣ—былъ крайне неудобенъ своею громоздкостью, сложнымъ и инквизиціоннымъ способомъ взиманія, дававшимъ широкій просторъ партизанскому и личному произволу. Эти то, связанныя съ нимъ злоупотребленія и были, главнымъ образомъ, причиною той недоброй памяти, которую оставилъ десятокъ среди болгарскихъ крестьянъ. При

*) Примѣровъ такой неравномѣрности можно бы было привести множество. Ограничусь двумя, относящимися къ разнымъ годамъ и мѣстностямъ. Согласно докладу Боева (начальникъ отдѣленія въ министерствѣ финансовъ) за 1887 г. неравномѣрность распредѣленія поземельнаго налога была такова, что въ то время, какъ въ Ломскомъ округѣ платятъ 25 сантимовъ съ 1-го дюлюма, въ Рущукскомъ округѣ платятъ 1 фр. 30 сант., въ Разградскомъ—1 фр. 80 сант. и т. д. А согласно «отчету» Варненскаго окружнаго управителя за 1889 г. въ предѣлахъ одного и того же округа разница обложенія была такова: въ Варненскомъ уѣздѣ съ одного дюлюма брался десятокъ въ размѣрѣ 90 сантимовъ; въ Провадійскомъ уѣздѣ—въ размѣрѣ 98 сантимовъ; въ Новоселскомъ—въ размѣрѣ 13 сантимовъ; въ Добричскомъ—въ размѣрѣ 35 сант. и т. д.

всемъ томъ, ихъ жалобы и протесты направлялись не столько противъ натуральной формы земельнаго обложенія, сколько противъ его тягости, казавшейся имъ совершенно несоразмѣрною съ обложеніемъ другихъ классовъ населенія.

Такую печальную картину положенія крестьянина даютъ намъ внимательные наблюдатели болгарской экономической жизни еще въ концѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ краски на этой картинѣ становятся болѣе мрачными, потому что ко всѣмъ другимъ бѣдамъ — къ примитивному характеру земледѣльческой техники, къ развитію задолженности и ростовщичество, къ непомѣрной тяжести обложенія, и пр.—присоединяется новая, дающая себя знать съ каждымъ годомъ все сильнѣе. Это—паденіе цѣнъ на хлѣбъ, благодаря все усиливавшейся конкурренціи дешеваго хлѣба Америки. Хроническій земледѣльческій кризисъ, вызванный новыми условіями хлѣбнаго производства, съ трудомъ выдерживали даже высоко-культурныя страны Европы. Тѣмъ разрушительнѣе было его дѣйствіе на слабаго, такъ плохо вооруженнаго для борьбы болгарскаго крестьянина.

Однимъ словомъ, къ серединѣ 90-хъ годовъ экономическій упадокъ болгарскаго земледѣльческаго населенія сталъ настолько очевиденъ, что сами болгарскіе соціалъ-демократы, которые въ исключительности своей „пролетарской идеологіи“ отличались еще большимъ педантизмомъ, чѣмъ ихъ нѣмецкіе учителя, почувствовали нѣкоторое безпокойство и заговорили объ „аграрной программѣ-minimum“. Призадумалось надъ вопросомъ о „поднятіи земледѣльческаго промысла“ и объ улучшеніи положенія крестьянъ и принявшее къ этому времени власть министерство Стоилова. Результатомъ этихъ думъ былъ рядъ законовъ, выработанныхъ однимъ изъ самыхъ свѣдущихъ и умныхъ экономистовъ Болгаріи, тогдашнимъ министромъ финансовъ и земледѣлія, И. Гешовымъ. Одинъ изъ этихъ законовъ уменьшилъ поземельный налогъ на 10—15%; другой значительно расширилъ кругъ дѣйствій земледѣльческихъ кассъ; третій положилъ начало системѣ государственнаго страхованія отъ градобитій, и т. п. Удѣливъ, такимъ образомъ, „милостыню своего вниманія“ земледѣлію, правительство сочло себя свободнымъ отъ дальнѣйшихъ заботъ о немъ и всецѣло отдалось осуществленію своей излюбленной мечты о „поощреніи мѣстной индустріи“ или, говоря проще, безъ патріотическихъ эвфеменизмовъ, водворенію въ странѣ крупной промышленности. Этою тенденціею было проникнуто почти все его экономическое законодательство; она же нашла себѣ яркое выраженіе въ рядѣ заключенныхъ торговыхъ договоровъ, въ которыхъ интересы земледѣльческаго экспорта систематически приносились въ жертву интересамъ „мѣстной индустріи“. Такая политика вызывала, конечно, протесты со стороны представителей земледѣльческаго населенія, которые не безъ осно-

ванія жаловались на то, что, давая государству болѣе $^2/_3$ его доходовъ, они не получали отъ него взамѣнъ почти ничего, но эти протесты оставались обыкновенно безъ всякихъ практическихъ послѣдствій.

Тѣмъ не менѣе и упомянутыя выше реформы Гешова не остались бы, вѣроятно, безъ вліянія на нѣкоторое улучшеніе положенія болгарскаго крестьянина, если бы не обрушившаяся на него внезапно стихійная катастрофа. Съ 1897 года наступилъ въ Болгаріи рядъ тяжелыхъ неурожайныхъ лѣтъ—съ наводненіями, градобитіями и прочими бѣдствіями,—продолжавшихся до настоящаго года, и нанесшихъ послѣдній ударъ болгарскому земледѣлію. Рессурсы населенія, подвергшагося этому испытанію, истощились до такой степени, что въ нѣкоторыхъ округахъ страны разразился даже „голодъ". Правда, въ устахъ русскаго человѣка, привыкшаго къ „недородамъ" своей родины, такой голодъ могъ бы вызвать лишь горькую улыбку, но для Болгаріи и онъ былъ чѣмъ-то неслыханнымъ и ужаснымъ. Онъ указывалъ, что значительная часть земледѣльческаго населенія страны дошла въ своемъ положеніи до того пункта, съ котораго начинается обнищаніе, на которомъ оно становится не опорою, а обузою для государства. И вотъ, въ этотъ самый тяжелый моментъ, когда надъ страною разразилась гроза, въ видѣ жесточайшаго финансоваго кризиса, правительство, вмѣсто того, чтобы прійти на помощь обнищавшему крестьянину, само пошло къ нему за нею...

Я не буду останавливаться здѣсь на непосредственныхъ причинахъ кризиса—на необдуманномъ увлеченіи желѣзно-дорожнымъ строительствомъ, на вызывающемъ поведеніи по отношенію къ могущественнымъ банковымъ синдикатамъ, на войнѣ съ компаніею восточныхъ желѣзныхъ дорогъ и т. д.,—достаточно извѣстныхъ читателю хотя бы изъ многочисленныхъ газетныхъ корреспонденцій изъ Болгаріи. Оставлю я въ сторонѣ и тѣ „героическія" мѣры, къ которымъ прибѣгало правительство для того, чтобы имѣть возможность выполнять свои текущія обязательства. Для прекращенія кризиса нужно было придумать нѣчто болѣе серьезное, чѣмъ экономія въ бюджетѣ, временныя удержки 25% и 30% чиновничьихъ окладовъ, выпуски кредитныхъ билетовъ и т. п. Правительство придумало замѣну денежнаго поземельнаго налога „десяткомъ". Вѣрнѣе будетъ сказать, что оно было вынуждено остановиться на этой реформѣ, такъ какъ другихъ рессурсовъ у него абсолютно никакихъ не было, между тѣмъ какъ десятокъ обѣщалъ благодаря ожидавшемуся урожаю, принести въ пустое государственное казначейство вдвое большую сумму, чѣмъ поземельный налогъ. Но тѣ же соображенія, которыми руководилось правительство, вводя десятокъ, заставили крестьянъ протестовать противъ него всѣми своими силами. Что было имъ до интересовъ государства, когда на сценѣ были ихъ собственные интересы, гораздо болѣе близкіе, по-

нятные и важные. Какъ разъ тогда, когда перспектива урожая давала имъ надежду оправиться и стать на ноги, къ нимъ протягивалась ненасытная рука сборщика податей, грозившая опять отнять у нихъ плодъ ихъ труда и удачи. Десятокъ былъ въ ихъ глазахъ наглымъ посягательствомъ на ихъ лучшія надежды, на ихъ законнѣйшее право, на ихъ священнѣйшіе интересы. Прибавьте къ этому воспоминаніе о связанныхъ съ нимъ во времена Стамбулова злоупотребленіяхъ и особенно тотъ фактъ, что съ его введеніемъ молчаливо упразднялась реформа Гешова, сократившая поземельный налогъ на 10—15% противу прежняго его размѣра, и вы легко себѣ представите всю степень обиды и гнѣва, которые должны были охватить болгарскаго крестьянина при вѣсти о возстановленіи десятка...

Въ мою задачу не входить творить судъ надъ тяжущимися сторонами и рѣшать, кто правъ изъ нихъ: правительство ли, имѣвшее въ виду нужды государства, или крестьяне защищавшіе свои кровные интересы. Да это и не такъ важно. Важно то, что на почвѣ этой тяжбы столкновеніе было неизбѣжно. И столкновеніе, дѣйствительно, произошло, какъ мы теперь знаемъ, гораздо болѣе грозное и опасное, чѣмъ можно было ожидать вначалѣ. Напомню вкратцѣ читателю, какъ оно возникло и разрослось до своихъ настоящихъ размѣровъ.

Еще при внесеніи въ народное собраніе правительственнаго законопроекта о десяткѣ, среди болгарскихъ крестьянъ можно было замѣтить признаки возбужденія и тревоги. Особенно замѣтны они были въ сѣверо-восточныхъ округахъ Болгаріи, которые издавна представляли собою чрезвычайно благопріятную почву для земледѣльческаго движенія, въ которыхъ даже существовали уже кое-гдѣ по селамъ особенныя „земледѣльческія дружины“, созданныя для защиты крестьянскихъ интересовъ. Вотъ эти-то дружины и явились какъ нельзя болѣе кстати готовыми кадрами для движенія противъ десятка. Поднялась агитація, начали всюду образовываться новыя дружины, расти и оживляться старыя. Къ концу прошлаго года движеніе уже настолько развилось и окрѣпло, что иниціаторы нашли возможнымъ созвать въ Плевнѣ „первый Земледѣльческій Конгрессъ“, на которомъ присутствовало до 1000 человѣкъ. Главной задачею конгресса было объединеніе земледѣльческихъ дружинъ въ общую организацію и созданіе самостоятельной „Земледѣльческой Партіи“, которая имѣла бы своею цѣлью „защиту интересовъ земледѣльческаго населенія Болгаріи“ путемъ законной политической организаціи и парламентской борьбы. Въ частности же имѣлось въ виду подѣйствовать на правительство внушительнымъ протестомъ противъ десятка и заставить его взять назадъ законопроектъ о немъ. Конгрессъ былъ встрѣченъ очень сочувственно общественнымъ мнѣніемъ и, не смотря на неумѣстныя усилія разныхъ политикановъ захватить

его въ свои руки, прошелъ довольно удачно. Рѣшенія его не отличались правда большою оригинальностью, но находились въ полномъ соотвѣтствіи съ характеромъ и задачами движенія, которое онъ представлялъ собою. Конгрессъ выражалъ свое рѣшительное осужденіе десятка и требовалъ коренной реформы податной системы въ смыслѣ облегченія податнаго бремени, лежащаго на земледѣльческомъ населеніи; настаивалъ на необходимости широкой организаціи дешеваго земледѣльческаго кредита и и на созданіи въ странѣ раціональной и практической системы профессіональнаго земледѣльческаго образованія, Наконецъ, онъ положилъ начало „Земледѣльческому Союзу"—общей организаціи земледѣльческихъ дружинъ—и даже выбралъ членовъ „Управительнаго совѣта", который долженъ былъ отнынѣ руководить его дѣлами...

Къ сожалѣнію, продолженіе движенія не оправдало возбужденныхъ имъ вначалѣ надеждъ и, сорвавшись съ пути, скоро отклонилось отъ своей настоящей цѣли. Неопытные крестьяне не могли, конечно, долго тягаться съ посѣдѣвшими въ партизанской борьбѣ политиканами и скоро оказались послушнымъ орудіемъ въ рукахъ оппозиціи, которая съ самаго начала движенія почуяла наживу и приложила всѣ свои усилія для завладѣнія ею. Одна за другою всѣ оппозиціонныя партіи страстно бросились въ движеніе и, благодаря ихъ единодушію, имъ скоро удалось овладѣть имъ, занять въ немъ руководящее положеніе и направить его по своему излюбленному пути. Изъ движенія, имѣвшаго своею основною цѣлью созданіе самостоятельной политической партіи для защиты общихъ интересовъ земледѣльческаго населенія, оно обратилось въ оппозиціонное партизанское движеніе противъ десятка, и даже не столько противъ десятка, сколько противъ правительства, и въ частности противъ министерства Иванчова-Радославова.

Остальное извѣстно читателю изъ газетъ. Буйные массовые „митинги протеста", острыя антиправительственныя резолюціи, вызывающее положеніе по отношенію къ властямъ и даже прямое сопротивленіе имъ; столкновенія съ полиціею, а затѣмъ и съ войсками; кровопролитія въ Варнѣ, Красенѣ, Трестеникѣ и совсѣмъ еще недавно—настоящее сраженіе у Дуранкулака; наконецъ, военное положеніе, распространенное чуть ли не на всю сѣверо-восточную Болгарію, ограниченія свободы печати и не знаю какія еще исключительныя мѣры, которыя держитъ на готовѣ правительство для подавленія движенія, принявшаго почти революціонный характеръ,—таковы были этапы, пройденные движеніемъ, начавшимся при такихъ, казалось бы, благопріятныхъ условіяхъ и обѣщавшихъ такъ много... Оно, конечно, расшатало положеніе министерства и подготовило его близкое, вѣроятно, паденіе, но что собственно ему до этого успѣха оппозиціи? Его можно считать неудавшимся и законченнымъ. Уступитъ ли правительство

требованію общественнаго мнѣнія и отмѣнитъ законъ о десяткѣ, какъ думаютъ многіе, или доведетъ начатое до конца и, задавивъ движеніе, соберетъ свой десятокъ остріями штыковъ, какъ думаю я,—во всякомъ случаѣ дѣло созданія самостоятельной „земледѣльческой партіи“ можно считать пока проиграннымъ. И это очень печально, потому что нужда въ такой партіи, существованіе которой въ высшей степени важно, не только для земледѣльческаго населенія, но и для всего государства, ничуть не изчезнетъ отъ того, что въ настоящемъ году судьбѣ угодно было послать Болгаріи богатый урожай. Эта нужда такъ очевидна, что я ничуть бы не удивился, если бы неудавшаяся на этотъ разъ попытка была возобновлена въ близкомъ будущемъ. И тогда—будемъ надѣяться,—она дастъ и лучшіе результаты...

И—въ.

Изъ Англіи.

I.

Когда я выяснялъ себѣ детали того общественнаго явленія, о которомъ буду говорить теперь, мнѣ припомнилась одна сцена. Мы ѣхали изъ Сѣверной Италіи черезъ Симплонъ въ Бригъ. Кромѣ меня, въ дилижансѣ были еще три пассажира: двѣ дамы и мужчина, всѣ англичане. Сидѣли еще два пассажира въ „купэ“, т. е. на болѣе дорогихъ мѣстахъ впереди, возлѣ кучера; но тѣхъ нельзя было разсмотрѣть. Англичанинъ рядомъ со мною былъ такъ же на диво выбритъ и такъ же одѣтъ, какъ будто бы собирался въ свой „office“. Лишь клѣтчатая шапочка, которою онъ въ дилижансѣ замѣнилъ цилиндръ,—свидѣтельствовала о дорожной вольности. У англичанина было все „stilish“, все, „comme chez les gens de qualité“, какъ говоритъ мольеровскій герой. Усы были расправлены точь въ точь, какъ у лорда Китчнера, цѣпочка выпущена по борту жилета, какъ у принца Альберта, воротнички съ отогнутыми ушами особой формы, какъ у лорда Ольберталя. Все это: и одинаковые усы, и одинаковые воротнички, и одинаковую выкройку жилета вы замѣтите у десятковъ тысячъ англичанъ одного класса. „Лордъ“ ввелъ, слѣдовательно, „коммонеру“—нужно подражать. Къ почтовой конторѣ въ Домо д'Оссола, откуда отправляется дилижансъ, группа англичанъ явилась въ сопровожденіи отельнаго лакея, нагруженнаго ящичками, баульчиками и чемоданчиками, представляющими послѣднее слово комфорта; надъ этими

ящиками цѣлый рядъ изобрѣтателей ломали голову, какъ бы выдумать приспособленія, которыя вотъ такому путешествующему господину съ усами, какъ у лорда Китчнера, доставятъ комфортъ собственной комнаты, гдѣ бы онъ ни былъ: у нильскихъ водопадовъ или же у Нордкапа. Англичанинъ рѣзко и отрывисто (въ иномъ тонѣ англичанинъ никогда не говоритъ съ прислугой, въ особенности на континентѣ) отдавалъ приказаніе лакею, гдѣ размѣстить ящички. Должно быть, лакей не особенно хорошо понималъ по англійски, ибо сундучекъ, котораго назначеніе было быть въ дилижансѣ (въ немъ было какое-то особое приспособленіе для цилиндра), лежалъ еще на землѣ.

— Запомните навсегда,—отрубилъ туристъ,—когда англичанинъ приказываетъ, его нужно слушаться немедленно.

Наконецъ, все было уложено. Дамы замѣнили шляпки дорожными шапочками и вытащили изъ ридикюлей зеленыя бутылочки съ летучей солью, какъ будто въ тѣхъ волнахъ горнаго воздуха, напоенныхъ запахомъ хвои и нарцисовъ, что врывались въ окна дилижанса, было что-то оскорбительное. Гремя бубенцами, дилижансъ тронулся. Пока мы были въ долинѣ Валь-ди-Вэдро, всѣ молчали. Но вотъ отъ Изеле начался подъемъ. Открылась гора Монте-Леоне. Подрѣзанныя лучами утренняго солнца, легкія, розоватыя тучки поползли по крутымъ бокамъ горы. Вотъ онѣ скрыли совершенно одинокую, корявую пихту, которая забралась страшно высоко на самый край обрыва и крѣпко обхватила выступавшими корнями покрытую зелеными лишаями скалу. Кажется, что она скрючилась, потому боится, что вотъ-вотъ порывъ вѣтра снесетъ ее въ пропасть, на днѣ котораго гдѣ-то далеко реветъ и грохочетъ потокъ, вырвавшійся изъ подъ зеленаго глетчера. Розоватыя тучки плыли между тѣмъ и окружили сверкающую сѣдинами голову горы. И кажется, что то—призрачныя подруги ледяницы, дѣвы льдовъ, собрались къ старику, чтобы развлечь его. Но скучно имъ съ угрюмымъ старикомъ, и тучки поплыли выше, тая въ чистомъ небѣ, и снова засверкала на солнцѣ сѣдая голова горы. Наплывало то настроеніе, которое захватываетъ всецѣло, то особое настроеніе, которое испытываешь утромъ въ горахъ. Развинченность, тяготы, наваленныя городомъ, таютъ тоже, какъ эти тучки. Остается особое, приподнятое, ликующее настроеніе, связанное съ „сліяніемъ *я* съ космосомъ“.

— Миссисъ Дайеръ, пожалуйста!—заговорила одна изъ англичанокъ, дама совершенно безъ бровей: вмѣсто ихъ, были лишь однѣ припухлости.

— Что такое, миссисъ Снэмровъ?—раздался голосъ изъ „купэ“. Оттуда высунулась голова старухи, повязанная отъ пыли чернымъ шелковымъ платкомъ, въ золотыхъ круглыхъ очкахъ на носу.

— Посмотрите, пожалуйста, миссисъ Дайеръ, что говоритъ Бедекеръ о той долинѣ, что направо?

Миссисъ Дайеръ зашелестѣла переворачиваемыми страницами и стала читать:

— Это одна изъ наиболѣе красивыхъ и живописныхъ долинъ Швейцаріи.

— Ахъ, какъ мило! Ахъ, какъ хорошо! Не правда ли, Артуръ, какъ мило!—стала восторгаться дама безъ бровей, которая ждала лишь санкціи Бедекера.

— Да, очень мило, въ самомъ дѣлѣ!—согласился джельтельмэнъ.—А дальше, что указываетъ Бедекеръ? — спросилъ онъ.

— Ничего; онъ говоритъ о дикой котловинѣ возлѣ перевала.

— All, right. Можно ѣсть сандвичи, значитъ.

Сандвичи были съѣдены. Затѣмъ дамы и джентельмэны вытащили изъ баульчика особыя надувающіяся подушки, которыя можно приспособить всюду, и заснули. Спали они до „котловины", которую указалъ Бедекеръ. За переваломъ мы разговорились. Джентельмэнъ былъ шэфильдскій фабрикантъ патентованныхъ пряжекъ для подвязокъ. Меня онъ распрашивалъ, какой у насъ въ Россіи національный спортъ, на какомъ языкѣ говорятъ въ самомъ высшемъ обществѣ? Правда ли, что гербъ князя N такой же самый, какъ у лорда Z и т. д. Фабрикантъ былъ представителемъ многочисленнаго класса въ Англіи (класса, дѣлящагося на нѣсколько слоевъ), отлично знающаго свое собственное дѣло, но подчиняющаго свое мнѣніе о явленіяхъ, лежащихъ внѣ круга, различнымъ „бедекерамъ": литературнымъ, политическимъ, религіознымъ и т. д. Въ этомъ классѣ можно видѣть и маленькаго клэрка, записывающагося въ „лигу подснѣжника", п. ч. великимъ магистромъ ея является лордъ Сольсбери и фабрикантъ, вродѣ того, что ѣхалъ со мною отъ Домо д'Оссола. Классъ этотъ не составляетъ политической группы; онъ рѣзко отличается отъ средняго англійскаго класса: послѣдній образованъ, отлично разобрался въ явленіяхъ жизни, относится къ нимъ критически. Тотъ классъ, о которомъ я говорю, совершенно не образованъ. Воспитаніе ограничивается скверной школой, въ которой учатъ, главнымъ образомъ, спорту да родному языку. Въ 16 лѣтъ ученіе закончено. Классъ этотъ отъ культуры перенялъ все внѣшнее, все практическое, что немедленно можетъ быть примѣнено къ дѣлу. Пусть другіе выдумываютъ, учатся, ломаютъ голову! Когда они додумаются до чего либо „практическаго", осязательнаго, представители этого класса заплатятъ извѣстное количество соверэновъ и пріобрѣтутъ готовый результатъ. Въ умственномъ развитіи это настоящіе дикари. Они довольствуются міровозрѣніемъ, которое врядъ ли сколько измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ окончился періодъ полированныхъ каменныхъ орудій. Въ нормальное время для прогресса англійскаго общества культурные дикари не являются тормазомъ. Они могутъ явиться страшной разрушительной силой лишь въ особые моменты, когда бир-

жевой капиталъ, стремясь найти опору, объединяетъ ихъ въ одну армію. Культурные дикари страшны тѣмъ, что у нихъ нѣтъ рѣшительнаго критическаго самосознанія. Они слѣпо во всемъ подчиняются своему „бедекеру". Мы какъ-то бесѣдовали съ однимъ пріятелемъ англичаниномъ о культурныхъ дикаряхъ.

— Англичанъ пугаютъ нашествіемъ варваровъ,—сказалъ онъ.— Если эти варвары, которые затопчутъ нашу могучую культуру и надолго установятъ господство „темнаго періода" и явятся, то не съ той стороны, съ которой указываютъ пугающіе. Варвары явятся не съ другого континента; они поднимутся не изъ подонковъ общества, какъ пугаютъ насъ тѣ, которые выдвинули красный призракъ. Варвары эти не оборванные, грубые, о! нѣтъ. Они носятъ черные сюртуки, лоснящіеся цилиндры и безупречное бѣлье. Господство этихъ варваровъ въ тысячу разъ страшнѣе, чѣмъ вторженіе монголовъ или же чѣмъ возстаніе лумпенпролетаріата. Варвары въ лоснящихся цилиндрахъ задушатъ все, чѣмъ мы гордимся; свергнутъ нашу могучую культуру; затопчутъ наши завоеванія, добытыя разумомъ. Вы лишь взгляните, какіе ужасы принесло съ собою кратковременное господство варваровъ теперь. Они поддержали эту безумную войну.

Я сказалъ пріятелю, что допускаю нашествіе варваровъ въ черныхъ цилиндрахъ; но совершенно не согласенъ съ тѣмъ, что господство новыхъ галловъ можетъ быть продолжительно въ Англіи. Они не несутъ съ собою ничего „положительнаго". Два класса, что создали великую Англію, цвѣтъ умственной силы и массы, слишкомъ жизненны, чтобы „дикари" могли покорить ихъ.

Но затѣмъ я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что моментъ теперь рѣшительный. Культурные дикари соединились. Они выдѣлили своего министра, свою ежедневную прессу. И на томъ, и на другой лежитъ характерный отпечатокъ.

II.

Иностранецъ, попавшій на „галлерею для постороннихъ" въ парламентъ, проситъ прежде всего теперь указать ему Чэмберлэна. Имя министра колоній теперь извѣстно всему читающему міру. Иностранцу укажутъ на высокаго, бритаго старика, съ застывшимъ, каменнымъ лицомъ, съ ввинченнымъ моноклемъ въ глазу. Чэмберлэнъ обыкновенно сидитъ въ одной и той же позѣ: руки крѣпко скрещены, голова откинута. Кажется, онъ спитъ. Представитель оппозиціи произноситъ рѣчь, направленную противъ министра колоній. Онъ приводитъ рядъ непріятныхъ фактовъ изъ прошлаго министра, прибавляетъ къ фактамъ ядовитыя замѣчанія. Коммонеръ доказываетъ, что министръ—ренегатъ, нарушитель торжественныхъ обѣщаній, соучастникъ разбойничьяго

набѣга, укрыватель составителя подложнаго воззванія и т. д. Лицо министра совершенно безстрастно. Блѣдныя, крѣпко сжатыя губы не дрогнутъ; грудь, облеченная въ высоко застегнутый сюртукъ съ красной орхидеей въ петличкѣ, дышетъ ровно. Нужна удивительная выдержка или сильная вѣра въ самого себя, чтобы такъ безстрастно выслушивать нападенія на самого себя, какъ на человѣка. Но вотъ министръ поднялся отвѣчать. Его рѣчь плавна, порой остроумна; но на ней лежитъ совсѣмъ особый отпечатокъ. Рѣчи англійскихъ коммонеровъ стараго типа тщательно разработаны въ литературномъ отношеніи: періоды гладки, красивы. Коммонеры щеголяютъ цитатами изъ Виргилія и Шекспира. Когда явились депутаты, посланные непосредственно народомъ, въ парламентѣ послышались новыя страстныя рѣчи, безъ классическихъ фіоритуръ. Чэмберлэнъ говоритъ ни какъ старый коммонеръ, ни какъ народный представитель. На его рѣчахъ лежитъ отпечатокъ вульгарности передовой статьи уличной газеты. Какъ публицистъ *Daily Mail* или *Sun*, министръ колоній охотно цитируетъ куплеты изъ народныхъ пѣсенъ, производящихъ фуроръ въ *мюзикъ-голлахъ*; какъ эти публицисты, министръ часто бьетъ въ гулкія литавры „патріотизма". Вождь „культурныхъ дикарей" на диво владѣетъ жаргономъ ихъ; мудрено ли, что его рѣчи производятъ такое впечатлѣніе на поклонниковъ! Министръ колоній теперь достигъ почти зенита политическаго небосклона. Чэмберлэнъ и теперь фактически глава кабинета. Товарищи его по министерству, которые еще не такъ давно не находили словъ для выраженія своей ненависти и презрѣнія къ „Джеку Каду", къ „выскочкѣ", къ „политическому шарлатану", къ „бирмингэмскому обманщику" *) — теперь подчинились ему. Десять шансовъ противъ одного, что на ближайшихъ выборахъ Чэмберлэнъ займетъ еще болѣе видный постъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что и Сольсбери, и Бальфуръ будутъ выброшены за бортъ. „Культурные дикари" на время станутъ побѣдителями и выдвинутъ *своего* собственнаго премьера, Джозефа Чэмберлэна. Онъ теперь очень популяренъ; но характерная особенность: англичане даютъ своимъ любимымъ министрамъ ласкательныя клички: Морлей—„честный Джонъ", Гладстонъ — „нашъ старикъ" и пр. Чэмберлэнъ же не имѣетъ клички, если не принимать во вниманіе прозвищъ, мало лестныхъ, конечно, данныхъ ему политическими противниками. Всѣмъ извѣстно, что Чэмберлэнъ въ достаточной степени мѣнялъ политическую физіономію; но, мнѣ кажется, ошибочно мнѣніе, что министръ колоній когда либо имѣлъ опредѣленную физіономію. Съ перваго момента появленія на аренѣ политической дѣятельности, въ сущности, Чэмберлэнъ былъ всегда одинъ и тотъ

*) Клички эти даны Чэмберлэну лордомъ Сольсбери, Гамильтономъ, Гиксъ-Бичемъ и другими нынѣшними союзниками.

же. Если, выражаясь фигурально, онъ часто мѣнялъ вооруженіе, то потому, что надѣялся, что въ этомъ вооруженіи скорѣе дойдетъ до цѣли: до верховъ политической лѣстницы. Чэмберлэнъ являлся типичнымъ представителемъ „культурныхъ дикарей"; не задумываясь, онъ мѣнялъ вооруженіе, выкованное другими, когда находилъ это выгоднымъ. Чэмберлэнъ является политическимъ дѣятелемъ около 30 лѣтъ; но *никогда* онъ не выступалъ со *своей* теоріей. Онъ бралъ готовую идею, выработанную другими, идею, которая, по его разсчетамъ, должна имѣть больше всего сторонниковъ. Если это не оправдывалось, Чэмберлэнъ бросалъ идею и поднималъ новое знамя. Лѣтъ двадцать тому назадъ нынѣшніе союзники Чэмберлэна называли его не иначе, какъ „дикимъ теоретикомъ". Чэмберлэнъ никогда не былъ теоретикомъ. Самое внимательное изученіе рѣчей министра колоній не даетъ намъ ни одной сколько нибудь обоснованной, не говоря уже оригинальной, теоріи. Не будетъ также болѣе плодотворнымъ внимательное изученіе рѣчей, относящихся къ „красному" періоду.

Чэмберлэнъ—типичный сынъ того класса, котораго онъ является представителемъ теперь рѣшительно во всемъ. Какъ и всѣ „культурные дикари", онъ учился въ средней школѣ, а затѣмъ съ 17 лѣтъ принялся за „business". Онъ поступилъ на фабрику винтовъ, принадлежавшую его отцу. Къ тридцати годамъ состояніе его достигло такихъ размѣровъ, что могъ заняться политикой. Чэмберлэнъ дебютировалъ, какъ крайній тори стараго типа; но быстро сообразилъ, что вооруженіе, которое онъ взялъ, заржавѣло и больше никуда не годится. Старый англійскій торизмъ фактически умеръ послѣ реформы 1867 г. Увидавъ, что непримиримый консерватизмъ больше не найдетъ сторонниковъ, Чэмберлэнъ быстро сбросилъ вооруженіе и сталъ крайнимъ радикаломъ и республиканцемъ. Въ родномъ Бирмингэмѣ радикальныя рѣчи Чэмберлэна имѣли огромный успѣхъ. Онъ выступилъ противъ палаты лордовъ изъ за отдѣленіе церкви отъ государства. Оба положенія нисколько не могли задѣть интересовъ среднихъ классовъ Бирмингэма. Нужно сознаться, что извѣстность создали Чэмберлэну ультраконсервативныя газеты. По нимъ читатели ихъ, англійская аристократія получили представленіе о Чэмберлэнѣ, какъ о воплощеніи революціи. Въ салонахъ онъ былъ извѣстенъ подъ кличками „Athée" и „Républicain". Слава бирмингэмскаго разрушителя достигла даже дѣтскихъ. Говорятъ, няньки пугали дѣтей лордомъ Чэмберлэномъ.

— Если ваша милость сейчасъ не соизволитъ заснуть,—говорила нянька расплакавшемуся двухлѣтнему маркизу или виконту,—то я отдамъ его милость Чэмберлэну!

Въ 1876 г. „бирмингэмское чудовище" и „англійскій Маратъ" былъ выбранъ въ парламентъ. Обратимся къ тогдашнимъ рѣчамъ Чэмберлэна и постараемся опредѣлить, съ какимъ балансомъ

явился „Маратъ“. Первымъ пунктомъ программы Чэмберлэна было всеобщее избирательное право. „Если мнѣ предложатъ сформулировать сущность бирмингэмскаго либерализма,—объяснялъ тогда Чэмберлэнъ *),—я скажу: *твердая вѣра въ здравый смыслъ и въ патріотизмъ народа*... Я рѣшительно не могу понять безпричиннаго страха тѣхъ людей, которые всѣми силами противятся всеобщему избирательному праву. Каждый разъ, когда въ парламентъ вносится проектъ расширенія избирательнаго права, мы слышимъ мрачныя предсказанія политическихъ Кассандръ. Эти предсказанія ни разу еще не оправдались; но, тѣмъ не менѣе, они регулярно повторяются при проведеніи каждаго избирательнаго билля. Въ настоящее время можно насчитать въ деревняхъ болѣе милліона совершеннолѣтнихъ гражданъ, лишенныхъ права голоса на выборахъ. Какая же опасность угрожаетъ государству, если эти отверженные будутъ призваны къ общественной жизни? Вѣдь живутъ же безопасно среди сельскихъ рабочихъ, аристократія, джентри и фермеры! Вѣдь не боятся же помѣщики довѣрять работникамъ свою собственность! Почему же политическія Кассандры полагаютъ, что право голоса превратитъ этихъ мирныхъ, честныхъ и трудолюбивыхъ гражданъ въ опасныхъ враговъ общества и въ разрушителей государственнаго строя?“

Вторымъ пунктомъ программы Чэмберлэна было отдѣленіе англиканской церкви отъ государства. „Государственная церковь это—институтъ, раздѣляющій всю страну на враждебные лагери во взглядахъ на свободу совѣсти и на систему воспитанія,—сказалъ Чэмберлэнъ на митингѣ въ Шэфильдѣ, 5 іюля 1876 г. Государство и церковь должны быть независимы и самостоятельны. Стоя за государственную церковь, либерализмъ самъ далъ оружіе своему наиболѣе непримиримому врагу. Въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ не было ни одного движенія демократіи, которое было бы поддержано англиканской церковью. Величайшимъ событіемъ послѣднихъ лѣтъ нужно считать пробужденіе сельскихъ работниковъ, стремленіе ихъ улучшить свое матеріальное положеніе и получить право голоса. Можно было бы думать, что симпатіи священниковъ будутъ на сторонѣ угнетеннаго *ходжа* **). Въ дѣйствительности они отвернулись отъ него. Въ этомъ повинна англиканская государственная церковь. Союзъ церкви съ государствомъ неминуемо ведетъ къ отчужденію церкви отъ народа... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Бирмингэмѣ устраивались митинги для выясненія вопроса, почему работники не посѣщаютъ церковь. Я не знаю, къ какимъ результатамъ пришли тогда; для меня,—продолжалъ Чэмберлэнъ,—внѣ сомнѣнія одно:

---

*) *Times*, 28 іюня 1876 г., стенографическій отчетъ митинга въ Бирмингэмѣ.

**) Нарицательная кличка англійскихъ сельскихъ работниковъ.

причина непосѣщенія лежитъ въ томъ, что работникъ видитъ въ клэрджимэнѣ противника всѣхъ политическихъ реформъ, къ которымъ лежитъ сердце работника. Помню я, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ посѣтилъ муниципальный митингъ. Я замѣтилъ тогда, что никогда не встрѣчалъ еще работника-консерватора. Какъ вдругъ поднимается бородатый парень.

— Я тотъ, кого Чэмберлэнъ никогда еще не видалъ,—сказалъ онъ,—я работникъ и тори.

— Не правда!—прервалъ кто-то,—вы не работникъ, а пономарь.

Слѣдовало бы думать, что клэрджимэны будутъ не за привилегіи, не за денежный кошель, не за безпутную роскошь. Но что же мы видимъ въ дѣйствительности? Попробуйте устроить митингъ для обсужденія реформы, живо интересующій насъ всѣхъ. Клэрджимэны будутъ блистать своимъ отсутствіемъ. И всегда это было такъ. Ни въ какой другой профессіи вы не найдете ничего подобнаго. Среди врачей, адвокатовъ, профессоровъ вы можете встрѣтить людей различныхъ политическихъ оттѣнковъ. Чѣмъ же объяснить, что клэрджимэны выкрашены всѣ въ одну сѣрую политическую краску? Можно думать, что консерватизмъ обязателенъ для священника. Разрѣшеніе вопроса лежитъ не въ людяхъ, а въ институтѣ государственной церкви. Отдѣлите англиканскую церковь отъ государства, и священники снова будутъ возвращены націи.

Наконецъ, третьимъ главнымъ пунктомъ политической программы Чэмберлэна была земля. „Земельный вопросъ одинаково важенъ, какъ для горожанъ, такъ и для работниковъ въ деревняхъ,—читаемъ мы въ отчетѣ о шефильдскомъ митингѣ 1876 г. Во взглядахъ на землю я схожусь вполнѣ съ Брайтомъ и Кобдэномъ... Я боюсь, что застой въ промышленности, который чувствуется уже,—станетъ расти все. Къ несчастью, застой обозначаетъ также пониженіе заработной платы и сокращеніе числа работниковъ. И когда мясо вздорожаетъ, а заработки упадутъ, вы вспомните тогда, что даже лордъ Дерби выразилъ увѣренность, что продуктивность земли можетъ быть удвоена, если увеличить затрачиваемый на обработку капиталъ. Можете присоединить къ этому факту еще слѣдующее. Земельные законы Англіи не имѣютъ себѣ подобныхъ ни въ какой другой странѣ. Они всячески поддерживаютъ сконцентрированіе земель въ однѣхъ рукахъ и превращеніе угодій въ увеселительные парки. Въ то же время законы гибельны для мелкихъ арендаторовъ. Если лордъ Дерби правъ, то существуютъ, значитъ, нетронутыя богатства, которыя могутъ доставить странѣ ежегодный доходъ въ 250 милліоновъ ф. ст. Сколько бы работниковъ получили, такимъ образомъ, средства къ существованію! Улучшеніе положенія рабочаго класса могло бы быть достигнуто не путемъ колонизаціи афри-

канскихъ пустынь; не порабощеніемъ дикихъ царьковъ; не пропагандой цивилизаціи ящиками опіума; не штыками, наконецъ;— но освобожденіемъ англійской земли отъ путъ, наложенныхъ два-три вѣка тому назадъ. Въ этомъ и состоитъ задача радикализма. Правда, освобожденіе это можетъ быть совершено не скоро. Пока радикализмъ имѣетъ предъ собою слѣдующія задачи: широкое избирательное право, распространеніе трезвости, образованіе народа, устраненіе той причины, что производитъ раздоры и является помѣхой прогресса (т. е. отдѣленіе церкви отъ государства), да хлѣбъ насущный и комфортъ для работниковъ... Говорятъ, Англія—рай для богачей; мы позаботимся, чтобы она не стала адомъ для работниковъ".

Вотъ наиболѣе „страшные" пункты программы, сформулированные самимъ Чэмберлэномъ. Мы видимъ, что въ ней „чэмберлэновскаго" нѣтъ ничего. Все это, притомъ въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, выставлялось до него. Земельный вопросъ разрѣшался для него „тремя акрами и коровой"—формулой, которую принялъ крайній консерваторъ лордъ Виммъ, предсѣдатель лиги „защиты свободы и собственности". Было бы совершенно непонятно то страшное озлобленіе консерваторовъ противъ Чэмберлэна, если бы мы судили только по сущности программы. Но тори приняли смѣлость слова за смѣлость мысли. Разъясняя свою программу, Чэмберлэнъ не скупился на рѣзкія, насмѣшливыя выходки противъ противниковъ. Эти насмѣшки приводили въ восторгъ его слушателей, въ ярость—противниковъ. Насмѣшки и „сильныя" фразы придавали въ сущности умѣренной программѣ (нынѣшнее торійское правительство на выборахъ выставило болѣе широкую программу) „страшный" характеръ.

„Неужели лорды должны диктовать законы намъ, свободнымъ гражданамъ Англіи?—говорилъ, напр., Чэмберлэнъ.—Хотите ли вы быть свободными господами или же желаете подчиниться наслѣдственной олигархіи? Ваши предки сопротивлялись произволу королей; неужели же вы отдадите вашу свободу жалкой выродившейся группѣ, которую выдвинулъ случай"?

Въ рѣчахъ Брайта, напр., мы можемъ найти болѣе сильные доводы противъ палаты лордовъ; но они облечены въ другую форму. Противъ Чэмберлэна былъ направленъ цѣлый рядъ рѣчей и памфлетовъ. Лордъ Гамильтонъ обозвалъ его „вралемъ и обманщикомъ", лордъ Сольсбери „Джэкомъ-Кадомъ". Предо мною одинъ изъ многочисленныхъ памфлетовъ того времени, озаглавленный: „Письмо къ Чэмберлэну".

„Джозефъ Чэмберлэнъ,—говоритъ авторъ,—вы имѣли удивительное безстыдство, наглость, безсовѣстность и подлость напасть на палату лордовъ и осыпать ее проклятіями, исходящими изъ глубины вашей грязной и предательской утробы. Вы попрекнули благородныхъ лордовъ нажитыми предками ихъ богатствами. Не

годяй! Невѣжда! Состоянія эти нажиты въ благородныхъ войнахъ. Тратя деньги, лорды поддерживаютъ промышленность страны".

Лакеи бываютъ двоякаго типа: одни—подневольные; другіе—свободные по рожденію. Памфлетъ несомнѣнно принадлежитъ перу „свободнорожденнаго лакея", который не узналъ своего собственнаго будущаго вождя. Въ Чэмберлэнѣ видѣли вначалѣ дѣйствительно новаго Джэка Када, страшнаго демагога, который вотъ-вотъ призоветъ Lumpenproletariat къ возстанію. Такой взглядъ приведенъ въ памфлетѣ „Mr. Daniel Creedy, M. P.", который произвелъ въ свое время фуроръ. Авторъ памфлета — *Extravaganza*— въ Даніэлѣ Криди выводитъ Чэмберлэна. Трудно понять успѣхъ нѣкоторыхъ книгъ, когда прочитаешь ихъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Непонятенъ теперь шумный успѣхъ „Даніэля Криди". Памфлетъ скученъ, прѣсенъ и въ достаточной степени не уменъ; но для насъ, русскихъ, любопытенъ одинъ фактъ. Узоры памфлета вышиты по фабулѣ, заимствованнной изъ „Носа". Какъ маіоръ Ковалевъ,—Даніэль Криди теряетъ носъ, гонится за нимъ по столицѣ, ищетъ его по публикаціи, находитъ его и мучится отчаяньемъ, что носъ не пристанетъ. Какъ маіоръ Ковалевъ,—Криди просыпается утромъ съ носомъ на мѣстѣ. Далѣе фабула энглизирована совершенно.

„Хоть мистеръ Даніэль Криди и былъ радикальнымъ джентельмэномъ, — говоритъ авторъ, — но онъ радикально не былъ джентельмэномъ. Какъ ни одѣньте, какъ ни скребите, чешите и душите негра, въ немъ останется нѣчто, обнаруживающее его африканское происхожденіе. М-ръ Даніэль Криди сознавалъ всегда, что онъ вноситъ съ собою въ среду лучшихъ, чѣмъ онъ, по происхожденію людей напоминаніе о томъ чумазомъ, отъ котораго отдѣлился въ еще очень недавнее время. Это происхожденіе невозможно прикрыть никакой позолотой". Авторъ вышучиваетъ обличеніе Чэмберлэномъ „незаработаннаго приращенія" земельной ренты и указываетъ на то, что „Даніэль Криди" самъ пользуется „приращеніемъ", приносимымъ винтами его фабрики. Криди внезапно потерялъ носъ, которымъ такъ гордился всегда. „Носъ его упрятали политическіе митинги. Криди совалъ его всюду, обонялъ имъ лесть". Слѣдуютъ тщетныя поиски на улицѣ при помощи полисмэна. Криди приходитъ къ заключенію, что носъ у него украденъ кѣмъ-то. Но кто же похититель? Феніи? не можетъ быть. „Вѣдь я тоже динамитчикъ, хотя бросаю лишь словесныя бомбы, которыя должны взорвать не зданія, а классы. Вѣдь я самъ симпатизирую феніямъ и готовъ отдать имъ все: лэди, лордовъ, парламентъ, честь старой Англіи". Послѣ безполезной попытки жаловаться магистрату, Даніэль Криди засыпаетъ и видитъ во снѣ работника.

— Вы пользуетесь теплой постелью, тогда какъ я зябну,—говоритъ онъ Чэмберлэну.—Клянусь Брэдло и Голіокомъ!—У васъ на ногахъ—пуховое одѣяло, тогда какъ я кладу сверхъ одѣяла для

тепла штаны. Вы довольно грѣлись. Отдайте мнѣ постель.—Работникъ ложится.

— Послушайте, вы совсѣмъ зазнались. Благосостояніе сдѣлало васъ наглецомъ. Теперь вы выгоняете меня самого,—жалуется Криди.

— Таковъ результатъ всеобщаго избирательнаго права!—сентенціозно замѣчаетъ работникъ и вытѣсняетъ Криди изъ постели. Чэмберлэнъ очутился подъ постелью и видитъ, какъ послѣдняя гнется и готова провалиться подъ непривычной тяжестью. И лежа подъ кроватью Криди кается и даетъ зарокъ „никогда не играть острыми орудіями". Авторъ памфлета оказался пророкомъ.

Въ парламентѣ Чэмберлэнъ не открывалъ похода противъ „священныхъ основъ", за то онъ вскорѣ началъ борьбу съ... имперіализмомъ, насажденнымъ Биконсфильдомъ, и съ агрессивной политикой въ Южной Африкѣ. „Подобная политика втянула насъ уже въ войну съ зулусами,—сказалъ Чэмберлэнъ.—Предъ чѣмъ же, наконецъ, остановится эта политика захвата? Если страна убѣждена, что ея назначеніе внушать сосѣдямъ страхъ и смиреніе,—поводъ къ войнѣ всегда найдется: новый имперіализмъ отравилъ уже сознаніе многихъ, кому страна довѣрила власть въ далекихъ колоніяхъ. И если зарвавшійся имперіализмъ не будетъ остановленъ парламентомъ или же народомъ, то страну ждутъ великія бѣдствія, которыя могутъ закончиться страшной катастрофой" *).

„Всюду, куда торійское правительство протягивало руку,—оно сѣяло смуту и анархію, — громилъ Чэмберлэнъ министерство по поводу Авганской войны и событій въ Южной Африкѣ.—Иностранная политика торійскаго министерства, по мнѣнію оратора, была безконечной цѣпью роковыхъ ошибокъ и преступленій. „Англія начала войну съ Трансваалемъ подъ вымышленнымъ предлогомъ, имѣя цѣлью захватъ. Мы притворно увѣряли въ дружбѣ авганцевъ и зулусовъ, чтобы лучше захватить ихъ страну. Мы сѣяли всюду смуту и анархію. Мы, считающіе себя христіанами, явились виновниками смерти десятковъ тысячъ храбрыхъ людей, защищавшихъ свой очагъ и свою свободу. Мы опустошили и разорили громадный край, ибо повѣрили министру-джинго, что Англіи нужны новыя границы. Потомство составитъ для виновниковъ всѣхъ этихъ катастрофъ слѣдующую эпитафію:

„Здѣсь похоронено торійское министерство, на слово котораго никто никогда не могъ положиться. Министерство это никогда не сказало, что думало, и никогда не сдѣлало ничего умнаго" **). Если эпитафія была справедлива для министерства Биконсфильда, то въ не меньшей степени она примѣнима и къ нынѣшнему кабинету.

На первыхъ порахъ Чэмберлэнъ былъ одинокъ въ парламентѣ;

---

*) «*Times*», 9 января 1880 г.

**) «*Times*», 12 января 1880 г.

но уже въ началѣ 1880 г., предъ выборами, либеральная партія вступаетъ въ соглашеніе съ „республиканцемъ“. Гиксъ-Бичъ такъ описывалъ этотъ союзъ.

«Вчера ночью, въ Бирмингэмѣ, подъ благороднымъ покровительствомъ муниципалитета, поставлена была крайне забавная комедія, въ которой участвовали такіе выдающіеся актеры, какъ сэръ Вильямъ Гаркортъ, Джонъ Брайтъ и Чэмберлэнъ. Содержаніе комедіи очень не сложно. Есть злодѣй и молодая лэди, которую друзья, старые, опытные люди, напрасно предостерегаютъ противъ опаснаго негодяя. Лэди пылаетъ непреодолимымъ желаніемъ посѣтить жилище безпутнаго человѣка. (Гаркортъ посѣтилъ банкетъ, устроенный въ честь открытія въ Бирмингэмѣ новаго „Клуба реформаторовъ“). Молодая героиня видится съ опаснымъ негодяемъ. Къ своему великому изумленію, она убѣждается, что онъ такой же простой смертный, какъ и всѣ, и отнюдь не таковъ, какимъ описывали его. Героиня возмущена клеветой и пылаетъ къ негодяю любовью, который отвѣчаетъ тѣмъ же и увѣряетъ, что совсѣмъ не такъ черенъ, какъ рисовали его. Негодяй льститъ героинѣ, говоря, что у обоихъ ихъ одинаково ясный взглядъ на дѣйствительность. Злодѣй пьесы и героиня обсуждаютъ вмѣстѣ нѣкоторые вопросы. Онъ говоритъ, что если они и расходились во взглядахъ, то за то полное согласіе наступитъ неминуемо, какъ только они соединятся. Тутъ появляется глава семьи (Гладстонъ) и благословляетъ союзъ злополучной пары. Зрители, оставивъ театръ, вынесли впечатлѣніе, что нѣкоторые люди женятся слишкомъ поспѣшно и имѣютъ потомъ много лѣтъ впереди, чтобы раскаиваться. Таково содержаніе маленькой салонной пьески, исполненной въ Бирмингэмѣ. Въ этомъ городѣ мы видѣли также братанье представителя традиціонной либеральной школы съ наиболѣе свирѣпымъ радикаломъ настоящаго времени. Такъ или иначе, а радикала теперь считаютъ совсѣмъ не такимъ опаснымъ звѣремъ, какимъ онъ слылъ до сихъ поръ. Съ своей стороны, радикалъ обѣщаетъ торжественно отказаться на время отъ разрушительныхъ теорій и стремиться сообща съ либералами къ одной общей цѣли—къ ниспроверженію торійскаго министерства“ *).

Кто же могъ предвидѣть, что „пугало“ разведется вскорѣ со своею „молодою женою“, которую такъ жалѣлъ Гиксъ-Бичъ, и чтобы вступить въ новый бракъ съ почтенной старой дамой, консервативной партіей, мудрость и опытность которой такъ восхваляетъ министръ!

Черезъ нѣсколько дней, на большомъ митингѣ въ Бирмингэмѣ, Чэмберлэнъ отвѣтилъ Гиксъ-Бичу. Онъ поблагодарилъ министра

---

*) «*Times*», 22 января 1880 г.

колоніи *) за сравненіе Гаркорта съ невинной лэди, а его, Чэмберлэна, съ опаснымъ негодяемъ, отрекшимся отъ безпутной жизни, чтобы жениться на молодой дѣвицѣ. „Отъ этого брака ждутъ всякихъ ужасовъ, — продолжалъ Чэмберлэнъ. — Конечно, очень мило со стороны сэра Майкеля, что онъ интересуется такъ нашими семейными дѣлами; боюсь лишь, что онъ дѣлаетъ это отнюдь не такъ безкорыстно, какъ говоритъ. Было время, когда самъ сэръ Майкель желалъ вступить въ бракъ съ этой неопытной дѣвицей, чтобы поправить, такимъ образомъ, разстроенныя дѣла консервативной партіи. Бракъ не удался, такъ какъ умѣренные либералы не желали связаться съ господами, политическое прошлое которыхъ сомнительно. Достопочтенный джентельмэнъ самъ имѣетъ скелетъ въ домѣ **). Что же касается министерства, то оно осуждено уже. Во внѣшней политикѣ оно сдѣлало все, что не должно было бы сдѣлать, относительно же домашнихъ реформъ оно не исполнило ни одного обѣщанія. Министерство не имѣетъ никакихъ шансовъ на побѣду. Оно надѣлало бездну ошибокъ и глупостей. Когда министерство падетъ, всѣ скажутъ съ облегченіемъ: „наконецъ-то“ ***)!

Побѣда на выборахъ 1880 г. досталась либераламъ. Любопытно отмѣтить, мимоходомъ, одну черту. Биконсфильдъ не отличался особенной политической скрупулезностью; но когда ему посовѣтовали распустить парламентъ въ 1878 г. — онъ отказался на отрѣзъ. Въ 1878 г., послѣ Берлинскаго конгресса, джингоизмъ достигъ точки кипѣнія, и фонды Биконсфильда стояли очень высоко. Друзья премьера посовѣтовали ему воспользоваться моментомъ для общихъ выборовъ. „Премьеръ никогда не долженъ строить успѣхъ общихъ выборовъ на случайномъ подъемѣ энтузіазма,—отвѣтилъ Биконсфильдъ. — Мнѣ говорятъ, что я теряю случай выиграть побѣду. Я не думаю этого. Англичане не любятъ, когда нарушаются правила конституціи. Если бы я воспользовался моментомъ и назначилъ бы выборы въ іюлѣ 1878 г., — англичане бы мнѣ этого никогда не простили“. Въ 1880 году джингоизмъ остылъ, и Биконсфильдъ потерпѣлъ пораженіе на выборахъ. Теперь Чэмберлэнъ настоятельно совѣтуетъ воспользоваться моментомъ, когда публика опьянена разгромомъ республикъ,—для назначенія общихъ выборовъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выборовъ 1880 г., на митингѣ въ Гакней, маркизъ Сольсбери обличалъ будущаго вождя джингоизма. „Больно видѣть, какъ сторонники старой партіи виговъ, являвшейся всегда защитницей законности и собственности,

*) Гиксъ-Бичъ въ министерствѣ Биконсфильда занималъ тотъ же постъ, который теперь занимаетъ Чэмберлэнъ.

**) Чэмберлэнъ намекалъ на внутренніе раздоры въ кабинетѣ Биконсфильда, которые повели къ отставкѣ лордовъ Дерби и Карнарвона.

***) «*Times*», 26 января 1880 г.

идутъ слѣпо всюду, куда поведетъ ихъ дикій бирмингэмскій теоретикъ“ *).

Чэмберлэнъ объяснилъ пораженіе консерваторовъ—политикой авантюръ, которою усвоили они. „Насъ, либераловъ, обвиняютъ въ томъ, что мы расчленяемъ имперію, дабы избѣжать войны **)—сказалъ Чэмберлэнъ. Когда торійское министерство присоединяло Трансвааль, оно мотивировало поступокъ двумя соображеніями: 1) большинство бѣлаго населенія республики желаетъ находиться подъ британскимъ владычествомъ, 2) если Трансвааль не будетъ присоединенъ, возстанутъ черные. Такимъ образомъ, увѣряли насъ, Южную Африку ждутъ великія бѣдствія. „Вы, господа, знаете, что явилось результатомъ присоединенія. Немедленно послѣдовали двѣ войны съ черными, а буры возстали противъ британскаго владычества... Теперь никто не сомнѣвается въ томъ, что буры, во всякомъ случаѣ, храбрые воины. Трансвааль дикая страна, равная по поверхности Франціи. Если бы мы захотѣли удержать край силой, намъ необходимо было бы содержать тамъ громадную армію. Оранжевая республика всегда будетъ симпатизировать своимъ сосѣдямъ и единовѣрцамъ. Если бы мы захотѣли владѣть страной противъ воли населенія, намъ понадобилась бы постояннная армія; самое меньшее—20 тысячъ солдатъ... Другіе критики говорятъ намъ, что слѣдовало поступить иначе. Слѣдовало,—говорятъ они,—аттаковать буровъ, разбить ихъ, возстановить нашу военную честь, а затѣмъ, опустошивъ край и истребивъ множество храбрыхъ защитниковъ его,—удалиться изъ Трансвааля. Чтобы выяснить значеніе подобнаго совѣта, посмотримъ, каковъ тотъ народъ, что долженъ быть истребленъ, по мнѣнію критиковъ. По природѣ своей буры не любятъ войны. Это—трудолюбивое, мирное, нѣсколько суровое племя земледѣльцевъ. Отъ своихъ предковъ, отстоявшихъ независимость Голландіи отъ полчищъ Филипа II, они унаслѣдовали любовь къ свободѣ. Неужели же,—продолжалъ Чэмберлэнъ,—подобная любовь не будетъ оцѣнена англичанами? Развѣ не эта добродѣтель больше всего отличаетъ нашъ народъ? Буры переселились въ Трансвааль, чтобы избавиться отъ ига чужеземцевъ. Они имѣли нѣсколько стычекъ съ англичанами. Буры покинули свои дома въ Наталѣ, какъ сдѣлали это въ Англіи пуритане. Они основали маленькую республику въ пустынѣ, гдѣ искали независимость ***). Въ 1852 г. мы

*) «*Times*», 20 ноября 1880 г.

**) Сказано по поводу уступокъ, которыя сдѣлалъ Гладстонъ Трансваалю послѣ пораженія при Маджубѣ. Трансвааль былъ присоединенъ торійскимъ министерствомъ.

***) Въ концѣ 1899 г. тотъ же ораторъ, отстаивая необходимость войны съ Трансваалемъ, выставлялъ тѣ самые доводы, которые самъ такъ убѣдительно опровергъ въ 1881 г. Переселеніе «фортрекеровъ» изъ Наталя въ Трансвааль онъ объяснилъ не желаніемъ свободы, какъ сказалъ самъ прежде, а стремленіемъ имѣть рабовъ.

поклялись, что признаемъ независимость республики. Въ силу этого, если бы намъ даже и удалось удержать силой Трансвааль, мы совершили бы не только актъ политическаго безумія, но даже большое преступленіе. Мы—великая и могущественная нація. Къ чему же это величіе и могущественость, если мы не можемъ загладить ошибку, совершенную нами. Позоръ заключается не въ сознаніи ошибки, а въ настаиваніи на ней, когда сознаешь, что поступаешь несправедливо" *).

Событія послѣднихъ мѣсяцевъ и роль въ нихъ Чэмберлэна до того извѣстна всѣмъ, что съ трудомъ вѣрится, что приведенныя слова сказалъ тотъ же министръ, который является однимъ изъ главныхъ виновниковъ войны съ республиками.

Въ кабинетѣ Гладстона Чэмберлэну не было надежды выдвинуться на первый планъ. Громадная личность вождя заслоняла горизонтъ. Кромѣ того, быстрымъ коммерческимъ взглядомъ Чэмберлэнъ убѣдился, что гомруль, который собирается выставить въ программѣ Гладстонъ,—не встрѣчаетъ сочувствія въ той большой публикѣ, на которую „бирмингэмскій теоретикъ" возложилъ всю надежду. И вотъ моментально Чэмберлэнъ мѣняетъ фронтъ. До этого онъ стоялъ самъ за самоуправленіе Ирландіи. Перемѣна фронта и измѣна вождю была до такой степени внезапна, что отъ Чэмберлэна на время отвернулись обѣ партіи. Либералы видѣли въ немъ измѣнника, консерваторы—ренегата въ будущемъ. Крайніе тори все еще, по старой памяти, считали его разрушителемъ и „дикимъ теоретикомъ", хотя никогда ни съ какой теоріей онъ не выступалъ. Чэмберлэнъ нѣкоторое время находился не удѣлъ; но коммерческій глазомѣръ его дѣйствительно не обманулъ. Большая публика, взвинченная прессой, была противъ гомруля. Министерство Гладстона пало. Тори готовились къ избирательному бою. Большинство непримиримыхъ консерваторовъ поняло, что безъ поддержки „массъ" нельзя одержать побѣду. Но какъ покорить массы? И вотъ заключается союзъ съ Чэмберлэномъ, который даетъ партіи нѣсколько практическихъ совѣтовъ. Главная суть лишь въ томъ, чтобы обѣщать. Нужно обѣщать всѣмъ, притомъ — много. Обѣщанія ни къ чему не обязываютъ; наоборотъ даже: „чѣмъ больше выигрываетъ министерство, давая обѣщаніе, тѣмъ больше теряетъ, выполняя его". Этотъ великолѣпный афоризмъ принадлежитъ Чэмберлэну. Консерваторы послѣдовали совѣту. Они обѣщали всѣмъ: и лэндлордамъ, и священникамъ, и, въ особенности, массамъ: дешевыя жилища, отвѣтственность предпринимателей за жизнь и здоровье работниковъ, восьмичасовой рабочій день и, наконецъ, пенсіонъ для престарѣлыхъ". Всѣ, достигшіе 65-лѣтняго возраста, отъ королевы до нищаго, имѣютъ право получать государственный пенсіонъ въ размѣрѣ 5 ш. въ недѣлю",—значи-

*) *Times*, 8 іюня 1881 г.

лось на избирательныхъ плакатахъ. „Обѣщать, такъ обѣщать!“— рѣшили крайніе тори, ненавидящіе массы и боящіеся ихъ. Эти кандидаты обѣщали всѣмъ 7 ш. 6 п. (3 р. 70 к.) государственнаго пенсіона въ недѣлю. „Чэмберлэновскіе козыри“, какъ были названы обѣщанія экономическихъ реформъ,—сослужили хорошую службу. Тори одержали блестящую побѣду; но вскорѣ оказалось, что „бирмингэмскій ренегатъ“ игралъ фальшивыми картами. Чэмберлэнъ попалъ въ кабинетъ; но ему дали второстепенный постъ, тогда какъ онъ мечталъ о первой роли. Министръ колоній отлично зналъ своихъ коллегъ. Онъ знала, что они не проведутъ обѣщанныхъ реформъ. Такимъ образомъ, нельзя было надѣяться на поддержку трудящихся массъ. Да ихъ Чэмберлэнъ и боялся, и не любилъ. Ему по душѣ была болѣе другая масса „ниже среднихъ“ и „среднихъ“ классовъ,—масса, создавшая крикливую и уличную прессу; масса, которую ослѣпляетъ военный блескъ; та масса культурныхъ дикарей, наконецъ, которая выдвинула его самого, Чэмберлэна. Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ принятія Чэмберлэномъ поста министра колоній организуется набѣгъ Джемсона. Теперь не подлежитъ сомнѣнію, что набѣгъ организованъ, какъ Родсомъ, такъ и Чэмберлэномъ. Министръ колоній считаетъ дозволенными всѣ средства: разбой, обманъ, пользованіе поддѣльными документами, разъ все это можетъ доставить постъ перваго министра. Составляется союзъ съ уличной прессой. Объ этихъ событіяхъ мнѣ пришлось уже не разъ писать. Министръ колоній вступаетъ въ соглашеніе съ организаторами дутыхъ спекуляцій, съ прожектерами, которые берутся строить желѣзныя дороги въ первобытномъ краѣ, не *изслѣдуя* даже мѣстности, безъ развѣдокъ (напр., желѣзная дорога въ Угандѣ, въ Африкѣ). Съ вѣдома министра колоній биржевики и спекулянты вводятъ рабство и доводятъ населеніе до возстанія (въ странѣ Матабеловъ, въ Сьерра Леоне, теперь въ странѣ Ашантіевъ). Министръ колоній освящаетъ новый способъ составленія синихъ книгъ, когда это нужно ему. Синія книги, вмѣсто документовъ, наполняются вырѣзками изъ подкупленныхъ уличныхъ газетъ. Такъ составились синія книги относительно Южной Африки. Такъ составлена была синяя книга о положеніи дѣлъ въ Австралазіи. Министръ колоній хотѣлъ доказать, что общественное мнѣніе въ Австраліи противъ одного пункта „органическаго статута федеральной республики“, (см. письмо въ прошлой книжкѣ „Р. Б“.) На этотъ разъ Чэмберлэнъ потерпѣлъ пораженіе. Австралійскіе делегаты не поддались ни на лесть, ни на подкупъ, и министерство уступило.

Въ этой войнѣ Чэмберлэнъ поставилъ на карту большую ставку и выигралъ. Теперь онъ близокъ къ цѣли и торопитъ съ общими выборами. Онъ желаетъ ковать желѣзо, покуда оно горячо: онъ хочетъ воспользоваться, покуда не остылъ джингоистскій жаръ, раздутый прессой культурныхъ дикарей. Выборы должны

быть „солдатскими“, Khaki election, какъ говорятъ здѣсь. Старые союзники Чэмберлэна, Сольсбери, Бальфуръ, Гиксъ-Бичъ,—летятъ за бортъ. Министръ колоній желаетъ скорѣе отъ нихъ отдѣлаться. И если дѣйствительно общіе выборы состоятся, покуда не умолкнутъ пушечные выстрѣлы, возвѣщающіе паденіе республикъ,—Чэмберлэнъ будетъ премьеромъ. Биржевые спекуляторы и „культурные дикари“ будутъ имѣть своего собственнаго главу кабинета. На долго ли только.

„Первый министръ это—человѣкъ, не знающій совершенно, что такое горе и радость, любовь и ненависть, состраданіе и гнѣвъ. Въ немъ сильна лишь одна страсть: неутолимая жажда богатства, власти и титуловъ. Слова его выражаютъ все, кромѣ того лишь, что онъ думаетъ. Когда онъ говоритъ правду, онъ желаетъ, чтобы вы ее приняли за ложь, а когда произноситъ ложь, то желаетъ выдать ее за правду. Карьера тѣхъ, о которыхъ онъ за глаза отзывается очень плохо,—обезпечена; если же принимается хвалить кого въ глаза, тотъ можетъ считать себя погибшимъ. Самымъ дурнымъ признакомъ нужно считать обѣщаніе перваго министра, въ особенности, если оно скрѣплено клятвой“ *). Почти два вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлано это опредѣленіе. Съ тѣхъ поръ парламентъ видѣлъ многихъ премьеровъ: консерваторовъ и либераловъ, великихъ вождей и маленькихъ людей, выдвинутыхъ случаемъ. Никогда еще слова Свифта не были такъ справедливы, какъ теперь, когда обстоятельства выдвинули на первый планъ типичнаго представителя „культурныхъ дикарей“.

III.

Перейдемъ къ новой прессѣ. Возьму яркій образчикъ, новую газету „Daily Express“, которая народилась мѣсяцъ тому назадъ и теперь уже далеко ушла въ гору. Пресса культурныхъ дикарей въ Англіи создалась не вдругъ. Онъ выросла изъ еженедѣльнаго журнала „безъ мысли“, какъ „Tit-Bits“, о которомъ я уже говорилъ когда-то подробно въ „Русскомъ Богатствѣ“. Въ редакціи „Tit-Bits“ воспитались два редактора наиболѣе выдающихся и типичныхъ уличныхъ газетъ: Гармсвортъ, собственникъ *Daily Mail*, и Пирсонъ, основатель *Daily Express*. И тотъ, и другой, прежде чѣмъ взяться за ежедневную газету, издавали журналы типа *Tit-Bits*. И тотъ, и другой издаютъ теперь серію еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ журналовъ. Гармсвортъ и Пирсонъ завѣдуютъ, такъ сказать, всецѣло умственной жизнью культурнаго дикаря: они ему доставляютъ романы, удовлетворяютъ его „научнымъ“ запросамъ, направляютъ его политическіе идеалы

*) Свифтъ.

и т. д. О Гармсвортѣ и его изданіяхъ я говорилъ уже; въ силу этого, остановлюсь лишь на Пирсонѣ.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ „Tit-Bits“ назначилъ конкурсъ. Журналъ обѣщалъ мѣсто въ своей конторѣ съ жалованьемъ въ 1000 руб. въ годъ тому молодому человѣку, который отвѣтитъ на 130 вопросовъ. Вотъ нѣкоторые изъ послѣднихъ: „Въ чемъ состояли восемь язвъ Ирландіи? Кто изобрѣлъ геліографъ? Каковъ минимальный радіусъ, допускаемый на кривизнахъ желѣзныхъ дорогъ? Сколько англійскихъ банковыхъ билетовъ пойдетъ на одинъ унцъ? Каково происхожденіе коронки, что помѣщена на митрѣ англійскихъ архіепископовъ? Какой городъ сдался мертвому генералу? Назвать десять животныхъ (кромѣ человѣка), попавшихъ въ рай? Какъ стара земля? Когда началась новая исторія? Кто прилипъ къ горѣ Идѣ по причинѣ гвоздей въ башмакахъ?—И т. д. Чтобы отвѣтить на эту окрошку, требовалось усидчивость и желаніе копаться въ справочныхъ словаряхъ и старыхъ альманахахъ. Аспирантовъ на мѣсто явилось около трехъ тысячъ; но ихъ всѣхъ побилъ восемнадцатилѣтній юноша, сынъ драйтонскаго сельскаго священника, Артуръ Пирсонъ. Чтобы найти, „кто прилипъ къ горѣ Идѣ“, и сколько „банковыхъ билетовъ пойдетъ на унцъ“,—молодой человѣкъ три мѣсяца копался въ альманахахъ Безфордской библіотеки.

Пирсонъ получилъ мѣсто. Побѣдивъ конкуррентовъ, онъ очень высокаго мнѣнія о достоинствѣ подобнаго „альманашнаго“ знанія. И въ своихъ журналахъ, и въ газетѣ Пирсонъ глумится надъ существующими системами образованія. „Все это выдумали педанты“, — говоритъ онъ о среднихъ школахъ и университетахъ. Не лучшаго мнѣнія онъ о вольныхъ университетахъ. „Лучшій университетъ это—*Tit-Bits*,—категорически завилъ Стэду Пирсонъ. Въ этомъ университетѣ молодой человѣкъ пробылъ 6 мѣсяцевъ, затѣмъ сталъ самъ редактировать журналъ. Въ 1889 г. Пирсонъ потребовалъ, чтобы ему прибавили жалованье (онъ получалъ 3500 руб. въ годъ); издатель отказалъ. Тогда молодой человѣкъ оставилъ *Tit-Bits* и основалъ свой собственный журналъ *Pearson's Weekly*. Гармсвортъ оставилъ журналъ еще раньше и тоже обзавелся своимъ изданіемъ „Answers“. И „Pearsons Weekly“ и „Answers“ являются подражаніемъ Tit-Bits, только съ нѣкоторыми измѣненіями. Пирсонъ нашелъ, что въ „Tit-Bits“ слишкомъ много еще „идей“. При томъ же журналъ, хотя и давалъ призы, но все еще не носилъ совсѣмъ „биржевого“ характера. Вначалѣ Пирсонъ назначилъ рядъ призовъ по системѣ Tit-Bits. Призовъ этихъ было больше и выигрышъ выше. Журналъ пошелъ въ гору и черезъ годъ расходился уже въ 200,000 экземплярахъ. Успѣхъ былъ солидный; но Пирсону хотѣлось большаго. Для этого нужно было найти какую-нибудь новую штуку, которая свела бы съ ума культурныхъ дикарей. И, наконецъ, Пирсонъ напалъ на мысль соеди-

нить литературу съ ажіотажемъ. Молодой редакторъ придумалъ лотерею, основанную на угадываніи недостающаго слова въ фразѣ. Желающіе принять участіе въ конкурсѣ должны были отрѣзать купонъ въ „Pearson's Weekly", заполнить недостающее слово и съ приложеніемъ шиллинга послать въ редакцію журнала. Вся сумма разверстывалась между выигравшими, т. е. между тѣми, которые вѣрно угадывали слово. Лотерея имѣла огромный успѣхъ. Вскорѣ пай, доставшійся по разверсткѣ между выигравшими, достигъ 70 фунт. ст. Тогда буквально ажіотажная горячка охватила культурныхъ дикарей. Всѣмъ хотѣлось за полтинникъ выиграть 700 рублей. Одно и то же лицо покупало десятки нумеровъ Pearson's Weekly и подбирало различныя слова, надѣясь, что случайно разрѣшится загадка. Журналъ сталъ расходиться въ 1.250,000 экземп. Огромный успѣхъ журнала породилъ около 200 изданій, которыя тоже устроили лотереи. Наконецъ, вмѣшался судъ. Одно изъ вновь народившихся изданій было привлечено къ отвѣтственности за устройство незаконной лотереи. Процессъ продолжался долго. Журналы пригласили лучшихъ и наиболѣе ловкихъ адвокатовъ. Наконецъ, судъ рѣшилъ, что система угадыванія словъ въ томъ видѣ, какъ она введена Пирсономъ—незаконна. Лотереи прекратились. Въ моментъ признанія лотереи незаконной, въ редакціи „Pearson's Weekly" находилось для разверстки 400,000 р., результатъ участія въ конкурсѣ 800,000 челов. За два года существованія системы распредѣлено было между выигравшими 1.700,000 руб. Одна типографія не успѣвала печатать всѣхъ номеровъ, не смотря на громадныя машины. Готовый стереотипъ посылался въ Бирмингэмъ, Норичъ, Манчестеръ, Эдинбургъ и т. д.

Съ запрещеніемъ лотереи тиражъ журнала сразу упалъ до 200,000 экземпляровъ. Лотереей опредѣлился взглядъ „культурныхъ дикарей" на чтеніе: оно хорошо, если соединено съ „дѣломъ", т. е. съ возможностью получить деньги, и плохо—если этой возможности не даетъ. Раскроемъ послѣдній нумеръ *„Pearson's Weekly"*, журнала, обѣщающаго „интересовать, забавлять и платить". Г. Стэдъ, питающій слабость къ Пирсону, настоятельно указываетъ на „нравственность" „Pearson's Weekly". „Прежде всего, говоритъ этотъ талантливый, но крайне неустойчивый публицистъ, журналъ безупреченъ въ нравственномъ отношеніи. Это безусловно чистое изданіе. Въ немъ вы не встрѣтите пляски на границѣ нескромности. Сама „миссисъ Гранди" не встрѣтила бы ничего предосудительнаго въ изданіяхъ Пирсона" *). Дѣйствительно, скабрезныхъ темъ въ изданіяхъ Пирсона, какъ вообще въ англійскихъ журналахъ, нѣтъ. „Миссисъ Гранди", дѣйствительно, одобрила бы журналъ. Но ея похвала еще не значитъ, что изданіе „чистое". Признаться, трудно сказать, что хуже: наполнять ли журналъ скабрезными до послѣдней степени произ-

*) «Review of Review» 15 мая 1900 г., p. 423.

веденіями, какъ дѣлаетъ это французская уличная пресса для тамошнихъ культурныхъ дикарей, или же поощрять грубое невѣжество и суевѣріе, сѣять умышленную клевету,—культивировать грубые, хищные инстинкты и низменное добровольное хамство и лакейство, какъ дѣлаетъ это англійская уличная пресса!

„Если желаете получить даромъ велосипедъ, прочтите замѣтку на 773 стр.“,—значится впереди всѣхъ статей. Находимъ 773 стр. Тамъ статья озаглавленная „Бѣдность““ съ подзаголовками. „Какъ выколотить изъ бѣдняковъ велосипедъ“. Дѣло въ томъ, что Пирсонъ, разбогатѣвъ, сдѣлался благотворителемъ. Ежегодно онъ даетъ на филантропическія дѣла извѣстную сумму, которую... собираетъ черезъ посредство своихъ читателей, пуская въ ходъ ихъ жадность. Журналъ разсылаетъ подписные листы. Съ ними нужно обходить знакомыхъ. Кто соберетъ большую сумму (размѣръ не указанъ), тотъ получитъ призъ велосипедъ. Все пестрое содержаніе журнала можетъ быть раздѣлено на слѣдующія рубрики: философія, этнографія и исторія, беллетристика, полезныя свѣдѣнія, отдѣлъ платежей и анекдоты. Въ философскомъ отдѣлѣ трактуется вопросъ: „Какое вліяніе имѣетъ на преступленіе поваренное искусство“! Нѣсколько строкъ изъ статьи покажутъ характеръ ея.

„Можетъ ли поваренное искусство устранить преступленіе? Предположимъ, вы возвращаетесь вечеромъ домой изъ конторы; вы устали, сердиты и голодны. Эти три фактора, главнымъ образомъ, порождаютъ преступленіе. Вы садитесь за обѣдъ. Вы угрюмы, молчаливы и не говорите ни слова съ женой, которая, если она умная женщина, не должна вовсе заговаривать тогда. Супъ—превосходный; мясо зажарено какъ разъ въ мѣру, зелень уварилась и вкусна. Вы выпиваете хорошій стаканъ пива, и новая жизнь вливается въ васъ. Сладкое завершаетъ все. Усталость, голодъ, дурное расположеніе духа—все это исчезаетъ, какъ сонъ. Свирѣпыя намѣренія избить жену, изувѣчить ее, наставить ей фонарей—прогоняются богомъ желудка. Это—одна сторона медали. Взглянемъ теперь на оборотную сторону. Обѣдъ плохо сваренъ, скверно. Всѣ ваши дурныя страсти еще болѣе усиливаются. Послѣ сквернаго обѣда человѣкъ стремится убѣжать изъ дома, чтобъ залить дурное ощущеніе въ сосѣдней таверне. Мы нисколько не впадемъ въ парадоксъ, заявивъ, что дурная кухня подрываетъ основы семьи, а потому и общества. Каковы результаты хорошей жизни? Перечислимъ ихъ: здоровье, хорошее расположеніе духа, смягченіе нравовъ, бережливость, любовь къ семейной жизни, благотворительность. Въ обществѣ, гдѣ мужчинъ хорошо кормятъ и заботятся о нихъ,—тамъ женщины счастливы и тамъ женъ любятъ. Конечно, въ значительной степени особенности человѣческаго ума опредѣляются расой и наслѣдственностью; но развитіе его собственныхъ способностей зависитъ отъ него самого. Если

мужчину хорошо и вкусно кормятъ,—побѣда въ борьбѣ за существованіе на половину выиграна. Мы отнюдь не думаемъ, что мужчину нужно кормить деликатесами, страсбургскими пирогами, трюфелями и устрицами. Хорошо приготовленный обѣдъ это—прежде всего. „Выбирайте простую провизію; но стряпайте какъ можно лучше“ — эти слова мы совѣтовали бы всѣмъ женамъ взять „девизомъ“ и т. д. Въ отдѣлѣ этнографіи и исторіи доказывается, что Англія призвана господствовать надъ всѣмъ міромъ, такъ какъ англичане—самый умный, храбрый, талантливый, благородный народъ въ мірѣ, лучше всѣхъ умѣющій „дѣлать деньги“ и лучше всѣхъ знающій толкъ въ спортѣ. Подвластные англичанамъ народы, если бываютъ несчастны, то только по собственной винѣ, изъ упрямства, вслѣдстіе того, что не хотятъ выслушать „клэрджимэна“, не хотятъ прочесть душеспасительнаго трактата: „Ставни въ небесныхъ окнахъ открыты“, напечатаннаго на иждивеніе благородной маркизы X, или же великолѣпной виконтессы Z, у которой такіе великолѣпные рубины „цвѣта голубиной крови“. Несчастны народы еще потому, что по глупости не хотятъ имѣть дѣло съ джентельмэнами, которые такъ хорошо приняты въ „Карлтонѣ“ (лондонскій клубъ), и у которыхъ есть кобыла „Летающая Лисица“ (родная внучка *Геркулеса* и *Кэтлдрама*), что два года тому назадъ спасла честь Англіи, обогнавъ на Дербійскихъ скачкахъ французскаго жеребца „Нанси“ и американскую кобылу „Дэйзи“. Въ послѣднемъ нумерѣ „*Peurson's Weekly*“ доказывается, что голодъ въ Индіи является результатомъ жадности и скупости туземцевъ. Они копятъ деньги; „но индусъ скорѣе умретъ отъ голода или же отъ болѣзни, чѣмъ прикоснется къ накопленнымъ и закопаннымъ въ землю деньгамъ“. Экономистъ журнала доказываетъ, что и рупіи упали въ цѣнѣ не потому, что англичане закрыли всѣ частные монетные дворы, а потому, что туземные скряги прячутъ серебро и не пускаютъ его въ обращеніе. Когда же, наконецъ,“ рѣшаются откопать кубышку, тогда оказывается, что монета вышла изъ обращенія и, разумѣется, обезцѣнилась“.

Беллетристика журнала, какъ и вообще всѣхъ подобныхъ изданій въ Англіи, потворствуетъ наиболѣе грубымъ и низменнымъ инстинктамъ культурныхъ дикарей (кромѣ полового инстинкта). Беллетристика эта поддерживаетъ грубое суевѣріе дикарей въ лощенныхъ цилиндрахъ и модныхъ шляпкахъ. Помимо суевѣрія, беллетристы культивируютъ „патріотизмъ“. Теперь печатается романъ Траси—„Завоеватели“. Это—въ нѣкоторомъ родѣ романъ будущаго; дѣйствіе происходитъ въ ноябрѣ 1900 г. Россія, Франція и Германія вторгаются въ Англію. Романъ открывается сценой разставанія между двумя героями, капитаномъ Робертомъ Гамильтономъ и майоромъ Форстеромъ. Послѣдній уѣзжаетъ въ Ливерпуль, чтобы тамъ пересѣсть на пароходъ „Сербія“, отплывающій

въ Южную Африку. На вокзалѣ въ Лондонѣ масса пассажировъ, тоже отправляющихся въ Ливерпуль и по виду похожихъ на нѣмцевъ. Когда майоръ Форстеръ прибываетъ въ Ливерпуль, онъ находитъ тамъ всѣхъ въ полномъ оцѣпенѣніи. Городъ захваченъ неизвѣстнымъ непріятелемъ, который завладѣлъ также транспортомъ „Сербія". На сцену является Томъ Пратъ, мальчикъ-разсыльный въ гостиницѣ „Адельфи". Его маіоръ выбираетъ для того, чтобы сообщить военному министерству о непріятельскомъ дессантѣ. Послѣ ряда приключеній удается послать телеграмму въ Лондонъ окружнымъ путемъ. Въ Лондонѣ всѣ поражены тѣмъ, что русскій, германскій и французскій посланники внезапно потребовали свои паспорты. Непріятель между тѣмъ завладѣваетъ Бирмингэмомъ, гдѣ захватываетъ арсеналъ. Британскій флотъ, между тѣмъ, былъ возлѣ Мальты и въ другихъ далекихъ водахъ и не могъ защитить страну. Для спасенія вызваны морская пѣхота, милиція и волонтеры. Близь Манчестра происходитъ бой, и непріятель отброшенъ и т. д. Тутъ и переодѣваніе маіора Форстера въ мундиръ нѣмецкаго солдата, чтобы лучше слѣдить за непріятелемъ, и похищеніе д-ра Лейдса въ Булоньи тремя англичанами, которые перевозятъ его въ лодкѣ черезъ каналъ и сдаютъ на храненіе въ тюрьму. Романъ еще далеко не оконченъ; но уже не мало въ немъ героическихъ подвиговъ англичанъ. Французскіе зуавы и прусскіе пѣхотинцы бѣгутъ, какъ кролики, въ разсыпную, какъ только маленькій отрядъ англичанъ начинаетъ „молодецкую работу" штыками. Культурныхъ дикарей теперь усиленно пугаютъ непріятельскимъ вторженіемъ въ Англію, для того, чтобы уторить дорогу для билля о конскрипціи. При всемъ желаніи, министерство не рѣшилось сдѣлать это до сихъ поръ, хотя слабыя попытки были предприняты и оставлены.

Отдѣлъ „полезныхъ свѣдѣній" состоитъ изъ отрывочныхъ фактовъ, ничѣмъ рѣшительно не связанныхъ; напр.: „До 1840 г. почти всѣ англичане брили бороду".—„Англійскіе банковые билеты нумерованы на выворотъ, напр.: 00,001, что значитъ 10,000". — „Въ Китаѣ есть садъ, занимающій 50 тысячъ акровъ".—„Въ Америкѣ 150 журналовъ издаются неграми. Тамъ 250 черныхъ адвокатовъ и 750 врачей".—„Въ Богеміи гусей, которыхъ хотятъ погнать на далекій рынокъ, заставляютъ потоптаться вначалѣ на площадкѣ, намазанной смолой съ пескомъ. Такимъ образомъ, на лапахъ образуется родъ сапожковъ". Значительная часть полезныхъ свѣдѣній удѣлена, впрочемъ, лордамъ и лэди. Отдѣлъ платежей занимаетъ въ журналахъ типа *Pearson's Weekly* первое мѣсто. Тутъ рядъ задачъ и вопросовъ, разрѣшивъ которые, читатель получаетъ премію отъ 1 до 250 ф. ст. Послѣдняя задача, за разрѣшеніе которой журналъ обѣщаетъ дать 2500 р.—угадать, когда Робертсъ вступитъ въ Преторію. Иногда полученіе преміи обусловлено присылкой наибольшаго количества купоновъ (въ каждомъ нумерѣ

помѣщено по одному купону). Такимъ образомъ, жадный культурный дикарь становится усерднымъ распространителемъ журнала.

Другой еженедѣльный журналъ Пирсона это—„Illustrated Weekly News“, изданіе по преимуществу пламенно джингоистское Джингоизмъ занимаетъ здѣсь первое мѣсто, джингоизмъ грубый, наглый, безпардонный, захлебывающійся отъ восторга при повѣствованіи о „британской доблести“. Лишь изрѣдка между сообщеніями о британской доблести помѣщены другія замѣтки, относящіяся къ „отдѣлу платежей“. Читателямъ предлагается въ пятидесяти словахъ отвѣтить на рядъ вопросовъ, въ родѣ слѣдующихъ (за лучшій отвѣтъ по 10 рублей): „хорошо ли или дурно поступаютъ дѣвушки, флиртуя“. „Долженъ ли мужъ давать своей женѣ деньги на *булавки*“. „Хорошія ли жены выходятъ изъ вдовъ“. „Лѣнивы ли англійскіе работники“, и т. д. На послѣдній вопросъ авторъ, получившій призъ, отвѣтилъ такъ: „И да, и нѣтъ. Есть замѣчательно хорошіе англійскіе рабочіе и есть среди нихъ рѣшительно такіе же лѣнтяи, какъ и среди другихъ націй. Но настоящій англичанинъ, безъ сомнѣнія, можетъ сработать въ одинъ часъ больше, чѣмъ представитель какой бы то ни было другой націи“.

Перечисленіе всѣхъ изданій Пирсона заняло бы не мало мѣста. Ему принадлежатъ также два ежемѣсячные „магазина“: Pearson's, считающійся лучшимъ литературнымъ изданіемъ культурныхъ дикарей, и „Ruyal Magazine“,—новая попытка издать шестипенсовый журналъ за три пенса. Въ этихъ журналахъ можно встрѣтить цвѣтъ литературныхъ силъ „культурныхъ дикарей“. Тутъ Конанъ Дайль помѣщаетъ свои романы съ сыщиками, Марія Корели и Бутсби — произведенія съ героями, живущими за четвертымъ измѣреніемъ, Киплингъ и поэтъ лавреатъ патріотическія стихотворенія. Поэта лавреата, за маленькій ростъ, въ литературныхъ кружкахъ зовутъ „карманнымъ изданіемъ“; но джингоизмъ его—это изданіе in folio. Я теперь не буду останавливаться на „магазинахъ“, такъ какъ о нихъ мнѣ пришлось уже говорить. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ англійскій культурный дикарь не имѣлъ своей собственной ежедневной газеты. Какъ политическую силу, его призвалъ биржевой капиталъ, нашедшій въ дикарѣ усерднаго, причемъ зачастую совершенно безкорыстнаго сторонника. Уличная пресса въ Англіи—явленіе молодое. Прежде были газеты культурныхъ среднихъ классовъ, солидныя, содержательныя, спокойныя по тону. Правда, эти газеты брали иногда и фальшивый тонъ; но и тогда онѣ рѣдко выѣзжали на завѣдомой неправдѣ. Была еще пресса чисто демократическая, издаваемая философскими радикалами и радикалами-демократами. Эта пресса не отличалась сдержанностью „левіаѳановъ“ печати; но и она была содержательна и честна. Въ серединѣ восьмидесятыхъ, а въ особенности, въ началѣ девяностыхъ годовъ народилась но-

вая пресса, трескучая, крикливая, наглая, безпринципная, возведшая политическую ложь въ перлъ созданія. Эта пресса продала себя съ потрохами на службу биржевому капиталу. Единственнымъ козыремъ своимъ она выставила „патріотизмъ“, за то она не пропускала ни одного случая идти этой картой, въ особенности, когда нужно было зажать ротъ политическому противнику. Эта пресса взяла на себя ту обязанность, которую на континентѣ играютъ полицейскіе. Въ Англіи полиція не имѣетъ права не только срывать митинговъ, но даже входить въ залу, гдѣ митингъ происходитъ. Газеты культурныхъ дикарей отъ себя организовывали громилъ, чтобы сорвать митинги „не патріотовъ“. Культурный дикарь почувствовалъ себя *общественной* силой; его пресса ему сказала, что онъ призванъ избавить страну отъ „измѣнниковъ“. Уличная пресса существовала въ восьмидесятыхъ годахъ; но „руководящій органъ“ улицы создалъ Гармсвортъ, именно, „*Daily Mail*“; газета стала выходить въ 1896 г. Теперь она печатается въ милліонѣ экземпляровъ. Пирсону показалось, что „*Daily Mail*“, это наглая, лживая, подлая грязная тряпка, отъ которой несетъ политической клеветой *) за версту, еще слишкомъ „доктринерствуетъ“. Хотя Гармсвортъ тоже воспитывался въ томъ же университетѣ, что и Пирсонъ: въ конторѣ „Tit-Bits“; но онъ нашелъ, что „*Daily Mail*“ слишкомъ „ученая“ газета. И вотъ Пирсонъ мѣсяцъ тому назадъ съ громомъ и трескомъ выпустилъ первый нумеръ новой газеты „*Daily Express*“. „Явитесь въ редакцію, когда будетъ освобожденъ Мэфкингъ: всѣ получатъ по флагу, по трубѣ и по колпаку“, печатала газета. И старые, и молодые культурные дикари обоего пола явились въ редакцію, а потомъ въ дурацкихъ колпакахъ, съ флагами и съ дѣтскими дудками плясали, по Риджентъ-стритъ и возлѣ биржи. „Ничего, ликуйте! Давидъ, сынъ Іесеевъ, великій царь былъ и тотъ отплясывалъ предъ ковчегомъ“!—писалъ клэрджимэнъ въ „*Daily Express*“. Съ мѣста въ карьеръ газета начала сенсаціонной ложью: она помѣстила, будто бы, телеграмму Вильгельма II къ редактору, въ которой императоръ говоритъ, что жаждетъ союза съ Англіей. Съ тѣхъ поръ телеграммы, одна сенсаціоннѣе другой, появляются въ каждомъ номерѣ. Газета ввела систему клеветы противъ личности. Она хвалилась, что подослала шпіоновъ къ делегатамъ республики и помѣщала результаты, добытые шпіонами. Газета требовала отобрать всю частную собственность у буровъ и раздать ее „патріотамъ“. Отъ каждой замѣтки несетъ острымъ букетомъ размышленій зазнавшагося лакея.

---

*) До послѣдняго времени нравы печати въ Англіи были очень строги: газета имѣла право широкой критики *общественной* дѣятельности лицъ, но не могла касаться его личной жизни; пресса культурныхъ дикарей готова измѣнить все.

Чтобы дать окончательное представленіе о газетѣ, я приведу двѣ передовыя статьи, одну—по внутреннимъ вопросамъ, другую—по дѣламъ внѣшней политики. Первая статья озаглавлена „Королевская побѣда“ и написана по поводу того, что 30 мая на „Дерби“ побѣду одержала кобыла „Бриллiантовый юбилей“, принадлежащая принцу Уэльскому. Въ виду этого торжественнаго событія тонъ передовой статьи нѣсколько приподнятъ.

„Еще одно Дерби состоялось, и принцъ Уэльскій во второй разъ является побѣдителемъ. Такой побѣдой можетъ гордиться даже принцъ, ибо не мало знатныхъ особъ затратили годы волненій и сотни тысячъ фунтовъ, чтобы добиться высшей цѣли честолюбія спортсмена—„взять Дерби“. Публика, само собою разумѣется, была въ восторгѣ, ибо „Бриллiантовый юбилей“, какъ кобыла его величества, является всеобщей любимицей. На нее было поставленно не мало денегъ. Крайне знаменательно также, что въ такой важный для національной жизни годъ,—Дерби выиграла кобыла наслѣдника престола. Мы—народъ спортсмэновъ; спортсмэнами мы являемся не только въ Англіи, но и во всѣхъ углахъ земного шара, гдѣ развѣвается лишь британскій флагъ. Вчерашняя побѣда еще больше скрѣпитъ связь, существующую между метрополіей и колоніями, ибо многіе колонисты поставили деньги на „Бриллiантовый юбилей“ единственно потому, что это—кобыла его высочества. Скачки эти чреваты будутъ счастливыми событіями.

Можно смѣло сказать, что нашъ принцъ все больше и больше привязываетъ къ себѣ сердца всѣхъ. Онъ всегда впереди всѣхъ въ патріотическихъ и благотворительныхъ дѣлахъ; онъ пріобрѣлъ любовь своихъ будущихъ подданныхъ неусыпной поддержкой всего того, что заслуживаетъ послѣдней. Но больше всего онъ пріобрѣлъ любовь англичанъ тѣмъ, что онъ хорошій спортсмэнъ. Есть нѣчто умилительное въ томъ, что „первый джентельменъ имперіи“ является на скачки и принимаетъ участіе въ классическомъ спортѣ вмѣстѣ со всѣми. Его кобыла мчится рядомъ съ конями, вышедшими изъ конюшенъ американскихъ милліонеровъ или шотландскихъ дистиляторовъ, на англійскихъ скачкахъ нѣтъ привилегій рожденія. Лошадь принца крови можетъ побѣдить коня простаго коммонера лишь достоинствомъ своихъ статей. И если простой коммонеръ побѣдитъ принца крови, то побѣдителю нечего бояться, что ему пришлютъ шнурокъ, чтобы удавиться, какъ это бываетъ въ другихъ менѣе свободныхъ и счастливыхъ странахъ, чѣмъ Англія. Мы всѣ ликуемъ, когда кобыла принца Уэльскаго выходитъ побѣдительницей, ибо знаемъ, что побѣда эта честная, мы всѣ знаемъ, что съ задняго хода не были пущены средства, дабы подкупить гандикапера или „обработать“ жокея. Вотъ одно изъ объясненій, почему принцъ Уэльскій такъ популяренъ. Вмѣстѣ съ нами онъ ликуетъ на скачкахъ; вмѣстѣ

съ нами онъ дѣлитъ горе. Пошли, Господи, счастья этому превосходному спортсмэну и любезному джентельмэну“ *).

Ликованія по поводу одной кобылы такъ велики и похвалы до такой степени не суразны, что можно было бы заподозрить даже пародію. Но нѣтъ *Daily Express* совершенно серьезенъ. Газета только проявляетъ типичныя черты изданія культурныхъ дикарей.

Теперь приведу передовую статью по иностранной политикѣ. Мѣняется тема, мѣняется и тонъ. „Былъ ли это д-ръ Лейдсъ“?— Такъ озаглавлена статья, которая имѣетъ еще и второй подзаголовокъ: „Какъ посланіе было передано магди Сенусси“. Для большаго эффекта статья написана въ повѣствовательномъ жанрѣ.

„Да будетъ миръ и благословленіе великаго пророка на тебя. Что ищешь ты?“ И большой, внушительнаго вида арабъ погладилъ бороду и бросилъ проницательный взглядъ на красиваго черноволосаго европейца, средняго роста, очень юркаго, только что спустившагося съ верблюда, на которомъ онъ трясся шесть дней, покуда добрался отъ маленькаго порта въ Триполи до этихъ бѣлыхъ мазанокъ съ плоскими крышами арабской деревни, пріютившейся на самой границѣ ливійской пустыни.

„Я ищу, о могучій господинъ, великаго Сенусси, истиннаго магди. Развѣ не трепещутъ уже христіанскія собаки при одномъ имени его“? — и пріѣзжій заискивающе улыбнулся группѣ арабовъ въ бѣлыхъ бурнусахъ. Арабы сидѣли на полу и подозрительно глядѣли на пріѣзжаго, покуда толмачъ переводилъ объясненія. „Иншалла! слова дешевы теперь. Зачѣмъ ты ищешь смерти въ пустынѣ! Передай твое порученіе и оно будетъ переслано великому магди, да живетъ онъ вѣчно!“ Напрасно странникъ пытался дѣйствовать убѣжденіями и взяткой. Онъ неизмѣнно получалъ одинъ отвѣтъ: „что сказано, то такъ и будетъ. Мы любимъ тебя слишкомъ сильно, чтобы допустить умереть въ пустынѣ“.

„Клянусь святымъ Кораномъ!—воскликнулъ, наконецъ, пріѣзжій, скрывая улыбкой свое огорченіе. — Вы не знаете, какъ хотѣлъ бы я сослужить службу великому магди; иначе, вы, навѣрное, не задерживали бы меня. Но пусть будетъ по твоему. Спѣши же самъ къ нему и повѣдай, что судьба, наконецъ, передала ему въ руки проклятыхъ англичанъ. Ему стоитъ лишь теперь напасть, и Египетъ, отъ великаго моря до горъ, откуда вытекаетъ отецъ водъ,—будетъ его“, На мгновеніе глаза араба засверкали; но за тѣмъ онъ воскликнулъ презрительно: „Шакалъ страстно желаетъ увидать борьбу льва съ крокодиломъ изъ-за быка, чтобы поѣсть, покуда продолжается бой. Конечно, французскій шакалъ остороженъ“. На мгновеніе эта оцѣнка ошеломила пріѣзжаго, затѣмъ онъ воскликнулъ: „Да пошлетъ Господь тебѣ успѣхъ! о, великій мудрецъ! Безъ сомнѣнія, когда магди Сенусси сразитъ британскаго

*) Daily Express, 31 мая 1900 г., р. 4.

льва,—ему легко уже будетъ убить французскаго шакала. Развѣ эти проклятые англичане не захватили богатыхъ полей Египта и развѣ они всюду не угнетаютъ правовѣрныхъ? Но, наконецъ, судьба противъ нихъ. Великое побѣдоносное племя, что долго владѣло Южной Африкой, теперь, наконецъ, разбило англичанъ и скоро прогонитъ ихъ за море. Франція, Россія и Германія, которыя всегда ненавидѣли Англію—объявили ей войну и скоро раздѣлятъ между собою ея владѣнія. Не подлежитъ сомнѣнію, о, вождь, что теперь самый удобный моментъ для великаго магди Сенусси поднять знамя пророка и основать калифатъ правовѣрныхъ". Безстыдное обращеніе къ невѣжеству и фанатизму арабовъ произвело свое впечатлѣніе. Они заволновались. Ноздри ихъ раздулись, а глаза засверкали. Шейхъ устремилъ на европейца свой проницательный взглядъ и воскликнулъ: „Клянусь бородой пророка! Ты привезъ великолѣпныя извѣстія. Я самъ ихъ повезу великому Сенусси!". „Я не все еще сказалъ, о шейхъ!—продолжалъ увлекающійся пріѣзжій.—„Передай магди, что милліоны правовѣрныхъ по одному его слову поднимутся въ Индіи. Атакованная со всѣхъ сторонъ Англія не въ состояніи будетъ послать всюду войска. Такимъ образомъ, Сѣверная Африка легко достанется въ руки магди. Онъ сдѣлаетъ еще лучше, если подниметъ священное знамя въ Кордофанѣ, ибо тогда Англія окажется совсѣмъ въ безпомощномъ положеніи". „Аллахъ великъ! — воскликнулъ шейхъ, а за нимъ—его товарищи. Они видѣли уже мысленно магометанъ побѣдителями Египта и Алжира. „Наконецъ-то великій день наступилъ. Теперь, христіанинъ, отдохни два дня и тогда возвратись къ твоему народу. Скажи ему, что Сенусси переданы удивительныя вѣсти. Да обратитъ тебя пророкъ на путь истинный!"

Черезъ три дня европеецъ трясся опять на обратномъ пути на своемъ верблюдѣ, смѣялся самодовольно и бормоталъ: „Ха, ха! Даже Крюгеръ найдетъ, что деньги его не пропали даромъ, когда Сенусси возстанетъ. Мятежъ суданскихъ племенъ надѣлаетъ хлопотъ англичанамъ. Имъ придется отозвать войска изъ Южной Африки, чтобы защищать Египетъ. Громъ и молнія! Какъ легко и при томъ дешево удалось обмануть шейха. Оому Полю мы скажемъ, однако, что затратили уйму золота на это. Дураки, кто теперь скажетъ, что правда приноситъ что либо". Въ тотъ же день шейхъ съ нѣсколькими товарищами мчались по пустынѣ на югъ. Вождь думалъ про себя: Невѣрная собака, повидимому, сказалъ правду. Онъ, не поколебавшись, поцѣловалъ Коранъ, когда я заставилъ его присягнуть. Больше того, онъ поклялся даже крестомъ и показалъ письма отъ великихъ вождей французовъ, русскихъ и нѣмцевъ для доказательства, что война дѣйствительно объявлена противъ проклятыхъ англичанъ. Иншаллахъ! Онъ сказалъ, также что бѣденъ. Если бы онъ хотѣлъ солгать, развѣ не

явился бы онъ нагруженный золотомъ. Да, пришла пора дѣйствовать".

Въ бельгійскихъ и французскихъ газетахъ появились замѣтки, что д-ръ Лейдсъ, который десять дней былъ сильно боленъ инфлуэнцой, выздоровѣлъ и снова принялся за дѣла *).

Я привелъ статью цѣликомъ, потому что она одинаково рисуетъ и прессу, и публику ея. Повидимому, публицисты твердо убѣждены, что читатель не только не задастъ себѣ вопроса: „какъ же это редакторъ узналъ *мысли* д-ра Лейдса и шейха?", но и не сдѣлаетъ нехитраго вычисленія. По словамъ газеты, эмиссаръ пробылъ въ дорогѣ отъ Триполи до арабской деревни 6 дней, 3 дня въ деревнѣ, да шесть дней на обратномъ пути. Отъ Триполи до Марселя—два дня пути, два дня обратно; да два дня взадъ и впередъ отъ Марселя до Брюсселя,—всего 23 дня. По словамъ же статьи, таинственное отсутствіе Лейдса продолжалось 10 дней. Старикъ Лафонтэнъ былъ правъ, сказавъ: „Мы проницательны, какъ рыси, когда дѣло касается другихъ и слѣпы, какъ кроты, когда дѣло касается насъ самихъ". Проницательный публицистъ, разоблачившій даже сокровенныя мысли, проглядѣлъ грубую ариѳметическую несообразность. Культурный дикарь, какъ всѣ дикари, удивительно легковѣренъ. Его можно убѣдить рѣшительно во всемъ, что не касается только его собственнаго „business".

А между тѣмъ, *Daily Express*, какъ и *Daily Mail*, теперь „властители думъ"! Газеты знаменуютъ собою цѣлое теченіе, побѣдившее временно и даже выставившее *своего* перваго министра. Я сказалъ, что представители теченія *временно* побѣдили. Иначе и не можетъ быть. Англія слишкомъ уравновѣшанная страна, слишкомъ дорожитъ она своею могучей демократической культурой, чтобы дикари могли взять на долго верхъ. И на нихъ придетъ свой Камиллъ и свой Марій, которые вытѣснятъ варваровъ изъ неподобающаго имъ мѣста. Патріотизмъ, какъ крѣпкое вино, ударилъ многимъ въ голову; но хмѣль пройдетъ. Развѣ тому уже не были примѣры! Въ 1878 г. джингоизмъ, раздутый Биконсфильдомъ, свирѣпствовалъ, какъ пожаръ. Биконсфильдъ былъ народный герой. Черезъ два года хмѣль прошелъ, и тотъ же Биконсфильдъ потерпѣлъ страшное пораженіе на выборахъ. А вѣдь Биконсфильдъ былъ дѣйствительно талантливый человѣкъ, по своему преданный Англіи, тогда какъ Чэмберлэнъ лишь хитрый, ловкій культурный дикарь, думающій лишь о постѣ премьера. Когда чадъ похмѣлья пройдетъ, легко можетъ быть, не будетъ болѣе непопулярнаго человѣка въ Англіи, чѣмъ Чэмберлэнъ. Министръ колоній это знаетъ и всячески спѣшитъ съ выборами.

Діонео.

---

*) «*Daily Espress*», 1 іюля 1900 г.

Литература и жизнь.

Китайскія дѣла. — Предвидѣнія г. Мамина и Лапуже. — Повѣсть объ антихристѣ г. Вл. Соловьева.—«Будущность бѣлой расы» г. Я. Новикова.

Въ эту минуту, когда я берусь за перо, едва ли кто-нибудь возьмется предсказать, какъ пойдутъ далѣе китайскія дѣла, кромѣ развѣ того, что отнынѣ прекращается изолированная жизнь Китая, что такъ или иначе, пассивно или активно, онъ становится элементомъ общей исторіи. Удивительно не то, что въ данный моментъ, когда каша уже заварилась, наше предвидѣніе не можетъ идти дальше этого. Удивительно то, что настоящія-то событія застали Европу до такой степени врасплохъ. Попадаются, правда, сообщенія, что тотъ или другой миссіонеръ, тотъ или другой дипломатическій чиновникъ зналъ о какомъ-то броженіи, подготовляющемъ событія большой важности, зналъ и сообщалъ кому слѣдуетъ. Но не говоря уже о томъ, что такіе прорицатели post factum всегда есть и всегда они нѣсколько подозрительны,— ихъ предваряющіе голоса, если таковые и были, не оказали никакого вліянія на руководящія сферы европейской политики и не дошли до насъ, простыхъ смертныхъ. А вѣдь и простые смертные имѣютъ къ Китаю не только то отношеніе, что китайскій чай пьютъ; въ особенности русскіе простые смертные,—сосѣди Китая на протяженіи тысячъ верстъ. Какъ бы то ни было, Европа была застигнута врасплохъ. Передъ самымъ носомъ ея дипломатовъ, миссіонеровъ, военныхъ, торговыхъ людей, вообще людей практическаго дѣла готовилось страшное движеніе, а старая, огонь, воду и мѣдныя трубы прошедшая Европа, памятуя, что вѣдь это „недвижный“ Китай, еще недавно расколоченный Японіей, ничего не подозрѣвала, спокойно отрѣзывала у этого соннаго великана клочокъ за клочкомъ его огромнаго тѣла, мысленно окончательно расчленяла его, снабжая въ то же время своими военными инструкторами и послѣдними словами своей изобрѣтательности по части смертоноснаго оружія. И вотъ результаты. Почти также неожиданъ для Европы былъ и подъемъ Японіи. Когда эта маленькая страна, населенная маленькими людьми, политически реформировалась, Европа насмѣшливо улыбалась, полагая, что это будетъ нѣчто въ родѣ знаменитой турецкой кон-

ституціи Митхада-паши, и никакъ не ожидая, что эти маленькіе желтолицые люди могутъ когда-нибудь получить голосъ въ великодержавномъ концертѣ, что придется не только считаться съ ними, а съ благодарностью принимать ихъ, конечно, не безкорыстныя услуги въ дѣлѣ водворенія „порядка“ и насажденія „цивилизаціи“.

Все это проглядѣли люди практическаго дѣла, гордые именно своею практичностью, своимъ спеціальнымъ знаніемъ, умѣньемъ оріентироваться въ житейскихъ фактахъ, и съ снисходительнымъ презрѣніемъ относящіеся къ теоретикамъ. Да хорошо еще, если только съ снисходительнымъ презрѣніемъ. Сплошь и рядомъ они склонны видѣть въ нихъ не просто людей, лишенныхъ практическаго смысла, а людей безпокойныхъ, праздно волнующихъ умы фантастическими надеждами и опасеніями, и потому крайне вредныхъ. А между тѣмъ въ данномъ случаѣ теоретики оказались гораздо проницательнѣе, такъ называемыхъ, практиковъ и уже давно со страхомъ и волненіемъ вглядываются въ Срединное царство и страну Восходящаго Солнца, ожидая оттуда какихъ-то важныхъ и грозныхъ вѣстей.

Года два тому назадъ мнѣ случилось обратить вниманіе читателей на рождественскую сказку русскаго беллетриста г. Мамина „Послѣдніе огоньки“ и книгу французскаго антрополога Лапуже „Les selections sociales“. Г. Маминъ назвалъ свое произведеніе „святочной фантазіей“ и относитъ разсказываемыя въ немъ событія къ очень отдаленному будущему,—слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ пройдетъ до тѣхъ поръ. Эти широкія рамки представляютъ фантазіи художника полный просторъ. Лапуже, напротивъ того, желаетъ держаться строго научной почвы и даже до карикатурности утрируетъ нѣкоторые научные пріемы. Тѣмъ не менѣе въ его книгѣ много фантастическаго, а въ фантазіи г. Мамина много реальныхъ тревогъ сегодняшняго дня. Напомню изъ обоихъ этихъ произведеній, столь различныхъ и по пріемамъ, и по задачамъ, и по всему проникающему ихъ духу, только то, что относится къ нашей сегодняшней темѣ.

Фантазія г. Мамина провидитъ въ далекомъ будущемъ крушеніе европейской цивилизаціи и вырожденіе европейскаго населенія. Этотъ печальный конецъ наступитъ, благодаря неустаннымъ войнамъ, которыя будутъ вести европейскіе народы между собою и на службу которымъ пойдетъ наука въ своихъ техническихъ приложеніяхъ. Но окончательный ударъ Европѣ будетъ нанесенъ „желтолицыми варварами“. И этотъ ударъ „былъ (т. е. будетъ) только неизбѣжнымъ результатомъ всей европейской политики. Европа нѣсколько сотъ лѣтъ учила желтыя расы искусству истребленія, пока ученики не примѣнили свои знанія къ ней самой. Это было настоящій потокъ варварства, хлынувшій на Европу во всеоружіи послѣднихъ словъ науки“. Опустошивъ Европу, желто-

лицые продали ее американскимъ милліардерамъ, которые обратили ее въ огромный охотничій паркъ, а жалкіе остатки выродившихся европейцевъ выселились на какой-то архипелагъ, гдѣ и оканчиваютъ въ моментъ разсказа свои печальные дни.

Лапуже тоже говоритъ о вѣроятномъ вырожденіие вропейскаго населенія, благодаря войнамъ и нѣкоторымъ другимъ явленіямъ жизни, а также о грядущемъ столкновеніи бѣлой расы съ цвѣтными, которыя легко могутъ, оставаясь варварами, усвоить себѣ европейскую технику. Лапуже провидитъ рядъ истребительныхъ столкновеній съ такими варварами и гибель цивилизаціи въ этой грозѣ.

Все это, конечно, очень отдаленно и либо будетъ, либо нѣтъ. Но въ зародышѣ, которому, можетъ быть, и не суждено развиться, мы уже теперь видимъ нѣчто подобное. Мы видимъ именно, что, оставаясь глухъ къ европейскому „просвѣщенію“ вообще, Китай отлично усвоиваетъ ту долю этого просвѣщенія, въ которую входятъ военное обученіе, новѣйшей конструкціи ружья, пушки Максима и какія еще тамъ есть орудія истребленія людей. Правда, до сихъ поръ китайцы берутъ преимущественно численностью, но, не говоря о томъ, что перевѣсъ численности останется и впредь за ними, надо имѣть въ виду, что они пока еще не окончательно разстались даже съ луками и стрѣлами. Еще нѣсколько европейскихъ, а теперь, пожалуй, и японскихъ уроковъ, и предвидѣнія г. Мамина и Лапуже приблизятся къ осуществленію.

Недавно надѣлало у насъ шуму—правда, по другому поводу—еще одно такое предвидѣніе. Разумѣю прочитанную г. Владиміромъ Соловьевымъ въ видѣ публичной лекціи повѣсть объ антихристѣ. Собственно антихристъ меня не занимаетъ, да я и не съумѣлъ бы къ нему приступиться. Повѣсть о немъ вошла въ составъ небольшой книжки съ длиннымъ заглавіемъ: „Три разговора о войнѣ, прогрессѣ и концѣ всемірной исторіи, со включеніемъ краткой повѣсти объ антихристѣ и съ приложеніями“. Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что источники разныхъ недоумѣній, вызванныхъ его лекціей, лежатъ въ „недостаточномъ знакомствѣ у насъ съ показаніями слова Божія и церковнаго преданія объ антихристѣ“. Я слишкомъ профанъ въ этой области, чтобы отважиться судить объ ней. „Три разговора“ интересуютъ меня не съ этой стороны. Любопытно прежде всего, что въ этой книжкѣ ни разу не поминается гр. Л. Н. Толстой; потому любопытно, что книжка именно противъ гр. Толстого направлена, противъ его отношенія къ евангелію вообще и противъ ученія о непротивленіи злу въ частности. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи въ „Разговорахъ“ есть очень хорошія и поучительныя страницы. Особенно хорошъ художественно простой разсказъ одного изъ собесѣдниковъ („генерала“) объ одномъ кровавомъ эпизодѣ изъ послѣдней русско-турецкой войны. Все это мы оставимъ, однако, въ сторонѣ и остановимся

только на предвидѣніи событій, непосредственно предшествующихъ появленію антихриста.

Въ началѣ XX вѣка Европа будетъ вести послѣднюю рѣшительную борьбу съ сплотившимся мусульманствомъ. Пунктъ этотъ, лишь мимоходомъ отмѣченный въ повѣсти объ антихристѣ, получаетъ нѣкоторое развитіе въ предисловіи къ „Тремъ разговорамъ". Тамъ, уже не отъ имени какого-то монаха Пансофія, автора повѣсти объ антихристѣ, а отъ собственнаго своего имени, г. Вл. Соловьевъ говоритъ объ „упорной и изнурительной борьбѣ, которую нѣкоторымъ европейскимъ государствамъ придется выдержать противъ пробудившагося Ислама въ западной Азіи, сѣверной и средней Африкѣ". Г. Соловьевъ предвидитъ даже одну подробность этой борьбы, интересную въ томъ отношеніи, что она напоминаетъ о роли „Большаго Кулака" или „боксеровъ» въ теперешней китайской смутѣ. Въ грядущемъ столкновеніи Европы съ мусульманствомъ, по его мнѣнію, „большую, чѣмъ обыкновенно думаютъ, роль играетъ тайная и неустанная дѣятельность религіозно-политическаго братства *Санусси*, имѣющаго для движеній современнаго мусульманства такое же руководящее значеніе, какое въ движеніяхъ буддійскаго міра принадлежитъ тибетскому братству *Келановъ* въ Хлассѣ съ его индійскими, китайскими и японскими развѣтвленіями". Итакъ, въ началѣ XX вѣка, т. е. въ очень недалекомъ будущемъ, Европа будетъ занята борьбой съ мусульманствомъ. Ея затруднительнымъ положеніемъ въ этотъ моментъ воспользуются сторонники идеи панмонголизма, возникшей въ Японіи еще въ концѣ XIX вѣка. Японцы, „съ удивительною быстротою и успѣшностью перенявши вещественныя формы европейской культуры, усвоили также и нѣкоторыя европейскія идеи низшаго порядка". Осуществленіе идеи панмонголизма они начали съ того, что заняли Корею, потомъ Пекинъ, гдѣ съ помощью прогрессивной китайской партіи низвергли манджурскую династію и посадили японскую. Съ этимъ скоро примирились и китайскіе консерваторы, признавшіе, наконецъ, печальную необходимость внѣшней европейзаціи. Ихъ убѣдили такіе доводы японцевъ: „Поймите, упрямые братья, что мы беремъ у западныхъ собакъ ихъ оружіе не изъ пристрастія къ нимъ, а для того, чтобы бить ихъ этимъ же оружіемъ. Если вы соединитесь съ нами и примите наше практическое руководство, то мы скоро не только изгонимъ бѣлыхъ дьяволовъ изъ нашей Азіи, но завоюемъ и ихъ собственныя страны и оснуемъ настоящее срединное царство надо всей вселенной. Вы правы въ своей народной гордости и въ своемъ презрѣніи къ европейцамъ, но вы напрасно питаете эти чувства одними мечтаніями, а не разумною дѣятельностью. Въ ней мы васъ опередили и должны вамъ показывать пути общей пользы. А не то, смотрите сами, что вамъ дала ваша политика самоувѣренности и недовѣрія къ намъ — вашимъ есте-

ственнымъ друзьямъ и защитникамъ: Россія и Англія, Германія и Франція чуть не подѣлили васъ между собою безъ остатка, и всѣ ваши тигровыя затѣи показали только безсильный кончикъ змѣинаго хвоста". Очевидныя преимущества японской политики взяли верхъ надъ китайскою косностью, и скоро создались могучія китайско-японскія сухопутныя и морскія военныя силы. Первый же богдыханъ изъ японской династіи вытѣснилъ французовъ изъ Тонкина и Сіама, англичанъ изъ Бурмы и включилъ въ срединное царство весь Индо-Китай. Второй богдыханъ, китаецъ по матери, обманувъ бдительность русскаго правительства, вторгся съ четырехмилліонною арміей въ наши средне-азіатскія владѣнія, поднялъ все ихъ населеніе, перевалилъ за Уралъ и т. д. Словомъ, страшный монгольскій потокъ затопилъ всю Европу, чему помогли распри французовъ съ нѣмцами, и остановился только передъ Англіей, которая откупилась деньгами. Всѣ европейскія государства стали вассалами богдыхана, и это продолжалось полвѣка. „Со стороны внутренней эта эпоха знаменуется повсюднымъ смѣшеніемъ и глубокимъ взаимнопроникновеніемъ европейскихъ и восточныхъ идей, повтореніемъ en grand древняго александрійскаго синкретизма; а въ практическихъ областяхъ жизни наиболѣе характерными становятся три явленія: широкій наплывъ въ Европу китайскихъ и японскихъ рабочихъ и сильное обостреніе, вслѣдствіе этого, соціально-экономическаго вопроса; продолжающійся со стороны правящихъ классовъ рядъ палліативныхъ опытовъ рѣшенія этого вопроса и усиленная международная дѣятельность тайныхъ общественныхъ организацій, образующихъ обширный всеевропейскій заговоръ съ цѣлью изгнанія монголовъ и возстановленія европейской независимости. Послѣдняя цѣль, наконецъ, достигается: въ назначенный срокъ монгольскіе солдаты избиваются, азіатскіе рабочіе изгоняются. Новый богдыханъ даетъ сраженіе, въ которомъ всеевропейская армія разбиваетъ его на голову, монголы удаляются въ Азію, Европа свободна... Тутъ-то и является антихристъ...

Мы сейчасъ увидимъ, что литература мрачныхъ ожиданій военнаго или мирнаго, но во всякомъ случаѣ грознаго для Европы монгольскаго потока далеко не исчерпывается тѣми тремя писателями, о которыхъ у насъ шла до сихъ поръ рѣчь. Что же касается приведенныхъ картинъ возможнаго будущаго, то, какъ бы ни казались онѣ намъ преувеличенными или даже необузданно фантастическими, достойно вниманія, что на нѣкоторыхъ пунктахъ всѣ онѣ совпадаютъ. И эти совпадающіе пункты уже никто не можетъ заподозрить въ фантастичности, такъ какъ они—сама дѣйствительность. Это, во-первыхъ, соперничество европейскихъ народовъ, десятки лѣтъ напряженно готовящихся къ войнѣ на сушѣ и на морѣ и съ ревнивою зоркостью слѣдящихъ за чужими успѣхами въ заморскихъ странахъ, въ томъ числѣ и въ Китаѣ.

Это, во-вторыхъ, усиленныя заботы европейскихъ народовъ о вооруженіи Китая на европейскій ладъ все въ тѣхъ же видахъ взаимнаго соперничества, а также частно-коммерческихъ цѣлей.

Товарищъ англійскаго военнаго министра сообщилъ палатѣ депутатовъ, что съ 1895 года только двѣ англійскія фирмы продали китайцамъ 491 пушку разныхъ типовъ съ 4.289,540 зарядовъ, а были и другіе заказы. Не отставала въ этомъ отношеніи отъ Англіи и Германія, и, напримѣръ, въ одномъ 1899 году одна только германская фирма отпустила въ Китай 460,000 ружей Маузера. Цифры эти даютъ далеко не полное понятіе о той массѣ военнаго матеріала, которымъ Европа снабдила Китай на свою голову. И это при условіи, съ одной стороны, весьма слабой просвѣтительной работы, выражающейся лишь дѣятельностью миссіонеровъ, которые суть на половину политическіе агенты; при условіи, съ другой стороны, отхватыванія европейскими народами то одной, то другой береговой полосы Китая. Такимъ образомъ, варвары остаются варварами, но получаютъ послѣднее слово европейскаго вооруженія и вдобавокъ озлобляются противъ „бѣлыхъ дьяволовъ". Если бы Европа представляла собою одно цѣлое, то все это было бы настоящимъ безуміемъ. Теперь же мы присутствуемъ при результатахъ цѣлаго ряда дѣйствій очень умныхъ и именно практически умныхъ людей, каждый шагъ которыхъ строго обдуманъ. Англійскіе государственные люди и теперь, въ минуту кровавой китайской смуты и страшной опасности для всѣхъ европейцевъ, взвѣшиваютъ, насколько выгодно или невыгодно будетъ для Англіи предоставить первенствующую роль въ умиротвореніи Китая, Россіи или Японіи. Что они склоняются въ пользу Японіи и тѣмъ самымъ, если хотя бы отчасти суждено осуществиться пророчеству г. Соловьева, пускаютъ козла въ огородъ, это, можетъ быть, и ошибочный разсчетъ, но во всякомъ случаѣ разсчетъ людей, находящихся въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Англійскіе и германскіе заводы и торговыя фирмы, завалившіе Китай всякаго рода оружіемъ, тоже руководствовались очень яснымъ практическимъ разсчетомъ. Равнымъ образомъ и правительства тѣхъ европейскихъ народовъ, которые отрѣзывали по клочку мяса изъ живого китайскаго тѣла. Словомъ, всѣ люди практическаго дѣла, такъ или иначе, прямо или косвенно, активно или пассивно подготовлявшіе настоящія китайскія событія, дѣйствовали, въ предѣлахъ своего кругозора, совершенно разумно. И только лишь теоретиковъ, имѣющихъ право видѣть нѣчто дальше своего носа, событія эти не застали врасплохъ. Они ихъ ожидали, и даже гораздо большаго, какъ мы видѣли.

Однако и теоретики бываютъ разные. Есть и между ними такіе, которые, осѣдлавъ какого нибудь конька съ наглазниками, гордо галопируютъ на немъ, ничего не видя по сторонамъ и естественно сваливаются въ какую нибудь неожиданно для нихъ

вырытую жизнью канаву. Интереснымъ для насъ сегодня образчикомъ этой породы можетъ служить русско-французскій писатель г. Я. Новиковъ, одно изъ произведеній котораго вышло недавно въ русскомъ переводѣ. Произведеніе это называется „Будушность бѣлой расы. Критика современнаго пессимизма“.

Г. Новиковъ стоитъ на шаблонно-либеральной точкѣ зрѣнія. Какъ извѣстно, съ этой точки зрѣнія умственному взору открываются нѣкоторыя элементарныя истины, которыя, не смотря на ихъ почтенный возрастъ, не мѣшаетъ иногда и теперь напомнить, но вмѣстѣ съ тѣмъ остается затѣненнымъ цѣлый рядъ житейскихъ явленій огромной важности. Г. Новиковъ совершенно правъ, громя тотъ унылый пессимизмъ, который побуждаетъ людей присутствовать при жизни въ красиво меланхолической позѣ; но изъ этого вѣдь не слѣдуетъ что мы живемъ въ наилучшемъ изъ міровъ, въ которомъ „все гармонія, все диво“ и даже маленькія непріятности влекутъ за собой большія удовольствія. Въ предѣлахъ спеціальной темы своей работы г. Новиковъ опять таки совершенно правъ, отрицая первенствующую и разъ навсегда опредѣленную роль расы въ исторіи человѣчества; но изъ этого не слѣдуетъ, что въ каждую данную историческую минуту безразлично, кто ведетъ за собой человѣчество,—англичане или китайцы, французы или негры. А именно такого рода мысли противопоставляетъ г. Новиковъ опасеніямъ многихъ европейскихъ писателей, ожидающихъ погрома съ дальняго востока. Я не буду перечислять этихъ писателей и излагать ихъ мнѣнія. Скажу только, что опасенія ихъ можно раздѣлить на двѣ группы: во первыхъ, опасенія собственно военнаго погрома, чего-то въ родѣ новаго монгольскаго нашествія, во вторыхъ, опасенія наплыва китайскихъ рабочихъ, которые своею выносливостью и дешевизною составятъ грозную конкурренцію европейскимъ рабочимъ. Замѣчу еще, что нѣкоторые изъ упомянутыхъ писателей, повидимому, за торжествомъ желтолицыхъ ожидаютъ еще новой исторической фазы—торжества чернокожихъ. Мы такъ далеко не пойдемъ и остановимся на желтолицыхъ, вопросъ о которыхъ составляетъ нынѣ злобу дня.

Г. Новиковъ отказывается заглядывать въ то практически безконечно отдаленное отъ насъ время, когда нашу планету или, по крайней мѣрѣ, всякую жизнь на ней постигнетъ предназначенный ей конецъ. Поэтому онъ не согласился бы встать на точку зрѣнія одного изъ собесѣдниковъ въ „Трехъ разговорахъ“ г. Вл. Соловьева, утверждающаго, что прогрессъ есть „симптомъ конца“. Живой о живомъ и думаетъ, разсуждаетъ г. Новиковъ. Каждый человѣкъ знаетъ, что онъ рано или поздно умретъ, но это не мѣшаетъ намъ воспринимать радости и тягости жизни, жить и работать по своему разумѣнію. Тѣмъ болѣе не резонъ готовиться, хотя бы только мыслью, къ концу всяческой жизни,

до котораго вдобавокъ безконечно далеко. Пока что, нашъ прогрессъ есть не симптомъ конца, а залогъ роста. Человѣчество находится еще въ младенческомъ возрастѣ, и думать о его смерти до нелѣпости рано.

Что касается смерти человѣчества въ связи съ катастрофой, имѣющей постигнуть нашу планету, то г. Новиковъ, конечно, правъ. Будетъ ли эта кончина мирна и непостыдна или произойдетъ среди крови, грязи и слезъ,—все это слишкомъ непомѣрно далеко для нашего бѣднаго разума, неспособнаго разглядѣть даже будетъ ли тогда считаться постыднымъ то, чего стыдимся мы, будетъ ли и самый стыдъ существовать, самое понятіе о немъ, или напротивъ разгорится новымъ и непонятно для насъ яркимъ свѣтомъ. Это такъ. Но не имѣть даже для завтрашняго дня иной мѣрки, кромѣ той, которою мы мѣряли вещи десятки лѣтъ тому назадъ, тоже не свидѣтельствуетъ о великой разумности.

Г. Новиковъ пишетъ: „Китайская имперія чрезвычайно слаба... Манчжуры ее завоевали и очень скромной арміей. Слабость Китая происходитъ отъ главной причины, господствующей надъ всѣми прочими: воинственный духъ погасъ въ китайцахъ. Подобное положеніе вещей должно рано или поздно имѣть мѣсто среди каждаго народа, имѣвшаго продолжительную цивилизацію. Китай опередилъ насъ въ этомъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ. Затѣмъ ошибочно полагать, что Пекинъ пользуется большой властью; строго говоря, Китай составляетъ федерація провинцій, группирующихся около центральнаго правительства, довольно слабаго“. И далѣе: „Пять великихъ державъ могутъ выставить въ случаѣ войны около 15 милліоновъ солдатъ; мы ужъ не говоримъ о маленькихъ государствахъ Европы и объ Америкѣ. По Готскому альманаху „теоретическія“ силы Китая едва достигаютъ 600,000 человѣкъ, включая провинціальные гарнизоны. Эти войска „почти безъ военнаго образованія, вооружены неудовлетворительно и неспособны вести войну“. Собственно говоря, китайцы совсѣмъ не располагаютъ военными силами и видимо не дѣлаютъ никакихъ усилій, чтобы перемѣнить существующій порядокъ вещей. Когда мы замѣтимъ, что китайцы начинаютъ военныя приготовленія въ широкихъ размѣрахъ, имѣя въ виду завоеваніе нашего континента, мы можемъ наводнить ихъ территорію и, пользуясь преимуществомъ сравнительно высокой боевой готовности, разрушить ихъ проекты, раньше чѣмъ они ихъ начнутъ приводить въ исполненіе“.

Я не знаю, когда написана книжка г. Новикова въ оригиналѣ; вѣроятно до китайско-японской войны, потому что иначе онъ, конечно, не удовольствовался бы, въ качествѣ аргумента, указаніемъ на завоеваніе Китая манчжурами. Промышленный подъемъ Японіи, впрочемъ, онъ, хотя и мимоходомъ, отмѣчаетъ. Какъ бы то ни было, текущія событія опровергаютъ всѣ соображенія двухъ при-

веденныхъ цитатъ, за исключеніемъ развѣ одного: относительной слабости центральнаго правительства Срединной имперіи и въ сущности почти федеративнаго строя ея. Это, повидимому, настолько вѣрно, что въ данную минуту интересы европейскихъ государствъ требовали бы обращенія Китая въ формальную федерацію болѣе или менѣе самостоятельныхъ политическихъ единицъ, и отнюдь не дальнѣйшаго расхватыванія китайской территоріи, которое можетъ только усугубить причины настоящей смуты: соперничества европейскихъ державъ и озлобленіе китайскаго населенія. Вывода этого, однако, г. Новиковъ не дѣлаетъ, а все остальное въ приведенныхъ его соображеніяхъ разсыпается прахомъ отъ дуновенія дѣйствительности, хотя, конечно, отъ настоящихъ событій до монгольскаго нашествія, съ пророками котораго полемизируетъ г. Новиковъ, еще очень далеко. 600-ли только тысячъ солдатъ можетъ выставить Китай или гораздо больше,—неизвѣстно, но горькій опытъ убѣждаетъ нынѣ Европу въ неосновательности мнѣнія, что они „безъ военнаго образованія, вооружены неудовлетворительно и неспособны къ войнѣ“; что китайцы „совсѣмъ не располагаютъ военными силами и не дѣлаютъ никакихъ усилій, чтобы перемѣнить существующій порядокъ вещей“. Нельзя ставить г. Новикову въ упрекъ, что онъ не предвидѣлъ всего этого, хотя вотъ тѣ писатели, съ которыми онъ съ такимъ побѣдоноснымъ видомъ полемизируетъ, предвидѣли же и даже нѣчто гораздо большее, чѣмъ пока случилось. Но есть въ этомъ дѣлѣ сторона, относительно которой мы вправѣ были бы ожидать отъ него большей проницательности. Спрашивается, кто эти „мы“, отъ лица которыхъ г. Новиковъ обѣщаетъ „замѣтить, что китайцы начинаютъ военныя приготовленія“, затѣмъ „наводнить ихъ территорію и разрушить ихъ проекты, раньше, чѣмъ они ихъ начнутъ проводить въ исполненіе“? Надо сказать еще, что, по разсчету г. Новикова, китайцамъ, когда они „соберутся насъ покорять“, понадобится на первый случай 20 милліардовъ франковъ. А гдѣ они возмутъ эти деньги?—спрашиваетъ г. Новиковъ. „Китай—бѣдная страна. Конечно, мы не одолжимъ этихъ 20 милліардовъ, зная, что этотъ заемъ дѣлается съ цѣлью нашего порабощенія“. Опять „мы“ не одолжимъ... Такъ кто же эти „мы“? Конечно, европейцы, Европа, какъ нѣчто единое и цѣлокупное. Не надо было, однако, дожидаться нынѣшнихъ кровавыхъ событій въ Китаѣ, чтобы признать эту цѣлокупную Европу существомъ миѳическимъ. Въ дѣйствительности, Европа вся изрѣзана вертикальными и горизонтальными перегородками, разобщающими интересы отдѣльныхъ государствъ и отдѣльныхъ классовъ населенія. Китайскія событія являются только еще одною иллюстраціей къ этому общему положенію. Тѣ государства, которыя посылали своихъ военныхъ инструкторовъ въ Китай, равно какъ и тѣ заводы и торговыя фирмы, которыя снабжали китайцевъ усовершенство-

Библиотека 141-го Пехотного Можайскаго полка. Офицерская библиотека

ваннымъ оружіемъ, конечно, не могли не „замѣтить“ военныхъ приготовленій Срединнаго царства. Но ни одна изъ европейскихъ націй, цивилизующихъ такимъ способомъ и въ такомъ направленіи Китай, не относитъ этихъ приготовленій на свой счетъ. Неожиданностью въ настоящихъ событіяхъ являются, собственно говоря, только стихійность китайскаго движенія и его направленіе противъ „бѣлыхъ дьяволовъ“ вообще, а не противъ Россіи или Англіи, или Германіи въ частности. Газеты сообщали, что, не задолго до этихъ событій, германскіе инструкторы выработали для китайцевъ планъ войны съ Россіей. Англичане и въ настоящую тревожную минуту отстаиваютъ свое право вывозить въ Китай оружіе, на томъ основаніи, что, дескать, правильной войны съ Китаемъ нѣтъ, хотя, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая часть регулярныхъ китайскихъ войскъ не отстаетъ отъ „мятежниковъ“ въ дѣлѣ рѣзни, поджоговъ и грабежа. Отсюда позволительно заключить, что въ составѣ тѣхъ, кого г. Новиковъ объединяетъ мѣстоименіемъ перваго лица множественнаго числа, найдутся такіе, которые въ случаѣ надобности и военный заемъ китайцамъ устроятъ.

Что будетъ черезъ двѣ тысячи лѣтъ и даже въ тотъ гораздо болѣе короткій срокъ, который указывается г. Вл. Соловьевымъ— дѣло темное. Во всякомъ случаѣ нѣтъ основанія ожидать новаго монгольскаго нашествія въ ближайшемъ будущемъ, но есть всѣ основанія думать, что мы живемъ почти буквально наканунѣ міровыхъ событій огромной важности, центръ значенія которыхъ лежитъ на дальнемъ востокѣ. Не первую вспышку озлобленія туземцевъ переживаютъ европейцы въ Китаѣ, и всякій разъ умиротвореніе достигалось сравнительно легко и быстро, и дѣла шли затѣмъ такъ, какъ будто ничего не случилось. Нынѣ нельзя этого ожидать. Соперничество державъ, вспомоществуемое коммерческими выгодами частныхъ лицъ, обучало и вооружало китайцевъ; а кромѣ того на міровомъ политическомъ горизонтѣ появилась Японія, которой рано или поздно, такъ или иначе предстоитъ оказать сильное давленіе на весь строй „недвижнаго“ Китая. И нѣтъ надобности гадать о нашествіи монголовъ, чтобы понимать, что „цивилизующая“ роль достанется странѣ Восходящаго Солнца не даромъ, не безъ долгой и упорной борьбы. Отнюдь не „миромъ всего міра“ завершится умиротвореніе Китая, какими бы путями оно не было достигнуто.

Г. Новиковъ провидитъ „день, когда нельзя будетъ сказать, что цивилизація дана исключительно въ удѣлъ бѣлымъ, желтокожимъ или чернокожимъ; она будетъ составлять принадлежность всего человѣчества“. Отказываясь проникать въ то неизмѣримо отдаленное отъ насъ будущее, когда придетъ конецъ нашей планетѣ, г. Новиковъ заглядываетъ впередъ всетаки слишкомъ далеко для имѣющейся въ его распоряженіи мѣры вещей. Онъ такъ до-

воленъ европейской цивилизаціей въ современной фазѣ ея развитія, что считаетъ ее чѣмъ-то вѣчнымъ, единоспасающимъ и всемірно обязательнымъ; и желтокожіе, и чернокожіе, и всякіе другіе люди, какъ сейчасъ, такъ и черезъ сколько угодно лѣтъ, могутъ только примкнуть къ ней и продолжать ея дѣло въ разъ полученномъ ею направленіи. Дѣлая нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній о крайностяхъ теоріи, видящей въ расѣ чуть не главный историческій факторъ, онъ упускаетъ изъ вида фактъ, слишкомъ несомнѣнный,—взаимнаго непониманія и ненависти не только различныхъ расъ, а различныхъ національностей, не только въ Азіи или Африкѣ, а и въ Европѣ и Америкѣ. Постыденъ европейскій антисемитизмъ, постыдно отношеніе американцевъ къ неграмъ и рано или поздно къ чести человѣчества кончатся эти отношенія, но въ данную минуту они существуютъ, и нельзя съ ними не считаться. Сопутствуя европейской цивилизаціи, они распространяются и на цивилизуемые Европой народы. Фактъ этотъ, конечно, извѣстенъ г. Новикову. Онъ говоритъ, напримѣръ: „Подобно обезьянѣ, обнаруживающей комическій ужасъ при появленіи хамелеона, люди испытываютъ отвращеніе къ себѣ подобнымъ людямъ, которые слишкомъ чувствительно отличаются отъ нихъ наружнымъ видомъ, костюмами и нравами. Китайцы питаютъ отвращеніе къ иностранцамъ и періодически то здѣсь, то тамъ предательски убиваютъ европейцевъ, которые осмѣлились поселиться между ними. По этой причинѣ мы ихъ совершенно справедливо считаемъ варварами, а между тѣмъ и сами дѣлаемъ то же самое. Всѣ эти претензіи на опасность отъ желтыхъ похожи на чувство обезьянъ при видѣ хамелеона: китайцы иначе одѣваются, имѣютъ другой цвѣтъ кожи и другой наружный видъ, поэтому бѣлые калифорнійцы боятся сыновъ Небесной имперіи, время отъ времени умерщвляютъ поселившихся между ними китайцевъ и препятствуютъ новымъ китайскимъ эмиграціямъ“.

Здѣсь мы подходимъ къ другому, также многими съ опасеніемъ ожидаемому, мирному потоку монголовъ. Конечно, не потому только бѣлые въ Калифорніи враждебно относятся къ китайцамъ, что тѣ иначе одѣваются, имѣютъ другой цвѣтъ кожи и т. д., а главнымъ образомъ потому, что они, какъ рабочіе, своею нетребовательностью, выносливостью и дешевизною представляютъ опасныхъ конкуррентовъ бѣлымъ, ихъ чуждый внѣшній обликъ и чуждые нравы играютъ при этомъ вторую роль. Эта сторона китайскаго вопроса въ настоящую минуту отодвигается на задній планъ, и мы на ней останавливаться не будемъ. Замѣчу только, что она рѣшается г. Новиковымъ съ необыкновенною простотою и наивностью. Онъ пишетъ: „Говорятъ, что желтый рабочій, соглашаясь на низшую заработную плату, вредитъ бѣлому рабочему; тоже самое говорятъ про женщинъ по отношенію къ мужчинамъ. Существуетъ самое простое, самое элементарное сред-

ство искоренить это зло: платите китайцамъ и женщинамъ столько же, сколько бѣлымъ и мужчинамъ". Это, конечно, превосходное правило, только, къ сожалѣнію, никто ему не слѣдуетъ.

Итакъ, хотя китайцы „періодически то здѣсь, то тамъ предательски убиваютъ европейцевъ, которые осмѣлились поселиться между ними", но „всѣ претензіи на опасность отъ желтыхъ похожи на чувство обезьяны при видѣ хамелеона". Такова логика г. Новикова. Надо сказать, что, не смотря на свою увѣренность въ совершенномъ отсутствіи воинскаго духа у китайцевъ и въ ихъ способности мирно воспринять европейскую цивилизацію, г. Новиковъ въ одномъ мѣстѣ допускаетъ возможность рѣшительнаго столкновенія „на жизнь и на смерть" желтыхъ съ бѣлыми. Но если эта борьба и произойдетъ, то, во-первыхъ, она будетъ имѣть причиною не „естественное вліяніе экономическихъ силъ", въ благодѣтельное значеніе свободной игры которыхъ г. Новиковъ вѣритъ, какъ магометане въ Коранъ, а, во-вторыхъ, „потребуются вѣка", чтобы въ китайцахъ наросли нужныя для такого столкновенія силы и чувства. „Вообразите себѣ, что такая нація, какъ китайская, начнетъ все болѣе и болѣе проникаться мыслью, что мы, запрещая ей заселять пустынныя земли въ другихъ частяхъ свѣта, лишаемъ ее куска хлѣба и заставляемъ ее умирать съ голоду. Потребуются вѣка, чтобы эта мысль вошла въ сознаніе китайскаго народа, но въ тотъ день, когда это совершится, она повлечетъ за собой радикальныя измѣненія. Тогда всѣ китайцы почувствуютъ себя солидарными, потому что у нихъ будетъ одинъ и тотъ же непримиримый врагъ—бѣлый, который заставляетъ ихъ умирать съ голоду. Мало-по-малу они начнутъ организоваться, заготовлять оружіе и скажутъ себѣ въ одинъ прекрасный день, что всетаки лучше вступить въ борьбу съ шансами на побѣду, чѣмъ умереть съ голоду за неимѣніемъ необходимой для землепашества почвы. Если бы между бѣлыми и желтокожими произошла подобная борьба, она была бы ужасна".

Не только вѣка, а можетъ быть и годы еще не прошли съ тѣхъ поръ, какъ г. Новиковъ написалъ эти краснорѣчивыя строки, а китайцы, по тѣмъ-ли или другимъ причинамъ, „начали организоваться, заготовлять оружіе", и борьба загорѣлась. Чѣмъ она кончится—неизвѣстно? Но одно несомнѣнно: если Китай станетъ военной державой на европейскій или японскій манеръ, русско-китайская граница, протянувшаяся на десять тысячъ верстъ, потребуетъ такого-же сосредоточенія военныхъ силъ, какъ и наша западная граница, а это вызоветъ такое напряженіе народныхъ силъ вообще, о которомъ стоить подумать.

Ник. Михайловскій.

Споры о теоріи обнищанія.

Появившаяся въ прошломъ году книга Бернштейна, встрѣчена была, какъ политическими единомышленниками, такъ и противниками автора ея, съ большимъ волненіемъ. Друзья Бернштейна усмотрѣли въ новой работѣ его отреченіе отъ партійнаго символа вѣры. Прежніе ожесточенные противники привѣтствовали въ Бернштейнѣ своего союзника уже, какъ имъ казалось. Легко, однако, было замѣтить, что ликованія противниковъ — только отголосокъ того негодованія, которое книга Бернштейна вызвала въ рядахъ правовѣрныхъ марксистовъ.

Когда, однако, тѣ и другіе стали внимательнѣе вчитываться въ книгу, то первые увидѣли, что напрасно печалились, а вторые поняли, что нечему совсѣмъ было радоваться. На повѣрку вышло, что Бернштейнъ ничего не разрушаетъ; что онъ исходитъ въ своихъ воззрѣніяхъ изъ тѣхъ же общихъ началъ, какъ и другіе его сотоварищи; конечная цѣль у него та же самая. Даже и въ программной части своей книги онъ не предлагаетъ ни одной такой мѣры, которая въ той или иной формѣ не примѣнялась бы раньше уже партіей; онъ стремится только разъяснить и по возможности устранить нѣкоторыя противорѣчія, вполнѣ понятныя въ ученіи, первое слово котораго („Die Lage der Arbeitenden Klassen in England") отдѣлено отъ послѣдняго его слова (Vorwort zu den „Klassenkämpfen in Frankreich") промежуткомъ времени не менѣе, чѣмъ въ 50 лѣтъ!

Теперь, когда шумъ, поднятый книгою Бернштейна, нѣсколько улегся, становится яснымъ, что главное значеніе этой книги заключается въ томъ, что она дала толчекъ для провѣрки многихъ положеній, до сихъ поръ принимаемыхъ сторонниками ученія Маркса какъ догмы.

Въ дебатахъ между Бернштейномъ и несогласными съ нимъ товарищами его производится пересмотръ всѣхъ основъ марксизма, и большинство интересующихся, только благодаря этому спору, и можетъ выяснить себѣ иные вопросы, которые до сихъ поръ покрыты были мракомъ тумана *).

Одной изъ такихъ затуманенныхъ сторонъ ученія является

*) Обстоятельное знакомство и критическое отношеніе къ теоріямъ Маркса доступно лишь самому незначительному меньшинству партіи. По справедливому замѣчанію одного изъ ораторовъ послѣдняго партейтага «Марксъ является для большой массы рабочихъ, да и для нашихъ полуученыхъ, тѣмъ же, чѣмъ Гёте для буржуазіи: она превозноситъ его до неба, но не читаетъ его».

и, такъ называемая, „теорія обнищанія“, въ связи съ вопросомъ о томъ, возможно-ли значительное улучшеніе положенія рабочихъ, при господствѣ нынѣшняго общественнаго устройства.

Самое выраженіе—теорія обнищанія—нигдѣ, ни у Маркса, ни у Энгельса не встрѣчается. Но уже въ „Нищетѣ философіи“ и затѣмъ гораздо сильнѣе въ извѣстномъ „Манифестѣ“ выразились тѣ взгляды Маркса на данный вопросъ, которые, съ легкой руки противниковъ марксизма, получили названіе теоріи обнищанія. И не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, въ началу своей литературной и политической дѣятельности, Марксъ твердо увѣренъ былъ въ томъ, что положеніе рабочаго является въ буржуазномъ обществѣ вполнѣ безнадежнымъ.

Въ этомъ смыслѣ говоритъ Марксъ въ „Нищетѣ философіи“ о minimum-ѣ средствъ существованія, необходимыхъ для поддержанія жизни работника, какъ объ естественномъ вознагражденіи за трудъ; въ этомъ смыслѣ говоритъ онъ въ „Манифестѣ“: „современный рабочій напротивъ не только не подымается съ успѣхами индустріи, но падаетъ все ниже и ниже за предѣлы потребностей своего собственнаго класса. Рабочій превращается въ нищаго, а нищета растетъ быстрѣй еще, чѣмъ населеніе и богатство“ *); въ этомъ смыслѣ, наконецъ, говоритъ онъ въ „Klassenkämpfen in Frankreich“, что самое незначительное даже улучшеніе участи работника „остается внутри буржуазной республики—утопіей“ **).

Что Марксъ впослѣдствіи измѣнилъ свой взглядъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ то громадное значеніе, которое онъ придавалъ англійскому рабочему законодательству, то обширное мѣсто, какое онъ удѣлилъ изложенію этого законодательства въ 1-мъ томѣ „Капитала“. Въ десятичасовомъ биллѣ Марксъ видѣлъ, какъ извѣстно, не только „большой практическій успѣхъ“, но и „побѣду принципа“. Онъ говоритъ о „громадныхъ матеріальныхъ, моральныхъ и интеллектуальныхъ выгодахъ“, которыя десятичасовой билль доставилъ рабочимъ“ ***).

Объ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ одержалъ побѣду принципъ фабричнаго законодательства, Марксъ констатируетъ, что великолѣпное развитіе ихъ шло „рука объ руку съ физическимъ и моральнымъ возрожденіемъ фабричнаго работника“, которое „должно было поразить даже и самаго близорукаго наблюдателя“. А нѣсколько ниже указывается на то, что съ введеніемъ фабричнаго законодательства „сила сопротивленія капитала постепенно слабѣла, между тѣмъ какъ въ то же время наступательная сила рабочаго класса возросла, вмѣстѣ съ увеличеніемъ

*) «Das komm. Manifest», Sechste deutsche Ausgabe, Berlin, 1895, S. 17.
**) «Die klassenkämpfe in Frankreich», Berlin, 1895, S. 40.
***) Inaugural-Adresse der «Internationale» vom Iahre 1864.

числа его союзниковъ въ тѣхъ слояхъ общества, которые не заинтересованы непосредственно въ томъ или другомъ разрѣшеніи рабочаго вопроса" *).

Изъ приведенныхъ цитатъ можно было бы вывести заключеніе, что наблюденія надъ результатами англійскаго рабочаго законодательства убѣдили Маркса въ ошибочности прежняго мнѣнія его, о невозможности улучшить положеніе работника путемъ культурной, парламентской борьбы и на почвѣ существующихъ государственныхъ порядковъ.

Но дѣло въ томъ, что уже въ „Манифестѣ" встрѣчаются мѣста, затемняющія нѣсколько чистоту выраженнаго въ немъ же взгляда на усиленіе пауперизма, какъ неизбѣжнаго послѣдствія промышленнаго развитія, или давшія, по крайней мѣрѣ, ученикамъ Маркса возможность отрицать, что Марксъ когда-либо такого взгляда придерживался. „Но не число только пролетаріевъ",—говоритъ Марксъ—„увеличивается съ развитіемъ индустріи; пролетаріатъ соединяется въ бо̀льшія массы, сила его растетъ, и крѣпнетъ увѣренность въ ней" **). И затѣмъ, въ главѣ о первоначальномъ накопленіи, Марксъ соединяетъ обѣ цитированныя нами выдержки изъ „манифеста" въ одно положеніе: „Вмѣстѣ съ постоянно уменьшающимся числомъ магнатовъ капитала, которые похищаютъ и монополизируютъ всѣ выгоды этого процесса превращенія, возрастаетъ бѣдность, гнетъ, порабощеніе, униженіе и эксплуатація, но увеличивается также и возмущеніе рабочаго класса, который постоянно возрастаетъ и постоянно обучается, объединяется и организуется самымъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства" ***).

Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, понималъ Марксъ теорію обнищанія, говорилъ ли онъ о прогрессивномъ ростѣ нищеты, о томъ, что все большія и большія массы населенія будутъ входить въ нее, что нищета выражаться будетъ все въ болѣе и болѣе острой формѣ,—предполагалъ-ли онъ иными словами абсолютное обнищаніе рабочаго класса?

Повидимому, объ этомъ свидѣтельствуетъ то мѣсто изъ „Манифеста", гдѣ говорится о возрастаніи пауперизма, о паденіи рабочаго за предѣлы потребностей своего собственнаго класса. Но, спрашивается, какъ можно примирить мысль о непрерывномъ ухудшеніи матеріальнаго положенія, а слѣдовательно, и нравственнаго уровня рабочаго класса съ представленіемъ о ростѣ его самосознанія и силы оказываемаго имъ эксплуататорскимъ тенденціямъ капитала сопротивленія? Далѣе, какое же мѣсто принадлежитъ въ данномъ случаѣ фабричному законодательству, высокое

*) «Капиталъ» т. I, стр. 248 (русск. пер., изд. 1898).
**) «Das komm. Manifest», S. 15.
***) «Капиталъ», т. I, стр. 667.

значеніе котораго не только не отрицается, но чрезвычайно сильно оттѣняется Марксомъ?

Не противорѣчіе ли предъ нами? Съ развитіемъ индустріи прогрессируетъ несомнѣнно и фабричное законодательство. Фабричное же законодательство ведетъ, какъ показываетъ опытъ, къ физическому и нравственному возрожденію рабочаго класса тамъ, гдѣ, какъ въ Ланкаширѣ, рабочему грозило, при невмѣшательствѣ законодательства, полное вырожденіе; но регламентація труда способствуетъ, конечно, улучшенію участи работника и тамъ, гдѣ опасность не такъ была велика, какъ въ описанныхъ Марксомъ отрасляхъ промышленности.

Можно-ли поэтому говорить о постепенномъ ухудшеніи положенія рабочаго класса съ ходомъ промышленнаго развитія страны? И неужели эти истощенные, униженные, порабощенные, вырождающіеся, совершенно обнищавшіе рабочіе смогутъ успѣшнѣе бороться за свои интересы, чѣмъ они это дѣлали тогда, когда силы ихъ не были еще надорваны, а эксплуатація труда не достигала такихъ крайнихъ предѣловъ?

Однако, скажутъ, пролетаріи станутъ соединяться въ бо́льшія массы, и въ этомъ будетъ ихъ могущество. Но развѣ для соединенія рабочихъ въ крупныя группы, преслѣдующія одну общую цѣль, не необходимо именно предварительное накопленіе у нихъ нѣкотораго матеріальнаго достатка, и развѣ ассоціаціи рабочихъ не ведутъ въ свою очередь къ подъему экономическаго ихъ благосостоянія?!

Если Марксъ и Энгельсъ, ко времени составленія „Манифеста“, не видѣли противурѣчія въ совмѣщеніи идеи побѣды рабочаго класса съ предположеніемъ постояннаго и неизбѣжнаго ухудшенія экономическаго положенія пролетаріевъ, то это объясняется тогдашнимъ взглядомъ ихъ на средства, при помощи которыхъ побѣда будетъ одержана

Но Марксъ и Энгельсъ радикально измѣнили впослѣдствіи свое мнѣніе объ этихъ средствахъ.

Въ предисловіи къ I-му тому „Капитала“, Марксъ говоритъ, что „одна страна можетъ и должна учиться у другой“, что общество не въ состояніи перескочить черезъ естественныя фазы своего развитія, но оно „можетъ сократить и облегчить муки родовъ“ *). Именно ввиду этого Марксъ и предлагаетъ особому вниманію нѣмецкаго общества изученіе исторіи и результатовъ англійскаго фабричнаго законодательства, указывая на то, что положеніе рабочихъ въ германской крупной промышленности хуже чѣмъ въ англійской, „вслѣдствіе отсутствія противудѣйствія фабричнаго законодательства“ **).

---

*) „*Das Kapital*“. B. I. Zweite Auflage, Hamburg 1872. Vorwort, S. 5.
**) Ibid. S. 5.

О громадномъ значеніи законодательнаго фактора Марксъ говоритъ *въ предисловіи* къ своему главному труду, какъ-бы подчеркивая этимъ то, что онъ самъ считалъ въ своей книгѣ практически наиболѣе важнымъ, или, желая обратить особое вниманіе на то, что составляетъ, по его мнѣнію, ближайшую задачу рабочаго класса. Здѣсь прямо указывается на необходимость борьбы за улучшеніе экономическаго положенія пролетаріата, за „ограниченіе и урегулированіе рабочаго дня", которое въ Англіи завоевано было „въ продолженіи полувѣковой междуусобной войны", борьбы, направленной на ослабленіе „силы сопротивленія капитала" и на укрѣпленіе „наступательной силы рабочаго класса" *). О томъ-же, что борьба эта ведетъ къ подъему пролетаріата свидѣтельствуетъ опытъ Англіи. И если Марксъ повторяетъ, не смотря на то, въ послѣдней главѣ I-го тома „Капитала", старыя слова о ростѣ нищеты, гнета и порабощенія, то это доказываетъ только, какъ трудно было ему отдѣлаться отъ той схемы, которая готова уже была у него ко времени составленія „Манифеста" и въ которой теорія обнищанія была однимъ изъ связующихъ звеньевъ.

Опустить это звено значило-бы отказаться отъ обоснованія теоріи экспропріаціи. Буржуазія до тѣхъ поръ эксплуатировать будетъ своихъ наемныхъ работниковъ, пока не доведетъ ихъ до такого приниженнаго состоянія, при которомъ она ничего уже отъ нихъ получить не сможетъ, и вынуждена будетъ, напротивъ, сама прокармливать своихъ рабовъ. Необходимымъ условіемъ существованія буржуазіи является постоянное увеличеніе капитала посредствомъ эксплуатаціи наемнаго труда, и когда это увеличеніе становится далѣе невозможнымъ, буржуазія погибаетъ. „Съ развитіемъ крупной промышленности, буржуазія теряетъ, стало-быть, подъ ногами ту почву, на которой она производитъ и присваиваетъ продукты. Она роетъ поэтому раньше всего свою собственную могилу. Паденіе ея и торжество пролетаріата равно неизбѣжны" **). Это въ „Манифестѣ". И та-же самая аргументація выражена въ „Капиталѣ" въ слѣдующей формѣ: „Монополія капитала становится помѣхой того способа производства, который развился вмѣстѣ съ нею и подъ ея вліяніемъ. Сосредоточеніе средствъ производства и обобществленіе труда достигаютъ такой степени, что они не могутъ далѣе выносить свою капиталистическую оболочку. Она разрывается. Бьетъ часъ капиталистической частной собственности. Экспропріирующихъ экспропріируютъ" (стр. 667).

Величественное зданіе „Капитала" построено, по справедливому замѣчанію Бернштейна, въ предѣлахъ лѣсовъ, формой которыхъ архитекторъ ни за что не хотѣлъ поступиться. Пока это можно

*) Капиталъ, т. I, стр. 248.
**) „Das komm. Manif.". S. 18.

было примирить съ конструкціей лѣсовъ, строитель соблюдалъ всѣ правила научной техники, но онъ переставалъ считаться съ наукой, когда тѣснота лѣсовъ мѣшала соблюденію ея принциповъ: „Не сознаніе-ли нераціональности такого положенія было причиною того, что Марксъ не придалъ своему творенію окончательнаго вида, внося въ него постоянно частныя поправки?! Такъ или иначе, но я убѣжденъ, что всякій разъ, когда обнаруживается этотъ дуализмъ, лѣса должны пасть, дабы зданіе могло пріобрѣсть правильныя очертанія“ *).

Но правовѣрные послѣдователи Маркса, не обладая геніальностью своего учителя, крѣпче, чѣмъ самъ онъ, держатся схемы, встрѣчая протестомъ все то, что можетъ нарушить цѣльность ея. Нельзя не согласиться, что только въ виду этой боязни потерять схему и показалась столь еретической попытка Бернштейна доказать, что число лицъ, обладающихъ матеріальнымъ достаткомъ не уменьшается, а наоборотъ увеличивается изъ года въ годъ. „Если это вѣрно“,—возражалъ Каутскій,—„то тогда не только далекъ очень моментъ побѣды, тогда цѣль наша вообще недостижима. Если капиталисты, а не пролетаріи увеличиваются въ числѣ, то, съ ходомъ развитія, цѣль наша все болѣе и болѣе отодвигается, и укрѣпляется капитализмъ, а не новое начало **). И совершенно основательно возразилъ на это Бернштейнъ въ своей книгѣ, что виды на побѣду зависятъ совсѣмъ не отъ удержанія теоріи концентраціи капитала въ рукахъ все сокращающагося числа капиталистовъ, а „отъ роста общественнаго богатства, или общественыхъ производительныхъ силъ, въ связи съ широкимъ соціальнымъ прогрессомъ, особенно же интеллектуальной и моральной зрѣлостью самого рабочаго класса“ (S. 179).

Если Бернштейну указывалось сначала на несогласіе выводовъ его съ представленіемъ о пути къ достиженію конечной цѣли, то затѣмъ критики рѣзко перемѣнили фронтъ, объявивъ Бернштейна попросту игнорантомъ, недостаточно хорошо знакомымъ съ литературой вопроса о теоріи обнищанія, и неправильно понимающимъ относящіяся до нея мѣста изъ сочиненій самого Маркса. Марксъ никогда и не думалъ говорить объ абсолютномъ обнищаніи, это только выдумка враговъ, которую Бернштейнъ, не колеблясь, вслѣдъ за ними повторяетъ *).

Марксовская теорія обнищанія обозначаетъ,—говоритъ Каут-

---

*) „Die Voraussetzugen“... S. 178.

**) Protokoll des Verhandlungen zu Stuttgart. Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что Бернштейнъ говоритъ о Besitzenden—обладающихъ матеріальнымъ благосостояніемъ, а не о капиталистахъ (какъ въ возраженіи Каутскаго). Капиталъ, а слѣдовательно, и капиталистъ—terminus technicus. Можно обладать крупнымъ матеріальнымъ благосостояніемъ и не быть капиталистомъ, въ томъ смыслѣ, какъ это слово понимается въ политической экономіи.

***) Protokol der Verhandlungen zu Hannover, S. 113.

скій—нѣчто другое совсѣмъ. Ей могутъ быть приданы три, взаимно дополняющія другъ друга толкованія. Марксъ раньше всего хотѣлъ указать на то, что въ капиталистическомъ производствѣ борются постоянно между собой двѣ тенденціи, вытекающія изъ противуположности интересовъ капиталиста и пролетарія. Въ погонѣ за большими барышами и подъ давленіемъ все усиливающейся конкурренціи, капиталистъ стремится всячески поработить рабочаго, сократить получаемую имъ плату и удлинить рабочій день. Рабочіе, съ своей стороны, сопротивляются такому закрѣпощенію, и возстаютъ противъ него не въ одиночку уже, какъ раньше, а силою организованныхъ массъ, сплоченныхъ и обученныхъ самимъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства. Это одно, но это не все еще конечно. Слово нищета можетъ означать нищету физическую и нищету соціальную. Марксъ имѣлъ въ виду этотъ второй родъ нищеты, когда громадное большинство населенія не имѣетъ возможности удовлетворять соціальныя свои потребности. Каутскій признаетъ, что если бы рѣчь шла у Маркса о нищетѣ въ физіологическомъ смыслѣ слова, то теорію его можно было-бы считать уже въ настоящее время фактически опровергнутой, такъ какъ именно въ наиболѣе прогрессирующихъ странахъ, нельзя больше констатировать всеобщаго роста физической нищеты. Жизненное положеніе рабочаго *абсолютно,* по сравненію съ прежнимъ, несомнѣнно повысилось, хотя далеко не въ такой мѣрѣ, какъ думаетъ Бернштейнъ. Голыя цифры, показывающія увеличеніе средняго денежнаго заработка, сами по себѣ ни о чемъ еще не свидѣтельствуютъ. Необходимо принять во вниманіе измѣненіе цѣнъ на предметы потребленія рабочаго класса. Нельзя затѣмъ судить о *реальномъ* вознагражденіи по отношенію количества получаемыхъ рабочимъ денегъ къ цѣнамъ на хлѣбъ и на мясо, такъ какъ оба эти продукта за послѣдніе годы подешевѣли какъ разъ. Вздорожали за то другія статьи въ бюджетѣ рабочаго — повышеніе квартирной платы, ростъ налоговъ и т. д.

Цитируя затѣмъ Сиднея Вебба и Энгельса, которые оба сходятся въ томъ, что широкимъ массамъ рабочаго населенія въ незначительной степени лишь удалось повысить въ Англіи (съ 37 г. у Вебба и съ 48 г. у Энгельса) матеріальное свое благосостояніе, и указывая на то, что продуктивность труда чрезвычайно сильно съ того времени поднялась, Каутскій выводитъ отсюда заключеніе, что разница между достаткомъ имущественныхъ классовъ и пролетаріевъ увеличилась, что соціальное неравенство возросло, что, слѣдовательно, процессъ соціальнаго обнищанія неизмѣнно подвигается впередъ.

Писатели говорившіе о нищетѣ рабочихъ классовъ—продолжаетъ Каутскій,—никогда и не понимали самого слова нищета иначе, какъ въ соціальномъ смыслѣ его. Въ своемъ „Открытомъ отвѣтѣ“ Лассаль говоритъ: „Всѣ человѣческія страданія и лишенія

опредѣляются отношеніемъ наличныхъ средствъ существованія къ установившимся въ извѣстное время потребностямъ и жизненнымъ привычкамъ". То же самое указываетъ Родбертусъ въ 1-мъ своемъ письмѣ къ Кирхману: „Бѣдность понятіе общественное, иначе говоря, — относительное. И я утверждаю, что, поскольку общественное положеніе рабочихъ классовъ во всемъ остальномъ поднялось, постольку-же являются вполнѣ справедливыми и притязанія ихъ на большее количество матеріальныхъ благъ, и что неправильно было-бы не видѣть ухудшенія матеріальной участи рабочихъ, тамъ, гдѣ, не смотря на болѣе высокое, чѣмъ раньше, общественное положеніе, они остались при прежнемъ вознагражденіи за трудъ".

И у Маркса слова „нищета" и „обнищаніе" имѣютъ только относительное значеніе. Доказательство—Марксъ говоритъ о ростѣ нищеты въ „Капиталѣ", гдѣ такъ сильно оттѣненно благотворное вліяніе фабричнаго законодательства на физическое возрожденіе рабочихъ. Нисколько не противурѣчитъ, по мнѣнію Каутскаго, такому толкованію и то, что, въ числѣ другихъ признаковъ обнищанія, Марксъ указываетъ и на „Entartung"—„вырожденіе". Слово „Entartung" появилось, во-первыхъ, по винѣ Энгельса, который старался замѣнить въ позднѣйшихъ изданіяхъ „Капитала" всѣ иностранныя слова нѣмецкими. У Маркса на мѣстѣ „Entartung" стояло „Degradation". Каутскій-же самъ предпочелъ-бы здѣсь видѣть слово „Erniedrigung", „которое въ гораздо большей мѣрѣ обозначаетъ соціальное, чѣмъ физіологическое нисхожденіе. Въ моемъ проектѣ программы отъ 1891 г., я тоже говорилъ объ „униженіи", а не о „вырожденіи" *)".

Но, во-вторыхъ, и словомъ „вырожденіе" совсѣмъ незачѣмъ поступаться. Нельзя говорить спеціально о вырожденіи рабочаго класса, но факта вырожденія во всѣхъ слояхъ буржуазнаго общества тоже нельзя отрицать.

Главное, однако, заключается въ томъ, что „разница между потребностями наемныхъ работниковъ и возможностью удовлетворить эти потребности изъ получаемаго ими вознагражденія, а слѣдовательно, и разница между наемнымъ трудомъ и капиталомъ, все болѣе и болѣе постоянно увеличивается. Въ этой возрастающей нищетѣ физически и духовно-крѣпкаго пролетаріата, а не въ обостряющемся отчаяніи полуозвѣрѣвшихъ измученныхъ массъ видѣлъ авторъ „Капитала" могущественнѣйшую движущую силу новаго строя" **).

Такъ-ли это, однако? Правы-ли мы будемъ, допустивъ, что соціальныя противорѣчія дѣйствительно усиливаются, утверждать, что Марксъ только о ростѣ соціальнаго неравенства и говорилъ?

---

*) Antikritik. S. 120.
**) Ibid. S. 120.

Каутскій не могъ ни одной цитаты привести въ подтвержденіе своей гипотезы, и вынужденъ былъ поэтому прибѣгнуть къ доказательству отъ противнаго. Марксъ говоритъ объ обнищаніи рабочихъ классовъ въ „Капиталѣ". Но „Капиталъ" указываетъ на возрожденіе пролетаріата подъ вліяніемъ фабричнаго законодательства. Ergo Марксъ, который понималъ, конечно, что сопротивленіе, оказываемое капиталу, будетъ съ ходомъ промышленнаго развитія увеличиваться, не могъ вмѣстѣ съ тѣмъ предполагать физіологическаго обнищанія пролетаріата, какъ неизбѣжнаго послѣдствія процесса капиталистическаго развитія.

Съ этой позиціи Каутскаго ничто, очевидно, не въ состояніи сбить. Сочиненія Маркса такъ-же безсильны здѣсь, какъ и возраженія противниковъ. Тамъ, гдѣ Марксъ явно говоритъ о ростѣ гнета, порабощенія, о томъ, что рабочій превращается въ нищаго, тамъ Каутскій возражаетъ: — Учитель, я не могу повѣрить, что это настоящее твое мнѣніе. Ты самъ вѣдь указываешь на борьбу организованныхъ массъ, на физическое и нравственное возрожденіе рабочихъ классовъ и т. д., стало-быть, ты совсѣмъ иначе, въ дѣйствительности, думаешь, чѣмъ можно вывести изъ твоихъ словъ.

На это, именно, противурѣчіе критики марксизма и указываютъ, справедливо замѣчая, что даже и великіе умы дѣлаются нерѣдко рабами созданной ими-же доктрины *).

Несомнѣно, Марксъ видѣлъ, что положеніе рабочихъ классовъ улучшается. Онъ и самъ очень много разсказывалъ объ этомъ въ различныхъ мѣстахъ „Капитала". Но въ системѣ, въ цѣломъ, во взаимоотношеніи къ вопросу о конечной цѣли, теорія обнищанія является у Маркса въ чистѣйшемъ ея видѣ, въ смыслѣ физіологическаго обнищанія. Однако, вѣрному ученику тяжело допустить, что учитель могъ заблуждаться, или попасть въ плѣнъ къ своей доктринѣ, или, наконецъ, безразлично относиться къ сознаваемымъ имъ самимъ противорѣчіямъ въ своемъ ученіи. И потому, очевидно, словамъ Маркса должно придавать иногда совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ они на первый взглядъ имѣютъ. Каутскій такъ глубоко увѣренъ въ этомъ, что и самъ приводитъ въ спорѣ такія выдержки изъ Маркса, которыми должны-бы были пользоваться только *враги, ложно приписывающіе Марксу теорію физіологическаго обнищанія*. Вотъ, напр., какое „резюмирующее мѣсто" съ большею тщательностью цитируетъ Каутскій, въ полемикѣ съ этими врагами: „Въ четвертомъ отдѣлѣ, при анализѣ производства относительной прибавочной стоимости, мы видѣли, что всѣ способы увеличенія общественной производительной силы труда въ капиталистической формѣ развиваются на счетъ индивидуальнаго работника; что всѣ средства развитія производства обращаются въ средства эксплуатаціи произво-

*) Die Voraussetzungen... S. 177.

дителя и власти надъ нимъ; *что они уродуютъ рабочаго, дѣлая изъ него получеловѣка;* унижаютъ его, обращая въ придатокъ машины; оставляя тягости труда, уничтожаютъ его содержаніе; отчуждаютъ отъ работника духовную сторону процесса труда, по мѣрѣ того какъ овладѣваютъ наукой, какъ самостоятельной силой; *условія, въ которыхъ онъ работаетъ, дѣлаются, все болѣе ненормальными*; подчиняютъ его—во время рабочаго процесса—самому мелочному и неограниченному деспотизму; *время его жизни обращаютъ въ рабочее время*; жену и дѣтей его отдаютъ подъ ярмо капитала. Всѣ же способы производства прибавочной стоимости суть въ то же время способы накопленія; а каждое расширеніе накопленія становится, наоборотъ, средствомъ развитія этихъ способовъ. Отсюда слѣдуетъ, что, по мѣрѣ накопленія капитала, положеніе рабочаго, какова-бы ни была его рабочая плата, должно ухудшаться. Наконецъ, законъ, по которому относительный избытокъ населенія или запасная промышленная армія постоянно находится въ равновѣсіи съ размѣромъ и силой накопленія, этотъ законъ приковываетъ рабочаго къ капиталу крѣпче, чѣмъ молотъ Гефеста приковалъ къ скалѣ Прометея. Этотъ законъ обусловливаетъ накопленіе нищеты соотвѣтственно накопленію богатства. *Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ* производитъ въ то же время на другомъ,—т. е. на сторонѣ класса, производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала,—*накопленіе нищеты, тягостей труда, рабства, невѣжества, огрубѣнія и нравственнаго униженія*" *).

Что это означаетъ? Зачѣмъ понадобилась Каутскому эта выдержка, блестяще подтверждающая правильность бернштейновской критики. Гдѣ-же тотъ „физически и духовно крѣпкій" пролетаріатъ, о которомъ будто-бы говоритъ Марксъ?

Всѣ средства развитія производства „уродуютъ рабочаго, дѣлая изъ него получеловѣка". Куда же дѣвалось физическое и духовное возрожденіе? Условія работы „дѣлаются все болѣе ненормальными".—Но развѣ это вѣрно? Развѣ съ развитіемъ фибричнаго законодательства, сопутствующимъ всюду, какъ показываетъ опытъ, росту промышленности, условія работы не улучшаются напротивъ? Не приводитъ-ли Марксъ самъ массу примѣровъ тому въ главѣ о рабочемъ днѣ? Развѣ не принимается гораздо больше предосторожностей въ опасныхъ для жизни производствахъ? Развѣ не защищены теперь рабочіе больше, чѣмъ раньше, отъ губительнаго дѣйствія вредныхъ для здоровья производствъ? Если условія работы дѣлаются все болѣе ненормальными, то неужели это не отзовется самымъ вреднымъ образомъ на здоровьи работника. Не возрожденіемъ, а все большимъ вырожденіемъ рабочаго класса должно, сталобыть, сопровождаться развитіе промышленности!

---

*) «Капиталъ», т. I, стр. 565.

„Время его жизни обращаютъ въ рабочее время". Но что же такое представляетъ десятичасовый билль и вообще вся борьба за рабочій день, медленно но неуклонно ведущая къ постепенному сокращенію его? Въ то время, когда въ Англію эмигрировалъ Марксъ, рабочій день равнялся тамъ, какъ мы знаемъ изъ „Капитала", нерѣдко 14-ти и 16-ти часамъ. Въ настоящее время, въ Англіи ткачи только работаютъ болѣе 10-ти часовъ въ сутки. Во всѣхъ остальныхъ главныхъ отрасляхъ промышленности можетъ уже считаться проведеннымъ девятичасовой рабочій день. Углекопы работаютъ за вычетомъ времени, уходящаго на обѣдъ, на спускъ въ шахты и на подъемъ оттуда, отъ 6-ти до 8-ми ч. въ сутки. Шотландскіе горнорабочіе работаютъ даже и въ дневныхъ смѣнахъ не болѣе 6-ти часовъ въ сутки *). Можно ли говорить, такимъ образомъ, что время жизни работника обращается съ ходомъ капиталистическаго развитія въ рабочее время? развѣ не обратное явленіе наблюдается въ дѣйствительности?

И, наконецъ: „накопленіе нищеты, тягостей труда, *рабства, невѣжества, огрубѣнія и нравственнаго униженія*", не правда-ли какъ подходитъ это къ представленію о физическомъ здоровьи и нравственной мощи осужденнаго имманентными законами капиталистическаго производства на это „накопленіе" пролетаріата?

Но Каутскій утѣшается тѣмъ, что Марксъ не говоритъ въ своемъ resumé о паденіи вознагражденія за трудъ. Иныя-же изъ „описанныхъ имъ (Марксомъ) здѣсь тенденцій, напримѣръ, тенденція превращенія жизни работника въ рабочее время, подверглись послѣ того нѣкоторымъ ограниченіямъ, но большинство изъ нихъ и въ настоящее время являются настолько-же дѣйствительными, какъ когда-либо, и это даетъ намъ полное основаніе говорить о ростѣ массы бѣдности, порабощенія, униженія, эксплуатаціи" **).

Послѣ этого прибавленія, совсѣмъ уже непонятнымъ дѣлается, какого-же мнѣнія придерживается самъ Каутскій? Съ одной стороны, излагается новая теорія соціальнаго обнищанія, а съ другой, жалко разстаться и съ любимыми старыми шаблонами, сущность которыхъ, по справедливому замѣчанію Бернштейна, сводится къ тому, что „прогрессъ обусловливается будто-бы ухудшеніемъ положенія вещей" ***).

Марксъ имѣлъ въ виду изобразить только тенденцію, — неизмѣнный отвѣтъ Каутскаго въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ явно выступаетъ неправильность предположенной Марксомъ эволюціи. — Точно такъ же и теорія обнищанія, въ томъ видѣ, какъ она изложена въ „Манифестѣ" и въ приведенныхъ выше выдержкахъ изъ

---

*) *Elster*. Wörterburch der Volkswirtschaft», S. 206.
**) Ibid. S. 125.
***) Ibid. S. 179.

„Капитала“, — это лишь присущая капиталистическому производству тенденція сокращать до minimum'а долю, получаемую рабочимъ. Если бы рабочіе не оказывали капиталистамъ сопротивленія, то капитализмъ привелъ-бы къ тѣмъ именно ужасающимъ результатамъ, о которыхъ говоритъ Марксъ. Но на это совершенно основательно возразилъ Каутскому д-ръ Давидъ, что въ эрфуртской программѣ, да и вообще въ литературѣ говорилось до сихъ поръ не о тенденціи къ обнищанію, а о дѣйствительно происходящемъ обнищаніи *). Да и кромѣ того, противъ толкованія Каутскаго рѣшительнѣйшимъ образомъ говоритъ мѣсто, которое теорія обнищанія занимаетъ какъ въ „Манифестѣ“, такъ и въ въ „Капиталѣ“. Въ первомъ она идетъ сейчасъ-же за водвореніемъ господства пролетаріата „посредствомъ ниспроверженія буржуазіи“, въ „Капиталѣ“ вслѣдъ за нею „бьетъ часъ капиталистическаго процесса производства“ и „экспропріирующихъ экспропріируютъ“.

Нарисованная Марксомъ и Энгельсомъ въ ихъ „Манифестѣ“ картина вполнѣ согласна,—говоритъ Каутскій,—съ тою дѣйствительностью, которую Марксу и Энгельсу приходилось наблюдать во время составленія этого „геніальнѣйшаго въ 19-мъ стол. памфлета“ **): „Въ 1847 г., когда писался „Манифестъ“, рабочій дѣйствительно былъ нищимъ, пролетаріатъ, во многихъ отношеніяхъ, лишенъ былъ человѣческаго достоинства, тогда еще не было результатовъ десяти-часового билля, рабочее движеніе только начиналось, и потому было полное основаніе писать такъ“ ***).

Но никто и не утверждаетъ, что Марксъ и Энгельсъ невѣрно изобразили въ „Манифестѣ“ тогдашнее положеніе вещей. Нѣтъ ничего удивительнаго и въ тѣхъ выводахъ, которые сдѣланы были подъ впечатлѣніемъ происходившаго въ Европѣ въ 40-хъ годахъ броженія. Наканунѣ мартовскихъ дней вполнѣ естественно было ожидать, что „конечная цѣль“ достигнута будетъ именно путями, изложенными въ „Манифестѣ“. Но въ настоящее время положеніе совсѣмъ не то: къ иной ужъ совсѣмъ борьбѣ конечно, способны нынѣшніе нѣмецкіе рабочіе, спокойно выслушивающіе „флотскихъ профессоровъ“, наканунѣ обсужденія въ рейхстагѣ морского законопроекта, столь ненавистнаго громаднымъ массамъ рабочаго населенія!

Эта поразительная дисциплина, предъ которой преклоняются даже враги, это гордое сознаніе своей силы, это отвращеніе ко всякому „Putschismus'у“, это медленное, но побѣдоносное дви-

---

*) Protokoll der Verhandlungen zu Hannover, S. 139.

**) *Sombart*. «Sozialismus und soziale Bewegung». Dritte Auflage. Iena 1900; S. 123.

***) Protokoll der Verhandlungen zu Hannover, S. 169.

женіе впередъ, — вотъ что характеризуетъ германскій рабочій классъ, что доставило ему же много побѣдъ, и обѣщаетъ ихъ и въ будущемъ! Роли перемѣнились. Въ 80-хъ годахъ не коммунистическіе агитаторы, а никто иной какъ Бисмаркъ всячески старался довести дѣло до открытаго столкновенія. Къ необходимости открытаго столкновенія Бисмаркъ тогда именно и пришелъ, когда съ такой быстротой стало рости число соціалъ-демократическихъ мандатовъ въ рейхстагѣ, когда, слѣдовательно, окончательно выяснились тѣ культурныя формы борьбы, отъ которыхъ больше не отступала нѣмецкая рабочая партія.

Пр. Зомбартъ справедливо видитъ въ предисловіи къ „Die Klassenkämpfe in Frankreich“ „послѣднее слово марксизма, резюмирующее вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ его ученія“. И вотъ что говоритъ Энгельсъ въ этомъ предисловіи“ *): „Прошло время неожиданныхъ нападеній, время революцій, проводимыхъ небольшою кучкой вожаковъ, стоящихъ во главѣ безсознательныхъ народныхъ массъ. Гдѣ дѣло идетъ о полномъ переустройствѣ общественнаго строя тамъ массы должны сами оріентироваться, должны сами понимать, чего они добиваются, за что выступаютъ. Этому научила насъ исторія послѣднихъ 50 лѣтъ. Но для того, чтобы массы поняли, что дѣлать, нужна долгая, непрерывная работа, и эта именно та работа, которую мы теперь выполняемъ, и при томъ съ успѣхомъ, приводящимъ противниковъ въ отчаяніе... Иронія міровой исторіи поставила все вверхъ дномъ. Мы „революціонеры“, „сторонники переворота“, мы обходимся лучше законными средствами, чѣмъ незаконными и переворотомъ. Партіи порядка, какъ сами онѣ себя называютъ, погибаютъ отъ созданнаго ими-же положенія вещей. Въ отчаяніи воскицаютъ онѣ вмѣстѣ съ Одилономъ Барро: la legalité nous tue, законность — смерть наша, тогда какъ мы подъ сѣнью этой законности закаляемъ свои мускулы, набираемся крови и выглядимъ какъ вѣчная жизнь“ *).

Такъ вотъ къ чему, не смотря на всѣ разрушительныя тенденціи свои, ведетъ процессъ развитія. И новый строй водворенъ будетъ не изможденными, потерявшими человѣческій обликъ, нравственно огрубѣлыми нищими, а крѣпкими, полными жизненной силы людьми. Неужели-же Марксъ не понималъ этого?! Если бы автора „Капитала“ самого объ этомъ спросили, онъ отвѣтилъ-бы только: „Moi? je ne suis pas Marxiste“!

„Діалектическіе лѣса“ несомнѣнно связывали Маркса. Теорія обнищанія вѣнчала зданіе. Поэтому она и перенесена была въ „Капиталъ“. Во всякомъ случаѣ Марксъ сознавалъ необходимость переработки перваго тома, и, быть можетъ, именно эти остатки

---

*) Ibid. S. 67.

**) *Karl Marx*, «Die Klassenkämpfe in Frankreich», mit Einleitung von Friedrich Engels. Berlin. 1895. Einleitung, S. 16 и 17—18.

стараго переживанія окончательно исчезли-бы, если бы упорная болѣзнь, а потомъ смерть не помѣшали творцу научнаго соціализма выполнить эту работу.

Но вполнѣ основательно принято думать, что подъ всѣмъ написаннымъ Энгельсомъ послѣ 1883 г. подписался-бы и самъ Марксъ, былъ-бы онъ живъ. Нельзя забывать того, что немалая часть оставленнаго Марксомъ умственнаго достоянія,—въ исправленіяхъ къ старымъ сочиненіямъ, въ неизданныхъ запискахъ, наконецъ, въ личныхъ бесѣдахъ съ Энгельсомъ,—для всѣхъ, кромѣ послѣдняго, осталось неизвѣстной. Публика ознакомилась съ нѣкоторыми мыслями Маркса только изъ послѣднихъ сочиненій Энгельса. Прощальное слово, произнесенное Энгельсомъ въ предисловіи къ „Die Klassenkämpfe in Frankreich" является въ равной мѣрѣ и прощальнымъ словомъ Маркса, и гдѣ оно расходится съ тѣмъ, что Марксъ раньше говорилъ, тамъ оно отмѣняетъ послѣднее.

На эту точку зрѣнія слѣдовало-бы стать тѣмъ ученикамъ Маркса, которые не вѣрятъ уже больше въ то, что „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше".

Вмѣсто того они стали доказывать, что никакого измѣненія во взглядахъ Маркса и Энгельса не произошло, что Марксъ и Энгельсъ съ самаго начала имѣли въ виду соціальное обнищаніе, что теорія абсолютнаго обнищанія выдумка враговъ и т. д. Насколько это утвержденіе справедливо выяснилось уже, полагаю я, изъ предыдущаго и видно будетъ затѣмъ дальше.

Каутскій посвятилъ въ своей Antikritik цѣлую главу вопросу о „Verelendungstheorie". Здѣсь онъ старается подробно развить теорію соціальнаго обнищанія *), которую вслѣдъ за нимъ повторилъ въ своей блестящей шестичасовой рѣчи и референтъ ганноверскаго партейтага. Но и Каутскому и особенно Бебелю очень трудно было эмансипироваться отъ тѣхъ взглядовъ на теорію обнищанія, которые, по признанію старыхъ практиковъ **) сводились именно къ представленію о постоянномъ ростѣ нищеты, какъ неизбѣжнаго послѣдствія капиталистическаго процесса производства. Совершенно незамѣтно для себя Каутскій и Бебель становятся тоже нерѣдко на эту старую точку зрѣнія. И такъ какъ нельзя уже больше, конечно, говорить о томъ, что положеніе рабочихъ ухудшилось по сравненію съ прежнимъ, то заводится рѣчь о страшной нищетѣ вообще, что господствуетъ и понынѣ еще въ громадныхъ массахъ рабочаго населенія.

Спрашивается, однако, кто-же отрицаетъ это? Развѣ не согласенъ съ этимъ Бернштейнъ, развѣ несогласны съ этимъ буржуаз-

---

*) Раньше Каутскаго говорилъ о ней, въ возраженіяхъ Бернштейну, *Heinrich Cunow* «Zur Zussammenbruchstheorie», «Die Neue Zeit», XVII, I. № 12, 13, 14.

**) Protokoll der Verhandlungen zu Hannover, S. 138.

ные экономисты? Вводить такіе элементы въ теоретическіе споры, это значитъ только чрезвычайно затемнять вопросъ. Бернштейнъ и не думалъ утверждать, что рабочему классу хорошо теперь живется. Сущность спора заключается въ томъ, повышается или понижается относительно матеріальный достатокъ рабочаго, при сравненіи его съ той долей выгодъ, которую капиталисты получаютъ отъ увеличенія продуктивности труда. Обнищаніе выставляется вѣдь какъ специфическій аттрибутъ именно капиталистическаго процесса производства. Поэтому совершенно странное уже впечатлѣніе производитъ слѣдующее *возраженіе* Каутскаго: „Эти пресловутые „практики" и „этики" забываютъ, что едва-ли найдется такая страна, въ которой нельзя было-бы указать на провинціи, мало затронутыя крупнымъ капиталистическимъ производствомъ, но представляющія тѣмъ не менѣе картины широкаго обнищанія *). Можетъ-ли это служить аргументомъ въ пользу теоріи обнищанія вообще, какъ-бы мы ни понимали ее? Каутскій указываетъ на Ирландію и на Силезію, гдѣ совсѣмъ еще нѣтъ почти крупной промышленности, и гдѣ населеніе терпитъ такую нужду, какъ ни въ одной другой изъ англійскихъ или нѣмецкихъ провинцій. Das macht die Tendenz! Тенденція велитъ искать нищету, и, въ погонѣ за крайними формами ея, Каутскій упускаетъ совсѣмъ изъ виду, что накопленіе нищеты должно вѣдь по теоріи быть результатомъ капиталистическаго развитія. Ирландія и Силезія никогда не могли похвастаться благосостояніемъ, но между тѣмъ какъ другія англійскія и нѣмецкія провинціи разбогатѣли и пошли впередъ, онѣ все еще стоятъ на мѣстѣ.

Но какъ ни охотно собираетъ Каутскій данныя, свидѣтельствующія о никѣмъ неоспариваемой нищетѣ рабочаго населенія, онъ не забываетъ всетаки, что рѣчь идетъ не о статистикѣ состояній, а о теоріи обнищанія. Не то мы видимъ у менѣе привыкшаго къ научной дисциплинѣ референта ганноверскаго партейтага. Изложеніе теоріи обнищанія дѣлалось у него нерѣдко похожимъ на отчетъ талантливаго фабричнаго инспектора, старающагося по возможности ярко изобразить картину тяжелаго житья рабочихъ массъ. Свои возраженія Бернштейну по вопросу о Verelendungstheorie Бебель заканчиваетъ цитатой изъ статьи д-ра Франке. Я приведу эту цитату цѣликомъ, вмѣстѣ съ небольшимъ вступленіемъ, которое Бебель предпослалъ ей, такъ какъ здѣсь именно чрезвычайно характерно выступилъ тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ восприняты были заявленныя Бернштейномъ сомнѣнія: „Я снова буду цитировать буржуазнаго писателя; я нахожусь сегодня въ непріятномъ положеніи,—ссылаясь на буржуазныхъ писателей, вынужденъ я призвать къ порядку часть нашихъ товарищей, показать имъ, что буржуазные писатели глубже гораздо понимаютъ

*) Antikritik, S. 126.

нерѣдко страданія рабочаго класса, чѣмъ иные изъ насъ. Описывая въ 8-мъ нумерѣ „Недѣли“, какъ живетъ, не смотря на подъемъ экономическаго благосостоянія націи, нѣмецкій рабочій классъ, д-ръ Франке развертываетъ предъ нами картину, совсѣмъ не похожую на розовыя видѣнія нѣкоторыхъ соціалъ-демократовъ. Онъ говоритъ: „...Изображеніе это не лишено, однако, и глубокихъ тѣней. Вѣрно, что со времени основанія имперіи произошло значительное улучшеніе въ образѣ жизни и въ ростѣ благосостоянія народа, и на долю массъ досталась несомнѣнно значительная часть этого отраднаго развитія. Но прогрессъ серьезно затронулъ только верхніе слои массъ, глубоко-же залегающіе пласты живутъ по прежнему въ нуждѣ, въ бѣдности, въ нищетѣ, ограниченные minimum-омъ средствъ существованія. Загляните въ описаніе жилищъ городской нищеты—проклятіе тяготѣетъ надъ ними, одинаково гибельное для души и для тѣла! Читайте сообщенія о томъ, какъ нищенски питается безчисленное множество домашнихъ рабочихъ, зарабатывающихъ не больше того, что нужно человѣку для поддержанія жизни! Прослѣдите домашній бюджетъ среднихъ рабочихъ семей,—какъ ужасно мало расходуется здѣсь на платье, обувь, утварь, мебель! Около 70% хозяйствъ свободно въ Пруссіи отъ уплаты подоходнаго налога,—это семьи, получающія менѣе 900 м. годового дохода. Годовое вознагражденіе нѣмецкаго рабочаго равно въ среднемъ 600—700 м. Въ Саксоніи и Силезіи, гдѣ сохранилось еще ручное ткачество, рабочія семьи влачатъ нищенское существованіе на 300—400 м. въ годъ. Домашнія работницы для модныхъ магазиновъ, вырабатывающія 6—7 м. въ недѣлю, стоятъ еще далеко не на самой низкой ступени. Расходы на одежду, обувь, мебель падаютъ въ нѣкоторыхъ бюджетахъ до 40, 30 и 20 м. въ годъ для всей семьи. Милліоны народу только въ дни большихъ праздниковъ видятъ за столомъ своимъ кусокъ хорошаго мяса. Сотни тысячъ живутъ въ перенаселенныхъ жилищахъ, причемъ перенаселеніе начинается по статистикѣ тогда лишь, когда въ однокомнатномъ помѣщеніи ютится не менѣе шести, въ двухкомнатномъ—не менѣе десяти человѣкъ“ *).

Кто можетъ спорить противъ того, что изображенное сейчасъ положеніе дѣйствительно ужасно? Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какое отношеніе имѣетъ все это къ теоріи обнищанія, къ ученію о ростѣ нищеты (физіологической или соціальной), какъ неизбѣжнаго послѣдствія капиталистической формы производства. Какое значеніе могутъ имѣть приведенныя данныя, безъ сравненія ихъ съ положеніемъ широкихъ массъ населенія въ предшествовавшіе періоды экономическаго развитія? Развѣ въ Синихъ книгахъ не описано еще гораздо болѣе ужасная нищета?! Какой интеллигентный нѣмецъ не видалъ „Ткачей“ Гауптмана? Въ основаніе этой

*) Protokoll der Verhandlungen zu Hannover, S. 115.

драмы легли, какъ извѣстно, факты дѣйствительной жизни. Въ 1-мъ актѣ—завязка драмы—производится разсчетъ фабричныхъ рабочихъ. Zehn pfennige, fünfzehn pfennige, zwölf pfennige,—выкрикиваетъ конторщикъ! Это вознагражденіе за дневной трудъ! Такой нищенской платы нигдѣ теперь въ Германіи, конечно, не существуетъ. Если бы Бернштейнъ склоненъ былъ прибѣгать къ полемическимъ пріемамъ своихъ строгихъ судей, онъ прислалъ бы имъ билеты въ „Deutsches Theater“ *): — посмотрите, господа, еще разъ, какъ жили ткачи въ 40-хъ годахъ! И все же вѣрно, что такого озвѣрѣнія, какое видишь въ „Ткачахъ“, въ настоящее время нигдѣ уже больше въ Германіи не встрѣтишь.

Нельзя не возмущаться тѣмъ, что „милліоны народа только въ дни большихъ праздниковъ видятъ за столомъ своимъ хорошій кусокъ мяса“. Но для выясненія вопроса о теоріи обнищанія, сообщеніе это только въ томъ случаѣ могло бы служить, если бы рядомъ съ нимъ указано было, сколько мяса потребляли милліоны народа раньше. Тогда бы, можетъ быть, оказалось, что и по большимъ праздникамъ милліоны не видѣли куска мяса, что они рады были хорошему куску настоящаго хлѣба, что тотъ хлѣбъ, который они круглый годъ ѣли, содержалъ въ себѣ больше коры, лебеды и всякихъ травъ, чѣмъ муки

Но выразители соціальной теоріи обнищанія не могутъ ограничиться проведеніемъ простыхъ параллелей, показывающихъ, какъ жили рабочіе раньше, какъ живутъ они теперь. Для обоснованія соціальной теоріи обнищанія необходимо прослѣдить отношеніе улучшенія въ матеріальномъ достаткѣ массъ къ повышенію благосостоянія немногихъ привилегированныхъ. Соціальная теорія обнищанія, объясняетъ Каутскій, заключается въ обостреніи соціальныхъ противурѣчій. Культурныя потребности рабочихъ и продуктивность ихъ труда растутъ въ гораздо болѣе высокой прогрессіи, чѣмъ доля получаемаго ими продукта. Выгоды отъ увеличенія продуктивности труда узурпируются капиталистами, на долю каждаго отдѣльнаго рабочаго выпадаетъ лишь самая незначительная частица создаваемаго имъ прогресса.

Что эта теорія совсѣмъ не похожа на ту, которая говоритъ о постепенной деградаціи рабочаго класса, вплоть до перехода его въ нищенское состояніе, ясно, конечно. И гораздо болѣе сложный матеріалъ необходимъ, какъ мы видѣли, для ея обоснованія. Каутскій самъ говоритъ: „Нѣтъ почти возможности привести цифровое доказательство роста соціальной нищеты. Мы должны были бы имѣть точныя данныя за нѣсколько десятилѣтій, относительно массы производимыхъ ежегодно стоимостей и о распредѣленіи ихъ между пролетаріями и капиталистами для того, чтобы измѣрить, въ какой степени возросла эксплуатація первыхъ, и вмѣстѣ

*) Единственный театръ въ Берлинѣ, гдѣ ставятся еще „Ткачи“.

съ тѣмъ и ухудшеніе соціальнаго ихъ положенія. Но у насъ есть признаки, изъ которыхъ мы можемъ вывести, въ какомъ направленіи совершается эволюція“ *).

Какіе же это признаки? Двумя путями, говоритъ Марксъ, стремится капиталистъ эксплуатировать трудъ,—увеличеніемъ абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Простѣйшей формой перваго является удлиненіе рабочаго дня. Оно находитъ себѣ предѣлы въ истощеніи физическихъ силъ работника—человѣкъ не можетъ работать дольше извѣстнаго числа часовъ въ сутки.

Въ капиталистическихъ странахъ процессъ идетъ уже въ настоящее время въ сторону сокращенія рабочаго дня, такъ что въ этомъ смыслѣ нельзя больше говорить о ростѣ нищеты и порабощенія. Вообще, замѣчаетъ Каутскій, „эксплуатаціи работника посредствомъ увеличенія абсолютной прибавочной стоимости положенъ уже въ странахъ съ развитымъ капиталистическимъ производствомъ предѣлъ“ **).

Но чѣмъ больше капиталистъ стѣсненъ въ первомъ, тѣмъ энергичнѣе старается онъ наверстать свои потери путями, ведущими къ увеличенію относительной прибавочной стоимости. Онъ интенсифицируетъ производство, вводя новыя усовершенствованныя машины и устанавливая болѣе сложную систему раздѣленія труда, онъ замѣняетъ квалифицированнаго работника простымъ чернорабочимъ, мужской трудъ—женскимъ и дѣтскимъ. И эта тенденція находитъ себѣ ограниченіе въ рабочемъ законодательствѣ, гораздо болѣе слабое, однако, чѣмъ тенденція къ увеличенію абсолютной прибавочной стоимости. Совсѣмъ устранить ея законодательство не въ состояніи. Усовершенствованіе машинъ и ростъ женскаго труда не могутъ быть пріостановлены безъ ущерба для самого экономическаго развитія.

Приращеніе женскаго и дѣтскаго труда является само по себѣ истиннымъ показателемъ процесса обнищанія. Рѣчь идетъ не объ увеличеніи физической нищеты обязательно. Суть дѣла заключается во все шире распространяющейся недостаточности мужского заработка для прокормленія семьи. Но тамъ, гдѣ мужского заработка не хватаетъ на содержаніе жены и дѣтей, тамъ, съ одной стороны, женщины и дѣти идутъ на фабрику, а съ другой—мужчины воздерживаются отъ вступленія въ бракъ. Благодаря этому,—увеличивается число незамужнихъ, которыя опять вынуждены искать себѣ пропитанія на фабрикѣ. „Такъ разрушаетъ капиталистическое производство существующую форму семьи, безъ возмѣщенія ея другой формой, и создаетъ тѣмъ одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ обнищанія и вырожденія“ ***).

---

*) Ibid., S. 121.
**) Ibid., S. 121.
***) Ibid., S. 122.

Далѣе слѣдуютъ цифры, показывающія, что число браковъ дѣйствительно за послѣднія 20 лѣтъ обнаруживаетъ нѣкоторую тенденцію къ уменьшенію. Въ 1872 г. на 100 чел. населенія приходилось въ Германіи 10,3; въ Австріи—9,3; во Франціи—9,7; въ Англіи—8,5 браковъ; въ 1895 г. цифры эти опустились до 7,9; 7,9; 7,5; 7,4.

Одновременно съ этимъ значительно возросло примѣненіе женскаго труда.

Съ 5.541,517 самостоятельно зарабатывающихъ женщинъ въ 1882 г., число ихъ поднялось до 6.578,350 въ 1895 г. Въ теченіе того-же промежутка времени увеличилось въ индустріи и торговлѣ число

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Вмѣстѣ.
Должностной персоналъ на . . .	115,6%	254,7%	118,3%
Простые рабочіе на	52,8%	104,9%	62,6%

Приростъ женскаго труда въ два раза, такимъ образомъ, превысилъ мужской.

Но, продолжаетъ Каутскій, женщина не можетъ быть одновременно и работницей, и хорошей хозяйкой: „Что пользы въ томъ, что вознагражденіе за трудъ поднялось, а цѣны на хлѣбъ упали, если жена рабочаго разучилась экономно приготовлять изъ муки вкусное, питательное блюдо. Какая выгода для рабочаго изъ того, что платье сдѣлалось дешевле, если жена его не умѣетъ починить поношеннаго, такъ что теперь ему вдвое больше приходится покупать одежды, чѣмъ раньше! Какъ легко ведетъ наемный женскій трудъ къ физической, не только соціальной нищетѣ!“ *).

Рядомъ съ ростомъ женскаго труда произошло съ 1882 по 1895 г. и увеличеніе числа молодыхъ рабочихъ въ возрастѣ до 20 лѣтъ. На 100 человѣкъ наемныхъ рабочихъ приходилось ихъ:

	Въ сельскомъ хозяйствѣ.	Въ индустріи.	Въ торговлѣ.	Вмѣстѣ
1882 г. . . .	30,51	28,41	23,09	29,20
1895 г. . . .	32,61	28,80	25,03	30,11

Замѣтивъ далѣе, что размѣры брошюры мѣшаютъ отмѣтить особо значеніе поработительныхъ тенденцій системы машиннаго производства, Каутскій цитируетъ вслѣдъ за тѣмъ приведенную выдержку изъ „Капитала“ — о накопленіи богатства на одномъ, нищеты, невѣжества, огрубѣнія и нравственнаго униженія на другомъ полюсѣ, и приступаетъ сейчасъ-же къ третьему толкованію этого resumé марксовской теоріи обнищанія **).

*) Ibid., S. 123—124.

**) Первое—неустранимая, при современномъ общественномъ устройствѣ, борьба закрѣпостительныхъ тенденцій капитала съ эмансипаціонными стрем-

Это третье толкованіе заключается въ указаніи на ростъ гнета и нищеты во всемъ вообще населеніи, а не только среди наемныхъ рабочихъ, о которыхъ до сихъ поръ шла рѣчь. „Въ областяхъ, вновь завоевываемыхъ капиталистическимъ производствомъ и въ пограничныхъ съ ними — слово область здѣсь, какъ въ экономическомъ, такъ и въ географическомъ его смыслѣ—„эта ведущая къ обнищанію работа капитализма выражается особенно энергично и въ очень широкихъ размѣрахъ, такъ что влечетъ она за собой не только соціальную, но и сильнѣйшую физическую нищету, прямой голодъ, недостатокъ въ самомъ необходимомъ, полный упадокъ“ *).

Но капиталистическое производство захватываетъ все новыя и новыя отрасли промышленности, „унижая, пролетаризируя и повергая въ нищету собственниковъ небольшихъ самостоятельныхъ производствъ“. Бернштейнъ торжествуетъ по поводу того, что число малыхъ производствъ очень еще значительно. Онъ забываетъ только, что мелкіе ремесленники, лавочники и малоземельные крестьяне все болѣе и болѣе нищаютъ, перестаютъ уже быть серединой между буржуазіей и пролетаріатомъ и начинаютъ сами занимать среднюю ступень между наемными рабочими и лумпенпролетаріатомъ.

Чрезвычайно быстрыми скачками растетъ нищета въ странахъ, гдѣ капиталистическій режимъ только начинаетъ вступать въ свои права. И эта нищета несетъ опасность всему вообще пролетаріату, гоня голодающихъ рабочихъ въ страны болѣе высокой культуры, гдѣ пришельцы конкуррируютъ съ туземными рабочими, ослабляя силу оказываемаго ими капиталу сопротивленія.

Взысканные судьбой, находящіеся въ особенно благопріятныхъ условіяхъ рабочіе подымаютъ, правда, порой достатокъ свой до уровня настоящаго матеріальнаго благосостоянія. Но капиталическая тенденція къ обнищанію сохраняетъ и для нихъ свою силу: кризисъ, новое изобрѣтеніе, коалиція фабрикантовъ, конкурренція ниже стоящихъ рабочихъ въ любой моментъ могутъ лишить ихъ привилегированнаго положенія и повергнуть во всеобщую классовую нищету.

„Не физическая, а соціальная нищета непрерывно растетъ, именно контрастъ между культурными потребностями и средствами отдѣльнаго работника къ ихъ удовлетворенію, иными словами, сумма продуктовъ, достающихся каждому рабочему, увеличивается, поступающая-же въ пользу рабочаго доля произведенныхъ имъ продуктовъ уменьшается **).

леніями рабочаго класса. Второе—ростъ соціальной нищеты, усиленіе соціальныхъ противурѣчій.

*) Ibid., S. 125.

**) Ibid., S. 128.

Такъ заключаетъ Каутскій свое изложеніе, и это, по его мнѣнію, именно и есть та теорія, которую критики марксизма назвали теоріей обнищанія. Бернштейнъ объявляетъ конецъ ей, но не показываетъ, что говоритъ противъ нея, не объясняетъ даже, что онъ подъ ней разумѣетъ. Заблужденія Бернштейна вытекаютъ изъ неправильнаго толкованія словъ „нищета“ и „униженіе“.

Или резюмируя все вышесказанное, по мнѣнію Бернштейна:

Мы остаемся при теоріи обнищанія.

Послѣднія истины ея открыты Марксомъ.

Марксъ говорилъ всегда только о ростѣ соціальнаго обнищанія.

Доказать этотъ ростъ цифрами нельзя пока, но его можно дедуцировать изъ присущихъ капиталистическому производству тенденцій.

Бернштейнъ не понимаетъ или не хочетъ понимать Маркса.

Мы видимъ, какъ чужда Каутскому мысль о томъ, что „дальнѣйшее развитіе и совершенствованіе марксизма должно начаться съ критики его“ *). Напротивъ, каждое слово учителя онъ старается удержать.

„Когда я началъ изучать соціализмъ“,—говоритъ Каутскій въ предисловіи къ „Agrarfrage“,—„симпатіи мои далеко не принадлежали марксизму. Я шелъ къ нему на встрѣчу съ не меньшимъ запасомъ критики и сомнѣній, чѣмъ любой изъ тѣхъ, которые съ полнымъ презрѣніемъ говорятъ теперь о моей фанатической преданности догмѣ. Не безъ сопротивленія сдѣлался я марксистомъ. Но, какъ тогда, такъ и позже, всякій разъ когда возникало у меня по какому-нибудь коренному вопросу сомнѣніе, я, въ концѣ-концовъ, видѣлъ, что вина лежитъ во мнѣ, а не въ моихъ учителяхъ, что, углубившись въ вопросъ, я долженъ признать правильность ихъ точки зрѣнія... всякій новый опытъ, всякая попытка произвести ревизію лишь увеличивала увѣренность мою, усиливала во мнѣ приверженность къ ученію, распространеніе и примѣненіе котораго сдѣлались цѣлью моей жизни“ **).

Переживъ такой внутренній кризисъ, Каутскій естественно долженъ былъ проникнуться глубокимъ недовѣріемъ ко всякимъ ревизіонистскимъ начинаніямъ. И вотъ почему, въ томъ же предисловіи, онъ возстаетъ противъ новаторовъ, говорящихъ о необходимости коренного пересмотра марксизма. Личный опытъ убѣдилъ Каутскаго въ совершенной безполезности этого дѣла. Столько разъ приходилось удостовѣряться въ правотѣ марксовскихъ взглядовъ, пока постепенно не сложилось убѣжденія, что Марксъ и вообще не могъ ошибиться. Отсюда уже ведетъ свое происхожденіе спеціальный критическій пріемъ Каутскаго — придавать словамъ Маркса совсѣмъ особое значеніе тамъ, гдѣ

*) Die Voraussetzungen, S. 19.

**) *Karl Kaytsky.* «Die Agrarfrage». Stutgart. 1899. Vorrede, S. VIII.

взятыя въ обыкновенномъ смыслѣ, они, очевидно, опровергаются фактами.

Крѣпко достается Бернштейну за то, что онъ хочетъ видѣть въ словахъ „нищета“ и „униженіе“ нищету и униженіе. Въ соціальной системѣ слѣдуетъ разумѣть подъ нищетой „соціальную нищету“ *). Понятія соціальной нищеты и хода ея развитія Каутскому не удалось, однако, съ достаточною ясностью выразить. Еще болѣе, чѣмъ отсутствіе статистическихъ данныхъ мѣшала ему въ этомъ дѣлѣ слѣпая привязанность къ доктринѣ и стремленіе вывести все непремѣнно изъ Маркса. У Маркса же говорится, какъ мы видѣли, о ростѣ рабства, невѣжества, огрубѣнія, нравственнаго униженія. Все это, въ гомеопатическихъ, правда, дозахъ и притомъ спорадически только, вводится и Каутскимъ въ его изложеніе соціальной теоріи обнищанія; изъ окончательной формулировки ея исключены, напротивъ, всѣ моменты не чисто экономическаго характера. Взятая въ первомъ видѣ, теорія Каутскаго приближаетсн именно къ тому, что *выдумали противники и что вслѣдъ за ними повторяетъ Бернштейнъ.* Взятая во второмъ смыслѣ, она представляетъ нѣчто совершенно новое и нуждается въ обоснованіи, котораго Каутскій ей не далъ **).

Никакихъ положительныхъ доказательствъ въ пользу предположенія о ростѣ эксплуатаціи Каутскій привести не можетъ. Далѣе, сокращеніе числа браковъ, какъ замѣчаетъ Сорель, не всегда объясняется однѣми и тѣми же причинами. Число браковъ можетъ уменьшаться параллельно съ ростомъ экономическаго благосостоянія. Именно желаніе удержать и закрѣпить послѣднее часто бываетъ поводомъ, замедляющимъ принятіе на себя тяжестей содержанія семьи. Такъ это, напримѣръ; во Франціи. Уменьшеніе тамъ числа рожденій тоже не свидѣтельствуетъ о ростѣ нищеты, а обозначаетъ, напротивъ, движеніе въ сторону повышенія матеріальнаго достатка ***).

Точно такъ же, далеко не все равно, нанимаются-ли женщины въ работницы вслѣдствіе того, что получаемое мужемъ вознагражденіе падаетъ, или вслѣдствіе того, что потребности рабочей семьи возросли. Въ послѣднемъ случаѣ нельзя говорить о ростѣ соціальной нищеты, если совокупный заработокъ покрываетъ вновь опредѣлившіяся издержки семьи.

---

*) «Я напротивъ думаю»,—возражаетъ Каутскому *George Sorel*,—«что Марксъ представилъ въ «апокалиптическомъ текстѣ» понятіе обнищанія въ абсолютномъ его смыслѣ. Пять признаковъ, которыми опредѣлялось положеніе рабочихъ классовъ, ведутъ свое происхожденіе отъ англійской политической экономіи, какъ она была знакома по напечатанной Энгельсомъ въ 1845 г. книгѣ. Въ то время, дѣйствительно, наблюдалось нашествіе нищеты, гнета, порабощенія, вырожденія и эксплуатаціи».—«Ueber die capitalistische Concentration», «Sozialistische Monatshefte», III, S. 146,

**) Protokoll der Verhandlungen zu Hannover, S. 139.

***) Ibid. S. 147.

Особенно слабымъ является въ аргументаціи Каутскаго то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ объ измѣненіи въ соціальномъ положеніи женщины, о потерѣ ею хозяйственныхъ ея способностей и о вліяніи этого момента на ростъ нищеты.

Во всемъ остальномъ прямо рѣжетъ глаза и у Каутскаго, и особенно у диспутантовъ ганноверскаго партейтага боязнь разстаться съ теоріей обнищанія и всѣми аттрибутами ея, перечисленными у Маркса. Помимо догматизма, виновато въ этомъ еще и другое обстоятельство. То практическое примѣненіе теоріи обнищанія, которое большинству выступающихъ на партейтагахъ ораторовъ приходится дѣлать въ агитаціонной и политической своей дѣятельности чрезвычайно сильно способствуетъ смѣшенію понятія ея съ понятіемъ нищеты вообще. Въ нищетѣ-же, какъ послѣдствіи соціальнаго неравенства, они видятъ тотъ источникъ, изъ котораго постоянно будутъ выходить энергичнѣйшіе борцы противъ капиталистическаго ига. Многимъ и кажется, что, съ паденіемъ теоріи обнищанія, падаетъ научное обоснованіе притока новыхъ боевыхъ силъ. Вотъ почему такъ трудно съ нею разстаться, почему сложилось и какое-то прямо суевѣрное отношеніе къ нищетѣ, съ которой на каждомъ шагу борются, но отъ которой все-же ждутъ конечнаго спасенія. Какъ показали дебаты на послѣднемъ партейтагѣ, громадное большинство практиковъ и до сихъ поръ еще не отдѣлалось отъ такой своеобразной „философіи нищеты". Бернштейнъ первый указалъ на „нищету" этой „философіи" и тѣмъ положилъ начало побѣды надъ однимъ изъ наиболѣе уродливыхъ „остатковъ утопизма, который таскаетъ еще за собой марксизмъ" *).

Товарищи не могутъ простить Бернштейну того, что онъ оставилъ зданіе безъ крыши. Но нельзя не согласиться съ Бернштейномъ, что зданіе только выиграло отъ этого въ правильности и научности своей.

Таково вообще значеніе книги Бернштейна: она не представляетъ дальнѣйшей позитивной разработки марксизма, но она указываетъ на массу предразсудковъ ортодоксіи. Разрушеніе-же предразсудка есть путь къ отысканію истины.

Г. Штильманъ.

---

*) «Die Voraussetzungen»... S. 179.

Хроника внутренней жизни.

I. Послѣдніе промышленные съѣзды. — II. Итоги зимней законодательной работы.—Отмѣна ссылки. — Льготы дворянству. — III. Именные Высочайшіе указы и другія правительственныя мѣры послѣднихъ мѣсяцевъ относительно Финляндіи. — IV. Консервативныя рѣчи. — V. Современныя промышленныя епопеи и зала суда.

I.

Въ предыдущей хроникѣ намъ приходилось упоминать о двухъ промышленныхъ съѣздахъ, собиравшихся въ истекшемъ маѣ,—экстренномъ съѣздѣ горнопромышленниковъ юга Россіи и очередномъ съѣздѣ бакинскихъ нефтепромышленниковъ. По крайней мѣрѣ, нѣкоторая часть общества и печати, какъ мы уже говорили въ свое время, связывала съ этими съѣздами извѣстныя надежды, ожидая отъ нихъ указанія средствъ, которыя могли бы ослабить ненормальности, наблюдаемыя въ развитіи названныхъ отраслей нашей промышленности, и улучшить положеніе занятыхъ въ нихъ рабочихъ. Теперь, по окончаніи засѣданій обоихъ съѣздовъ, легко учесть результаты ихъ работъ и провѣрить ихъ соотвѣтствіе съ этими ожиданіями и надеждами. Такой учетъ можетъ представить тѣмъ болѣе интереса и значенія, что въ немъ заключаются существенныя данныя для освѣщенія одного изъ крупныхъ вопросовъ нашей общественной жизни. Промышленные съѣзды составляютъ въ ней довольно видное явленіе. Тогда какъ совѣщанія представителей мѣстнаго, земскаго и городского самоуправленія у насъ совершенно не практикуются, а съѣзды дѣятелей умственной культуры происходятъ крайне рѣдко и не оставляютъ за собою сколько-нибудь яркихъ и глубокихъ слѣдовъ, съѣзды представителей торговли и промышленности, спеціальные и періодическіе, порайонные и всероссійскіе, все увеличиваясь въ количествѣ, въ то же время замѣтно расширяютъ и предѣлы своего вліянія. Съ конца прошлаго года къ числу подобныхъ съѣздовъ, имѣющихъ постоянную организацію, прибавился еще одинъ, такъ какъ комитетъ министровъ, въ засѣданіи 21 декабря 1899 г., по представленію министра финансовъ, постановилъ разрѣшить съѣзды представителей горнопромышленныхъ, металлургическихъ, вагоно и машиностроительныхъ и механическихъ заводовъ и предпріятій Сѣвернаго и Прибалтійскаго районовъ. Въ недалекомъ будущемъ, какъ сообщалось недавно въ газетахъ, предполагается созвать въ Пе-

тербургѣ и общій всероссійскій съѣздъ представителей горной промышленности. Не встрѣчая, такимъ образомъ, особыхъ препятствій при своемъ возникновеніи, промышленные съѣзды не остаются вмѣстѣ и безрезультатными. Ихъ голосъ звучитъ не въ пустынѣ, онъ находитъ себѣ многочисленныхъ и внимательныхъ слушателей. Съ мнѣніемъ этихъ съѣздовъ по различнымъ вопросамъ экономическаго быта нерѣдко считается правительство, отдавая свои проекты, касающіеся промышленности, на ихъ предварительное обсужденіе, ихъ пожеланія и резолюціи часто получаютъ серьезное практическое значеніе. При такихъ условіяхъ, пожалуй, и естественно возникнуть мысли, что подобные съѣзды должны были бы представлять не только узко-классовые интересы однихъ промышленниковъ. Другой вопросъ лишь, можетъ ли эта мысль найти себѣ практическое осуществленіе при нынѣшней постановкѣ самихъ съѣздовъ. Жизнь неоднократно уже давала недвусмысленный отвѣтъ на этотъ вопросъ, и недавніе съѣзды, въ сущности, только еще разъ повторили тотъ же отвѣтъ. Но его значеніе на этотъ разъ было еще усугублено тою обстановкой, въ которой онъ былъ данъ, и въ виду этого къ работамъ только что закончившихся съѣздовъ стоитъ приглядѣться нѣсколько внимательнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, и горнопромышленному, и нефтяному съѣзду пришлось въ прошедшемъ мѣсяцѣ работать въ особыхъ условіяхъ, въ виду гнетущаго впечатлѣнія, произведеннаго на общество серьезными осложненіями, которыя въ теченіе настоящаго года обнаружились съ такой силой въ этихъ отрасляхъ промышленности. Поведеніе собравшихся на съѣзды промышленниковъ при этихъ не вполнѣ обычныхъ условіяхъ можетъ дать цѣнныя указанія на счетъ той роли, какая принадлежитъ объединившимся представителямъ крупнаго капитализма въ механизмѣ нашей общественной жизни. Оглянемся же съ этой точки зрѣнія на работы минувшихъ съѣздовъ и подведемъ наиболѣе существенные ихъ итоги.

На экстренномъ съѣздѣ горнопромышленниковъ, происходившемъ въ Харьковѣ съ 5 по 11 мая, предполагалось обсудить слѣдующіе вопросы: объ учрежденіи угольной биржи, организаціи горнопромышленнаго кредита и урегулированіи снабженія рабочими рудниковъ и копей Донецкаго района путемъ устройства страхованія горнорабочихъ и учрежденія конторы для найма ихъ. Въ свою очередь министерство путей сообщенія поставило на обсужденіе съѣзда вопросъ, не имѣется ли возможности усилить отправку угля въ лѣтнее время для составленія запасовъ на заводахъ, чтобы облегчить доставку угля мелкимъ потребителямъ зимою и тѣмъ ослабить остроту угольныхъ голодовокъ. Изъ этихъ вопросовъ два послѣдніе по преимуществу и сосредоточили на себѣ вниманіе съѣзда. Вопросъ объ учрежденіи угольной биржи, на одномъ изъ предыдущихъ съѣздахъ уже разрѣшенный было въ положительномъ смыслѣ, теперь вновь вызвалъ различныя сомнѣнія и

былъ переданъ на разсмотрѣніе новой коммиссіи, иначе говоря, отложенъ въ долгій ящикъ. Мысль объ организаціи спеціальнаго кредита для горнопромышленниковъ встрѣчена была съѣздомъ съ большимъ сочувствіемъ, но подробная разработка этой мысли была отложена до очередного осенняго съѣзда. Такимъ образомъ, главныя работы съѣзда были посвящены какъ разъ тѣмъ вопросамъ, которые имѣютъ наиболѣе общее значеніе,—возможности ослабленія, если не полнаго устраненія, угольнаго голода въ ближайшемъ будущемъ и положенію рабочей массы Донецкаго района. Нужды потребителей и интересы рабочихъ обсуждались, слѣдовательно, съѣздомъ предпринимателей. Результаты этого обсужденія вполнѣ соотвѣтствовали кругу его участниковъ.

Предложеніе министерства путей сообщенія усилить лѣтомъ выработку угля на копяхъ и перевозку его на заводы нашло себѣ далеко не сочувственный пріемъ среди углепромышленниковъ. По указанію министерства, копи лѣтомъ сокращаютъ свою выработку, благодаря чему самое сильное требованіе на топливо пріурочивается къ осени, и желѣзныя дороги оказываются не въ состояніи удовлетворить такому требованію. Углепромышленники энергично возражали на это. Ихъ главный ораторъ, г. Авдаковъ, „находилъ, что по этому вопросу ничего нельзя сдѣлать искусственными мѣрами и что происходящія затрудненія представляютъ вполнѣ нормальное и естественное явленіе“ *). Согласно его утвержденію, „лѣтомъ никакого паденія добычи нѣтъ, это старый взглядъ, основанный на давней практикѣ Донецкаго бассейна, когда было, лѣтъ пятнадцать назадъ, такое положеніе, что лѣтомъ рабочіе уходили домой. Теперь ничего этого нѣтъ, вѣрно только одно, что въ апрѣлѣ и въ августѣ понижается добыча по причинѣ праздниковъ и временной побывки рабочихъ дома, но въ другіе мѣсяцы форсированно восполняется недобытое количество“ **). Замѣтимъ мимоходомъ, что г. Авдаковъ, такъ рѣшительно защищающій „нормальность и естественность“ угольныхъ голодовокъ, не такъ давно, не „лѣтъ 15 тому назадъ“, а всего лишь годъ назадъ, вмѣстѣ съ другими уполномоченными XXIII съѣзда, раздѣлялъ „старый взглядъ“ о сокращеніи лѣтней выработки копей въ зависимости отъ ухода рабочихъ. Повидимому, его мнѣнія способны испытывать быструю метаморфозу, смотря по тѣмъ побужденіямъ, какія заставляютъ его ихъ высказывать. Какъ бы то ни было, съѣздъ призналъ невозможность составленія запасовъ угля на заводахъ и усиленія его выработки въ теченіе нынѣшняго лѣта на копяхъ и нашелъ возможнымъ лишь указать городскимъ общественнымъ управленіямъ на желательность образованія ими постоянныхъ запасовъ топлива путемъ устройства складовъ для

*) «Харьк. Губ. Вѣд.», 11 мая 1900 г.
**) «Новое Время», 14 мая 1900 г.

частныхъ потребителей и усилить лѣтнюю перевозку руды, камня и флюсовъ по Екатерининской желѣзной дорогѣ для облегченія ея движенія на осень. Но такъ какъ для этой послѣдней операціи заводчикамъ нужны свободныя деньги, то съѣздъ постановилъ возбудить ходатайство о томъ, чтобы желѣзнымъ дорогамъ разрѣшено было кредитовать тарифъ отправителямъ перевозимой лѣтомъ руды. Вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждено было и другое ходатайство,—чтобы желѣзныя дороги выдавали ссуды отправителямъ антрацита. Вопросъ объ облегченіи потребителей незамѣтно свелся, слѣдовательно, къ вопросу о доставленіи новыхъ льготъ предпринимателямъ. Что же касается общаго вопроса объ усиленіи лѣтней выработки и перевозки угля для образованія запасовъ топлива, то его обсужденіе было отложено до очередного осенняго съѣзда, такъ какъ „въ нынѣшнемъ году ничего сдѣлать нельзя“ *).

Съ нуждами потребителей угля тѣсно связанъ вопросъ о недостаткѣ рабочихъ на угольныхъ копяхъ, вызываемыхъ особенностями положенія этихъ рабочихъ. На съѣздѣ разбирались три средства для устраненія подобнаго недостатка: учрежденіе конторы для найма рабочихъ, общее улучшеніе ихъ быта и, наконецъ, организація страхованія горнорабочихъ отъ смертныхъ случаевъ, увѣчій и болѣзней. Вопросъ объ устройствѣ особой конторы для посредничества между владѣльцами копей, рудниковъ и заводовъ и рабочими возникалъ уже и на предшествовавшихъ съѣздахъ, причемъ по первоначальному проекту такая контора должна была взять на себя самое дѣло найма рабочихъ. Этотъ проектъ былъ, однако, подвергнутъ переработкѣ въ особой коммиссіи, засѣдавшей подъ предсѣдательствомъ харьковскаго губернатора, и на настоящемъ съѣздѣ явился уже въ новомъ видѣ. Согласно новому проекту, „комитетъ по найму рабочихъ на горнопромышленныя предпріятія“, распространяя свои дѣйствія на губерніи Харьковскую, Херсонскую, Таврическую, Екатеринославскую и область Войска Донского, ограничиваетъ свою задачу посредничествомъ между горнопромышленниками и рабочими и не входитъ въ непосредственныя дѣйствія по найму послѣднихъ. Въ составъ комитета входятъ: предсѣдатель—харьковскій губернаторъ или вице-губернаторъ, представители министерствъ финансовъ, земледѣлія и путей сообщенія, предсѣдатель съѣзда горнопромышленниковъ, завѣдующій статистическимъ бюро съѣзда и особо избранный съѣздомъ изъ своей среды представитель горнопромышленности. Комитетъ долженъ собирать свѣдѣнія о мѣстностяхъ, въ которыхъ замѣчается избытокъ свободныхъ рабочихъ, и о нуждѣ горнопромышленныхъ предпріятій въ рабочихъ рукахъ. Мѣстныя власти, пожелавшія принять участіе въ предоставленіи заработ-

*) «Новое Время», 14 мая; «Россія», 16 мая; «Харьк. Губ. Вѣд.», 11 мая 1900 г.

ковъ населенію, ведутъ регистраціонные списки рабочихъ, готовыхъ, по первому требованію, отправиться на горнопромышленныя работы, и сообщаютъ свои свѣдѣнія въ комитетъ. Въ свою очередь горнопромышленники заявляютъ ему о количествѣ нужныхъ имъ рабочихъ, началѣ работъ, ихъ мѣстѣ и срокахъ и размѣрѣ платы. По полученіи такихъ заявленій, комитетъ сносится съ мѣстными властями для высылки рабочихъ, причемъ горнопромышленники обязаны всѣмъ прибывшимъ по ихъ заявленію рабочимъ доставить работу; если же явившіеся рабочіе окажутся негодными въ такой работѣ, то промышленники обязаны доставить имъ какую-либо другую подходящую работу или отправить ихъ за свой счетъ обратно. Въ случаѣ недоразумѣній между рабочими и предпринимателями комитетъ принимаетъ жалобы въ цѣляхъ содѣйствія миролюбивому соглашенію при участіи горной и фабричной инспекціи. Поставленный, такимъ образомъ, комитетъ, не обезпечивающій предпринимателямъ возможности безпрепятственно диктовать свои условія нанимающейся на горнопромышленныя работы массѣ, не особенно, повидимому, прельстилъ горнопромышленниковъ, хотя съѣздъ и ассигновалъ на него 5.000 р.; по крайней мѣрѣ, по словамъ газетъ, „изъ преній выяснилось, что горнопромышленники нѣсколько скептически настроены въ отношеніи какой-либо посреднической дѣятельности между рабочими и ними“ и предпочитаютъ попыткамъ такой дѣятельности образованіе при промыслахъ поселковъ съ постояннымъ рабочимъ населеніемъ *). Не нравилась горнопромышленникамъ и обязательность для нихъ ихъ собственныхъ заявленій и, ассигнуя деньги на комитетъ, съѣздъ внесъ въ проектъ его устава довольно существенное измѣненіе въ этомъ смыслѣ. Именно, обязательства предпринимателей по отношенію въ вызваннымъ, но оказавшимся негодными къ заявленной работѣ рабочимъ, ограничены требованіемъ доставить имъ другую подходящую работу на срокъ отработки ими проѣзда или же отправить ихъ обратно на свой счетъ **). Это ограниченіе, при условіи недостаточнаго надзора инспекціи за отдѣльными предпринимателями, можетъ повести къ значительному ухудшенію обезпеченнаго договоромъ положенія рабочихъ, создавая удобную лазейку для нарушенія этого договора. Не говоримъ уже о томъ, что самый договоръ, составляемый по заявленіямъ отдѣльныхъ предпринимателей представителями администраціи и горнопромышленниковъ, едва-ли будетъ особенно благопріятенъ для рабочаго. Черезчуръ односторонній составъ комитета не дастъ ему и возможности пріобрѣсти настоящій авторитетъ въ глазахъ рабочей массы и тѣмъ самымъ сдѣлаетъ въ высшей степени проблематическою ту роль мирнаго посредника между рабочими

*) «Н. Вр.», 12 мая 1900 г.
**) «Харьк. Губ. Вѣд.», 9 мая 1900 г.

и хозяевами при различныхъ недоразумѣніяхъ, возникающихъ между ними, какую предполагается возложить на него. Можно опасаться, наконецъ, что самая попытка разрѣшить вопросъ о снабженіи южной горнопромышленности достаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ, не сходя при этомъ съ почвы существующихъ въ ней условій труда, окажется въ корнѣ своемъ безплодной. Проектированный комитетъ осужденъ на исключительно пассивную роль и едва-ли въ чемъ-нибудь измѣнитъ положеніе Донецкой горнопромышленности. Для того, чтобы произвести такое измѣненіе и привлечь сюда новыя толпы рабочихъ, необходимо прежде всего измѣнить тѣ условія промышленнаго труда въ этой мѣстности, о которыхъ у насъ шла рѣчь въ прошлый разъ.

Сами горнопромышленники, правда, смотрятъ на этотъ вопросъ иначе и хотѣли бы представить и другимъ положеніе своихъ рабочихъ въ розовомъ свѣтѣ. Особая коммиссія, избранная съѣздомъ спеціально для разсмотрѣнія вопроса объ улучшеніи быта горнорабочихъ и работавшая подъ предсѣдательствомъ все того же г. Авдакова, нашла, что бытъ рабочихъ, занятыхъ добычею каменнаго угля, является болѣе чѣмъ удовлетворительнымъ. Владѣльцы копей строятъ для рабочихъ прекрасныя училища, школы и больницы; число рабочихъ дней равняется всего 250 въ годъ; заработная плата стоитъ на очень высокомъ уровнѣ. „Если сравнить культурность заграничнаго рабочаго и нашего, условія жизни болѣе дорогія для перваго и менѣе для второго, коммиссія полагаетъ, что заработная плата въ донецкомъ бассейнѣ выше, чѣмъ на копяхъ во Франціи и Бельгіи.“ Желательно лишь въ казармахъ рабочихъ отдѣлить столовыя отъ спаленъ и устроить умывальныя комнаты съ большимъ количествомъ воды. Для увеличенія же заработка рабочихъ слѣдуетъ уменьшить число праздничныхъ дней. Съ своей стороны, углепромышленники, по увѣренію коммиссіи, уже сдѣлали все, что могли, для улучшенія быта рабочихъ *). При слушаніи этого доклада коммиссіи „горнопромышленники—замѣчаетъ одна изъ газетъ **)—немало, конечно, были удивлены своими добродѣтелями, которыя не снились имъ до сихъ поръ. Но разъ добродѣтели у нихъ открыты, то почему не приходить въ умиленіе? Картина получилась по истинѣ трогательная: всѣ были растроганы и всѣ... благодарили г. Авдакова“... Дѣйствительно, было, чему удивляться, и было, за что благодарить. Едва прошло двѣ недѣли со времени закрытія съѣзда, какъ въ одной изъ столичныхъ газетъ появилась слѣдующая телеграмма: „Коммиссія, образованная министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, подъ предсѣдательствомъ т. с. Штофа, для изслѣдованія быта горнорабочихъ, осмотрѣла

*) «Н. Вр.» 16 мая; «Россія», 16 мая 1900 г.
**) «Од. Новости», 17 мая 1900 г.

15 горныхъ заводовъ, 8 желѣзныхъ рудниковъ и 34 каменно угольныхъ копей. Членамъ коммиссіи приходилось часто наталкиваться на неправильную постановку отношеній между предпринимателями и рабочими, причемъ оказалось, что заводчиками и владѣльцами рудниковъ и копей игнорировались чуть ли не всѣ требованія правилъ и законоположеній о промыслахъ, фабрикахъ и заводахъ" *). Такъ велики оказались компетентность и добрая воля съѣзда во второмъ важномъ вопросѣ, переданномъ на его разсмотрѣніе.

Одно улучшеніе въ бытѣ горнорабочихъ было, однако же, проектировано минувшимъ съѣздомъ, постановившимъ ввести обязательное страхованіе всѣхъ рабочихъ южнорусскихъ угольныхъ копей на случай несчастія или болѣзни. Коммиссія, разбиравшая этотъ вопросъ, предложила преобразовать существовавшее до сихъ поръ „Общество пособія увѣчнымъ горнорабочимъ юга Россіи" во „Взаимное общество страхованія горнопромышленныхъ предпріятій отъ несчастныхъ случаевъ съ ихъ рабочими". По проекту устава этого общества, оно должно выдавать пенсіи и пособія всѣмъ, потерпѣвшимъ отъ увѣчій или болѣзней, полученныхъ при работахъ или вслѣдствіе работъ, рабочимъ, мастеровымъ и служащимъ, получающимъ не болѣе 500 руб. въ годъ, причемъ лица, получающіе болѣе 500 р. въ годъ, имѣютъ право на пособіе по разсчету заработка въ 500 руб. Членами общества дѣлаются всѣ владѣльцы и арендаторы каменноугольныхъ и антрацитовыхъ копей, и средства его составляются изъ особаго повагоннаго сбора съ выработаннаго на копяхъ продукта. Общество принимаетъ на себя полную гражданскую отвѣтственность своихъ членовъ за смерть, увѣчье или болѣзнь рабочаго или служащаго и въ случаѣ возбужденія судебнаго иска беретъ на себя всѣ расходы и хлопоты по веденію дѣла въ судѣ. Страхованіе будетъ охватывать всѣ случаи несчастій, за исключеніемъ лишь происшедшихъ отъ злоумышленія потерпѣвшаго. Полная потеря трудоспособности даетъ потерпѣвшему право на пожизненное пособіе въ размѣрѣ до $^2/_3$ его годового заработка ежегодно, въ зависимости отъ его семейнаго положенія. При частной потерѣ трудоспособности размѣръ пособія опредѣляется степенью этой потери, но не можетъ превышать двухъ третей годового заработка. Больные получаютъ вознагражденіе въ размѣрѣ половины заработка по истеченіи трехъ мѣсяцевъ со дня несчастія, а до этого времени пользуются пособіемъ изъ больничныхъ кассъ, проектированныхъ министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Въ случаѣ смерти рабочаго отъ несчастнаго случая, вдова его имѣетъ право на полученіе $^1/_5$ его годового заработка пожизненно или до вступленія въ новый бракъ. Дѣти умершаго получаютъ до 16-лѣтняго

*) «Россія», 28 мая 1900 г.

возраста пенсію въ такомъ размѣрѣ: при жизни матери, одинъ—$^1/_6$ годового заработка отца, двое—$^1/_4$, трое—$^1/_3$, четверо и болѣе—$^1/_2$; круглые сироты—по $^1/_4$. Родители умершаго, находившіеся на его единоличномъ попеченіи, имѣютъ право каждый на пенсію въ $^1/_6$ его годового заработка, а родственники—въ $^1/_3$, причемъ, однако, общая сумма всѣхъ этихъ пенсій не можетъ превысить половины заработка умершаго. Съѣздъ единогласно постановилъ ходатайствовать объ утвержденіи этого устава, но въ проектируемое „Взаимное общество" входятъ пока одни лишь углепромышленники, остальныя же горнопромышленныя предпріятія уклоняются отъ вступленія въ него за отсутствіемъ статистическаго матеріала, который позволилъ бы вычислить риски страхованія.

Мы назвали выше это постановленіе съѣзда клонящимся къ улучшенію участи горнорабочихъ. И въ самомъ дѣлѣ, введеніе обязательнаго страхованія отъ несчастныхъ случаевъ и болѣзней, хотя бы въ одной отрасли горнопромышленности, представляетъ уже извѣстный шагъ впередъ въ положеніи занятыхъ ею рабочихъ. Но, вглядываясь ближе въ это постановленіе, нетрудно подмѣтить и его обратную сторону. Предприниматели и въ настоящее время обязаны вознаграждать рабочихъ, пострадавшихъ не по своей винѣ, хотя на практикѣ они часто успѣваютъ уклониться отъ исполненія этой обязанности. Проектъ устава „Взаимнаго общества страхованія" устанавливаетъ для пострадавшихъ рабочихъ и ихъ семей весьма низкія преміи, ниже даже предполагаемыхъ въ проектированномъ министерствомъ финансовъ законѣ объ отвѣтственности предпринимателей. Такимъ образомъ, это „Взаимное общество страхованія горнопромышленныхъ предпріятій", въ сущности стремится замѣнить единоличную отвѣтственность отдѣльныхъ предпринимателей ихъ коллективною отвѣтственностью въ нѣсколько уменьшенномъ размѣрѣ и хотя оно несетъ съ собою извѣстныя облегченія участи рабочихъ, но главнымъ стимуломъ его возникновенія является защита не интересовъ труда, а выгодъ промышленника. Поэтому, если названное общество и осуществится, оно составитъ лишь первый шагъ въ дѣлѣ установленія обязательнаго страхованія горнорабочихъ и за этимъ первымъ шагомъ необходимо должны слѣдовать дальнѣйшіе, которые, однако же, едва-ли будутъ добровольно сдѣланы самими горнопромышленниками.

Вопросъ о страхованіи рабочихъ поднимался и на другомъ съѣздѣ, происходившемъ въ маѣ мѣсяцѣ,—съѣздѣ нефтепромышленниковъ. На нефтяныхъ промыслахъ, по количеству несчастныхъ случаевъ съ рабочими и по высокому проценту смертныхъ исходовъ такихъ случаевъ, опередившихъ даже горнопромышленность, этотъ вопросъ имѣетъ особенно серьезное значеніе. Съѣздъ и принялъ проектъ обязательнаго страхованія

рабочихъ промышленниками на началахъ взаимности *). Въ основу этого проекта положены тѣ же начала, на которыхъ построенъ проектъ южно-русскихъ горнопромышленниковъ. Полная потеря трудоспособности даетъ пострадавшему право на пожизненную пенсію, но лишь въ размѣрѣ $^2/_3$ его годового заработка. При частичной потерѣ выдается вознагражденіе, соотвѣтствующее степени уменьшенія трудоспособности, а эта степень опредѣляется на основаніи особой инструкціи, утвержденной съѣздомъ, т. е. тѣми же предпринимателями. Коммиссія, вырабатывавшая этотъ проектъ, приняла въ руководство особую схему, опредѣляющую потерю трудоспособности въ зависимости отъ поврежденія различныхъ частей тѣла. Согласно этой схемѣ, даже грыжа съ выпаденіемъ внутренностей опредѣляется, какъ уменьшающая трудоспособность на 50—100%. При двусторонней глухотѣ потеря трудоспособности опредѣляется въ 75%, при односторонней—въ 10%, при потерѣ глаза—въ 30—40%, при утратѣ лѣвой руки—въ 70%, а правой—въ 80%. Всѣ увѣчья нижней конечности, требующія для ходьбы палокъ или костылей, опредѣляются, смотря по случаю, какъ потеря трудоспособности на 50—75%. Неподвижность правой руки подъ прямымъ угломъ влечетъ за собой потерю трудоспособности на 40%, а подъ тупымъ угломъ—60%; такая же неподвижность лѣвой руки — 30 и 50% **). Такимъ образомъ, человѣкъ, ходящій на костыляхъ или лишенный возможности двигать обѣими руками, согнутыми подъ прямымъ угломъ, признается еще нефтепромышленниками на половину или на треть трудоспособнымъ. Такъ заботливо отнесясь къ представителямъ труда и разцѣнивъ всѣ органы ихъ тѣла по недорогой таксѣ, нефтепромышленники оказались менѣе любезны по отношенію къ потребителямъ нефти и керосина: горькія жалобы потребителей на дороговизну этихъ продуктовъ совершенно не привлекли къ себѣ вниманія съѣзда.

II.

По установившемуся обычаю преимущественно лѣтніе мѣсяцы являются у насъ временемъ обнародованія главныхъ законодательныхъ актовъ, выработанныхъ въ теченіе зимней сессіи Государственнаго Совѣта. Въ настоящемъ году количество такихъ актовъ особенно велико и они охватываютъ собою весьма широкій кругъ разнообразныхъ и въ высшей степени существенныхъ вопросовъ народной и государственной жизни. Слѣдуетъ замѣтить, что вообще за послѣдніе годы количество работы, выпадающей на долю Государственнаго Совѣта, замѣтно увеличивается, требуя отъ

*) «Сынъ От.», 12 мая 1900 г.
**) «Нижегор. Листокъ», 5 мая 1900 г.

этого учрежденія все болѣе интенсивной дѣятельности. Этому не мѣшаетъ и то обстоятельство, что значительная часть вопросовъ государственной жизни, подлежащихъ урегулированію въ законодательномъ порядкѣ, вовсе не восходитъ на разсмотрѣніе высшаго законодательнаго учрежденія страны, получая свое разрѣшеніе въ Высочайше утверждаемыхъ положеніяхъ комитета министровъ и Высочайшихъ повелѣніяхъ, испрашиваемыхъ по единоличному докладу котораго-либо изъ министровъ, причемъ число такихъ вопросовъ въ свою очередь все возрастаетъ. При всемъ томъ законодательная дѣятельность, хотя и упрощенная, порою, быть можетъ, чрезмѣрно, въ своихъ отправленіяхъ, далеко не поспѣваетъ за запросами жизни и многіе важные законопроекты вынуждены подолгу ожидать разсмотрѣнія, не говоря уже о томъ, что между возбужденіемъ того или иного вопроса въ жизни и включеніемъ его въ сферу интересовъ законодательства обыкновенно лежитъ у насъ весьма немалый промежутокъ времени. Многочисленные примѣры, которыми можно было бы иллюстрировать эту медленность законодательной работы, слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы стоило приводить ихъ здѣсь. Но одно уже это накопленіе неразрѣшенныхъ вопросовъ, по необходимости рѣшаемыхъ нерѣдко противорѣчивою административной практикой, оставляя законъ далеко позади жизни, тѣмъ самымъ способствуетъ подрыву его значенія въ послѣдней. Въ видахъ поднятія этого значенія, очевидно, необходима такая реорганизація механизма законодательной дѣятельности, которая поставила бы ее въ уровень съ усложнившимися потребностями государственнаго и общественнаго быта.

Возвращаясь отъ формъ законодательной работы къ итогамъ ея содержанія за текущій годъ, поскольку они уже успѣли обнаружиться до настоящаго момента, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить Именные Высочайшіе указы послѣднихъ мѣсяцевъ, состоявшіеся помимо Государственнаго Совѣта и разрѣшающіе частные, но не лишенные серьезнаго значенія вопросы.

27 мая состоялся Высочайшій указъ слѣдующаго содержанія: „Признавъ необходимымъ истолковать истинный разумъ закона о неотчуждаемости имѣній, составляющихъ собственность Царствующаго Императора, повелѣваемъ: дворцовыя имущества, именуемыя Государевыми, признавать не подлежащими ни въ цѣломъ, ни въ части дѣйствію земской давности“.

26 мая послѣдовалъ Именной указъ, касающійся постановки народнаго образованія въ губерніяхъ Царства Польскаго. „Въ неуклонномъ стремленіи къ упроченію въ губерніяхъ Царства Польскаго образованія юношества въ духѣ русской государственности,—говорится въ немъ,—Мы признали за благо снабдить представителя высшей мѣстной власти болѣе дѣйствительными способами къ пресѣченію въ упомянутыхъ губерніяхъ тайнаго обученія.

Вслѣдствіе сего, согласно съ положеніемъ комитета министровъ, повелѣваемъ:

„Распространить на губерніи Царства Польскаго дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ 3 апрѣля 1892 года временныхъ правилъ о взысканіяхъ за тайное обученіе въ западныхъ губерніяхъ, съ соблюденіемъ нижеслѣдующихъ постановленій:

1) Возбужденіе дѣлъ о тайномъ обученіи возлагается въ губерніяхъ Царства Польскаго на учебныя дирекціи.

2) Наложеніе установленныхъ этими правилами взысканій принадлежитъ варшавскому генералъ-губернатору.

3) Деньги, взысканныя съ виновныхъ, обращаются, по усмотрѣнію попечителя учебнаго округа, въ пособіе недостаточнымъ ученикамъ высшихъ классовъ гимназій и учительскихъ семинарій варшавскаго учебнаго округа и

4) Порядокъ примѣненія означенныхъ правилъ предоставляется соглашенію попечителя варшавскаго учебнаго округа съ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ“.

Нѣсколько ранѣе, Высочайше утвержденнымъ 11 апрѣля положеніемъ комитета министровъ, права варшавскаго генералъ-губернатора были расширены еще и въ другомъ отношеніи. Именно, въ видѣ временной мѣры, ему предоставлено, въ теченіе трехъ лѣтъ: 1) издавать въ предѣлахъ ввѣреннаго ему края обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся къ предупрежденію нарушенія общественнаго порядка и государственной безопасности; 2) устанавливать за нарушеніе такихъ обязательныхъ постановленій взысканія, не превышающія трехмѣсячнаго ареста или денежнаго штрафа въ 500 р., и 3) разрѣшать въ административномъ порядкѣ дѣла о нарушеніяхъ сдѣланныхъ имъ постановленій, причемъ онъ можетъ уполномочивать на разрѣшеніе этихъ дѣлъ подчиненныхъ ему начальниковъ губерній и варшавскаго оберъ-полицеймейстера.

Что касается законовъ, проведенныхъ черезъ разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта и обнародованныхъ въ послѣднее время, то они, какъ мы уже упоминали, посвящены весьма разнообразнымъ предметамъ. Наименѣе существенными въ ряду ихъ представляются частичныя переустройства механизма высшихъ административныхъ учрежденій, предпринятыя именно въ министерствахъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Въ первомъ изъ нихъ учреждена должность третьяго товарища министра, руководству котораго подчиняются вновь образованные отдѣлы торговли, промышленности, торговаго мореплаванія и учебный, въ совокупности своей замѣнившіе прежде существовавшій департаментъ торговли и мануфактуръ. Въ составѣ второго образовано особое управленіе по дѣламъ о воинской повинности на правахъ департамента. Оба эти преобразованія, будучи посвящены преимущественно внѣшнимъ удобствамъ административной дѣятельности, не пред-

вѣщаютъ никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ перемѣнъ въ ея направленіи. Несравненно болѣе серьезные интересы затрогиваются въ остальныхъ законахъ, являющихся плодомъ истекшей законодательной сессіи. Реформа ссылки, измѣненіе устава Дворянскаго банка, измѣненіе условій пріобрѣтенія правъ потомственнаго дворянства, отмѣна подымныхъ и разнаго рода поземельныхъ податей на Кавказѣ и замѣна ихъ государственной оброчной податью и поземельнымъ налогомъ, сопровождаемая привлеченіемъ къ расходамъ на земскія повинности земель частныхъ лицъ и владѣній высшихъ сословій, распространеніе института земскихъ начальниковъ на губерніи Витебскую, Минскую и Могилевскую, временныя правила объ обезпеченіи народнаго продовольствія, передающія завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ изъ рукъ земства земскому отдѣлу министерства внутреннихъ дѣлъ,—таковы важнѣйшіе изъ этихъ плодовъ. Едвали не наиболѣе существеннымъ результатомъ только что закончившейся законодательной сессіи являются, такимъ образомъ, территоріальное распространеніе института земскихъ начальниковъ и съуженіе дѣятельности земства путемъ изъятія изъ компетенціи земствъ продовольственнаго дѣла. О значеніи достигаемыхъ такимъ путемъ результатовъ говорилось на страницахъ хроники „Р. Богатства“ еще не такъ давно, когда упомянутыя законоположенія были лишь проектами, вносившимися на обсужденіе Государственнаго Совѣта, и потому мы не будемъ уже сейчасъ возвращаться къ этой темѣ. Насъ ждетъ къ тому же другая тема изъ той же области законодательной дѣятельности государства.

Послѣ законовъ, касающихся мѣстной администраціи, и народнаго продовольствія, наиболѣе важное значеніе въ ряду вновь изданныхъ законоположеній принадлежитъ, несомнѣнно, реформѣ ссылки и вновь произведеннымъ измѣненіямъ въ быту дворянскаго сословія. Хотя и не въ равной мѣрѣ, эти узаконенія заслуживаютъ, однако, серьезнаго вниманія, какъ попытки внести значительныя преобразованія въ ходъ государственной и общественной жизни.

Указъ 12 іюня, которымъ сопровождается реформирующій ссылку законъ 10 іюня, ставитъ главною задачею послѣдняго „снять съ Сибири тяжелое бремя мѣстности, въ теченіе вѣковъ наполняемой людьми порочными“. Выработка законопроекта, направленнаго къ достиженію этой задачи, была поручена министерству юстиціи Высочайшимъ повелѣніемъ, состоявшимся въ маѣ 1899 г., а въ настоящее время, стало быть черезъ годъ съ небольшимъ, вышелъ уже законъ, частью преобразовывающій, частью ограничивающій институтъ ссылки, какъ особый видъ уголовнаго наказанія, и попутно вводящій и нѣкоторыя другія измѣненія въ дѣйствующую систему уголовныхъ каръ. Такая не

совсѣмъ обычная у насъ быстрота законодательной работы находитъ себѣ нѣкоторое объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что теоретически ссылка была осуждена въ правящихъ сферахъ еще въ 1879 г. и тогда же былъ поставленъ на очередь вопросъ объ ея отмѣнѣ, получившій однако практическое, и то не полное, разрѣшеніе лишь въ настоящее время. Въ извѣстной мѣрѣ объясняется эта быстрота и характеромъ самаго закона, который не преслѣдуетъ какихъ-либо новыхъ задачъ въ сферѣ мѣръ воздѣйствія на преступника, ограничиваясь лишь простой замѣной одного вида наказанія другимъ, равнымъ образомъ уже примѣняющимся на практикѣ. Но, и оставаясь въ этихъ, сравнительно болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, законъ можетъ еще въ различной степени заключать въ себѣ отвѣтъ на потребности, выставляемыя жизнью. Обратимся же къ самому содержанію его постановленій.

Русская дѣйствительность знаетъ пять видовъ ссылки: 1) ссылку по суду; 2) ссылку членовъ мѣщанскихъ и крестьянскихъ обществъ по приговорамъ этихъ обществъ; 3) ссылку по соглашенію министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, примѣняемую по дѣламъ политическимъ, по которымъ не признается возможнымъ возбужденіе уголовнаго преслѣдованія; 4) административную ссылку, назначаемую по постановленію особаго совѣщанія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, для лицъ, политически неблагонадежныхъ, и лицъ порочнаго поведенія, и 5) административную высылку, назначаемую мѣстными генералъ-губернаторами въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на положеніи усиленной охраны. Законъ 10 іюня, прежде всего слѣдуетъ сказать, касается лишь двухъ первыхъ видовъ ссылки—по суду и по приговорамъ сословныхъ обществъ,—оставляя въ неприкосновенности три остальные ея вида. Затѣмъ нѣкоторыя изъ формъ упомянутыхъ двухъ видовъ ссылки сохраняются и новымъ закономъ въ измѣненномъ видѣ, другія же уничтожаются совершенно, замѣняясь иными наказаніями.

Въ ссылкѣ, назначаемой по суду, до послѣдняго времени различались два рода этого наказанія. „Ссылка на житье“ въ сибирскія и другія отдаленныя губерніи влекла за собою потерю всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ и ею карались тѣ преступленія лицъ привилегированныхъ, за которыя лицамъ непривилегированныхъ сословій законъ назначалъ арестантскія роты. „Ссылка на поселеніе“ въ Сибирь и Закавказье соединялась съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и назначалась за важнѣйшія уголовныя преступленія безразлично для лицъ всѣхъ сословій. Законъ 10 іюня совершенно уничтожаетъ ссылку на житье. По обнародованнымъ одновременно съ закономъ „временнымъ правиламъ“, она впредь до введенія въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія, во всѣхъ случаяхъ замѣняется отдачею въ исправительныя арестантскія отдѣленія либо—при преступленіяхъ по службѣ—по усмотрѣнію суда, или отдачею въ исправительныя арестантскія отдѣленія, или заключені-

емъ въ крѣпости на различные сроки, либо заключеніемъ въ тюрьму; при этомъ первый и третій видъ наказанія влекутъ за собой лишеніе всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, второй—лишь нѣкоторыхъ. До извѣстной степени уравнивая такимъ образомъ участь преступниковъ изъ привилегированныхъ и непривилегированныхъ классовъ, новый законъ все же сохраняетъ между ними довольно рѣзкую демаркаціонную черту. Лица, до осужденія изъятыя по правамъ состоянія отъ тѣлесныхъ наказаній, будучи приговорены къ отдачѣ въ арестантскія отдѣленія, содержатся здѣсь въ особыхъ отдѣленіяхъ, а, при невозможности этого, въ особыхъ камерахъ. Въ обоихъ случаяхъ они содержатся въ общемъ заключеніи, но съ разобщеніемъ на время, свободное отъ работъ, и на ночь, и не подлежатъ ни наказанію розгами, ни наложенію оковъ либо кандаловъ, ни бритью головы. Различіе между преступниками по сословіямъ едва ли вполнѣ удобно и согласно съ интересами правосудія, и если трудно въ интересахъ равенства желать, чтобы и эти „привилегіи“ были низведены къ общему безправному состоянію арестантской массы, то нельзя не пожелать обратнаго, чтобы послѣдняя въ полномъ своемъ составѣ была поднята на уровень обладанія упомянутыми правами. Уже одно предоставленіе ихъ лицамъ, ничѣмъ, кромѣ своего происхожденія, не отличающимся отъ остальныхъ арестантовъ, достаточно ясно указываетъ, что подобная реформа, настойчиво требуемая интересами гуманности и справедливости, не заключаетъ въ себѣ никакой опасности и для сохраненія порядка среди населенія исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій.

Ссылка на житье всегда поставляла, однако, сравнительно не большой процентъ ссыльныхъ. По даннымъ, собраннымъ главнымъ тюремнымъ управленіемъ *), за 12 лѣтъ, съ 1887 по 1899 г., въ Сибирь прибыло около 100.000 ссыльныхъ. Изъ этого общаго числа болѣе половины, около 52.000 человѣкъ, составляли административные ссыльные, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, было 3.154 лица, сосланыя по распоряженію правительства и около 47.000 лицъ, сосланныхъ въ силу состоявшихся объ нихъ приговоровъ обществъ. Въ числѣ же приблизительно 48.000 человѣкъ, сосланныхъ за то же время по суду, было болѣе 32.000 ссыльно-поселенцевъ и лишь 2.277 ссыльныхъ на житье. Такимъ образомъ, главное значеніе закона 10 іюня естественно пріурочивается къ тѣмъ его частямъ, которыя касаются ссылки на поселеніе, практикуемой по суду и по общественнымъ приговорамъ. Не уничтожая ея вполнѣ, онъ видоизмѣняетъ однако ея обстановку и значительно сокращаетъ число случаевъ ея примѣненія. Изъ Сибири и Закавказья она переносится въ другія мѣстности,

*) «Ссылка въ Сибирь, очеркъ ея исторіи и современнаго положенія», Спб. 1900.

которыя на каждое трехлѣтіе будутъ особо опредѣляться высочайше утверждаемыми положеніями комитета министровъ. Этимъ путемъ какъ бы предполагается разсѣять ссыльныхъ болѣе или менѣе равномѣрно по территоріи всей страны, не сосредоточивая ихъ болѣе въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ. О значеніи такого опыта трудно, конечно, судить, пока остаются неуказанными мѣстности, предназначенныя для него. Ссылка на поселеніе, налагаемая въ видѣ мѣры наказанія сохраняется новымъ закономъ лишь для нѣкоторыхъ преступленій, какъ богохульство, порицаніе христіанской вѣры, совращеніе въ не-христіанскую религію, насильственное отвлеченіе отъ православія, распространеніе и заведеніе сектъ, распространеніе скопчества и принадлежность къ нему, принадлежность къ изувѣрскимъ и фанатическимъ сектамъ, самовольное возвращеніе эмигранта, выдача себя за святого и возбужденіе ложными чудесами унынія, тревоги или волненія въ народѣ, вызовъ на смертельный поединокъ, и еще для нѣкоторыхъ подобныхъ преступленій противъ вѣры и государства. Равнымъ образомъ и при смягченіи наказанія за подобныя преступленія отъ каторги допускается лишь переходъ къ ссылкѣ на поселеніе, а послѣдняя для нѣкоторыхъ видовъ государственныхъ преступниковъ замѣняется заключеніемъ въ крѣпости, для еретиковъ же, сектантовъ и самовольно возвратившихся въ отечество эмигрантовъ не замѣняется никакимъ инымъ видомъ наказанія. Какъ самостоятельная кара за всѣ прочія преступленія, ссылка на поселеніе въ Сибирь и въ другія отдаленныя мѣстности теперь отмѣняется, и приговаривавшіеся раньше къ ней преступники подлежатъ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на сроки отъ 5 до 6 лѣтъ и отъ 4 до 5 лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при этомъ происходитъ весьма ощутительное ослабленіе уголовной репрессіи. Такъ, кровосмѣшеніе, каравшееся раньше пожизненнымъ заточеніемъ въ сибирскихъ тюрьмахъ и монастыряхъ, теперь будетъ наказываться заключеніемъ въ арестантскія отдѣленія на 5—6 лѣтъ. Изъ общаго правила замѣны ссылки арестантскими отдѣленіями допускаются однако и нѣкоторыя исключенія, въ которыхъ законъ уже не ослабляетъ, а усиливаетъ существовавшую уголовную репрессію. Грабежъ, совершенный нѣсколькими людьми, не составляющими шайки, по прежнему порядку влекъ за собою ссылку на поселеніе, теперь же онъ карается каторгой на время отъ 4—6 лѣтъ. Дѣйствующее уложеніе опредѣляло, какъ особо отягчающее кражу обстоятельство, совершеніе ея въ третій разъ и въ качествѣ высшаго наказанія за нѣкоторые квалифицированные виды ея—кражу шайкой, кражу при несчастномъ случаѣ, со взломомъ, съ почтовыхъ и частныхъ повозокъ и кражу вооруженными людьми—назначало ссылку на поселеніе. Временныя правила 10 іюня предусматриваютъ совершеніе такихъ кражъ въ четвертый и въ пятый разъ и опредѣляютъ на эти случаи наказаніе въ видѣ за-

ключенія въ арестантскія отдѣленія на 5—6 лѣтъ и ссылки въ каторгу на срокъ отъ 4 до 6 лѣтъ. Бродяги, не помнящіе родства, до сихъ поръ, по отбытіи тюремнаго заключенія, водворялись въ Сибири на поселеніе, теперь же они изъ тюремъ будутъ ссылаться, въ качествѣ ссыльно-поселенцевъ, уже на Сахалинъ. При этомъ, однако, для такихъ бродягъ отмѣняется установленное раньше для нихъ наказаніе розгами, до послѣдняго времени позорившее наше законодательство. Наконецъ, усиленіе репрессіи сказывается и въ томъ постановленіи закона, согласно которому по дѣламъ о составленіи шаекъ, о поджогахъ и разбояхъ судъ и при смягченіи наказанія не можетъ замѣнить каторгу инымъ видомъ наказанія. Если для этихъ преступниковъ, какъ признаваемыхъ особо опасными, и нельзя было сохранить, въ видѣ облегченной кары, ссылку на поселеніе, то, казалось бы ничто не препятствовало отдачѣ ихъ, при смягчающихъ вину обстоятельствахъ, въ арестантскія отдѣленія.

Таковы постановленія закона 10 іюня относительно ссылки по суду. Ссылка по приговорамъ обществъ, какъ извѣстно, практиковалась въ двухъ видахъ. Мѣщанскія и крестьянскія общества могли составлять приговоры о не принятіи своихъ членовъ, лишенныхъ особенныхъ правъ и отбывшихъ по приговору суда наказаніе въ арестантскихъ отдѣленіяхъ или тюрьмѣ, и въ такомъ случаѣ эти не принятые своими обществами люди водворялись на поселеніе въ Сибирь. Могли также мѣщанскія и сельскія общества составлять приговоры о предоставленіи „въ распоряженіе правительства“ порочныхъ своихъ членовъ, причемъ послѣдніе равнымъ образомъ отправлялись въ ссылку. Въ первомъ случаѣ ссылаемые за одно и то же преступленіе несли двойную кару, во второмъ—они подвергались наказанію безъ суда и слѣдствія. При этомъ приговоры обществъ, влекшіе за собою ссылку, весьма часто, чтобъ не сказать, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, являлись не столько средствомъ удаленія дѣйствительно порочныхъ членовъ общества, сколько результатомъ партійной борьбы либо давленія на общество со стороны одного изъ вліятельныхъ его членовъ, а то и ближайшей къ обществу администраціи. Явная несправедливость такого порядка, ставившаго часть городскихъ и почти всѣхъ сельскихъ обывателей государства въ особо безправное состояніе, давно уже и сильно давала себя чувствовать. Между тѣмъ количество ссылаемыхъ и по тому, и по другому изъ упомянутыхъ видовъ приговоровъ обществъ равнымъ образомъ было очень велико. По цитированнымъ уже выше свѣдѣніямъ главнаго тюремнаго управенія, изъ 47.000 лицъ, подвергшихся съ 1887 г. по 1899 г. административной ссылкѣ по приговорамъ обществъ, около 26.000 человѣкъ попало въ ссылку, благодаря не принятію ихъ обществами послѣ отбытія наказанія и почти 21.000 человѣкъ—въ силу приговоровъ, свидѣтельство-

вавшихъ объ ихъ порочности и предоставлявшихъ ихъ „въ распоряженіе правительства“.

Законъ 10 іюня совершенно отмѣняетъ право мѣщанскихъ и крестьянскихъ обществъ не принимать своихъ членовъ, отбывшихъ наказаніе, обратно въ свою среду, по отношенію же къ приговорамъ о порочныхъ лицахъ, передаваемыхъ въ распоряжеженіе правительства, останавливается на полъ-дорогѣ, отмѣняя право составленія такихъ приговоровъ для мѣщанскихъ обществъ и сохраняя его, съ нѣкоторыми ограниченіями, для крестьянскихъ. Ограниченія эти сводятся, главнымъ образомъ, къ требованію точнаго указанія причинъ высылки, къ измѣненію порядка провѣрки общественныхъ приговоровъ и къ усиленію расходовъ самого крестьянскаго общества на высылку его членовъ. Въ приговорѣ объ удаленіи того или иного лица должны быть изложены свѣдѣнія объ его хозяйственномъ бытѣ и образѣ жизни и указаны основанія, по которымъ оно признается угрожающимъ мѣстному благосостоянію и безопасности. Составленный такимъ образомъ и принятый двумя третями голосовъ приговоръ повѣряется на мѣстѣ по существу земскимъ начальникомъ, который, признавъ его неосновательнымъ, можетъ представить объ отмѣнѣ его губернскому присутствію, а если найдетъ приговоръ правильнымъ, представляетъ его уѣздному предводителю дворянства. Послѣдній провѣряетъ приговоръ на мѣстѣ „или вообще по имѣющимся у него даннымъ“ и передаетъ его съ своимъ заключеніемъ губернскому присутствію, которое и рѣшаетъ окончательно дѣло, руководясь исключительно доставленными ему свѣдѣніями. Первоначально предполагалось поручить повѣрку такихъ приговоровъ судебному слѣдователю и товарищу прокурора и, хотя способъ повѣрки является въ этомъ случаѣ не болѣе, какъ палліативомъ, нельзя не сказать, что такой палліативъ могъ бы оказаться дѣйствительнѣе принятаго въ законѣ. Установленный же послѣднимъ порядокъ, не давая достаточныхъ гарантій осужденному и сосредоточивая весь дѣйствительный контроль въ рукахъ земскаго начальника, создаетъ для него полную возможность играть активную роль въ дѣлѣ высылки по общественнымъ приговорамъ. Хорошо извѣстно, что такою возможностью земскіе начальники неоднократно пользовались и при старомъ порядкѣ, и трудно думать, чтобы контроль уѣздныхъ предводителей, для котораго къ тому же не поставлено опредѣленныхъ требованій, послужилъ имъ въ этомъ серьезнымъ пренятствіемъ. Въ виду этого надежды на сокращеніе даннаго вида ссылки могутъ основываться главнымъ образомъ на увеличеніи тѣхъ расходовъ, которыхъ она требуетъ отъ сельскаго общества. Дѣло въ томъ, что всѣ издержки по содержанію и пересылкѣ удаляемаго, равно какъ и его семьи, если она добровольно за нимъ послѣдуетъ, вплоть до самаго мѣста новаго его водворенія, возлагаются на высылающее его

сельское общество; если же послѣднее получитъ земельный надѣлъ удаленнаго, то оно сверхъ того уплачиваетъ стоимость кормоваго довольствія удаленнаго и семьи его за два года. Удаленные такимъ порядкомъ крестьяне пересылаются въ одну изъ мѣстностей, особо указываемыхъ для этого на каждое трехлѣтіе положеніями комитета министровъ, и здѣсь приписываются къ какой-либо волости, оставаясь въ теченіе пяти лѣтъ подъ надзоромъ полиціи, но не будучи лишены права временныхъ отлучекъ въ другія губерніи съ ея разрѣшенія. По истеченіи пяти лѣтъ они, въ случаѣ одобрительнаго поведенія, могутъ переходить и приписываться въ другія губерніи, а съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ—и въ прежнія свои губерніи и общества. Сохраненная новымъ закономъ ссылка по общественнымъ приговорамъ обращается, слѣдовательно, изъ постоянной во временную и пріобрѣтаетъ характеръ исправительной мѣры. Этимъ все же до нѣкоторой степени смягчаются вредныя стороны такой ссылки.

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить еще два частныя постановленія закона 10 іюня. По одному изъ нихъ, тѣ осужденные, которые по болѣзни окажутся не въ состояніи слѣдовать на мѣста ссылки и каторжныхъ работъ, равно какъ престарѣлые осужденные, имѣющіе болѣе 70 лѣтъ и приговоренные къ каторгѣ, оставляются въ мѣстныхъ тюрьмахъ на извѣстные сроки и по истеченіи ихъ помѣщаются въ заведенія общественнаго призрѣнія. Въ основу такого постановленія, несомнѣнно, легло гуманное чувство, но тѣмъ болѣе поражаютъ своею чрезмѣрною продолжительностью сроки тюремнаго заключенія, назначенные для такихъ случаевъ: для безсрочныхъ каторжныхъ этотъ срокъ опредѣленъ въ 25 лѣтъ, для срочныхъ—въ размѣрѣ увеличеннаго въ полтора раза срока каторги, для присужденныхъ къ поселенію—5 лѣтъ. При условіи этихъ сроковъ, можно думать, не многіе изъ неизлѣчимо больныхъ и престарѣлыхъ осужденныхъ сдѣлаются кліентами заведеній общественнаго призрѣнія. Важнѣе другая статья закона, постановляющая, что жены осужденныхъ на каторгу или на поселеніе, сами не участвовавшія въ преступленіи, могутъ слѣдовать или не слѣдовать въ ссылку за мужьями, по собственному желанію. Этою статьей полагается предѣлъ существованію того порядка, по которому невиновныя женщины противъ ихъ воли, лишь по требованію осужденнаго мужа, отправлялись въ ссылку и такимъ образомъ наказаніе не ограничивалось одною личностью преступника, а распространялось и на его семью.

Таковы наиболѣе существенныя постановленія закона 10 іюня. Снимая съ Сибири бремя ссылки, въ теченіе трехъ слишкомъ вѣковъ лежавшее на этой странѣ и своею тяжестью тормозившее ея гражданское развитіе, данный законъ не уничтожаетъ, однако, самаго института ссылки, въ принципѣ признаннаго негоднымъ, а лишь съуживаетъ область ея примѣненія. Сокращая админи-

стративную ссылку по приговорамъ обществъ, онъ оставляетъ все же въ дѣйствіи одинъ изъ видовъ этой ссылки, хотя и въ смягченной формѣ, для крестьянъ и придаетъ контролю надъ нею администраціи какъ бы характеръ опеки крестьянъ представителями другого сословія. Наконецъ, содержа въ себѣ отдѣльныя гуманныя постановленія, онъ не только не стремится при этомъ къ реформированію въ новомъ духѣ самыхъ основаній уголовнаго законодательства, но, сохраняя рамки дѣйствующей системы, во многихъ случаяхъ не останавливается и передъ серьезнымъ усиленіемъ уголовной репрессіи. Въ виду такого характера новаго закона и при оцѣнкѣ его значенія приходится различать въ немъ разныя стороны.

Для исконныхъ мѣстъ ссылки, Закавказья и въ особенности Сибири, благотворное его дѣйствіе не подлежитъ сомнѣнію, равно какъ безспорно съ другой стороны и то, что именно безплодность дальнѣйшей ссылки въ эти мѣстности вызвала самый законъ 10 іюня. Ссылка переполнила уже Сибирь массою людей, выбитыхъ изъ колеи обычнаго существованія и не имѣющихъ возможности на новой своей родинѣ вернуться къ нормальнымъ условіямъ жизни. Въ этомъ смыслѣ очень поучительны тѣ выводы, которыми заканчивается упоминавшееся уже нами изслѣдованіе главнаго тюремнаго управленія. „Изъ 300,000 ссыльныхъ въ Сибири—говорится здѣсь—100,000 чел.—праздношатающіеся бродяги, 100,000 чел.—бездомные пролетаріи, живущіе случайными заработками, 70,000 ч.—безземельные рабочіе и 30,000 чел.—осѣдлые земледѣльцы. Изъ всей этой массы не болѣе 4,500 человѣкъ имѣютъ шансы окончательно слиться съ осѣдлымъ населеніемъ. Вотъ, слѣдовательно, матеріальный итогъ трехсотлѣтней сибирской ссылки; о нравственномъ же итогѣ ея можно судить по тому, что въ то время, какъ въ общемъ ссыльные составляютъ немного свыше 5% всѣхъ жителей въ Сибири, они составляютъ 58% тюремнаго населенія“. И на основаніи всего, собраннаго въ этой книгѣ, богатаго матеріала авторъ ея приходитъ къ „слѣдующимъ тремъ, повидимому, безспорнымъ выводамъ: 1) ссылка не достигаетъ ни карательныхъ, ни колонизаціонныхъ цѣлей, 2) всѣ возможныя мѣры къ устройству ссылки были испробованы и оказались безуспѣшными, 3) съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги ссылка утратила значеніе средства, ограждающаго безопасность европейскихъ губерній Россіи“. Переставая играть роль канавы для стока преступной волны изъ Россіи, волны, которая при настоящихъ условіяхъ могла бы хлынуть и обратно, Сибирь избавляется отъ непомѣрнаго наплыва опасныхъ противообщественныхъ элементовъ, не ею воспитанныхъ, и ея жизнь пріобрѣтаетъ возможность болѣе безпрепятственнаго развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и та атмосфера безправія, которая устанавливалась въ этой странѣ благодаря пребыванію въ ней массы людей, почти лишенныхъ охраны со стороны закона, должна зна-

чительно разрѣдиться и очиститься. Само собою разумѣется, оба эти результата могутъ сказаться въ жизни края лишь постепенно по мѣрѣ исчезновенія стараго населенія, и только при томъ условіи, если Сибирь снова не попадетъ въ число мѣстностей, постоянно предназначаемыхъ для ссылки уголовныхъ преступниковъ. Одновременно новый законъ, путемъ хотя бы и не полной отмѣны ссылки по общественнымъ приговорамъ, въ извѣстной степени будетъ содѣйствовать упроченію общей для всѣхъ гражданъ государства правовой почвы и въ метрополіи, сближая мѣщанина, а отчасти и крестьянина въ смыслѣ охраны закономъ его личности съ остальными сословными группами. Это не мѣшаетъ однако и закону 10 іюня настаивать на сословныхъ различіяхъ и проводить ихъ даже въ арестантскія отдѣленія.

Труднѣе уже отвѣтить на вопросъ о значеніи предстоящихъ перемѣнъ въ положеніи преступниковъ, для которыхъ ссылка на поселеніе замѣняется отдачей въ исправительныя арестантскія отдѣленія. Срочность послѣдняго наказанія, несомнѣнно, въ глазахъ весьма многихъ изъ нихъ не искупитъ соединеннаго съ нимъ лишенія и той небольшой свободы, которою все же сопровождалось первое. Съ другой стороны, если ссылка лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ ставила осужденнаго на ноги, гораздо чаще довершая его матеріальное и нравственное паденіе, то еще менѣе возможно серьезно мечтать объ исправительоой роли по отношенію къ преступникамъ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій, особенно въ нынѣшнемъ ихъ состояніи. Переустройство мѣстъ заключенія становится, такимъ образомъ, очередной задачей правительственной политики. Къ этой задачѣ присоединяется и другая. По самымъ скромнымъ разсчетамъ, произведеннымъ министерствомъ юстиціи, общее число заключенныхъ, вслѣдствіе замѣны ссылки срочнымъ лишеніемъ свободы, въ ближайшія 5 лѣтъ будетъ увеличиваться ежегодно на 2,000—3,000 человѣкъ. Возникающій отсюда вопросъ о постройкѣ новыхъ мѣстъ заключенія и о необходимыхъ для этого средствахъ законъ 10 іюня предполагаетъ разрѣшить слѣдующимъ образомъ: на эти расходы обращаются суммы, назначенныя на устройство помѣщеній для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ или городскихъ судей и земскихъ начальниковъ, иначе говоря, земскіе штрафные капиталы. Какъ пояснено въ позднѣйшемъ правительственномъ сообщеніи, изъ свободной наличности этихъ капиталовъ будетъ позаимствована на нужды тюремнаго строительства сумма приблизительно въ $6^1|_2$ милліоновъ рублей, текущія же поступленія по штрафнымъ капиталамъ будутъ впредь обращаться по прежнему своему назначенію. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда ихъ окажется недостаточно для нуждъ завѣдуемыхъ земствомъ арестныхъ домовъ, необходимыя тому или иному земству средства, въ предѣлахъ позаимствованной у него суммы, будутъ ему отпускаться изъ госу-

дарственнаго казначейства по расходнымъ смѣтамъ главнаго тюремнаго управленія. Земства однако и сами въ настоящее время крайне нуждаются въ средствахъ для упорядоченія содержимыхъ ими арестныхъ домовъ и потому такое позаимствованіе средствъ на общегосударственныя нужды изъ мѣстныхъ капиталовъ едва-ли представляется вполнѣ удобнымъ. Вытекающее отсюда стѣсненіе земскаго хозяйства можетъ быть тѣмъ серьезнѣе, чѣмъ болѣе будетъ стѣсненъ смѣтами главнаго тюремнаго управленія своевременный возвратъ позаимствованныхъ у земствъ ссудъ. Столь сложный порядокъ ассигнованія необходимыхъ на переустройство и постройку тюремъ средствъ представляется тѣмъ менѣе необходимымъ, что, по словамъ упомянутаго правительственнаго сообщенія, министерство юстиціи успѣло подготовить къ предстоящей реформѣ существующія тюрьмы и выработать планъ сооруженія необходимыхъ въ ближайшемъ будущемъ новыхъ мѣстъ заключенія, чѣмъ совершенно устраняется крайнее переполненіе тюремъ.

Но если даже такое переполненіе и не грозитъ остаться характерной особенностью существующихъ тюремъ, то самый фактъ увеличенія количества тюремъ и тюремнаго населенія въ Европейской Россіи не заключаетъ въ себѣ, конечно, ничего отраднаго и желательнаго. Быть можетъ, именно поэтому онъ дастъ толчокъ къ дальнѣйшимъ и болѣе глубокимъ преобразованіямъ, которыя не ограничились бы, въ стремленіи къ уменьшенію преступности, одними лишь перемѣнами въ тюремномъ быту преступниковъ. Значеніе такихъ перемѣнъ, и само по себѣ ничтожное, совершенно блѣднѣетъ передъ вліяніемъ, которое способны оказать въ этомъ направленіи серьезная реформа уголовнаго законодательства и мѣры, направленныя къ подъему матеріальнаго благосостоянія и умственнаго просвѣщенія народныхъ массъ. По отношенію къ подобнымъ мѣрамъ законъ 10 іюня можетъ играть лишь подготовительную роль, сохраняя однако значеніе необходимой ступени въ той лѣстницѣ, которую желательно пройти возможно скорѣе.

Совершенно иное значеніе имѣютъ новыя законодательныя мѣропріятія, создающія частичныя перемѣны въ существующемъ положеніи дворянскаго сословія. Эти мѣропріятія и однороднѣе по характеру, и несравненно проще и уже по содержанію своему, нежели постановленія закона 10 іюня. Едва-ли они способны получить и то вліяніе въ дальнѣйшемъ развитіи государственной жизни, на какое можетъ разсчитывать этотъ послѣдній. Тѣмъ не менѣе, стоя въ извѣстной связи съ господствующими теченіями современности, они въ свою очередь и сами вносятъ въ нее коекакія не лишенныя интереса черты и тѣмъ пріобрѣтаютъ право на вниманіе къ себѣ. Такихъ мѣропріятій за послѣдніе мѣсяцы

состоялось два: именной высочайшій указъ, послѣдовавшій 28 мая и ограничивающій доступъ въ ряды потомственнаго дворянства, и измѣненіе устава дворянскаго банка, прибавляющее къ немалому количеству льготъ, полученныхъ уже заемщиками этого учрежденія, еще одну новую. Остановимся пока на первой изъ указанныхъ мѣръ.

Ограниченіе количества способовъ пріобрѣтенія потомственнаго дворянства—явленіе не новое въ нашей исторіи за истекающее столѣтіе. Постановленія Петровской табели о рангахъ, согласно которымъ первый оберъ-офицерскій чинъ на военной службѣ и чинъ восьмого класса на гражданской и придворной давалъ потомственное дворянство, съ началомъ XIX столѣтія подверглись измѣненіямъ, направленнымъ къ сокращенію числа выслужившихся потомственныхъ дворянъ. Наиболѣе серьезны были измѣненія, произведенныя въ этомъ направленіи въ половинѣ столѣтія. Съ 1845 г. потомственное дворянство давалось лишь маіорскимъ чиномъ въ военной и чиномъ статскаго совѣтника въ гражданской службѣ, съ 1856 г.—чиномъ полковника или дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Кромѣ того, потомственное дворянство являлось послѣдствіемъ пожалованія русскихъ орденовъ первыхъ степеней, а равно орденовъ св. Владиміра и св. Георгія всѣхъ степеней. Эти ограниченія сохранили свою силу на все послѣдующее время, но дальнѣйшихъ уже не принималось за 60-ые и 70-ые годы, являвшіеся, по опредѣленію „М. Вѣдомостей“, эпохой „откровенно проводившейся сверху политики нивеллировки сословій“ *). Реакціонная газета, замѣтимъ мимоходомъ, полагаетъ, очевидно, что даже правительство не можетъ откровенно стремиться къ сближенію сословій. Это тоже своего рода откровенность. Въ дѣйствительности, конечно, правительственная политика и при Александрѣ II не ставила своею цѣлью полную нивеллировку сословій, но не усматривала и надобности еще болѣе стѣснять и безъ того затрудненный доступъ въ ряды потомственнаго дворянства. Мысль о желательности такихъ стѣсненій вновь ожила съ началомъ восьмидесятыхъ годовъ, совпавъ съ общимъ оживленіемъ заботъ о подъемѣ сословія, и приняла особенно широкіе размѣры съ момента образованія особаго совѣщанія по дворянскому вопросу. Мѣстами, по крайней мѣрѣ, въ дворянскихъ кругахъ отъ этого совѣщанія ожидали выработки новыхъ законодательныхъ постановленій, которыя содѣйствовали бы обновленію состава дворянскаго класса путемъ закрытія доступа въ него черезъ выслугу и разрѣшенія губернскимъ дворянскимъ обществамъ принимать въ свою среду мѣстныхъ землевладѣльцевъ не-дворянскаго происхожденія. Въ случаѣ осуществленія такихъ проектовъ, какъ казалось ихъ авторамъ, дряхлѣющее сословіе, оторвавшись отъ

*) «М. Вѣд.», 22 іюня 1900 г.

чиновничества, получило бы возможность привлечь къ себѣ свѣжія силы изъ земельной буржуазіи и при помощи этого средства пріобрѣло бы большую устойчивость, соединивъ съ сословными преимуществами и классовыя.

Законъ 28 іюня, выработанный при участіи особаго совѣщанія, далеко не вполнѣ, однако, оправдалъ подобныя ожиданія и надежды, возлагавшіяся на послѣднее. Не предоставляя дворянскимъ обществамъ и на будущее время никакого участія въ пополненіи ихъ состава, онъ ограничивается исключительно новыми сокращеніями доступа въ дворянство. Принятыя въ немъ мѣры естественно распадаются на двѣ группы. По одной изъ нихъ, орденъ св. Владиміра 4-й степени будетъ впредь доставлять получившему его уже не потомственное, а личное дворянство; орденъ св. Владиміра 3-й степени можетъ быть даваемъ только лицамъ, состоящимъ въ чинахъ не ниже дѣйствительнаго статскаго совѣтника, полковника или капитана перваго ранга, иначе говоря, въ чинахъ, которые сами уже даютъ потомственное дворянство, и, слѣдовательно, этотъ орденъ также утрачиваетъ значеніе самостоятельнаго источника пріобщенія къ дворянскому сословію; сверхъ того отмѣняется и возведеніе въ потомственное дворянство на основаніи приносящихъ личное дворянство чиновъ, пожалованныхъ прадѣду, дѣду и отцу просителя. Другую группу составляютъ въ законѣ постановленія, касающіяся записи потомственныхъ дворянъ въ губернскія дворянскія родословныя книги. Собранію предводителей и депутатовъ дворянства предоставляется отказывать въ такой записи потомственному дворянину, не владѣющему недвижимою собственностью въ предѣлахъ губерніи, въ книги которой онъ желаетъ записаться. Подобный отказъ можетъ состояться при томъ лишь условіи, если въ собраніи присутствовали всѣ предводители губерніи или лица, заступающіе ихъ мѣсто, и самый отказъ постановленъ большинствомъ двухъ третей голосовъ. Наконецъ, евреи, пріобрѣвшіе права потомственнаго дворянства, въ губернскія родословныя книги вовсе не вносятся.

Легко видѣть, что всѣ эти постановленія, лишній разъ подчеркивая свойственное нашему времени стремленіе къ подъему сословнаго начала, вмѣстѣ съ тѣмъ едва-ли могутъ сыграть сколько-нибудь серьезную роль въ судьбахъ нашего дворянскаго сословія и связанныхъ съ нимъ общественныхъ элементовъ. Нѣкоторое исключеніе въ этомъ смыслѣ можетъ составить лишь та статья новаго закона, которая опредѣляетъ права, связанныя съ орденомъ Владиміра 4-й степени. Этотъ орденъ дается по преимуществу за выслугу лѣтъ, и, слѣдовательно, упомянутой статьей многочисленный разрядъ мелкихъ чиновниковъ лишается надежды на пріобрѣтеніе путемъ службы правъ потомственнаго дворянства. Дворянство, какъ сословіе, быть можетъ, не много потеряетъ отъ этого разобщенія его съ Владимірскими кавалерами, являющимися

въ большинствѣ случаевъ людьми, начавшими свою карьеру съ низшихъ ступеней служебной лѣстницы, но не много, вѣроятно, оно и выиграетъ отъ такого разобщенія. Уровень нашего дворянства, взятаго въ массѣ, едва-ли многимъ выше уровня мелкаго чиновничества. Съ другой стороны, прекращеніе Владимірскимъ кавалерамъ доступа въ ряды дворянства едва-ли сильно повліяетъ на сокращеніе численности нашего многолюднаго дворянскаго сословія, не говоря уже о томъ, что малочисленность сословія, еслибы она и была достигнута, еще не является сама по себѣ условіемъ его силы. Еще менѣе можетъ повліять въ этомъ отношеніи прекращеніе пожалованія потомственнаго дворянства за личныя права отца, дѣда и прадѣда, такъ какъ случаи такого пожалованія составляли въ сущности рѣдкое исключеніе. Равнымъ образомъ и постановленія второй группы рискуютъ найти себѣ на практикѣ не болѣе широкую область примѣненія. Безпомѣстные дворяне и ранѣе не могли участвовать въ дворянскихъ собраніяхъ; и запись въ родословныя книги по дѣйствующему порядку даетъ имъ лишь право присутствія, но не голоса въ этихъ собраніяхъ. Въ виду этого отказъ въ такой записи едва-ли составитъ для кого-либо серьезное лишеніе. Къ тому же законъ не указываетъ вида и размѣровъ недвижимой собственности, которою долженъ обладать дворянинъ для записи въ родословныя книги, и этимъ сильно облегчаетъ исполненіе своего требованія. Наконецъ, отрицаніе правъ евреевъ, пріобрѣвшихъ потомственное дворянство, на запись въ родословныя книги опять-таки имѣетъ главнымъ образомъ принципіальное значеніе и, по всей вѣроятности, мало отразится въ практической жизни, такъ какъ евреи лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ получали и получаютъ права потомственнаго дворянства.

Болѣе серьезныя перемѣны въ существующія отношенія обѣщаетъ внести другой упомянутый нами законъ, санкціонированный 21 февраля и измѣняющій редакцію устава дворянскаго банка. Измѣненія, вводимыя новой редакціей устава въ операціи банка, въ главныхъ чертахъ сводятся къ слѣдующему. Въ случаѣ смерти владѣльца заложеннаго имѣнія наслѣдникамъ его можетъ быть предоставлена совѣтомъ банка льгота по уплатѣ слѣдуемыхъ съ имѣнія срочныхъ платежей, въ видѣ разсрочки на 3 года двухъ полугодичныхъ взносовъ или отсрочки на годъ невнесеннаго въ свое время платежа. Такія же льготы могутъ предоставляться и вообще владѣльцамъ заложеннаго имѣнія въ случаѣ постигшихъ послѣднее чрезвычайныхъ бѣдствій, если только общая задолженность имѣнія банку составляетъ не болѣе 75% его оцѣночной стоимости. Впрочемъ, если ссуда была выдана въ размѣрѣ 75% оцѣнки или доведена до этого размѣра въ силу высочайшаго повелѣнія, то владѣлецъ имѣнія не лишается права на указанную льготу. Еще болѣе существенна другая льгота, даваемая заемщикамъ дворян-

скаго банка новою редакціею его устава. „Для облегченія заемщикамъ дворянскаго банка выполненія ихъ обязательствъ“ банку предоставляется пріобрѣтать за свой счетъ части заложенныхъ ему имѣній потомственныхъ дворянъ и продавать ихъ, руководясь въ этихъ операціяхъ особыми правилами. Тѣмъ кліентамъ банка, на имѣніяхъ которыхъ накопились долги и платежи ему въ суммѣ, превышающей 60% оцѣночной стоимости имѣнія, предоставлена теперь возможность продавать банку же часть своего имѣнія на томъ условіи, чтобы путемъ погашенія изъ покупной суммы долгъ, остающійся на сохраненной владѣльцемъ за собою части имѣнія, не превысилъ 60% ея оцѣнки или, по крайней мѣрѣ, понизился на 10% противъ первоначальной задолженности всего имѣнія. Наиболѣе отягощеннымъ долгами заемщикамъ банка дается, стало быть, возможность уменьшенія своей задолженности банку путемъ уступки ему части имѣнія. Подобная возможность сокращенія долга путемъ продажи части имѣнія въ частныя руки и раньше имѣлась, конечно, у землевладѣльцевъ. Въ условіяхъ той громадной задолженности, которую предполагаетъ законъ 21 февраля, подобное средство явилось бы, однако, своего рода medicamentum heroicum. Не трудно видѣть, что и путемъ продажъ банку, если бы при такихъ продажахъ сохранялась нормальная оцѣнка имѣнія, сдѣланная при его залогѣ и обыкновенно весьма близко стоящая къ дѣйствительной его стоимости, владѣльцы заложенныхъ имѣній могли бы достигнуть существеннаго пониженія своего долга, лишь разставшись съ большею частью своей земли. Законъ, повидимому, предусматриваетъ возможность этого и, чтобы избѣжать ея, устанавливаетъ для продаваемыхъ банку участковъ заложенныхъ имѣній особую оцѣнку по правиламъ, утверждаемымъ министромъ финансовъ. При этомъ имѣется въ виду, несомнѣнно, повышеніе нормальной оцѣнки, по какой имѣніе было заложено банку, какъ можно объ этомъ заключить и изъ другого пункта тѣхъ же правилъ, согласно которому продажа самимъ банкомъ купленнаго имъ въ указанномъ порядкѣ участка „можетъ состояться и за цѣну, не покрывающую числящагося на участкѣ долга банку, если совѣтъ банка признаетъ это выгоднымъ“. Понесенные вслѣдствіе подобной операціи убытки относятся на счетъ запаснаго капитала банка.

Въ теченіе двухлѣтняго срока со дня пріобрѣтенія подобнаго участка банкъ обязанъ принимать мѣры къ продажѣ его, въ полномъ составѣ или по частямъ, по вольной цѣнѣ или съ торговъ. Купленные банкомъ участки должны собственно продаваться потомственнымъ же дворянамъ, причемъ „на покупщика можетъ быть переведена часть числящагося на участкѣ долга банку, въ размѣрѣ не свыше 60% оцѣночной его стоимости“. Лишь въ крайнемъ случаѣ, когда окажется невозможнымъ продать участокъ потомственному дворянину, онъ можетъ быть проданъ кресть-

янамъ, но не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія министра финансовъ. Если же въ теченіе двухлѣтняго срока не найдется покупщика на участокъ, послѣдній передается крестьянскому банку для перепродажи крестьянамъ. При такой перепродажѣ крестьянскому банку предоставляется, въ видѣ исключенія изъ общаго правила его операцій, назначать покупающимъ подобные участки крестьянамъ „ссуды въ размѣрѣ 90% оцѣнки и даже полной оцѣночной стоимости участка". Если припомнить, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о повышенной противъ дѣйствительной стоимости земли оцѣнкѣ, то ясно станетъ, что земля недостаточно обезпечитъ возвратъ выданной крестьянамъ ссуды, и, благодаря этому, крестьянскій банкъ рискуетъ понести серьезный убытокъ на этихъ операціяхъ.

Покупщиковъ изъ дворянъ на такія земли, очевидно, отыскать будетъ не такъ легко. Они явятся въ большомъ количествѣ лишь въ томъ случаѣ, если операціи дворянскаго банка будутъ сопровождаться значительнымъ убыткомъ для него, что едва-ли допустимо, по крайней мѣрѣ, на слишкомъ продолжительное время. Иначе, вѣроятно, дѣло будетъ стоять съ крестьянами, которые, крайне нуждаясь въ землѣ, готовы платить за нее высокія цѣны и охотно будутъ пріобрѣтать предлагаемые участки, особенно подъ условіемъ ссуды въ размѣрѣ всей ихъ оцѣночной стоимости. Но весьма возможно, что, принявъ на себя непосильныя обязательства, крестьяне затѣмъ окажутся не въ состояніи выполнить ихъ, и если не дворянскому, то крестьянскому банку все же придется въ случаѣ недостаточно осторожныхъ дѣйствій администраціи банковъ считаться съ серьезнымъ убыткомъ. Остается еще вопросъ о степени выгодности изложенныхъ нововведеній для самихъ заемщиковъ дворянскаго банка. На первый взглядъ дарованная имъ льгота представляется весьма существенной. Но даже такой внимательный къ нуждамъ дворянъ-землевладѣльцевъ органъ, какъ „Новое Время", находитъ нужнымъ „замѣтить, что политика льготъ въ отношеніи заемщиковъ дворянскаго банка неминуемо ведетъ на первомъ мѣстѣ къ усиленію задолженности, а за симъ и къ ликвидаціи—частичной или общей. Этотъ результатъ, едва ли благопріятный дворянскому землевладѣнію, является, однако, логически необходимымъ послѣдствіемъ примѣненія въ вопросахъ кредита несоотвѣтствующихъ его природѣ руководящихъ началъ, ибо въ отношеніи кредита основное руководящее начало можетъ быть только одно—такъ точно и образно выраженное въ пословицѣ: „долгъ платежемъ красенъ" *). Кредитъ, оказываемый изъ средствъ запаснаго капитала дворянскаго банка, дѣйствительно, не можетъ быть безграничнымъ, тѣмъ болѣе, что этотъ капиталъ долженъ удовлетворять и другимъ потребностямъ заемщиковъ.

*) «Н. Вр.», 3 іюня 1890 г.

Какъ указываютъ „Новости“, „$3^1/_2$-процентные закладные листы котируются теперь на биржѣ около 90 р., а банкъ выдаетъ заемщикамъ нарицательную ихъ стоимость, такъ что убытокъ достигаетъ 10 р. на каждые 100 р. ссуды. При такихъ условіяхъ до 10% изъ выдаваемыхъ ссудъ являются по характеру своему воспособленіемъ, оказываемымъ заемщикамъ дворянскаго банка за счетъ спеціальныхъ источниковъ“ *). Впрочемъ, 7 іюля послѣдовалъ именной высочайшій указъ, измѣняющій этотъ порядокъ. Упомянутый указъ, въ виду наступившаго въ послѣднее время вздорожанія на міровомъ рынкѣ денежныхъ капиталовъ и возникшаго благодаря этому ухудшенія условій размѣщенія $3^1/_2$-процентныхъ закладныхъ листовъ дворянскаго банка, признаетъ „необходимымъ, сохраняя безъ измѣненія платежи нынѣшнихъ заемщиковъ дворянскаго банка, привести ,платежи новыхъ заемщиковъ въ надлежащее соотвѣтстіе съ обязательствами банка по выпускаемымъ имъ закладнымъ листамъ“. Согласно этому указу, по выдаваемымъ впредь дворянскимъ банкомъ ссудамъ на срокъ 66 лѣтъ 6 мѣсяцевъ платежи опредѣляются въ 5% годовыхъ.

III.

Въ „Финляндской Газетѣ“ обнародованы три именные высочайшіе указа, касающіеся Великаго Княжества Финляндскаго. Указъ 1 іюня создаетъ новыя временныя правила для публичныхъ собраній и митинговъ въ этомъ краѣ и гласитъ слѣдующее: „Мы признали за благо, въ видѣ временной мѣры, установить слѣдующія правила относительно публичныхъ собраній въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ. Публичныя собранія, устраиваемыя отдѣльными лицами или обществами съ цѣлью обсужденія общественныхъ, научныхъ, экономическихъ или иныхъ вопросовъ, а также для произнесенія рѣчей или прочтенія сообщеній, или же для чествованія лицъ или событій, за исключеніемъ указанныхъ въ §§ 15, 16 и 17 настоящаго постановленія случаевъ, могутъ происходить только съ разрѣшенія генералъ-губернатора края. Отъ генералъ-губернатора зависитъ предоставить разрѣшать публичныя собранія того или другаго рода мѣстнымъ губернаторамъ, полиціймейстерамъ, бургомистрамъ, орднингсманамъ, короннымъ фохтамъ и ленсманамъ. § 2. Устройство публичнаго собранія не должно быть разрѣшаемо, если цѣль собранія противорѣчитъ законамъ или добрымъ нравамъ, или если собраніе угрожаетъ общественному порядку или безопасности. § 3. Ходатайства о разрѣшеніи публичнаго собранія подаются въ городѣ полиціймейстеру, бургомистру или орднингсману, а

*) «Нов.», 4 іюня 1890 г.

въ уѣздѣ—коронному фохту или ленсману, за подписью устроителей, въ числѣ 3 лицъ изъ мѣстныхъ обывателей, пользующихся гражданскимъ довѣріемъ, не позже одной недѣли до дня, назначеннаго для собранія въ городѣ, и четырнадцати дней до дня, назначеннаго для собранія въ уѣздѣ. Если разрѣшеніе собранія зависитъ отъ генералъ-губернатора или губернатора, то ходатайство можетъ быть представлено просителемъ непосредственно губернатору. Въ ходатайствѣ должны быть указаны: мѣсто, день и часъ собранія; лица, имѣющія исполнять, съ ихъ на то согласія, обязанности распорядителей, а также предметъ или цѣль собранія, съ точнымъ обозначеніемъ вопросовъ, подлежащихъ его обсужденію. Ходатайства о разрѣшеніи собраній, устраиваемыхъ обществами, подаются лицами, являющимися законными представителями общества. § 4. Поступившія къ губернатору, полиціймейстеру, бургомистру, орднингсману, коронному фохту или ленсману ходатайства, если они не подлежатъ собственному ихъ разрѣшенію, немедленно представляются, съ ихъ заключеніемъ, по принадлежности, начальству, отъ котораго зависитъ разрѣшеніе собранія. О публичныхъ собраніяхъ, разрѣшаемыхъ властью губернаторовъ, полиціймейстеровъ, бургомистровъ, орднингсмановъ, коронныхъ фохтовъ, или ленсмановъ, сіи должностныя лица безотлагательно доносятъ генералъ-губернатору. О данномъ на устройство публичнаго собранія разрѣшеніи должностное лицо, давшее разрѣшеніе, а если собраніе разрѣшено генералъ-губернаторомъ, то губернаторъ, обязаны безотлагательно выдать свидѣтельство и препроводить его въ то мѣсто, гдѣ устраивается собраніе, для врученія, распоряженіемъ полиціи, устроителямъ собранія. § 5. Если публичное собраніе не будетъ открыто въ теченіе одного часа послѣ наступленія назначеннаго для сего времени, то данное на устройство онаго разрѣшеніе считается не дѣйствительнымъ. Сіе разрѣшеніе теряетъ силу и въ томъ случаѣ, если послѣдовалъ перерывъ собранія, продолжавшійся болѣе одного часа. § 6. Публичныя собранія не могутъ продолжаться позднѣе одиннадцати часовъ вечера, если болѣе поздній часъ не указанъ въ данномъ на устройство собранія разрѣшеніи. § 7. Присутствующимъ въ публичномъ собраніи лицамъ запрещается имѣть при себѣ угрожающія опасностью для жизни орудія или-же оружіе, если послѣднее не присвоено имъ по должности. § 8. При устройствѣ публичныхъ собраній подъ открытымъ небомъ мѣстными полицейскими властями принимаются мѣры къ тому, чтобы отъ сего не могло произойти стѣсненія въ движеніи по дорогамъ, улицамъ и площадямъ, или иного нарушенія порядка. § 9. Въ собраніи, въ которомъ должны происходить пренія, до избранія предсѣдательствующаго не должны быть обсуждаемы никакія дѣла. Предсѣдательствующій обязанъ поддерживать порядокъ въ собраніи, распоряжаться объ удаленіи лицъ, не повинующихся приказанію его удалиться изъ собранія, а также

запрещать произнесеніе рѣчей и постановленіе рѣшеній, противорѣчащихъ законамъ или возбуждающихъ къ противозаконнымъ дѣйствіямъ. Въ случаѣ неисполненія распоряженій предсѣдательствующаго по указаннымъ выше предметамъ, а также въ случаѣ нарушенія порядка вообще, предсѣдательствующій обязанъ, если не въ состояніи возстановить порядокъ, закрыть собраніе. До избранія предсѣдательствующаго вышеозначенныя обязанности должны исполняться указанными въ ходатайствѣ о разрѣшеніи собранія распорядителями онаго. Тѣ же обязанности лежатъ на распорядителяхъ собраній, въ которыхъ не требуется избранія предсѣдательствующаго. *Примѣчаніе:* Несовершеннолѣтніе могутъ быть допущены предсѣдательствующимъ или распорядителемъ только въ тѣ публичныя собранія, которыя устраиваются съ ученою или учебною цѣлью. § 10. Для присутствованія въ публичномъ собраніи лицо, давшее разрѣшеніе на устройство собранія, командируетъ одного или нѣсколькихъ подвѣдомственныхъ ему полицейскихъ чиновъ. По распоряженію генералъ-губернатора въ собранія могутъ быть командируемы и другія должностныя лица. § 11. Командированнымъ въ публичное собраніе должностнымъ лицамъ должны быть отведены распорядителями удобныя мѣста. Вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдательствующіе въ публичныхъ собраніяхъ и распорядители оныхъ обязаны, по требованію вышеуказанныхъ должностныхъ лицъ, сообщать имъ имена лицъ, произносящихъ рѣчи, дѣлающихъ сообщенія или участвующихъ въ преніяхъ. § 12. Независимо отъ случаевъ, указанныхъ въ § 9 главы 16 уголовнаго уложенія, упомянутымъ въ этомъ § уложенія, а также въ § 10 настоящаго постановленія должностнымъ лицамъ предоставляется закрыть собраніе: 1) если, по ихъ требованію, не будетъ предъявлено свидѣтельство о надлежащемъ разрѣшеніи на устройство собранія; 2) если собраніе будетъ открыто по истеченіи одного часа послѣ назначеннаго для открытія времени, или если оно будетъ возобновлено послѣ перерыва, продолжавшагося болѣе часа, а также если оно устроено не въ указанномъ мѣстѣ; 3) если собраніе, въ которомъ должны происходить пренія, приступило къ обсужденію дѣла до избранія предсѣдательствующаго; 4) если предсѣдательствующій или распорядители, вопреки § 9, допустятъ нарушеніе порядка, или не запретятъ произнесеніе рѣчи или постановленіе рѣшенія, или-же не закроютъ собранія. § 13. По объявленіи публичнаго собранія закрытымъ, присутствующіе обязаны немедленно разойтись. Въ случаѣ неисполненія ими сего, лицо, закрывшее собраніе, принимаетъ мѣры къ принудительному удаленію присутствующихъ. § 14. Правила сего закона примѣняются также, за упомянутыми ниже исключеніями, къ публичнымъ процессіямъ и шествіямъ, устраиваемымъ частными лицами или обществами. § 15. Изъ дѣйствія правилъ сего закона исключаются: 1) собранія, установленныя или разрѣ-

шенныя закономъ или надлежаще утвержденными уставами; 2) собранія, устраиваемыя для ученыхъ или учебныхъ цѣлей въ зданіяхъ университета или въ помѣщеніяхъ казенныхъ учебныхъ заведеній или ученыхъ обществъ съ разрѣшенія ректора университета, начальства учебнаго заведенія или предсѣдателя общества; 3) молитвенныя собранія, устраиваемыя лицами, принадлежащими къ существующимъ въ краѣ церковнымъ обществамъ и 4) свадебныя шествія и похоронныя процессіи. *Примѣчаніе.* Собранія, устраиваемыя въ указанныхъ въ п. 2 зданіяхъ и помѣщеніяхъ не для ученыхъ или учебныхъ цѣлей, допущеніемъ постороннихъ лицъ за плату или безплатно, подчиняются дѣйствію общихъ правилъ настоящаго постановленія о публичныхъ собраніяхъ. § 16. Правила сего закона о разрѣшеніи публичныхъ собраній также не распространяются на собранія избирателей, устраиваемыя съ цѣлью обсужденія вопросовъ о выборахъ сеймовыхъ депутатовъ и другихъ общественныхъ выборахъ, а также на собранія, устраиваемыя избранными на такихъ выборахъ лицами, если собранія оффиціально объявлены и не устраиваются подъ открытымъ небомъ. § 17. Относительно публичныхъ увеселеній служатъ къ руководству дѣйствующія по сему предмету постановленія. § 18. Если публичное собраніе, на устройство котораго требуется разрѣшеніе подлежащей власти, состоялось безъ такого разрѣшенія, то устроители, распорядители, предсѣдательствующій и лицо, давшее помѣщеніе подъ собраніе, а также отвѣтственный редакторъ газеты, помѣстившей объявленіе съ приглашеніемъ участвовать въ такомъ собраніи, подвергаются денежному взысканію каждый отъ двухсотъ до пятисотъ марокъ. § 19. Въ случаѣ продолженія собранія, устроеннаго съ надлежащаго разрѣшенія, позднѣе указаннаго въ § 6 времени, предсѣдательствующій, а если таковой не былъ избранъ, распорядители собранія, равно какъ лицо, давшее помѣщеніе подъ собраніе, подвергаются денежному взысканію каждый отъ ста до трехъ сотъ марокъ. § 20. Кто, вопреки § 7, явится въ публичное собраніе вооруженный или имѣя при себѣ угрожающее опасностью для жизни орудіе, тотъ подвергается денежному взысканію отъ 200 до 400 марокъ. § 21. За неотведеніе упомянутымъ въ § 10 должностнымъ лицамъ удобнаго мѣста въ публичномъ собраніи предсѣдательствующій или распорядители собранія подвергаются денежному взысканію каждый отъ 100 до 300 марокъ. Такому же взысканію подлежитъ предсѣдательствующій или распорядитель собранія, если они откажутся сообщить означеннымъ лицамъ имена лицъ, участвующихъ въ преніяхъ, произносящихъ рѣчи или дѣлающихъ сообщенія, или же, если они умышленно сообщатъ невѣрныя о нихъ свѣдѣнія. § 22. За неисполненіе обязанностей, указанныхъ въ § 9, предсѣдательствующій, а гдѣ таковой не избранъ, распорядитель публичнаго собранія подвергается денежному взысканію отъ 100 до 300 марокъ".

Одновременно съ только что приведеннымъ Высочайшимъ указомъ былъ обнародованъ и другой, вводящій временныя правила, согласно которымъ русскіе крестьяне, имѣющіе по предмету занятій промыслами въ Финляндіи установленныя надписи подлежащихъ губернскихъ властей на выдаваемыхъ имъ видахъ на жительство, получаютъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ финляндскіе граждане, право торговли въ разносъ товарами и право заниматься промыслами: извозчичьимъ, наемныхъ гребцовъ, упаковщиковъ, точильщиковъ и другими подобными. Вопросъ объ уравненіи русскихъ уроженцевъ съ финляндскими гражданами въ правѣ на разносную торговлю въ Финлядіи поднимался уже неоднократно, но серьезное препятствіе къ его разрѣшенію заключалось въ томъ обстоятельствѣ, что въ Финляндіи торговля въ разносъ дозволяется лишь мѣстными произведеніями, причемъ торговецъ облагается повинностью со стороны той общины, къ которой онъ приписанъ; послѣднее условіе, очевидно, теряло весь свой смыслъ въ примѣненіи къ русскимъ уроженцамъ. Оба эти вопроса получили свое разрѣшеніе въ непосредственно изданныхъ высочайшихъ постановленіяхъ. Въ обоихъ случаяхъ установленныя послѣдними правила имѣютъ временный характеръ.

Иной, уже не временный характеръ присвоенъ законодателемъ порядку, вводимому именнымъ высочайшимъ указомъ отъ 7 іюня. „Вслѣдъ за включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго въ составъ Россійской имперіи,—говорится въ этомъ указѣ,—по волѣ блаженныя памяти императора Александра I было положено постепенно ввести въ дѣлопроизводство по управленію краемъ русскій языкъ, въ качествѣ главнаго. Монаршее предначертаніе это, заботою объ укрѣпленіи государственнаго единства внушенное, не было приведено доселѣ въ исполненіе вслѣдствіе недостаточной распространенности въ Финляндіи русскаго языка. Для устраненія сего затрудненія были принимаемы разнообразныя мѣры, и еще въ послѣднее время знаніе государственнаго языка объявленно обязательнымъ для занятія высшихъ должностей въ краѣ. Нынѣ, признавъ своевременнымъ присвоить русскому языку приличествующее ему значеніе въ оффиціальныхъ сношеніяхъ и въ дѣлопроизводствѣ присутственныхъ мѣстъ Великаго Княжества, Мы поручили обсудить сей предметъ Особому Совѣщанію, для сего Нами учрежденному. Представленныя Совѣщаніемъ заключенія, Нашимъ намѣреніямъ соотвѣтствующія, опредѣляютъ ихъ осуществленіе съ постепенностью, свойству дѣла сообразною. Вмѣстѣ съ тѣмъ приняты во вниманіе потребности частныхъ лицъ, коимъ и впредь обезпечена возможность обращаться въ правительственныя установленія на родномъ языкѣ такъ же свободно, какъ они имъ пользуются въ общественной жизни и частномъ быту. Утвердивъ вслѣдствіе сего заключенія Особаго Совѣщанія, Мы повелѣваемъ:

I. Статсъ-Секретаріату Великаго Княжества Финляндскаго, Канцеляріи Финлядскаго Генералъ-Губернатора и финляндской паспортной экспедиціи съ 18-го сентября (1-го октября) 1900 года, производить дѣла и вести переписку исключительно на русскомъ языкѣ.

II. Императорскому Финляндскому Сенату (по хозяйственному департаменту), съ 18-го сентября (1-го октября) 1900 г., подлинныя всеподданнѣйшія представленія, равно какъ подлинные отзывы и исходящія бумаги при сношеніяхъ съ генералъ-губернаторомъ, излагать на русскомъ языкѣ. Въ потребныхъ случаяхъ къ подлиннымъ производствамъ означеннаго департамента Сената прилагать переводы упомянутыхъ представленій, отзывовъ и бумагъ на мѣстный языкъ; съ 18-го сентября (1-го октября) 1903-го года производство дѣлъ въ Сенатѣ и его экспедиціяхъ (кромѣ судебнаго департамента), какъ письменное, такъ и устное совершать на русскомъ языкѣ, съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: а) относящіеся къ дѣламъ подлинные документы могутъ быть читаны на томъ языкѣ, на какомъ они составлены; б) при выдачѣ копіи съ сенатскихъ опредѣленій могутъ быть прилагаемы, по ходатайству просителей, шведскіе или финскіе переводы сихъ опредѣленій, и в) предсѣдательствующимъ въ засѣданіяхъ Сената, въ теченіе пяти лѣтъ съ указаннаго выше срока, разрѣшается дозволять членамъ Сената представлять словесныя объясненія на шведскомъ или финскомъ языкахъ.

III. Главнымъ управленіямъ, подвѣдомственнымъ Императорскому Финляндскому Сенату, а также губернаторамъ, равно какъ заступающимъ ихъ мѣсто должностнымъ лицамъ и губернскимъ правленіямъ, съ 18-го сентября (1-го октября) 1905 года сноситься съ установленіями, надъ ними стоящими, какъ-то: съ генералъ-губернаторомъ, сенатомъ и другими, — исключительно на русскомъ языкѣ.

IV. Правительственнымъ установленіямъ Великаго Княжества Финляндскаго, въ дѣлопроизводство коихъ вводится русскій языкъ, принимать и давать установленный ходъ прошеніямъ частныхъ лицъ, писаннымъ на одномъ изъ мѣстныхъ языковъ.

V. Прошенія и бумаги на русскомъ языкѣ принимать во всѣхъ правительственныхъ установленіяхъ Великаго Княжества Финляндскаго (Высоч. пост. 3-го дек. 1866 г. и 4-го апр. 1887 г.).

Прошенія и бумаги сіи, въ потребныхъ случаяхъ, переводить на мѣстный языкъ порядкомъ, установленнымъ Высочайшимъ постановленіемъ 3-го декабря 1866 года.

VI. Подлежащимъ властямъ, подъ руководствомъ и надзоромъ Финляндскаго генералъ-губернатора, благовременно принять, въ установленномъ порядкѣ, мѣры къ приведенію къ вышеуказаннымъ срокамъ личнаго состава подвѣдомственныхъ имъ установленій въ такія условія, какія необходимы для успѣшнаго введенія русскаго языка въ дѣлопроизводство и переписку сихъ установленій".

IV.

Наши реакціонныя газеты все еще недовольны размѣромъ воспособленій, оказываемыхъ дворянскому сословію. И, нужно прибавить, ихъ недовольство имѣетъ тѣмъ болѣе серьезныя основанія, что имъ удалось разыскать еще одного, до сихъ поръ остававшагося внѣ подозрѣній, врага русскаго дворянства и виновника распространенія либеральныхъ идей по лицу русскаго государства. Публицисты „Московскихъ Вѣдомостей", окинувъ прозорливымъ окомъ прошлое и настоящее Россіи, нашли, что истиннымъ виновникомъ уменьшенія земельнаго фонда дворянства и перехода его земель въ руки другихъ сословій является никто иной, какъ Правительствующій Сенатъ. Дѣло въ томъ, что въ эпоху существованія крѣпостного права право пріобрѣтать населенныя имѣнія было признано только за потомственными дворянами, которые одни могли владѣть крѣпостными. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права сенату, естественно, пришлось признать бывшія населенныя имѣнія не населенными и распространить на нихъ дѣйствіе общихъ законовъ. Московская газета видитъ именно въ этихъ резолюціяхъ сената всю причину раззоренія дворянства и, соотвѣтственно этому, говоритъ объ нихъ въ крайне патетическомъ тонѣ. „Безъ всякаго томительнаго и хлопотливаго законодательнаго разсмотрѣнія, путемъ простыхъ разъясненій Правительствующаго Сената, постановленныхъ тремя сенаторами, фактически было отмѣнено значеніе важнѣйшихъ законовъ, охранявшихъ дворянское землевладѣніе и обезпечивавшихъ самое существованіе дворянскаго сословія въ будущемъ... Отнеся тѣ помѣстья, въ которыхъ прекратились обязательныя отношенія крестьянъ, къ числу земель не-населенныхъ, однимъ этимъ разъясненіемъ Сенатъ выбросилъ на рынокъ всѣ дворянскія земли и открылъ путь къ обезземеленію дворянства" *). Въ интересахъ же дворянскаго сословія сенатъ обязанъ былъ признавать не-населенныя имѣнія населенными и отмѣненное крѣпостное право существующимъ, если не въ жизни, то по закону.

Итакъ, по изслѣдованію „Моск. Вѣдомостей", сенатъ провинился въ нарушеніи закона, точнѣе говоря, въ самовольной его отмѣнѣ. По мнѣнію „Гражданина", сенатъ, напротивъ, виноватъ въ слишкомъ строгомъ соблюденіи закона, поощряющемъ либерализмъ и угрожающемъ благу русской деревни. Не такъ давно послѣдовалъ сенатскій указъ по представленію нижегородскаго присутствія объ отмѣнѣ постановленій лукояновскаго уѣзднаго съѣзда, признавшаго недѣйствительными приговоры азрапинскаго сельскаго общества объ избраніи двухъ крестьянъ (Балаева и Бѣ-

*) М. Вѣд.", 29 апрѣля 1900 г.

лоусова) на разныя должности. Съѣздъ мотивировалъ свои постановленія (по представленію земскаго начальника) тѣмъ, что указанные крестьяне не соотвѣтствуютъ возлагаемымъ на нихъ обязанностямъ. „Сенатъ нашелъ,—какъ было сообщено въ газетахъ,—что положеніе 12 іюля 1889 г. вовсе не имѣло въ виду измѣнять основы крестьянскаго общественнаго управленія и лишать крестьянскія общества тѣхъ правъ, которыя предоставлены имъ въ отношеніи избранія по своему усмотрѣнію членовъ общества на тѣ или другія должности. Законъ признаетъ, что сельское общество является лучшимъ судьей при опредѣленіи пригодности избираемаго лица. Коль скоро выборъ общества палъ на лицо, удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ закона, то органы, надзирающіе за дѣятельностью крестьянскаго управленія, за исключеніемъ точно указанныхъ въ законѣ случаевъ, не могутъ входить въ оцѣнку благонадежности избраннаго и отмѣнять выборы на томъ лишь основаніи, что избранное лицо можетъ причинить своею дѣятельностью ущербъ избравшему его обществу. Признаніе подобнаго права за земскимъ начальникомъ и уѣзднымъ съѣздомъ было бы равносильно полному упраздненію выборнаго начала въ крестьянскомъ управленіи. Еслибы отъ усмотрѣнія земскаго начальника и съѣзда зависѣла всецѣло отмѣна приговоровъ схода объ избраніи уполномоченныхъ для учета, то это привело бы лишь къ тому, что въ явное нарушеніе закона повѣрка общественныхъ суммъ производилась бы лицами, не внушающими къ себѣ довѣрія въ средѣ общества, но признаваемыми благонадежными со стороны органовъ, надзирающихъ за крестьянскимъ управленіемъ. Въ виду изложеннаго правительствующій сенатъ нашелъ, что означенныя выше постановленія съѣзда отъ 7 мая 1898 года постановлены съ превышеніемъ власти и явнымъ нарушеніемъ закона, опредѣляющаго права сельскихъ обществъ на избраніе сельскихъ лицъ и уполномоченныхъ по общественнымъ дѣламъ. Равнымъ образомъ сенатъ призналъ неправильнымъ постановленіе съѣзда объ отмѣнѣ приговора о назначеніи Балаеву и Бѣлоусову вознагражденія, такъ какъ по смыслу п. 12 ст. 51 и ст. 123 общ. пол., назначеніе вознагражденія лицамъ за исполненіе возложенныхъ на нихъ обществомъ обязанностей зависитъ всецѣло отъ воли общества, стѣснять которую въ этомъ отношеніи крестьянскія учрежденія не въ правѣ“.

Это сенатское разъясненіе, носящее, по мнѣнію издателя „Гражданина“, „политическій характеръ“, „смутило“ его „вопросомъ: не слишкомъ-ли либерально толкуетъ Сенатъ право выбора сельскихъ обществъ и его неприкосновенность по отношенію къ земскимъ начальникамъ?“ „Такое категорическое признаніе принципа неотмѣнимости выборовъ сельскихъ обществъ, съ точки зрѣнія буквы закона, не мирится, съ одной стороны, съ практикою сельскихъ общественныхъ выборовъ, которые требуютъ со стороны надзи-

рающей за крестьянскими учрежденія власти не только критическаго, но и опекунскаго къ нимъ подчасъ отношенія, а съ другой стороны—съ духомъ учрежденія земскаго начальника, который на него, кромѣ обязанности на (по?) буквѣ закона, налагаетъ извѣстныя нравственныя обязанности". Напрасно было-бы, конечно, убѣждать кн. Мещерскаго въ томъ, что Сенатъ вовсе не устанавливаетъ „принципа неотмѣнимости выборовъ сельскихъ обществъ", а лишь разъясняетъ смыслъ закона, по которому они могутъ быть отмѣнены только въ случаяхъ, точно указанныхъ въ самомъ законѣ. Онъ и самъ хорошо это знаетъ, но ему „кажется, что кромѣ блюденія буквы закона на Сенатѣ лежитъ святая миссія толкованіемъ закона облегчать во всѣ области людской жизни доступъ блага и затруднять доступъ зла" *). А понятія издателя „Гражданина" о злѣ и благѣ къ тому же довольно своеобразны.

Еще недавно „Гражданинъ" откровенно повѣдалъ міру, что всѣ его симпатіи, не только политическія, но и аллегорическія, на сторонѣ „Большого кулака". „Эти два слова: „Большой кулакъ",— не совсѣмъ грамотно, но весьма рѣшительно писалъ одинъ изъ сотрудниковъ газеты,—не только не наводятъ на меня ужасъ, но, наоборотъ, производятъ на меня какое-то симпатичное впечатлѣніе, какъ нѣчто такое, что хотѣлось бы имѣть, но чего лишенъ: впечатлѣніе, какое, напримѣръ, производитъ слово ледъ на того, кто задыхается въ жарѣ, или слово вода на томимаго жаждою... Это, очевидно, аллегорическое отношеніе къ вопросу. Мнѣ милы стали эти два слова „Большой кулакъ", родившіяся въ Китаѣ и получившія тамъ ужасный политическій смыслъ, потому, что здѣсь, на мирной моей родинѣ, именно они выражаютъ собою то, отсутствіе чего томитъ нашу жизнь. Сорокъ лѣтъ назадъ кулакъ, разогнувшійся въ открытую руку, любезнымъ жестомъ говорившую: avancez, была (?) мнѣ мила какъ образъ свободы для всякой воли и для всякой мечты. Теперь сорокъ лѣтъ спустя мнѣ милъ образъ руки согнутой, не то что въ большой, но даже просто въ кулакъ, какъ эмблема того, что для жизни самое нужное и чего судьба намъ не даетъ... И еслибы меня спросили: что нужнѣе теперь для блага Россіи: чтобы департаментъ торговли сталъ главнымъ управленіемъ, а директоръ его, г. Ковалевскій, товарищемъ министра, или чтобы земству окончательно предоставили съ живаго и мертваго драть поборы до послѣдней шкуры?—я бы сказалъ: ни то, ни другое, а „кулакъ" и даже *„Большой кулакъ"!* Кулакъ вездѣ, кулакъ во всемъ!" **).

„Кулакъ вездѣ, кулакъ во всемъ". Это, конечно, очень сильно и, главное, совершенно опредѣленно. Но тотъ же самый органъ, который выставляетъ такую, не допускающую сомнѣній, программу, можетъ по временамъ говорить совсѣмъ другимъ языкомъ и какъ

*) «Гражданинъ», № 42. 8 іюня 1900 г.
**) «Гражданинъ», № 40, 1 іюня 1900 г.

будто даже высказывать совершенно иныя мысли. „Жалуются-пишетъ другой сотрудникъ „Гражданина“—на скудость нашей умственной жизни и на скуку, пустословіе и пустомысліе общества, преданнаго пустымъ забавамъ. Дѣйствительно, мы возвращаемся къ коротенькимъ мыслямъ, къ коротенькимъ статейкамъ, къ коротенькимъ разговорамъ двадцатыхъ годовъ... Критика наша, дѣйствительно, вырождается въ библіографію, какъ наука давно выродилась въ литографированныя лекціи. Да гдѣ же корень этого?—Отсутствіе серьезной умственной борьбы! Только борьба возбуждаетъ усилія и, когда борьба страстна, возбуждаемыя ею усилія могутъ быть громадны и иногда они могутъ стать прекрасны. Могутъ явиться зрѣлыя и достойныя запоминанія произведенія пера. Наша не столько „литература“, какъ „печать“, напоминаетъ карася на сковородкѣ, который, подскакивая на огнѣ, долженъ еще оправдываться, почему онъ некрасивъ и „не ласкаетъ взора“... Обвинители печати, которыхъ, можетъ быть, достойнѣе было бы назвать инсинуаторами ея, говорятъ: „нѣтъ писателей, нѣтъ литературы“. Да вы и не видѣли писателей, которые есть, во весь ростъ: одни редакторы знаютъ количество „бумаги“, поступающей „въ соръ“ вовсе не по тому одному, что она безталанна или несвоевременна. Какъ что-нибудь поострѣе—„въ соръ“; какъ тема поважнѣе—въ соръ“...*). Жалобы на количество бумаги, поступающей въ соръ, какъ-то плохо вяжутся съ страстными призывами къ „Большому кулаку“, хотя тѣ и другіе помѣщаются за общей подписью одного и того же редактора.

Не такъ ведутъ себя „Моск. Вѣдомости“. Онѣ прямолинейнѣе и не допускаютъ столь крупныхъ отклоненій въ сторону отъ своей дороги. Когда ихъ сотрудники заговариваютъ о печати, ихъ немедленно обуреваетъ духъ мрачнаго прожектерства, невольно приводящій на память одну изъ эпитафій, написанныхъ покойнымъ Некрасовымъ („Газетная“). Едва-ли не послѣднимъ по времени плодомъ такого прожектерства газеты является достойное вниманія измышленіе одного изъ ея сотрудниковъ, кн. Цертелева. По словамъ этого писателя, „и теперь большинство издателей разоряются“, но, „чтобы заставить печать служить не только источникомъ обогащенія людей ловкихъ, предпріимчивыхъ и неразборчивыхъ на средства, необходимо радикально измѣнить ея характеръ, сдѣлавъ этотъ способъ обогащенія еще менѣе вѣроятнымъ, чѣмъ теперь“ **). Можно, конечно, пойти по пути проектовъ еще немного дальше и предложить, напримѣръ, устроить дѣла печати такимъ образомъ, чтобы всѣ издатели непремѣнно разорялись, а г. Грингмуту, не въ примѣръ прочимъ, было предоставлено исключительное право продавать всѣ газеты и всѣ книги

*) «Гражданинъ» № 42, 8 іюля 1900 г.
**) «Моск. Вѣд.», 21 апрѣля 1900 г.

на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ, но только... кому же отъ этого будетъ выгода, кромѣ г. Грингмута? Правда, и скорбь „Гражданина“ о печати не мѣшаетъ кн. Мещерскому выразительно подмигивать порою въ сторону кн. Барятинскаго, защищающаго „хамовъ“ и устраивающаго „загадочный“ литературный вечеръ якобы не извѣстно въ чью пользу, а въ дѣйствительности въ пользу голодающихъ крестьянъ, равно какъ это поведеніе издателя „Гражданина“ не препятствуетъ его сотрудникамъ выдавать ему аттестатъ въ томъ, что „онъ всегда уважаетъ въ спорѣ личность того, съ кѣмъ онъ споритъ“ и не можетъ „въ видѣ аргумента взывать къ жандарму“ *). Тѣмъ не менѣе постоянное сосѣдство „Моск. Вѣдомостей“ съ ихъ однообразными унылыми причитаніями, напоминающими неистощимыя жалобы какой-нибудь слезливой вдовой попадьи, раздражаетъ экспансивнаго „Гражданина“ и временами онъ обрушивается на своего союзника съ неожиданно страстною отповѣдью. Такую отповѣдь вызвала, между прочимъ, съ его стороны статья „М. Вѣдомостей“ „Цѣлостное міровоззрѣніе, какъ условіе государственнаго строительства“, въ которой эта газета, по изложенію „Н. Времени“, предлагаетъ „вымести изъ отечества всѣхъ, не единомысленно исповѣдующихъ начала русскаго національизма—православіе, самодержавіе и народность“. Гдѣ, спрашивалъ тогда „Гражданинъ“, изложеніе отвѣта на эти три слова? И кто компетентенъ провѣрять этотъ отвѣтъ? И не ведетъ ли это ко временамъ Лойолы и Торквемады, когда „казнили не преступниковъ, не злодѣевъ, не подлецовъ, а только тѣхъ, которые не по буквѣ P и V существующаго катехизиса исповѣдывали вѣру?“ **). Въ другой разъ, тоже не такъ давно, «Гражданинъ“ съ негодованіемъ, весьма бурно выраженнымъ и, надо думать, искреннимъ, говорилъ о газетахъ, „проповѣдующихъ, съ полнымъ непониманіемъ православія и патріотизма, что быть православнымъ, значитъ—ненавидѣть всѣ остальныя вѣроисповѣданія; быть русскимъ, значитъ—презирать всѣ другія національности, входящія въ составъ русской имперіи; исповѣдывать самодержавіе, значитъ—называть измѣнникомъ всякаго, кто думаетъ не по моему шаблону“... ***).

Самъ „Гражданинъ“ и старается не прибѣгать къ обвиненію людей, несогласно съ нимъ мыслящихъ, въ „измѣнѣ“. Въ его распоряженіи—полемическіе пріемы иного рода. „Земскіе дѣятели—пишетъ онъ, напримѣръ, по поводу земскихъ школъ—обижаютъ народъ непосильными и, что обиднѣе всего, непроизводительными поборами, развиваютъ его юношество во вредномъ направленіи, а серьезнаго, основательнаго противодѣйствія такой дѣятельности—не видно. Это можно объяснить только тѣмъ, что

*) «Гражданинъ». № 29.
**) «Цитируемъ по «Н. Времени», 22 апр. 1900 г.
***) «Цитируемъ по «Смол. Вѣстнику», 26 апр.1900.

нѣтъ у насъ твердаго и яснаго сознанія, съ *кѣмъ* *) мы въ сущности имѣемъ дѣло въ лицѣ „либеральныхъ“ дѣятелей и изъ какого источника происходитъ такъ называемый либеральный духъ“. Между тѣмъ „тексты св. Писанія не оставляютъ сомнѣнія: въ лицѣ либеральнаго дѣятеля мы несомнѣнно соприкасаемся съ разрушителемъ Христова дѣла на землѣ! Либеральный духъ и есть духъ антихриста... Пора снять маску съ соблазнителя и назвать его настоящимъ именемъ! О, если бы твердымъ и искреннимъ людямъ хватило духа—не избѣгать этого настоящаго имени для современныхъ либеральныхъ дѣятелей. Побѣда была бы наша“ **). Еще бы побѣда не была ихъ. Жаль только правительственныхъ инспекторовъ земскихъ школъ и земскихъ учителей: они, несчастные, по своей наивности, и не подозрѣваютъ, что они уже записаны въ число служителей антихриста.

Недавно на страницахъ „Н. Времени“ появилась статья г. Розанова, полная скорби по поводу равнодушія нашего общества къ консервативнымъ изданіямъ. Въ примѣръ этого равнодушія приводилась продажа съ аукціона двухъ консервативныхъ журналовъ, одного, помнится, что-то за семь рублей. Черезъ туманъ, неизбѣжно покрывающій всѣ писанія Розанова, въ этой статьѣ, однако, какъ будто сквозило сознаніе неизбѣжности и законности такого равнодушія. Ему и въ самомъ дѣлѣ едва-ли приходится удивляться, имѣя въ виду содержаніе тѣхъ изданій, о которыхъ идетъ рѣчь. Уныло-однообразная пѣсня „М. Вѣдомостей“, навсегда застывшая на одной нотѣ скорби по крѣпостному праву и мольбы о новыхъ подачкахъ, или безконечныя перемѣны цвѣтовъ игривыхъ хамелеоновъ „Гражданина“ едва-ли могутъ надолго привлечь чью-либо вдумчивую мысль, покорить чье-либо искреннее чувство. Не намъ, конечно, жалѣть объ этомъ. Но нельзя не сказать, что и для людей, не питающихъ никакого сочувствія къ консерватизму, не представляютъ собою ничего отраднаго убожество и безпринципность „консервативныхъ рѣчей“, раздающихся въ нашей литературѣ.

V.

„Не судите, да не судимы будете“. Когда-нибудь, въ далекомъ будущемъ, этотъ завѣтъ, вѣроятно, исполнится. Но пока мы еще судимъ, судимъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. И не только судимъ, но вдобавокъ часто съ большимъ любопытствомъ слѣдимъ за судьбою и такихъ судебныхъ процессовъ, къ которымъ сами не имѣемъ никакого непосредственнаго отношенія. Подобное любопытство, однако, вполнѣ понятно и законно. Въ условіяхъ существующаго общественнаго строя зала судебнаго

*) Курсивъ принадлежитъ газетѣ.
**) «Гражданинъ», 1900 г., № 29.

засѣданія представляетъ глубокій интересъ, далеко не исчерпывающійся драматическими эффектами личной жизни подсудимаго и связанныхъ съ нимъ людей. Въ мелкихъ и крупныхъ дѣлахъ, разбираемыхъ въ этой залѣ, гдѣ на вѣсахъ человѣческаго правосудія болѣе или менѣе тщательно взвѣшиваются и оцѣниваются поступки людей, передъ глазами вдумчиваго зрителя проходитъ рядъ указаній на свѣтлыя и тѣневыя стороны современнаго общества и его урчежденій, рядъ яркихъ иллюстрацій къ сложнымъ процессамъ общественной жизни. Въ смыслѣ количества такихъ иллюстрацій и возбужденнаго ими вниманія текущему году, пожалуй, особенно посчастливилось. Черезъ весь этотъ годъ тянулся рядъ громкихъ судебныхъ дѣлъ, освѣтившихъ многіе темные углы, многія забытыя стороны нашей жизни. Въ этихъ дѣлахъ поочередно выступали, завладѣвая общественнымъ вниманіемъ, то картины заводскаго хозяйства и положенія заводскихъ рабочихъ, данныя процессами Екатеринославскаго и Брянскаго заводовъ, то порядки расхищенія казенныхъ денегъ флотскими подрядчиками и сухопутными инженерами, засвидѣтельствованные севастопольскимъ и московскимъ дѣлами, то способъ отбыванія полицейской службы въ нѣкоторыхъ глухихъ провинціальныхъ углахъ, наглядно обрисованный дѣломъ объ убійствѣ доктора Жирнова, то нехитрые пріемы нашего предварительнаго слѣдствія, такъ ярко выступившіе въ процессѣ братьевъ Скитскихъ. Не послѣднее мѣсто въ ряду сенсаціонныхъ процессовъ этого года должно занять и закончившееся недавно въ Москвѣ дѣло Мамонтова. Не въ примѣръ другимъ, только что упомянутымъ недавнимъ процессамъ, оно не только не изобилуетъ какими-либо внѣшними эффектами, но даже отличается полнымъ ихъ отсутствіемъ. Но взамѣнъ того оно представило такую любопытную иллюстрацію порядковъ, царящихъ въ нашей промышленности, и вскрыло такую знаменательную струю въ общественномъ настроеніи, что мимо него трудно пройти безъ вниманія.

Прежде всего, кто такой С. И. Мамонтовъ? Если вѣрить одному изъ свидѣтелей, выступившихъ на судѣ, г. Мамонтовъ—нашъ старый знакомый, о которомъ мы впервые узнали еще отъ старика Гете. Свидѣтель, Н. Г. Михайловскій-Гаринъ, показывалъ на судѣ слѣдующее: Мамонтовъ—„это человѣкъ высоко даровитый, очень талантливый, съ большой иниціативой и энергіей. Онъ напоминаетъ мнѣ Фауста изъ второй части, задающагося цѣлью создать громадную жизнь на необитаемомъ островѣ“ *). Не менѣе красиво опредѣлялъ Мамонтова и его защитникъ на судѣ, г. Плевако. Дѣло Мамонтова, по его словамъ, „проигранное сраженіе, начатое полководцемъ, убѣжденнымъ, что онъ принялъ бой въ интересахъ отечества“ **). Итакъ, на скамьѣ подсудимыхъ въ Мамонтовскомъ

*) «Россія», 27 іюня 1900 г.
**) «М. Вѣд.», 3 іюля 1900 г.

процессѣ сидѣлъ русскій Фаустъ, создававшій жизнь на необитаемомъ островѣ—Россіи, полководецъ, сражавшійся въ интересахъ отечества. Остается опредѣлить, какіе подвиги онъ совершилъ, въ какихъ сраженіяхъ участвовалъ. Увы, эти подвиги были очень не сложны и эти сраженія едва-ли сильно увеличили славу русскаго имени. Мамонтовъ судился всего лишь за растрату чужихъ денегъ.

Обстоятельства этой растраты въ высшей степени просты. Унаслѣдовавъ отъ отца большое состояніе и значительную долю паевъ московско-ярославской желѣзной дороги, С. И. Мамонтовъ много лѣтъ стоялъ во главѣ правленія этой дороги и успѣшно велъ ея дѣла, пользуясь полнымъ довѣріемъ акціонеровъ. Правленіе дороги безсмѣнно состояло изъ самого Мамонтова, двухъ его сыновей, его брата и близкаго друга семьи Мамонтова К. Д. Арцыбушева. Не довольствуясь дѣлами дороги, Мамонтовъ пріобрѣлъ еще Невскій механическій заводъ, образовавъ для этого общество на паяхъ, въ которое, кромѣ него самого, вошли два его брата и племянникъ. Затѣмъ тѣ же лица пріобрѣли восточно-сибирскіе заводы, образовавъ „общество восточно-сибирскихъ чугунно плавильныхъ заводовъ“ съ акціонернымъ капиталомъ въ 3.000.000 р., Пріобрѣтенные заводы были плохи и требовали значительныхъ затратъ на оборудованіе, собственныхъ средствъ у Мамонтовыхъ не хватило и началось „оживленіе промышленности“ на чужія деньги. Правленіе московско-архангельской дороги, состоявшее изъ Мамонтовыхъ и Арцыбушева, выдавало правленію Невскаго завода, состоявшему изъ тѣхъ же Мамонтовыхъ, деньги въ видѣ авансовъ подъ заказы, и всего такимъ путемъ изъ кассы дороги въ кассу завода было передано около 9.000.000 р., причемъ не малая часть этихъ денегъ разошлась и на личныя нужды директоровъ завода. Позднѣе Мамонтовы - директора завода перевели долгъ его дорогѣ на себя, а Мамонтовы-директора дороги согласились на это и приняли отъ себя самихъ въ обезпеченіе этого долга паи Невскаго завода на 6 м. р., сосчитавъ ихъ за сумму, въ три раза превышавшую ихъ биржевую стоимость. Весь разсчетъ этихъ операцій былъ построенъ на той надеждѣ, что акціонерной компаніи московско-архангельской дороги будетъ дано право на постройку желѣзной дороги Вятка - Петербургъ, и тогда Невскій заводъ, получивъ большіе заказы на паровозы, поправитъ свои дѣла и отработаетъ долгъ. Но средствъ Мамонтова не хватило до этого момента. Кредитъ его рухнулъ, правительственная ревизія дѣлъ московско - архангельской дороги выяснила ихъ запутанность и противоуставность многихъ операцій правленія, и новое правленіе, образовавшееся за отказомъ отъ должностей стараго, выяснивъ состояніе своей кассы, отдало Мамонтовыхъ и Арцыбушева подъ судъ за умышленную растрату денегъ акціонеровъ.

На судѣ обвиняемые, признавая себя виновными въ растратѣ, упорно отрицали, однако, ея умышленность. Прокурора это обстоя-

тельство повергло въ изумленіе. „Передъ вами—обращался онъ къ присяжнымъ засѣдателямъ—сидятъ подсудимые: это люди опытные, правоспособные, убѣленные сѣдинами, лишь Сергѣй и Всеволодъ Мамонтовы молоды, но во всякомъ случаѣ не дѣти, и всѣ эти опытные люди дѣла, съ перваго же момента появленія ихъ на скамьѣ подсудимыхъ, заявили, что дѣйствительно они растратили огромныя деньги, но рѣшительно безъ злого умысла... Можно убить подъ вліяніемъ гнѣва, можно изъ мести поджечь домъ, можно, наконецъ, по ошибкѣ положить чужой бумажникъ въ свой карманъ, но растрачивать очень долгое время и каждый день довѣренные вамъ крупные капиталы,—я такого „неумышленнаго" преступленія, признаюсь, не встрѣчалъ до сихъ поръ и понять его не могу" *). Въ свою очередь обвиняемые едва-ли поняли недоумѣніе прокурора. По крайней мѣрѣ, С. И. Мамонтовъ на вопросъ о виновности, какъ передаетъ одна изъ наиболѣе сочувствующихъ ему газетъ, „громко и твердымъ голосомъ" заявилъ, что онъ „ссужалъ средствами московско-архангельской желѣзной дороги предпріятія, которыми былъ заинтересованъ, какъ полезными для государства", и не имѣлъ ни умысла нанести вредъ дорогѣ, ни корыстныхъ цѣлей **). Выяснился, между прочимъ, на судѣ и такой любопытный инцидентъ. Когда Мамонтовъ увидѣлъ, что его дѣла окончательно запутались, онъ поручилъ Н. Г. Михайловскому-Гарину просить для него помощи у министра финансовъ, и министръ вынужденъ былъ объяснить просителю, что „расходовать народныя деньги" на поддержку зарвавшихся промышленниковъ не приходится. И Мамонтовъ, и его друзья были убѣждены въ противномъ, совершенно искренно, повидимому, отожествляя интересы своихъ коммерческихъ предпріятій съ интересами государства и народа.

На той же точкѣ зрѣнія стояла въ сущности и защита подсудимыхъ. Защитниками въ дѣлѣ Мамонтовыхъ выступили исключительно адвокаты, успѣвшіе уже заявить себя въ судебныхъ состязаніяхъ, въ томъ числѣ два признанныя свѣтила современной адвокатуры—г. Плевако и г. Карабчевскій. Собралъ ихъ вокругъ этого дѣла, надо думать, исключительно его идейный интересъ: по крайней мѣрѣ, г. Плевако патетически заявлялъ, что С. И. Мамонтовъ—„нищій", а г. Карабчевскій съ неменьшимъ паѳосомъ повторялъ то же самое относительно г. Арцыбушева. И нужно отдать справедливость защитникамъ этихъ нищихъ,—они приложили всѣ усилія къ тому, чтобы доказать, что растрата чужихъ денегъ — поступокъ, настоятельно требуемый и семейными, и гражданскими добродѣтелями. „Въ этомъ дѣлѣ преступники—особенные", восклицалъ молодой помощникъ присяжнаго повѣреннаго Маклаковъ.

*) «Н. Вр.», 30 іюня 1900 г.
**) «Россія», 24 іюня, 1900 г.

Молодые Мамонтовы участвовали въ растратахъ и покрывали дѣйствія отца. Но, спрашивалъ прис. пов. Багриновскій, „было-ли бы нравственно, еслибы они отступились отъ старѣющаго, хватающагося за голову отца?“ Самъ С. И. Мамонтовъ выросъ въ рѣчахъ защитниковъ въ величественную фигуру историческаго дѣятеля. „Смерть унесетъ его жизнь, — пророчествовалъ прис. пов. Шубинскій,—но имя его останется въ русской исторіи. Въ ея памяти останется фигура его, со взоромъ, обращеннымъ къ сѣверу, странѣ холода и ночи, въ которой онъ хотѣлъ возродить жизнь, равную Норвегіи“ *). И всѣ эти цвѣты краснорѣчія разсыпались по тому простому поводу, что московско-ярославская дорога была достроена до Архангельска, причемъ не слышно было, чтобы способъ ея постройки сопровождался особыми благодѣяніями для населенія. Но наиболѣе искуснымъ бардомъ современной промышленной эпопеи явился г. Плевако. Въ свой гимнъ въ честь сомнительныхъ коммерческихъ операцій онъ ловко вплелъ націоналистическіе мотивы. По его словамъ, дѣятельность Мамонтова была „одухотворена идеей общественной пользы, успѣха и славы русскаго дѣла“. Онъ былъ „художникъ-предприниматель“, „дѣлецъ съ художественными замыслами, съ широкими идеалами“, такъ какъ онъ любилъ музыку и тратилъ десятки тысячъ на одинъ частный театръ. Если онъ бралъ заводы, то потому, что хотѣлъ оставить ихъ въ русскихъ рукахъ и тѣмъ послужить государству; если тратилъ на эти заводы чужія деньги, то потому опять же, что заводы были ему дороги своимъ національнымъ и государственнымъ значеніемъ. Словомъ, Мамонтовъ былъ рыцаремъ русскаго промышленнаго капитализма и палъ въ борьбѣ за его интересы, благодаря коварству иностранцевъ-капиталистовъ. Въ этомъ и заключался веденный имъ „бой въ интересахъ отечества“, за который его долженъ помянуть добромъ русскій народъ.

Какъ извѣстно, судъ присяжныхъ призналъ совершенную подсудимыми растрату, но отвергъ съ ихъ стороны умыселъ. Этого можно было ожидать. Дѣйствія Мамонтовыхъ въ свое время одобрялись акціонерами, которые могли бы и сами внимательнѣе слѣдить за своими интересами, вмѣсто того, чтобы одобрять злоупотребленія, пока послѣднія были имъ выгодны. До суда Мамонтовы къ тому же были подвергнуты предварительному заключенію и, слѣдовательно, понесли уже нѣкоторое наказаніе. Наконецъ, на судѣ не разъ дѣлались неясные намеки на другихъ виновныхъ, какихъ-то „генераловъ не у дѣлъ“, по выраженію г. Плевако, которые покровительствовали Мамонтову, но не фигурировали на скамьѣ подсудимыхъ. Со стороны присяжныхъ естественно было принять все это во вниманіе и освободить подсудимыхъ отъ уголовной отвѣтственности. Но условное

*) «Сѣв. Кур.», 4 іюля 1900 г.

оправданіе судомъ героевъ процесса частью общества и печати было немедленно превращено въ безусловное ихъ оправданіе, даже больше того, въ своего рода торжество. „Это было не просто оправданіе—писалъ одинъ изъ публицистовъ новѣйшей формаціи, г. Дорошевичъ.—Это былъ тріумфъ. Публику охватилъ восторгъ. Публика горячо жала руки подсудимымъ, защитникамъ, присяжнымъ. С. И. Мамонтовъ сошелъ со скамьи подсудимыхъ въ почтительно разступившуюся передъ нимъ толпу, какъ побѣдитель, какъ герой“ *). „Честь и доброе имя истинно русскаго дѣятеля С. И. Мамонтова и всей его семьи,—восклицала какая-то изъ московскихъ газетъ—реабилитированы“ **). Не слишкомъ ли ужь много цвѣтовъ разсыпается на пути Мамонтова?

Самъ Мамонтовъ, конечно, этого не думаетъ. Его на судѣ, да, вѣроятно, и до суда, очень ужь настойчиво убѣждали въ томъ, что онъ рыцарь русской промышленности, и немудрено, если онъ повѣрилъ этому. Люди, подобные занимавшимъ скамью подсудимыхъ въ только что закончившемся процессѣ, такъ привыкли „оживлять промышленность“, настолько пріучены видѣть въ этомъ „оживленіи“ весь смыслъ и все содержаніе государственной и частной дѣятельности, что для нихъ остается непонятной вся неприглядность ихъ подвиговъ и они искренно претендуютъ на имя „истинно русскихъ дѣятелей“, благодарность современниковъ и помощь государства. Не даромъ, по сообщенію того же г. Дорошевича, Мамонтовъ на обращенныя къ нему поздравленія отвѣтилъ: „теперь я воспрянулъ духомъ и вновь буду такимъ же, какимъ былъ раньше“ ***). Положимъ, Мамонтовъ „такимъ-же“ уже не будетъ, но будутъ „такими же“ другіе. Насъ, однако, интересуютъ, главнымъ образомъ, не Мамонтовы, и даже не ихъ защитники, а та часть общества и печати, которая славословитъ ихъ. „Тріумфъ истинно русскаго дѣятеля“, безнаказанно растратившаго чужія деньги,—тріумфъ, какъ будто, нѣсколько и обидный для русскаг оимени. Неужели Мамонтовъ, дѣйствительно, русскій Фаустъ? Нѣмецкій Фаустъ, помнится, обстраивалъ свой островъ, не заглядывая въ чужія кассы и не прося у министра финансовъ ссудъ изъ народныхъ денегъ. И пусть Мамонтовы будутъ борцами русскаго капитализма,—но неужели наша исторія на рубежѣ XX столѣтія занесетъ ихъ имена на свои скрижали, какъ имена героевъ?

---

*) «Россія», 5 іюля 1900 г.

**) Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 3 іюля 1900 г.

***) «Россія» 1 іюля 1900 г.

Редакторы-Издатели: { *Вл. Г. Короленко.* *Н. К. Михайловскій.*

ГАЗЕТЫ,

ВЫРАЗИВШІЯ ЖЕЛАНІЕ НА ВЗАИМНЫЙ ОБМѢНЪ ИЗДАНІЯМИ И ОБЪЯВЛЕНІЯМИ

на 1900 г.

въ г. *Астрахани:*

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *В. И. Склабинскій.* На годъ 7 р. 50 к., на $^1/_2$ года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

въ г. *Асхабадѣ:*

„АСХАБАДЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *З. Д. Джавровъ.* На годъ 7 р., на $^1/_2$ года 4 р., на мѣс. 1 р. 50 к.

въ г. *Баку:*

„КАСПІЙ“ (ежедневно). На годъ 8 р. 50 к., на $^1/_2$ года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к.; за границу на годъ 13 р., на $^1/_2$ года 7 р.

въ г. *Благовѣщенскѣ:*

„АМУРСКІЙ КРАЙ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Г. И. Клитчогло.* На годъ 9 р., на $^1/_2$ года 5 р., на мѣс. 1 руб.

въ г. *Вильнѣ:*

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. Бывалькевичъ.* На годъ 8 р., на $^1/_2$ года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

„СѢВЕРО-ЗАПАДНОЕ СЛОВО“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Г. Е. Клочковскій.* На годъ 8 р., на $^1/_2$ года 4 р. 50 к., на мѣс. 1 р.

въ г. *Владивостокѣ:*

„ВЛАДИВОСТОКЪ“ (разъ въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Н. В. Ремезовъ.* На годъ 11 р. 50 к., на $^1/_2$ года 7 р., на 3 мѣс. 4 р.

„ВОСТОЧНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ (четыре раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *В. Сущинскій.* На годъ 9 р., на $^1/_2$ года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 50 к.

ВЪ Г. *Владикавказѣ:*

„КАЗБЕКЪ“ (ежедневно). Издатель *С. І. Казаровъ.* На годъ 7 р., на $^1/_2$ года 4 р.

ВЪ Г. *Воронежѣ:*

„ДОНЪ“ (еждневно). Редакторъ-издатель *В. Веселовскій.* На годъ 7 р., на $^1/_2$ 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

ВЪ Г. *Екатеринославѣ:*

„ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ“ (ежедневно). Редакторъ *В. В. Святловскій.* Издатель *М. С. Копыловъ.* На годъ 12 р., на $^1/_2$ года 6 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 40 к.; за границу на годъ 23 р., на $^1/_2$ года р. 12 р., на 1 мѣс. 2 р. 50 к.

„ДНѢПРОВСКАЯ МОЛВА“ (разъ въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Н. В. Быковъ.* На годъ 5 р., на $^1/_2$ года 2 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 25 к.

ВЪ Г. *Екатеринбургѣ:*

„УРАЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. И. Пѣвинъ.* На годъ 5 р., $^1/_2$ года 3 р., на 1 мѣс. 75 к.

ВЪ Г. *Иркутскѣ:*

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *И. И. Поповъ.* На годъ 9 р., на $^1/_2$ года 5 р., на 1 мѣс. 1 р.

ВЪ Г. *Казани:*

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Издательница *Л. П. Рейнгардтъ.* Редакторъ *Н. В. Рейнгардтъ.* На годъ 9 р., на $^1/_2$ года 5 р., на 1 мѣс. 1 р.

ВЪ Г. *Карсѣ:*

„КАРСЪ“. Редакторъ *А. Островскій.* На годъ 3 р.

ВЪ Г. *Кишеневѣ:*

„БЕССАРАБЕЦЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. Крушеванъ.* На годъ 9 р., на $^1/_2$ года 5 р., на мѣс. 3 р.

ВЪ Г. *Красноярскѣ:*

„ЕНИСЕЙ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Е. Ф. Кудрявцевъ.* На годъ 7 р., на $^1/_2$ года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Костромѣ:*

„КОСТРОМСКОЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издательница *Т. П. Андроникова.* На годъ 4 р. 20 к., на $^1/_2$ года 2 р. 20 к., на 1 мѣс. 50 к.

въ г. *Самарѣ:*

„САМАРСКАЯ ГАЗЕТА“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. И. Костеринъ.* На годъ 7 р., на $^1/_2$ года 3 р., 50 к., на 1 мѣс. 70 к.

въ г. *Самаркандѣ:*

„ЗАКАСПІЙСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Н. М. Федоровъ.* На годъ 8 р., на $^1/_2$ года 5 р.

въ г. *Саратовѣ:*

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ *П. О. Лебедевъ.* Издатели: *П. О. Лебедевъ* и *И. П. Горизонтовъ.* На годъ 8 р., на $^1/_2$ года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к.

въ г. *Симбирскѣ:*

„СИМБИРСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть (два раза въ недѣлю). Редакторъ *Д. А. Горчаковъ.* На годъ 3 р., на $^1/_2$ года 1 р. 75 к.

въ г. *Севастополѣ:*

„КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. М. Спиро.* На годъ 8 р., на $^1/_2$ года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

въ г. *Смоленскѣ:*

„СМОЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ *В. В. Гулевичъ.* Издательница *Ю. П. Азанчевская.* На годъ 6 р.

въ губ. г. *Ставрополѣ:*

„СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ“ (три раза въ недѣлю). На годъ 5 р. 50 к., на $^1/_2$ года 3 р., на 3 мѣс. 1 р. 75 к.

въ г. *Таганрогѣ:*

„ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ *М. М. Красновъ.* Издатели наслѣдники *Миронова.* На годъ 7 р., на $^1/_2$ года 4 р., на 1 мѣс. 85 к.

№ 141-го Полевого Госпиталя

Тифлисъ:

„ТИФЛИССКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Х. Г. Хачатуровъ*. На годъ 7 р., на $^1/_2$ года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р.

Тобольскъ:

„СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (два раза въ недѣлю). На годъ 5 р., на $^1/_2$ года 2 р. 75 к., на 3 мѣс. 1 р. 50 к.

въ г. *Курскъ:*

„КУРСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть (ежедневно). За редактора *С. П. Корниловъ*. На годъ 4 р., на $^1/_2$ года 2 р., на 3 мѣс. 1 р. 50 к.

въ губ. г. *Минскъ:*

„МИНСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *И. Фотинскій*. На годъ 4 р., на $^1/_2$ года 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к.

въ г. *Нижнемъ-Новгородѣ:*

„НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-*Г. Н. Казачковъ*. На годъ 7 р., на $^1/_2$ года 4 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

„ВОЛГАРЬ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. И. Жуковъ*. На годъ 8 р., на $^1/_2$ года 5 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Орлѣ*:

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *А. Аристовъ*. На годъ 7 р., на $^1/_2$ года 4 р., на 1 мѣс. 90 к.

въ г. *Перми:*

„ПЕРМСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть (ежедневно). Редакторъ *Функъ*. На годъ 7 р., на $^1/_2$ года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Петербургѣ:*

„ВРАЧЪ“. Редакторъ *В. А. Манассеинъ*. Издательница *О. А. Риккеръ*. На годъ 9 р., на $^1/_2$ года 4 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. 25 к. Адресъ: Невскій пр., 14.

въ г. *Петрозаводскѣ:*

„ОЛОНЕЦКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть. Редакторъ *С. А. Левитскій*. На годъ 5 р., на $^1/_2$ года 3 р.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.